РОССИЯ
ЗАБЫТАЯ И НЕИЗВЕСТНАЯ

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ДЕЯТЕЛИ
И ПОЛКОВОДЦЫ

А. В. ШИШОВ

ЗНАМЕНИТЫЕ ИНОСТРАНЦЫ НА СЛУЖБЕ РОССИИ

РОССИЯ
ЗАБЫТАЯ И НЕИЗВЕСТНАЯ

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ДЕЯТЕЛИ
И ПОЛКОВОДЦЫ

А.В. ШИШОВ

ЗНАМЕНИТЫЕ ИНОСТРАНЦЫ НА СЛУЖБЕ РОССИИ

Москва
ЦЕНТРПОЛИГРАФ
2001

ББК 63.3(2)47-8
Ш55

Под общей редакцией предводителя
Российского Дворянского Собрания
князя А.К. Голицына

Авторы проекта:
Валентина Алексеевна БЛАГОВО
Сергей Алексеевич САПОЖНИКОВ

Художественное оформление
художника И.А. Озерова

Шишов А.В.

Ш55 Знаменитые иностранцы на службе России. — М.: ЗАО Изд-во Центрполиграф, 2001. — 619 с.

ISBN 5-227-01446-9

Книга рассказывает о жизни и деятельности 21 знаменитого иностранца, действовавшего на исторической сцене России с конца XVIII до середины XIX века. Одни лишь промелькнули в нашей истории, удивив только блеском своих имен, — другие, и их большинство, нашли в России свою вторую Родину и отдали ей все свои таланты, знания и силы. Среди последних такие выдающиеся личности российской и европейской истории, как Гордон, Лефорт, Брюс, Беринг, Ласси, Миних, Грейг, Гейден, Дерибас, Ланжерон, герцог Вюртемберский и др.

Почти все они, за малыми исключениями, в советское время были преданы забвению.

Книга восстанавливает историческую справедливость и помогает современному читателю вспомнить и зримо представить себе личности этих незаурядных полководцев, флотоводцев, дипломатов, министров, из деятельности которых можно извлечь еще много полезных уроков.

Книга адресована массовому читателю.

ББК 63.3(2)47-8

© А.В. Шишов, 2001
© Художественное оформление серии,
ЗАО «Издательство «Центрполиграф», 2001
ISBN 5-227-01446-9 © ЗАО «Издательство «Центрполиграф», 2001

ОТ АВТОРА

История государства Российского хранит в себе немало имен иностранцев, нашедших для себя в России второе Отечество. Искатели воинской славы и богатства, высоких воинских званий и титулов, почестей и наград, они в своем большинстве верой и правдой служили Императорскому дому Романовых и России. Со времени правления Царя Алексея Михайловича Московия притягивала к себе служилых иноземцев чуть ли не со всей Европы.

Среди них — шотландцы и немцы, французы и англичане, испанцы и американцы, датчане и ирландцы, сербы и греки, швейцарцы и итальянцы, шведы и хорваты... С их именами и участием связаны многие победы русского оружия в антинаполеоновских войнах, войнах против Турции и Персии, Швеции и Пруссии, покорение Кавказа, морские виктории, подавление польских и венгерского восстаний.

На страницах этой книги читателя ждет встреча с 21 персонажем, действовавшим на исторической сцене России с конца XVII до середины XIX века.

Одни лишь промелькнули в нашей истории, удивив только блеском своих имен, другие — оставили глубокий след своими деяниями и благодарную память потомков. К первой группе отнесем таких прославившихся в Европе, но не прижившихся в России фельдмаршалов, как Кроа де Крои, Огильвия, Брольо и Сапегу, принцев Шаумбургского и Нассау-Зигена. Во второй же, более многочисленной группе мы увидим тех, кто нашел в России свое второе Отечество, отдал все свои знания и таланты и кого язык не поворачивается считать нерусскими: это птенцы гнезда Петрова Гордон, Лефорт, Брюс, герой обороны Полтавы Келин, открыва-

тель новых земель и морей Беринг, полководцы Ласси, Миних, Винцингероде, флотоводцы Грейг, Гейден, Белли, устроители юга России Дерибас и Ланжерон, министры Канкрин и герцог Вюртембергский.

Подавляющее большинство из иностранцев на российской военной службе — полководцев и флотоводцев, боевых генералов и адмиралов, генерал-губернаторов, членов Государственного совета — в послеоктябрьский период XX столетия были забыты напрочь. Однако их личный вклад в победы русской армии и флота на протяжении двух веков, начиная с эпохи Петра I Великого, сохраняя верность исторической правде, не следует предавать забвению.

Алексей Шишов,
военный историк и писатель

РОССИЯ
ЗАБЫТАЯ И НЕИЗВЕСТНАЯ
ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ДЕЯТЕЛИ
И ПОЛКОВОДЦЫ

ЗНАМЕНИТЫЕ ИНОСТРАНЦЫ НА СЛУЖБЕ РОССИИ

ШОТЛАНДСКИЙ НАСТАВНИК ПЕТРА ВЕЛИКОГО

Генерал Патрик Гордон

Среди учителей и наставников русского Царя, юного Петра Алексеевича Романова — основателя Российской империи — непременно звучит имя генерала Патрика Гордона, которого уважительно величали в Московии Петром Ивановичем. Именно он был первым и главным военным советником Петра I, когда тот еще только становился на многотрудный путь государственных преобразований, создавая регулярную армию и военно-морской флот, начиная «прорубать окно в Европу» через турецкую крепость Азов, запиравшую выход из Дона в море.

Генерал-шотландец Патрик Гордон служил честно и «беспорочно» государству Российскому в течение почти сорока лет — сперва Царю Алексею Михайловичу Тишайшему, затем его детям — царям Федору, Ивану и Петру, царевне Софье. Как говорится, по заслугам была и честь наемному иноземцу. Свидетелем тому стала ранней весной 1699 года первопрестольная Москва.

Столь необычно пышных похорон столица России давно не видала. В траурной процессии шли три солдатских полка с приспущенными знаменами и пушками. За ними следовал всадник в черных латах, держа обнаженный меч острием книзу. Семь армейских офицеров несли на черных бархатных подушках с серебряными галунами шарф, золотые шпоры, перчатки, шпагу, шлем, панцирь, щит и жезл покойного. 28 полковников попеременно несли гроб, обитый красным бархатом и покрытый черной шелковой тканью. Далее шли послы и посланники иностранных государств, 24 русских боярина и все российские генералы, строго по старшинству, соблюдая молчание.

Царь Петр I в темном платье со скорбным выражением лица шагал впереди траурной процессии, с первой ротой Преображенского полка. Звучали военные трубы, медленно били барабаны. По пути тысячи горожан, иноземцы обнажали головы... Москва провожала в последний путь государева любимца, генерала Петра Ивановича Гордона, «немца» из шотландцев...

ЛАНДСКНЕХТ-НАЕМНИК ИЗ ДРЕВНЕГО РОДА ГОРНОЙ ШОТЛАНДИИ

Патрик Леопольд Гордон родился 21 марта 1635 года в епископате Кронден (Крохден) графства Эберденшир (Абердин) в Северной Шотландии. Он был сыном Джона Гордона и Мэри Огильви, наследников и владельцев поместья в Эйлухристе. Семья относилась к числу мелкопоместного дворянства.

Гордоны принадлежали к младшей ветви одного из могущественнейших кланов Шотландии, убежденных католиков. Впоследствии представители этого рода за особую верность королевской власти удостоились герцогского титула. Патрик Гордон гордился своей древней родословной, заметно приумножив славу клановой фамилии.

Детские годы будущего российского полководца протекали в обстановке буржуазной революции и гражданской войны в Англии. Для католического семейства Гордонов эти события явились бурными и трагичными. Апогеем тех лет стало свержение монархии и казнь короля Карла I, а затем установление диктатуры Оливера Кромвеля. После победы английской революции семья Патрика Гордона, как и многие убежденные сторонники монархии, лишилась всего своего имущества и была вынуждена покинуть Шотландию.

Ярая приверженность Гордонов католицизму и династии Стюартов не позволяла юноше надеяться на военную карьеру у себя на родине. Более того, по законам того времени он, как младший сын, не мог рассчитывать и на отцовское имение в случае его возврата. Патрику Гордону пришлось самому выбирать себе жизненный путь, и он сумел его найти вдали от Шотландии.

В семнадцать лет юный дворянин становится эмигрантом и отправляется в Германию. Сначала он поступил в Браунсбергскую иезуитскую коллегию, где пробыл около двух лет. Но затворническая жизнь оказалась ему не по душе, и он убежал оттуда, имея семь монет в кармане и мешок с книгами в руках. Шотландца влекла военная карьера в роли наемного иноземца.

Военным человеком Патрик Гордон стал в 1653 году, подобно другим младшим отпрыскам шотландских дворян. В немецком городе Гамбурге он завербовался рядовым кавалеристом в войско шведского короля Карла X, пополнив ряды конного полка принца Адольфа-Иоганна Баварского. Он быстро выдвинулся благодаря своим недюжинным способностям и вскоре получил первый офицерский чин королевской армии Швеции.

В середине XVII века войны в Европе шли непрерывной чередой. Шведская армия вторгается в Польшу, офицер-кавалерист Патрик Гордон принимает участие во многих боях. Однако военное счастье бывает переменчивым и для храбрых вояк. В декабре 1655 года, в первый год шведско-польской войны, молодой кавалерийский офицер попадает в плен к полякам. По обычаям той эпохи он переходит на службу к противнику и теперь сражается против шведов.

Гордон успел отличиться и в рядах польской кавалерии, состоя в драгунском полку князя Любомирского. Спустя год следует обратный плен и возобновление службы в шведской королевской армии. 1659 год Гордон встречал опять в польском плену и вторично вступил служить под польские знамена.

С того времени, воюя на польской земле, шотландец Патрик Гордон стал вести свой знаменитый «Дневник», скрупулезно описывая происходившие с ним и вокруг него события. Первые строки этого уникального эпистолярного памятника российской истории звучат как авторское слово потомкам, будущим читателям:

«Мне не безызвестно, что для человека написать историю своей жизни или изобразить события, в которых он сам принимал участие, считается делом столь же трудным, как для художника нарисовать свой собственный портрет. Но так как я поставил перед собой цель написать только дневник без каких-либо комментариев случившегося... я полагаю, что сделать это будет не так уж трудно, особенно если иметь в виду, что дневник не предназначается для вынесения на общественное мнение. Вместе с тем для других (если кто-либо захочет прочитать его) представляется полная свобода суждения о всем, что в нем написано. Все, что здесь написано — так, как понимаю это я, пустые слухи остаются для меня слухами, а правда правдой.

Одни события, главным образом военного значения (государственных дел я касаюсь меньше, так как они не входили в сферу моей деятельности), я излагаю в строгой последовательности, другие наряду с фактами из моей собственной жизни; но во всех случаях я говорю о событиях, хорошо мне известных, в большинстве из которых я участвовал и наблюдал их сам. На вопрос о том, почему я написал этот дневник, я не скажу вам больше, как для удовлетворения своего собственного любопытства, не заботясь об одобрении со стороны других, так как мне известно, что удовлетворить всех с давних пор считается делом невозможным. *Патрик Л. Гордон».*

«Дневник» позволяет с удивительной исторической достоверностью рассказать о жизни этого человека и воспроизвести все те события в Российском государстве, свидетелем которых он оказался почти за сорок лет.

Служилый иноземец в русской армии, которую на основе «регулярства» начал создавать царь Алексей Михайлович, а завершил его сын Царь Петр Алексеевич, фактически почти всю свою жизнь отдал служению российскому престолу, династии Романовых. Патрик Гордон был старейшиной среди иностранных офицеров на русской службе во второй половине XVII столетия. Он сумел добиться высот видного военачальника, внесшего немалый вклад в дело строительства регулярных вооруженных сил петровского царства.

Гордон многим отличался от обычного типа европейского наемника. Ему, судя по записям в «Дневнике», претило само поведение иностранных наемников, служивших в шведской и польской армиях. Шесть лет он вел жизнь наемного ландскнехта: сражения чередовались с грабежами мирного населения. Автор «Дневника» словно оправдывался за это перед потомками, собственноручно написав: «Воины, не получая ни гроша от правительства, вынуждены были промышлять подобным образом...»

Патрик Гордон выгодно отличался от подобных ему наемников своей ученостью. Иезуиты научили его латыни и привили любовь к книгам. Он читал многих античных классиков, приобретал книги по военному делу и искусству, географии и истории, следил за новой литературой. Из его «Дневника» видно, что он интересовался ходом военных действий в различных европейских странах, их политической и «бытовой» историей. Начав военную карьеру в малых чинах, он самостоятельно приобрел обширные знания по инженерному делу и артиллерии и смог в

дальнейшем, уже в генеральских чинах, успешно командовать крупными воинскими соединениями.

Наш иноземец к моменту своего появления в Москве имел богатую библиотеку по самым различным сторонам человеческой деятельности, и прежде всего он собирал книги о войне. Юный Царь Петр I постоянно пользовался гордоновской библиотекой, а ее хозяин умело направлял читательские желания Государя, которому он со своими четырьмя сыновьями служил верой и правдой.

НА СЛУЖБЕ У ЦАРЯ АЛЕКСЕЯ МИХАЙЛОВИЧА

История перехода офицера-наемника польской армии на русскую службу любопытна. Но для той эпохи каким-то исключением она быть просто не могла.

В 1660 году Патрику Гордону впервые пришлось вступить в бой с русскими войсками: польский кавалерийский полк, в котором служил шотландец, принимал участие в «делах» у Любар и Чудново. У каждой из сторон были пленные, и когда вскоре начались переговоры об их обмене, то в переговорах принял участие и Гордон.

Во время переговоров о передаче военнопленных российский дипломатический представитель в Польше Леонтий Неплюев и «служилый иноземец» драгунский полковник шотландец Д. Кроуфорд, попавший в плен к полякам при Чуднове, уговорили Патрика Гордона перейти на русскую службу. Или, иначе говоря, просто перевербовали его.

Едва ли не самым убедительным доводом Неплюева и Кроуфорда было то, что к тому времени в Москве служило немало иностранных офицеров «из англицкой земли», роялистов-католиков. То есть тех изгнанников с Британских островов, к которым сословно и по вероисповеданию принадлежал шотландец. Он согласился наняться в русскую армию и заключил контракт на трехлетний срок. Летом 1661 года Гордон оставил службу у поляков.

У него была хорошая возможность вернуться на родину, в Шотландию, — в Британии произошла реставрация династии Стюартов. Однако Патрик Леопольд Гордон решил искать счастья в России. К тому времени он, служа попеременно то в шведской, то в польской армиях, сумел сколотить приличное состояние и в Москву приехал, имея 600 червонцев — иностранных

золотых монет (дукатов, цехинов), обращавшихся в допетровской России, — и четырех слуг.

Патрик Гордон не был одинок в своем решении перейти на русскую военную службу. В тот год в Россию прибыло из Польши много офицеров из числа иностранцев. В дневниковых записях Приказа тайных дел имеется упоминание о смотре, «учиненном» Царем Алексеем Михайловичем в 1661 году «нововъезжим иноземным начальным людям» (то есть офицерам). В их числе был и Патрик Гордон, прибывший в Москву 2 сентября 1661 года к новому месту службы.

Двадцатишестилетний воин получил чин майора в полку своего земляка Д. Кроуфорда. Сохранилась челобитная грамота, датированная 7 сентября того же года, в которой майор Патрик Гордон и поручик Гамильтон просят выдать им «кормовые деньги за въезд на российскую службу». Став офицером в третьей за свою пока еще короткую жизнь армии, шотландец поселился в Немецкой слободе на Яузе, которая была в ту пору пригородом первопрестольной русской столицы.

Устроиться на офицерскую службу в России являлось делом не из простых. «Охочие иноземцы» проходили через целую систему проверок, показывая свои знания придирчивым экзаменаторам. Патрик Гордон успешно выдержал такое испытание перед самим начальником Иноземного приказа — тестем Царя боярином И.Д. Милославским — и заслужил похвалу последнего.

В первые дни пребывания в Москве шотландца поразил обычай вознаграждать «подачкой» приказных дьяков для разрешения любого служебного вопроса. При найме на службу царское правительство обещало дать Гордону 25 рублей и на такую же сумму соболей и тканей. Однако дьяки Иноземного приказа задерживали их выдачу, ожидая подношения. Новоиспеченный майор возмутился такими порядками, грозя расторгнуть контракт, но боярин Милославский уговорил его остаться на русской службе. В шведской и польской армиях наемникам могли не платить жалованье даже на войне.

Приезд Патрика Гордона в Россию совпал с резким обесцениванием медных денег, которыми русское правительство выплачивало жалованье служилым иноземцам. Такое положение вызвало сразу же резкое недовольство не только одного Гордона службой русскому Царю. Майор даже стал подумывать о досрочном увольнении и выезде из России, но сделать это ему не удалось.

Освоившись с российской действительностью, шотландец смирился и с этим. Лишь при принятии присяги, требовавшей пожизненной службы российскому самодержцу, Гордон заявил решительный протест, ссылаясь на трехлетний срок заключенного контракта. По всей видимости, начальство Иноземного приказа уже сумело по достоинству оценить способности майора. По достигнутому компромиссу Патрик Гордон поклялся верой и правдой служить московскому престолу до конца русско-польской войны — то есть до очередного промежуточного «замирения» воюющих сторон.

Свое боевое крещение майор Патрик Гордон на службе Государю Московии прошел не на поле брани с поляками. Летом 1662 года он деятельно участвует в подавлении «медного бунта» в Москве, вызванного обострением процесса инфляции медных денег. Выступление «черного люда», подступившего к Кремлю, удалось тогда подавить только вооруженной рукой стрельцов и иноземных наемников.

В Москве Гордон довольно быстро приобрел широкий круг знакомых. Скованность была чужда его характеру, и он сразу находил путь сближения с самыми разными людьми. Поражают его энергия, работоспособность и трудолюбие. На фоне других иноземных офицеров шотландец выглядел предпочтительнее.

Он проходил службу в драгунском полку «нового строя», обучая конных солдат европейскому строю, стрельбе из ружей, владению палашом, несению караульной службы, воинской дисциплине, пониманию различных команд. Полковник Д. Кроуфорд мог быть вполне доволен исполнительным и инициативным помощником, не раз отмечая в приказах деятельного офицера.

Наряду с исполнением прямых обязанностей в полку, Патрик Гордон ведет обширную деловую и частную переписку, не считая подробных, почти ежедневных записей в «Дневнике». Иногда он писал по пятнадцать писем в день, имея постоянную связь с родственниками и близкими ему людьми, в большинстве своем шотландцами по происхождению, разбросанными ветром истории по всей Европе.

Драгунскому офицеру оказалась не чужда и деловая хватка. Патрик Гордон, как и многие иноземцы на русской службе, активно занимался коммерческими операциями, проявив практический ум и расчетливость. Таких людей в Немецкой слободе уважали.

Оказавшись на русской службе, которая давала хорошую перспективу для служебного роста, Гордон решил устроить личную жизнь. Женившись на тринадцатилетней дочери полковника Будкевена (или Буксгевдена), он укрепил свое положение, ибо российский царский двор не жаловал холостых служилых иностранцев.

Благодаря покровительству царского тестя боярина И.Д. Милославского Патрик Гордон довольно споро продвигался по службе. Вскоре ему пришлось повоевать с поляками в составе своего драгунского полка. Он получает чин подполковника. А в 1664 году, когда Д. Кроуфорд производится в генерал-майоры, Гордон становится полковником с окладом 30 рублей и получает в командование этот полк.

В августе 1665 года, получив известие о смерти своего старшего брата Джона, наследовавшего отцовское имение в Шотландии, полковник Патрик Гордон ходатайствует перед Иноземным приказом об отпуске на Британские острова для разрешения наследственных дел.

Ходатайство об отпуске совпало с обострением русско-английских отношений. Царское правительство в свое время прервало дипломатические связи с «цареубийцей» Оливером Кромвелем и лишило английских купцов их привилегий. Но и после реставрации династии Стюартов отношения между двумя государствами продолжали оставаться натянутыми. После неудачного посольства в Москву графа Ч. Карлейля (в 1663—1664 гг.) и более чем холодного приема, оказанного в Лондоне русским посланникам Дашкову и Шипулину, межгосударственные отношения в 1665 году совсем разладились. Обращение нового английского короля Карла II о продаже «корабельных запасов», поступившее в марте 1666 года, вызвало некоторое замешательство в Посольском приказе.

Зная, что отказ Москвы от торговли с Англией, хотя и мотивированный свирепствовавшим в Европе «моровым поветрием», вызовет в Лондоне самую негативную реакцию, которая неизбежно отразится на русском после, Посольский приказ выбрал в качестве царского посла-гонца «служилого иноземца» Патрика Гордона. Тем более, что он сам ходатайствовал об отъезде в Англию по семейным обстоятельствам. Миссия его оказалась деликатного свойства: он должен был заверить короля Карла II в доброжелательном отношении к нему царя и воспользоваться многочисленными, в том числе и родственными, связями в Лондоне, чтобы справиться с довольно щекотливым дипломатическим поручением. После четырехмесячного пребывания в Англии и получения ответа от Карла II в июне 1667 года Гордон вернулся в Москву.

Посольский приказ и царские ближние бояре остались неудовлетворенными результатами посольской миссии, и Гордону не возместили средств, истраченных в ходе поездки на Британские острова. Служилый иноземец подвергается царской опале, которая выразилась в удалении его на несколько лет из столицы.

Вскоре после возвращения из Англии Патрик Гордон со своим драгунским полком направляется в Малороссию для участия в подавлении восстания запорожских казаков. Проявленные при этом полковым командиром «мужество, ловкость и благоразумие» побудили Царя Алексея Михайловича не отпускать Гордона с Украины и иметь его там «постоянно наготове».

С 1670-го по 1677 год служба полковника Патрика Гордона в основном проходила в гарнизоне города Севска в Северской земле, отошедшей к России по Андрусовскому перемирию с Польшей в 1667 году.

Как гласят документы Разрядного приказа, в Севске Гордон командовал полком «комарицких драгун».

ЗАЩИТА ЧИГИРИНСКОЙ КРЕПОСТИ

Служебная карьера Петра Ивановича Гордона резко пошла в гору с началом русско-турецкой войны 1677—1681 годов. Тогда он стал деятельным участником Чигиринских походов русского войска в 1677—1678 годах. В ходе войны он проявил себя как военачальник и инженер-фортификатор, укреплявший порубежную Чигиринскую крепость.

С 1676 года Российское государство вступает в открытое столкновение с Крымским ханством и Оттоманской Портой в борьбе за Правобережную Украину. Когда летом 1677 года в Москве стало известно о движении турецкой армии к Днепру, воеводе князю Григорию Ромодановскому, стоявшему с полками в Курске, последовал категорический указ нового Царя Федора Алексеевича: «Итти за Днепр к Чигирину!» В походе принял участие и Севский драгунский полк полковника Патрика Гордона.

Подошедшая первой к Чигирину турецкая армия под командованием султанского полководца Ибрагима-паши осадила крепость. Ее гарнизоном командовал «комендант генерал-майор Афанасий Трауернихт, иностранец, принявший православную веру». Гарнизон Чигирина состоял из стрельцов и украинских казаков. Последние решительно отвергли призывы «гетмана» Юрия Хмельницкого, сына Богдана Хмельницкого, оказавшегося на турецкой службе, сдать город-крепость.

Осада Чигиринской крепости затянулась. Турецкая армия не смогла ее взять, хотя бомбардировками были разрушены многие городские укрепления. Защитники Чигирина успешно оборонялись, нанеся османам большие потери в людях. Ибрагим-паша был вынужден снять осаду и с армией уйти восвояси. К этому его побудило прибытие на правый берег Днепра царского войска под начальством князя Ромодановского и полков украинского казачества гетмана Ивана Самойловича.

В начале следующего 1678 года стало известно о новом походе турецкой армии на пограничную Чигиринскую крепость. К этому времени полковник Патрик Гордон уже находился там и руководил строительством новых оборонительных сооружений. Такое поручение он получает от Царя Федора Алексеевича, став помощником нового коменданта крепости воеводы Ивана Ржевского.

Назначение в Чигирин стало для шотландца еще одним повышением по службе. В январе 1678 года полковник П. Гордон по царскому повелению командует уже целым воинским отрядом, в который вошел наряду с Севским драгунским полком еще и стрелецкий полк в тысячу человек.

Гордон прибыл в Чигирин с войсками, направленными на усиление крепостного гарнизона — пятью стрелецкими «приказами» и своим кавалерийским полком. Первоначально он исполнял обязанности военного инженера, с первых дней взяв на себя руководство земляными фортификационными работами. Однако к началу осады строительные работы на валах и бастионах завершить не удалось, несмотря на помощь местных казаков.

Численность гарнизона Чигирина, чьи укрепления состояли из «замка» и «нижнего города», состояла из 12 599 человек, в том числе 776 гордоновских драгун. Разнокалиберных пушек насчитывалось менее ста, боеприпасов к ним было мало, особенно бомб. Многие из орудий оказались неисправны. Потеря каждой пушки

становилась для осажденных невосполнимой потерей. Запасы продовольствия также оказались недостаточными.

Верховный визирь Мустафа-паша привел к Чигирину 20 отрядов (каждый из которых насчитывал по 3 тысячи солдат), сорок «орт» янычар, численностью от 100 до 300 человек каждая, войска господарей Молдавии и Валахии (15 тысяч воинов), 7 тысяч сербов, 3 тысячи албанцев. Почти 100-тысячная армия османского султана подступила к Чигирину. Кроме того, 50 тысяч всадников привел крымский хан.

Турецкая армия подошла к Чигирину с сильной артиллерией: 25 больших осадных орудий, 25 крупнокалиберных мортир, 80 полковых пушек и 12 медных гранатных пушек. Мустафа-паша имел опытных инженеров, специалистов в минной войне. Защитников порубежной крепости ожидала трудная осада.

Воевода И.И. Ржевский распределил стрелецкие и казачьи полки по линии крепостной обороны. На каждую ее сажень приходилось от двух до пяти человек. К каждой пушке приставили по семь человек ратных людей. Даже в условиях начавшейся осады продолжались работы над неоконченными укреплениями.

Осада Чигиринской крепости быстро приняла ожесточенный характер, с постоянными бомбардировками и приступами большими силами турецкой пехоты. Осажденные отвечали пушечной стрельбой, отбивали вражеские штурмы, сами совершали дерзкие вылазки.

6 июля полковник Патрик Гордон руководил отражением сильного нападения турок на один из участков крепости. Османы взорвали под крепостными укреплениями два мощных пороховых заряда и попытались приступом прорваться в город через образовавшийся пролом в крепостном валу, сооруженном из бревен и земли. Атаки отражались пальбой из ружей и картечными выстрелами. Жаркий бой длился четыре часа. Турок отбили с большим для них уроном. Гордон отметил в своем «Дневнике», что в тот день в замок и город попало 954 ядра и 328 бомб.

Днем 3 августа царский наместник воевода Иван Ржевский, умелый и бесстрашный руководитель обороны, спешивший в старый замок к тому месту, где неприятель взорвал очередной подземный минный заряд, был убит осколком вражеской бомбы. Гарнизон крепости остался без испытанного коменданта.

Вечером к Петру Ивановичу Гордону явились полковые командиры и офицеры гарнизона. Они просили его, как самого опыт-

ного военачальника среди защитников Чигирина, принять на себя главное командование обороной крепости от султанской армии. Выслушав их, царский полковник сказал депутации, что их доверие считает для себя высокой честью.

Той же ночью из вражеского стана в город перебежал один христианин. Он рассказал, что утром произошло сражение между русскими войсками и турецким авангардом близ Днепра. Османы потеряли много людей убитыми и плененными, пушек и повозок. Несмотря на это, великий визирь Мустафа-паша приказал готовиться к генеральному штурму крепости, а в случае же его неудачи — отступить в свои пределы.

Зная силу турецкой армии, полковник Патрик Гордон послал к воеводам царских войск, стоявших у Днепра, вестника с сообщением о готовящемся приступе и состоянии осажденного гарнизона. В тот день в город и замок попало, как скрупулезно записано в «Дневнике», 973 ядра и 225 бомб. Неприятель настойчиво разрушал чигиринские укрепления и обескровливал защитников крепости.

Этот день, пожалуй, стал переломным в обороне Чигирина. Заметно уменьшившийся численно гарнизон измучили непрерывные бомбардировки (были дни, когда на город обрушивалось более тысячи ядер и сотни бомб!), минная война, частые яростные приступы. В крепостных валах и стенах зияли многочисленные проломы, которые солдаты и казаки уже не успевали по ночам заделывать.

Оказалось, что почти 100-тысячная султанская армия Мустафы-паши и конное войско крымского хана имели достаточно сил, чтобы и сражаться с царской армией боярина Григория Ромодановского, и штурмовать стены Чигирина. Более того, неприятель готовился к генеральному штурму крепости, противостоять которому защитники города уже не могли. За счет переброски гарнизонных отрядов из одной части Чигирина в другую локальные приступы в местах взрывов подземных мин успешно отражались. Но на оборону всей крепостной ограды необходимых сил у осажденных уже давно не набиралось.

Осажденные надеялись на помощь войска Ромодановского и казачьих полков Самойловича. Появление их под стенами крепости ждали день ото дня. В такой атмосфере бесплодного ожидания стал падать моральный настрой людей, боевой дух гарнизона. Немаловажную роль в этом сыграла и гибель воеводы И.И. Ржевского, который пользовался у офицеров, солдат и казаков большим доверием и личным авторитетом. В этом отношении с ним не мог, конечно, сравниться «служивый иноземец» Гордон.

Войска воеводы Григория Ромодановского и гетмана Ивана Самойловича, перейдя на правый берег Днепра, расположились близ переправы на Буджинских полях. Здесь и произошло крупное сражение, в котором турки и крымская конница потерпели поражение. Русские и казачьи полки стали преследовать разбитого неприятеля и подошли к мостам через реку Тясьмин, на противоположном берегу которой стоял Чигирин. Но османы успели поджечь мосты.

Перед самой своей гибелью воевода Ржевский через пробравшегося в крепость стрельца передал боярину Ромодановскому «достоверные вести» — гарнизон успешно обороняется, часто делает вылазки и много турок «побил». Все же полководец царского войска отправил в Чигирин подкрепление — 1330 солдат, 409 стрельцов и две с половиной тысячи казаков. Они проникли под покровом темноты в осажденный город уже тогда, когда во главе гарнизона встал полковник Патрик Гордон. Ромодановский и Самойлович сочли, что новый комендант сумеет правильно распорядиться этой силой.

Русская армия и украинское казачество стояли против султанских войск, будучи разделенными лишь небольшой рекой. Форсирование ее на виду османов неизбежно привело бы к большим потерям. Великий визирь Мустафа-паша мог обрушиться со всем своим 100-тысячным войском и крымской конницей на авангард противника, если бы он решился переправиться через Тясьмин. Поэтому стороны выжидали, не решаясь завязать новую битву в поле.

8 августа к боярину и воеводе Григорию Ромодановскому приехал в лагерь у реки Тясьмин «с царским похвальным словом» стольник Афанасий Хрущов. От имени Государя было приказано оборонять Чигирин, оказывать всяческую помощь «осадным людям», но указания на полевое, генеральное сражение с турецкой армией воевода не получил. Московские власти выслали ему подкрепление.

Связь с крепостным гарнизоном поддерживалась без особых хлопот через реку, которая протекала под самыми крепостными стенами. Люди на плотах (которые затем шли на дрова) переправлялись в город, привозя с собой в небольшом числе провиант

и боевые припасы. Однако о доставке орудий даже средних калибров не было и речи. Действующих же, неповрежденных пушек в крепости становилось все меньше и меньше.

Видимо, Григорий Ромодановский был не очень доволен действиями чигиринского гарнизона. 9 августа он направил в крепость отряд генерал-майора Франца Вульфа, чтобы тот убедил полковника Гордона предпринять большую вылазку и разрушить турецкие шанцы, вплотную приблизившиеся к стенам «нижнего города». Вылазка оказалась не самой удачной. Удалось взять два шанца и захватить три турецкие осадные пушки, которые, однако, янычары успели отбить у нападавших.

Турецкие осадные орудия простреливали осажденную крепость насквозь. Гордон, предвидя скорый генеральный штурм, просил новые подкрепления. Но воевода Ромодановский видел, что большое скопление войск в Чигирине неизменно вело и к росту потерь людей. Царский полководец просчитался в главном — он переоценил способность гарнизона к дальнейшей обороне крепости.

Чигиринский комендант не знал покоя ни днем ни ночью. 4 августа Гордон, объезжавший линию укреплений, заметил, что турки увозят из траншеи четыре самые большие свои пушки. Ночью турки укрепили занимаемые позиции у левого края пролома, сделали бойницы для мушкетов и прикрыли их мешками с шерстью и землей. Теперь они стреляли в осажденных, не опасаясь ответной пальбы.

Утром осажденные обнаружили неприятельский подкоп у пролома. По приказанию Гордона на подкоп была брошена большая бомба, от взрыва которой свод в подземной минной галерее обрушился, завалив работавших там турок.

Под вечер войска Ромодановского приблизились к Чигирину и разбили на противоположном речном берегу походный лагерь — на виду у крепости. Царский воевода к вечеру прислал в замок к Гордону драгунский полк под начальством полковника Юнгмана, чтобы восполнить потери гарнизона.

Патрик Гордон попытался проявить частную инициативу по дальнейшему противостоянию туркам. 5 августа он отправил боярину-воеводе подробное донесение о ситуации, которая сложилась вокруг осажденной крепости. Комендант предлагал перенести походный лагерь к самому городу, навести на реке Тясьмин мосты ниже и выше Чигирина и напасть на вражеский осадный

лагерь. Или, по крайней мере, сделать вид, что на него готовится атака.

Григорий Ромодановский не имел «царского слова» на новую генеральную битву с османами, как на Буджинских полях. Он отправил к Гордону новые подкрепления — шестерых полковников с 2500 солдатами и 800 стрельцов. В тот день после обеда турки взорвали часть крепостного вала и предприняли сильный приступ, который был с трудом отбит.

Обеспокоенный Гордон приказал немедленно заделать пролом. Солдаты, стрельцы и казаки под вражеским пушечным огнем начали земляные работы. Восстанавливать разрушенные укрепления становилось все труднее — не было бревен, землекопы могли трудиться только по ночам, охраняемые выдвинутыми вперед сторожевыми дозорами.

Полковник Гордон собрал военный совет и предложил сделать сильную вылазку сразу из трех мест, на рассвете, чтобы помешать неприятелю вести осадные работы. В состав каждой группы отряжалось по тысяче человек. Турки словно предчувствовали такой ход осажденных и хорошо укрепились в своих траншеях, которые находились против ворот крепости. Комендант крепости, воочию убедившись в этом, приказал уменьшить число солдат для вылазки вдвое. Она не дала желаемого результата, поскольку турецкие пехотинцы из своих окопов теперь простреливали крепостной ров.

Турки все чаще стали взрывать подземные мины, стремясь разрушить чигиринские укрепления. 7 августа они взорвали мину у городского вала и вновь попытались прорваться через проделанный пролом в крепостной ограде. Державшим здесь оборону казакам удалось отразить приступ. Но уже через час была взорвана другая, более мощная подземная мина — уже под стенами замка.

Немедленно прибывший к месту взрыва Патрик Гордон увидел, что здесь весь вал оставлен защитниками Чигирина и занят янычарами. Комендант приказал полковнику Кровкову (Кравкову) во главе солдатского полка контратаковать торжествующего неприятеля. С большим трудом янычар удалось сбросить с вала.

Воевода князь Григорий Ромодановский продолжал считать, что крепостной гарнизон беспрерывными вылазками способен заметно ослабить турецкую армию. Боярин не слишком доверял тревожным донесениям «служилого иноземца» и прислал к нему собственного «инспектора». Его-то и постарался убедить полков-

ник Гордон в невозможности сильных вылазок, которые каждый раз дорого обходились осажденному гарнизону.

«8-го боярин прислал, — писал в своем «Дневнике» шотландец от третьего лица, — доверенного стрелецкого полковника Семена Грибоедова осведомиться о состоянии крепости. Гордон повел его и показал ему все. Полковник настаивал на необходимости сделать вылазку. Гордон показал ему невозможность этого, а чтобы бояре не подумали чего-нибудь другого, попросил полковника посмотреть на попытку сделать вылазку, приказал 150 выборным солдатам приготовиться. Несколько офицеров с 25—30 довольно решительно двинулись вперед и нанесли значительное поражение туркам в их траншеях, остальных же никаким образом нельзя было уговорить выступить из рва. Из всего этого полковник убедился, что путем вылазок ничего не может быть сделано...»

Перебежавший из-за реки в русский лагерь молодой поляк сообщил, что верховный визирь Мустафа-паша не отказался от генерального штурма Чигирина, хотя большинство султанских военачальников стояло за снятие осады. Сигналом для начала общего штурма крепости должны были послужить новые удачные взрывы подземных мин, которые должны будут сделать большие проломы.

10 августа турки взорвали три подземные галереи. В первом случае Гордон сумел быстро разместить на ретраншементе большое число солдат с распущенными знаменами — подступившие к ним вражеские пехотинцы не рискнули броситься в рукопашный бой. В других случаях комендант приказал установить в образовавшихся проломах короткоствольные пушки, стрелявшие картечью. По атакующим туркам был открыт и частый ружейный огонь, и они отступили, унося с собой убитых, «которых было довольно много».

Ромодановский попытался провести атаку турецких войск, засевших в осадных траншеях, одновременными ударами из-за реки и из крепости. 10 августа отряд генерал-майора Вульфа перешел реку Тясьмин по мельничной плотине и пошел в рукопашный бой. Вражеские дозоры оказались бдительны, и движение 15 тысяч русского войска оказалось замеченным еще в самом начале. Когда первые солдатские роты подбежали к неприятельским траншеям, оттуда раздались ружейные залпы и полетели ручные гранаты. Атака захлебнулась.

Гордон к началу атаки отряда генерал-майора Вульфа держал в готовности 1200 отборных солдат. Видя неудачу, он не стал выводить из крепости вылазочный отряд, чем заслужил большое неудовольствие воеводы Ромодановского.

ШТУРМ ТУРЕЦКОЙ АРМИЕЙ ЧИГИРИНА. КОНЕЦ ВОЙНЫ

За час до рассвета 11 августа боярин Григорий Ромодановский прислал к чигиринскому коменданту конного дворянина с известием, что он узнал от дезертира, будто великий визирь отправил крымского хана с его конницей к Днепру, а сам решился на новый штурм.

Сообщение дезертира, бежавшего из султанской армии, оказалось не ложным. Около часа дня под городским валом была взорвана мина, проделавшая в нем огромный пролом, оказавшийся очень удобным для штурмующих. Турки, водрузив на валу три знамени и зажегши деревянный бруствер, огромными толпами ворвались в Чигирин. На его улочках завязались ожесточенные рукопашные схватки, в которых нападающие стали брать верх над защитниками крепости.

Полковник Патрик Гордон взял руководство боем на себя. Вот как он описывает в своем «Дневнике» события того дня:

«Между тем пришло известие, что они взяли город. Гордон отправил в город на помощь Курский и Озерский полки, а из казаков Сумский и Ахтырский. Настигнув турок, прежде чем они достигли базарной площади, полки эти обратили их в бегство; одни из них, зажегши остальную часть города, бежали в пролом, другие вдоль вала и реки. Между тем христиане преследовали турок довольно беспорядочно, да их было и немного, вследствие этого турки, получив подкрепление, легко обратили их в бегство. Множество турок, выступив из лагеря и траншей, преследовало христиан и рубило все, что только попадалось, больше же всего казаков. С русской стороны было убито 2 майора, 1 лейтенант и около 600 рядовых, частью русских, частью казаков.

Турки дошли до самых ворот у моста, которые были так набиты бежавшими солдатами, что многие были задавленными. Так как мост был узок и проломан, то многие погибли в реке и болоте.

Уже раньше турки зажгли бруствер вала, теперь же они зажгли остальную часть города и, двигаясь вдоль вала у реки, завладели бастионами и больверками.

Между тем солдаты, посланные Гордоном для стычек с врагом, вступили в те переулки, где огонь не был особенно силен, значительно побили турок, так как последние были рассеяны по разным местам и заняты грабежом, и отогнали их к базарной площади. Здесь турки оказали сопротивление и вынудили христиан отступить; но последние, получив подкрепление, вновь обратили в бегство врага, таким образом, одна сторона отгоняла другую попеременно в течение полутора часов.

В то время турки, чтобы разъединить силы русских, сделали одновременно в нескольких местах мужественные нападения на валы замка. Турки зажгли деревянный вал замка. Так как вал был очень сух, то огонь настолько сильно распространился, что спасти вал было уже нельзя.

Между тем бояре, зная через гонцов, в каком положении находятся осажденные, выступили с армией и послали на помощь несколько полков, которые, однако, вследствие большого расстояния не могли прибыть вовремя.

Гордон велел поставить русские знамена на ворота и вал в той части, которой еще владели русские. Заметив это, полки начали, хоть и медленно, приближаться. Когда они вышли из долины к песчаным холмам, турецкая кавалерия, подкрепленная пехотой, вступила с ними в стычки. Они, оказывая сопротивление туркам, отклонились от дороги.

Гордон посылал гонца за гонцом, чтобы они спешили с помощью, указывая им на величайшую опасность, в которой находились осажденные, так как офицеры и солдаты совершенно упали духом, а замок со стороны города очень ветх и не будет в состоянии держаться, если турки не будут прогнаны из города. Ни этот гонец, ни другие, посланные Гордоном, не привозили никакого ответа; было только приказание 3 полкам двигаться для защиты ворот.

В 6 часов к воротам прибыли три стрелецких полка и напали на траншеи, которые турки устроили внизу у холма, но, встреченные из них несколькими залпами, они повернули назад.

Так как наступил вечер, Гордон вернулся в замок, собрал полковников русских и казацких полков и отдал приказ каждому быть на своем посту, грозя в противном случае немилостью Царя...»

Этот отрывок из гордоновского «Дневника» показывает, насколько упорное сопротивление встретили турки, ворвавшиеся в городские кварталы Чигирина. К вечеру в «нижнем городе» защитники крепости удерживали только отдельные дома и бастионы, но целиком он был уже потерян.

В замке, наиболее укрепленной части крепости, собрались остатки разных солдатских и казачьих полков, которые перемешались между собой и уже не представляли собой организованной силы. Везде пылали пожары, горели амбары с хлебом и военными припасами, остатки деревянных крепостных укреплений. Огонь подбирался к пороховым погребам.

Схватки в Чигиринской крепости продолжались всю ночь. Отдельные военачальники старались спасти положение. Так, чигиринский полковник и голова Карпов отбил турок от мельницы, что стояла против городских ворот. Он и сообщил боярину Ромодановскому, что по мельничной плотине можно свободно попасть в город. В него были немедленно посланы из лагеря генерал-майор Кровков с солдатским полком и стрелецкий голова Карандеев со своим «приказом». Полковник Гордон даже не знал об этом.

Без ведома коменданта начали покидать горевший город отдельные части гарнизона, воспользовавшись тем, что солдаты Матвея Кровкова заняли и удерживали от нападавших турок мельничную плотину. Таким образом из «нижнего города» за реку ушло немало разрозненных групп солдат, стрельцов и казаков. Турки, которые бросались в преследование отступавших, отбивались русскими на позиции у городской мельницы.

На исходе ночи в русский лагерь пришел из Чигирина дьяк Василий Минитин и некий «полковник с ратными людьми». Они вышли из города по тайникам и «городовым подлазам» к реке Тясьмин, пробились к мельничной плотине и ушли на другой берег. Сколько их было — неизвестно, потому что «они шли не строем и сметы (списка) у них ратным людям не было».

Защитники замка отбивали одну за другой атаку турок, стремившихся ночью овладеть последними русскими позициями в Чигирине. Гордон один за другим — сперва устный, затем письменный — получает приказы воеводы Григория Григорьевича Ромодановского оставить город. Было ясно, что крепость не удержать. Патрик Гордон пишет:

«В третьем часу ночи Гордон получил письменный приказ бояр через барабанщика полковника Карандеева; тот получил

его у ворот от адъютанта. Приказ гласил следующее: Гордон должен выступить из замка, захватить, что можно, наиболее легкие орудия, а те, которых нельзя будет увезти, зарыть, укрепления разрушить, амуницию уничтожить, а главное — поджечь порох».

В полном порядке отступить по мельничной плотине удалось только части гарнизонных полков во главе с комендантом. Нахлынувшие толпы турок перерезали этот спасительный путь для последних защитников крепости. Многие «ратные люди» пытались спастись вплавь и тонули. Турецкая артиллерия, всю ночь ведшая огонь, перенесла его с замка на поле за рекой.

Патрик Гордон, покидая замок, сумел приготовить ликовавшим туркам весьма неприятный, хорошо подготовленный минерами сюрприз: «Произошел взрыв порохового магазина, причем, как узнали позднее, было убито более 4000 турок». Прогремевший в замке мощный взрыв на какое-то время парализовал турецкие войска, взявшие Чигирин штурмом. Их натиск на защитников мельничной плотины ослаб.

Солдаты генерала Матвея Кровкова и стрельцы головы Александра Карандеева мужественно прикрыли отступавший крепостной гарнизон от устремившейся было в погоню турецкой кавалерии. Полковник Патрик Гордон привел в лагерь воеводы Григория Ромодановского не толпу беглецов, а полки, пусть и сильно поредевшие, но с оружием и знаменами, увозя с собой легкие орудия, гарнизонную казну и часть полковых запасов.

Это дало право Петру Ивановичу Гордону сказать в «Дневнике»: «Так был защищен и потерян Чигирин; он был оставлен, но не покорен!»

У Царя Федора Алексеевича и Боярской думы не оказалось больших претензий к последнему коменданту Чигиринской крепости, учитывая его личное бесстрашие и умение руководить обороной города.

После оставления Чигирина воевода Ромодановский стал отводить войска к переправам через Днепр. Полки построились в одно громадное каре, окруженное несколькими рядами возов. Кавалерия спешилась, чтобы в случае нападения неприятеля помогать пехоте отбиваться. Турецкая и крымская конница преследовала отступавших до самого Днепра.

Остатки чигиринского гарнизона составляли одну из сторон этого каре. Теперь Патрику Гордону довелось познакомиться и с

действиями легкой степной конницы. В будущем, во время Азовских и Крымских походов, это сослужит хорошую службу.

На берегах Днепра, в ночь на 20 августа, османы, свернув свой походный лагерь, ушли к Чигирину. Через неделю высланные в поле разведывательные дозоры принесли весть: разрушенный Чигирин пуст, султанская армия Мустафы-паши вместе с крымской конницей ушла на юг. Турки держали путь по степи к берегам реки Южный Буг, хан — к Перекопу, в Крым.

5 сентября 1678 года полки Григория Ромодановского, переправившись на левый берег Днепра, двинулись к городу Сумы, а казаки гетмана Ивана Самойловича — в Переяславль. Полковник Патрик Гордон убывает в Москву, где его ждет новое назначение.

КИЕВСКИЙ КОМЕНДАНТ. В ОПАЛЕ У ПРАВИТЕЛЬНИЦЫ СОФЬИ

За службу в Чигирине в должности крепостного инженера и коменданта Патрика Леопольда Гордона 20 августа 1678 года жалуют званием генерал-майора русской армии. В сентябре того же года войска распускаются по домам. «Служилого иноземца» отправляют в Киев, в то время пограничный город — до Польши было рукой подать. Там начинали сооружать оборонительные укрепления.

В Киев Гордон приезжает не один, а с семьей. Возведение городской крепости шло ни шатко ни валко. Служба в тогда заштатном городе новоиспеченному генерал-майору пришлась явно не по душе. В Киеве Гордоны пробыли восемь лет, до 1686 года, скучая по московской Немецкой слободе. В Москве Патрику Гордону теперь приходилось бывать только изредка.

Но за время пребывания в Киеве и посещений столицы по вызову начальства Иноземного приказа начала писаться новая глава гордоновской биографии. Во-первых, укрепился его авторитет как искусного военачальника и военного инженера. Во-вторых, шотландец завязывает близкую дружбу с выходцем из швейцарского города Женевы майором Францем Лефортом, который приходился ему родственником по линии жены. Через некоторое время Лефорт станет ближайшим другом и соратником юного Царя Петра I Алексеевича.

На рубеже 70-х и 80-х годов московское правительство проводит значительное сокращение русской армии, с содержанием ко-

торой государственная казна просто не справлялась. Многие иностранные офицеры получают увольнение от службы — прежде всего те, кто не смог проявить себя в России.

Недовольный службой в Киеве, Патрик Гордон неоднократно хлопотал о своем увольнении. Высокое жалованье, занятие коммерческой деятельностью сделали его достаточно состоятельным человеком. Теперь он мог вести спокойную жизнь отставного военачальника, поселившись в Шотландии, в бывшем отцовском имении.

Однако, учитывая его знания и опыт, царские бояре не спешили удовлетворить просьбу героя Чигиринской обороны. Более того, они оставляют его на государевой военной службе вопреки собственному желанию «служилого иноземца». По описи Иноземного приказа 1681—1682 годов на русской военной службе находилось всего 383 иностранца, но только один Патрик Гордон имел генеральский чин. Со всеми остальными генералами-наемниками Москве пришлось распрощаться, поскольку свои воеводы справлялись с командованием войсками лучше «дорогостоящих» иноземцев.

Судьба хранила Патрика Гордона, которого теперь все чаще величают Петром Ивановичем. Можно отнести к счастливой случайности его отсутствие в Москве весной 1682 года во время стрелецкого восстания. Тогда 15 мая жертвой стрельцов стали воевода князь Г.Г. Ромодановский и несколько иноземных офицеров. Их обвинили во многих «неправдах», учиненных и во время Чигиринских походов.

Дело в том, что неуклонное стремление Патрика Гордона, особенно на посту коменданта Чигиринской крепости, к поддержанию строгой воинской дисциплины и порядка в полках вызывало резкое недовольство у подчиненных ему людей, особенно стрельцов. Это, вне всякого сомнения, могло сыграть для Патрика Гордона трагическую роль во время Стрелецкого бунта в столице.

Как ни рвался генерал-майор Гордон из Киева, устраивать крепость в нем пришлось именно ему. Строительство различных фортификационных сооружений требовало от него бурной деятельности. Казна отпускала на возведение Киевской крепости мало денег, поэтому Гордону приходилось постоянно и настойчиво обращаться в Разрядный приказ с «росписями, что надобно в Киев к ратному делу». К тому же на него возложили, помимо инженерных, еще и обязанности городского коменданта.

В 1864 году «служилый иноземец» генеральского чина вновь приезжает в Москву, чтобы хлопотать о своем переводе в столицу. Там он сблизился с князем В.В. Голицыным, фактическим главой русского правительства при царевне-правительнице Софье Алексеевне, будучи ее фаворитом. Василий Васильевич Голицын — или как его называли иностранцы — «царский галант» — смог по достоинству оценить наемного шотландца, стал ему благоволить, установив дружественные отношения.

Киевский комендант по поручению князя В.В. Голицына составляет обстоятельную докладную записку о необходимости скорейшего заключения мира с Польшей, создания прочного союза с императором Священной Римской империи Леопольдом. В этой записке генерал-майор Гордон изложил свои соображения о войне с Турцией, выдвинув идею обязательного завоевания Крымского ханства как «ядовитого и проклятого гнезда». В отношении Крыма Гордон проявил большую прозорливость, считая овладение им важнейшей стратегической целью России при продвижении ее границ на юг.

В то же время пятидесятилетний генерал, прослуживший на царской военной службе уже более двадцати лет, неоднократно ходатайствовал об увольнении со службы и возвращении в родную Шотландию. Но русское правительство неизменно отвечало ему отказом. Только в 1686 году Патрику Гордону разрешили убыть в короткий отпуск на Британские острова. Условия поездки генерала на родину были таковы: в Киеве должны были остаться его жена и дети.

Возвратившись из Шотландии, Патрик Гордон вновь подал прошение об отставке. Очередная челобитная киевского коменданта вызвала раздражение у Боярской думы. В ответ князь Василий Голицын пригрозил «служилому иноземцу» опалой и ссылкой в Сибирь. Недовольство правящих верхов усилилось еще больше, когда с ходатайством за отставку Гордона в Москву обратился сам новый английский король Яков II.

Фаворит правительницы Софьи князь Василий Голицын, чтобы «поставить на место» настойчивого шотландца, перешел от угроз к делу. Генерал-майора Петра Ивановича Гордона разжаловали в младшие офицеры — в поручики. В этом звании он начинал офицерскую карьеру сразу в двух европейских армиях — шведской и польской.

Патрику Гордону пришлось призадуматься над своей дальнейшей судьбой, поскольку с русской военной службы его не отпус-

кали и в звании простого поручика. Он берет назад прошение об отставке, успокоив тем самым ответственных за Иноземный приказ бояр.

В это же время в Москву приходит вторая королевская грамота Якова II, которая уведомляла русское правительство, что генерал П.Л. Гордон назначается чрезвычайным послом Англии при московском дворе. Дело с отставкой шотландца и его понижением в воинском звании принимало дипломатический оборот. Боярская дума, которая не хотела обострений в отношениях с Англией, торговля с которой успешно развивалась, заволновалась.

Учитывая то, что Гордон забрал назад челобитную об отставке с русской военной службы, царевна Софья повелела простить Гордона и возвратить ему генеральский чин. Шотландцу официально объявили, что Цари Петр и Иван Алексеевичи «всемилостивейше прощают его и оставляют в прежней должности».

Что же касается назначения генерал-майора русской службы Петра Ивановича Гордона послом английского короля Якова II в Московии, то и здесь бояре нашли выход. Царевна Софья по их совету повелела «послом не принимать, а служить ему, Гордону, в большой армии против турок».

Крайне позорный для человека военного инцидент с разжалованием генерала в младший офицерский чин настроил старого служаку Патрика Гордона против царевны Софьи и князя Василия Голицына. Придет время, и боевой, авторитетный военачальник откажет им в поддержке, когда резко обострится борьба за власть в Кремлевском дворце.

ПЕРВЫЙ КРЫМСКИЙ ПОХОД. КОМАНДИР БУТЫРСКОГО ПОЛКА

О предстоящем походе против Крымского ханства было объявлено в сентябре 1686 года. Всем «ратным людям» приказывалось готовиться и ждать Высочайшего указа о выступлении на сборные пункты. В октябре состоялось назначение воевод в полки. Главнокомандующим стал князь В.В. Голицын с громким титулом «Большого полка дворового воеводы, царственные большие и государственных великих оберегателя и наместника Новгородского». В «товарищах» у него оказались воеводы

А.С. Шеин, князь В.Д. Долгоруков и окольничий Л.Р. Неплюев. Получил приказание выступить в поход и генерал-майор Патрик Гордон.

Русская армия состояла из Большого полка и четырех разрядных полков: Севского, Низового (Казанского), Новгородского и Рязанского. Согласно разрядной записи, в Крымский поход должно было отправиться 112 902 ратника. Однако «ратные люди» собирались очень медленно, много оказалось «нетчиков» — не явившихся на царскую службу. Гордон в своем «Дневнике» называет совсем иную цифру армии князя Василия Голицына: 40 тысяч конницы и 20 тысяч пехоты, не считая казачьих полков, которые присоединились к главным силам позднее.

Генерал-майору Патрику Гордону в первом Крымском походе 1687 года было поручено ведать материальным обеспечением войск. После длительного и мучительного перехода по безлюдной степи русская армия вышла на дальние подступы к Крыму. Лето выдалось жаркое, сухое, не хватало воды, корма для коней. Много времени уходило на речные переправы.

В середине июля крымский хан решился на крайнюю, отчаянную меру. Он приказал поджечь степь перед наступавшей русской армией, остановить которую ханская конница оказалась не в состоянии.

Полководец царевны Софьи принимает вынужденное решение возвратиться назад. В августе полки «ратных людей» были распущены по домам — до следующего лета. Так неудачно завершился первый Крымский поход 1687 года.

Правительница Софья Алексеевна постаралась наградить многих участников неудачного похода на Крым. Князь Василий Голицын был пожалован золотой медалью и цепью для ее ношения на шее стоимостью в 300 червонцев. Всем боярам дали медали по 9 червонцев.

Не обошли стороной и Гордона. Царевна Софья и ее ближайшее окружение явно старались «приручить» единственного в то время иноземного генерала в России, человека весьма авторитетного среди нескольких сотен иностранных офицеров на русской службе. В 1687 году его производят в полные генералы с правом писаться с отчеством. Теперь он во всех официальных документах пишется как Петр Иванович Гордон.

В первом Крымском походе генерал П.И. Гордон формально командовал несколькими солдатскими полками, однако ему не

удалось сыграть заметной роли, и потому за поход царевна Софья наградила скромно — золотой медалью в 5 червонцев.

О скромности полученной Гордоном награды за Крымский поход говорит само распределение раздаваемых от имени правительницы медалей. «Каждый генерал получил золотую медаль с изображением обоих царей с одной стороны и царевны с другой стороны для ношения на золотой цепи, из которых следовало каждую оценить в десять червонцев; каждый полковник получил по медали, но без цепи, ценою в червонец; каждый подполковник и майор — медали в полчервонца и каждый солдат и стрелец — золотую копейку».

В период между первым и вторым Крымскими походами генерал Петр Иванович Гордон, заслуженный военачальник, пожилой человек, имеющий большую семью, наконец-то вновь поселился в столичной Немецкой слободе, расположенной на реке Яузе. Служба комендантом города Киева осталась позади. Для жены и детей Гордона возвращение на жительство в столицу стало большой радостью.

В это время и состоялось личное, близкое знакомство Патрика Гордона с юным русским Царем Петром I Алексеевичем. Российский Государь впервые посетил дом «служилого иноземца» 17 сентября 1688 года и с тех пор стал его частым гостем.

Петр I тянулся к Патрику Гордону в силу многих причин. В это время он начал формировать собственное войско из «потешных», которые в скором времени составят два гвардейских полка — Семеновский и Преображенский. Шотландец с первой встречи с Царем сумел поразить его воображение своей эрудицией во многих областях человеческого знания, прежде всего в военном деле, артиллерии, фортификации. Гордон прекрасно знал военную историю Европы и обладал огромной для того времени библиотекой. Петр Великий, жадный до знаний, пользовался ею длительное время.

Незаметно Патрик Гордон стал военным наставником российского самодержца — последнего русского Царя и первого всероссийского Императора. Длительные и обстоятельные беседы с боевым генералом, чьи седины не могли скрыть роскошные парики, послужили для Петра Алексеевича своеобразной военной академией. Книжные знания лишь дополнили петровскую «науку побеждать» теоретически.

Генерал Петр Иванович Гордон по должности, возвратясь в Москву, был командиром Бутырского выборного солдатского полка, впоследствии получившего его имя. Одновременно он занимался «попечением» в воинском обучении солдат 1-го Московского выборного полка. Эти полки вместе со стрелецкими составляли основу столичного гарнизона. Бутырцы часто несли караульную службу в Кремле.

Бутырский полк во время командования им генералом Гордоном стал одним из лучших в русской армии, заметно превосходя по ратной выучке стрелецкие полки, отличаясь дисциплинированностью и готовностью выполнить приказы своего командира. Это не стало большим секретом для боярских верхов, которые, разбившись на две группировки вокруг Милославских и Нарышкиных, вели борьбу за власть. В этой междоусобице от командира столичного Бутырского выборного полка могло зависеть многое.

Патрик Гордон не мог не знать политической ситуации в стране, которой он служил верой и правдой. Ему, как и многим военным начальникам, приходилось выбирать: кому служить, царевне Софье или ее брату Петру? При неудачном выборе можно было поплатиться не только царской опалой, но и ссылкой в места довольно отдаленные или даже собственной головой и конфискацией семейного имущества.

Для Гордона шла обыденная генеральская служба мирного времени. Он, продолжая контактировать с ближайшим окружением царевны Софьи, не упускал случая оказывать всевозможные услуги юному Царю Петру. Так, генерал поставлял ему в «потешные» солдат из своего Бутырского полка, давал различные советы по обучению будущих гвардейцев.

Когда началась подготовка ко второму Крымскому походу, а она шла весь 1688 год, Гордона фактически отстранили от его планирования и непосредственной занятости в сборе войск. Это объясняется тем, что у командира Бутырского полка появились весьма влиятельные недруги. На одном из заседаний Боярской думы патриарх Иоаким открыто высказался против командования русскими войсками «еретиком»-генералом. Действительно, шотландец до конца своих дней остался ревностным верующим-католиком, в то время как многие иностранцы на русской службе быстро переходили в православное вероисповедание.

Участвовать же во втором Крымском походе под начальством князя Василия Голицына генералу Петру Ивановичу Гордону пришлось. Во время выдвижения русских полков в степь, в марте

1689 года, «служилый иноземец» составляет собственный план боевых действий против Крымского ханства, назвав его «Размышлением о предстоящем походе». Он рассматривал в основном вопросы усиления русской полевой армии артиллерией, строительства полевых укреплений и ряд других.

Среди прочего генерал Гордон в своих «Размышлениях» предлагал для обеспечения тыла через каждые четыре перехода устраивать небольшие земляные городки в степях. Таким образом, считал он, можно было обезопасить тыловые коммуникации от налетов крымской конницы. Гордон указывал, что для штурма перекопских укреплений в виде древнего земляного вала потребуются штурмовые средства — тяжелые осадные орудия, штурмовые длинные лестницы. Все это следовало заранее подготовить и доставить через степь к Перекопу. На месте те же лестницы изготовить было просто не из чего.

Главнокомандующий князь В.В. Голицын имел возможность ознакомиться с содержанием гордоновских «Размышлений о предстоящем походе». Однако все предложения много повоевавшего на своем веку опытного генерала не были приняты в расчет.

Второй Крымский поход закончился такой же неудачей, как и первый. Русской армии, подошедшей к Перекопу, пришлось повернуть назад. Крымский хан на сей раз просто перехитрил князя Голицына, завязав с ним мирные переговоры, которые умышленно затягивал под различными предлогами. Русские же полки не могли долго стоять в бездействии — таврическая степь выгорала под лучами летнего солнца, кони гибли от бескормицы, с трудом добывалась вода.

Нелегко давалось князю Василию Голицыну решение об отступлении. На ночном военном совете главнокомандующий поставил перед воеводами вопрос о «способе» дальнейших действий. Те единодушно ответили:

«Служить и кровь проливать свою готовы, только от безводья и бесхлебья изнужились, промышлять перед Перекопом нельзя, и отступить бы прочь!»

Крымчаки опять подожгли степь, и русские полки отходили на север по гари, в густом дыму, который низко стлался над землей. Отход армии прикрывал сильный арьергард под командованием генерала Патрика Гордона. Крымский хан и на сей раз не отважился вывести главные силы своей многотысячной конницы за

Перекоп. Лишь небольшие отряды вражеской конницы в течение недели «наезжали» на пехотные полки арьергарда. Каждый раз нападения легко отбивались ружейными залпами в упор и пушечными выстрелами.

ГЕНЕРАЛ ГОРДОН «РАЗРЕШАЕТ» ДИНАСТИЧЕСКИЙ СПОР В РОССИИ

Второй Крымский поход стал своеобразным прологом смены царской власти в России. Летом 1689 года происходит открытый разрыв Петра I, который теперь опирался на два отлично подготовленных пехотных «потешных» полка, с царевной Софьей, которая безуспешно пыталась опереться на полки столичного гарнизона, прежде всего стрельцов.

Бежавший из села Преображенского в Троице-Сергиев монастырь Петр Алексеевич действовал решительно. Среди прочего он потребовал от командиров стрелецких и солдатских полков московского гарнизона явиться к нему 18 августа в Троицу. Генералу Гордону запретил это сделать князь В.В. Голицын, и тот послушался его, хотя все симпатии командира Бутырского выборного полка были уже давно на стороне юного Петра.

Однако уже 4 сентября царевна Софья лишилась опоры в лице служилых иностранцев. Во главе с генералом Патриком Гордоном они тоже ушли к Царю Петру I в Троицу. Писатель Алексей Толстой в романе «Петр Первый» так описывает это событие:

«...Неподкупный и суровый воин, Гордон пришел к Василию Васильевичу (князю Голицыну. — *А. Ш.*) и показал указ Петра явиться к Троице.

— Голова моя седа, и тело покрыто ранами, — сказал Гордон и глядел, насупясь, собрав морщинами бритые щеки, — я клялся на библии, и я верно служил Алексею Михайловичу, и Федору Алексеевичу, и Софье Алексеевне. Теперь ухожу к Петру Алексеевичу. — Держа руки в кожаных перчатках на рукояти длинной шпаги, он ударил ею в пол перед собой. — Не хочу, чтоб голова моя отлетела на плахе.

Василий Васильевич не противоречил — бесполезно: Гордон понял, что в споре между Петром и Софьей — Софья проспорила. И он ушел в тот же день с развернутыми знаменами и барабанным боем... Это был последний и сильнейший удар...»

Писатель Алексей Толстой не преувеличивал в последней строке вышесказанного. Уход Бутырского выборного полка из Москвы лишил царевну Софью последней военной силы, на которую она могла реально опереться в попытках удержать за собой столицу.

Генерала Петра Ивановича Гордона в Троице сразу же допустили к царской руке. Петр I его обнял и целовал многократно со слезами, и Гордон клялся служить ему до смерти. Генерал привел к новому Государю, помимо солдат-бутырцев, иноземцев — офицеров, рядовых драгун и рейтар.

Царевна Софья была заточена в Новодевичий монастырь. Во главе Русского царства оказалось два соправителя — Петр и Иван Алексеевичи. Последний прожил совсем немного и, будучи человеком очень набожным, больше занимался церковными службами, оставив дела государственные на усмотрение младшего брата Петра, фактически ставшего полноправным Государем России.

«ПРАВАЯ РУКА» ЮНОГО ЦАРЯ МОСКОВИТОВ

Одержав победу над правительницей Софьей, Царь Петр Алексеевич продолжает усиленно заниматься военными делами, готовясь к созданию русской регулярной армии, обученной по европейским меркам. Теперь генерал Патрик Гордон, официально не занимавший никаких должностей при государевом дворе и оставаясь попрежнему командиром Бутырского выборного полка, фактически становится одним из ближайших помощников самодержца в вопросах устройства и обучения войск.

С реальным воцарением Петра Алексеевича началось возвышение Патрика Гордона. Он сразу же вошел в ближайшее окружение победителя за российский трон наряду с князем Б.А. Голицыным, Л.К. Нарышкиным, Н.М. Зотовым, Т.Н. Стрешневым, Б.П. Шереметевым, Францем Лефортом и только начинавшим набирать силу А.Д. Меншиковым. Эти люди составляли ближайшее окружение Петра I в первые годы его царствования.

Семнадцатилетний самодержавный государь крепко привязался к пятидесятичетырехлетнему генералу-шотландцу. Знание военного искусства и организации армий различных стран, боевой опыт и пунктуальная исполнительность, храбрость и хладнокровие послужили превращению Патрика Гордона в царского наставника в военном деле. С тех пор его и Петра I постоянно видят вместе: на маневрах «потешных», на парадах, испытаниях новых пушек и организации фейерверков. Без генерала Гордона не обходилось ни одно из многочисленных празднеств и развлечений молодого Царя.

Было и еще одно немаловажное обстоятельство привязанности Государя к иноземному генералу. Петр I никогда не забывал того, что сделал для него командир Бутырского полка в дни открытого противостояния с правительницей Софьей Алексеевной. Это событие Патрик Гордон так расценил в своем «Дневнике»:

«Прибытие наше в Троицын монастырь стало решающим переломом, после чего все начали высказываться в пользу младшего царя...»

Став военным наставником Царя, генерал Гордон продолжает заботиться о его полководческом образовании. Специально для него он выписывает из-за границы новейшие исследования по военному искусству, труды прославленных европейских полководцев Монтеккуколи и Тюренна, книги по фортификации и артиллерийскому делу. Шотландец составляет различного рода проекты реорганизации русской армии на основе использования лучшего зарубежного опыта.

Петр I сумел по достоинству оценить способности Патрика Гордона как воспитателя войск. Ему сразу же поручается обучение Преображенского и Семеновского полков, пока еще «потешных», ставших вскоре гвардейскими и кузницей офицерских кадров для сухопутной армии. Именно петровские пехотные полки станут ядром создаваемой русской регулярной армии.

Генерал Гордон старается выполнить как требуется все поручения Царя. Еще не вернувшись в Москву из Троице-Сергиева монастыря, Царь Петр I проводит близ Александровской слободы военные учения — экзерциции. Они продолжались целую неделю под руководством генерала Гордона. Он показывает Государю учение пехотных солдат, конное учение и боевую стрельбу.

Во время одного из кавалерийских учений близ слободы Лукьянова Пустынь Гордон свалился с лошади и сильно повредил себе руку. Царь был сильно обеспокоен таким происшествием, но Гордон пересилил боль и вновь стал руководить различного рода военными показательными учениями.

Не менее трудно давались генералу и царские застолья. Так, записи гордоновского «Дневника» начала 1690 года рассказывают

об одном из них. 19 января Гордон около одиннадцати часов прибыл в царский дворец и оттуда сопровождал Петра I в подмосковное имение боярина Петра Васильевича Шереметева. Там они были угощены превосходнейшим обедом, после которого отправились в одну из летних царских резиденций, сожгли несколько фейерверков, возвратились опять к боярину Шереметеву, где их вновь великолепно угостили, и затем уже отбыли в Москву.

Гордон пишет в «Дневнике» под 20 января, что от «дебоша» предыдущей ночи вынужден был лежать в постели весь день до вечера совершенно разбитым. Царь довольно часто, узнав о подобной болезненности генерала-иностранца, присылал к нему личного лекаря, который помогал Гордону «протрезветь» и явиться вечером к Государю на новое застолье.

Примечательный факт отношения Государя к Гордону относится к рождению наследника Петра I царевича Алексея в феврале 1690 года. Появление на свет престолонаследника было отмечено в Москве грандиозным празднеством, которое проходило в Кремле. После торжественной литургии сразу в трех соборах — Успенском, Архангельском и Благовещенском — Царь Петр I в Передней палате угощал думных и ближних людей «кубками фряжских питей», а московское дворянство, стрелецких полковников, дьяков и гостей (богатых купцов) — водкой. Семнадцатилетний Государь-отец поднес пришедшему поздравить его генералу Петру Ивановичу Гордону кубок водки.

На обед в Грановитой палате по случаю рождения царевича Алексея были приглашены все именитые люди Российского государства и всего один иностранец — генерал Патрик Гордон. Против столь неслыханного государева поступка — приглашения иноземца-«еретика» — снова яростно выступил патриарх Иоаким и другие церковные иерархи. Самодержцу Петру Алексеевичу пришлось уступить.

Петру I пришлось, однако, специально устроить затем для Гордона званый обед в своей загородной резиденции — в подмосковной вотчине боярина Л.К. Нарышкина селении Фили, ныне одном из районов Москвы. Этот случай только возвысил генерала в царском окружении, поскольку лишний раз засвидетельствовал сверхуважительное отношение монарха к нему.

Спустя несколько месяцев, после смерти патриарха Иоакима, Патрик Гордон стал беспрепятственно приглашаться за царский стол, равно как и другие иностранцы, входившие в окружение

Государя. Его дружба с генералом-иноземцем крепнет. Их первейшая совместная забота — создание регулярной русской армии.

Учения «потешных» полков проводятся регулярно, с обязательной боевой стрельбой. Из пушек учились стрелять в цель деревянными ядрами. Сам Петр Алексеевич довольно быстро стал искусным бомбардиром, немало поражая иностранцев обширными познаниями артиллерийского дела, которые им черпались из книг гордоновской библиотеки.

В селе Преображенском в мае 1690 года проходят «энергичные» показательные военные упражнения, которые готовил генерал Гордон. Проводились различные учения кавалерии. Брали штурмом двор в селе Семеновском, расположенном по соседству с Преображенским. В дело оборонявшимися и атакующими «потешными» солдатами были пущены ручные гранаты — глиняные горшки, начиненные порохом.

Такие боевые упражнения редко заканчивались без ранений и увечий, а порой и гибели людей. При штурме двора в Семеновском одна из таких ручных гранат разорвалась около Петра I и опалила лицо Царя. Генерал Гордон и несколько офицеров, стоявших близ Государя, получили легкие ранения. Дальнейшие учебные сражения пришлось тогда отложить.

В сентябре 1690 года Патрик Гордон руководил крупными военными учениями близ села Преображенского. Маневры, на которых присутствовал Царь, начались с учебного сражения Стремянного стрелецкого полка против преображенцев и семеновцев и конного отряда московских дворян. Два других стрелецких полка действовали один против другого.

Противники вели учебное сражение с «излишней горячностью», что выразилось в получении многими военными людьми ранений. Еще больше стрельцов и «потешных» оказалось обожженных порохом. Сам генерал Гордон, который командовал баталией, был ранен в ногу и получил ожог лица. Это заставило его просидеть целую неделю дома на излечении.

Встав на ноги, наш «служилый иноземец» вновь оказался в ближайшем окружении Царя. 12 сентября они вместе обедают у Шереметева, на следующий день — у князя Ф.Ю. Ромодановского. 23 сентября Царь Петр I гуляет у Гордона на свадьбе его дочери Марии с капитаном Даниилом Кравфордом. Хозяин дома пригласил на празднество несколько бояр и московских дворян, а также всю знать Немецкой слободы. 1-го и 2 октября Госу-

дарь и генерал вместе гуляли у Нарышкиных по поводу храмового праздника в Покровском. С 4-го по 10 октября Гордон находился в Преображенском при царской особе. 13 октября Петр Алексеевич обедал у Гордона с компанией в 40 человек и так далее.

Крепится личная дружба Патрика Гордона не только с самим самодержцем, но и с его влиятельной родней. Так, генерал вместе с Царем приезжал поздравлять князя Федора Юрьевича Ромодановского с рождением сына Михаила. Шотландец подарил «родительнице» дорогую саблю в ножнах, украшенных драгоценными камнями.

Являясь признанной главой Немецкой слободы, Гордон оказывал большое влияние на духовное развитие молодого российского самодержца. Именно через генерала Царь познакомился с Немецкой слободой, куда он зачастил с апреля 1691 года. Для него устраивались там пиры и фейерверки, с ним беседовали о войне и политике, торговле и культуре.

Частые встречи и беседы с Гордоном как бы заменяли царю чтение газет и книг, которые генерал постоянно получал из многих стран Западной Европы. Они расширяли кругозор Петра I, наводили его на новые мысли в управлении царством. Шотландец регулярно снабжал Государя книгами из своей домашней библиотеки, в том числе по военному делу, истории, географии. Нередко по просьбе Царя он выписывал ему новые книги из-за границы. Случалось, что самодержец запросто сам приезжал к генералу за какой-нибудь книгой.

В плане духовного воздействия на личность Петра I роль Патрика Гордона отнюдь не уступает роли Франца Лефорта, хотя отношения Царя с последним были в сугубо личном плане более тесными. Обоих иностранцев связывали общность взглядов на Россию и тот немаловажный факт, что жена Лефорта была племянницей тестя Гордона. Но меж ними существовало и известное соперничество за влияние на царственную особу.

Петр I при награждениях не забывал своего военного наставника. Он подарил ему несколько участков земли на берегах реки Яузы. Награждал не раз деньгами. Гордон и без того являлся одним из самых богатых иностранцев, проживавших в Москве. Широкие связи при царском дворе давали ему прекрасные возможности протежировать иноземному купечеству, и прежде всего, естественно, с Британских островов. Сам генерал был извес-

тен умением вкладывать личные капиталы в различные торговые операции.

Генерала Патрика Гордона можно было часто встретить среди ближайшего окружения Царя на различных дипломатических приемах. Так он, вопреки обычаям, сопровождал монарха во время посещения им персидского посла, чтобы посмотреть привезенных из далекой Персии в дар российскому Государю зверей: льва и львицу. Шотландец запишет в «Дневнике»: «Посол угощал нас по обычаю своей страны музыкой, конфетами и напитками».

Все же главной обязанностью генерала Гордона являлось «обеспечение» царских военных утех. Во многом благодаря стараниям командира Бутырского полка петровские «потешные» войска преобразовались в регулярные Преображенский и Семеновский полки, отличаясь высокой полевой выучкой и военными навыками. В этих полках служило немало бутырцев — солдат и офицеров.

Сухопутный генерал, Гордон не остался в стороне и от флотских забот Государя. Гордон не раз посещал город Переяславль, где на Плещеевом озере строилась небольшая учебная военная флотилия. Шотландец отмечал, что при первом его посещении кораблестроительных построек Царь «был очень рад показать мне все корабли. Вечером он зашел ко мне». Для будущих поездок в Переяславль Гордон купил в нем дом и обставил его на свой вкус.

Государь любил бывать в доме Гордонов, чувствуя там себя раскованно и всегда находя искреннее гостеприимство. Своим присутствием он второй раз осчастливил генеральскую дочь Марию, вдову капитана Кравфорда, выходившую замуж вторым браком за иноземного майора на русской службе Карла Снивинского.

Английский королевский двор тоже не забывал о шотландце Патрике Гордоне, устраивая торговые дела. Так, в начале 1694 года генерал получил из Лондона через новгородского купца Якова Мейера богатые подарки для поднесения русскому Царю от имени англо-московского торгового общества. Гордон отправился с таким известием в Преображенское, и Петр Алексеевич, не утерпев, в тот же день приехал в дом Гордонов за присланными из Англии вещами.

Подарки британского купечества состояли из 6 алебард, которые носили в Англии того времени «джельтмены-пенсионеры», 12 протазанов королевских гвардейцев-телохранителей, стально-

го меча с золотой рукояткой, пары художественно сделанных пистолетов и шляпы с красивым белым пером.

Несколько ранее Патриком Гордоном от имени английского купечества были преподнесены Царю другие дорогие подарки — карманные часы и ящик с инструментами, чему тот был несказанно рад. Получал он от своего любимца-генерала в подарок и многие дюжины бутылей различных «заморских» напитков — канарского секта, английского сидра и других вин.

О месте Патрика Гордона в петровском окружении свидетельствует то, что он с 1690-го по 1694 год являлся организатором и руководителем «марсовых и нептуновых потех» будущего российского Императора. В промежутках между сухопутными баталиями генерал по приказу Петра I осваивает также и военно-морское искусство. За деятельное участие в «морских сражениях» на Москве-реке и реке Яузе шотландец удостаивается в декабре 1693 года адмиральского звания.

Так уж случилось в истории государства Российского, что в его вооруженных силах появился военный человек Петр Иванович Гордон, который мог подписываться званием «генерала и адмирала», дарованного ему царским указом.

ПОЕЗДКА НА РУССКИЙ СЕВЕР

Летом 1694 года Патрик Гордон сопровождает Петра Алексеевича во время его второго путешествия в северный портовый город Архангельск — единственные морские ворота России того времени. В городе Вологде для «царского поезда» было приготовлено 22 карбаса — больших речных суден. Гребцы менялись через каждые 15 верст. «Великий шкипер», то есть Государь, плыл на одиннадцатом карбасе. Гордон путешествовал на контр-адмиральском карбасе, который замыкал лодочную флотилию.

Из Сухоны карбасы вышли на Северную Двину и споро дошли до Архангельска. Здесь Государь на яхте «Святой Петр» совершил плавание по Белому морю на Соловецкие острова, в одноименный монастырь. После этого морского похода яхта была передана Патрику Гордону в качестве контр-адмиральского корабля.

Прибывшая из Москвы царская свита во главе с Петром I посетила архангельскую верфь, присутствовала на спуске корабля на воду, посещала иностранные торговые суда — английские и голландские, — прибывшие в Архангельск за русскими товарами.

«Генералу и адмиралу» Петру Ивановичу Гордону все же довелось совершить в своей жизни настоящий морской поход, стоя на капитанском мостике. В первых числах августа Петр I задумал выйти в Белое море во главе российских кораблей. Их уже было три, и они составляли маленькую военную флотилию: корабли «Апостол Павел» и «Святое пророчество», яхта «Святой Петр».

В Белое море из Архангельска было решено выходить в следующем порядке: впереди вице-адмирал И.И. Бутурлин на корабле «Апостол Павел», за ним четыре голландских судна, возвращавшихся домой, в центре — адмирал князь Ф.Ю. Ромодановский с Царем на корабле «Святое пророчество», за ним четыре возвращавшихся в Британию английских судна и, наконец, гордоновская контр-адмиральская яхта «Святой Петр».

Однако выход в море задержался из-за безветрия на несколько дней. На царский корабль приезжал на своей шняве архиепископ Афанасий благословить Петра I перед морским путешествием в воды Северного Ледовитого океана. Церковный иерарх русского Севера преподнес Государю хлеб, рыбу и иные припасы «про государский обиход».

Командованию эскадры пришлось коротать время на берегу в обществе английских морских офицеров. Гордон пообещал одному из них, капитану Блоа, назвать его именем один из островов в устье реки Северная Двина. Обрадованный Блоа устроил большую попойку. Генерал записал в своем «Дневнике»:

«После обеда мы отправились на берег и забавлялись в обществе генерала Лефорта и англичан игрой в кегли, причем выпито было так много ликера, что стало очень весело».

Русская парусная эскадра, английские и голландские купеческие корабли вышли в Белое море, когда задул попутный ветер. Морское путешествие несло в себе немало опасностей. Гордоновский «Дневник» рассказывает:

«Имея в виду с правой стороны высокий берег, эскадра подошла вечером к мысу, который назвался Голубым, или Серым, углом. Как только мы его достигли, мы изменили курс и направились на северо-восток. Этот Голубой, или Серый, угол находился в 12 милях от устья Двины. Вечером от захода солнца до полуно-

чи наступил штиль, так что корабли продвинулись только незначительно вперед; с полуночи, однако, явилась возможность продолжать путь при свежем ветре. 15 августа, часов около 9 утра, поднялся туман; стали раздаваться пушечные выстрелы, барабанный бой и звуки труб — сигналы держаться всем вместе. Из-за тумана яхта «Святой Петр» чуть было не налетела на скалу у острова Сосновца возле Терского берега. В 2 часа пополудни, думая, что мы удалены на большое расстояние от берега, мы очутились прямо перед ним. Штурман ошибся местностью и воскликнул, что компасы неверны. Мы повернули на восток и едва проплыли несколько минут, как из-за густого тумана увидели берег от нас на расстоянии брошенного камня».

Пришлось незамедлительно бросать якорь в воду, что и спасло яхту, которая остановилась перед скалой. Затем спустили на воду корабельную шлюпку, которая смогла отбуксировать «Святой Петр» подальше в открытое море от опасного места. Когда туман совсем рассеялся, в отдалении стали видны другие корабли эскадры. Гордон приказал развернуть все паруса, чтобы догнать другие, шедшие на север, суда.

«Так, — заключает свой рассказ «генерал и адмирал» об этом происшествии, — избавило нас божественное провидение от этой опасности. По милости Божией нас спасло то обстоятельство, что ветер был не очень силен, и то, что мы вовремя бросили якорь».

Эскадра вышла из Белого моря и обогнула восточную часть Кольского полуострова. У мыса Святой Нос русские распрощались с англичанами и голландцами и взяли обратный курс на Архангельск. Государь и царская свита в нем долго не задержались, вновь сев на речные карбасы. Петр I возвращался в Москву с мыслями о морском будущем России.

КОЖУХОВСКИЕ МАНЕВРЫ

В октябре 1694 года состоялись широкомасштабные армейские маневры под Кожуховом, план которых был составлен Патриком Гордоном. Маневры вошли в историю под названием Кожуховского похода. Мысль о его проведении родилась еще в Архангельске, где Царь поддержал предложенную ему идею.

К Кожуховским маневрам готовились деятельно. Близ села Коломенского на правом берегу Москвы-реки было устроено боль-

шое полевое укрепление. Его назвали «Безымянным городком». Он представлял собой пятиугольный ретраншемент, укрепленный валом в пять аршин высотой и рвом глубиной в четыре аршина. На углах ретраншемента сделаны были бойницы и щиты, на валу расставлены рогатки, а вокруг городка устроены были волчьи ямы.

В маневрах участвовал и Бутырский полк, один обоз которого состоял из 260 повозок. Прибывшие на маневры войска по традиции разделили на две противоборствующие армии. Первой командовал «генералиссимус» И.И. Бутурлин, названный еще и «польским королем», второй — князь Ф.Ю. Ромодановский. Бутурлинские войска численностью в 7500 человек собирались в селе Воскресенском на реке Пресне. Войска Ромодановского — в селе Семеновском. Стрельцы были вооружены ружьями и тупыми копьями.

Бутырский полк вошел в состав войск князя Ромодановского, как и Преображенский с Семеновским. Впереди генерала Гордона вели пять верховых лошадей его конюшни, потом следовала рота гранатчиков, за ними везли на телеге мортиру и, наконец, ехал сам полковой командир. За ним шли по дороге девять рот солдат-бутырцев. К ружьям были прикреплены деревянные штыки с тупыми концами.

«Боевые» действия под Кожуховом начались с того, что оба «генералиссимуса» «при назначенном ударении в литавры» выехали на противоположные берега Москвы-реки друг перед другом. Затем они начали перебраниваться между собой через реку: «вычитали друг другу неправды и ссоры, чего ради сия тяжелая война и от кого началась, причитая друг другу причины». Когда эта перебранка дошла «до слов яростных» — раздались пушечные выстрелы. Стреляли учебными бомбами — глиняными горшками, начиненными порохом. Однако прямое попадание такого орудийного снаряда в человека несло ему если не гибель, то увечье.

Затем воюющие стороны принялись устраивать полевые укрепления и ставить шатры для главнокомандующих. Велась разведка, отыскивались удобные переправы через реку, делались паромы для переправы пеших воинов и артиллерии.

Главнокомандующие встретились между собой еще раз — в поле, окруженные свитами из офицеров. Бутурлин и Ромодановский начали разговаривать, «и дошло меж ими до слов досадительных, и, выняв Иван Иванович пистолет, не взывав обычаем кава-

лерским, по князе Федоре Юрьевиче стрелил, но никакого зла ему не сотворил».

После такого объяснения главнокомандующие послали в атаку друг на друга пехоту. Произошла яростная свалка, в которой участвовали и бутырцы. Итогом битвы в поле стало некоторое сокращение численности войск: 45 человек с обеих сторон получили ранения, ожоги и телесные повреждения.

После этого в течение нескольких суток Кожуховские маневры превратились в настоящие учебные действия: разыгрывались полевые баталии с артиллерийской стрельбой, брались штурмом полевые укрепления. Войска производили различного рода перестроения. Командиры всех степеней учились управлять войсками как на настоящей войне. Ранение своей же ручной гранатой получил «генералиссимус» И.И. Бутурлин, армия которого в своем большинстве состояла из стрелецких полков.

Генерал Патрик Гордон пишет в «Дневнике» об одном из учебных боев Кожуховского похода следующее:

«Около трех часов, между тем как мой полк стоял на правом крыле, вышли стрельцы в большом числе из своего лагеря и устремились прямо на меня, чем я был побужден перестроить мой фронт направо. Мой фронт состоял из пяти рот и одной роты гренадер, две роты находились в резерве, а остальные роты были в лагере. После получасовой битвы стрельцы стали подаваться назад. Когда мы начали стрелять, они отступили, а мы наседали на них. Это продолжалось в течение часа, пока они не были отогнаны на значительное расстояние к великому удовольствию Его Величества».

«Война» под деревней Кожухово закончилась полным поражением стрелецкого войска Бутурлина. «Потешные» полки, бутырцы и полк Франца Лефорта показали более высокую военную выучку, слаженность в действиях и большой настрой на победу. Да и к тому же Царь Петр Алексеевич выказывал явное нерасположение к стрелецким полкам, которые еще совсем недавно стояли за правительницу Софью Алексеевну.

Кожуховский поход стал последней воинской «потехой» Петра I. Положение России в конце XVII столетия было довольно сложным. Вступив в союз с Польшей и Австрией и предприняв два Крымских похода, правительница Софья нарушила Бахчисарайское перемирие 1681 года. С тех пор Москва находилась с Крымским ханством и его сюзереном, турецким султаном, в состоянии войны, конца которой не виделось.

Кожуховские маневры внушили молодому Царю такую уверенность в силах и искусстве его полков, в способности войск вести маневренную войну и штурмовать полевые крепости, что он решил испытать себя в настоящем деле. Более того, Петр I считал себя созданным для военного дела человеком.

Государь и его единомышленники понимали, что будущее России лежит на морских берегах — только через них можно было «прорубить окно в Европу». Единственный морской порт на русском Севере Архангельск не мог разрешить проблему внешней торговли. Белое море надолго покрывалось льдами и находилось далеко от центральных областей страны. Балтийские берега находились в руках Шведского королевства, чья армия считалась лучшей в Европе. Оставалось еще Черное море, которое в древности носило название Русского.

Попытки князя В.В. Голицына овладеть Перекопом показали все трудности прямого удара по Крымскому ханству. Чтобы угрожать ему, необходимо было иметь опорный пункт в непосредственной близости от Крыма, обеспечить свободный выход в Азовское и Черное моря быстроходных казачьих флотилий, набегов которых так боялись и хан, и султан.

Овладение таким пунктом — турецкой крепостью Азов — обеспечивало России большие военно-политические преимущества и прежде всего то, что она закреплялась на берегах южных морей и частично обеспечивала свое порубежье от разорительных набегов крымской конницы, главной добычей которых являлись пленники. Кроме того, удар наносился непосредственно по османам, а не по вассалу Стамбула Крымскому ханству.

Путь к Азову выглядел намного предпочтительнее, чем поход по степи к Перекопу. Войска могли двигаться по заселенной территории, что освобождало их от обременительных обозов и утомительных пеших переходов. Людей, равно как и любые припасы, можно было доставлять речным путем — по Дону и Волге.

ПЕРВЫЙ АЗОВСКИЙ ПОХОД

В распоряжении историков нет данных о том, что выбор нового направления военных действий на Юге, как и разработка плана первого Азовского похода 1695 года, принадлежит молодому Царю Петру Алексеевичу. Скорее всего, эту мысль ему

подсказали военные советники и наиболее влиятельный среди них — генерал Патрик Гордон. За Государем, видимо, оставалось последнее слово — согласиться с предложенным планом или отвергнуть его. Петр I, активно участвовавший в его обсуждении, согласился.

План похода на крепость Азов был утвержден в самом начале года, 6 февраля, военным советом, который проходил на Пушечном дворе. Но к тому времени все войска уже получили царские указы быть готовыми к походу. План на войну предусматривал нанесение двух ударов по неприятелю: основного — на крепость Азов, вспомогательного — на турецкие крепости в низовьях Днепра, по традиционному маршруту прошлых Крымских походов.

На другой день после военного совета Патрик Гордон произвел в Бутырках смотр своему полку. Он отобрал 104 человека, не пригодных для походной службы. В тот же день его вызвали к Царю, вместе с которым они составили список амуниции и других необходимых вещей, которые надлежало взять с собой в поход.

В соответствии с планом военной кампании генерал Петр Иванович Гордон был назначен начальником авангардного отряда русской армии, который 4 марта пешим ходом выступил из Москвы. Царь приехал в дом Гордонов с большой свитой, дав генералу напутственное слово.

Гордоновский отряд состоял из Бутырского полка численностью в 894 человека и семи стрелецких полков — полковников Сергеева, Жукова, Кровкова, Кобыльского, Обухова, Капустина и Козлова. Стрельцов насчитывалось 4620 человек. По пути, в городе Тамбове, к отряду должны были присоединиться четыре солдатских полка — 3879 человек.

Штаб генерала состоял из 16 царских стольников, одного стряпчего, 2 дьяков и 12 подьячих. Отрядная артиллерия насчитывала 10 мортир, 12 гаубиц и 31 фальконет. Для перевозки войск — почти десяти тысяч человек, артиллерии, пороха, ядер и орудийных гранат, другого военного имущества потребовалось до четырех тысяч обозных подвод.

В Тамбове отряд имел продолжительный отдых. По пути пришлось переправляться через три водные преграды — реки Хопер, Дон и Чир. Причем через последнюю было наведено семь мостов. Сложность заключалась еще в том, что в местах переправ росли только дубы. Гордон жаловался в своих записях, что стрельцы работали вяло, с неохотой и нерасторопно.

Прибыв в донскую казачью станицу Раздоры, Гордон нашел там речные суда — барки, которые доставили для его войск необходимые припасы. Здесь состоялось свидание генерала с атаманом донского казачества Фролом Минаевым и старшинами. Они преподнесли царскому военачальнику в подарок овцу, испеченные хлебы и сушеную осетрину. Донские казаки присоединились к гордоновскому отряду, выслав к Азову лазутчиков.

Те доставили из турецкой крепости ценные сведения: к городу подошло большое число парусных кораблей и галер, которые доставили азовскому гарнизону многочисленное подкрепление. При прибытии помощи от султана азовский паша приказал произвести салют залпом 40 больших пушек. Перед Азовом раскинул свой лагерь крымский хан, приведший сюда свою конницу. Поэтому Фрол Минаев и казачьи старшины предложили генералу Гордону не подступать малыми силами к крепости, а остановиться в удобном месте на реке, поджидая подход главных сил царского войска.

Патрик Гордон собрал военный совет, пригласив на него всех полковников, подполковников и майоров. Было зачитано письмо донского атамана. Совет поддержал отрядного начальника — идти вперед к крепости. Через реку Маныч полки и обозы переправлялись по наведенному мосту. Когда подошли к левому протоку Дона реке Койсуг, Гордон выбрал место для устройства пристани, где могли бы разгружаться идущие с верховьев Дона суда с артиллерией и припасами.

27 июля русский отряд дошел до цепи холмов вблизи Азова и расположил свой лагерь на самом большом из них — Скопиной Кровле. Отсюда открывался вид на турецкую крепость и два его форта — каланчи. Командир отряда приказал дать три выстрела из пушки. Турки незамедлительно ответили залпом из крепости. Это было объявлением военных действий друг другу.

Патрик Гордон, строя полевой лагерь, применил все свои инженерные познания. Солдаты-бутырцы и стрельцы трудились над возведением полевых укреплений не покладая рук. Донские казаки раскинули свой стан позади лагеря. Руководя земляными работами, генерал стал ожидать прибытия под Азов остальных войск во главе с Царем Петром Алексеевичем.

Главные силы русской армии двинулись из Москвы в конце апреля. Полки с артиллерией и всем необходимым разместились

на стругах и по Москве-реке, Оке и Волге добрались до города Камышина. Оттуда сухим путем добрались до Дона, где вновь сели на речные суда. Соединение главных сил с авангардом армии состоялось 29 июня. Боевых действий к тому времени стороны еще не вели.

Царский караван пришвартовался к «удобнейшей пристани», устроенной Гордоном. Петра I встречали залпом всех пушек гордоновского отряда. Тот остался доволен и пристанью, и полевыми укреплениями, и встречей. К тому времени начальник авангарда через разведку донских казаков имел уже достаточно полное представление о турецкой крепости.

Османская крепость Азов располагалась на левом берегу Дона, на 15 верст выше впадения его в Азовское море. Город вел родословную от знаменитой древнегреческой колонии Танаис, которая затем перешла к генуэзцам, а в конце XV века попала в руки турок. Османы, после того как в 1637 году в результате лихой атаки донских казаков на пять лет потеряли Азов, долго и основательно его укрепляли.

Крепость представляла собой каменный четырехугольник с бастионами и каменным замком внутри. Кроме каменной стены, Азов был обнесен еще высоким земляным валом и глубоким рвом с палисадом — частоколом из заостренных бревен на дне рва. В полуверсте от этих основных оборонительных сооружений находились еще два земляных вала со рвами. Это были остатки осадных линий прежних обложений Азовской крепости.

Выше Азова, в верстах трех от него, на обоих берегах Дона были построены две каменные башни, так называемые каланчи, вооруженные пушками. Будучи соединены протянутыми через донское русло тремя толстыми железными цепями, они преграждали выход в море для плывущих по Дону сверху судов. Донских казаков, таким образом, лишили возможности выходить в Азовское море.

На северном рукаве Дона, так называемом Мертвом Донце, устроен был еще каменный форт Лютик с четырьмя башнями и жилыми помещениями внутри. Башни были восьмиугольные, ворота форта обиты железом. Лютик со стороны суши защищался еще валом и нешироким рвом, заполненным водой. Каланчи и форт были построены в 1663 году ханом Махмет-Гиреем по приказанию султана Магомета IV, обеспокоенного морскими набегами донского казачества на турецкие берега.

2 июля гордоновский отряд двинулся из своего полевого городка на берегу Койсуга к Азову, будучи усилен тремя полками, которым предстояло конвоировать назад к пристани лошадей и повозки Во время этого короткого марша бутырцам и стрельцам пришлось отбивать нападение крымской конницы Гордон подошел к крепости на расстояние 100 сажен и приступил к осадным работам. Через три дня к Азову подошли остальные войска.

Во главе Азовской армии была поставлена «консилия» — военный совет из трех генералов, корпусных командиров: А.М. Головина, Ф.Я. Лефорта и П.И. Гордона. Но реальной властью «консилия» не обладала, ее решения вступали в силу только после утверждения «бомбардиром Преображенского полка Петром Алексеевым». Под этим именем в армии находился Царь. Таким образом, русская армия оказалась лишенной единого, оперативного командования.

Русская армия численностью в 31 тысячу человек обложила турецкую крепость с суши. Войска Головина встали на правом фланге, в центре — полки Гордона, на левом фланге — Лефорта. Петр I держал свою штаб-квартиру в корпусе Головина. Выше крепости, на берегу Дона, стали походным лагерем семь тысяч донских казаков.

Осаждавшие не медля приступили к рытью апрошей — зигзагообразных рвов, обеспечивавших безопасное продвижение к крепости, и установке артиллерийских батарей. Вскоре начался обстрел крепости. Генерал Патрик Гордон умело руководил инженерными работами, не раз получая царские благодарности.

Петр I, молодой и горячий самодержец, будучи в звании бомбардира, властно вмешивался во все мелочи, сам стрелял из пушек по Азову, с киркой и лопатой работал в траншеях под огнем турок, подолгу и шумно пировал со своими любимцами. Царь много времени проводил на позициях Гордона, осваивая на деле европейские правила ведения осадных инженерных работ.

Земляные работы лучше всего продвигались на позиции, которую занимали гордоновские полки. С сооруженных здесь батарей был причинен первый урон вражеской крепости — меткие попадания разрушили сторожевую башню. Азовский гарнизон, которым командовал Муртоза-паша, находился в бодром состоянии духа, получая с моря необходимую помощь Около 20 турецких галер на глазах у русских беспрепятственно высадили в крепость подкрепления, боевые припасы и провиант.

8 июля осадные батареи начали общую бомбардировку Азова. В городе начались пожары, но стены выстояли: тяжелого «стенобитного наряда» в русской армии не было. Турецкий гарнизон отвечал частыми вылазками — янычары и спаги нападали на позиции противника днем и ночью. Из степи совершали наскоки многочисленные отряды крымской конницы. Доставлять в осадный лагерь снаряды, порох и продовольствие приходилось под усиленным конвоем из нескольких полков с пушками.

Бутырскому солдатскому полку, стрелецким и тамбовским полкам корпуса генерала Гордона постоянно приходилось выручать из беды своих соседей, особенно войска Лефорта. Турецкий гарнизон, заметно усилившись, совершил несколько сильных вылазок против левого фланга осаждавших. В ночь на 10 июля турки вновь попытались напасть на лефортовский лагерь. Однако их заметил караул Гордона, и поднятый по тревоге генерал лично вывел в поле часть своих полков. Туркам пришлось отступить обратно в крепость.

Единственным успехом первого Азовского похода стало взятие донскими казаками каменных каланчей. Штурмом была взята одна из них, а из другой турки ушли сами, «убоявшись» артиллерийского обстрела с противоположного берега Дона.

Большую беду русской армии принес бежавший в Азов голландский матрос Яков Янсен, завербованный на русскую службу в Архангельске и лично знакомый Царю Петру. Он передал османам бесценные сведения о расположении осадных войск и среди прочего сообщил, что русские имеют обыкновение отдыхать после обеда. На следующий же день в часы такого послеобеденного отдыха турки в большом количестве ворвались в траншеи между лагерями Лефорта и Гордона, напали на беспечно спящих стрельцов и вызвали среди них несусветную панику. Патрик Гордон так описал печальные события дня 15 июля:

«Стрельцы и солдаты рассеялись по полю и в паническом страхе, какого я в жизнь свою не видывал. Тщетны были все мои увещевания; я не отходил от редута, чтобы привлечь войско, но напрасно. Турки были меж тем все ближе и ближе и едва не захватили меня в плен, от которого я спасся с помощью сына и одного рядового!»

Во время вылазки турки перебили много спящих стрельцов, захватили 16-пушечную батарею, большие пушки заклепали, а малые на руках увезли в крепость. Только прибытие к месту боя

Преображенского и Семеновского полков восстановило положение на позиции, которую занимали стрельцы гордоновского отряда. Оплошность командования, не позаботившегося о боевом охранении осадного лагеря в светлое время дня, стоило русской армии почти 600 человек убитыми.

Осадные работы продолжались, возводились новые батареи. 27 июля 1695 года началась общая бомбардировка крепости. Успехов могло бы быть и больше, но сказывалось отсутствие общего командования. Более того, каждый корпусной командующий — генералы Лефорт, Головин и Гордон — на войне стали ревниво относиться к успехам друг друга и стремились отличиться перед Царем каждый в отдельности.

АЗОВСКИЕ ШТУРМЫ. ОТСТУПЛЕНИЕ

Петр I, который стремился к воинской славе, жаждал как можно быстрее овладеть турецкой крепостью. Его успокаивал успешный ход осадных фортификационных работ, а пожары, то и дело возникавшие в Азове от метких попаданий бомб, придавали ему самоуверенность. Государь настаивал на скором штурме крепости.

Наиболее опытный из генералов Гордон был против этого. Он убеждал своего воспитанника, молодого властелина огромной державы: «Нельзя предпринимать штурм, не сделав предварительного пролома в крепостных стенах, не имея достаточно лестниц и фашин». Но на военном совете Гордона не послушали.

После военного совета, проходившего 2 августа, он попытался еще несколько раз отговорить Царя от проведения штурма Азова, доказывая ему простые истины, что турецкий гарнизон решил «ожесточенно до гибели драться», что добровольцы, вызвавшиеся идти на приступ, даже и не думают брать с собой штурмовые лестницы, что бомбардировка и подземные мины до сих пор не проделали необходимых для успешного штурма брешей в крепостной ограде.

Ведя такие разговоры с Царем, Патрик Гордон все же не решился категорически выступить против неподготовленного по всем правилам военного искусства штурма: «Во втором часу ночи Его Величество прислал мне сказать, что придет в мою палатку, чтобы поговорить со мной. Когда он пришел с другими генера-

лами, говорили только о штурмах и о взятии города, и я не мог ничему этому воспрепятствовать. Я сказал, как другие, хотя и далек был от того, чтобы обещать успех».

Первый раз штурмовали Азовскую крепость 4500 добровольцами, называвшимися тогда охотниками, по 1500 человек от каждого осадного корпуса. Патрик Гордон сумел за считанные дни подготовить своих людей, вызвавшихся идти на приступ вражеской крепости, — это были солдаты Бутырского и Тамбовского полков. «Служилый иноземец» оставил в своем «Дневнике» единственное сколько-нибудь полное описание событий того дня, в которых отличились не только его подчиненные, но и он сам.

«С рассветом, — читаем мы у Гордона, — я послал приказание стрельцам занять траншеи и затем велел бить тревогу, что было знаком к нападению. Однако передовые не выказали никакого усердия и пропустили значительное время, пока мы их принудили к выступлению. И это происходило без особенного оживления. Между тем они шли вперед. Командуя бутырскими и тамбовскими солдатами на левом фланге, я приказал им беспрерывно стрелять против углового бастиона, и они держались с этой стороны очень хорошо. Но другие полки, которые должны были идти вправо поблизости Дона, более следовали за бутырцами и тамбовцами и, поворачивая влево, пришли в пространство между садами, где они сочли благоразумнее засесть, чем решительно броситься на вал.

Бутырские и тамбовские солдаты, заставив неприятеля прекратить стрельбу с болверка, живо двинулись вперед и пошли на приступ болверка, влезая на вал даже без лестниц, что было довольно легко по уступам плетня. Но когда они достигли гребня, они встретили ожесточенное сопротивление, потому что турки сражались, как люди, полные отчаяния. Хотя наши напали на них храбро, однако не были в состоянии ворваться в болверк. Здесь был убит бей, или начальник города. Между тем другие полки не пытались ни напасть на доставшиеся им места, ни помочь нападающим на болверк. Это очень ободрило турок, и они без всякого опасения стреляли по тем, которые теснились между садами и стояли неприкрытыми от огня с вала».

Бутырский и Тамбовский полки решительно овладели угловым бастионом крепости. Но генерал Головин задержался с приступом — его солдаты засели в пригородных садах, встреченные

сильным вражеским огнем. Воспользовавшись несогласованностью в действиях штурмующих колонн, азовский паша перебросил к захваченному русскими бастиону значительные силы пехоты. Под натиском превосходящих сил защитников крепости бутырцы и тамбовцы отступили. Штурмовая колонна генерала Франца Лефорта по неизвестным причинам пошла на приступ только тогда, когда гордоновские и головинские охотники уже отступили от крепости.

Были отбиты и нападавшие на Азов со стороны реки донские казаки, подошедшие к крепости на 20 лодках. 400 донцов яростно пошли на приступ — ими руководил сам Петр I. Но, встретив ожесточенное сопротивление осажденных, казаки были принуждены вновь сесть в лодки и вернуться в свой стан ни с чем.

Штурм Азовской крепости 5 августа обошелся нападавшим в 1500 человек погибшими. Патрик Гордон писал: «Так кончилась попытка штурма, внушенная неопытными и опрометчивыми советчиками...»

По настоянию генерала Гордона на следующий день, 6 августа, состоялся военный совет. После долгого обсуждения все приглашенные, «хотя и неохотно», согласились с решением Петра I продолжать осадные работы и, чтобы подготовить новый штурм крепости, подвести под ее стены подземные мины. Это был тот прием ведения войны против крепостей, который с успехом применяли турки во время осады Чигиринской крепости.

Землекопы работали днем и ночью, стараясь вывести траншеи к крепостному рву. Стали готовить подземные мины, чтобы взорвать крепостной вал и проделать в нем брешь, через которую штурмующие могли бы ворваться внутрь турецких укреплений. Однако среди многочисленных иностранных специалистов не оказалось инженеров, способных вести подземные работы.

Взрыв первой подземной мины удручающе подействовал на русские войска. Оказалось, что подземная галерея не только не достигла вала, но и не дошла даже до крепостного рва. Когда мину подожгли, турки заметили густой дым, который вырывался из входа в подземную галерею. Поняв, в чем дело, османы быстро покинули вал и бастион. Мощный взрыв не причинил вражеским укреплениям большого вреда, взметнувшиеся же в воздух от сильного порохового заряда камни и бревна полетели в сторону русской позиции. От подрыва своей мины в тот день погибло 30 человек и свыше 100 получили ранения.

Петр I настойчиво готовил новый генеральный штурм Азовской крепости. Довести минные подкопы до вала не удалось, турки обнаружили их и взорвали. Царь приказал срочно вести новые подкопы и готовиться к приступу. На сей раз он решил ввести в бой лучшие армейские полки — Преображенский и Семеновский, которым предстояло брать крепость со стороны Дона.

Гордон вновь выступил против такого малоподготовленного штурма сильной крепости. Его доводы профессионального военачальника и инженера были убедительны только для людей сугубо военных, много повоевавших и повидавших на своем веку. Но они не убедили ни Царя Петра I, ни его ближайших советников, прежде всего генерала Франца Лефорта.

«Несмотря на все мои доводы, — пишет Патрик Гордон в «Дневнике», — в представлении других генералов потребность видеть город завоеванным взяла верх над всеми затруднениями, причем они не приводили достаточных оснований тому, что они говорили, и даже самое сомнение в победе или во взятии города было истолковано как нежелание, чтобы он был взят».

Накануне штурма, 24 сентября, генерал Гордон был с Царем на центральной батарее. Они «слышали» подземную работу турок, ведущих минную галерею под русские осадные сооружения. Гордон, умудренный опытом обороны Чигиринской крепости, приказал подвести под вражеский подкоп свой, чтобы взрывом порохового заряда разрушить неприятельскую подземную галерею.

Утро 25 сентября было занято последними приготовлениями к штурму. Было условлено, что к двум часам после обеда все будет готово. Генерал Патрик Гордон должен был, получив извещение о том, что другие осадные корпуса готовы, дать три выстрела из пушки, что будет сигналом к взрыву подземных мин, подведенных к крепостным сооружениям.

«С утра еще, — пишет П.И. Гордон, — я велел развести огонь перед галереей или сапой, которая вела к минам, чтобы отвлечь этим внимание неприятелей и не дать им заметить, когда взорвется мина. Вскоре после обеда я приказал людям, назначенным идти на штурм, двинуться в апроши. Прибыв туда сам, я принял все необходимые меры и обратился к офицерам и солдатам с краткими словами увещания, чтобы они вели себя мужественно».

Около трех часов генерал Гордон получил последнее сообщение с флангов осадной линии о готовности войск к приступу. После

трех пушечных выстрелов было приказано зажечь фитили к минам. Но сработала только одна из них, проделавшая брешь почти в 20 сажен в валу бастиона, расположенного напротив центра русской позиции. Под остальные мины турки сумели с высоким искусством подвести свои контрмины. Кроме того, взрывную волну заметно ослабил палисад во рву, сделанный из толстых стволов деревьев.

Взрыв подземных пороховых зарядов снова причинил немалый ущерб и осаждавшим. Часть бревен взорванного палисада, земля и камни полетели в сторону русских окопов и траншей, обрушившись и на редуты. Около 100 солдат и несколько офицеров было ранено, задавлено и убито.

Гордон отдал приказ своим войскам идти на штурм. Момент оказался удачным для атакующих — «происшедший от взрыва мины шум причинил туркам такой страх, что все они убежали с вала». Воспользовавшись этим, бутырцы и стрельцы, преодолев наполовину заваленный землей от взрыва мины ров, взобрались на вал без штурмовых лестниц. Едва русские взошли на вал бастиона, как из крепости вылетела толпа контратакующих турок и сбросила гордоновских солдат и стрельцов с вала в ров. Османы стреляли сверху из ружей и луков, бросали ручные гранаты и копья.

Генерал Патрик Гордон еще дважды посылал своих воинов на приступ вражеского бастиона, принуждая их возобновить штурм увещеваниями и угрозами воинской кары за невыполнение приказа начальника. Последний приступ был начат по приказанию Царя — в это время Преображенский и Семеновский пехотные полки с тысячью донских казаков овладели частью вала в прибрежной части крепости и завязали рукопашные схватки среди домов азовского пригорода.

Гордоновским полкам пришлось отступить и после третьего приступа. Когда стало смеркаться, командование поняло, что и второй генеральный штурм Азова потерпел неудачу. Был дан приказ штурмовым отрядам вернуться в осадный лагерь.

Турецкий гарнизон, который оказался намного многочисленнее, чем показали лазутчики, держался мужественно и отчаянно. Турки выбили из города ворвавшихся туда через брешь в валу русских солдат. Атаковавшие со стороны Дона преображенцы и семеновцы были вынуждены отойти, поскольку их наступательный порыв не поддержали в других местах.

Потери русских войск при втором штурме Азовской крепости не известны. Трофеев оказалось мало. На следующий день после штурма двое солдат-бутырцев представили своему полковому командиру отбитое у турок на бастионе знамя, а четверо стрельцов принесли железную пушку старого образца, захваченную ими на крепостном валу. За каждый из этих трофеев генерал выдал принесшим крупную наградную сумму по 5 рублей.

В путевом дневнике Петра I сохранилась краткая запись о дне 25 сентября: «Был приступ другой к городу Азову и был бой жестокий, только отступили наши. День был северной; в ночи мороз».

В русском осадном лагере после неудачного приступа было тихо. Турки трудились всю ночь, заделывая пробитые в их укреплениях бреши. Военный совет, состоявшийся у Царя 26-го числа, не решил вопрос об отступлении, поскольку «бомбардир Петр Алексеев» желал взять хотя бы форт Лютик. Генерал Гордон настаивал на быстром отходе русской армии от Азова — погода ухудшалась с каждым днем, лили частые дожди и наступали холода. Войска теплой одежды не имели, с топливом было крайне плохо. Больных в осадном лагере становилось все больше.

Среди армейского командования усугубились разногласия, вызванные прежде всего неудачной осадой крепости. Австрийский дипломатический агент Плейер, присутствовавший при обложении Азова, отмечал, что генерал Патрик Гордон был крайне недоволен другим царским генералом — Францем Лефортом, который не позаботился об устройстве порученных ему коммуникационных линий, которые подвергались постоянным ударам со стороны крымской конницы.

Наступление южной осени делало продолжение осады бессмысленным. И действительно, на военном совете 27 сентября было решено уйти из-под Азова. А уже 29-го числа в путевом дневнике Государя появилась запись:

«Генералы наши велели пушки вывозить; из шанцев своих отступать от города стали; тако же и в обозах стали выбираться на пристань. День и ночь были холодны и с дождем. В 30 день тако же выбирались из обозов к пристани. День был с дождем и ветер».

Отступали от Азовской крепости в прежнем порядке: полки Головина и Лефорта по Дону до столицы Донского казачьего войска города Черкасска. Гордоновский корпус отходил по левому берегу реки, по так называемой Ногайской стороне. Перед отходом Гордон приказал уничтожить все, чем мог воспользоваться вражеский гарнизон, и прежде всего сжечь доски и шанцевые корзины. Крымчаки следовали за отступавшими русскими полками почти до самого Черкасска.

6 сентября полки гордоновского корпуса начали переправу через Дон на противоположный берег. С царского разрешения генерал Гордон позаботился о постройке в Черкасске амбаров для хранения боевых запасов, которым предстояло лежать здесь до следующего года. Вопрос о втором Азовском походе Царем Петром Алексеевичем был уже решен однозначно. По пути в Москву тамбовцы были отпущены прямо в Тамбов. Ими командовал сын Патрика Джемс Гордон.

Русская армия возвращалась домой, страдая сначала от холода и дождей, а затем — от снега и мороза. Австриец Плейер, задержавшийся по причине сильной простуды в Черкасске, выехал в Москву через месяц тем же путем, каким шла петровская армия. Он записал в своем дневнике:

«По дороге я видел, какие большие потери понесла армия во время своего марша, хотя и не будучи преследуема никаким неприятелем; нельзя было без слез видеть, как по всей степи на протяжении 800 верст лежали трупы людей и лошадей, наполовину объеденные волками».

При подходе к городу Валуйки ударили сильные морозы. Гордон пишет, что одетые по-летнему войска потеряли много людей. После переправы через реку Валуй пошли обжитые места, где находились и кров, и топливо. Здесь Царь Петр I, а за ним и генералы покинули армию, уехав вперед. Они считали себя вправе сделать это, поскольку проделали с войсками самый трудный путь с берегов Дона.

В селе Коломенском Царь и генералы подождали подходившие полки. 22 ноября состоялось торжественное вступление армии в Москву. Пройдя по ее улицам, войска вошли в Кремль. Честь первым пройти кремлевские ворота досталась гордоновскому корпусу. Генерал Петр Иванович Гордон в тот день удостоился царской похвалы за службу в первом Азовском походе.

Неудача под Азовом была несомненной. Но, по мнению большого отечественного историка С.М. Соловьева, «...благодаря этой неудаче и произошло явление великого человека: Петр не упал духом, но вдруг вырос от беды и обнаружил изумительную деятельность, чтоб загладить неудачу, упрочить успех второго похода».

НОВЫЙ АЗОВСКИЙ ПОХОД

Уже в декабре 1695 года начинается подготовка к новому Азовскому походу, назначенному на следующий год. Первый урок состоял в том, что нельзя взять сильную приморскую крепость, не обеспечив ее блокаду со стороны моря.

Выводы из этого Государь сделал незамедлительно. В городе Воронеже начинается строительство российского военного флота. Со всей страны туда доставляются мастеровые люди и быстро строятся сотни речных судов, многие из которых были пригодны для прибрежного плавания в Азовском море.

Не только в России, но и в Европе стали известны слова молодого русского Царя: «Всякий потентат (облаченный властью Государь. — *А. Ш.*), который только сухопутные войска имеет, одну руку имеет, а который и флот имеет, обе руки имеет!»

Азовский урок был обиднее всего для Царя. Сам он не справился с осадной армией, а его любимцы — генералы Лефорт и Головин — оказались способными только к пирам и «потешным» играм в войну. «Служилый иноземец» Патрик Гордон, более опытный военачальник, не имел, да и не мог иметь должного авторитета у русских воевод. Петр I понял главное — армии на поле брани требовался опытный, способный и достаточно авторитетный среди прочих командиров главнокомандующий. Великая заслуга молодого Государя состояла в том, что он хорошо осознавал, что на такую роль он еще долго не будет годен. История учила, что полководцы складываются не годами — десятилетиями.

Размышляя о новой Азовской кампании, Петр I решил ликвидировать многоначалие над войсками, уходившими в новый поход на Юг. Заметим, что самодержец как в начале своей военной карьеры, когда он не приобрел еще достаточного опыта, так и в конце ее, когда его полководческие дарования раскрылись в полной мере, не возлагал на себя обязанностей главнокомандующего ни на суше, ни на море, хотя фактически он, а не кто-либо другой, руководил сражениями.

Чем руководствовался Царь, определяя себе скромное место в военной иерархии России, почему не стремился брать в свои руки бразды правления армией, предпочитая всегда оставаться в тени и лично командовать через номинальных главнокомандующих — неясно. Догадка о том, что, действуя подобным образом, Царь в

случае поражения мог свалить всю вину на «официального» полководца, должна быть отвергнута. Ибо не было случая, когда бы Петр I уклонился от ответственности за военную неудачу и свалил ее на плечи другого.

Петр Алексеевич не доверял старым воеводам из знатных боярских и княжеских родов — они воевали по старинке, пренебрегая познаниями европейского военного дела. Главнокомандующим 70-тысячной русской армией, которой вновь предстояло пойти на Азов, назначается воевода Алексей Семенович Шеин, получивший по такому случаю звание российского генералиссимуса.

Командующим пока еще не существующим русским флотом, который спешно создавался на многочисленных верфях Воронежа, стал уроженец самой сухопутной страны в Европе — Швейцарии генерал и адмирал Франц Лефорт. Генерал П.И. Гордон стал первым помощником генералиссимуса Шеина, исполняя одновременно должность «генерала-инженера». Как показали дальнейшие события под Азовом, шотландец фактически руководил осадными работами под турецкой крепостью.

Для того чтобы блокировать Азов с моря и перевозить войска по рекам, в Воронеже, Козлове, Добром и Сокольске 20 тысяч плотников торопливо сооружали к началу навигации 1300 стругов длиной по 14—18 сажен и шириной до 3 сажен. В селе Преображенском строили 23 галеры, которые предстояло в разобранном виде доставить в Воронеж. Образцом галеры служило судно, закупленное Петром I в Голландии и доставленное в Москву через Архангельск.

Действующие войска — солдатскую и стрелецкую пехоту — разделили на сей раз на четыре огромных по численности «полка». Командирами их были назначены генералы П.И. Гордон, Ф.Я. Лефорт, А.М. Головин и К.А. Ригеман. По сути дела, эти «полки» представляли собой армейские корпуса.

Патрик Гордон деятельно начал заниматься формированием своего «полка». В его состав вошли Бутырский, четыре тамбовских, два низовых (волжских) и два рязанских солдатских полка, семь стрелецких полков — полковников Конищева, Колзакова, Черного, Елчанинова, Кривцова, Протопопова и Сухарева. Всего в составе 16 полков числилось 369 начальных людей — офицеров, 9060 солдат и 4688 стрельцов. Согласно разрядным спискам, гордоновский «полк» состоял из 14 117 человек.

Чтобы набрать людей на воинскую службу, Царь Петр I издал оригинальный Высочайший указ. Он предоставлял холопам, дворовым людям право записываться на военную службу в Азовский поход и таким образом освобождал их от крепостной зависимости. Интересны записи Патрика Гордона в связи с этим указом:

23 января. «Отправился на Бутырки, где обучал вновь записанных солдат, которые бежали от своих господ, так как им была обещана свобода».

5 февраля. «Множество дворян беспокоили меня целый день по поводу их дворовых, взятых в солдаты».

7 февраля. «Вновь записавшиеся солдаты были отведены в церковь, чтобы там присягнуть».

12 февраля. «Я велел вновь записавшимся солдатам выплатить по рублю человеку».

Новый Азовский поход начался с отплытия вниз по Дону огромной флотилии из стругов и других больших речных судов. Первым убыл из Воронежа генерал П.И. Гордон, который взял с собой из своего «полка» только три полка — Бутырский и стрелецкие полковников Михаила Кривцова и Михаила Сухарева. Генерал просил у Царя и главнокомандующего для своих войск 132 струга, но ему выделили на 9 меньше этого числа. Отплытие состоялось 23 апреля после обеда.

Путь к Черкесску флотилия Гордона проделала за три недели. В столице Донского казачьего войска была сделана остановка — поджидали царский речной караван. Прибывший под Азов гордоновский отряд был встречен пушечной и ружейной пальбой с каланчей. Пристав к берегу, русские заняли небольшой, сооруженный в прошлом году форт и стали его расширять.

Прибытие авангардных сил русской армии к Азовской крепости ознаменовалось первой победой — на воде. Донские казаки под предводительством своего войскового атамана Фрола Минаева смело напали на своих мореходных лодках на турецкий флот, стоявший близ устья Дона. Из 18 турецких галер и 24 малых парусников казаки сожгли 24 корабля. Еще 6 неприятельских судов укрылись под защитой азовских крепостных стен, а остальные спаслись бегством в открытое море.

Царь Петр I, приехав к Гордону, рассказывал ему об этой приятной вести. Однако через несколько дней оказалось, что потери турок на море оказались несколько меньше. Донцы захватили богатую добычу: 300 пушечных бомб, 500 копий, 5 тысяч ручных

гранат, 86 бочек пороху и немало провианта и сукна. Все это вместе с 800 султанскими пехотинцами предназначалось азовскому гарнизону.

Государь не утерпел и решил лично осмотреть место морского боя. Он приказал Гордону с полками выйти на стругах к донскому устью. Те, проплыв по реке всю ночь, на рассвете достигли устья Каланчи — одного из рукавов Дона. Здесь они нашли Царя среди казаков, которые занимались дележом добычи. Донской атаман Фрол Минаев подарил шотландцу богатый турецкий ковер.

Чтобы надежно пресечь сообщение азовского гарнизона с морем, Петр I приказал своему «генералу-инженеру» соорудить в самом донском устье форт. Тот энергично принялся за дело, и вскоре полевая крепостица одним своим видом стала устрашать капитанов турецких судов, пытавшихся войти в устье реки. В эти дни к отцу прибыл его сын, полковник Яков Гордон, командовавший отрядом из трех тамбовских солдатских полков.

ВТОРАЯ ОСАДА ТУРЕЦКОЙ КРЕПОСТИ. ПАДЕНИЕ АЗОВА

28 мая началась вторая осада Азова. Генералиссимус Шеин вместе с «генералом-инженером» объехали крепость и наметили размещение прибывающих полков и места возведения осадных укреплений и артиллерийских батарей.

Общее расположение русских войск, осаждавших Азов с суши в 1696 году, получило такой вид: крайний правый фланг, примыкавший к речному берегу ниже крепости, заняли донские казаки под командованием Лукьяна Савинова; правее, рядом с ними, стали солдатские полки генерала Ригемана; далее расположилась главная квартира генералиссимуса А.С. Шеина с «московскими чинами», далее расположился корпус Головина. На самом крайнем правом фланге встал гордоновский «полк».

Остальные войска расположились позади осадной линии или в местах стоянки речной флотилии. Позже других прибыли казачьи полки с Украины под начальством наказного гетмана черниговского полка Якова Лизогуба и 500 яицких и саратовских (волжских) казаков. Последние оказались очень полезными в борьбе с налетами крымской конницы.

8 июня в штаб-квартире главнокомандующего по случаю начала осады было отслужено молебствие. Началось устройство апрошей к Азову, причем для этой цели приспосабливались старые, прошлогодние траншеи. Османы проявили беспечность, не засыпав и не разрушив сооружения русских во время первой осады крепости, проведя лишь ремонт крепостных укреплений. Это облегчило русским войскам инженерную подготовку к осаде города.

Генерал Патрик Гордон руководил всеми осадными работами, постоянно докладывая Царю об их ходе. В своем «Дневнике» под числом 9 июня он записал: «Вечером мы все отправились к старым траншеям и улучшали их». Записи свидетельствуют, что на сей раз земляные работы велись энергично и старательно. Между осадными траншеями проводились соединительные линии, возводились редуты и батареи, на которых устанавливались пушки.

Крымская конница попыталась было помешать ходу осадных работ. 10 июня она нанесла сильный удар по русскому стану, но вышедшая ей навстречу поместная дворянская конница отразила нападения во всех местах. Вскоре подошел султанский флот. Но при виде русских судов, развернувшихся для морского боя перед устьем Дона, турецкие корабли подняли якоря и ушли в открытое море.

Дальнейшие события под Азовской крепостью развивались с катастрофической быстротой для турецкого гарнизона. 16 июня, когда инженерные осадные работы были завершены и батареи изготовились для стрельбы, в Азов был направлен парламентер с письменным предложением о сдаче. Но его встретили ружейными выстрелами. Тогда началась общая бомбардировка крепости, причем интенсивная: палили ядрами пушки, мортиры стреляли бомбами.

Огонь русской артиллерии оказался на редкость удачным — крепостные орудия замолкали одно за другим. В городе начались многочисленные пожары. Душой осадных работ, блокирования крепости и ее бомбардировок был сам Царь Петр Алексеевич. «Первый бомбардир» бывал на кораблях и в траншеях, стрелял по Азову из орудий самых разных калибров, не страшась появляться на виду у неприятеля. Гордон постоянно находился в окружении Государя, и тот часто обращался к нему за различными советами, касающимися ведения осады.

Общеизвестно, что во время второй осады Азова Царь Петр I и генералиссимус А.С. Шеин ничего не предпринимали без советов генерала Патрика Гордона. А позднее Петр Великий приписывал взятие Азовской крепости именно доблести и инженерному искусству своего наставника.

Турецкий гарнизон упорствовал, отстреливаясь от русских батарей. Между тем осаждавшие стали энергично готовиться к штурму Азова. Они начали невиданные доселе земляные работы — насыпали подвижный вал, метр за метром перемещавшийся в сторону крепостного вала, чтобы можно было взобраться на него без помощи штурмовых лестниц и прочих приспособлений.

Современник так описывал это инженерное сооружение, медленно приближавшееся к крепости: «Великороссийские и малороссийские войска, во обложении бывшие около города Азова, земляной вал к неприятельскому рву отовсюду равномерно приваливали и из-за того валу, ров заметав и заровняв, тем же валом чрез тот ров до неприятельского азовского валу дошли и валы сообщили толь близко, еже возможно было с неприятели, кроме оружия, едиными руками терзаться; уж и земля за их вал метанием в город сыпалась».

Успеху инженерных осадных работ содействовали прибывшие в русский лагерь 12 австрийских офицеров, нанятых дьяком К.Н. Нефимовым. По военной специальности это были артиллеристы, минеры, канониры. Многие из них стали помощниками «генерала-инженера» Патрика Гордона. Он, после обеда с «цесарцами» — австрийцами у себя в шатре, повел их осматривать осадные траншеи и прочие сооружения. После этого смотра на русских позициях появились новые осадные батареи.

Бежавший во время бомбардировки из Азовской крепости русский пленный принес важные вести. В турецком гарнизоне произошел раскол. Одна половина его выступала за сдачу города, вторая во главе с «начальными людьми» настаивала на продолжении сопротивления в надежде на помощь султана и крымского хана.

Утром 18 июля на военном совете у главнокомандующего было принято решение произвести штурм вражеской крепости 22 июля. Гарантией успеха все видели законченность осадных земляных работ — турки теперь обстреливались с близкого расстояния с высоты насыпного вала. Поставленные на его вершине пушки могли успешно поражать своим огнем любую точку города.

Однако штурму крепости было суждено не состояться. В полдень 18 июля турки из Азова стали, махая шапками и преклоняя знамена, делать знаки, что желают вступить в переговоры. Речь могла идти только о сдаче города. Вскоре из Азова выехал парламентер, знатный осман Кегай-Мустафа с письмом. Его беспрепятственно пропустили на русские позиции.

Турки предлагали сдать город-крепость с условием, чтобы им была предоставлена свобода выхода с женами, детьми и личным имуществом, какое можно было им унести с собой. Они просили, в случае принятия таких условий сдачи Азова, предоставить им повозки или речные суда, чтобы отвезти их за реку Кагальник в лагерь конного войска крымского хана.

Азовскому гарнизону были предоставлены льготные условия капитуляции: весь его личный состав уходил из крепости с личным оружием, «со имением и пожитками»; жителям тоже разрешалось покинуть разрушенный бомбардировкой город. Турки обязывались также вернуть всех пленных и укрывавшихся в Азове раскольников, за исключением тех, которые приняли мусульманство. В этих переговорах прошел весь день 18 июля.

Лишь одно требование русского командования носило категорический характер. Оно решительно настаивало на выдаче «немчина Якушки» — того самого голландского матроса, перебежчика Якова Янсена, по совету которого во время прошлогодней осады османы предприняли удачную вылазку на позиции спящих после обеда стрельцов. Янсен к тому времени успел «обасурманиться» — перешел в магометанскую веру и записался в янычары. Турки долго не соглашались его выдать, но затем уступили.

19 июля в пять часов утра начался выход турок из города к лодкам, подведенным к берегу ниже крепости. Капитулировавший гарнизон проходил между двумя шеренгами восьми русских полков. Турки шли в беспорядке, кто как успел. Некоторые, сообщает в своих записях Патрик Гордон, сели в лодки в самом городе, чего не имели права делать. «Но мы, — прибавляет он, — рады были их выпустить и на мелкие нарушения смотрели сквозь пальцы».

Едва только турки стали покидать город, как в нем уже появились украинские казаки, начавшие грабеж уцелевших домов и землянок. Желая получить добычу, они вышли из подчинения своего наказного гетмана Якова Лизогуба. Заметив это и поняв, что воспрепятствовать им уже нельзя, генерал Гордон отрядил

караул из бутырцев для охраны турецкого бея и султанских офицеров, которые несли 16 знамен. Он приказал проводить их к главнокомандующему боярину Шеину.

Сдав гарнизонные знамена, турецкие офицеры сели в лодки и поплыли вниз по реке до Кагальника. На следующий день остатки азовского гарнизона перешли на стоявший близ устья Дона султанский флот и на его кораблях отправились в Турцию.

Русские войска вошли в оставленный город, представлявший собой картину полного разрушения. «Я отправился, — пишет Гордон, — посмотреть христианскую церковь и две мечети, которые оказались разрушенными бомбами. Вообще город представлял кучу мусора. Целыми не остались в нем ни одного дома, ни одной хижины. Турки помещались в хижинах или пещерах (землянках. — *А. Ш.*), которые находились под валом или около него».

Победителям в качестве трофеев достались 92 пушки, 4 мортиры. Оказалось, что турецкий гарнизон не испытывал «скудности» в продовольствии и порохе, но свинец для пуль подходил у него к концу. Вслед за Азовской крепостью сложил оружие и гарнизон форта Лютик. Из него турок выпустили с личным имуществом, но уже без личного оружия. В форту нашлась 31 пушка.

ВОССТАНОВЛЕНИЕ КРЕПОСТИ. ТОРЖЕСТВА В МОСКВЕ

Царь Петр I приказал начать восстановление разрушенной крепости. Одновременно шел поиск удобной гавани для будущего военного морского флота. Устье Дона у Азова не устраивало прежде всего потому, что выход в открытое море из него зависел от направления ветра. Если он дул с севера, то отгонял воду настолько, что море мелело и даже галеры не могли идти вперед.

26 июля самодержец на захваченной мелкосидящей в воде турецкой галере, в сопровождении нескольких шлюпок и морских лодок с солдатами, вышел в Азовское море искать место для гавани. С собой он взял генерала Патрика Гордона, который, как опытный фортификатор, должен был оценить найденное место, где предстояло возвести береговые укрепления.

Такое место было найдено уже на следующий день. Им оказался морской залив достаточной глубины для стоянки кораблей с крепким каменистым грунтом, со скалистым берегом и мысом.

Вблизи берега бил родник со «здоровой водой». Это был Таганрог. Лодочной флотилии пришлось провести ночь у мыса, стоя на якорях. Постелью «генералу-инженеру» служила узкая лодочная скамья.

2 августа русская армия начала возвращаться домой. Первым тронулся в путь вверх по Дону на стругах Преображенский полк. Гордон руководил восстановительными работами в крепости. По его предложению полки, участвовавшие в земляных работах, работали в три смены — днем и ночью. Одновременно с починкой укреплений шли работы по восстановлению жилых домов в городе: сносились развалины разрушенных зданий, убирался мусор, строились различные служебные помещения.

Две полуразрушенные турецкие мечети перестраивались в христианские храмы. Восстанавливалась небольшая, существовавшая при османах, православная церковь Иоанна Предтечи. Забот у первого помощника генералиссимуса А.С. Шеина было хоть отбавляй. Государь, покинувший Азов 15 августа, остался доволен ходом восстановительных работ.

8 августа состоялось торжественное освящение одной из церквей, переделанной из мечети — «Похвалы Богородицы». «Турецкая мечеть была готова, — описывает это событие Патрик Гордон, — и доведена до крыши. Она была с большой торжественностью освящена, и в ней было совершено первое христианское богослужение, во время которого троекратно палили большие орудия вокруг города, с галер и галеасов, а также в лагере. Я отправился туда, чтобы принести поздравление Его Величеству, когда он шел с богослужения...»

Шотландец Патрик Леопольд Гордон оставался ревностным католиком и потому не посещал богослужения в русских православных храмах. Только этим можно объяснить то, что в день такого большого торжества, как освящение новой церкви, он не присутствовал в царской свите.

13 августа восстановительные работы в крепости были завершены. «Генерал-инженер» по такому поводу был у Царя на докладе. После этого Гордон стал собираться в обратный путь вместе со своими полками. Из Азова он убыл на следующий день после отплытия вверх по Дону Царя вместе с генералиссимусом боярином Шеиным.

В восстановленной по планам «генерала-инженера» бывшей турецкой крепости на зиму оставлялся большой гарнизон —

5597 солдат и офицеров, а также 2709 стрельцов с их начальными людьми. Воеводой над Азовом был назначен стольник князь П.Г. Львов, в «товарищи» ему дан был его сын Иван Львов.

30 августа полки Шеина и Гордона, двигавшиеся по степи, подошли к городу Валуйки. Здесь генералиссимус приказал собрать войска к своему «разрядному» шатру, объявил им милостивое царское слово за ратную службу и «служилых людей московского чина» распустил по домам. Гордоновский полк был расформирован, и генерал вновь вернулся к исполнению обязанностей командира солдатского Бутырского полка.

Из Валуек Патрик Гордон приехал на один из тульских железных заводов — Ведменский, где находился Петр I. Шотландец стал свидетелем того, как самодержавный правитель Российской державы работал в заводской кузнице и самолично «варил» железо. На тульский завод повидать отца приехал сын — Теодор Гордон. Он был представлен Царю и произнес перед ним торжественную приветственную речь с поздравлениями по поводу Азовской победы и с пожеланиями счастливого возвращения.

30 сентября состоялось торжественное вступление русской армии в Москву. Для этой цели у Каменного моста, при въезде на мост из Замоскворечья, были сооружены триумфальные ворота. Или, как их называли в те годы, «порты» 10-метровой высоты, разукрашенные скульптурными фигурами, художественной арматурой — мечами, протазанами, копьями, знаменами и текстами из античной мифологии и истории.

Свод и фронтон ворот поддерживали громадные фигуры Геркулеса и Марса. Их пьедесталы украшали барельефы, изображавшие эпизоды осады Азова, и иронические надписи в адрес незадачливых османов: «Ах, Азов мы потеряли и тем бедство себе достали», «Прежде на стенах мы ратовались, ныне ж от Москвы бегством едва спасались». По своду арки в трех местах шла торжественная надпись: «Приидох, Видех, Победих».

Торжественную процессию замыкали полки генерала Петра Ивановича Гордона. Сам он шел пешком, а его «конюшню» вели впереди. За ним несли его значок — небольшой флаг. Дальше шли солдаты «в турецком белом платье, головы повиты платками турецкими». После них — Бутырский полк, снискавший в двух Азовских походах славу одного из лучших в русской армии. Триумфальное шествие замыкали стрелецкие полки гордоновского корпуса.

«Праздничный день закончился «некоторым» столкновением, как пишет Гордон, главнокомандующего генералиссимуса Шеина и Петра I. Первый из них забрал к себе домой отобранные у турок знамена. Вечером Царь потребовал их к себе. Боярин отказался их выдать. Только на третий раз, получив от монарха строгое внушение, Шеин согласился отдать ему трофейные знамена турецкого гарнизона Азовской крепости.

Зима проходила в подготовке Великого посольства в Европу. Гордон продолжал начальствовать над бутырцами, много времени отдавал обучению новонабранных солдат. Он по-прежнему часто встречался с Государем, а тот посещал его дом. В один из таких дней монаршего посещения «служилый иноземец» чуть не получил высочайшее неудовольствие.

14 октября Патрик Гордон собрал у себя шотландцев-католиков, проживавших в Немецкой слободе и остававшихся верными королю Иакову. Хозяин с гостями праздновали в тот день рождение «королевского регента», причем пили за здоровье короля Иакова. Царь Петр I прибыл в дом Гордона в пять часов вечера, когда «кромольные тосты» были уже произнесены. Российский Государь являлся сторонником правившего тогда в Англии короля Вильгельма.

Патрику Гордону приходилось участвовать во многих царских развлечениях. Известно, что Петр Великий страсть как любил тушить городские пожары. Так, Государь вместе с «генералом-инженером» в шесть часов утра 9 ноября поспешили на пожар, вспыхнувший за Калужскими воротами. Там они разделились: монарх, расталкивая добровольных пожарных, лично начал бороться с огнем, шотландец же взял на себя общее руководство пожаротушения.

После Азовского похода самодержец стал посещать не только самого Патрика Гордона, но и бывать на торжествах, которые устраивали его сыновья. А их в семье генерала-шотландца было четыре — Яков, Теодор, Джемс и Александр. Все они состояли на русской военной службе. Перед новым, 1697 годом Петр I был почетным гостем на пиру, данном полковником Яковом Петровичем Гордоном. Застолье оказалось примечательно еще и тем, что на нем приглашенный из Австрии артиллерийский полковник Граге производил какие-то опыты со стрельбой, которая удалась в домашних условиях и царю очень понравилась.

В память взятия крепости Азов в том же году были выпущены наградные медали. На лицевой стороне одной из них был изображен бюст Петра I с надписью: «Петр Алексеевич, повелитель московский, присно прираститель». На оборотной стороне была изображена бомбардировка Азовской крепости с надписью: «Молниями и волнами победитель». Внизу была дата — «1696».

26 декабря 1696 года состоялось торжественное объявление наград за второй Азовский поход. Собранным в Кремлевский дворец военачальникам во главе с генералиссимусом А.С. Шеиным была прочитана «сказка», содержавшая довольно пространную историю второго похода на турецкую крепость с похвалами за их службу и затем объявлены пожалования.

Главнокомандующий боярин А.С. Шеин был пожалован золотой медалью в 13 золотых (червонцев), кубком с «кровлею» (крышкой), кафтаном «золотным» (парчовым) на соболях, «придачей» к его денежному жалованью в 250 рублей и вотчиной — Барышской слободой в Алатырском уезде.

Первый помощник генералиссимуса, руководивший осадными работами вокруг Азовской крепости, получил в награду за ратные труды золотую медаль в 6 червонцев, кубок с «кровлею», кафтан «золотной» на соболях и имение в 100 крестьянских дворов — вотчину. Так шотландский дворянин Патрик Гордон стал российским помещиком, имея еще и имение у себя на родине.

Награждены были все участники второго Азовского похода — до последнего солдата и стрельца, несколько десятков тысяч человек. Солдаты и стрельцы получили по золотой копейке. Те из солдат, кто владел землей, получили к ней прибавку в 100 четвертей и деньгами 8 рублей.

После торжественного объявления наград военачальникам в Кремлевском дворце состоялся праздничный обед у генералиссимуса. А затем, как пишет Патрик Гордон, все «поехали к Его Величеству принести нашу благодарность».

Великое посольство выехало из Москвы 10 марта 1697 года. А уже в апреле генерал П.И. Гордон вновь отправился к Азову. Отправился туда и генералиссимус боярин А.С. Шеин, назначенный главой сразу трех приказов — Пушкарского, Иноземного и Рейтарского. Царь перед убытием в Европу позаботился об укреплении завоеванных на Юге приморских земель.

Шеину и его первому помощнику, «генералу-инженеру» давалось поручение укрепить Азов по чертежам, составленным еще в

1696 году «цесарскими» (австрийскими) инженерами-фортификаторами. Против Азова на северной стороне Дона предписывалось построить особую крепость, получившую название Святого Петра.

Надлежало произвести промеры моря в Таганрогской бухте и устроить там гавань. Для защиты будущего портового города Таганрога намечалось сооружение крепости Троицы. Для того чтобы оборонять базу русского флота от набегов конницы крымского хана, было решено возвести западнее Таганрога на Петрушиной косе передовой форт Павловский.

Государь и его соратники задумали еще и одно крайне смелое в инженерном отношении предприятие — соединить Волгу с Доном в том месте, где эти две реки сходятся на самое ближайшее расстояние между собой. Канал должен был связать приток Волги реку Камышинку с донским притоком Иловлей. Они были разделены между собой волоком всего лишь в 20 верст. Этим путем издавна донские казаки пробирались на Волгу для «промысла».

Участие в обсуждении проекта Волго-Донского канала принимал и Патрик Гордон. Уже весной 1697 года для работ по строительству канала было собрано 20 тысяч работных людей. Руководство рытьем канала, оставшегося до середины XX века только на бумаге, поручили иноземному инженеру Бреккелю.

Генерал Петр Иванович Гордон отправился на Юг в должности корпусного начальника. Составленная им собственноручно «Роспись перечневая полка П. Гордона людей ратных, конных и пеших, и пушек и воинских припасов» перечисляет все шесть полков, находившихся под его личным командованием в Азове. Это были Лефортов полк во главе со стольником И.А. Тыртовым, Бутырский (Гордонов) полк, Тамбовский солдатский полк, два рейтарских и Острогожский черкасский (казачий) полки. Все войско составляло 249 начальных людей — офицеров и 8090 ратных людей — рядовых.

Новая служба в Азовской крепости продолжалась для шотландца сравнительно недолго — до ноября того же года. Вместе с боярином Шеиным он занимался исполнением царских повелений по закреплению за Россией отвоеванного у Оттоманской Порты кусочка земли, прилегавшего к Азовскому морю. Одновременно гордоновские полки несли сторожевую службу на случай военных действий со стороны Турции и Крымского ханства. Приходилось заниматься и большими строительными работами.

В те годы в состав азовского гарнизона входило много стрельцов, которые, будучи оторванными от семей, в своем большинстве бедствовали без них и тяготились службой в далекой от Москвы крепости. Гордон в своем «Дневнике» отмечает недисциплинированность столичных стрельцов и частые их побеги из Азова в Россию. Генералу приходилось заниматься разбирательством.

Царь Петр I, находясь в Европе, не забывал своего военного наставника-шотландца. Известна взаимная переписка самодержца и Патрика Гордона; в письмах они делились новостями. Монарх не раз в письмах российским высокопоставленным лицам просил передать сердечные пожелания Петру Ивановичу Гордону. Это лишний раз свидетельствует о том, что генерал пользовался исключительной благосклонностью и доверием Государя.

Гордон возвратился в столицу во главе своего Бутырского полка. Он занялся военно-административной деятельностью, хозяйничал в имении Красная слобода, пожалованном ему за участие во взятии Азовской крепости.

СТРЕЛЕЦКИЙ БУНТ 1698 ГОДА

Здесь, в Москве, «служилый иноземец» оказался причастным к важному событию в истории правления Петра Великого — подавлению Стрелецкого бунта 1698 года. Стрельцы участвовали в обоих Азовских походах: в первый из них Царь призвал 12 полков, во второй — 13. В военных походах стрельцы участвовали и раньше, но тогда дело ограничивалось летними месяцами. На зиму они возвращались в Москву и возобновляли привычные занятия торговлей, ремеслом и промыслами.

После взятия Азова в крепости были оставлены, наряду с шестью солдатскими, и четыре стрелецких полка, именовавшиеся по фамилиям полковников: Федора Колзакова, Ивана Черного, Афанасия Чубарова и Тихона Гундертмарка. «Все место азовское расчистив, и по наряду город земляной новый изделали и в совершенстве учинили», — писали стрельцы в челобитной.

Летом 1697 года московским стрельцам, зимовавшим в Азове, было велено идти к столице. Но на пути они получили новое распоряжение: полки отправлялись на западные рубежи государства — в город Великие Луки.

Вместо долгожданной встречи с семьями и домашнего уюта их ожидало тягостное служебное прозябание в небольшом порубежном городке, терпение голода и нужды. В марте 1698 года 175 стрельцов, бежавших со службы, прибыли в Москву и обратились к начальнику Стрелецкого приказа князю Ивану Борисовичу Троекурову с просьбой их выслушать. Переговоры закончились безрезультатно, стрельцам было приказано вернуться в полки, а их уполномоченных арестовали.

Когда арестованных выводили из боярского дома, толпа стрельцов отбила товарищей. В московских стрелецких слободах начались волнения. Оставшийся за Государя князь Федор Юрьевич Ромодановский немедленно послал за генералом Гордоном, чей солдатский полк был расквартирован в столице, в Бутырках. Опасность виделась большой — назревал Стрелецкий бунт.

Прибывший в Кремль Гордон постарался успокоить, как человек военный, князя Ромодановского. Но генерал постарался и принять меры предосторожности, имея опыт усмирения Медного бунта в Москве. Он отправился в Бутырский полк, проверил наличие людей в нем, усилил караулы и остался ночевать в Бутырках.

4 апреля конфликт с явившимися в Москву стрельцами был улажен. Солдаты Семеновского полка и посадские люди «выбили» беглецов из их домов в стрелецких слободах и выдворили из столицы.

В конце мая 1698 года четыре стрелецких полка были переведены из Великих Лук в город Торопец в связи с тем, что польский король собственными силами добился успокоения в Речи Посполитой, не прибегая к помощи войск русского Царя. Стрельцы теперь надеялись, что их отзовут в Москву. Однако 2 июня из Разрядного приказа пришел приказ: стрелецким полкам остаться на западной границе, встав на постой в Вязьме, Белой, Ржеве и Дорогобуже.

Стрельцы не подчинились приказу. Кроме всего, в нем требовалось отправить в ссылку на вечное поселение с семьями тех стрельцов, которые «бегали» в Москву. Полковые командиры были низложены, вместо них назначили выборных. И четыре стрелецких полка двинулись с оружием в руках к столице.

Известие о Стрелецком бунте в Торопце пришло в Москву 10 июня. Спешно собравшись, Боярская дума заседала всю ночь, но решения так и не приняла. В конце концов бояре «приговорили» отправить против взбунтовавшихся стрельцов воеводу Алексея Семеновича Шеина, поручив ему не пропустить мятежные («воровские») полки в столицу и добиться их возвращения в «указанные места». В помощники к генералиссимусу Боярская дума определила генерала П.И. Гордона и князя Ивана Михайловича Кольцова-Мосальского.

Шеину удалось собрать в Москве всего 3700 ратных людей и 25 пушек. Основу этого отряда царских войск составили Преображенский и Семеновский полки. Главным же действующим лицом в подавлении Стрелецкого бунта 1698 года оказался «служилый иноземец» Патрик Леопольд Гордон. В своем «Дневнике» он дал в хронологии самое достоверное описание тех событий:

«*Июня 8.* Распространился слух, что четыре стрелецких полка в Торопце склонны к бунту. Были посланы лазутчики узнать об их намерениях.

Июня 9. Был отдан приказ использовать против стрелецких полков войска — четыре офицера и 40 солдат из Бутырского полка <...> и арестовать тех стрельцов, которые покинули свои полки.

Июня 10. Пришло известие, что четыре стрелецких полка, расквартированные в Великих Луках, двинулись из Торопца с целью склонить к мятежу остальную армию. Было приказано отделить мятежные полки от остальной армии и отправить их на новое место службы в разные места.

Июня 11. Прибывшие из Торопца два капитана сообщили, что стрельцы отказались идти на новое место службы, предписанное им, решили двинуться на Москву и потребовали от офицеров вести их на столицу. Офицеров, отказавшихся последовать за ними, они сместили и выбрали себе в командиры четверых, то есть от каждого полка. Эта новость сильно перепугала власти. На совете, собранном в тот же день, было решено отправить против стрельцов войско из пехоты и конницы. Послали за мной и сообщили о моем назначении командиром передового отряда пехоты... Было решено оставить в московских полках по 500 человек... Мне позволили самому отбирать офицеров и солдат, идущих в поход.

Июня 12. Я был срочно вызван на совещание совета во дворец, где подтвердилось решение, принятое ранее. Более новостей о восстании не было. Днем я обедал с польским послом в компании друзей. Мне были приданы 27 человек, которых я должен был использовать как нарочных для передачи известий в Москву.

Июня 13. Состоялось еще одно заседание совета, и я получил предписание двинуться с пехотою и артиллерией на реку Ходынку и ждать приказаний. Выплатив солдатам месячное жалованье, я отправился со своим полком из Бутырок к маленькой речке Ходынке, где мы и разбили лагерь. В моем распоряжении имелось пять пушек и 150 повозок. Остальные три полка подошли к полуночи.

Июня 14. В лагерь прибыл польский посланник, который привез известия от друзей...

Июня 16. Рано утром мы достигли Свидни, что в версте от Тушина. В полночь прибыли бояре с новыми инструкциями из совета...

Июня 17. В среду в шесть часов утра мы двинулись в Чернево, в 10 верстах оттуда. Там я встретил слугу одного дворянина, который сообщил, что стрельцы по-быстрому направляются к Воскресенскому монастырю, чтобы захватить его до наступления темноты. Это известие заставило меня ускорить движение войска, надо было опередить стрельцов. Через пять верст я дал войску небольшой отдых и послал боярам доклад с требованием прислать конницу. Затем пересек реку и на полном скаку достиг монастыря.

Лазутчики доставили четырех стрельцов, которые, как они сообщили, были посланы от полков с петицией к боярам. В ней перечислялись явно преувеличенные жалобы на тяготы службы и просьба отпустить их домой, в Москву, к семьям. Я переслал их требования к генералиссимусу и, узнав от лазутчиков, что стрельцы находятся в 15 верстах от монастыря и не смогут добраться до него к ночи, отдал приказ разбить лагерь на выгодной позиции, около монастырской слободы, на холме. Я прибыл туда до восхода солнца, за это время стрельцы уже достигли реки и собирались форсировать ее.

Я тотчас же поскакал к переправе, где встретился с передовым отрядом стрельцов. С ними я беседовал в спокойном тоне, предложив им вернуться за реку. Стрельцы не послушали меня и стали перебираться на луг, расположенный напротив деревни. Я быстро вернулся назад и приказал двум полкам двинуться через деревню и стать за нею в дефиле, остальным же — остаться в поле, около дороги на Москву.

После этого я опять направился к стрельцам для переговоров, но они были неуступчивы в своих требованиях. Тем не менее мне

удалось уговорить их послать двух представителей к генералиссимусу. После взаимных заверений, что обе стороны не станут ничего предпринимать в течение ночи, стрельцы вернулись в свой лагерь, выставив небольшую охрану на берегу. Выдвинув батальон для наблюдения за ними, я еще раз осмотрел всю местность, проверил посты и, убедившись, что в стрелецком лагере действительно все тихо, отправился к генералиссимусу посоветоваться о дальнейших действиях. После продолжительного совещания было решено, что я пойду в лагерь стрельцов и предъявлю им следующие требования:

1. Они должны возвратиться назад в места, предписанные указом.

2. Должны выдать 149 человек, которые бежали из полков в Москву, а также зачинщиков прежних беспорядков.

3. В местах нового расквартирования Его Величество выплатит стрельцам их жалованье деньгами и провиантом.

4. Они будут полностью прощены за свои прежние прегрешения.

5. Руководители и зачинщики беспорядков не понесут серьезного наказания.

Июня 18. Утром я вместе с шестью стрелецкими доносчиками отправился в лагерь мятежников и велел им собраться, чтобы выслушать требования Его Величества. Когда собралось 200 человек, я, употребив все мое красноречие, зачитал им требования Его Величества, обещая прощение в соответствии с указом. На это стрельцы отвечали, что они поклялись умереть или прийти в Москву, где пробудут два-три дня, а потом отправятся в то место, куда укажет Его Величество. Я повторил им, что к Москве их не подпустят. Однако стрельцы оставались непреклонными, заявляя, что лучше умрут, но назад не пойдут. Наконец, выступили два старых стрельца, которые перечислили свои нужды и бедствия. Поднялся страшный шум.

Я предложил им еще раз как следует подумать и обсудить наше предложение, в каждом полку отдельно. Однако на это они не соглашались, говоря, что у всех у них одни мысли. В конце концов я заявил, что уезжаю из лагеря и подожду ответа, пригрозив им, что если они сейчас не воспользуются милостями Его Величества, то пусть не рассчитывают на какое-либо снисхождение в дальнейшем, так как я имею предписание привести их к покорности с помощью любых средств. Отъехав недалеко от лагеря, я ожидал ответа от

стрельцов в течение 15 минут. Не получив никаких известий, я с сожалением в сердце тронулся в обратный путь.

После осмотра лагеря мятежников и совещания с генералиссимусом было решено использовать против бунтовщиков войска и артиллерию. Окружив стрелецкий лагерь пехотою и конницей и расположив 25 пушек на удобной позиции, я еще раз послал к ним офицера с предложением подчиниться. Но стрельцы категорически его отвергли, заявив, что готовы защищаться в случае нашего нападения.

Видя тщетность всех усилий, я приказал открыть огонь. Первый, предупредительный залп лишь ободрил их. Они начали размахивать знаменами и с криками бросать вверх шапки, готовясь к бою. Однако следующий залп, поразивший многих из них, вызвал панику. Стремясь укрыться от огня, стрельцы попытались прорваться через слободу, но натолкнулись на наши части, предусмотрительно размещенные там. После третьего залпа большинство стрельцов бросилось бежать из лагеря, и тогда я приказал двинуть два батальона прямо в лагерь стрельцов.

Наши потери во время сражения, длившегося около часа, составили несколько человек ранеными. У мятежников было 22 человека убито и 40 человек ранено, причем большинство смертельно. Всех пленных отправили в монастырь. Мы собрали их амуницию и полковые повозки. Все это было отправлено в штаб-квартиру. Затем я послал офицера в Москву с донесением о сражении. Все следующее утро мы собирали трофеи, разбросанные в лагере и в поле.

Июня 19. Был отдан приказ, чтобы мятежники выдали зачинщиков и руководителей бунта. Большинство стрельцов было подвергнуто допросам с целью выявить руководителей мятежа. В 1-м стрелецком полку была проведена перекличка: виновных отводили в одну сторону, невиновных — в другую. После обеда той же процедуре был подвергнут другой полк.

Июня 20—21. Продолжались допросы стрельцов с применением пыток, чтобы выявить истинные их намерения.

Июня 22. 24 человека признались в своих страшных преступлениях, которые они намеревались сотворить по прибытию в Москву: перебить часть бояр и добиться введения новых правил службы и повышения жалованья. Они были приговорены к смертной казни через обезглавливание. Все приговоренные исповедались и приготовились к смерти.

Июня 23. Утром состоялась казнь, а четвертый полк подвергнут перекличке.

Июня 24. Я написал письмо Его Величеству с отчетом о случившемся.

Июня 25. Весь этот день и дальнейшие мы занимались следствием с утра до вечера. Многие стрельцы были подвергнуты пыткам, часть из них созналась...

Июня 28. Несколько стрельцов, признавших свою вину, были повешены.

Июня 29. Отметили день рождения Его Величества, много пили за его здоровье и стреляли из пушек. Большая группа стрельцов была направлена под сильной охраной в различные монастыри.

Июня 30. Многие стрельцы из полка полковника Хандертмарка были подвергнуты пыткам, но ни один из них не признал себя виновным. Им сообщили, что они подвергнутся жеребьевке, и десятая часть людей, та, на которую падет жребий, будет казнена. Около 200 стрельцов подвергнуты наказанию кнутом.

Июля 1. Утром доставлены те 45 стрельцов из полка Хандертмарка, на которых пал жребий. Им сообщили, что если они назовут имена зачинщиков, то их освободят. После некоторого колебания они сообщили несколько имен. Затем зачинщики сознались под пытками в своих преступлениях.

Июля 2. Около 70 человек сразу было повешено, по пять и по три на одной виселице. Гораздо большее количество подвергнуто заключению.

Июля 3. Последовал указ о роспуске войска... Три полка были отправлены тотчас же. Генералиссимус и я с Бутырским полком остались там еще на ночь.

Июля 4. Утром четыре стрельца, приговоренные в воскресенье к смерти, были обезглавлены. Большинство приговоренных, за редким исключением, относились к смерти равнодушно. Без всяких слов, лишь перекрестившись, они спокойно ложились под топор палача. Всего было казнено 130 человек, около 70 убиты в сражении или умерли от ран, 1845 отправлены в тюрьмы и монастыри, 25 осталось в заключении в (Воскресенском — *А.Ш.*) монастыре...

Июля 19. Меня вызвали в Преображенское. Там зачитали благодарственное письмо Его Величества, в котором он высоко оценил мою службу. Затем оно было зачитано солдатам. За верную

службу им обещано каждому по рублю, не считая царского угощения. Для нас был устроен роскошный пир...»

После подавления вооруженной рукой Стрелецкого бунта и проведения «розыска» с многочисленными казнями генерал Патрик Гордон отправился в свое подмосковное имение. Там он занимался хозяйством вплоть до получения известия о возвращении Царя из-за границы 25 августа 1698 года.

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ ЖИЗНИ. ЦАРСКИЕ ПОЧЕСТИ

Петр I при отъезде из Европы в Россию соблюдал инкогнито. Из-за этого его неожиданное прибытие в Москву обошлось без пышных и официальных встреч. Инкогнито Государь соблюдал и вечером того дня, когда он прибыл в свою столицу. По известию, записанному Иоганном-Георгом Корбом в «Дневнике путешествия в Московию», Царь не пожелал остановиться в Кремлевском дворце, а «посетив с необычайной в другое время для его величества любезностью несколько домов, которые он отличал перед прочими неоднократными знаками своей милости, он удалился в Преображенское и предался там отдохновению и сну среди своих солдат».

Один из этих домов, отличенных знаками внимания, был дом Гордона, куда Государь заезжал спросить о генерале и не застал его. Известие об этом неожиданном визите было тотчас же сообщено Патрику Гордону в деревню, и он немедленно поспешил в Москву.

Тот же Иоганн-Георг Корб, секретарь австрийского посольства в Москве, подробно описывает встречу русского Царя с любимым генералом:

«Господин генерал Гордон во время неожиданного приезда царя находился в своем поместье, отстоящем от Москвы на расстоянии около тридцати миль; узнав о приезде царя, генерал приехал сегодня почтительно приветствовать его и явился на тот же самый пир. По обычаю, он дважды поклонился царю до земли и просил прощения за то, что слишком поздно свидетельствует ему свою преданность, в оправдание чего ссылался на непостоянство погоды и на ненастье. Его царское величество, поцеловав его, поднимал его и, когда тот преклонял колена, протягивал ему правую руку».

Петр I, как известно, остался крайне недовольным результатами проведенного расследования Стрелецкого бунта и приказал вновь возбудить розыск. Он старался «найти след» в этом деле низложенной им правительницы Софьи Алексеевны, своей родной сестры по отцу. Следствие продолжалось в Преображенском приказе с перерывами еще более года. Генерал Патрик Гордон, как иностранец, уже не привлекался для проведения расследования по этому делу, которое завершилось печально известной «Стрелецкой казнью».

Всю осень 1698 года Петр Иванович Гордон находился при Царском дворе, часто встречаясь с Царем, участвуя в многочисленных пирах и приемах. Иностранные дипломаты, аккредитованные в столице России, единодушно отмечают величайшую благосклонность русского монарха к убеленному сединами боевому заслуженному генералу. Петр I всегда подчеркивал свое личное расположение к генералу Гордону.

Самодержец постоянно знакомит своего наставника с планами проведения военной реформы в государстве, создания регулярной армии, показывает новинки оружия, купленного за границей. В один из сентябрьских дней Царь на приеме в селе Преображенском подарил Патрику Гордону штык.

Преклонный возраст генерала и годы, проведенные в сражениях и походах, все чаще стали давать о себе знать. В ноябре 1698 года Патрик Гордон надолго и серьезно заболел. Он уже не принимает, как еще совсем недавно, участия в организуемых монархом придворных увеселениях и парадах.

Государь не раз навещал больного генерала. Так, в один из дней он посетил его, прикованного болезнью к постели, и в течение полутора часов вел с ним беседу о необходимости Российскому государству иметь выход на морские пути и собственный флот, обустроенные для его стоянок гавани. По свидетельству «цесарца» Корба, монарх сказал Петру Ивановичу Гордону: «Мои корабли найдут гавань в море».

О том, насколько серьезной оказалась болезнь генерала Патрика Гордона, свидетельствует все тот же секретарь австрийского посольства в Москве. В январе 1699 года в столице состоялся праздничный парад войск в честь православного торжества Богоявления. В тот день гордоновским Бутырским полком, возглавлявшим процессию, командовал уже новый его начальник — полковник Менезеус.

Видимо, из-за серьезной болезни в самом конце 1698 года — 31 декабря — прерываются дневниковые записи, которые Патрик Гордон, нашедший в России свою вторую родину, собственноручно вел более четырех десятилетий.

Об этом свидетельствует и последняя фраза в его «Дневнике»: «Господи всемогущий! Хвала тебе за всемилостивейшее снисхождение ко мне в продолжение моей жизни. И благодарение Богу, что я смог приносить пользу столь долгое время и поныне через его промысел, дарованный мне. В этом году я чувствовал значительное расстройство моего здоровья и сил. Будь ко мне, Боже, всемилостив».

Генерал Петр Иванович Гордон последний раз встал на ноги 13 октября 1699 года. В тот день он командовал войсками, участвовавшими в приемной аудиенции посольства королевства Швеции. Дипломаты из Стокгольма знали, что генерал Патрик Гордон в годы своей офицерской юности служил в кавалерии шведской армии.

Гордон скончался в своем доме в Немецкой слободе утром 29 ноября 1699 года. Как пишет австрийский дипломат И.-Г. Корб, Царь приказал отправить похороны своего военного наставника «с той же пышностью, что и генерала Лефорта».

Корб пишет: «Его царское величество навещал его пять раз во время его предсмертной болезни, а в последнюю ночь был у него дважды и собственной рукой закрыл ему глаза, когда тот испустил дыхание». Об этом же свидетельствует находившийся тогда в Москве иезуит Франциск Эмилиан, находившийся у постели умирающего до последнего мига.

В своем письме из русской столицы Франциск Эмилиан подробно описывает кончину царского любимца. Письмо начинается со слов: «Ослабела наша паства в своих силах, потому что наш столп, господин генерал Гордон, простился с этим миром...»

Таким выражением иезуит отдавал последнюю дань шотландскому дворянину Патрику Леопольду Гордону, ревностному католику, прожившему почти всю свою сознательную жизнь в православном, «еретическом» Российском государстве, известном на рубеже XVII—XVIII веков в Европе еще как Московия.

...Последнее пристанище генерал Петр Иванович Гордон, верно служивший государям Русского царства, нашел в склепе под алтарем первого в Московии католического храма. Храм этот был основан и сооружен в 1694 году благодаря его трудам и просьбам

к российскому самодержцу. Гордон же добился высочайшего разрешения на постоянное пребывание в столице России католического священника.

На церемонии прощания Царь Петр I Алексеевич сказал о заслугах почившего генерала горестно и искренне: «Я даю ему только горсть земли, а он дал мне целое пространство земли с Азовом». Надгробную речь, которую читал ксендз-католик Иоанн Берула, Царь приказал читать по-польски.

Основанный Патриком Гордоном католический костел находился в районе современного Старокирочного переулка российской столицы. До наших дней он не сохранился и был из-за ветхости разобран. Прах генерала П.И. Гордона еще в XIX веке был с почестями перенесен на столичное Введенское кладбище.

«ДНЕВНИК» ПАТРИКА ГОРДОНА

После себя Патрик Гордон оставил потомкам и историкам замечательное произведение — «Журнал, или Дневной записки бывшего в российской службе генерала Гордона, им самим писаной». Или, как его обычно называют, «Дневник» Гордона. Его общий объем составляет 3518 страниц, написанных автором на классическом английском языке. Они представляют собой строго документированные дневниковые записи.

«Дневник» представляет собой шесть томов, изданных на английском и русском языках и частично на немецком. Из сорока трех лет, на протяжении которых Патрик Гордон вел дневниковые записи, сохранились его авторские рассказы лишь за двадцать шесть лет. Исследователи считают, что были утрачены два тома «Дневника», которые наследники шотландского наставника Петра Великого не сумели сохранить для российской истории.

Свое последнее пристанище подлинный гордоновский «Дневник» в шести томах нашел в самом начале XX столетия. Он поступил на хранение в Военно-ученый архив, в фонде которого он находится и поныне.

О значении «Дневника» Патрика Гордона свидетельствует хотя бы то, что начиная со второй половины XIX века абсолютное большинство русских, а затем и советских военных историков, да и

не только военных, в своих исследованиях опираются на дневниковые записи прославленного генерала Петра Великого. На этот документальный источник ссылались в своих трудах такие известные отечественные историки, как Н.С. Голицын и А.И. Баиов, П.О. Бобровский и Д.Ф. Масловский, Н.И. Обручев и А.З. Мышлаевский, Е.Н. Разин и А.А. Строков и многие другие.

Петр Иванович Гордон оставил заметный след в российской истории, начиная с времен правления Царя Алексея Михайловича Романова до Петра I Великого в годы начала его самостоятельного царствования. С именем генерала Гордона связаны такие исторические событгия, как два Чигиринских, два Крымских, Кожуховский, два Азовских похода русской армии. И такое событие, как подавление Стрелецкого бунта 1698 года.

Патрика Гордона отечественные историки в разное время судили по-разному. Однако они проявляют завидное единодушие в оценке его деятельности как иноземца на русской военной службе. То, что он верой и правдой служил России в лице ее царей из династии Романовых, неоспоримо.

В дневниковых записках о Московии упоминавшегося австрийского дипломата Иоганна-Георга Корба содержится развернутая характеристика генерала Патрика Гордона, которого он многократно наблюдал при жизни:

«Благоразумие, зрелая рассудительность и предусмотрительность во всем, заботливость украшали Гордона. Не гордясь своей известностью и отличаясь любезностью и приятностью обращения, Гордон особенно сумел привлечь на свою сторону московитов, по природе своей недоброжелательных к иностранцам и враждебно относящихся к их славе. Поэтому при возникновении внутренних смут его дом представлял безопасное и надежное убежище для самих туземцев. Часто величаемый государем именем «батюшка», почитаемый боярами, чествуемый думными, любезный дворянам и любимый чернью — он снискал себе у всех такое уважение, на какое вряд ли мог объявлять притязание туземец. Великий искусник по притворству и скромности, Гордон, согласно с наставлением Аристотеля, не говорил ничего такого владыке Московии, про что знал, что оно ему не понравится, чтобы, стараясь о выгоде других, не повредить благополучию собственному и своих близких».

Замечательный историк старой России Василий Осипович Ключевский дал примечательную характеристику П.И. Гордону, описывая компанию молодого Царя Петра I, ставшего в истории Петром Великим:

«...Иногда здесь появлялся и степенный шотландец, пожилой, осторожный и аккуратный генерал Патрик Гордон, наемная сабля, служившая в семи ордах семи царям, по выражению нашей былины <...> иноземцев принимали в компанию как своих, русских...»

Шотландца Патрика Леопольда Гордона Россия действительно приняла как своего, как русского. Он и вошел в ее историческую память как Петр Иванович Гордон. Как говорится, по заслугам была и державная ему честь.

НА ОПАСНОЙ ВЫСОТЕ... СТОЯЛ НЕПОКОЛЕБИМО

Генерал и адмирал Франц Яковлевич Лефорт

Нечасто российские Государи высочайше даровали потомкам свои сердечные изречения, выбивавшиеся на надгробных памятниках. Пальма первенства здесь, бесспорно, принадлежит Петру I Алексеевичу. В 1699 году, еще будучи молодым Царем, повелел сделать на могильной мраморной доске генералу и адмиралу Францу Яковлевичу Лефорту надпись, которая начиналась словами: «На опасной высоте придворного счастья стоял непоколебимо...» В эти слова укладывалась вся судьба петровского любимца, блиставшего в кругу друзей Государя «всея Руси...».

КАРЬЕРА ЛАНДСКНЕХТА — КУПЕЧЕСКОГО СЫНА ИЗ ЖЕНЕВЫ

Маленькая, расположенная в самом сердце Альпийских гор, Швейцария стояла далеко от морских торговых путей, стесненная со всех сторон владениями австрийского императора, французского короля, малых монархов Германии и Италии. Ее кантоны не были одарены природным изобилием, поэтому швейцарцы — европейские горцы во все времена, начиная с далекого Средневековья, — стремились строить свое благополучие за счет соседей.

Швейцарцы — твердые по натуре, общительные по характеру, сильные духом, способные переносить тяготы жизни, верные данной клятве, — стали успешно продавать свои услуги соседним правителям. Они были готовы нести военную службу в качестве наемных солдат-ландскнехтов любым правителям. Те всегда могли положиться на верность наемного швейцарского воинского отряда, но при непременном условии — регулярной выплате хорошего жалованья.

Традиции наемников из альпийской страны живы до сих пор: отряд наемной швейцарской стражи и по сей день охраняет дворец папы римского в Ватикане.

Профессия наемника, начиная со Средневековья, была в Швейцарии уважаемой и весьма прибыльной. Вчерашние наемники, которые возвращались в свои родные горные селения и города для того, чтобы безбедно провести остаток бренной жизни, будоражили души местной молодежи рассказами о походах и битвах, полученных ранениях и денежных наградах, почетной охранной службе при европейских дворах. Поэтому наемные швейцарские отряды никогда не испытывали недостатка в волонтерах.

С рассказами о романтике заграничной службы швейцарского ландскнехта, вне всяких сомнений, еще с детства был знаком и Франц Лефорт. Он родился в 1656 году (по некоторым данным — на три года раньше) в городе Женеве, во франкоязычной части Швейцарии. Его отец был достаточно преуспевающим торговцем средней руки и потому готовил сына к коммерческой деятельности, благо до соседних Франции и Италии было рукой подать. Как торговый пункт, Женева процветала во многом благодаря одноименному судоходному озеру и оживленной дороге на его северном берегу.

Лефорту-старшему не удалось дать сыну серьезного образования, тем более университетского. Да и Лефорт-младший к этому не стремился. Более того, мирная профессия женевского купца его совсем не привлекала и была не по душе, что очень огорчало родителей. Они радели за семейное благополучие на ниве торговых дел, к которым бойкий по характеру сын не проявлял интереса.

Будучи еще совсем юношей, Франц Лефорт решил попытать счастья на наемной военной службе. Разумеется, без отцовского на то разрешения. Женевец прибывает во Францию и по протекции своего соотечественника поступает волонтером в одну из рот гарнизона портового города Марселя на берегу Средиземного моря. Прослужил он в рядах французской королевской армии всего несколько месяцев в должности нижнего чина, то есть рядового.

Вероятно, такая служба не окрылила Лефорта-младшего. По крайней мере, когда отец начал вызывать сына обратно в Женеву, тот не ослушался отцовской воли. Распростившись с французской армией, Франц Лефорт возвратился в родной город. Здесь он вновь был принужден заниматься скучной для него коммерческой деятельностью. Удовольствия от нее он не получал.

Дальнейшую судьбу Франца Яковлевича Лефорта предопределила случайная встреча с принцем Карлом-Яковом, младшим сыном герцога Курляндского. Прибалтийский аристократ, двадцатилетний молодой человек прибыл в Женеву на рубеже 1673—1674 годов. Сын герцога и сын купца сразу сдружились. Их роднило одно — они считали своим призванием военную карьеру. Служить же они были готовы любому монарху и в любой европейской стране.

Принц Карл-Яков предложил Лефорту-младшему свою протекцию при поступлении на службу под начальство своего старшего брата, наследного принца Курляндского. Тот в то время командовал полком в армии Нидерландских Генеральных Штатов. С немалыми усилиями, сломив сопротивление огорченных родителей, Франц Лефорт поступил на голландскую военную службу.

Как человеку, мечтавшему о подвигах и сильных поступках, ему откровенно повезло. В это время шла война между Францией и Голландией 1672—1678 годов, которая дорого обходилась каждой противоборствующей стороне. Наемник Франц Лефорт получил боевое крещение при осаде и штурме укрепленного города Уденарда. Случилось это в 1674 году. Полк принца Курляндского, состоявший в своей массе из ландскнехтов разных стран, отличился в той баталии.

Вскоре швейцарец Франц Лефорт получил желанный офицерский патент, который давал ему право наниматься на иностранную военную службу уже не рядовым солдатом, а начальником небольшого воинского отряда. Более того, офицерский чин в двадцать с небольшим лет открывал путь к успешной военной карьере.

Франко-голландская война затягивалась. Наемникам в той и другой армии часто не выплачивали обещанного жалованья, и многие из них стали подумывать о смене места службы. Через малое время, прошедшее после взятия Уденарда, Франц Лефорт принял предложение полковника фон Фростена ехать в далекую и, по слухам, богатую Московию на службу к русскому Царю.

Царь Алексей Михайлович проводил в России военную реформу, заводил полки «нового строя» — солдатские, рейтарские и драгунские. Для них требовались командиры, обученные европейскому «правильному» строю. Таковых своих было крайне мало, и Государь «всея Руси» стал приглашать на русскую военную службу иностранных офицеров и даже рядовых.

Наем иноземцев «в царскую службу» был особенно многочислен в 1675 году. В конце этого года фон Фростен, Франц Лефорт и немало других наемников, оставив ряды голландской армии, отправились в неведомую им Московию, Русское царство. Там за верную службу ландскнехтам-иноземцам платили хорошо и регулярно — серебром и бесценными соболями, этим русским пушным золотом.

В МОСКОВИИ. ПОКРОВИТЕЛЬСТВО КНЯЗЕЙ ГОЛИЦЫНЫХ

Полковник фон Фростен представил своего младшего товарища швейцарца строгой боярской комиссии в качестве перспективного офицера в чине капитана. Но, как оказалось, знания военного дела у иноземцев, желавших служить Царю Алексею Михайловичу, проверяли весьма строго. Можно утверждать, что офицерского экзамена Франц Лефорт, прибывший в Москву в 1676 году, не выдержал, и ему отказали в приеме на офицерскую должность.

Но Московия сразу притянула к себе молодого женевца. Поэтому тот после неудачной попытки поступить на русскую военную службу не вернулся в Европу. Местом жительства его стала московская Немецкая слобода, где уже осело немало выходцев из Швейцарии. Они-то и поддержали неудачливого земляка, и Францу Лефорту с первых шагов в России не пришлось бедствовать.

Беглецу ландскнехту из голландской армии удалось поступить на царскую военную службу только через два года. На повторном экзамене Франц Лефорт перед придирчивой боярской комиссией удачно продемонстрировал свои офицерские познания. Они заключались в умении владеть огнестрельным и холодным оружием, знании ружейных приемов и командных слов, в строевой подготовке. К тому же швейцарец отличался высоким ростом, бравым видом и хорошей командирской выправкой.

Подтвердив перед царскими боярами офицерский патент, а таких документов-фальшивок привозилось в то время много, капитан Франц Лефорт начал делать свои первые шаги на русской службе в качестве ротного командира. Однако в Москве его не оставили, а отправили в пограничный киевский гарнизон. Его войска входили в подчинение воеводе князю В.В. Голицыну.

Московское царство вело в то время войну с Турцией и Крымским ханством. Капитан Франц Лефорт два с половиной года прослужил в Киеве и за это время не раз участвовал в делах против османов и крымской конницы. В составе голицынских войск его солдатская рота ходила походами в степь, участвовала во многих боях. «Служилый иноземец» из далекой от Московии Швейцарии показал себя с самой лучшей стороны, хотя Крымские походы закончились полной неудачей.

После заключения мира между Россией и Оттоманской Портой киевский гарнизон поубавили. Лефортовская рота оказалась в числе тех войск, которые отзывались в Москву на постой. Франц Лефорт вновь поселился в Немецкой слободе, которую москвичи называли и Кукуем. Началась служба в столичном гарнизоне — караулы в Кремле, участие в церемониях встреч иноземных послов, солдатские учения. По вечерам — веселые застолья в «заведениях» Немецкой слободы. Известно, что швейцарец на царскую службу не жаловался — это была не французская или голландская армии. Там во всем главенствовала строгая воинская дисциплина.

Франца Лефорта отличало редкое умение входить в доверие к начальствующим лицам. Первым его покровителем стал князь Василий Васильевич Голицын, фаворит царевны-правительницы Софьи Алексеевны. Через него наемный офицер познакомился с князем Борисом Алексеевичем Голицыным, двоюродным братом князя Василия Васильевича. Тот в звании кравчего заведовал Приказом Казанского дворца.

Перемена власти в России после кончины Царя Федора Алексеевича самым благоприятным образом отразилась на судьбе капитана Лефорта. Один из князей Голицыных — Василий Васильевич — при правительнице Софье фактически управлял государством. Второй — Борис Алексеевич — оказался назначенным дядькой к юному Царю Петру и стал его правой рукой во время борьбы за власть с сестрой, царевной Софьей. В любом исходе

борьбы за царский трон в Московском Кремле «служилый иноземец» выигрывал.

Оба князя Голицына заметно выделялись из среды московской боярской знати — они были хорошо образованы и отличались большой склонностью к иностранцам. По свидетельству современников, Б.А. Голицын был первым из именитых людей, кто «начал с офицерами и купцами иноземными обходиться». В 1688 году он близко сошелся с двумя иностранными офицерами на русской службе — Патриком Гордоном и Францем Лефортом.

Последний к тому времени уже сделал хорошую карьеру благодаря протекции князя Василия Васильевича Голицына. В июне 1683 года по случаю именин Царя Петра Алексеевича швейцарца Франца Лефорта произвели в чин майора, а в августе того же года, в день именин Царя Ивана Алексеевича, он получил чин подполковника.

Последнее офицерское звание дало ему право занять должность батальонного командира Елецкого солдатского полка. «Служилый иноземец» из города Женевы принял участие в обоих Крымских походах русских войск под командованием князя В.В. Голицына. Они, как известно, закончились неудачей, но Елецкий солдатский полк среди других выглядел неплохо: участвовал в отражении нападений крымской конницы, стойко переносил тяготы походной жизни. Примечательно было и то, что среди елецких солдат почти не оказалось беглецов.

Подполковник Франц Лефорт за примерную царскую службу производится в полковники. Новое звание улучшало его материальное положение и давало право стать полковым командиром одной из воинских частей столичного гарнизона. В Немецкой слободе стали поговаривать, что швейцарец «метит в царские генералы». В принципе так оно и было.

Неудачные Крымские походы нанесли непоправимый удар по положению правительницы Софьи Алексеевны и ее фаворита. Борьбу за царскую власть с юным Петром I они проиграли и оказались в заточении: царевну «заперли» в Новодевичьем женском монастыре, князя Василия с сыном отправили в далекую «бесчестную» ссылку.

В Российском государстве начиналась новая историческая эпоха — эпоха Петра Великого. По воле судьбы Франц Яковлевич Лефорт становится не только его сподвижником во многих делах, но и близким другом русского Царя.

«СЛУЖИЛЫЙ ИНОЗЕМЕЦ» И ГОСУДАРЬ «ВСЕЯ РУСИ»

До сих пор историки расходятся во мнении — когда же произошла первая встреча Царя Петра Алексеевича с полковником, выходцем из далекой Швейцарии. Одни считают, что их сближение и настоящая дружба берет истоки с того дня, когда «служилый иноземец» Франц Лефорт одним из первых прибыл по вызову юного Государя в 1689 году в Троице-Сергиев монастырь.

Другие отечественные исследователи считают, что начало сношений иностранного офицера с отроком-Царем относится к периоду «потешных» военных игр Петра I в селе Преображенском. Участие в них принимало немало начальствующих людей из числа иноземцев. Среди них швейцарец действительно значился.

Правильнее допустить, что близкое знакомство юного монарха с Францем Лефортом произошло при посещении им Немецкой слободы. Так считает большинство историков. Писатель Алексей Толстой в своем знаменитом романе «Петр Первый» так описывает первую встречу Царя со швейцарцем из Женевы:

«...виноторговец Иван Монс, вышедший из аустерии, чтобы взглянуть на молодого царя, вынул изо рта фарфоровую трубку:

— Царскому величеству у нас приятнее, нежели дома, у нас веселее...

Стоявшие кругом иноземцы, вынув трубки, закачали головами, подтвердили с добродушными улыбками:

— О да, у нас веселее...

И ближе придвинулись слушать, что говорил длинному, с длинной, детской шеей царю нарядный человек в пышно завитом парике — Франц Лефорт. Петр встретил его на Яузе: плыли в тяжелом струге, челядинцы нескладно гребли, стукаясь уключинами. Петр сидел на носу, поджав ноги. Озаренные закатом, медленно приближались черепичные кровли, острые шпили, верхушки подстриженных деревьев, мельницы с флюгерками, голубятни. С Кукуя доносилась странная музыка. Будто наяву виделся город из тридевятого царства, тридесятого государства, про который Петру еще с колыбели бормотали няньки.

На берегу, на куче мусора, появился человек в растопыренном по бокам бархатном кафтане, при шпаге и в черной шляпе с завороченными с трех сторон краями, — капитан Франц Лефорт. Петр видал его в Кремле, когда принимали иноземных послов. Отнеся вбок левую руку с тростью, он снял шляпу, отступил на

шаг и поклонился, — завитые космы парика закрыли ему лицо. Столь же бойко он выпрямился и, улыбаясь приподнятыми уголками рта, проговорил ломано по-русски:

— К услугам вашего царского величества...

Петр смотрел на него, вытянув шею, как на чудо, — до того этот человек был ловкий, веселый, ни на кого не похожий. Лефорт говорил, потряхивая кудрями:

— Я могу показать водяную мельницу, которая трет нюхательный табак, толчет просо, трясет ткацкий стан и поднимает воду в преогромную бочку. Могу также показать мельничное колесо, в коем бегает собака и вертит его. В доме виноторговца Монса есть музыкальный ящик с двенадцатью кавалерами и дамами на крышке и также двумя птицами, вполне согласными натуре, но величиной с ноготь. Птицы поют по-соловьиному и трясут хвостами и крыльями, хоть все сие не что иное, как прехитрые законы механики. Покажу зрительную трубу, через кою смотрят на месяц и видят на нем моря и горы. У аптекаря можно поглядеть на младенца женского пола, живущего в спирту, — лицо поперек полторы четверти, тело — в шерсти, на руках, ногах — по два пальца.

У Петра все шире округлялись глаза от любопытства. Но он молчал, сжав маленький рот. Почему-то казалось, что, если он вылезет на берег — длиннорукий, длинный, — Лефорт засмеется над ним. От застенчивости он сердито сопел носом и не решался вылезти, хотя лодка уже ткнулась в берег. Тогда Лефорт сбежал к реке — веселый, красивый, добродушный, — схватил исцарапанную, с изгрызанными ногтями руку Петра и прижал к сердцу:

— О, наши добрые кукуйцы будут сердечно рады увидеть ваше величество. Они покажут вам весьма забавные кундштюки...

Ловок, хитер был Лефорт. Петр не опомнился, как уже, размахивая руками, шагал рядом с ним к воротам слободы. Здесь окружили их сытые, краснощекие кукуйцы, и каждый захотел показать свой дом, свою мельницу, где в колесе бегала собака, свой огород с песчаными дорожками, подстриженными кустиками и ни одной лишней травинкой. Показали все умственные штуки, о которых говорил Лефорт...»

То, что юный Царь Петр Алексеевич посетил Немецкую слободу, не могло быть случайностью. Она располагалась рядом с селом Преображенским, где проживал Государь с матерью. Немец-

кая слобода — Кукуй, поселение иностранцев, приехавших в Россию из разных стран, было своеобразным явлением в XVII столетии. По традициям того века, это поселение купцов, дипломатов, наемников-ландскнехтов было отделено от столичного города крепкой оградой. Кукуй являлся своеобразной моделью Европы — здесь жили католики и протестанты, немцы и французы, англичане и шотландцы...

Этот странный, непохожий на Москву мир занимал любопытное внимание Петра первоначально, вероятно, как редкость, курьез, привлекал своей несхожестью на мир Кремля, Преображенского. Знакомство с иноземцами — интересными, образованными людьми Патриком Гордоном, Францем Лефортом и другими, непривычные вещи, обычаи, многоязычие, а потом и первые интимные впечатления в доме виноторговца Монса, где жила его дочь, красавица Анна, — все это облегчило Петру преодоление (предки которого мыли руки из серебряного кувшина после церемонии «допуска к руке» иностранного посла) невидимого, но прочного психологического барьера. Того барьера, который разделял два чуждых друг другу мира — православной Руси и «богопротивной» Европы, — который и ныне-то преодолевать так нелегко.

Дружба юного Царя с Францем Лефортом установилась не сразу. Их сближению мешала серьезная преграда в лице строгого ревнителя русской старины патриарха Иоакима, человека огромного влияния на положение дел в государстве. Патриарх был настроен очень резко против назначения военачальниками в царское войско иноземцев, которых он называл «еретиками». Петр I, вероятно, вздохнул с облегчением, когда патриарх ушел в мир иной. Теперь он, не боясь укоризн, мог дать себе полную волю в общении с иностранцами, с новыми друзьями в лице шотландца Патрика Гордона и швейцарца Франца Лефорта. Если первый, генерал, стал его военным наставником, то второй — личным другом.

Франц Лефорт не состоял в придворной должности, но он старался как можно чаще бывать в Преображенском и принимать участие в «потешных» играх Царя Московии. Их сближению во многом способствовал и князь Б.А. Голицын, покровительствовавший иноземцу. Через Лефорта к службе в «потешных» войсках привлекли немало иностранцев, в частности капитана Федора Зоммера «для огнестрельного и гранатного дела». Петр I, убедившись в знаниях Зоммера, произвел его в генералы.

О значении связки — «служилый иноземец» Ф.Я. Лефорт и князь Б.А. Голицын — в окружении самодержца хорошо сказано князем Б.И. Куракиным, историком, ныне незаслуженно забытым, в его «Гистории о царе Петре Алексеевиче»:

«А Казанский дворец правил и весь Низ с великою ауториею (от французского слова власть. — *А. Ш.*) князь Борис Алексеевич Голицын, который, по смерти царицы Натальи Кирилловны, вступил было во все правление государственное, как бы быть первым министром, в том надеянии, что его величество к нему естиму великую имел за все его прежние показанные службы, во время царевны Софии Алексеевны, также и для другой причины, что оный князь Голицын был друг душевный генералу Лефорту, который был великим фаворитом у его величества...»

ДРУЖБА. ЦАРСКИЕ МИЛОСТИ

18 февраля 1690 года по случаю рождения царевича Алексея Петровича полковник Франц Яковлевич Лефорт производится в генерал-майоры. В течение следующего, 1691 года он окончательно «делается» царским любимцем и в том же году получает чин генерал-поручика (генерал-лейтенанта). Военная карьера женевца в Русском царстве развивалась просто стремительно.

Франц Лефорт более чем просто старается, вводя российского Государя в общество именитых людей Немецкой слободы. Кукуйцы прекрасно понимали, что их будущее, благополучие в чужой для них стране в решающей степени зависит от юного Царя Московии, который потянулся к познанию Европы и уже стал приобщать к ней Россию.

Вскоре после смерти патриарха Иоакима, вопреки последним словам его завещания об иноземных обычаях и одеждах, Царь Петр I облачается в иноземное одеяние. Ему, как значится в записях царской Мастерской палаты, было сделано «немецкое платье»: камзол, чулки, башмаки, шпага на шитой золотом перевязи и «накладные волосы», то есть парик. Документ гласил:

«...по указу великих государей сделано немецкое платье в хоромы к нему, великому государю, царю и великому князю Петру Алексеевичу, всея Великия и Белыя России самодержцу, а к тому делу взято товаров у генерала Франца Лефорта: две цевки золота, плачено один рубль, 13 алтын, 2 деньги, да девять дюжин пуго-

виц по шести алтын дюжина, да к исподнему кафтану — 6 дюжин пуговиц по 2 алтына, 4 деньги дюжина, да шелку и полотна на 10 алтын, да накладные волосы — три рубля...»

Этот документ свидетельствует, что именно женевец, купец по родословной, постарался «приобщить» русского Царя к европейской одежде, что для Московии конца XVII столетия было в новость. С другой стороны, швейцарец выступил как поставщик материалов для царской Мастерской палаты — ателье более чем трехсотлетней давности, где шили одежду и обувь семейству Романовых.

В начале царствования Петра I Алексеевича два иностранца пользовались его особой личной симпатией и привязанностью. Шотландец Патрик Гордон «взял» своей военной образованностью, опытностью повоевавшего в европейских армиях человека. Совсем в иной сфере завоевал дружбу монарха швейцарец Франц Лефорт.

В отличие от Гордона, добропорядочного католика и семьянина, до тонкостей постигшего военное дело, Лефорт не был обременен какими-либо знаниями, не знаком он был и с ремеслами, если, разумеется, не считать купеческого промысла. Добродушный великан и остроумный весельчак с изысканными манерами и мягким юмором, страстный поклонник слабого пола, Лефорт, больше всего любивший удовольствия, был незаменим в веселой компании.

«Помянутый Лефорт, — отзывается о нем князь Куракин, — был человек забавный и роскошный, или назвать дебошан французский. И непрестанно давал у себя в доме обеды, супе и балы». Историк Куракин тонко подметил еще одну черту в поведении Лефорта, царского любимца: он никогда не вмешивался в дела государственного управления Россией.

Князь-историк так отмечал причастность женевца к началу царствования Петра Великого: «...Токмо был для одних вечеринок и пиров, а в делах оной Лефорт сил не имел и не мешался и правления никакого не имел, токмо имел чин адмирала и генерала от инфантерии». Именно Франц Лефорт ввел юного Петра, воспитанного в строгих правилах старинного «Домостроя», в дамское общество Немецкой слободы и был его поверенным в сердечных делах с Анной Монс.

Франц Лефорт становится большим человеком не только в Немецкой слободе, но и в первопрестольной Москве. Одно сло-

во — царский любимец — говорило уже о многом. Иноземцы, живущие в русской столице и приезжающие по торговым делам из Архангельска и Вологды, отзывались о нем с большим уважением. Московские приказчики амстердамских и лондонских торговых домов писали о нем туда и советовали своим хозяевам: случится какое дело, посылать ему небольшие подарки — лучше всего доброго вина.

Первым знаком царского благоволения для Франца Лефорта стал генеральский чин. Хотя многие историки считают, что дан он был за поход из Москвы в Троице-Сергиеву лавру, когда династическая борьба между царевной Софьей и Петром Алексеевичем достигла критического перелома.

Теперь для жителей Немецкой слободы дом Франца Лефорта значил больше, чем гордоновский. Лефортовский дом был ему теперь тесен — так много людей хотело пожать ему руку, перекинуться словечком, просто напомнить о себе. Лефорт становился негласной главой колонии иностранцев (европейцев) в Москве.

У новоиспеченного генерала царского войска появились большие средства. Несмотря на позднюю осень, начались торопливые работы по надстройке и расширению дома: ставили каменное крыльцо с боковыми подъездами, украшали колоннами и лепными античными фигурами лицевую сторону. На месте двора, где прежде бил небольшой фонтан, копали озеро для водяных и огненных потех. По сторонам строили караулки — кордегардии для мушкетеров-иноземцев.

Писатель Алексей Толстой мастерски точно показал с позиций человеческой психологии уровень взаимоотношений двух примечательных личностей. С одной стороны, молодого русского Царя, еще только ищущего свое место в отечественной истории. С другой — «служилого иноземца», мало сведущего в делах ратных, но умевшего быть верным другом действительно великого по положению человека.

«...За время троицкого сидения Лефорт стал нужен Петру, как умная мать ребенку: Лефорт с полуслова понимал его желания, стерег от опасностей, учил видеть выгоды и невыгоды и, казалось, сам горячо его полюбил, постоянно был подле царя не затем, чтобы просить, как бояре — уныло стукая челом в ноги, — деревенек и людишек, а для общего им обоим дела и общих потех. Нарядный, болтливый, добродушный, как утрен-

нее солнце в окошке, он появлялся — с поклонами, улыбочками — у Петра в опочивальне — и так весельем, радостными заботами, счастливыми ожиданиями начинался день. Петр любил в Лефорте свои сладкие думы о заморских землях, прекрасных городах и гаванях с кораблями и отважными капитанами, пропахшими табаком и ромом, — все, что с детства мерещилось ему на картинках и печатных листах, привозимых из-за границы. Даже запах от платья Лефорта был не русский, иной, весьма приятный...

Петр хотел, чтобы дом его любимца стал островком этой манящей иноземщины, — для царского веселья украшался Лефортов дом... Петр без оглядки кинулся к удовольствиям. Страсти его прорвало, и тут в особенности понадобился ему Лефорт: без него хотелось и не зналось... Лефорт с полуслова понимал его желания. Был он как лист хмеля в темном пиве Петровых страстей...»

Как человек военный, Франц Лефорт участвует во многих «потешных» играх Государя. Тот поручает своему любимцу различные командования во время учебных баталий и походов, чаще всего ставит женевца во главе кавалерийских отрядов. Царь постоянно одаривает друга различными подарками и деньгами. Так, 23 декабря 1691 года «дано из Мастерской палаты генералу иноземцу Францу Яковлеву сыну Лефорту денег 200 рублей». Сумма подаренных денег была по тем временам «изрядная».

В конце 1691 года женевец Сенебье, поступивший на русскую военную службу капитаном и пользовавшийся покровительством своего соотечественника Франца Лефорта, пишет о последнем своей матери в Швейцарию:

«Его царское величество очень его (Лефорта. — *А. Ш.*) любит и ценит его выше, чем какого-либо другого иноземца. Его чрезвычайно любит вся знать и все иностранцы. При дворе только и говорят о его величестве и о Лефорте. Они неразлучны. Его величество часто посещает его и два или три раза у него обедает. Оба они одинакового роста с тою разницею, что его величество немного выше и не так силен, как генерал. Это монарх 20-ти лет, у которого есть уже два принца. Он часто появляется во французском платье, подобно г. Лефорту.

Последний в такой милости у его величества, что имеет при дворе великую силу. Он оказал большие заслуги и обладает выдающимися качествами. Пока Москва остается Москвою, не было в ней иностранца, который пользовался бы таким могуществом.

Он приобрел бы большое состояние, если бы не был так великодушен. Верно, конечно, что благодаря этому качеству он достиг такой высокой ступени. Его величество делает ему значительные подарки».

Петр I не забывает и о попечительстве над Францем Лефортом на военном поприще. Тому оказывается монаршая милость: он назначается командиром 1-го выборного солдатского полка, бывшего полка Агея Шепелева (первое время полки в русской армии назывались по имени их командиров), получившего название Лефортовского.

Возможно, что с этого эпизода началось ревностное отношение друг к другу двух петровских любимцев — генералов Патрика Гордона и Франца Лефорта. Первый из них, чьи заслуги перед Российским государством к тому времени были несомненны и всеми признаны, командовал не первым по счету полком московского гарнизона — 2-м выборным солдатским полком, или Бутырским. Это немало обидело шотландца.

Когда Петр I удалился на время из Москвы и царского села Преображенского в город Переяславль, на Плещеево озеро, генерал Франц Лефорт навещает своего царственного друга. Он писал по этому поводу своему старшему брату в Женеву:

«Я не сумел бы, любезный брат, изобразить вам радость, которую выказали мне при моем приезде его величество и все придворные. Так как я имею честь командовать кораблем, который носит название «Марс» и на котором находится его величество, то тотчас же по моем прибытии его величество отправился на названный корабль и послал за мной бригантину, чтобы привезти меня к нему. Когда я вступил на корабль, его величество осыпал меня такими знаками милости, что я не могу вам описать. Палили из всех пушек корабля, и после того, как его величество показал мне все богатство и всю красоту отделки моего корабля, мы вернулись опять на сушу. Царь приказал, чтобы по поводу моего прибытия стреляли пушки на всех кораблях. Затем меня повели в мой дом, который его величество соблаговолил для меня выстроить. Это очень красивое здание. На следующий день его величество оказал мне честь у меня обедать; а на третий день ему угодно было угощать меня на нашем корабле, причем целый день стреляли из пушек на всех судах».

Русская знать все же не питала особых чувств почитания француза из Женевы, «окрутившего» молодого Царя «всея Руси». Из-

вестен, например, такой случай. Франц Лефорт давал в своем новом доме прощальный пир в честь Государя, уезжавшего на другой день в Переяславль к своей любимой военной «потешной» флотилии. Кутили всю ночь. Пир завершился большим скандалом или, иначе говоря, потасовкой.

Один из братьев Царицы Евдокии Федоровны думный дворянин Абрам Лопухин побранился и даже подрался с хозяином дома — генералом Лефортом, осыпая его бранными словами и смяв ему всю прическу, то есть сорвав знаменитый лефортовский парик. Царь вмешался в эту ссору, приняв сторону друга против свойственника, брата жены, и надавал Лопухину пощечин.

Франц Лефорт сопровождал Государя во время его первого путешествия в портовый город Архангельск, через который Россия вела торговлю с европейскими странами. Петра Алексеевича в той поездке сопровождала большая свита из семи бояр, двух генералиссимусов «потешных» войск — ближних стольников князя Ф.Ю. Ромодановского и И.И. Бутурлина, нескольких князей, 18 стольников и прочих придворных чинов.

На следующий, 1694 год Царь Петр I решил совершить еще одну поездку на русский Север, в тот же Архангельск. На сей раз предстояло совершить плавание по Белому морю и выйти в Северный Ледовитый океан, пройти на кораблях вдоль побережья Кольского полуострова (Мурмана). На генерала Франца Лефорта возлагаются хлопоты по устройству второго государева путешествия в Архангельск.

«Я писал, — сообщает Лефорт в письме в Швейцарию, к старшему брату, — по приказанию его царского величества в Амстердам к бургомистру Витзену о корабле, который снабжен 40 пушками и всем к тому принадлежащим. Отдан уже приказ о переводе 40 000 талеров для уплаты за него. Я буду иметь честь командовать на нем в качестве капитана, князь Голицын будет лейтенантом, наш великий монарх — шкипером, а рулевым будет служить прежний его рулевой. Кроме того, у нас будут еще два корабля, их будут вести два генерала, из коих один — мой зять Гордон, а другой по имени Бутурлин. Все господа, которые обыкновенно следуют за двором, поедут с нами. Делаются большие приготовления, и всем распоряжаюсь я. Я надеюсь, что все, если богу будет угодно, удастся по желанию государя».

Перед отъездом в Архангельск генерал Франц Лефорт дал в своем доме очередной большой пир, на котором присутствовало

более двухсот человек. Солдаты «потешных» полков, которым предстояло сопровождать Государя в путешествии, были угощены в лефортовском доме после обеда знатных лиц. Присутствовало и дамское общество Немецкой слободы, но не танцевали из-за траура по Царице-матери Наталье Кирилловне.

В Архангельске «царский поезд» уже ожидал военный корабль «Святое пророчество», заказанный Лефортом в голландском городе Амстердаме. Экипаж его состоял из 40 матросов во главе с капитаном Яном Фламом. На борту корабля находилось 44 пушки и мортиры, сделанные из «хорошего железа», три тысячи пудов пороха.

По царскому повелению командиром парусника стал уроженец самого сухопутного государства в Европе генерал Франц Лефорт. Фактически же управлял военным кораблем в звании штурмана опытный Ян Флам, совершивший уже тридцать плаваний из Голландии в Архангельск и знакомый со всеми удобными бухтами в Белом море.

На «Святом пророчестве» в самой торжественной обстановке был поднят русский военно-морской флаг. Он состоял из полос красного, синего и белого цветов и представлял собой вариацию голландского флага, под которым он пришел из Амстердама.

Эскадра из трех военных кораблей России сопровождала до мыса Святой Нос иностранные торговые суда — четыре английских и четыре голландских. Экипажам пришлось выдержать штормовую погоду и опасное сближение со скалистым Беломорским побережьем.

Вернувшись из путешествия на русский Север, генерал Франц Лефорт принял участие в Кожуховском походе — самых больших военных маневрах петровской армии мирного времени. Среди прочего Царь поручает ему возведение полевого укрепления — редута, окруженного рвами и укрепленного плетнями и рогатками. Лефортовский полк принял самое активное участие в «потешных» баталиях под подмосковной деревней Кожухово.

В день своих именин — 4 октября — царский любимец серьезно пострадал. После большого застолья начались «боевые» действия сторон, которые закончились штурмом укрепленного городка. Тот учебный приступ не обошелся без пострадавших — было серьезно ранено несколько человек. Пострадал и сам именинник генерал Франц Лефорт, которому «огненным горшком обожгло лицо», то есть «потешным» пушечным снарядом (бомбой).

«В меня бросили, — писал об этом «потешном» эпизоде пострадавший своему брату в далекую Женеву, — горшок, начиненный более чем четырьмя фунтами пороху; попав мне прямо в плечо и в ухо, он причинил мне ожог, именно обожжена была кожа на шее, правое ухо и волосы, и я более шести дней ходил слепым. Однако, хотя кожа на всем лице у меня была содрана, все же я достиг того, что мое знамя было водружено на равелине, и все равелины были взяты...

Я безусловно принужден был удалиться в тыл, чтобы перевязать мои раны. В тот же вечер мне была оказана тысяча почестей. Его величество принял в моем злоключении большое участие, и ему было угодно ужинать у меня со всеми главными офицерами и князьями. Я угощал их, несмотря на то, что вся моя голова и лицо обвязаны были пластырями. Когда его величество увидал меня, он сказал: «Я очень огорчен твоим несчастьем. Ты сдержал свое слово, что скорее умрешь, чем оставишь свой пост. Теперь не знаю, чем тебя наградить, но непременно награжу».

ПОД АЗОВСКОЙ КРЕПОСТЬЮ. ГОД 1695-Й

...В начале 1695 года было решено пойти в поход на турецкую крепость Азов. Москва находилась со Стамбулом и Крымским ханством фактически в состоянии войны, поскольку мирный договор между Россией и Оттоманской Портой не был заключен. Русская армия делится организационно на три корпуса под командованием генералов Патрика Гордона, Автонома Михайловича Головина и Франца Лефорта.

К тому времени петровский фаворит уже имел опыт командования солдатским выборным полком численностью в 15 тысяч человек, которым начальствовал уже третий год. Следует отметить, что Франц Лефорт в должности полкового командира развил бурную деятельность. Он прежде всего хлопочет перед Петром I об учреждении особой солдатской слободы в Москве и находит обширный плац на левом берегу реки Яузы, против своего дома, для полковых маневров и учений.

Уже в сентябре 1692 года началась постройка 500 деревянных домов для солдат Лефортовского полка. Так в столице возникает новый городской жилой район — Лефортовская часть, ныне Лефортово. Полковой командир постоянно заботится о солдат-

ском быте, продовольственном снабжении подчиненных, порядке в полку и солдатской слободе. Следует отметить, что солдаты и офицеры полка любили своего не самого строгого начальника.

В первый Азовский поход Лефортовский полк выступил в неполном составе, поскольку представлял собой учебную воинскую часть. Корпусные войска Головина и Лефорта свой путь на Юг начали по воде — по рекам Москве, Оке и Волге. По пути в волжских городах делались остановки. В Нижнем Новгороде посадские люди (купечество) сделали подарки царским военачальникам.

«Немчин Лефорт» получил от нижегородцев в дар огромный калач в гривну ценою, «стяг говядины», два пуда икры, кадку меда весом в четыре пуда и две головы сахару. Такие подношения были сделаны и в других городах по Волге, где огромный караван стругов с войсками делал остановки. Местные жители снабжали полки продовольствием и за свой счет производили необходимый ремонт стругов царского каравана.

По Дону главные силы русской армии достигли Азовской крепости. Там уже стоял в полевом укрепленном лагере авангардный корпус генерала Гордона. Полки Лефорта разместились на левом крыле осадного полукольца.

Нося генеральское звание, Франц Лефорт так и не смог проявить себя как большой военачальник. Патрику Гордону пришлось постоянно опекать петровского любимца в ходе первой осады Азова. То он подсказывал ему, что надо соединить траншеи и тогда можно будет подавать помощь друг другу в случае нападения крымской конницы, которая постоянно маячила на горизонте в степи. То войска Гордона раз за разом приходили на выручку полкам Лефорта в случае вылазок азовского гарнизона.

Султанский паша, начальствовавший в осажденной крепости, оказался человеком опытным в военном деле. Он довольно скоро подметил, что наиболее слабое звено в осадной линии находится как раз там, где расположились войска генерала Франца Лефорта. По ним и стали наносить постоянные удары не только турки азовского гарнизона, но и конница крымского хана.

Когда с моря к крепости подошли около 20 галер с подкреплениями в людях и припасах, азовский гарнизон участил вылазки. Так, 7 июля в четыре часа пополудни турки и крымская конница сделали сильное нападение на полевой лагерь Лефорта, ворвались в него и перебили немало солдат.

Потерь могло оказаться гораздо больше. Но швейцарца опять-таки вовремя выручил генерал Патрик Гордон, чьи полки занимали центр осадной линии. Он лично пришел на помощь во главе 2-тысячного отряда из солдат Бутырского полка и стрельцов. Увидев решительное приближение новых сил русских к месту боя, крымчаки ускакали в степь, а янычары поспешно отошли в крепость.

«Бой продолжался долго, — писал об этом вражеском нападении Франц Лефорт старшему брату в Женеву. — Татары стремились взять мой лагерь силой. После двухчасового сражения они были принуждены к отступлению со значительными потерями. Я со своей стороны потерял храбрых офицеров. Мой лагерь был наполнен стрелами. Несколько сот солдат было частию убито, частию ранено».

Генерал Франц Лефорт довольно кратко и точно написал о том нападении неприятеля, совершенном на его позиции при свете дня. Действительно, отражение вражеской атаки стоило больших потерь в людях. Но женевец в письме «забывает» упомянуть о помощи со стороны генерала Патрика Гордона. Это объясняется одним: во время первого Азовского похода, когда русская армия не имела единого главнокомандующего, между начальниками отдельных корпусов шла конкуренция за успехи на войне. Все трое — Гордон, Головин и Лефорт, — как оказалось, имели немалое самолюбие и самомнение о своих полководческих дарованиях.

Соперничество между тремя петровскими военачальниками стало одной из главных причин неудачного первого штурма турецкой крепости. Когда солдаты и стрельцы генерала Патрика Гордона сумели захватить один из крепостных бастионов, они не получили своевременно поддержки от фланговых штурмовых колонн и были вынуждены отступить, понеся большие потери. Лефорт и Головин, не желая доставлять шотландцу славу боевого успеха, не прислали ему в помощь ни одного человека из своих полков. На них не подействовал даже царский приказ.

После этого эпизода разногласия между тремя военачальниками усилились. Генерал Патрик Гордон открыто выражал свое неудовольствие действиями Лефорта. Дело было в том, что тот должен был прервать сообщения азовского гарнизона со степью, где на виду у русских у берега Дона «ходила» многотысячная крымская конница. Швейцарец не сумел справиться с такой непростой задачей. Кроме того, Царь возложил на генерала Франца Лефорта

охрану армейских коммуникаций, которые во время осады Азова постоянно находились под ударами крымчаков.

5 августа 1695 года состоялся второй штурм Азова, вновь закончившийся неудачей. Штурмовая колонна, состоявшая из добровольцев лефортовских полков, по неизвестным причинам опоздала с выступлением. Она пошла на приступ крепостных укреплений уже тогда, когда атака штурмовых колонн генералов Гордона и Головина турками была отбита.

Русское командование после второго неудачного приступа решило продолжить осадные работы, подводя под крепостные укрепления подземные мины. Турецкий гарнизон в ответ, 11-го и 14 августа, совершает сильные вылазки на позиции войск генерала Лефорта, нанеся ему большой урон. Среди прочего османы, врываясь в русские траншеи, стремились в первую очередь захватить и унести с собой шанцевый инструмент — лопаты, кирки, ломы...

Но при всем этом Петр I оставался благосклонен к Лефорту. Во время первой осады Азова он постоянно бывает в лагере у своего любимого друга. Они пируют с военачальниками то в лефортовском шатре, то на галерах, стоявших у берега Дона. Среди прочих благодеяний Государь приказал Тихону Никитичу Стрешневу, оставшемуся в Москве на управлении государством, заплатить долги Франца Яковлевича, которые исчислялись в кругленькую сумму — 2300 рублей. По тем временам это было немалое состояние.

Надвигалась осень. Дальнейшая перспектива осады Азовской крепости терялась из-за участившихся дождей и начала холодов. 28 сентября военный совет принял решение снять осаду и войскам возвратиться в российские пределы. Корпуса генералов Головина и Лефорта отходили первыми. Их прикрывал армейский арьергард под начальством опытного Гордона.

Вверх по Дону лефортовские полки держали путь на речных судах.

ПЕРВЫЙ АДМИРАЛ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО

При возвращении в Москву Царь Петр Алексеевич почти сразу же начал подготовку к новому Азовскому походу. На сей раз назначается единый главнокомандующий сухопутной армией в

звании генералиссимуса — боярин Алексей Семенович Шеин. А для управления пока еще не существующим флотом Государь призвал своего любимца Франца Лефорта.

В 1695 году швейцарец становится главой военного флота Российского государства и получает Высочайшим указом звание адмирала. Так генерал Франц Яковлевич Лефорт стал первым российским флотоводцем в ранге полного адмирала.

Петр I после неудачного первого Азовского похода понял, что сильную крепость невозможно взять, не отрезав ее от моря. Оттуда осажденному турецкому гарнизону поступала всякая необходимая помощь. Поэтому и стал на воронежских и других верфях создаваться многочисленный речной флот из всевозможных судов. Многие из них могли совершать плавания вдоль побережья Азовского моря.

Естественно, что такое назначение на пост флотоводца создававшегося военного флота России сугубо сухопутного генерала по сей день вызывает дискуссии среди исследователей эпохи царствования Петра Великого. Но следует отметить, что последний русский Царь и первый всероссийский Император умел подбирать себе деятельных помощников-исполнителей. К числу их, бесспорно, относился и «служилый иноземец» из Швейцарии «генерал и адмирал» Франц Яковлевич Лефорт.

Единственным человеком в России, изучившим к концу XVII столетия морскую службу — серьезно и обстоятельно, — был сам Государь. Выбора для Петра I на должность командующего создаваемым флотом среди ближайшего окружения друзей-единомышленников практически не имелось. Должность же флотоводца виделась весьма ответственной, поскольку судам речной военной флотилии предстояло не только блокировать крепость Азов со стороны моря, но и выйти в Азовское море. Там русским, вполне возможно, предстояло столкнуться с турецким флотом.

Полагаю, что Петру I пришлось долго раздумывать над кандидатурой в российские адмиралы. Как мы упоминали, выбора практически не имелось, и он остановил свой монарший взор на генерале Франце Лефорте. За него говорило, во-первых, то, что он был близким к Царю человеком. Во-вторых, швейцарец был всегда готов с полным пониманием и огромной энергией выполнить любое поручение Государя.

Одновременно с постройкой огромного флота речных, но и мореходных судов началось формирование экипажей на них. Во-

енными моряками стало немало нижних чинов из солдатских полков. Особенно выходцев с русского Севера, так как поморы многие столетия отечественной истории слыли «природными» мореходами.

Царь Петр Алексеевич строительство отечественного флота начал с подбора старшего командного состава речников-моряков. Помощниками главе российского военного флота адмиралу Ф.Я. Лефорту были назначены: в качестве вице-адмирала состоявший на русской службе венецианец полковник Лима, а шаутбейнахтом (так тогда по-голландски назывались контр-адмиралы) — француз полковник Балтазар де Лозьер, приехавший наняться на военную службу в Московское царство из Персии и в ходе первого Азовского похода служивший под начальством Франца Лефорта.

Обращает на себя внимание следующее. И тот и другой — и вице-адмирал, и шаут-бейнахт, как и сам адмирал, были людьми мало знакомыми с морем, кораблями и судовождением. Не говоря уже о морской практике и культуре. Такие флотские назначения в Голландии или Англии, например, вызвали бы только иронические улыбки.

Но у российского самодержца не было времени на раздумья. Все же Венеция стояла на берегах Адриатики и славилась своим галерным флотом, успешно соперничавшим в войнах с турецким. А полковник Балтазар де Лозьер путь из Персии в Астрахань проделал по бурному Каспийскому морю. Франц Лефорт успел «покомандовать» считанные дни 44-пушечным парусным кораблем на Беломорье и даже выйти с ним на просторы Северного Ледовитого океана.

Состоявший под их начальством флотский экипаж, или, как его называли, «морской караван», был набран в значительной части из солдат «потешных» Преображенского и Семеновского полков, людей на все способных и готовых. «Морской караван» насчитывал в своем списочном составе более 4 тысяч нижних чинов — рядовых и унтер-офицеров.

Организационно караван подразделялся на 28 флотских рот, с капитаном и поручиком во главе каждой. Кроме этих рот, при особе командующего флотом — адмирале состоял особый отряд. Франц Лефорт имел собственный «морской» штаб, который состоял из одного полковника, трех майоров и 12 младших офицеров (обер-офицеров).

Первая и вторая роты каравана значились за вице-адмиралом и шаут-бейнахтом. В составе четвертой роты числился «капитан Петр Алексеев» — сам Государь «всея Руси». При нем находились близкие ему люди из числа «потешных» — П.А. Головин, урядник (унтер-офицер) Михаил Волков и три бомбардира, исполнявших теперь морские должности, — Гаврило Меншиков, Гаврило Кобылин и Иван Вернер. Среди офицеров каравана особенно много было преображенцев.

Вся русская армия, уходившая в новый Азовский поход, теперь по монаршей воле делилась на четыре огромных «полка» (корпуса): военачальников П.И. Гордона, А.М. Головина, К.А. Ригемана и Ф.Я. Лефорта. Последний исполнял две должности на войне — будучи назначен адмиралом, он одновременно оставался и сухопутным генералом.

Корпус адмирала и генерала Франца Лефорта состоял из трех солдатских полков. В них числилось 94 человека начальных людей, 400 унтер-офицеров и 4 тысячи солдат. Учитывая сложность исполнения адмиральских обязанностей, самодержец выделил в «полк» своего любимца меньше всего полевых войск.

Строительство флота велось спешно. В селе Преображенском, под Москвой, собирались галеры. Затем они в разобранном виде на санях доставлялись в город Воронеж, российскую столицу кораблестроения тех лет. На воронежских верфях создавалась огромная речная флотилия: 250 стругов, 30 морских лодок и 100 плотов. В Козлове, Добром и Сокольске — еще по 350 стругов на каждой верфи. Царские указы были строги — к вешней воде суда должны были быть спущены на воду.

У адмирала Франца Лефорта забот зимой набиралось много, прежде всего флотских дел. Хотя, ради справедливости, главным кораблестроителем являлся сам Царь, «державный плотник». К назначенному сроку суда построили. Воронежская верфь даже расстаралась — стругов было построено на 9 больше, чем требовал Высочайший указ, а вместо 30 мореходных лодок на воду спустили 60.

К предстоящему военному походу строительство флота велось споро, под страхом царской кары. Пока Царь Петр Алексеевич трудился с плотницкими инструментами в руках на воронежской верфи, адмирал Франц Лефорт из Москвы регулярно сообщал своему покровителю о болезни, которая задерживала его в столице. Однако командующий флотом старался пропускать че-

рез себя многие «морские заботы». Так, в одном из писем он извещал монарха о прибытии в Ригу нанятых четырех голландских корабельных мастеров и об отправлении из Москвы в Воронеж 11 иноземных лекарей.

Между Царем и его фаворитом ведется оживленная переписка. Так, Петр Алексеевич с радостью сообщает в столицу, что в городе Воронеже прошли сильные дожди и громы, река вскрылась ото льда и началось половодье — «вода великая».

Франц Лефорт в ответ пишет: «А здесь, на Москве, грому не бывало, да учинились такие жестокие морозы, что Москва-река стала и через ездят; ветры великие и по се время еще здесь». Что в Москве и в Немецкой слободе все тихо, никакого воровства нет. «Сего числа князь Борис Алексеевич (Голицын. — *А. Ш.*) у меня будет кушать, и про ваше здоровье станем пить».

Лефорт пишет в Воронеж, что сам он все еще болеет, и благодарит за присланные Царем пластыри. Адмирал обещает на следующей неделе выехать: «День, место другой, приму лекарство и не буду мешкать, каков не будет путь, жить дале не стану; лекарство всякого круг себя поставлю, что и морозы меня не проймут, такожды и лекарев со мною будут».

Лефортовское письмо не обошлось без привычной приписки: «...чаю я, что у вашей милости пива доброва нет на Воронеже; я к милости твоей привезу с собою и мушкателенвейн и пива доброва». Адмирал регулярно и часто слал Петру I подобные письма из своего дома в Немецкой слободе, а Государь «в поте лица своего» был всецело поглощен постройкой судов для флота государства Российского. Но, следует заметить, он никогда не упрекал в ответных письмах назначенного им флотоводца за личное отсутствие на месте — на воронежских верфях. Адмирал Франц Лефорт выехал из Москвы только 31 марта и провел в дороге всю первую половину апреля, послав с пути в Воронеж немало писем Царю. Поездка в Воронеж не обошлась без происшествий, и Лефорту пришлось объясняться с Государем в письме. Командующего флотом сопровождало три лекаря-иноземца, недавно прибывших из-за границы в Россию. Лефорт описывает происшествие так:

«Известно тебе, что на Ефремове новоприезжие лекари, которые три человека со мною едут, а достальные 9 человек особо, сошлися вместе, стали пить, всякий стал свое вино хвалить; после чего учинился у них спор о лекарствах и дошло у них до шпаг, и три человека из них ранены, однако ж не тяжелые раны».

16 апреля адмирал Франц Яковлевич Лефорт приехал в город Воронеж. По этому случаю Царь Петр I устроил большое торжество — была спущена на воду адмиральская галера, та самая, которая была прислана из Голландии в разобранном виде в Архангельск. Она предназначалась специально для любимца Государя. В тот же день спустили на воду еще несколько галер. Командующий флотом по такому случаю дал пир.

23 апреля первый речной караван отошел от воронежских берегов и взял курс к Азову. Это были полковые струги войск генерала Патрика Гордона. К началу мая в поход выступили главные силы выстроенного в Воронеже флота — 2 галеаса, 23 галеры и 4 брандера. Галерная эскадра состояла из четырех отрядов: первым командовал сам Петр I, вторым — вице-адмирал Лима, третьим — капитан одной из рот «морского каравана» князь И.Ю. Трубецкой и четвертым — шаут-бейнахт де Лозьер.

Адмирал позаботился о провианте, который был выдан ротам «морского каравана», составлявшим экипажи галер, на предстоящее плавание. Солдатам-морякам полагалось на день человеку по две чарки вина, по чарке сбитню, по чарке уксусу, в мясные дни по полфунту ветчины, в постные дни соответствующее количество рыбы — осетрины. Затем еще выдавалась мука, различная крупа, сахар и соль.

Франц Лефорт отбыл из Воронежа в силу своего недомогания не с Царем, а на другой день после отплытия первого галерного отряда, то есть 4 мая. Плыл он не на адмиральской галере, а на струге, который был специально для него построен — «сделан по наказу со светлицею и с мыльнею брусяными и с сеньми дощатыми косящатыми».

Вместе с генералом и адмиралом Лефортом в путь вниз по реке двинулись суда с его «полком». Так что ему приходилось во время плавания к Азовской крепости исполнять в основном генеральские обязанности. В столицу донского казачества город Черкесск лефортовская флотилия прибыла 23 мая. Оттуда флотоводец убыл, сопровождая главнокомандующего генералиссимуса А.С. Шеина. Под Азовом их встречали обычной в таких случаях пушечной и ружейной пальбой, благо пороха в армейских запасах имелось предостаточно.

Встретив Шеина и Лефорта, Царь Петр I во главе галерной эскадры вышел в устье Дона. На взморье, как сообщили донские казаки, стоял многочисленный турецкий флот, доставивший подкрепления азовскому гарнизону. Затем туда же ушла и вторая эскадра галер под командованием вице-адмирала Лимы. Венецианец за время речного похода хорошо освоился на флотской должности и получил монаршую благодарность.

Турки «убоялись» пробиваться к крепости по воде: русские построили два форта на берегах Дона ниже Азова, а их галерный флот перекрыл речное устье. Франц Лефорт писал о начале второй Азовской осады в Москву: «Я нахожусь с его величеством на реке».

Осадные работы вокруг турецкой крепости на сей раз велись энергично, во многом благодаря искусству, которое демонстрировал генерал П.И. Гордон. Вскоре началась сильная бомбардировка города, в которой участвовала и корабельная артиллерия. Но ее эффективность оказалась малой из-за калибра пушек. 16 июля азовский гарнизон капитулировал, не дожидаясь победного штурма русских войск полуразрушенной крепости.

Адмирал Франц Лефорт, все еще не оправившийся от болезни, прибывший к Азову позже всех, уезжал «водой» из-под поверженной крепости первым — 24-го или 25 июля. Его провожали «командор» — Царь Петр Алексеевич и капитаны «морского каравана». Лефортовские полки и флот оставались на нижнем Дону. С дороги адмирал писал Государю о путешествии в Москву, о погоде, о том, что его перестали кусать комары, и прочих пустяках.

АЗОВСКИЕ ТОРЖЕСТВА В ПЕРВОПРЕСТОЛЬНОЙ МОСКВЕ

Для торжественного входа русской армии в Москву по пути в Кремль из Замоскворечья перед Каменным мостом были выстроены специальные триумфальные ворота. Главными действующими лицами парада войск, взявших Азовскую крепость, стали генерал и адмирал Ф.Я. Лефорт и генералиссимус князь А.С. Шеин. Триумфальное шествие поразило первопрестольную русскую столицу своим многолюдством и пышностью.

Лефортовская часть воинского парада являла собой следующую картину. Сперва вели «конюшню» командующего петровским флотом — 14 нарядно оседланных лошадей. За лошадьми везли две пустые коляски, запряженная каждая шестеркой ко-

ней. Затем двигались украшенные золотом сани «о шести темно-серых изрядно уряженных лошадях», в которых сидел адмирал-иноземец, окруженный рядом пеших копейщиков.

Лефорт страдал от незажившей раны ноги и, чтобы избежать тряски колесного экипажа, ехал в необычном для себя экипаже. В санях же швейцарец ехал в августе месяце в Москву из-под Азова. Адмиральская колонна двигалась впереди всех других войск, которые растянулись по всей столице на несколько километров.

За адмиралом шел «морской караван» и перед ним «Большой Петр» — Царь Петр I Алексеевич — в черном немецком платье, с белым пером на шляпе и с протазаном в руках — холодным оружием подобия пики. Идя пешком за санями Лефорта, самодержавный правитель России совершил весь путь через Москву от Симонова монастыря до села Преображенского.

Перед триумфальными воротами адмирал Франц Лефорт вышел из саней и в арку вошел пешком. При его входе думный дьяк Андрей Андреевич Виниус, тоже одно из самых доверенных лиц Петра I, стоявший на триумфальных воротах, приветствовал командующего флотом стихами, прославлявшими «морских воев» за мужество и труды «командора» — Царя Петра Алексеевича. Виниус произносил торжественные слова в трубу — рупор:

Генерал, адмирал! морских всех сил глава,
Пришел, зрел, победил прегордого врага,
Мужеством командора турок вскоре поражен,
Премногих же оружий и запасов сих лишен,
Сражением жестоким бусурманы побеждены,
Корысти их отбиты, корабли заполонены,
Оставшие же ся в бегство ужасно устремиша,
Страх велий в Азове и всюду расшириша,
По сих их сила многа на море паки прииде,
Но в помощь град Азов от сих никто же вниде,
Сие бо возбранила морских ти воев сила,
Их к сдаче град Азов всю выю наклонила,
И тем бо взятием весело поздравляем,
Труды же командора триумфом прославляем.

Приветствие, сказанное громогласно с высоты триумфальных ворот, сопровождалось пушечным салютом, произведенным по данному знаку из орудий «большого наряда». Для этой цели пушки крупного калибра расположили рядом — на так называемом Бархатном дворе.

После торжественной церемонии, проходившей в Кремле, войска распустили по домам. Праздничный вечер Царь Петр I провел в лефортовском дворце вместе с офицерами «морского каравана». Большие торжества были отложены ввиду болезни адмирала.

Торжественный вход русской армии в столицу и ее парадное шествие по московским улицам зрелищем было необычайно ярким, но малопонятным горожанам. Москвичи привыкли к иной царственной торжественности. Люди, толпившиеся вдоль улиц, молча провожали взглядами колонны петровских войск. Во взглядах было больше всего недоумения и настороженности, чем восторга от взятия находившейся где-то на окраине южных степей турецкой крепости.

Не видно было народного ликования, не раздавались торжественные и приветственные по такому случаю возгласы верноподданных русского Царя-батюшки. Все это появится несколько лет спустя, когда русская армия начнет одерживать одну за другой победы над шведской королевской армией в ходе Северной войны 1700—1721 годов.

Иностранцы, свидетели торжественного вступления в столицу Московии русской армии после одержанной под Азовом действительно блестящей победы, единодушно отмечают торжественность парадного шествия. Думается, что здесь Государь России «расстарался», чтобы поразить воображение не только москвичей, но и удивить Европу в лице приезжих иноземцев.

Адмирал Франц Лефорт, открывший торжественное шествие, писал в одном из своих писем в Швейцарию: «Все это шествие продолжалось с утра до вечера, и никогда Москва не видела подобной великолепной церемонии». Здесь женевец полностью прав: предшественники Петра Великого на царском престоле блюли торжество «выходов» по старым законам и обычаям.

Главную честь победы во втором Азовском походе Государь приписывал флоту и его командующему, своему фавориту, волею исторической судьбы ставшему первым российским адмиралом. Отдавая особые воинские и государственные почести Францу Лефорту, Царь Петр I хотел почтить в его лице свое новое творение — морской флот России, который скоро должен был появиться не только на южных морях, а и на Балтике.

На участников второго Азовского похода посыпались щедрые награды. О своем награждении царский фаворит не без гордости писал родным в Женеву:

«Его Величество пожаловал меня званием вице-короля — наместника великого княжества Новгородского; кроме того, я получил за мою службу под Азовом несколько деревень с 200 крестьянами; далее, золотую медаль, соболью шубу, кусок златотканной парчи, большой вызолоченный бокал с именем Его Царского Величества и каменный дом, построенный по приказанию Государя в мое отсутствие».

Швейцарец стал российским землевладельцем, помещиком. Согласно «сказке», где были записаны государевы награды, за ним среди прочего значилась вотчина в Епифанском уезде — село Богоявленское с деревнями, где значилось в общей сложности 140 дворов крепостных крестьян.

ВЕЛИКОЕ ПОСОЛЬСТВО В ЕВРОПУ

После триумфа по случаю взятия крепости Азов Царя Петра I одолевают две идеи: постройка военного флота на Азовском море и заграничное путешествие в Европу. По всей видимости, к той и другой государевой задумке «приложил руку» и его фаворит. Франц Лефорт нашел и форму такого путешествия на Запад — в виде торжественного посольства к европейским державам.

В те годы многие из них или воевали против Османской империи, или находились с ней в далеко не дружественных отношениях. Для России овладение Азовской крепостью означало, что ее война с Турцией вступила в новую фазу, довольно острую и с далеко идущими последствиями. Требовалось подтвердить старые союзнические договоры против турок и, может быть, поискать новых друзей-союзников в Европе.

Еще только идея поездки Царя Петра I в Европу витала в воздухе, а Франц Лефорт уже писал об этом на родину. Он пишет в Женеву матери о предположительной поездке за границу, где он надеется ее повидать. О поездке в Голландию адмирал пишет своему старшему брату: что он поедет в высоком чине, предоставляющем ему возможность раздавать при своей особе места другим, и что его в той поездке будут сопровождать русские знатные люди.

«Не знаю, с каким титулом он поедет, — сообщает туда же, в Женеву, его племянник Петр Лефорт, который прибыл в Московию в надежде на протекцию дяди получить «приличное мес-

то», — с ним поедут некоторые князья этой страны... Я надеюсь, что он даст мне какую-нибудь должность».

В истории дипломатии трудно найти столь знаменательное предприятие, каким оказалось русское Великое посольство в Западную Европу 1697—1698 годов. Его документальное начало необычно, поскольку поездка Государя начиналась довольно примечательным Высочайшим указом 22 ноября 1696 года. В указе стольникам обеих комнат — то есть комнатным стольникам обоих государей, Петра и покойного Ивана Алексеевичей, «сказано в разные государства учиться всяким наукам» — назначение совсем необычное, немало поразившее многие дворянские семьи.

Сохранился список стольников, назначенных к поездке за границу «для научения морского дела». 39 человек откомандировывалось в Италию и 22 — в Голландию. Все они, за исключением отнесенного в списке к числу стольников бомбардира Ивана Гимра (Гумерта), были представителями древнейших и знатных фамилий Русского царства.

Поражает и другое в этом списке: из 61 стольника 23 носили княжеские титулы: трое Голицыных, между ними князь Дмитрий Михайлович, князья Григорий и Владимир Долгорукие, трое князей Хилковых, Борис Куракин, Иван Гагин, Даниил Черкасский, Иван и Федор Урусовы, Андрей Репнин, Юрий Трубецкой, Яков Лобанов, Степан Козловский, Александр Прозоровский, Иван и Тимофей Шаховские, Михаил Оболенский, Федор Волконский, представители таких старых фамилий, как Шереметевы, Бутурлины, Ржевские, Измайловы, Толстые, Салтыковы и другие.

Вслед за Высочайшим указом об отправлении за границу для изучения навигационной науки стольников состоялся 6 декабря Царский указ о снаряжении Великого посольства. В тот же день в Посольском приказе думный дьяк Емельян Украинцев официально объявил его содержание:

«...Государь указал, для своих великих государственных дел, послать в окрестные государства, к цесарю, королям Английскому, Датскому, к папе Римскому, к Голландским штатам, к курфюрсту Бранденбургскому и в Венецию великих и полномочных послов: генерала и адмирала Франца Яковлевича Лефорта, генерала и комиссара Федора Алексеевича Головина, думного дьяка Прокофия Возницына и послать с ними к тем окрестным государям

свои, великого государя верющие и полномочные грамоты. А по чему им, в тех государствах будучи, его, великого государя, дела делать, и о том дать им из Посольского приказу наказ».

Официальная цель Великого посольства, как это было объявлено думным дьяком Украинцевым, состояла в «подтверждении древней дружбы и любви для общих всему христианству дел, к ослаблению врагов Креста Господня, султана Турского, хана Крымского и всех басурманских орд».

С точки зрения достижения конкретных, внешнеполитических задач, поставленных перед Великим посольством Государем Петром Алексеевичем, оно завершилось неудачей. Однако по своим реальным, практическим последствиям оно имело поистине историческое значение, прежде всего для отношений между Москвой и европейскими странами, а в дальнейшем для судьбы всей России.

Американский историк Роберт Мэсси пишет: «Последствия этого 18-месячного путешествия оказались чрезвычайно важными, даже если вначале цели Петра казались узкими. Он поехал в Европу с решимостью направить свою страну по западному пути. На протяжении веков изолированное и замкнутое старое Московское государство теперь должно было догнать Европу и открыть себя Европе. В определенном смысле эффект оказался взаимным: Запад влиял на Петра, царь оказывал огромное влияние на Россию, а модернизированная и возрожденная Россия оказала в свою очередь новое, огромное влияние на Европу. Следовательно, для всех трех — Петра, России и Европы — Великое посольство было поворотным пунктом».

В лице первого посла генерал и адмирал Франц Яковлевич Лефорт выполнял главным образом чисто декоративную функцию, вполне соответствуя своему назначению — быть царским фаворитом и другом. Как показала деятельность Великого посольства, «служилый иноземец», будь он один, исполнил бы роль первого посла России с не большим успехом, чем роль первого российского адмирала под Азовской крепостью.

Возведенный в ранг первого посла, Франц Лефорт поспешил в нескольких письмах сообщить об этом старшему брату в Женеву. В одном из них он не без известной доли бахвальства сообщал родственникам:

«Здесь новость, которая вас поразит. Около 15 марта едет отсюда большое посольство в Швецию, Данию, Бранденбург, Англию, Голландию и даже к папе. Никогда еще такого посольства отсюда не отправляли. Его величеству угодно было назначить меня первым послом. Вторым послом назначен храбрый генерал, который был посланником в Китае; он состоял генерал-комиссаром моего флота под Азовом. Третий — канцлер (дьяк) и думный (член Боярской думы), который раз 20 посылался уже в разные страны. Его имя Прокофий Богданович Возницын, а второго — Федор Алексеевич Головин.

Все наши приказания отданы. Моя свита будет состоять приблизительно из 20 человек, и я позабочусь о том, чтобы на нас не жаловались, как жаловались на предыдущих послов. Я запретил под угрозой большого штрафа кому-либо брать с собой товары для продажи. Что до чрезвычайных подарков, то у меня их уже много, и я ожидаю еще других.

Со мной поедут: дюжина избранных придворных кавалеров — немецких или иностранных кавалеров г. подполковник Даурсий и г. Кулом, тоже подполковник; кроме того, у меня 6 пажей, 4 маленьких карла и 20 ливрейных служителей, которые будут блестящим образом одеты, 5 трубачей, музыканты, проповедник, врачи, хирурги и отряд хорошо экипированных солдат. Ваш сын, мой племянник (Петр Лефорт — *А.Ш.*), едет со мной. Так как я должен проехать недалеко от Женевы, то, может статься, что я буду иметь счастие увидеть вас и всех милых родственников».

В Женеве своего земляка, ставшего знаменитым человеком, почитали уже давно. Швейцарские купцы и наемные офицеры, оказавшиеся в России, неизменно пользовались покровительством царского фаворита. Еще в 1692 году Царь Петр I выразил желание принимать на русскую службу иностранцев, знающих инженерное и артиллерийское дело, и искусных врачей. Это царское поручение возлагалось на Франца Лефорта.

17 марта 1693 года самодержавному монарху Петру Алексеевичу был вручен и принят им «со всевозможной честью» почетный адрес сената города Женевы. В нем почетные горожане-сенаторы благодарили русских царей Петра и Ивана за большие милости, оказываемые их соотечественнику «Франсуа Лефорту». Вручение этого документа и ответ Государя на послание женевского сената являются первым выступлением будущего Императора России на дипломатическом поприще.

Петр I, как человек здравомыслящий, не мог видеть в своем верном друге Франце Лефорте человека поистине больших дип-

ломатических талантов. Поэтому он придал первому послу в помощники двух опытнейших работников Посольского приказа. За царского фаворита говорило только наличие немалых заграничных связей, веселый и общительный характер, а также умение держаться в великосветском обществе.

Вторым послом значился талантливый дипломат, известнейший глава Посольского приказа Ф.А. Головин, происходивший из знатного рода. Будучи одним из самых близких и достойных соратников Петра Великого, он с 1699 года и до своей кончины в 1706 году будет успешно возглавлять Посольский приказ, оказывая огромное влияние на внешнюю политику России. Этого общительного и хлебосольного человека отличала основательность в выполнении любого царского поручения. Именно Головин вел трудные переговоры и заключил Нерчинский договор с императорским Китаем. Он будет первым кавалером первого российского ордена Святого Андрея Первозванного.

Один из известных историков российской дипломатии А. Терещенко писал в своих трудах: «Проницательный и дальновидный ум Петра находил в Головине не одного усердного рассказчика, но полезного, умного советчика».

Английский посол в Москве Чарлз Витворт извещал свое правительство, что глава внешнеполитического ведомства России пользуется репутацией самого рассудительного и самого опытного из государственных людей Московского царства. Занимая вторую должность в Великом посольстве, Ф.А. Головин фактически являлся главным исполнителем повелений его подлинного руководителя — Царя Петра Алексеевича. На Головине лежала вся черновая работа по подготовке посольства.

Третий посол — Прокофий Возницын был (по отзывам о нем иностранцев) грузным и необщительным человеком, «с неприятным цветом лица и важной осанкой». За тридцатилетнюю государеву службу он прошел путь от низшего чиновника Посольского приказа — простого подьячего — до думного дьяка, члена Боярской думы. Возницын не раз выполнял дипломатические поручения в Оттоманской Порте, Речи Посполитой, Австрии и Венеции. Вершиной его дипломатической славы стал 1681 год — тогда он, будучи посланником в Стамбуле, добился ратификации султаном Магометом IV условий Бахчисарайского перемирия.

Царь не ошибся в выборе официальных глав Великого посольства. Три посла — три разных характера, три разной меры одаренности; они дополняли друг друга и были способны справиться с самыми сложными дипломатическими поручениями. Общавшийся с ними посол польского короля доносил в Варшаву: «Эти послы — люди большого ума, хорошо знающие состояние Европы и приятные в обхождении».

Петр I приказал первому послу именоваться наместником Новгородским, второму — наместником Сибирским. По смете Посольского приказа были утверждены оклады: Францу Лефорту — 3920 рублей, Головину — 3 тысячи рублей, Возницыну — 1650 рублей. Царь утвердил роспись съестных припасов для отпуска послам натурой: количество «осетровых прутов, белужьих теш и спин, белых рыбиц, лососей, число ведер меду вишневого, малинового, отборного, боярского, выдаваемого каждому по чину».

Численность Великого посольства вместе с отборными солдатами-преображенцами и семеновцами, составлявшими отряд охраны, превышала 250 человек. В штат посольства входили переводчики-толмачи, подьячие (писари), лекари и их ученики, а также скорняки.

С собой везли много денег («казны»), немалые запасы продовольствия и русских напитков, совсем неизвестных в Европе. И наконец, самое испытанное оружие московской дипломатии — «соболиную казну». Мехов было взято на колоссальную сумму в 70 тысяч рублей, они предназначались для подарков.

Фактически людей, отправлявшихся из Москвы с Великим посольством, было больше. Его кортеж насчитывал тысячу саней. Так что первый посол Франц Лефорт в письмах на родину довольно правдиво описал величие российского посольства в Европу.

В состав посольства вошел и отряд волонтеров. Цель их поездки, равно как и стольников, была одна — изучение прежде всего военно-морского дела. В число волонтеров вошли молодые люди незнатного происхождения — преимущественно мелкопоместные дворяне и «потешные», но лично знакомые Царю по кораблестроению в Переяславле и Воронеже, участию в Азовских походах. Волонтеров организационно разбили на три десятка. Самым знатным из них оказался имеретинский царевич Александр Арчилович, было двое Меншиковых.

Сам российский самодержец числился в штате Великого посольства под именем десятника второго десятка волонтеров Петра Михайлова. Естественно, что Царю не приходилось надеяться

на скрытие своей личности, хотя посольской свите строго-настрого запрещалось говорить о присутствии в составе посольства Государя. Было даже велено задерживать отправляемые почтой за границу письма с упоминанием о таком факте. Хотя, вне всякого сомнения, все европейские посланники незамедлительно оповестили свои столицы о поездке русского Царя в Европу инкогнито.

Присутствие Петра I в составе Великого посольства для отечественной истории примечательно следующим. Вся предшествующая летопись государства Российского не знала случая, чтобы его венценосный монарх покидал пределы Отечества.

РИГА. КУРЛЯНДИЯ. БРАНДЕНБУРГ

2 марта 1697 года передовой отряд посольства с соболиной и денежной казной в сопровождении солдат охраны выехал из Москвы. 9 марта в путь отправились Царь и великие послы. 24 марта они прибыли на пограничный пункт — в Псковско-Печерский монастырь. Дальше начинались прибалтийские владения Шведского королевства. На границе российское посольство встретили и далее сопровождали представители рижского генерал-губернатора Эрика Дальберга.

Город-крепость Рига встретила посольство России 31 марта пальбой из пушек и трубными звуками оркестра. Послам предоставили роскошные кареты. Генерал и адмирал, наместник Новгородский Франц Лефорт блестяще вел официальную часть пребывания посольства в Риге. Но в ней пришлось задержаться на целую неделю — начинался ледоход, и переправа через Западную Двину таила в себе немало опасностей.

Вынужденно задержавшись в Риге, Петр I — волонтер Петр Михайлов не преминул пополнить свои познания в фортификации. Или, иначе говоря, государевым оком познать крепостные сооружения своего северного соседа — Швеции, с которой Московское государство вело и предполагало еще вести не одну войну. Естественно, что подобные действия гостей с дипломатическими паспортами в карманах не могли пройти незамеченными, и первому послу пришлось выкручиваться.

Дело случилось действительно громкое. Вот как это описывает Андрей Константинович Нартов в своих знаменитых «Достопамятных повествованиях и речах Петра Великого»:

«Царь Петр Алексеевич по приезде своем с посольством в город Ригу, желая видеть городские здания и крепость, яко первые предметы чужестранные, любопытства достойные, ходил с Меншиковым и прочими молодыми дворянами кругом по валу и осматривал местоположение и укрепления оной. Губернатор граф Дальберг, который от подчиненных шведов был о сем уведомлен, тотчас возымел подозрение, приносил Лефорту, первому российского двора послу, за сие жалобу, якобы они крепостные строения карандашом срисовали, требуя от него с угрозами, чтоб он российским путешественникам сие делать запретил.

Сам же он приказал шведским офицерам и стражам за ними строго присматривать и близ городского вала не пускать. Лефорт, учтивым образом извиняясь перед ним, что посольство о сем ничего не ведает, велел градоначальнику сказать, буде в свите посольства находящиеся знатные дворяне кругом вала ходили, то происходило оное не с умысла ухищренного, а ради единой прогулки и позволительного, как кажества любопытства путешествующим в чужие края видеть славную крепость, которой россияне никогда не видывали, и если, как примечает посол теперь, сие не угодно господину губернатору, то уверяет, что сего впредь не последует.

Лефорт не преминул того же вечера донести о том неосновательном неудовольствии Его Величеству. Государь, услышав такое странное требование, весьма дивился неучтивому поступку Дальберга, почел себе притеснением и обидою и с досадою Лефорту отвечал: «Так мне теперь запрещают смотреть Рижскую крепость? Хорошо! Пойдем же отсюда скорее, вон, видно, швед нас не любит, но я со временем увижу ее ближе и, может быть, откажу в том королю шведскому, в чем ныне отказывает дерзновенно мне Дальберг».

Такой суровый поступок губернатора Дальберга, чиненые россиянам угрозы и разного рода притеснения и, наконец, воспрещение свободного им входа в город были явным оскорблением не только посольства, но и лица царского, от чего после воспоследствовал разрыв соседственной дружбы и восстала ужасная война между обоих государств, которая кончилась к великому вреду Швеции и к бессмертной славе России...»

Город Рига стал единственным местом, где Великое посольство в итоге оказалось встреченным без особого радушия. В следующем пункте остановки — городе Митаве — посольству России был

оказан теплый и пышный прием. Курляндский герцог Фридрих-Казимир встречал и провожал послов самолично, устроил им роскошный ужин, дозволил волонтеру Петру Михайлову осматривать все, что вызывало у него интерес.

У ворот герцогского замка послов встречало четыре кареты, на которых Лефорт, Головин и Возницын, еще несколько посольских чинов проехали по двору замка к его парадному подъезду. Герцог вышел встречать послов на нижнее крыльцо и, поздоровавшись с ними, просил идти впереди него, против чего те, уступая такую честь Фридриху-Казимиру, стали спорить. Спор закончился тем, что герцог взял Франца Лефорта за руку и пошел с ним впереди гостей.

С Лефортом герцог Фридрих-Казимир был знаком еще с того времени, когда тот состоял на военной службе у Голландских Штатов. В то время женевец, только начинавший карьеру иностранного наемника, был зачислен в свиту курляндского принца-наследника и вместе с ним воевал против французов.

Официальные переговоры между представителями России и Курляндии проходили за закрытыми дверями. После торжественной части приема герцог со своей стороны, а послы со своей приказали свитам «уступить в другую палату и имели разговор тайно». Уже на следующий вечер курляндский герцог Фридрих-Казимир сам приехал к послам в гости. Они обменялись подарками: прибалтийский монарх получил драгоценных соболей и парчу, великие послы России — по золотому перстню с алмазами.

Генерал и адмирал Франц Яковлевич Лефорт, по целому ряду свидетельств, в должности первого посла производил на европейские дворы и правительственных чинов самое благоприятное впечатление. Здесь Петр I в своем фаворите не ошибся. Барон Бломберг, беседовавший в Митаве с Царем и послами, в 1701 году выпустил в свет «Описание Лифляндии», состоявшее из авторских писем. В письме за № XV читаем:

«...Здесь я сделаю небольшое отступление, чтобы сказать вам о новом явлении, показавшемся с севера. Это — великое московское посольство, в котором находится инкогнито сам царь. Глава посольства — г. Лефорт, женевец, имевший удачу составить свое положение в Московии. Он так прочно утвердился на той высоте, которой он достиг, что его государь всецело представил ему руководство всеми делами, даже руководство собственным повеление, и теперь этот фаворит ведет его как бы в триумфе по большой части дворов Европы.

Надо полагать, что этот человек дал много доказательств своей верности, твердости, храбрости и опытности, чтобы возвыситься на такую вершину величия, какой он достиг у народа, столь варварского, столь недоверчивого и вероломного, как московиты. Я нашел, что фаворит — человек очень разумный, приветливый и привлекательный; разговор с ним очень приятен: это настоящий швейцарец по честности и храбрости и, особенно, по умению выпить. Однако никогда не дает вину одолеть себя и всегда сохраняет обладание рассудком.

Он так мало заботится о своих собственных выгодах, что, как он мне сам говорил, он не владеет ничем в собственность и все, что у него есть, принадлежит царю, которому он часто заявляет, что его кошелек и жизнь всегда в распоряжении царя. Он старается сообщить своему государю благоприятные чувства и внушить ему смелые, обширные и великие планы.

Главная цель их путешествия — пригласить христианских государей продолжать войну против турок в надежде не менее, чем завоевание Константинополя. По совету г. Лефорта царь осаждал крепость Азов, которую он счастливо взял; там он находился вблизи неприятелей и подвергался огню из пушек.

Это очень блестящее посольство. Оно состоит из трех послов, среди которых г. Лефорт — первый. У них в свите до 400 человек. Они очень жалуются на дурной прием, который шведы оказали им в Риге, и грозят отомстить за него при первом случае...

...После того, как г. Лефорт в сопровождении посольства получил публичную аудиенцию у герцога, он сказал герцогу в частной аудиенции, что покажет ему редкость, какой никогда не видели в Курляндии. Когда у него спросили, что это такое, он ответил, что в его свите находится сам великий царь московский. Вечером он повел его тайно к герцогу и к герцогине, которые его приняли с королевским великолепием, и он со своей стороны горячо выразил им чувство дружбы».

Из Митавы Великое посольство направилось в балтийский портовый город Либаву. Здесь посольство разделилось. В Кенигсберг послы отправились сухим путем, а волонтер Петр Михайлов — морем. Для этой цели через посредничество герцога Курляндского был зафрахтован парусный корабль «Святой Георгий», приписанный к немецкому городу Любеку. Этот рейс обошелся царс-

кой казне в 1500 флоринов. Курляндское правительство, заинтересованное в дружественных отношениях с Москвой, заплатило из своих средств за экипировку корабля еще 442 флорина 28 грошей.

Курфюрст Бранденбурга Фридрих III приказал встретить московское посольство со всей торжественностью и пышностью. Он тоже видел в России сильного союзника на случай большой войны в Европе. Курфюрст приветствовал русского Царя, не раскрывая его инкогнито, нанеся ему частные визиты.

Главный итог пребывания Великого посольства в столице Бранденбургского курфюршества состоял в заключении союзного договора. Переговоры начались 24 мая. Почти месяц понадобилось для их завершения — трактат был подписан 22 июня. Столь продолжительное время потребовалось на согласование нескольких пунктов договора, по которым выявились разногласия. Так, дипломаты курфюрста Фридриха III настаивали на включение в договор пункта о взаимной помощи при нападении на одну из договаривающихся сторон.

Великие послы во главе с Францем Лефортом не соглашались на это из-за опасения вызвать раздражение Швеции. России, еще не заключившей мир с Оттоманской Портой, было ни к чему осложнять свои отношения с сильным северным соседом. Петр I, лично участвовавший в переговорах, предложил не включать в союзный договор этот пункт.

В «Статейном списке» по этому поводу сказано: «И по многих разговорах согласились на том, чтоб... о сей статье, чтобы друг другу против всех неприятелей вспомогать, а особливо против шведа, обещать самим обоим государям друг другу изустно... И, дав на том друг другу руки, целовались и клятвою утвердили».

Находившееся в Кенигсберге русское посольство вновь многим поразило местную знать. Здесь больше всего внимания было уделено первому послу. Надворный советник курфюршества Бранденбургского Чаплиц Рейер, командированный для встречи великих послов, среди прочего писал:

«Я нахожу свиту царского посольства в таком блеске, какой когда-либо можно было видеть, в особенности платья генерала Лефорта; из них некоторые украшены драгоценнейшими каменьями».

Бранденбургский дипломат, большой профессионал своего дела, докладывал курфюрсту Фридриху III о месте и роли Франца Лефорта в царском посольстве:

«Я хорошо заметил, что упомянутый генерал Лефорт имеет большие полномочия от его царского величества и не меньшее почитание к вашей курфюршеской светлости высокой персоне и поэтому тем более есть основание надеяться на исполнение данного слова».

На официальных приемах все три российские посла одевались «по-московски», что было совсем необычно для Франца Лефорта, все время носившего «немецкое платье». Посольской одеждой служило нарядное, богато расшитое золотом нижнее и верхнее платье с алмазными застежками и с русскими государственными орлами из алмазов на шапках.

Среди прочих дел дипломатического характера наместник Новгородский Франц Лефорт занимался и другими. Так, ему очень понравилась «музыка курфюрста» — то есть оркестр. Он договорился с одним из музыкантов, Яном Тремпом, который обязался обучить и привезти в Москву шесть человек «сиповщиков» — флейтистов. Это обошлось посольской казне в 400 золотых.

Из Кенигсберга Великое посольство отправилось в порт Пилау. Здесь произошел эпизод: столкновение царя Петра I с его любимцем Францем Лефортом, что подало повод к разного рода толкам и пересудам.

Происшествие было крайне раздуто современниками и многими позднейшими исследователями Петровской эпохи. Говорили, что Царь в порыве гнева бросился на Лефорта со шпагой и чуть было не заколол его, если бы только состоявший при Петре I гофмаршал двора курфюрста фон Принцен не защитил собой Лефорта, бросившись между ним и нападавшим на него монархом.

Однако в действительности происшествие было совсем иного рода, как описывает его очевидец — тайный секретарь Фридриха III и переводчик фон Берген. Петр I обвинил первого посла в «волоките и в том, что тот стал «велик». Однако генерал сумел в разговоре с «великим командором» — Царем объяснить, что все его величие состоит из государевых милостей. После этого два друга наполнили кубки, по всей видимости, большой емкости, раз их пустили по кругу. Пиршество продолжалось при звуках литавр, труб и пушечных выстрелов.

Из порта Пилау посольство, из состава которого 49 человек через Нарву отправили назад в Россию, на голландском корабле прибыло в портовый город-крепость Кольберг. Лефорт, как первый посол, остановился в доме бургомистра. 11 июля Великое

посольство, приобретя в Кольберге экипажи, «коляски и телеги», взяли курс на Голландию по землям Северной Германии.

В крепости Кюстрин послам была оказана торжественная встреча с пушечной пальбой: от горожан посольству был дан званый обед, а Лефорту, Головину и Возницыну предложили расписаться в книге почетных гостей Кюстрина. Те подписали свои имена «латинскими литерами». После этой церемонии, состоявшейся в городской ратуше, послам поднесли «стопы рейнского» вина.

Бывшие в Кюстрине франкфуртские студенты сделали «досаду» русскому Царю. Желая его увидеть воочию, они прорвались сквозь стражу и ворвались в помещение, в котором находился Петр I. Может быть, поэтому Государь проехал через Берлин в карете, закутавшись в красный плащ. Посольство в этом городе не задержалось.

27 июля вечером в небольшом местечке Коппенбрюгге произошла встреча российского самодержца с курфюрстинами — Ганноверской Софьей и ее дочерью принцессой Бранденбургской Софией-Шарлоттой, очень желавшими познакомиться с монархом далекой Московии. На этом настоял учитель Софии-Шарлотты знаменитый немецкий философ Готфрид-Вильгельм Лейбниц.

В германской деревушке Великое посольство ожидала многочисленная свита, сопровождавшая курфюрстину Софью: герцог Георг-Вильгельм Цельский и три брата Софии-Шарлотты: кронпринц Ганноверский Георг-Людвиг — будущий английский король Георг I, принцы Макс и Эрнст-Август, итальянские певцы. Среди прочего хозяйки отметили: «Г. Лефорт и его племянник были одеты по-французски; тот и другой очень умны».

4 августа Царь Петр Алексеевич расстался с послами и, опережая их, поспешил в Голландию, в город Саардем, один из центров европейского кораблестроения. Великое посольство прибыло на голландскую землю несколько позднее. В начале сентября среди прочих состоялась встреча российских послов с английским королем Вильгельмом III.

ПЕРЕГОВОРЫ С ГЕНЕРАЛЬНЫМИ ШТАТАМИ

Послы России прибыли в Амстердам 15 августа. Здесь их ожидала напряженная дипломатическая деятельность. Русское посольство под разными предлогами откладывало свое официальное пред-

ставление высшему органу республики — Генеральным штатам, ведя между тем напряженную работу, превратившись в своего рода выездное министерство иностранных дел Русского царства.

Идет дипломатическая переписка с Данией и Швецией. Благодаря ей удалось получить заверения датского короля и шведского канцлера Оксеншерна относительно их одобрения кандидатуры Августа Саксонского на трон короля Польши. Непрерывно поступают донесения от русского резидента в Польше Никитина о продолжающейся там борьбе за королевскую корону.

В Амстердам приезжает посол польского короля Бозе с настоятельной просьбой помочь Августу Саксонскому. Тот просил для поддержки своих сторонников ввести на польскую территорию 60-тысячную русскую армию, уже стоявшую на государственной границе.

В ответ по царскому указанию великие послы дают согласие на такую меру, однако при непременном условии подачи Государю Петру Алексеевичу письменной просьбы. Причем не только от короля, но и от сенаторов и всей Речи Посполитой. В ином случае, как подчеркнули послы, Речь Посполитая и ее во многом независимое от короля шляхетство может посчитать введение русских войск нарушением договора о «вечном мире» между Москвой и Польшей от 1686 года.

Как известно, одной из задач Великого посольства являлось привлечение Голландии (Нидерландов) к активному участию в войне с Турцией. Для этого послы со всей торжественностью переезжают из Амстердама в Гаагу, где находились высшие власти страны. Для посольства, численность которого теперь составляла «всего» 150 человек, выделили дворец и две дорогие гостиницы.

О своем прибытии в Гаагу великие послы известили всех других послов, аккредитованных в голландской столице, за исключением одного — французского. Царь Петр I предписал полный бойкот Франции в связи с ее интригами в Польше и дружескими отношениями с Турцией, с которой Россия находилась в состоянии войны. Франц Лефорт зорко следил за неукоснительным исполнением всех требований Государя, касающихся посольской деятельности.

Целые сутки ушло у великих послов на выработку, совместно с представителями Генеральных штатов, ритуала представления послов России высшему органу власти республики. Даже Франц

Лефорт с трудом смог разобраться в государственной структуре Голландии.

Официальная аккредитация посольства России в Гааге состоялась 25 сентября. За посольством была прислана 41 карета, в том числе одна «статская» — государственная — для генерала и адмирала Франца Лефорта. Он вез «государеву грамоту в тафте». Тысячи горожан стали свидетелями блестящей процессии, которую представляло собой Великое посольство. Самодержец Петр Алексеевич находился среди посольских дворян, соблюдая, насколько это возможно было, свое инкогнито.

Первый посол Франц Яковлевич Лефорт в своей пространной речи перед депутатами Генеральных штатов сообщил, что великий Государь «всея Руси» здоров. Второй посол Головин добавил, что Царь успешно ведет войну с турками и делает обширные приготовления для ее продолжения. Третий посол Возницын закончил свою речь пожеланиями, чтобы Генеральные штаты провели переговоры с русским посольством.

После такой представительной церемонии от Великого посольства Генеральным штатам были преподнесены драгоценные подарки. Царские «поминки» состояли из девяти сороков соболей, которые депутаты высшего собрания Нидерландов с благодарностью приняли и положили перед собой на стол. Дары собственно от самих великих послов состояли из шести сороков соболиных шкурок.

В ответном слове президент Генеральных штатов Иоганн Беккер сперва перечислил княжества, графства и земли «соединенных Нидерландов», а затем назвал «заморские» владения своей страны в Восточной Индии, «во Азии, Африке и Гвинеи». Закончил президент речь пожеланиями процветания и благополучия «высокославного царства».

На этом торжественная аудиенция закончилась. Великие послы поклонились депутатам Генеральных штатов и отправились на званый обед, который давала голландская сторона.

Переговоры между Россией и Голландией тянулись долго. Были проведены две конференции Великого посольства с Голландскими Штатами. Среди прочего русская сторона на переговорах просила Голландию оказать помощь России материалами и снаряжением, если невозможно деньгами, в строительстве большого флота для войны с империей турок-османов. Однако оказалось, что в Гааге ссылки великих послов на необходимость совместных действий в защиту Креста Господня серьезно не воспринимались. В далекой от европейских столиц первопрестольной Москве ситуацию на континенте знали крайне слабо.

Генеральные штаты на переговорах проявили непоколебимую неуступчивость: оказание прямой помощи России в войне с Оттоманской Портой неизбежно вызвало бы острое недовольство Парижа. Причина такой реакции была ясна — Нидерланды только совсем недавно заключили с Францией мирный договор. Дело было еще и в том, что турецкий султан являлся военным союзником французского короля Людовика XIV.

Тогда русские послы сочли бесполезным настаивать на привлечении к военным действиям против турок морских и сухопутных сил Нидерландов. Они ограничились просьбой о финансовой помощи, а также «всякими воинскими и корабельными припасами».

Франц Лефорт с Головиным и Возницыным решили «подойти» к голландской делегации с другой стороны. Они напомнили партнерам по переговорам о льготах, которыми пользовались голландские купцы в торговле с Россией, и соблазняли собеседников новыми льготами в транзитной торговле шелком с Персией и Армянской торговой компанией. Но даже эти весьма скромные предложения вежливо и твердо отклонялись Генеральными штатами. У голландцев и на сей раз была веская причина для неуступчивости — принятие предложений Великого посольства грозило опасностями для их торговли на Средиземноморье.

Столь же безрезультатно закончилась и третья конференция. 8 сентября Франц Лефорт известил Петра I о безрезультатности переговоров. На четвертой конференции великим послам ничего не оставалось, как выговорить Генеральным штатам «пространно за такую несклонность и неблагодарство». Впрочем, дело до открытой ссоры не дошло — голландцы на русские подарки ответили своими, равными по стоимости.

18 сентября состоялась прощальная церемония отъезда Великого посольства России из столицы Нидерландов города Гааги обратно в Амстердам. Президент Генеральных штатов Иоганн Беккер обратился к великим послам с речью, в которой выразил от имени высшего органа власти республики благодарность царю Московии за присылку «знатных и честных особ» в качестве представителей его страны и пожелания ему многолетнего здравия и побед над басурманами. Последнее было выражено следующим образом: чтоб «Господь Бог покорил под ноги его

басурманов султана турского и хана крымского и чтобы храбрость его государская всюду врагам страшна была».

В заключение прощальной аудиенции президент Иоганн Беккер передал первому послу Францу Лефорту ответную грамоту Царю Московии Петру Алексеевичу. Он просил также передать российскому Государю нижайший поклон от Генеральных штатов.

В день отъезда, 20 октября, великих послов одарили золотыми вещами. Новгородский наместник, генерал и адмирал Франц Лефорт, красноречие которого в ходе переговоров не иссякало, получил золотую цепь с гербами городов и провинций Нидерландов весом в 10 фунтов и ценой в 7 тысяч флоринов. Золотые цепи, преподнесенные двум другим великим послам, отличались меньшим весом и ценой.

Так завершилась официальная деятельность Великого посольства России в богатой торговой, обладавшей огромным флотом Голландии. Посольство потерпело полную неудачу. Выходившие в то время в Европе газеты единодушно отметили это как очевидный факт.

ЖИЗНЬ ПЕРВОГО ПОСЛА В ГОЛЛАНДИИ

Переехав из Гааги в Амстердам, Великое посольство теряло свой официальный статус в Нидерландах и его правительством больше не финансировалось. Посольские работники активно подключились к деятельности Царя Петра I по найму на русскую службу различных специалистов военно-морского дела, закупке оружия для русской армии.

В торговом городе Амстердаме великие послы проживали на сей раз раздельно. Франц Лефорт — в гостинице «Геерен-Ложемент». Его свита состояла из 49 человек, куда входило 7 дворян-иностранцев, в том числе племянник Петр Лефорт, 7 пажей, 14 лакеев, 6 музыкантов и трубачей, дворецкий, обозный прапорщик, золотых и серебряных дел мастера, 3 повара, 6 крепостных людей, принадлежавших дворянам свиты, и 2 челядника.

Царский фаворит в Амстердаме жил в роскошной обстановке. Его содержание в этом городе обошлось государственной казне в круглую сумму — 5579 ефимков, 7 алтын и 4 деньги. На свои личные расходы Франц Лефорт брал из посольской казны не только монетами, но и соболями. Два других великих посла истратили государевых денег на свое проживание несравненно меньше.

Роскошь гостиничных номеров и блеск самого Франца Лефорта поразили приехавших к нему в январе 1698 года родственников из Женевы — брата Иакова и племянника, сына сестры Шуэ. Их поразили, в частности, два буфета, где находилась серебряная столовая посуда, стоимостью примерно в 60 тысяч ливров. Во время ужина играли посольские музыканты, а трубачи в ливреях трубили что есть мочи при провозглашении тостов.

Посольские работники, лично Петр I вели в Голландии открытый наем специалистов военно-морского дела. Он шел с октября 1697 года и продолжался до открытия навигации на Беломорье следующего года. Первая партия завербованных на русскую службу состояла из лекаря Якова Колкана и пяти матросов славянского происхождения — Марка Дубровникова, Луки Николаева, Петра Николаева, Антона Степанова и Юрия Францева.

Когда набралась большая группа завербованных, посольством был нанят корабль «Гувернер фон Нарва» для перевозки их в Россию. Старшим группы был назначен «потешный» солдат Афанасий Бурлеев, прошедший обучение морскому делу в порту Пилау.

Среди желающих служить на военном флоте Царя Московии оказались самые разные люди, но больше всего голландцев, шведов, датчан и южных славян из Далмации (ныне приморская часть Хорватии). Среди убывших в Россию оказалось несколько украинских казаков и один донской казак Логин Семенников, побывавших в турецком плену и сумевших бежать из неволи.

3 июля 1698 года четыре зафрахтованных корабля высадили в Архангельске разноязычную толпу наемных морских и сухопутных офицеров, моряков различных специальностей и кораблестроителей общей численностью 672 человека. Среди них было 26 капитанов кораблей (15 из них — голландцы), 35 поручиков (голландцев — 21), 33 штурмана и подштурмана, 51 лекарь, 81 младший офицер, 345 матросов и других специалистов. Южных славян и греков было нанято 101 человек.

Наряду с вербовкой специалистов морского и военного дела шла закупка различных материалов, инструментов и оружия. Среди прочего было заказано 300 «рогов» для хранения пороха на кораблях, несколько десятков больших и малых железных пил, куплено 60 китовых усов весом в 250 фунтов на изготовление

корабельных флюгеров, 20 компасов, три железных якоря, картузная бумага...

Среди нанятых на русскую службу морских офицеров Царю Петру Алексеевичу больше всего понравился капитан Корнелий Крюйс, ставший впоследствии прославленным российским адмиралом. В задаток царского жалованья ему выдали две соболиные шкурки.

Была сделана попытка закупить «изрядную» партию огнестрельного оружия в 10 тысяч ружей. Однако сделка на них так и не состоялась. Но перед этим все же состоялась покупка «для государевой службы» 15 тысячи ружей. Был размещен заказ на производство 3200 штыков-багинетов по 2 гульдена за штуку.

Пока сотрудники Великого посольства «трудились» в Голландии, Царь посетил Англию, ведя оттуда переписку с Францем Лефортом и другими послами. Они сообщали в ответ Государю о ходе найма специалистов и закупке различных товаров. Генерал и адмирал откровенно скучал по своему венценосному другу и покровителю — Лефорт часто, иногда даже по несколько раз в день писал Петру Алексеевичу в Лондон. Он подписывался: «Твой верный слуга Лефорт г. ад.». Отсутствие известий о Государе сильно его беспокоило. Когда первый великий посол получил известие от Царя о его прибытии на британскую землю, то в этот же день он пишет сразу три ответных послания.

В начале марта в Англию из Амстердама для представления русскому Царю выехали родственники Франца Яковлевича, прибывшие специально с этой целью из Женевы. Это были один из старших братьев, Яков Лефорт, и два племянника фаворита: старший сын его сестры Ами и сын сестры Шуэ. Их сопровождал находившийся уже на царской службе Петр Лефорт.

Петр I очень тепло принял женевцев. После званого обеда самодержец совершил с гостями прогулку на яхте, которая была подарена ему английским королем. Франц Лефорт очень благодарил Государя за тот радушный прием, который встретили его родственники.

Покинув Англию 25 апреля, Царь на следующий день достиг голландских берегов. К тому времени великие послы сумели добиться от Генеральных штатов разрешения на беспошлинный вывоз из страны закупленных товаров. Среди прочего в Архангельск отправили «заморские редкости» — крокодила, попугаев, обезьян-мартышек и... 800 мраморных камней. В «Статейном

списке» грузов под клеймом «П.М.», то есть Петра Михайлова — самого монарха, значился ящик, а в нем «каркадил».

В Амстердаме Лефорт все же не забывал и о собственной выгоде. Он воспользовался возможностью отправить в Москву закупленные лично для него товары без уплаты пошлин в голландскую казну. Под его личным клеймом было отправлено в Архангельск: 16 сундуков с посудой, 7 сундуков с «рухлядью» — одеждой, 4 бочки сухарей (печенья), 1 бочка с сыром, 1 бочка «с ружьем», 8 бочек «питья» и 6 ящиков неизвестно с чем.

Вернувшись в Голландию, Петр I с Францем Лефортом совершили поездку по городам страны, посещая в первую очередь портовые. Однако это путешествие прервалось самым неожиданным образом. Из далекой Москвы пришли сообщения о мятеже четырех стрелецких полков в Великих Луках и их походе на столицу. Об этом Царю писали сразу несколько лиц, в том числе князь И.Б. Троекуров, генерал Патрик Гордон, князь Ф.Ю. Ромодановский. Другими неприятными известиями стали сообщения в наметившемся распаде союза против Стамбула.

Самодержец решил поторопиться с возвращением в Москву — в Стрелецком бунте, пусть и подавленном, он видел большую угрозу своему царствованию, династии. Начались сборы в дальний, обратный путь. Генералу и адмиралу Францу Лефорту спешно шили новое платье. Царь тепло простился с его родственниками, уезжавшими домой, в Женеву. На прощанье он подарил им огромное по денежному исчислению богатство — 46 сибирских соболей.

ВОЗВРАЩЕНИЕ В РОССИЮ ЧЕРЕЗ ВЕНУ

15 мая русский монарх выехал из Амстердама. Сухопутный путь от голландской границы лежал в саксонский город Лейпциг. До возвращения в Россию Царь хотел определиться в своих отношениях с венским двором, своим союзником в войне против Турции. До Вены добрались быстро, сказывались ухоженные дороги в немецких землях. Торжественный въезд Петра I и сопровождавших его лиц в Вену состоялся 16 июня.

К Таборскому мосту через Дунай было выслано две «цветные» цесарские кареты. Место в одной из них заняли Франц Лефорт и Головин. В Вене Царь поселился вместе с послами. 19 июня состоялось свидание российского монарха с императором Лео-

польдом I в летнем дворце последнего. Франц Лефорт служил переводчиком, переводя с русского на немецкий и наоборот. Затем начались переговоры на различных уровнях и личные встречи. Швейцарец на сей раз был неразлучен со своим благодетелем, всюду сопровождая его. Среди прочих встреч большое значение имело свидание Царя с наследником австрийского престола римским королем Иосифом, будущим императором Иосифом I.

14 июля состоялась прощальная встреча русского Царя с императором Леопольдом I. Самодержец отправлялся в Венецию, поездка в которую уже несколько раз откладывалась. Однако до Венеции он так и не доехал — из Москвы наконец-то пришло подробное описание последнего Стрелецкого бунта и разгроме мятежников войсками генералиссимуса А.С. Шеина и генерала П.И. Гордона под стенами Воскресенского монастыря на реке Ходынке.

Подробности восстания московских стрелецких полков поразили, видимо, мысли Государя, и поэтому его решение немедленно вернуться в Россию было молниеносным. Тотчас же поездка в Венецию, которая славилась своим галерным флотом, была отменена, хотя для поездки все уже было приготовлено и оставалось, как говорится, только занести ногу в дорожный экипаж. Курьером Царь оповещает боярина Ромодановского, оставшегося за него на управлении государством, о скором своем возвращении домой.

Однако великие послы не могли уехать из Вены без официальной аудиенции. Это означало бы разрыв или по крайней мере оставление в натянутом состоянии отношений с цесарским двором. Это отразилось бы крайне неблагоприятно на положении России в ходе предстоящих мирных переговоров с Оттоманской Портой. Франц Лефорт попросил своих венских коллег-дипломатов ускорить проведение аудиенции. Повод для этого уже имелся — из Москвы в тот день прибыл дворянин Владимир Борзов, доставивший подарки лично для императора Леопольда I.

На следующий день в десять часов утра в посольство России явился в качестве комиссара аудиенции императорский пристав при послах барон Кенинсакер в парадной золоченой, украшенной цесарскими гербами карете. За ней следовало 15 министерских карет с отрядом солдат и 48 почетными венскими гражданами, назначенными для перенесения русских подарков. В апартаментах барон-пристав встретил Царя Петра I — тот удалился, оставив дипломатов «говорить взаимные приветствия».

Великое посольство в полном составе прибыло в императорский дворец для аудиенции у Леопольда I. Франц Лефорт произнес традиционную речь на русском языке, сложность которой заключалась в точном перечислении титулов русского и австрийского монархов. После совершения всего обряда аудиенции императору и императрице преподнесли подарки: традиционные меха соболей и горностаев, а также одну черно-бурую лисицу, золотую парчу, персидские и китайские ткани, ковер и дорогое седло. Затем состоялось церемониальное угощение «на императорском сервизе».

Решение о предстоящем отъезде из Вены в Москву, а не в Венецию, держалось от рядовых сотрудников посольства в тайне. Об этом не знал даже лефортовский племянник. Об отъезде в Россию было объявлено только утром 19 июля, на следующий день после аудиенции великих послов у австрийского императора.

Петр I, уезжавший раньше всех, взял с собой немногих людей: своего фаворита и второго посла Федора Алексеевича Головина, четырех волонтеров, в том числе Александра Меншикова, трех дворян, переводчика, лекаря и трех посольских служителей. Они отправились в путь на пяти колясках, запряженных почтовыми лошадьми. Третий посол — Возницын — оставался в Вене для продолжения переговоров с австрийцами и участия в предстоящей мирной конференции с турецкой стороной.

Обещав явиться в столицу так скоро, как там и не думают, Петр I начал путь из Вены с чрезвычайной быстротой. Он со своими спутниками буквально мчался через австрийские земли.

Между тем оказалось, что быстрота решения монарха отказаться от поездки в Венецию и поспешность, с которой он в окружении небольшой свиты летел на почтовых лошадях в Россию, были совершенно напрасными. 22 июля в Вену пришли из Москвы письма с успокоительными известиями о том, что стрелецкий мятеж полностью подавлен, проведен розыск и часть виновных бунтовщиков предана казни, а другие после следствия посажены под крепкий караул. И что «на Москве» все спокойно.

Третий посол П.Б. Возницын незамедлительно отправил вдогонку Царю толмачей братьев Войцеховских. Они нагнали Государя уже в Польше, за городом Краковом, когда он остановился на обед в придорожной корчме. После этого царский поезд, двинувшийся в Галицию, стал делать остановки для отдыха. В городе Величке Петр I вместе со своими спутниками осмотрел подзем-

ные разработки поваренной соли и даже остался на ночлег под землей.

В небольшом городке Раве Русской состоялась встреча русского Царя с союзным польским королем Августом II, который одновременно являлся еще и курфюрстом Саксонии. Был произведен смотр королевских войск. В городе Томашеве стороны провели переговоры, в которых участвовали великие послы. Так начал оформляться военный союз, направленный против Швеции. Петр I твердо решил отвоевать у соседнего королевства древние новгородские земли — пятины на берегу Финского залива у устья реки Невы.

По пути он принял приглашение княгини Замойской и посетил ее замок в Замостье. Неизвестно, было ли это чистой случайностью или нет, но там оказался «проездом во Львов» папский нунций в Польше архиепископ Риминийский Давиа. Тот приложил немало усилий, чтобы добиться у Государя Московии разрешения проезда через Россию в восточные страны католических миссионеров. Однако против этого неожиданно и резко выступил Франц Лефорт, присутствовавший при беседе Царя с нунцием как переводчик. Петру Алексеевичу пришлось «урезать» уже было обещанное им — он согласился пропускать папских миссионеров в Китай и Персию, «только бы они не были французской нации». Это была уступка самодержца своему любимцу. Он отказался дать письменное свидетельство в сказанном, заметив монсиньору Давиа, что его царское слово значит больше, чем десять тысяч записок.

Разговор в замке княгини Замойской позволил папскому нунцию в депеше папе римскому назвать генерала и адмирала русской службы Франца Лефорта «открытым врагом католиков». В Риме это поняли без особых на то сомнений — фаворит русского Царя был уроженцем Швейцарии, откуда католическая церковь в свое время оказалась изгнанной религиозными реформаторами.

19 августа в десять с половиной часов утра путешественники оказались на границе Польши и Московского государства. Возвращение в родные края после столь долгого отсутствия было отпраздновано веселой попойкой по обе стороны границы: «И выехав из города к реке Огородне на рубеж, и на рубеже польском веселились, тако ж и на московском». Душой веселой компании, как и прежде, был Лефорт.

20 августа Царь со свитой был встречен в Смоленске воеводой боярином П.С. Салтыковым и митрополитом Смоленским Симеоном. Здесь Петр Алексеевич показал командующему российским флотом мощную крепость, построенную благодаря усилиям Бориса Годунова. Они обошли по стене ее всю, побывав на всех крепостных башнях. Вечером 25 августа Государь «всея Руси» возвратился в свой стольный град.

Начался печально знаменитый в российской истории стрелецкий розыск, закончившийся массовыми казнями стрельцов в Москве. Это время для Франца Лефорта было примечательно тем, что на него продолжались сыпаться царские милости. Государь часто проводил у него свободное время — на больших и малых пирах, встречах с дипломатами.

Возвратившегося из Европы первого посла России ожидала в Москве приятная неожиданность — новая царская милость. Она выразилась в подарке в виде великолепного дворца, обставленного с необыкновенной роскошью. Это был настоящий дворцовый комплекс, украсивший собой Немецкую слободу. Судя по огромным издержкам на его строительство — 80 тысяч рублей, другого подобного здания в стране, построенного в начале петровского царствования, не существовало.

Сам Франц Лефорт смотрел на этот дворец лишь как на временную свою собственность, долженствующую служить для торжественных приемов Царя Петра Алексеевича и даваемых здесь иногда самим Государем аудиенций. Действительно, лефортовский дворец в Немецкой слободе стал неофициальной царской резиденцией, куда тот в любое время дня и ночи мог приехать как к себе в Кремль или в село Преображенское.

Вечером, в день своего возвращения в Москву, самодержец проводил своего любимца прямо до дома и только после этого удалился к себе в Преображенское, свою подмосковную «потешную» столицу. Началась привычная жизнь: военные учения, строительство флота в Воронеже, пиры, официальные приемы и... стрелецкий розыск.

Уже 27 августа в селе Преображенском проводится смотр Преображенскому и Семеновскому полкам. Затем Царь «с толпой бояр» отправился на обед, устроенный по его желанию Францем Лефортом. Современники из числа иностранных дипломатов единодушно отмечают прежнюю привязанность Петра I к своему любимцу. В лефортовском дворце Государем дается аудиенция цесарскому послу Гварienту.

Иностранцев поражали застолья в лефортовском дворце, расходы за которые, разумеется, брала на себя государственная казна. Цесарский посол Гвариент в депеше австрийскому императору сообщал:

«На следующий (после аудиенции. — *А. Ш.*) день, следовательно 14-го (сентября. — *А. Ш.*) я по приказанию его царского величества был приглашен на большой пир, данный генералом Лефортом от имени Царя и на царские издержки. На нем должны были присутствовать многочисленные бояре, князья, знатнейшие военные чины и почти все находившиеся в Москве немецкие дамы. Число гостей простиралось до 500 персон. Кроме многих наполненных комнат для удобства угощения приглашенных были раскинуты палатки на чистом воздухе...»

ЧЕЛОБИТНАЯ СТРЕЛЬЦА ВАСИЛИЯ ЗОРИНА

Стрелецкий розыск коснулся и «служилого иноземца» Франца Лефорта, но с самой неожиданной стороны. Это выяснилось при допросе с пытками одного из главарей бунта стрелецкого десятника Василия Зорина из полка полковника Колзакова. Он оказался автором челобитной, врученной им же под стенами Воскресенского монастыря генерал-поручику князю Кольцову-Мосальскому, когда тот приезжал в стрелецкий стан для переговоров с мятежными московскими полками.

Зоринская челобитная содержала несколько пунктов с жалобами на пристрастное отношение к стрельцам иноземца Лефорта и указывала на целый ряд его действий, направленных на их «пагубу». Как писал (бесстрашно для того времени) десятник Василий Зорин, «немчина» Лефорт, поставивший перед собой под Азовом задачей учинить «великое препетие благочестию», решил губить стрельцов и для этого: во-первых, несвоевременно подвел их к городской азовской стене и ставил в самых опасных местах, отчего «побито» их было турками множество; во-вторых, делая подкоп (минную галерею. — *А. Ш.*), неосторожно подвел его под свои же шанцы и при взрыве этого подкопа погибло более трехсот московских стрельцов; и в-третьих, вызвав охотников идти на приступ крепости, сулил им денежные награды и повышение в чинах, а сам расположил стрельцов-добровольцев так, что множество их погибло, причем самых «лучших людей» московских полков.

В челобитной говорилось, что еще в первом Азовском походе они, стрельцы, подавали мысль взять город-крепость «привалом», то есть постепенно насыпая и подводя к стенам земляной вал. Но он, «немчина» Лефорт, этот план отставил, а между тем таким именно способом Азов и был взят во время второго похода царского войска.

«Не хотя наследия нашего христианского видеть», как пишет далее в челобитной Василий Зорин, Лефорт держал их, стрельцов, под Азовом в первом походе при отступлении дольше всех — до 3 октября. А из Черкасска он выступил к Москве только 14 октября и повел их степью «нарочно», чтобы до конца их погубить. Во время этого перехода в морозную погоду они голодали, вынуждены были есть «мертвечину» и «премножество их в той степи пропало».

Все эти неудачи первого Азовского похода, как видим, больно задевали бывалого стрельца Василия Зорина, участника и очевидца тех во многом трагических событий. Военные неудачи русской армии при ненависти к «немцам», рушившим старую Русь, были отнесены стрелецким вожаком на счет злоумышленных козней «еретика Франца Лефорта». Давая такие показания перед боярской следственной комиссией, десятник Зорин вряд ли строил какие-либо иллюзии насчет своего ближайшего будущего. Его впереди могла ожидать только скорая публичная казнь.

30 сентября 1698 года в Москве состоялась первая массовая казнь участников Стрелецкого бунта. Из первой партии «пытанных» стрельцов числом в 341 человек отделили малолетних — от четырнадцати до двадцати лет. Таких набралось ровно 100 человек. Царским повелением они освобождались от смертной казни, были наказаны кнутом и сосланы в сибирские города. Пятерых стрельцов обезглавили в селе Преображенском. Остальных мятежников отправили из Преображенского в Москву к месту казни.

Их повезли на небольших московских телегах, посадив по двое на каждую, причем все осужденные, как напутствие перед насильственной смертью, держали в руках зажженные восковые свечи. Процессия остановилась у Покровских ворот. Здесь осужденным стрельцам было зачитано «объявление» (приговор) об их винах и о казни.

Среди этих смертников находился и «пущий вор Васька Зорин», в последний раз смотревший на своего бывшего корпусного командира генерала Франца Лефорта. Тот находился в царской

свите — Петр I лично присутствовал при чтении «объявления», восседая на коне в польском зеленом кафтане. Здесь же находились, сидя в карете, цесарский посол, а также посланники королевств Датского и Польского.

Знал ли генерал и адмирал стрелецкого десятника Ваську Зорина? Вряд ли, уж очень низко по служебной лестнице стоял старый стрелец. Знал ли «служилый иноземец» об обвинениях в свой адрес, изложенных в зоринской челобитной? Скорее всего, знал. Бояре из следственной комиссии просто не могли, по обычаям того времени, не «подсластить» царскому фавориту.

После объявления приговора, который заканчивался словами «и за то ваше воровство великий государь Царь и великий князь Петр Алексеевич всея Великие и Малые России самодержец указал казнить смертью», осужденных развезли по местам публичной казни. Этими местами стали площади у съезжих изб — полковых канцелярий каждого из четырех бунтовавших стрелецких полков, и городские ворота столицы.

«После исполнения казни, — пишет австрийский посол Гварient, — я присутствовал на великолепном угощении, приготовленном у генерала Лефорта...» На пышном пиру Царь Петр I казался иностранцам-дипломатам довольным событиями дня и приветливым. По словам того же цесарца, «оказывал себя вполне удовлетворенным и ко всем присутствующим весьма милостивым...».

ПОДАРОК СУДЬБЫ ДУМНОГО ДЬЯКА УКРАИНЦЕВА И ГЕНЕРАЛИССИМУСА ШЕИНА

Франц Лефорт завоевал себе популярность среди русской части царского окружения не только горячим стремлением протежировать своим землякам-швейцарцам, но и защитой знатных московитов, на которых по разным причинам падала царская опала. У Петра I после поездки в Европу и стрелецкого сыска с его массовыми казнями все чаще стали проявляться вспышки ярости. Тем лицам, которые попадали в такие минуты под его горячую руку, грозили не только рукоприкладство и потеря благополучия, но порой лишение жизни, ссылка в места отдаленные.

В таких опасных для окружающих ситуациях лишь немногие придворные отваживались на обуздание царского гнева. История свидетельствует, что Петр I в минуты крайнего душевного раздражения «утихал» только под влиянием двух человек — своего фаворита и друга Франца Лефорта, а после его смерти — второй своей супруги Екатерины, ставшей первой Императрицей России. Примечательны два таких случая.

В 1698 году первый командующий флотом государства Российского праздновал день своих именин. «Франц Яковлевич, — пишет Иоганн Корб, секретарь австрийского посольства, — отпраздновал день своих именин великолепным пиршеством, которое почтил своим присутствием царь с очень многими из бояр». Дело в тот день не обошлось без вспышки гнева, довольно частой у самодержца во время застолий, когда он плохо контролировал свое поведение.

«Думный Емельян Игнатьевич Украинцев, — продолжает Корб, — возбудил против себя за какую-то провинность царское негодование. Встревоженный за свое колеблющееся благосостояние, он опустился до самой крайней степени унижения в мольбах о помиловании. Кроме того, все бояре, как бы сговорившись, каждый поочередно ходатайствовали за него. Однако Государь упорно от него отворачивался. Наконец Лефорт, отозвав царя к окну, оправдал думного». «За денежное вознаграждение», — прибавляет Корб. То есть за посул, который тогда был в обычае и от которого не отказывались даже и очень высокопоставленные лица.

Второй схожий случай утихомиривания царского гнева на одном из застолий в лефортовском дворце описывает в «Достопамятном повествовании и речах Петра Великого» А.К. Нартов. В том случае решалась судьба генералиссимуса боярина Алексея Семеновича Шеина, пользовавшегося одно время большим доверием у Петра I. Описанная Нартовым история произошла в сентябре 1698 года:

«Некогда у Лефорта на пиру был государь с генералами и министрами. А как за столом довольно пили, и лишь только было развеселились, как нечаянно зашел разговор такой, который всю забаву обратил на печаль и наполнил всех страхом и ужасом. Завели речь о войсках и военном порядке или дисциплине, при которой один из собеседников сказывал: «Чтоб иметь исправных и добрых офицеров, то надобно для того наблюдать службу и старшинство».

Вслушавшись в сие, Петр Великий отвечал ему: «Ты говоришь правду. Это есть то самое правило, которое я желал установить, и для примера был барабанщик в роте у Лефорта».

Но при сем, взглянув тотчас грозным видом на генерала Шеина, против него сидевшего, продолжал далее: «Я знаю, нарушая мои намерения и указы, некоторые генералы продают упалые места в своих полках и торгуют такою драгоценностию, которую надлежало бы давать за достоинство».

Шеин спросил государя: «Кто б такие были?»

И сие самое и воспламенило вдруг монарха с сердцем отвечающего: «Ты первый, ты тот самый!»

Причем, выхватив из ножен шпагу, начал ею рубить по столу так, что все присутствующие гости затрепетали: «Вмиг истреблю тебя и полк твой! Я имею список проданных тобою мест и усмирю сею шпагою плутовство твое!»

При сих словах хотели было прочие генералы извинить генерала Шеина, однако государь, не внимая ничего, кроме праведного гнева, в такую пришел запальчивость, что начал махать шпагою на все стороны без разбору. Слегка досталось оною князю Ромодановскому и Зотову, а между тем добрался он до самого Шеина, чтоб его поранить.

Но любимцем своим Лефортом, который в таких случаях один имел смелость удерживать царя, был схвачен. Государь, воспаленный сердцем, выступивший из самого себя, оттолкнул Лефорта и его ранил. Лефорт, оставя страх и ведая нрав, сколь младой монарх скороотходчив и мягкосерд, пренебрег без смятения нанесенный себе удар, остановил его, чтоб он перестал гневаться, вспомнил бы, что он ее исправитель и что великодушие сопряжено со славою и честью героя и законодателя.

Таким образом он смягчил государя так, что его величество, опомнясь, простил Шеина... Потом, признавшись в слабости своей пред всеми, тотчас с раскаянием и сожалением, обнявши Лефорта, говорил:

«Прости, любезный друг, я виноват. Я исправляю подданных своих и не могу исправить еще самого себя — проклятая привычка, несчастное воспитание, которого по сию пору преодолеть не могу, хотя всячески стараюсь и помышляю о том!»

Таким образом кончилось сие страшное происшествие, которое после сделало государя воздержаннее, ибо сею внезапностью чуть было не лишился друга своего Лефорта, которого рана без дальнейших следствий скоро и благополучно исцелена была.

Многие обвиняют государя по сему безмерною лютостью. Но представьте себе, какой бы монарх снес такое пренебрежение,

когда, невзирая на все попечение и усильные труды для пользы отечества, вводимый порядок расторгают и вместо блага чинятся злоупотребления?» — так заканчивает свой рассказ Нартов.

Франц Лефорт мог добиться у Государя и отмены смертной казни. Тот же дипломат Корб описывает такой случай: «По ходатайству генерала Лефорта два морских капитана, голландцы, виновные в явном неповиновении и приговоренные военным советом к казни, были допущены к царю. Высказав сперва ему свою просьбу, они пали к его ногам. Царь собственноручно вернул им шпаги и возвратил жизнь, честь и прежнюю должность. Разумеется, это было великим актом высшей царской милости».

НА ВЕРШИНЕ СЛАВЫ ФАВОРИТА. КОНЧИНА

Петр I, принимая иностранных послов, порой отдавал предпочтение лефортовскому дворцу, а не кремлевским палатам, в которых подобные церемонии проводились всеми русскими царями. Такая аудиенция, например, ожидала по приезде в Москву бранденбургского посланника курфюрста Фридриха III Маркварда-Людвига фон Принцена.

Генерал и адмирал Ф.Я. Лефорт гордился своей резиденцией, дружеским подарком Царя. Хотя и считал дворец в Немецкой слободе временной собственностью. Вот как описывал женевец его убранство в одном из писем родным в Швейцарию:

«В нем большая зала, о которой говорят, что она замечательно смебелирована; затем четыре комнаты не менее прекрасные, различно украшенные. Одна обита золоченой кожей и снабжена драгоценными шкапами; во второй находятся редкостные произведения Китая; третья обтянута желтым дамаском, и в ней находится постель в три локтя высоты с розово-красными занавесями; четвертая комната, которую его царское величество пожелал украсить сверху донизу морскими картинами...

Кроме того, есть еще 10 комнат, из которых четыре еще ожидают своего богатого украшения. Невозможно все приготовить так скоро».

Дворцовое здание имело вид удлиненного четырехугольника: «К нему прилегал обширный сад. Вокруг здания поставлены были пушки, из которых производилась пальба во время празднеств».

Возможно, что, если бы преждевременная смерть Франца Лефорта не унесла его в мир иной, первому российскому адмиралу довелось бы выйти на парусных военных кораблях в Азовское море. Швейцарец продолжал оставаться командующим военно-морским флотом России, хотя все тяготы по его созданию возложил на себя сам Государь.

Закончив неотложные дела в Москве, прежде всего стрелецкий розыск, Царь Петр I провел прощальный вечер во дворце фаворита и убыл в столицу российского кораблестроения город Воронеж, куда приехал 22 февраля 1699 года. Там самодержец сразу же оказался в плену строительной горячки и занялся преодолением всевозможных трудностей.

В день прибытия Государя в Воронеж его фаворит Франц Лефорт давал в Москве угощение послам Дании и Бранденбурга, которые после этого должны были отправиться на аудиенцию к Царю на воронежские верфи. Погода в тот день была так хороша, вечер такой теплый, что пиршество проходило под открытым небом.

Однако застолье в конце февраля на свежем воздухе обернулось для Лефорта смертельной бедой. Он сильно простудился, и на другой день у него «появилась внезапно лихорадочная дрожь и жар». Через два дня он уже не мог принять у себя полковников столичного гарнизона, приглашенных к нему на обед.

Здоровье царского фаворита в последнее время было вообще плохо. Окружающие видели, что он заметно ослаб и физически, и морально. Его племянник Петр Лефорт писал отцу в Женеву о плохом состоянии здоровья дяди, которого беспокоили плохо залеченные старые раны, особенно в боку.

Письмо с извещением о тяжелой болезни генерала и адмирала Франца Лефорта Царю в Воронеж было послано из столицы 26 февраля. Начальник приказов Посольского, Ямского, Военно-морского и Оружейной палаты Ф.А. Головин писал Государю:

«Ей, живу не за своими прихотьми; токмо всем не малая есть нам остановка: в четверток на первой неделе так остро заболел огневою адмирал наш и ныне без всякой пользы есть; кровь пускали, но мало поможествовала; смотреть, что за помощию божиею будет после...»

Болезнь быстро прогрессировала, и многочисленные врачи, «лекаря заморские» оказались бессильны помочь царскому любимцу. Один из очевидцев последних дней жизни одного из самых известных в истории России «служилых иноземцев» писал:

«Опасность для жизни генерала Лефорта усиливалась с каждым днем; горячечный жар все возвышался, больной нигде не находил места для успокоения или сна. Он не имел сил справиться со страданиями и впадал в бред, так как рассудок его помутился. По приказанию врачей позваны были музыканты, которым удалось наконец усыпить больного сладостными симфониями».

При больном безотлучно находился реформаторский пастор из Немецкой слободы. Когда он стал усиленно напоминать Францу Лефорту об обращении к Богу, то в ответ тот будто бы только попросил пастора не говорить так много. Только за час до ухода из жизни умирающий попросил прочитать над ним молитву.

Перед смертью мужа его супруга стала просить у него прощения за прошлое, но он ласково возразил ей: «Я ничего никогда не имел против тебя; я всегда уважал и любил тебя». После себя генерал и адмирал Франц Лефорт оставил жене и сыну только немалые долги, которые были покрыты его царственным другом из собственных средств.

Бескорыстие царского фаворита было серьезной причиной недовольства им со стороны родственников в Женеве. На все их уговоры позаботиться о материальном обеспечении хотя бы сына Франц Лефорт отвечал:

«Я искал своего счастья, пусть он ищет свое. Я постараюсь научить его всему, что пригодится, а там пусть сам позаботится о себе...»

Франц Яковлевич Лефорт умер 2 марта 1699 года в два часа дня. Прибывший во дворец Ф.А. Головин опечатал его имущество и передал ключи родным. Он же незамедлительно отправил в Воронеж Царю Петру Алексеевичу скорбное письмо:

«Милостивый государь, здравие твое, милостивого государя, да сохранит десница вышнего вовеки. При сем тебе, государю, извествую, что марта в первый день в ночи, часа до четыре до свету, Франца Яковлевича не стало...»

8 марта Государь прибыл в Москву из Воронежа. При виде умершего друга он, обливаясь слезами, произнес: «Нет уже у меня более надежного человека; этот один был мне верен; на кого могу я положиться впредь». Один из голландцев, свидетель этой сцены, писал амстердамскому бургомистру: «В чертах Царя выражалась глубочайшая скорбь...»

11 марта состоялись похороны генерала и адмирала русской службы швейцарца Франца Яковлевича Лефорта. Траурная цере-

мония отличалась небывалой торжественностью и сопровождалась почестями, которых в петровской России еще никто не удостаивался. Гроб с телом умершего переносился в реформаторскую церковь.

Всем траурным шествием руководил полковник фон Блюмберг, ехавший впереди процессии на коне, покрытом блестящим, затканным золотом чепраком. Затем шли лучшие полки русской армии — Преображенский, Семеновский и Лефортов. Перед первой ротой преображенцев шел сам Царь «в темном платье с застывшим на лице скорбным выражением». За полками следовал всадник в латах на богато изукрашенной лошади, держа обнаженный меч острием книзу. За ним шли трубачи и барабанщики, игравшие похоронный марш.

Далее вели лошадей умершего — его «конюшню». Военные люди несли знамена с изображением герба рода Лефортов, данного ему в России: в верхней половине щита по голубому полю золотой слон, покрытый попоной с черным двуглавым орлом. На спине слона водружена крепостная башня; в нижней половине щита по золотому полю изображен символ адмиральского звания Ф.Я. Лефорта: Андреевский флаг. Над щитом поверх двух рыцарских шлемов помещены изображения двуглавого орла и Андреевского флага.

За знаменосцами на пяти подушках несли лефортовские золотые шпоры, пистолеты, обнаженную шпагу, жезл и каску. Полковники, переменяясь, несли гроб, покрытый черной шелковой тканью. За гробом шли слуги в трауре, за ними племянник покойного Петр Лефорт с послами цесарским и бранденбургским, боярин Б.П. Шереметев в костюме мальтийского рыцаря. Затем шли московские бояре, думные дьяки и приказной персонал, наконец, вдова в сопровождении «иностранных дам».

Траурная процессия своей пышностью поразила не только москвичей, но и иностранцев, прежде всего дипломатов. Последними были составлены подробнейшие описания событий того дня, которые потом пересылались за границу, в столицы европейских государств. Там они появились на страницах газет.

Опускание гроба в могилу на Немецком кладбище возвестил троекратный залп из 40 орудий и беглый ружейный огонь участвовавших в траурной церемонии полков. С кладбища Петр I и все бывшие на похоронах вернулись в лефортовский дворец на поминальную трапезу. «Всякому», бывшему на похоронах в темном

платье, дано было золотое кольцо, на котором вырезаны были день кончины Лефорта и изображение смерти.

Место погребения генерала и адмирала Франца Лефорта, ближайшего друга молодости Петра I Великого, осталось для потомков неизвестно. По воспоминаниям царского служителя Нартова, перед самой своей смертью первый всероссийский Император Петр Алексеевич вознамерился заказать в Италии, которая славилась во все времена своими камнерезами, надгробные памятники четырем своим самым верным и близким соратникам. Это были Франц Яковлевич Лефорт, Борис Петрович Шереметев, Алексей Семенович Шеин и Патрик (Петр Иванович) Гордон.

Тогда Петр Великий заявил окружению: «Люди эти своей правдивостью и заслугами — вечные памятники для России. Я хочу соединить моих героев после их смерти в одном месте, под сенью святого Великого князя Александра Невского». Рисунки памятников находились уже в Риме, но кончина российского самодержавного властелина остановила начатую было работу...

ИСТОРИКИ РОССИИ О ФРАНЦЕ ЛЕФОРТЕ

Исследователи Петровской эпохи, давая характеристику личности Франца Яковлевича Лефорта, одновременно старались подчеркнуть степень его влияния на Царя Петра I. Так, историк Ламбин называет женевца Лефорта «незабвенным пришельцем, которому Россия должна вечной благодарностью как наставнику своего великого Преобразователя».

Знаменитый российский историк Н.М. Карамзин пишет: «Сей государь, худо воспитанный, окруженный людьми молодыми, узнал и полюбил женевца Лефорта, который от бедности заехал в Москву и, весьма естественно находя русские обычаи для него странными, говорил о них ему с презрением, а все европейское возвышал до небес; вольные общества Немецкой слободы, приятные для необузданной молодости, довершили Лефортово дело, и пылкий Монарх, с разгоряченным воображением, увидев Европу, захотел сделать Россию Голландией».

Историк Н.Г. Устрялов видит во Франце Лефорте иноземца, приехавшего искать счастья на чужбине. По его мнению, швейцарец не имел никаких познаний в военном искусстве ни на море, ни на суше и обязан своим высоким положением единственно

благоволению Царя, полюбившего Лефорта за то, что он одним из первых отстал от царевны Софьи и явился к нему в Троице-Сергиеву лавру готовый пожертвовать за русского Царя жизнью. Впоследствии признательность юного Петра Алексеевича обратилась в дружбу со «служилым иноземцем».

Устрялов считает, что самодержавный Государь полюбил женевца Лефорта за беззаботную веселость, столь пленительную после тяжких трудов, за природную остроту ума, доброе сердце, смелость. А больше всего за правдивость и редкое в то время бескорыстие. И наконец, за незаменимое искусство «устраивать пиры на славу».

Крупный отечественный исследователь российской истории С.М. Соловьев называет Франца Лефорта «блестящим представителем иностранцев, живших в Немецкой слободе». Он относит сближение Петра I с Лефортом к тому периоду, когда направление царствования Петра начало окончательно определяться и когда человек с таким характером, как Франц Лефорт, должен был иметь огромное влияние на молодого русского самодержца.

Многие исследователи эпохи петровского царствования сравнивают между собой достоинства двух «служилых иноземцев», оказавших на последнего русского Царя самое большое влияние — Франца Лефорта и Патрика Гордона, военного наставника русского Государя. Так, историк Брикнер не отрицает талантливости Лефорта, но, сравнивая его с шотландцем Патриком Гордоном, отдает преимущество последнему.

«Лефорт, — по словам Брикнера, — был равнодушен к наукам. Образ его действий в Азовских походах не может считаться свидетельством особых военных способностей. По своим сведениям в области политики Лефорт далеко уступал Гордону. Зато Лефорт был дорог Петру, главным образом, своей личностью, своим прекрасным сердцем, бескорыстной, беспредельной преданностью к особе Царя».

Известный военный историк А.К. Баиов, оценивая Лефорта как человека военного, пишет, что он в значительной мере уступал Гордону, имея и меньшее образование, и значительно меньший боевой опыт. Но наряду с этим Лефорт был большим любителем строевой службы. Он целые дни проводил на плацу, занимаясь обучением солдат ружейным приемам и маршировке.

Будучи очень гуманным человеком, Франц Лефорт был любим и офицерами, и солдатами. Генерал и адмирал, между прочим,

постоянно проводил, по мнению Баиова, в жизнь ту мысль, что, пока солдаты не будут иметь постоянных начальников и будут жить по обывателям, до тех пор нельзя утвердить в полках должный внутренний порядок и крепкую воинскую дисциплину.

Баиов отмечает, что в тех условиях Франц Лефорт, очевидно, должен был оказать влияние на военное образование русского Государя, хотя и несколько иное, чем опытный генерал Патрик Гордон. Швейцарец и шотландец, стоявшие в ближайшем окружении Царя Петра I, как бы дополняли один другого. Если второй был способен на большее углубление в сущность вещей, то первый обращал внимание на внешность. Таким образом, Патрик Гордон являлся «представителем духа», а его коллега и конкурент по влиянию на русского самодержца Франц Лефорт — «представителем формы».

Таким образом, заключает военный историк, это двойственное влияние на самодержавного правителя России Петра I приводило в результате к уравновешенности его военных реформ и гармоничному сочетанию в них внутреннего смысла с внешней формой. Действительно, образы двух «служилых иноземцев», ставших на русской службе видными военачальниками, неразлучно связаны между собой в окружении молодого Петра Великого в самом начале его царственного пути.

В любом случае, вне зависимости от оценок его личности, швейцарец из славного города Женевы Франц Яковлевич Лефорт оставил заметный след в истории государства Российского, связав свое доброе имя с именем царственного друга, великого реформатора России Петра I Алексеевича.

В ИСТОРИИ РОССИИ НЕВИДАННЫЙ ДОЛЖНИК

Генерал-фельдмаршал герцог Карл Евгений Кроа де Крои

Сто с небольшим лет назад, в январе 1897 года в городе Ревеле, нынешней столице Эстонии Таллине, состоялись примечательные похороны. Хоронили человека королевских кровей герцога Карла Евгения Кроа де Крои. Список его воинских званий был просто впечатляющ: генерал-лейтенант службы у датского короля, генерал-фельдмаршал-лейтенант императора австрийского, генерал-фельдмаршал курфюрста Саксонии и, наконец, генерал-фельдмаршал Российской империи (вернее, Московского царства).

Бесспорно в европейском летописании одно. Подобных герцогу де Кроа полководцев и военачальников со схожим набором воинских званий в человеческой истории можно, пожалуй, сосчитать по пальцам.

Примечательность торжественной похоронной процессии на улицах Ревеля заключалась в том, что душа обладателя столь многих внушительных воинских званий покинула бренное тело ровно 195 лет назад, 20 января 1702 года...

ПОТОМОК ВЕНГЕРСКИХ КОРОЛЕЙ

Покойный происходил из рода древних венгерских королей, что подтверждалось им при жизни документально. Один из его предков в поисках славы и богатства или, наоборот — богатства и славы, — в XII веке переселился во Францию. И судьба его сложилась там исключительно удачно для того времени. Женив-

шись на девице из знаменитого и родовитого семейства де Крои, владелице крупных поместий в долине реки Соммы, знатнейший иммигрант с берегов Дуная сразу же разрешил на будущее все свои материальные и иные проблемы.

Сроднившись с семейством де Кроа, далекий предок нашего героя получил наследственные права на фамилию своей супруги, французской аристократки. В дальнейшем их потомки служили при дворах многих императоров, королей и более мелких государей. Служили, думается, во многих случаях удачно и славно.

В 1486 году император Священной Римской империи Максимилиан I возвел фамилию де Кроа в княжеское достоинство. В царствование Генриха IV, французского короля-гугенота на рубеже XVI—XVII веков, де Кроа получили герцогский титул. После этого представители венгерско-французской фамилии вошли в элиту европейской аристократии, имея с рождения большие права на блестящее будущее, в том числе и на успешную военную карьеру.

Герцог Карл Евгений Кроа де Крои (Крой, Круа, Кроу) родился в 1651 году. Нет достоверных сведений о его образовании, но, вне всякого сомнения, к военным наукам его пристрастили с раннего детства. Ибо только на военном поприще он мог добавить славу к своей герцогской фамилии.

Военным человеком он стал даже по тем временам довольно рано. В 1676 году герцог принял участие в войне Дании против Швеции. Боевые действия разворачивались в основном на море, которое служило естественной границей между двумя странами. Сперва объединенный датско-голландский флот разбил эскадру парусников шведского короля Карла XI у острова Борнхольма.

За поражением шведского флота последовали победы датских войск на суше. Были захвачены крепости Хельсингборг, Ландскруна и другие. Офицер датской королевской службы герцог де Крои отличился во многих делах, показав умение командовать людьми. Сам он по призванию и положению уже тогда зарекомендовал себя дорогостоящим иностранным наемником, знающим свое дело.

В следующем, 1676 году, в июле, датский флот под командованием адмирала Юэля наголову разбивает шведский королевский флот под флагом адмирала Хурна. Шведы теряют потопленными

или захваченными 11 кораблей. И вновь датская армия, после убедительной победы в море, переходит в наступление, одержав еще несколько больших и малых викторий. И вновь герцог де Крои блистает среди военачальников монарха Дании.

Один из самых молодых военачальников датской армии, имевший уже солидный боевой послужной список, назначается комендантом крепости Хельсингборг. Герцог де Крои за военные отличия против шведов получает от короля Дании звание генерал-лейтенанта.

Однако служба в вооруженных силах небольшого Датского королевства, да еще в мирное время, не давала сколько-нибудь заметных перспектив для служебного роста в будущем. И генерал, в ком текла кровь венгерских королей — основа его аристократической гордости, — решил, как обыкновенный иноземный наемник (для Европы того времени все равно где), сменить венценосного хозяина.

ПОЛКОВОДЕЦ СВЯЩЕННОЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

Герцог переходит на службу к германскому императору с заметным повышением в окладе и чине, став сразу генерал-фельдмаршал-лейтенантом. В Священной Римской империи военная карьера герцога Карла Евгения Кроа де Крои началась более чем успешно. Он раз за разом стал отличаться в войне с Оттоманской Портой 1683—1699 годов. Судьба явно благоволила к генералу-наемнику.

Он принимает яркое участие во взятии крепости Эссек. Затем, пожалуй, самым знаменитым делом герцога де Крои, как большого военачальника, становится большое сражение при Саланкамене, в котором герцог содействовал австрийскому главнокомандующему принцу Людвигу Баденскому в поражении султанского главнокомандующего великого визиря Мустафы Кепрелю-паши. При этом Карл Евгений де Крои в этом сражении получает свое второе ранение на поле боя.

Сражение у Саланкамена произошло 19 августа 1691 года. В нем участвовало 80 тысяч турецких войск и 45 тысяч австрийцев, которые, будучи дисциплинированной европейской армией, показали свое превосходство над неприятелем. Людвиг Баденский после баталии рапортовал своему императору об одержан-

ной убедительной победе. И он особенно отметил заслуги генерал-фельдмаршал-лейтенанта герцога де Крои, который действовал решительно и удачно, будучи одним из ближайших помощников принца. Турки были разгромлены и поспешно отступили, а их главнокомандующий великий визирь Мустафа Кепрелю-паша погиб в проигранном им сражении.

Активное участие в одной из самых блистательных побед австрийского оружия сделало герцога де Крои настоящим полководцем. Он назначается самостоятельным командующим — ему доверяется венгерская армия, солдаты и офицеры которой восторженно встретили это назначение, поскольку, как мы писали, в де Крои текла кровь королей Венгрии.

Однако оказалось, что генерал-фельдмаршал-лейтенант был не готов к успешному самостоятельному командованию целой армией. В 1693 году его войска безуспешно осаждали сильную турецкую крепость на Дунае город Белград (будущую югославскую столицу) и не смогли ее взять. Более того, венгерским войскам пришлось отступить от Белградской крепости со значительным уроном в людях.

После такой крупной неудачи герцог де Крои встретил в Вене при императорском дворе холодный прием. Наемником были недовольны по двум достаточно веским причинам. Во-первых, за отступление от Белграда, что меняло ход австро-турецкой войны. Во-вторых, герцог де Крои на высоком армейском посту стал вести крайне неумеренный и не по средствам образ жизни. Он стал злоупотреблять крепкими винами и постоянно вел крупную карточную игру, тратя на долги порой и казенные деньги.

Венское правительство, взвесив все «за» и «против», назначило нового командующего венгерской армией. Герцог Карл Евгений де Крои остался не у дел, и оскорбленный, он бросает службу при императорском дворе. Австрийцы, впрочем, об этом не жалели: генералов-наемников в те времена по Европе разъезжало предостаточно.

У герцога де Крои на такой случай имелось несколько вариантов устройства своей судьбы. Он как наемник отличался большой практичностью и умел зарабатывать себе на жизнь воинскими трудами, имея такие титулы и чины.

Теперь его взоры обратились к неведомой Московии, которая в самом конце XVII века вдруг встала перед Европой во весь свой могучий рост.

Еще до своей отставки в Австрии герцог во время пребывания русского Царя Петра I Алексеевича в Голландии, во время Великого посольства, сумел встретиться с молодым Государем. В 1698 году он явился в городе Амстердаме к Царю с рекомендательным письмом от австрийского императора Леопольда I, в котором тот называл генерал-фельдмаршал-лейтенанта герцога Карла Евгения Кроа де Крои «храбрым, опытным генералом». Высокий наемник просил русского Государя «дозволить ему снискать новую славу под знаменами русских».

В том же 1698 году, в день своего отъезда в Вену, Царь Петр I изъявил согласие на принятие герцога Кроа де Крои на русскую военную службу. Великий реформатор государства Российского уже тогда задумал прорубить для Отечества «окно в Европу», для чего требовалось создать регулярную армию и военно-морской флот. Армия и флот требовали огромного количества подготовленных в военном отношении людей на командные должности, офицеров и генералов.

Герцог де Крои имел прекрасные рекомендации, богатый боевыми делами послужной список и два ранения в войнах. Думается, что Петр I, нанимая военачальника, служившего у императора Священной Римской империи и короля Дании, не сомневался в правильности сделанного им выбора.

ГЕНЕРАЛ-ФЕЛЬДМАРШАЛ САКСОНИИ

Однако вместо России герцог де Крои оказался в другом государстве. Он поступает на службу к курфюрсту Саксонии Августу II, который одновременно являлся и польским королем. Тот, вне всякого сомнения, знал о слабостях отставного австрийского фельдмаршала, который в перерывах между сражениями проводил время за ломберным столом в окружении бутылей с горячительными напитками. Но Саксония с Польшей в то время воевала со Швецией, и именитый наемник с его действительно славным боевым прошлым мог пригодиться.

Август II взял к себе на военную службу герцога Кроа де Крои. Мотивы его желания поступить на службу к монарху Саксонскому и Польскому не стали большим секретом для современников и историков. Объяснение этому они нашли в предположении, что герцог, перед тем как отправиться в Московское царство, предварительно хотел получить звание генерал-фельдмаршала саксонской армии. Здесь исследователи не ошиблись.

Карл Евгений Кроа де Крои со всей настойчивостью выторговал почетные условия службы при курфюрсте и короле Августе II. Звание саксонского генерал-фельдмаршала он все же получил, что заметно увеличило стоимость его услуг как иностранного наемника.

В России герцог де Крои оказался через два года, хотя Царь Петр I предлагал ему следовать в Москву вслед за ним. В 1700 году польский король отправил де Крои в Русское царство, в город Новгород. Там в то время находился Царь, готовившийся начать первую военную кампанию в Северной войне со Швецией.

Командировка датско-австро-саксонско-польского военачальника была связана с жалобой короля Августа II русскому Царю Петру I на поведение его армейских полков. Те, будучи крайне плохо обеспечены продовольствием, «разоряли» сельские местности в Лифляндии и Эстляндии, на которые в случае победы над Швецией претендовал монарх Польши. Он просил своего царственного союзника в Северной войне оказать содействие в наведении порядка в прибалтийских провинциях.

Петр I не забыл свою встречу в Амстердаме с герцогом Кроа де Крои. Тем более, что тот при встречах с коронованными особами мог выдавать себя за опытного и прославленного предводителя любых войск, разумеется, европейских. Государь России к тому же имел «свои виды» на наемного фельдмаршала.

Новгородская встреча русского Царя и генерал-фельдмаршала носила официальный характер. Через герцога Кроа де Крои король Польский и курфюрст Саксонский пытался выпросить у союзного монарха корпус русских войск. В это время поляки и саксонцы без особого успеха и желания победить осаждали укрепленный город Ригу, обороняемый шведскими войсками короля Карла XII.

Памятливый Петр I напомнил посланцу Августа II об амстердамских договоренностях. Нуждаясь в опытных генералах, имевших к тому же опыт участия в войнах со шведами (а герцог отличился в войне Дании со Швецией), когда молодая петровская армия уже стояла под стенами Нарвской крепости, Царь решительно приказал герцогу Кроа де Крои немедленно отправиться на берега реки Наровы. Наемник четвертого по счету государя повиновался. Так армия Саксонии лишилась своего генерал-фельдмаршала.

НАРВСКИЙ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ РУССКОГО ЦАРЯ

Условия перехода на русскую службу были более чем благоприятны. Царь не поскупился на высокое жалованье военачальнику королевских кровей. Под крепость Нарву герцог Кроа де Крои направлялся в чине генерал-фельдмаршала российской службы, будучи таковым вторым по счету в русской регулярной армии. На полторы недели раньше генерал-фельдмаршальское звание получил Федор Алексеевич Головин, с 1701 года граф, один из ближайших единомышленников и сподвижников Петра Великого.

С первого дня своего появления в русском осадном лагере под Нарвой герцог постарался показать себя бесстрашным полководцем и произвести на Царя Петра I и его окружение самое благоприятное впечатление. И в этом сановитый наемник немало преуспел.

Прибыв к Нарве, он вместе с Петром I участвовал в рекогносцировке — разведке крепостных укреплений. Герцог объезжал вражескую крепость в своем ярко-красном фельдмаршальском мундире с золотыми позументами. В царской свите, скакавшей вдоль крепостных стен, лучшей мишени для шведских стрелков просто не могло быть. И с нарвских стен началась явно прицельная стрельба из мушкетов, полетели и пушечные ядра.

Участники рекогносцировки стали упрашивать генерал-фельдмаршала не рисковать своей и их жизнью. Герцог де Крои решительно и демонстративно отказывался надеть плащ. Он надел его на себя, скрыв красный мундир, отливавший на солнце золотом, только после настоятельной просьбы самого Царя.

Можно утверждать, что до битвы под Нарвой герцог де Крои вел себя как опытный военачальник. Между тем, будучи уже на русской военной службе, он обменивался с польским королем Августом II шифрованными письмами, которые отсылались в Варшаву из осадного лагеря. Того, разумеется, интересовала разведывательная информация о действительном состоянии союзной армии России — главного противника шведской королевской армии в начавшейся Северной войне 1700—1721 годов. Подобная информация, по всей видимости, неплохо оплачивалась.

Замечательный отечественный писатель Алексей Толстой в своем историческом романе «Петр Первый» так знакомит читателей

с нашим наемным генерал-фельдмаршалом, оказавшимся в России сразу под осажденной крепостью Нарвой:

«Вечером в шатре у герцога фон Круи собрались генералы: напыщенный, всегда суровый Автоном Головин (первый созидатель потешного войска), князь Трубецкой — любимец стрелецких полков, — дородный богатый боярин, командир гвардии Бутурлин, знаменитый громоподобной глоткой и тяжелыми кулаками, и совсем больной, плешивый Вейде, дрожавший в бараньем тулупе. Когда пришли Петр, Меншиков и Галлярт, герцог просил за стол отужинать по-походному. Были поданы редкие и даже невиданные кушанья (нарочный герцога добыл их в Ревеле), в изобилии разносили французские и рейнские вина.

Герцог чувствовал себя как рыба в воде. Приказал зажечь много свечей. Разводя костлявыми руками, рассказывал о знаменитых сражениях, где он, на высоте — над полем кровавой битвы, — поставив ногу на разбитую пушку, отдавал приказания: кирасирам — прорвать каре, егерям — опрокинуть фланги. Топил в реке целые дивизии, сжигал города...

Русские, хмуро опустив глаза, ели спаржу и страсбургские паштеты. Петр рассеянно глядел герцогу в длинноносое лицо с мокрыми усами, принимался барабанить по столу или вертел лопатками, будто у него чесалось. (С начала похода замечен был у Петра Алексеевича этот рассеянный взор.)

— Нарва! — воскликнул герцог, протягивая денщику пустую чашу. — Нарва! Один день хорошей бомбардировки и короткий штурм южных бастионов... На серебряном блюде ключи от Нарвы — ваши, государь. Оставить здесь небольшой гарнизон и всеми силами, развернув на флангах конницу, обрушиться на короля Карла. Сочельник будем встречать в Ревеле, мое честное слово.

Петр поднялся со стола, пошагал, нагибаясь, чтобы не задеть головой за полотнище шатра, поднял с пола соломинку, прилег на герцогскую кровать (принесенную с ближайшей мызы). Поковырял соломинкой в зубах...»

Потянулись беспросветные осадные будни. На две недели зарядили дожди, приносимые ветром с близкой Балтики. Солдатские землянки заливало, шатры протекали, от сырости и ночной стужи некуда было укрыться. Казалось, что весь русский осадный лагерь стоял по пояс в болоте. Люди начали болеть, каждую ночь на десятках телег увозили мертвых хоронить в поле — чтобы не видели с нарвских стен шведы.

Герцог де Крои с раннего утра до темени всюду сопровождал русского Царя. Тот большую часть дня проводил на осадных батареях, лично руководя бомбардировкой Нарвы. Петр I не мог не видеть: у осаждающих явно не хватало тяжелых орудий, а боеприпасы к пушкам подходили к концу. Не хватало многого — пороха, провианта. Армейские запасы поступали из Новгорода крайне медленно. Обозные повозки с трудом тащились под беспрерывными дождями по ставшими непролазными дорогам.

На рассвете 5 ноября Царь Петр I с герцогом и генералами руководил бомбардировкой крепости, находясь на холме Германсберг. В тот день обстрел Нарвы повели только что доставленные из Новгорода знаменитые пищали «Лев» и «Медведь», отлитые сто лет тому назад мастерами Андреем Чоховым и Семеном Дубинкою. Их доставили к крепости на быках — по десять пар в каждой орудийной упряжке.

Бомбардировка показала, что порох для пушек был низкого качества. Увеличение пороховых зарядов вело к разрыву орудийных стволов. Герцог де Крои и другие иноземцы на русской службе указали на это Государю. Впрочем, он и сам видел все слабости ведения осады неприятельской крепости.

У Петра I уже созрело решение — самому отправиться в Новгород, чтобы своим личным присутствием «поторопить» доставку в осадный лагерь всего самого необходимого. Иначе осада крепости грозила надолго затянуться.

Царь не знал, что в последние дни обстановка стала угрожающе меняться в пользу противника. Шведский король Карл XII, один из лучших полководцев Европы своего времени, в начале октября неожиданно высадился с гвардией и тремя пехотными полками в Пернове (современном эстонском портовом городе Пярну). Король, собирая по пути шведские воинские отряды, немедленно двинулся на выручку осажденному нарвскому гарнизону. В распоряжении Карла XII находилось 23 тысячи отборного войска, хорошо обученного, с большим боевым опытом.

Петр I предвидел, что шведское командование попытается подать помощь осажденной крепости. От Нарвы в сторону Ревеля была выслана немногочисленная — пять-шесть тысяч человек — конница под командованием боярина Бориса Петровича Шереметева. Тот, разбив две небольшие шведские «партии», раз-

ведав о прибытии и движении королевской армии, отошел к Нарве.

Однако Шереметев опоздал с тревожным донесением. За четыре часа до подхода передового конного отряда в осадный лагерь Царь Петр I покинул его, торопясь в Новгород. За себя он оставил командовать русской армией генерал-фельдмаршала герцога Кроа де Крои.

Поскольку быстрой виктории под Нарвой не получалось, Царь вместе с генерал-фельдмаршалом Федором Головиным решил «усилить» осадные работы из Новгорода. При той ситуации такое решение выглядело вполне оправданным. Разведка вражеских сил в Эстляндии была поставлена из рук вон плохо — русское командование не знало о высадке армии короля Карла XII в Пернове.

Имея уже печальный опыт верховного командования венгерской армией под Белградом, Карл Евгений Кроа де Крои (надо отдать здесь ему должное) попытался было отказаться от такого почетного назначения. Хотя, с другой стороны, оставление русским Царем за себя во главе немалой армии было почетно. Но Петр I был неумолим. По свидетельству современника, славившийся крутым нравом Царь «после попойки объявил ему — или жизнь, или смерть».

Так наемник герцог де Крои оказался главнокомандующим русской действующей армии, обложившей сильную неприятельскую крепость Нарву. По иронии судьбы на этом высоком посту он находился всего одни сутки.

За день до отъезда из-под Нарвы, 17 ноября, Царь Петр I лично составил инструкцию герцогу де Крои. Алексей Толстой так описывает тот исторический эпизод:

«Окрики часовых. Топот подков по мерзлой земле. За окном — свет факелов. Звеня шпорами, вошел герцог и генералы — красные от ветра, встревоженные, — что случилось в такой поздний час?.. Петр кивнул им, подойдя к герцогу, обнял. Показал Меншикову — взять свечу — и пошел за дощатую переборку в чулан.

Здесь Меншиков поставил свечу на столик, заваленный бумагами, засыпанный табаком. Все стояли. Петр сел, взял листок, шевеля губами, строго перечел про себя присыпанные золой, исчерканные строки. Кашлянул и — ни на кого не глядя:

— Ин готснам, во имя Божье, — начал читать суровым, твердым голосом. — Понеже его царское величество ради нужней-

ших дел отъезжает от войска, того ради вручаем мы войско его княжеской пресветлости герцогу фон Круи по нижеследующим статьям... (Герцог, стоя у самого стола, задергал ляжкой. Петр посмотрел на его тощую ляжку в белой лосине, потом — на сухие руки, обхватившие золотую рукоять сабли.) Первая статья: его пресветлейшество имеет быть главнейшим начальником... Второе: все генералы, офицеры, даже и до солдата имеют быть под его командой, как самому его царскому величеству... Третье... (Поднял голос.) Добывать немедленно Нарву и Иван-город всячески... Четвертое... За ослушание генералов, офицеров и солдат чинить над ними расправу, яко над подданными своими, даже и до смерти...»

Петр I покинул осадный лагерь 18-го числа. Сражение под Нарвой состоялось на следующий день — 19 ноября.

Вместе с инструкцией новому главнокомандующему герцогу де Крои Царем был дан следующий рескрипт на имя старейшего и авторитетнейшего в русской армии генерала Шереметева:

«Борис Петрович! Приказал я ведать над войски и над вами арцуху ф.— Крою; изволь сие ведать и по тому чинить, как написано в статьях у него за моей рукою, и сему поверь. Но понеже всего на всякий случай предусмотреть невозможно, того ради полагает его Царское Величество на его обыклое рассуждение, ведая его искусна в воинских случаях».

Таким образом Петр I действовал при назначении иностранца-наемника на пост главнокомандующего предусмотрительно. Он стремился не нарушить единоначалия в армии и дать герцогу де Крои всю полноту власти над армией, стоявшей под Нарвой.

Но молодая петровская регулярная армия, особенно ее командный состав, не знали генерал-фельдмаршала де Крои совсем. А он в свою очередь совсем не знал армии, которая так неожиданно поступала под его командование. Думается, что Царь Петр I просто проглядел это немаловажное на войне обстоятельство, прельщенный боевым прошлым, воинскими знаниями, лестными рекомендациями и самоуверенностью иноземца.

Генерал Бутурлин, оценивая факт передачи Петром I главного командования русской армией под Нарвой герцогу, писал, что «русские генералы, еще не привыкшие к строгой дисциплине, завидовали доверенности Государя к иностранцу и не были расположены ему повиноваться».

Патрик Гордон

Франц Лефорт

Барон Георг Огильвий

Граф
Яков Вилимович Брюс

Царь
Алексей Михайлович

Прием иностравных послов царями Иваном и Петром в Кремле

Царевна
Софья Алексеевна

Царь Иван Алексеевич

Царь Петр Алексеевич

Взятие потешными войсками крепости на Яузе

Варшава

Краков

Данциг (Гданьск) и его крепостные укрепления

«К оружию!» Художник Я. Дюк

Король Швеции
Карл X Густав

Король Польши
Ян Казимир

Король Польши
Ян Собеский

Князь Юрий Любомирский

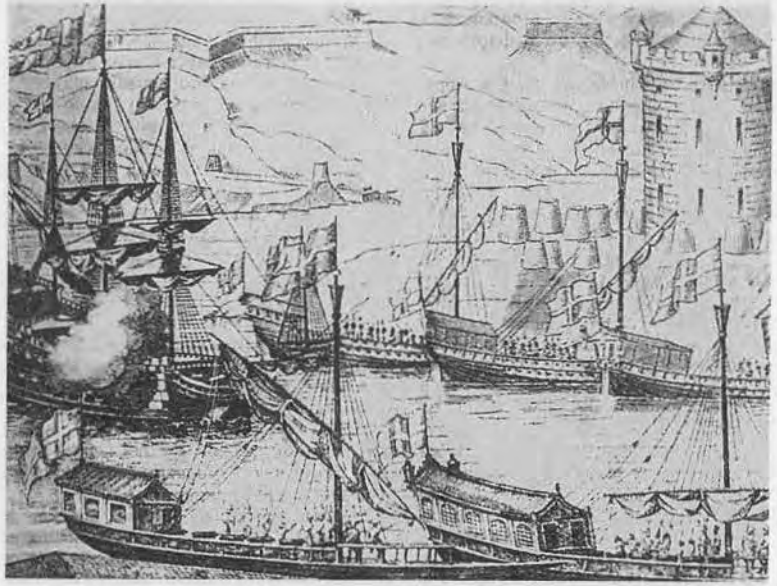
Князь Ф.Ю. Ромодановский

Утро стрелецкой казни. Фрагмент картины В.И. Сурикова

Боярин Л.К. Нарышкин

Стрелец. Форма фузилера и бомбардира петровской армии

Граф Ф.А. Головин



Взятие Азовской крепости

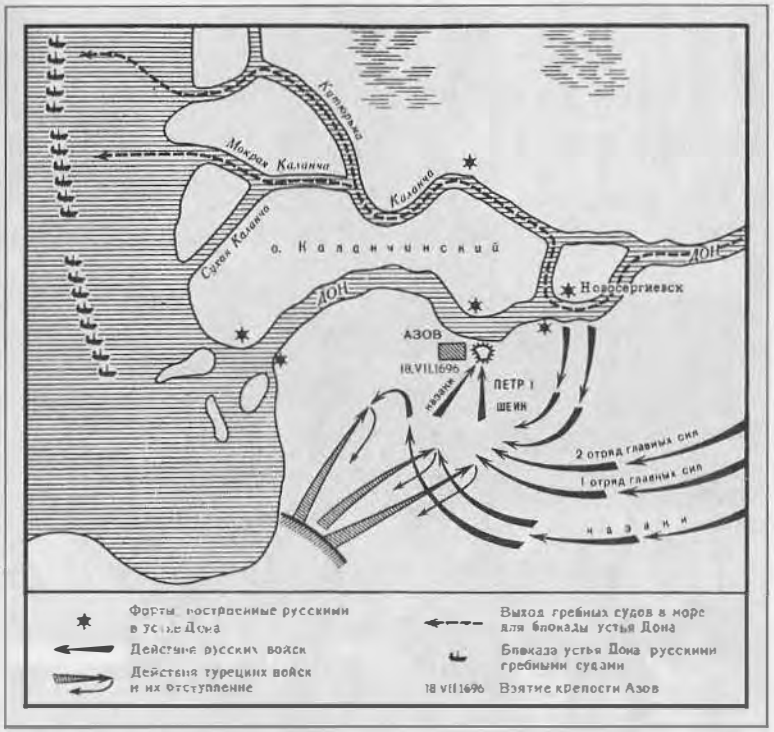


Схема осады и взятия Азова

Медаль в память взятия Азова

Триумфальный вход войск в Москву после взятия Азова

Курфюрст Саксонии
икороль Польши
АвгустСильный

Король Швеции
Карл XII

Гренадер Преображенского полка с гранатой

Мушкетеры шведской пехоты

Петровская инструкция, выражавшая непреклонную волю самодержца, не могла заменить взаимного доверия подчиненных генерал-фельдмаршалу герцогу де Крои армейских начальников. В этом крылась одна из причин нарвского поражения русской армии в 1700 году...

Король Карл XII выступил из Ревеля 4 ноября. Чтобы совершить стремительный марш-бросок, он велел тронуться налегке, без обременительного обоза, нагрузив каждого солдата лишь скромными запасами провианта. К вечеру 18 ноября он подошел к Нарве буквально следом за поместной, дворянской конницей боярина Б.П. Шереметева.

Шведский король-полководец расположился походным лагерем в деревне Лагены, в десяти верстах от осажденной крепости. В его распоряжении перед сражением находились: 21 батальон пехоты — 5 тысяч человек, 43 кавалерийских эскадрона — 3 тысячи человек и 37 полевых орудий. Всего 8430 человек.

Нарвский гарнизон под командованием полковника Хеннинга Рудольфа Горна (Хорна) насчитывал 1300 пехотинцев, 200 кавалеристов и 400 горожан-ополченцев, способных носить оружие. Нарвские «сидельцы» были способны совершить сильную вылазку за стены крепости.

После отъезда Петра I герцог де Крои собрал военный совет для обсуждения вопроса о способе действий против неожиданно подошедшей неприятельской армии. Почти все его участники высказались за то, чтобы обороняться на занимаемой позиции. Лишь один Б.П. Шереметев предложил выйти из полевых укреплений и самим атаковать шведов.

Но такое смелое предложение военный совет вместе с главнокомандующим отверг. Генерал-фельдмаршал герцог де Крои отдавал инициативу в предстоящей баталии противнику, чем король Карл XII и прекрасно распорядился.

ШПАГА, ОТДАННАЯ КОРОЛЮ КАРЛУ XII

В ночь на 19 ноября герцог де Крои, видевший опасность нападения королевской армии, приказал усилить боевое охранение осадного лагеря. Однако его приказание было исполнено из рук вон плохо. Шведы успели провести разведку расположения русских полевых укреплений и даже сумели измерить под покровом

ночи глубину рвов и высоту вала вокруг осадного лагеря. Дурные предчувствия не обманули генерал-фельдмаршала, познавшего в войнах немало и побед, и поражений.

Сражение началось в одиннадцать часов утра артиллерийской перестрелкой, продолжавшейся до двух часов дня. Король Карл XII рассчитывал выманить русских в поле, но они оставались на месте. Тогда, собрав свои войска в кулак, он бросил на штурм русских укреплений свои колонны. Удар был рассчитан верно — оборона противника представляла собой тонкую линию, где солдаты отстояли один от другого на расстоянии сажени.

Другим условием, благоприятствовавшим шведам, был густой снег, поваливший в два часа дня. Сильный, порывистый ветер дул в лицо русским, слепя их мокрым снегом. Шведам, пошедшим в атаку, ветер дул в спину, и они хорошо видели оборонявшегося перед ними противника.

Русские войска, поставленные в одну боевую линию, располагались вокруг Нарвы полукольцом общей протяженностью в семь верст. Центр занимала дивизия князя И.Ю. Трубецкого, правое крыло составляла дивизия А.М. Головина и гвардейские полки — Семеновский и Преображенский, левое крыло — дивизия А.А. Вейде и поместная дворянская конница Б.П. Шереметева. Боевой порядок не имел глубины и резерва. В тылу русских войск находилась вражеская крепость, чей гарнизон изготовился для проведения вылазки. Связь с восточным берегом реки Наровы поддерживалась через единственный мост, располагавшийся на правом фланге.

Разумеется, герцог де Крои просто был обязан произвести некоторую перегруппировку подвластной ему армии, создать сильный резерв, который можно было бросить туда, где прорывались шведы. Не сумел он и сконцентрировать огонь артиллерийских батарей по подходившим колоннам королевских войск. Уже само начало сражения показало, что иноземный генерал-фельдмаршал потерял полностью управление дивизиями и полками. Последнее обстоятельство самым пагубным образом сказалось на ходе баталии.

Шведы атаковали двумя колоннами — генералов Веллинга и Реншильда. С холма Германсберг их поддерживала артиллерия. Видимость не превышала 20 шагов, что позволило неприятелю подойти незамеченным к русскому лагерю. Шведы беспрепятственно завалили ров фашинами — связками хвороста — и по-

шли на штурм вала. Верно рассчитанный королем Карлом XII удар оказался победным.

Среди оборонявшихся русских войск начиналась паника. Оборонявшаяся в центре дивизия Трубецкого дрогнула и обратилась в бегство. Спасение виделось на противоположном берегу Наровы. Дрогнули и начали отступать примыкавшие к дивизии Трубецкого фланги войск Вейде и Головина. Только два гвардейских полка — Семеновский и Преображенский — не поддались панике и стойко отбили все атаки шведов, не уступив им ни одного шага.

Русская позиция под натиском атакующих рухнула не сразу. Это случилось тогда, когда конное дворянское ополчение боярина Шереметева, отличавшееся тогда крайне низкой дисциплиной, в самый разгар сражения стало переправляться вброд на правый берег реки Наровы.

Крики «Немцы нам изменили!» еще больше усилили общее смятение. Вместо того чтобы оказывать сопротивление неприятелю, толпы солдат-новобранцев метались по полю, где бушевала пурга. Если гвардейские полки, бывшие петровские «потешные», стойко защищали вагенбург у моста, то конники спешили переправиться вплавь через реку, потеряв при этом более тысячи человек утонувшими.

«Немцы» действительно изменили. Герцог де Крои пытался, как мог, остановить дрогнувшие в центре позиции войска, но тщетно. Более того, он стал свидетелем, как русские солдаты начали истреблять офицеров-иноземцев, видя в них изменников. Дальнейшие его действия хорошо описаны Алексеем Толстым:

«...Близ реки стоял шатер герцога фон Круи — в тылу расположения Преображенского и Семеновского полков. Третий час длился отчаянный бой на рогатках на южной и западной стороне лагеря. Ни руководить, ни распоряжаться в этом снежном аду... В шатре у стола, обхватив голову, сидел толстый преображенский полковник Блюмберг, изредка сопел. Напротив него — скучный Галларт мигал ресницами на свечу, спокойно ждал, когда надо будет отдавать шпагу — эфесом вперед, с поклоном — шведскому офицеру.

В шатер вошел герцог в осыпанной снегом оленьей шубе поверх лат, — забрало поднято, усы висели сосульками, губы тряслись...

— Пускай черт воюет с этими русскими свиньями! — кричал герцог. — Майор Кунингам и майор Гаст задушены в землянках... капитан Вальбрехт с перерезанным горлом лежит здесь, в двена-

дцати шагах от шатра... Царь знал, что подсунуть мне, — армию! Сброд, сволочи...

Галлярт поспешно поднялся и откинул ковер, — в палатку влетел вихрь снега. Рев многотысячной толпы заглушал звуки выстрелов. Герцог бросился вон из шатра. Внизу были видны очертания подносимого к берегу моста, на нем кричали люди. Справа, там, где частокол лагеря упирался в реку, бесновались бесчисленные толпы...

— Центр прорван, — сказал Галлярт, — это полки Головина...

Солдаты лезли через частокол, отдельные кучки их бежали к шатру.

— О черт! — воскликнул герцог. — На коней, господа! — Он потащил с себя оленью шубу, — латы мешали движениям. — Помогите же, о черт!

Герцог, Галлярт и Блюмберг влезли на коней, спустились вниз к воде и по топкому берегу тяжело поскакали на запад, навстречу шведским выстрелам — сдаваться в плен, чтобы этим уберечь свои жизни от разъяренных солдат».

Сдался шведам не только один генерал-фельдмаршал де Крои, но и многие иностранные наемные офицеры. Армия, многие ее полки и батальоны, оставшиеся без командиров, оказались брошенными на произвол судьбы. Многие современники, а также историки не сомневаются в трактовке поступка герцога Кроа де Крои и иже с ним как воинской измены — то был бесспорный для многих факт. Тем более, что главнокомандующий сдался на милость шведскому королю в самом начале сражения.

Совершив одно предательство на поле брани, герцог-наемник в тот день совершил другое. Уже находясь в плену, он по требованию шведских военачальников приказал русским генералам и офицерам, чьи полки еще защищались, прекратить сопротивление. При этом генерал-фельдмаршал де Крои ссылался на свои права главнокомандующего и инструкцию, собственноручно составленную Царем Петром I.

Вскоре в плену оказались князь Долгорукий, генералы Головин, однофамилец генерал-фельдмаршала, Вейде, Трубецкой, Бутурлин... 25 декабря пленные петровские генералы под конвоем из 300 шведских солдат были отправлены в город Ревель. Их везли на обывательских подводах. На место пленники прибыли 31 декабря.

РЕВЕЛЬСКОЕ ЗАТОЧЕНИЕ. СМЕРТЬ ВЕЛИКОГО ДОЛЖНИКА

В Ревеле плененные военачальники содержались «с жестокостью», как свидетельствуют документы того времени. Герцог де Крои не удостоился каких-либо милостей от шведского короля Карла XII, хотя, почти вероятно, не прочь был бы послужить и под его знаменами. В королевской армии Швеции иностранных наемников служило предостаточное число.

Историки до сих пор спорят, считал ли Царь Петр I сдачу в плен герцога де Крои изменой или вынужденным обстоятельством. Солдаты петровской армии традиционно подозревали во всех бедах прежде всего иноземцев на русской службе, считая их изменниками и виновниками поражения в ходе сражения под Нарвой. Думал ли так Государь-самодержец, говорить трудно. Скорее всего — нет.

Время сохранило до нас немало солдатских «подметных» писем или, говоря современным языком, анонимок, адресованных Царю. В одном из таких документов, например, говорится:

«А вся сия измена от иноземцев от полковников, а сверх сего и от генералов от Автонома Михайловича и от иных, государь».

У пленников, в том числе у герцога де Крои, шведские солдаты на правах победителей отобрали все личное имущество. Фельдмаршала с генералами держали на голодном пайке, видя в них прежде всего побежденных врагов. Но и среди пленных русских военачальников не было ни мира, ни согласия. Они, надо полагать, видели в своем бывшем уже главнокомандующем если не изменника, то прежде всего виновника их несчастий.

Лишь 6 марта 1701 года королевским указом высокопоставленные нарвские пленники получили некоторое послабление, «чтобы друг друга посещать могли, такожде в городе ходить, однако же с одним обер— или унтер-офицером». Стража опасалась побегов из Ревеля — до границы с Россией было, как говорится, рукой подать.

Строгое содержание в качестве военнопленного и отсутствие достаточных средств не избавили герцога Кроа де Крои от привычек жить на широкую ногу. Хранящиеся в московских архивах его письма из Ревеля к русскому Царю, Меншикову, генерал-фельдмаршалу Головину свидетельствуют о его попытках оправдаться перед Петром I за Нарву. И одновременно в них герцог слезно умоляет прислать ему денег, и немалую сумму.

Известно, что уже по первому письму плененного де Крои Царь повелел послать герцогу в Ревель немалую по тем временам сумму в 6 тысяч рублей серебром.

Этот факт стал главным доводом тех исследователей, которые снимают с генерал-фельдмаршала Карла Евгения Кроа де Крои обвинение в измене под Нарвой. Но в данном случае Петром I могли руководить самые различные мотивы. Ведь в его царстве в то время трудилось и служило немало иностранцев, которые в своем большинстве нареканий не заслуживали.

Царская поддержка вышеуказанной суммой не удовлетворила аппетитов плененного аристократа генерал-фельдмаршальского звания. Деньги были вскоре растрачены. Тогда растущие траты заставили герцога обратиться к заимодавцам — богатым людям торгового города Ревеля. Те охотно откликались на просьбы, снабжая его различными припасами, которые с почтением приносились королевскому пленнику. На состоятельных ревельцев магически действовал авторитет его фельдмаршальского сана, герцогского титула и родство с королевской фамилией далекой от балтийских берегов Венгрии.

Надежды на возврат, разумеется с большими процентами, лопнули в самом начале 1702 года. Так и не дождавшись освобождения из плена, герцог де Крои скончался 20 января. Некоторые историки считают, что он умер в большой бедности.

Существовавшие в Эстляндии законы были чрезвычайно суровы к должникам любого ранга. Эти законы позволяли заимодавцам или просто — кредиторам в подобных случаях препятствовать преданию тела покойного земле по христианским обычаям. Похоронить злостного должника можно было лишь в том случае, если его родственники выплатят оставшиеся после усопшего долги.

С генерал-фельдмаршалом герцогом де Крои ревельские толстосумы поступили именно так — на самом законном основании. Труп, по некоторым сведениям предварительно набальзамированный, поместили в пределе лютеранской кирхи Святого Николая постройки XII—XV веков, больше известной сегодня под эстонским именем Нигулисте. После этого герцогские заимодавцы стали терпеливо ждать возвращения долгов с процентами.

Суммы долгов были весьма значительными. Сделанные герцогом де Крои долги удостоились особого упоминания, когда городской магистрат и дворянство Ревеля подписали 29 сентября

1710 года акт о капитуляции крепости перед петровскими войсками, громившими шведов в Прибалтике. В истории трудно отыскать подобные случаи.

Говорят, Петр I, узнав о смерти наемного генерал-фельдмаршала, без злопамятства сказал: «Сердечно жаль мне доброго старика: он был поистине умный и опытный полководец. Вверив ему команду четырнадцать дней прежде, я бы не потерпел поражения под Нарвою».

В то же время Государь, осведомленный о жизни герцога де Крои военнопленным в Ревеле, приказал запросить городские власти о размерах долгов умершего, намереваясь уплатить их из своих личных средств. Тем самым самодержец оберегал государственную казну от излишних трат на содержание армии. Однако по неизвестным причинам этого не произошло. И потомок венгерских королей остался лежать в капелле мертвых ревельской лютеранской кирхи Святого Николая на катафалке, под стеклянной крышкой, в генерал-фельдмаршальском мундире и в парике.

Сделанный в 1839 году художником Крюгером рисунок герцога Кроа де Крои, чье бренное тело со временем превратилось в мумию, сохранил для истории подлинную картину этого уникального захоронения. Историк Дмитрий Бантыш-Каменский описал виденное многими ревельцами так:

«Останки... хранятся... на катафалке, покрытом (1819 г. — *А. Ш.*) стеклянным капселем: тело высохло, отвердело; на голове сохранился большой парик с длинными волосами; на теле часть рубахи; на руках перчатки; на ногах шелковые чулки, несколько уцелевшие; черный бархатный плащ, испортившийся от времени, накрыт другим одинакового достоинства».

В 1858 году мумия герцога де Крои была перемещена из предела церкви в ее подвал, где пролежала под стеклянным колпаком вплоть до 1897 года. Тогда-то и состоялись весьма торжественные и необычайно любопытные для жителей Ревеля похороны герцога Карла Евгения Кроа де Крои, генерал-фельдмаршала и главнокомандующего на один-единственный день армией России.

Мумия военачальника двух императоров и двух королей Европы приносила церковным служителям определенные доходы. Как свидетельствовала одна из санкт-петербургских газет, мумию показывали всем любопытствовавшим за определенную плату. А таких набиралось немало.

Для истории так и осталась загадкой нетленность тела герцога де Крои, со временем превратившегося в хорошо сохранившуюся мумию. Ведь достоверных сведений о бальзамировании тела невиданного для России должника не сохранилось.

На сей счет имелось немало версий. Одну из версий мумификации сообщил в 1840 году историк Бантыш-Каменский. Будто бы способствовало ей «свойство цемента, связывающего камни церкви св. Николая, равно что оно было доставлено туда во время сильного январского мороза».

...Имеется несколько любопытных характеристик личности герцога Карла Евгения Кроа де Крои. Одну из них дает в своей «Истории» Гадебуш, весьма доброжелательно относившийся к фельдмаршалу-наемнику. Он пишет следующее:

«До обеда он был великим полководцем, но после стола делался столь откровенным, что каждый мог узнать сокровеннейшие его тайны».

ПОТОМОК КОРОЛЕЙ ШОТЛАНДИИ

Генерал-фельдмаршал Яков Вилимович Брюс

Служилые ратные люди из «немцев» появились в Русском царстве «во множестве» во время правления Царя Алексея Михайловича. Он тоже был Государем-реформатором, создавая «полки нового строя» — прообраз петровской регулярной армии, — которые должны были восполнить исторически убывающую боевую силу поместного конного дворянского ополчения. Среди вербуемых в царское войско иноземцев оказалось немало наемников из Шотландии и даже человек, в котором была королевская кровь, из древнего шотландского рода Брюсов.

Прославленный столетиями в истории Шотландии и Англии род Брюсов сыграл заметную роль и в исторической летописи Российского государства. Брюсы могли гордиться тем, что их московская ветвь была славна делами, почестями и положением при дворах русских государей.

РОДОСЛОВНАЯ КЛАНА БРЮСОВ

...Род Брюсов происходил из французской провинции Нормандии. Один из его предков, носивший рыцарские доспехи, пересек пролив Ла-Манш и под знаменами великого завоевателя герцога Вильгельма высадился на берегах Британии. Поход был успешен — герцог стал королем Англии Вильгельмом I Завоевателем. Своим ближайшим сподвижникам он раздал немало земель в покоренной стране, сделав их богатыми землевладельцами и аристократами. Среди них оказался и нормандец Брюс, давший начало британской ветви своего рода.

Брюсы множились и через несколько поколений расселились не только в Англии, но и в соседней горной стране — Шотландии. Там они довольно скоро сделались влиятельным аристократическим родом — кланом. Один из них — Роберт в конце XIII века претендовал на шотландский королевский престол. Этот исторический факт стал свидетельством могущества и богатства рода шотландских Брюсов.

Его внук, тоже Роберт (годы жизни — 1274—1329), возглавил народную борьбу за независимость Шотландии и в 1306 году был провозглашен королем Робертом I Брюсом. Умелый полководец, он во главе шотландского ополчения одержал решительную победу над войском английского короля Эдуарда II в сражении при Баннокберне в 1314 году. Она стала решающей в англо-шотландской войне, по исходу которой в 1328 году Англия признала независимость Шотландии.

Король Роберт I стал национальным героем Шотландии и самым прославленным человеком из древнего рода, корнями уходившего в историю французской Нормандии. Отец шотландской поэзии Джон Барбор в 1375 году посвятил ему поэму, а знаменитый Роберт Бернс написал стихотворение «Брюс — шотландцам». Великий итальянский композитор Джузеппе Верди в честь короля-полководца создал оперу «Брюс». С конца XIX столетия именем Брюс в Шотландии и Англии называют детей.

Шотландскую корону отца унаследовал его сын Давид II, правивший в 1324-м и 1329—1371 годах.

После того как дочь Роберта I Брюса вышла замуж за шотландского барона Стюарта, трон перешел к их сыну (и внуку Роберта I) — Роберту II Стюарту, ставшему родоначальником королевской династии Стюартов.

Среди других знаменитых личностей рода Брюсов следует непременно назвать ирландского короля Эдуарда Брюса, правившего «зеленым островом» в 1276-м и 1316—1318 годах, родного брата шотландского короля Роберта I Брюса и дядю короля Давида II Роберта Брюса — первого барона де Клакиэннан, за баронское звание которого боролся его отец — Томас Брюс.

Век XIV был поистине веком славы рода Брюсов — шотландских, английских, ирландских ветвей. После этого таких высоких положений на Британских островах Брюсы не занимали, хотя продолжали оставаться многочисленным и энергичным в устремлениях родом. В последующих столетиях многие из Брюсов

старались «поправить» свое материальное положение военной службой у многих европейских монархов. Шотландцы составляли гвардию французских королей, служили на офицерских и рядовых должностях во многих армиях континента.

В смутные времена диктатора Кромвеля, топором палача пресекшего английскую королевскую династию, один из Брюсов решил попытаться найти свою долю в далекой от Британских островов Московии. Это был внук четвертого сына Роберта VII — Джеймса (Якова) — офицер самого младшего чина Вилим (Вилиам) Брюс.

По архивным данным выясняется, что прибыл он в Русское царство из Голландии в чине прапорщика со стольником Ильей Даниловичем Милославским в числе принятых на русскую службу офицеров, солдат, мастеровых и их семей. Они приплыли на корабле в морские ворота Московского государства город Архангельск в августе 1647 года. Во время немалого по времени пути в Россию, а затем еще около девяти месяцев Вилим Брюс оставался в «солдатех». Только во второй половине 1649 года боярские власти возвратили ему офицерский чин прапорщика, хотя документы на него он предъявил еще на корабле.

И лишь с 1655 года прапорщик-шотландец стал продвигаться, и довольно успешно, на царской службе. Этому способствовала начавшаяся русско-польско-литовская война, в которой «служилый иноземец» из «немцев» Вилим Брюс продемонстрировал перед государевыми воеводами «примерные» воинские и командирские качества.

Война на западных рубежах Московского государства возвысила шотландца как воина. В 1658 году Вилим Брюс царским указом был произведен в полковники и назначен командиром одного из полков «нового строя», стоявшего в городе Пскове. В сохранившихся архивных документах времени царствования Алексея Михайловича нареканий на его воинскую службу нет.

Пожалованный в чин генерал-майора, родоначальник российской ветви Брюсов умер в 1680 году. Принимая во внимание эту дату, можно предположить, что в Московское государство он прибыл еще достаточно молодым человеком, ищущим себя в качестве иностранного волонтера.

По документам того времени о найме иностранцев на царскую службу следует, что Вилим Брюс прибыл в Россию без жены. Его дети — сыновья Роман и Яков — появились на свет спустя два

десятилетия после его приезда. Из этого следует, что он женился в Московии. По сохранившимся архивным документам нельзя установить, кто же была его супруга — «немка» из Немецкой слободы в Москве или русская из какой-нибудь мелкопоместной дворянской семьи. Нельзя установить даже ее имени.

Своих двух сыновей «служилый иноземец», потомок шотландских королей Роберта I и Давида II, воспитал людьми русского духа. Сыновья Вилима Брюса — Роман и Яков (Даниель) — получили хорошее по тем временам домашнее образование. Их учителями в «науках» были, по всей видимости, сам отец и ученые иноземцы из подмосковной Немецкой слободы — по-русски Кукуя.

Брюс-старший смог привить сыновьям любовь и верность России, которая стала для продолжателей древнего шотландского рода Отечеством. Но, с другой стороны, Вилим Брюс и его дети, ставшие взрослыми, не теряли связей с родными, проживавшими в далекой Шотландии.

«ПОТЕШНЫЙ» КОРОЛЕВСКОЙ КРОВИ У ЮНОГО ЦАРЯ ПЕТРА

Из Брюсов-младших наибольших высот достиг Яков Вилимович. Ближайший сподвижник Петра I Великого, он вошел в историю России как государственный и военный деятель, ученый Петровской эпохи. К нему весьма благосклонно относились и современники, и историки, чьи труды посвящались тому времени. Яков Вилимович Брюс стал светлой личностью в летописаниях российской истории.

Родился этот потомок шотландских королей в первопрестольном русском граде Москве в 1670 (по другим источникам — в 1669) году. Получая домашнее образование, он особое пристрастие выказал к математике и естественным наукам. Надо полагать, что отец был только рад таким увлечениям младшего сына и всячески развивал в нем тягу к книжным знаниям.

Когда маленькому Якову было всего десять лет, не стало отца — генерала царского войска. Скорее всего, Брюс-старший не оставил после себя большого состояния, и его сыновьям еще в детстве пришлось «промышлять» свое будущее. Выбирать судьбу шотландцам по отцу не приходилось — она могла быть только судьбой военного человека.

Яков Брюс вместе с братом Романом в 1683 году вступают в ряды «потешных» юного Царя Петра Алексеевича. Поступить на военную службу в тринадцать мальчишеских лет вполне отвечало духу того времени, когда дети взрослели очень рано. Можно утверждать, что на выделявшегося своей «ученостью» Якова Брюса Петр I скоро обратил внимание, поскольку сам всю жизнь тяготел к научным познаниям.

Активное участие в «потешных» военных играх юного Царя ввело шотландца российского происхождения в круг самых близких друзей Петра Алексеевича. Известно, что он продолжал упорно упражняться в точных науках, много читал, отдавая явное предпочтение бомбардирскому делу — то есть артиллерийским наукам.

Уже в юности Яков Брюс получил хорошую закалку на войне. В 1687-м и 1689 годах он в чине прапорщика «солдатского строя» принимал участие в двух неудачных Крымских походах князя Василия Васильевича Голицына, фаворита правительницы царевны Софьи Алексеевны. Походы в южные степи стали хорошим экзаменом на воинскую зрелость для начинающего офицерскую карьеру царского «потешного».

Прапорщик Яков Брюс четыре раза за два года проделал пеший путь от Москвы до Крыма и обратно. Голицынские походы оказались для царского войска многотрудными, полными лишений и опасностей. Вместе с солдатами юный прапорщик шагал по маловодной степи, не раз отбивал нападения крымской конницы, стоял перед Перекопской крепостью. Судьба хранила его: Крымские походы стоили русскому войску больших жертв — не столько от боевых столкновений, сколько от болезней и природных невзгод.

Походы в Крым позволили Якову Брюсу окончательно определиться не только с профессией в жизни, но и в выборе Государя, которому предстояло служить до последнего. Шла борьба за право обладания кремлевским престолом, и «потешные» силой в два прекрасно обученных и воспитанных полка нарождавшейся новой русской регулярной армии стеной встали «за Петра».

В августе 1689 года при бегстве Царя Петра Алексеевича из села Преображенского в Троице-Сергиев монастырь прапорщик Брюс-младший оказался одним из тех, кто «с великим поспешением к нему, Великому Государю, приехали». Борьба за тяжелую

шапку Мономаха закончилась не в пользу царевны Софьи Алексеевны. С тех пор Яков Вилимович Брюс постоянно находится среди ближайшего окружения молодого Царя во всех его военных «потехах» и серьезных делах.

АЗОВСКИЕ ПОХОДЫ. ИНЖЕНЕР И БОМБАРДИР ЯКОВ БРЮС

При всех своих придворных успехах Брюс-младший смог определиться в главном: прапорщик связывал свое будущее в большей степени с «ученостью». Книги по артиллерийским наукам, инженерному делу, фортификации — строительству крепостей и полевых укреплений, математике становятся его неразлучными спутниками. В скором времени и сам Государь стал видеть в прапорщике «солдатского строя» единомышленника и сподвижника именно в этих привязанностях своего «потешного». К тому же Царю Петру I, вне всякого сомнения, льстило, что один из приближенных к его особе офицеров имеет происхождение из древнего рода шотландских королей.

В первом петровском Азовском походе 1695 года Яков Брюс, уже в чине капитана, исполнял должность армейского инженера. Известно, что во время движения каравана судов по реке Дону к Азовской крепости офицер находился рядом с бомбардиром Петром Алексеевым (под этой фамилией Государь находился в войсках, осаждавших турецкую крепость).

Царь в одном из писем князю-кесарю Федору Юрьевичу Ромодановскому, начальнику Преображенского приказа, который оставался «за государя» на Москве, передавал ему привет от своих «услужников» — «Ивашки меншого Бутурлина, Яшки Брюса, Фетки Троекурова, Ивашки Гумерта». Надо полагать, что вся эта компания плыла вниз по Дону на царском струге.

Инженерами в первом Азовском походе были Франц Тиммерман, Адам Вейде и Яков Брюс. Первый из них значился главным. Земляные работы велись тысячами людей сразу в трех осадных лагерях, которые затем соединили линией траншей. Капитан Брюс много потрудился при возведении осадных батарей и показал перед бомбардиром Петром Алексеевым свое несомненное искусство ведения артиллерийского огня по осажденной крепости. 1695 год окончательно утвердил Царя Петра I во мнении, что шотландцу из

числа его ближайших «потешных» сам Бог велел заниматься бомбардирским делом.

Брюс участвовал и во втором, успешном, Азовском походе. Он вновь занимался инженерными и артиллерийскими делами и потрудился в 1696 году, как говорится, на славу. В падении Азова была немалая доля его трудов. Награды за воинские отличия не заставили себя долго ждать. В тот же год, 19 июля, Я.В. Брюс производится в полковники, получает денежную награду и золотую медаль за взятие турецкой крепости. Он становится ближайшим помощником Царя и одним из его признанных любимцев.

В ГОЛЛАНДИИ И АНГЛИИ. ИЗУЧЕНИЕ ЧЕКАНКИ МОНЕТ

Полковник Яков Брюс не был в составе Великого посольства Российского государства в Европу. Под таким дипломатическим прикрытием Царь Петр I совершал свое знаменитое ознакомительное с континентом путешествие. Но когда Государь остановился в Голландии, где начал усиленно изучать кораблестроительное дело, туда был вызван из Москвы Брюс.

Он прибыл в город Амстердам и предстал перед Царем с изуродованным лицом и обожженной рукой, что было результатом его знакомства с палачами в застенке князя-кесаря Ромодановского. Это вызвало гнев Петра I и угрозу ближнему боярину, который приказал подвергнуть пытке царского полковника.

Самодержец в состоянии крайнего раздражения писал в Москву Ромодановскому: «Зверь! Долго ль тебе людей жечь? И сюды раненыя от васъ приехали. Перестань знатца с Ывашъкою: быть от него роже драной» (Ывашка — русский вариант Бахуса. — *А. Ш.*).

Князю-кесарю пришлось спешно оправдываться перед Царем-батюшкой. В ответном письме в Амстердам он попытался представить случившееся так, что во всем был виноват сам пострадавший офицер, образованный и в высшей мере щепетильный человек: «А что Яков Брюс донес, будто от меня руку обжог, и то сделалось пьянством его, а не от меня».

В Голландии полковник Брюс стал заниматься любимым делом — науками. Благодаря общему с Петром I к ним интересу и своим собственным знаниям шотландец стал неразлучным спутником Царя в путешествии за границей. Об этом убеди-

тельно свидетельствуют многочисленные письма Государя и расходные книги Великого посольства с указанием сделанных расходов.

Сохранение инкогнито, правда без особого на то успеха, не мешало Петру I заводить полезные знакомства среди самых различных по положению и званию людей. Среди тех европейских знаменитостей, с которыми Царь установил контакты, можно считать великого ученого Исаака Ньютона. Хотя прямых свидетельств тому нет, но исследователи считают такую встречу весьма вероятной. И что здесь не обошлось без участия Якова Брюса, который сопровождал Государя в его поездке из Голландии в Англию, где тогда проживало немало членов рода Брюсов.

Ньютон управлял Монетным двором английского королевства в то время, когда его много раз посещал Петр I в неизменном сопровождении Якова Брюса. Он был взят на лондонский Монетный двор, вероятно, с практической целью ознакомиться с выделкой монеты в Англии, чтобы потом завести те же приемы чеканки денег из серебра и золота в России.

Стремление ознакомиться с современнейшей чеканкой монет в Англии лишний раз свидетельствовало о государственной мудрости русского Царя. Технология чеканки монет многие века оставалась неизменной. Металл резался ножницами, потом округляли куски молотом и выбивали на них штемпель тоже молотом. Тут многое зависело от руки и глаза мастера. Монеты получались неизменно разными по весу и лишь немногие из них выходили округлыми. Вся беда, и немалая, состояла для казны любого государства в том, что монеты ручного производства не имели каемочки по обводу.

Это обстоятельство и вызвало едва ли не во всех странах мира, в том числе и в Московском государстве, к жизни самое легкое и самое выгодное из всех мошенничеств. Оно носило название «обрезывания» золотых и серебряных монет. Уличенных в таком виде государственного преступления, который наносил непоправимый вред казне, стали приравнивать в наказании к фальшивомонетчикам.

На лондонском Монетном дворе впервые применили для чеканки монет машину, которая в значительной степени заменила ручную работу. Машину вертели лошади, ходившие по кругу. В результате монеты по округлости были совершенно правильными, и более того, вдоль края шла надпись. Обрезать такую

монету было уже нельзя — в таком случае для человеческого глаза она становилась безвозвратно испорченной.

Думается, что царь Петр I и хотел завести у себя на Московском монетном дворе подобное усовершенствование для чеканки монет, которым бы не угрожало обрезывание руками «воров». Полковник Яков Брюс, по всей видимости, предназначался для изучения «машинного денежного дела» и введения такого новшества в России. Однако шотландец так и не стал соучастником финансовых царских нововведений.

В Лондоне Царь Петр I завел знакомство с известным английским математиком Эндрю Фергансоном. Яков Брюс по поручению Государя вел с ним переговоры, которые завершились согласием англичанина переехать в Россию. Профессор преподавал математику сначала в Навигацкой школе, а затем в Морской академии.

Среди прочих вопросов, которые русский самодержец решал в Англии, стало заключение договора на продажу табака в России. До Петра I табак считался на Руси «богомерзким зельем», и его потребители подвергались жестокому наказанию: им вырывали ноздри, их били кнутом. Постепенно, однако, число курильщиков росло, закурил и сам юный Петр. Преследование курильщиков прекратилось.

Торговля табаком в России не сразу стала монополией царской казны, как, например, торговля вином (водкой) и солью. Сперва разрешение на торговлю «никоцианской травой» давалось частным лицам — иностранцам. Таким правом до 1 декабря 1697 года пользовался некий иноземец Томас фон де Брахт. Потом такое право было высочайше предоставлено Якову Брюсу.

В Лондоне полковник Я.В. Брюс всецело предался любимым занятиям. Разумеется, в те дни, когда ему не приходилось находиться рядом с российским монархом. Он усердно слушал лекции по математике, посещал обсерваторию, знакомился с библиотеками. Особенно обстоятельно он занимался изучением артиллерийской науки в Вуличском арсенале, снабжавшем орудиями армию и флот английской короны.

Когда Петр I с сопровождавшими его волонтерами покинул Англию, он оставил в Лондоне Якова Брюса — ему поручалось завершить неоконченные дела. Среди прочего полковник закупил для Государя немало различных вещей: «инструменты математические», «малый глобус, что в корпусе», 24 циркуля, артиллерийские приборы — квадрант и восьмстант, «серебряные инструмен-

ты» и многое другое. Все это было отправлено морем в Москву через порт Архангельск.

По возвращении из Англии в Россию полковнику Якову Брюсу Государем поручается вместе с Адамом Вейде составление воинских артикулов — воинских уставов создаваемой русской регулярной армии. Поручение было ответственнейшим, но завершить эту работу Брюсу не удалось — следует новая для него задача.

Он начинает заниматься изучением законодательства Англии, Шотландии и Франции о престолонаследии, делая из них выписки, которые затем были представлены Царю. Петра I уже длительное время занимала мысль о переменах в русском наследственном праве, в смысле наследования отцовского трона старшему из сыновей. На такую мысль российского самодержца натолкнули наблюдения за английскими порядками.

Брюсовская законодательская деятельность не осталась без последствий. Докладная записка с анализом английских, шотландских и французских законов будет положена впоследствии в основу знаменитого петровского закона о единонаследии от 23 марта 1714 года.

НАЧАЛО СЕВЕРНОЙ ВОЙНЫ. НА ДОЛЖНОСТИ ГЕНЕРАЛ-ФЕЛЬДЦЕЙХМЕЙСТЕРА

Петр I усиленно работает над планами создания регулярной русской армии, готовясь проводить одну из крупнейших в истории России военных реформ. Монарх привлекает полковника Я.В. Брюса к строительству артиллерии. Тот составляет подробное описание артиллерийских чинов английской королевской армии в военное и мирное время.

Начало Северной войны 1700—1721 годов Яков Вилимович Брюс встретил в звании генерал-майора артиллерии. В августе первого военного года он получает царский указ двинуться во главе авангардного отряда русской армии к Новгороду и далее против шведов, «для блокира и пресечения путей в Ижорскую землю».

Однако несогласованность в действиях начальствующих лиц, медленное собирание отряда, плохие дороги привели к тому, что Брюс непростительно запоздал с походом к шведской границе. За это генерал-майор артиллерии подвергся монаршей опале, которая, к счастью, оказалась недолгой. Уже в 1701 году он был «назначен к управлению Новгородским приказом».

Под древнерусскую крепость Ругодив — город Нарву Царь Петр I стянул почти всю артиллерию русской регулярной армии, дополнив ее в пути крепостными новгородскими и псковскими пушками. Артиллерия состояла из 184 гаубиц, мортир и пушек. К осажденной Нарвской крепости везли 12 тысяч пудов пороха, 5018 пудов свинца, 6 тысяч пудов ядер, 11 337 пудов бомб и 11 500 ручных гранат. Войсковой обоз для доставки артиллерии, боеприпасов, снаряжения и продовольствия насчитывал не менее 10 тысяч подвод.

Все же шведскую крепость не взяли. Подошедший во главе королевской армии шведский монарх-полководец Карл XII нанес русской армии поражение, и боевыми трофеями победителей стала вся артиллерия русских, со всеми еще не расстрелянными огромными огневыми припасами. Во вражеский плен попал и командующий петровской армейской артиллерией — генерал-фельдцейхмейстер имеретинский царевич из Грузии Александр Арчилович.

Царю Петру I Алексеевичу не пришлось долго раздумывать в выборе нового начальника артиллерии действующей армии. На эту должность был назначен генерал-майор артиллерии Яков Вилимович Брюс. К тому времени шотландец уже многое сделал для внедрения в русскую армию новейших образцов орудий. Ему принадлежала заслуга применения в отечественном бомбардирском деле «артиллерийской шкалы», изобретенной нюрнбергским механиком Гартманом.

После Нарвы создавать артиллерийский парк русской армии пришлось заново. Думный дьяк Андрей Андреевич Виниус (сын переселившегося в Россию еще при Царе Михаиле Федоровиче «немца» А.Д. Виниуса, открывшего чугуноплавильный завод близ Тулы) получил петровское повеление создать в самый короткий срок артиллерию для армии. Недавний заведующий почтовой службой Московского царства вместе со своими помощниками, среди которых был и генерал Яков Брюс, очень ретиво и успешно взялись за многотрудное дело.

Трудности перед ними были огромные. Медно-рудных месторождений в России оказалось сколько угодно. Но добычу медной руды и выплавку в достаточном количестве металла требовалось организовать. Посему и пришлось с применением военной силы и под грозный царский окрик забирать большую часть колоколов

с церковных звонниц, лишать русские города и села «малинового звона» колоколов православных храмов. Для большого государева дела оказалось и мало мастеров-плавильщиков. И все-таки воссоздание артиллерийского парка полевой армии шло быстро.

После нарвской «погибели» русской артиллерии шведское командование вряд ли всерьез могло подумать о том, что Царь Петр всего за два года сумеет воссоздать свою артиллерию. Да не просто восстановить ее численно, а еще и осовременить. Однако такое случилось во многом благодаря усилиям самого русского Государя, который не жалел себя, прорубая для России «окно в Европу». Не щадили себя в трудах на благо государева дела и его единомышленники.

Уже в 1701 году были отлиты 273 пушки различных калибров, а в следующем году к ним прибавилось еще 140. В последующие годы производство орудий шло еще большими темпами, поскольку приходилось выпускать артиллерию для быстрорастущего русского военного флота. Изготовлялись одновременно и снаряды всех калибров в очень большом количестве.

Россия в деле развития артиллерии оказалась на первых ролях в Европе. Именно при Петре I Великом впервые, в ходе Северной войны, в военной истории появилась конная артиллерия — мобильная, маневренная на поле брани, хорошо обученная. Во Франции, например, конная артиллерия появилась почти столетие спустя — лишь в годы Великой французской революции и при Наполеоне Бонапарте.

Царь-полководец Петр I Алексеевич впервые в военной истории ввел в полевые сражения артиллерию в таком количестве, какого до него в Европе еще не было. Точных данных о производстве орудий в России начала XVIII столетия не сохранилось. Известно лишь, что в 1700—1708 годах русская армия получила в общей сложности 1006 отлитых из меди орудий. За другие годы таких точных сведений нет. Точно так же нет подсчетов и по литью чугунных орудий, известно лишь, что их производство шло весьма деятельно.

Начальнику артиллерии действующей армии генералу Якову Брюсу пришлось заниматься многотрудными задачами, которые ему по должности ставили то Царь, то идущая война со шведами. В условиях удручающего бездорожья, особенно в весеннюю и осеннюю распутицу, приходилось перебрасывать сотни и сотни орудийных повозок по многоверстным путям, устраивать переправы для орудий через реки, «усилять» мосты для их провоза и строить новые. Приходилось в ходе боевых действий обучать бомбардиров, как рядовых, так и офицеров.

ШЛИССЕЛЬБУРГ. НИЕНШАНЦ. НАРВА

Первый серьезный экзамен Якову Вилимовичу Брюсу в Северной войне пришлось держать осенью 1702 года. Тогда русский корпус Бориса Петровича Шереметева, будущего прославленного генерал-фельдмаршала России, осадил вражескую крепость Нотебург, которую Петр Великий переименовал в Шлиссельбург. Это была древняя новгородская крепость Орешек на одноименном острове в Ладожском озере близ истоков реки Невы.

Брюс к началу осады сумел доставить под Нотебург многочисленную осадную и полевую артиллерию. Он сам руководил расстановкой осадных орудий и возведением батарейных позиций. Во время непродолжительной осады русская артиллерия продемонстрировала всю мощь своего огня, обрушив на крепость около 9 тысяч различных снарядов. От этого огня рушились крепостные стены, шведский гарнизон, который защищался стойко и упорно, нес немалые потери в людях.

В мае 1703 года генерал-майор Я.В. Брюс командовал артиллерией при покорении Ниеншанца — шведской крепости на правом берегу Невы, при впадении в нее реки Охты. Неприятельский гарнизон обладал многочисленной артиллерией — 75 пушками и тремя мортирами. Зная об этом от пленных, Царь Петр I приказал Брюсу доставить из-под стен Орешка осадную артиллерию русской армии — 16 тяжелых мортир и 48 больших пушек. Тот успешно справился с поручением, доставив к Ниеншанцу не только осадные орудия, но еще и больше десяти тысяч различных снарядов к ним.

Русские приступили к сооружению осадных батарей вблизи крепостной стены. По совету Брюса на батарейных позициях поставили только 13 мортир и 19 пушек. Остальные орудия оставались в резерве и участия в бомбардировке Ниеншанца не принимали. Начальник армейской артиллерии лично руководил огнем по вражеской крепости, корректируя его. Сперва шведы энергично начали контрбатарейную борьбу, но постепенно их огонь стал ослабевать. Под воздействием жестокого прицельно-

го огня орудий крупного калибра королевский гарнизон капитулировал на милость победителей.

После взятия Ниеншанца генералу Якову Брюсу довелось принять участие действительно в историческом событии — в выборе места и закладке города на невских берегах. Так что шотландец имел самое непосредственное отношение к появлению на карте России ее новой, Северной столицы — Санкт-Петербурга.

По этому поводу в «Гистории Северной войны» записано: «По взятии Канец (Ниеншанца. — *А. Ш.*) отправлен военный совет, тот ли шанец крепить, или иное место удобнее искать (понеже оный мал, далеко от моря, и место не гораздо крепко от натуры), в котором положено искать нового места (остров), где в 16-й день мая (в неделю пятидесятницы — *А. Ш.*) крепость заложена и именована Санкт-Петербург».

В новой крепости предстояло возвести шесть бастионов. Вблизи крепости был построен деревянный домик для Государя — сруб из двух покоев, сохранившийся до наших дней. Поодоль от него возвели дома приближенные к Царю люди — А.Д. Меншиков, Г И Головкин, П.П Шафиров и Я.В. Брюс Так что Яков Вилимович Брюс стал одним из первых жителей Санкт-Петербурга, что является достоверным фактом.

В том же 1704 году, спустя четыре года после поражения русской армии под Нарвой, Петр I вновь осадил эту вражескую крепость. Но теперь ее королевский гарнизон оказался в три раза более многочисленнее, а упорнейший в исполнении служебного долга полковник Хеннинг Рудольф Горн стал генерал-майором.

Шведы имели в Нарвской крепости 432 различных орудия и еще 128 в расположенном через реку Нарову Ивангороде. Всего — 560 самых различных орудий. Но использовать всю их огневую мощь неприятельский гарнизон не мог, так как в крепости оказалось всего 300 человек обученной артиллерийской прислуги.

Генералу Якову Брюсу (Яшке Брюсу, как именовал его в письмах Царь Петр I) вновь довелось начальствовать осадной артиллерией. Для облажения Нарвы было собрано 66 крупнокалиберных пушек и 34 тяжелые мортиры. Всего — ровно 100 орудий. В числе пушек было девятнадцать 24-фунтовых и в числе мортир — две 36-фунтовых. Как и при первой осаде всю артиллерию разделили на батареи, возведенные недалеко от крепостной стены.

Сильная крепость Нарва пала на девятый день ее осадной бомбардировки. Русская артиллерия обрушила шквал огня на

крепостные сооружения. Царь поставил перед генерал-майором Брюсом следующую главную задачу — пробить бреши в двух бастионах: «Глории» и «Гоноре». Канонада не прекращалась ни днем, ни ночью. Начальник артиллерии русской армии не знал отдыха, направляя огонь осадных батарей.

6 августа огнем русской осадной артиллерии был разрушен хорошо вооруженный бастион «Гонор». Неожиданно и для шведов, и для русских в девять часов утра целый фас бастиона с бруствером, валом и стоявшими на нем пушками «опрокинулся в ров». В тот же день русские батареи совершенно разрушили бастион «Виктория». Из 70 орудий, бывших на этом бастионе, 69 были выведены из строя. Сильно пострадал и бастион «Глория». От метких попаданий крепостной арсенал превратился в груду развалин.

Во время бомбардировки Нарвы по ней была выпущена масса артиллерийских снарядов. Перед штурмом Царь приказал генералу Брюсу произвести частичную перестановку осадных батарей. Так, для поддержки штурмующих войск перед бастионом «Виктория» дополнительно поставили 4-пушечную батарею. После того как крепость пала и остатки шведского гарнизона капитулировали, начальник армейской артиллерии доложил Государю о том, во что обошлось государству Российскому овладение древнерусским Ругодевом.

Для военной истории эти цифры оказались просто впечатляющими. Из сотни осадных орудий было «выстрелено по городу всего 12 358 ядер и 5174 бомбы, на что пошло 10 003 пуда пороха». Сложность организации бомбардировки Нарвской крепости состояла не столько в том, чтобы «выпалить» с известной меткостью все эти многие тысячи ядер и бомб, а в том, чтобы своевременно доставить эти десятки тысяч пудов металла и пороха в осадный лагерь. За что Царь Петр I и благодарил сердечно шотландца из своих друзей, бывших «потешных».

Неприятельская исправная артиллерия, взятая в Нарвской крепости, была велика: 392 пушки (из них 50 медных), 29 мортир, пушек более мелкого калибра 70, большой запас ядер к ним (65 241 единица разного калибра), больше 4,5 тысяч бомб, около 4 тысяч картечных зарядов, около 2,5 тысяч центнеров пороха, около 34,5 тысяч ручных гранат и так далее.

К этому добавились еще и трофеи, взятые в крепости Ивангород. Они еще больше увеличили военную добычу русской армии:

95 пушек, 7 мортир, 4 гаубицы, 22 дробовика, 16 тысяч ядер, 2 тысячи с лишним центнера пороха, много картечи, свинца, селитры и прочих воинских припасов.

Пришлось генерал-майору артиллерии Якову Брюсу заниматься и трофеями, добытыми в том же 1704 году при взятии шведской крепости в Эстляндии Дерпт (древнем городе русских Юрьеве). Взятая там вражеская артиллерия состояла из 8 медных пушек, 5 дробовиков, 8 фальконетов, 76 чугунных пушек, 6 гаубиц и 11 малокалиберных пушек. Но здесь многие из орудий оказались старых образцов и годились только разве что на переплавку.

ВО ГЛАВЕ АРТИЛЛЕРИИ РУССКОЙ ДЕЙСТВУЮЩЕЙ АРМИИ

Деятельное участие Якова Вилимовича Брюса в огневой осаде шведских крепостей предопределило его дальнейшую судьбу. Самодержец Петр I, продолжая свои военные реформы, в 1704 году переименовал Пушкарский приказ в Приказ артиллерии с одновременной реорганизацией функций этого военного ведомства. Потомок шотландских королей становится во главе нового приказа и, если говорить современными терминами, делается министром артиллерийского вооружения России.

Государь не ограничился только этим назначением. В том же 1704 году Я.В. Брюс Высочайшим указом назначается исправлять должность генерал-фельдцейхмейстера. Теперь он становится единоличным руководителем всей русской артиллерии, возглавляя в идущей Северной войне ее боевую деятельность.

Брюс исполнял должность генерал-фельдцейхмейстера до 1710 года, когда ему было присвоено это высокое воинское звание. Дело было в том, что взятый в плен под Нарвой в 1700 году грузинский царевич Александр Арчилович Имеретинский (являвшийся одновременно еще и судьей Пушкарского приказа) сохранял это воинское звание за собой и находясь в шведском плену. Якову Брюсу пришлось шесть лет исполнять эту должность в русской армии, не будучи официально назначенным на нее.

Должность генерал-фельдцейхмейстера обязывала ко многому. Петровский воинский Устав 1716 года, в разработке положений которого участвовал и Я.В. Брюс, определял обязанности главы русской артиллерии следующим образом:

«Генерал-фельдцейхмейстер, купно с генералами от кавалерии и инфантерии, первые суть по генерал-фельдмаршалу и генерал-фельдмаршалу-лейтенанту, а в неприсутствие их — старший из оных команду да имеет, который прежде в чине пожалован...

Генерал-фельдцейхмейстеру надлежит как о фортификации, так и о артиллерии и инфантерии, над которыми он иногда определен бывает, совершенное известие иметь (ибо когда генерала где при случае не будет, то оный Генерал-фельдцейхмейстер командует инфантерией и кавалерией), дабы по своему попечительному высокому чину все исправлять и указы подчиненных своих офицерам таковым образом давать мог, како обстоятельствы и окололичности дел требуют...»

Иными словами говоря, Устав 1716 года, который регламентировал организационные начала русской регулярной армии, ставил в военной иерархической лестнице генерал-фельдцейхмейстера на третье место, давая ему право в случае необходимости командовать не только артиллерией, но и другими родами войск — кавалерией и инфантерией (пехотой).

Звание генерал-фельдцейхмейстера впервые появилось как титул начальника артиллерии в Европе с конца Средневековья. В России это воинское звание носили, кроме царевича Александра Арчиловича Имеретинского и Якова Брюса, генерал И.Я. Гинтер, граф Б.Х. Миних, ландграф Людвиг Гессен-Гомбургский, князь В.Н. Репнин, граф П.И. Шувалов, А.Н. Вильбоа, граф, затем князь Г.Г. Орлов, барон И.И. Меллер-Закомельский, граф, затем князь П.А. Зубов, Великий Князь Михаил Павлович. Среди российских генерал-фельдцейхмейстеров было немало видных государственных деятелей и фаворитов императриц. Но среди них только один екатерининский «орел» — Григорий Орлов был генерал-фельдцейхмейстером дольше, чем Яков Вилимович Брюс.

Когда стало известно, что шведская армия под командованием короля Карла XII выступила в поход на союзника России польского короля и саксонского курфюрста Августа II, Царь Петр I стал собирать у города Полоцка 60-тысячную армию для его защиты. Брюс с невских берегов прибыл в Смоленск, где лично возглавил снаряжение и отправку под Полоцк полевой артиллерии.

Собрав артиллерию русской действующей армии воедино, генерал-фельдцейхмейстер во главе ее отправился 23 марта 1706 года в Киев, который тогда был пограничным городом Российского госу-

дарства с Речью Посполитой. Переход из Смоленска к Киеву многих сотен артиллерийских повозок прошел успешно, без потерь и вынужденных задержек.

Проведя пристрастный смотр армейской полевой артиллерии, проверив профессиональную выучку нижних чинов и офицерского состава, Царь Петр I не смог скрыть своего монаршего удовлетворения. В июле 1706 года генерал-фельдцейхмейстер Я.В. Брюс получает очередное воинское звание генерал-лейтенанта.

Русские войска выступили в поход против шведов, чтобы защитить короля Августа II от окончательного разгрома. Шведский король Карл XII, посадив на польский престол своего ставленника Станислава Лещинского, послал из Варшавы в Гродно полки под командованием генерала Мардефельда и союзных себе поляков. Навстречу им выступил русский полководец Александр Данилович Меншиков во главе драгунской кавалерии, небольшого числа пехоты и артиллерии. По пути он соединился с остатками саксонского войска Августа II.

Хотя король Август II всячески старался уклониться от сражения со шведами (в то время его доверенные министры уже вели секретные сепаратные переговоры с неприятелем), Меншиков настоял на схватке с войсками генерала Мардефельда. Генерал-лейтенант Яков Брюс получил приказание возглавить артиллерию в предстоящей баталии.

18 октября 1706 года под польским городом Калишем произошло сражение. Оно началось пушечной дуэлью и продолжалось три часа. Из 7—8 тысяч шведов, участвовавших в баталии, на поле битвы осталось 5 тысяч. Драгуны Меншикова пленили 1800 шведов во главе с генералом Мардефельдом и 86 офицерами. Саксонцы смогли захватить в плен лишь семерых неприятелей. Потери русских составили ничтожные для большого дела цифры: 84 человека убитыми и 324 ранеными.

Русская полевая артиллерия действовала в сражении под Калишем выше всяких похвал. Битва у этого польского города стала самой значительной для первых шести лет Северной войны: ни в одном из предшествующих столкновений на поле брани не участвовало с обеих сторон такого количества войск, ни одно из них не завершилось пленением неприятельского командующего. Наконец, ни в одном из полевых сражений предшествующего времени русские войска не проявили столь высоких качеств регулярной армии, как здесь.

Блестящий кавалерийский военачальник в годы Северной войны А.Д. Меншиков доносил любимому Государю в Санкт-Петербург о победе: «...И сею преславною щестливою викторией вашей милости поздравляю и глаголю: виват, виват, виват!» Царь Петр I горячо поздравил победителей, сделав в ответном послании приписку: «Уже сей третий день мы празднуем».

За Калишскую победу многие ее участники получили высокие царские награды. Генерал-фельдцейхмейстер удостоился золотой, осыпанной бриллиантами медали с портретом Государя. В последующем подобные медали стали называться именными наградными императорскими портретами, которых удостаивались только люди очень высоких чинов. Такие награды носились на груди парадных мундиров.

В октябре 1707 года генерал-лейтенант Яков Брюс был назначен «иметь команду над всеми собранными в Борисове войсками». Это был первый известный в отечественной истории случай, когда генерал-фельдцейхмейстер командовал не только подчиненной ему артиллерией, а целой группировкой войск, куда входили еще и пехота с кавалерией.

Брюс командовал войсками, собранными близ города Борисова до марта следующего года. В связи с начавшимися наступательными действиями шведской королевской армии против союзников отряд генерал-фельдцейхмейстера ушел на соединение с главными силами русской армии. Она начала маневрирование с целью прикрытия государственной границы от ожидавшегося вторжения шведов.

Борисовский отряд шел в арьергарде русской армии, авангард которой находился под командованием самого Государя. Наступало время решающих схваток с королем-полководцем Карлом XII в Северной войне. Шведы после одержанных побед над Данией, Саксонией и Речью Посполитой были настроены на громкую победу. Но их прославленный в войне король все еще продолжал видеть русскую армию такой, какой она противостояла ему под Нарвой в 1700 году. В этом и крылся его самый большой, стратегический просчет, когда он вознамерился совершить поход в Россию, нацеливаясь на Москву.

В весеннюю распутицу, по местам, изобиловавшим болотами и водными преградами, полевая артиллерия тянулась изо всех сил за армией. Генерал-фельдцейхмейстер не знал ни покоя, ни сна. Прибыв в селение Чириково, Яков Брюс имел честь доложить

Государю, что орудийные расчеты готовы хоть сейчас принять участие в огневом бою. Это не были высокие слова — на протяжении всей Северной войны русские артиллеристы демонстрировали «похвальную» готовность к действиям, меткость стрельбы и скорострельность.

В СРАЖЕНИИ ПРИ ДЕРЕВНЕ ЛЕСНОЙ

28 сентября 1708 года произошло сражение при деревне Лесной, которую Император Петр Великий назвал «матерью Полтавской баталии». Яков Вилимович Брюс стал одним из главных действующих лиц в том славном для русского оружия деле.

Король Карл XII — «последний викинг» (так порой его называют историки современной Швеции) — шел во главе своей испытанной в сражениях армии прямо в центр Московии. Однако после неудачного боя при местечке Добром шведский монарх-полководец повернул на Юг, на Украину, «истекавшую медом и молоком», где он мог бы накормить свои войска, испытывавшие большие трудности с провиантом.

Хотя гетман-изменник Мазепа и обещал привести к королю 200-тысячное (!) войско украинского казачества, Карл XII все же решил подкрепить свою армию «исконно» шведами. Рижский губернатор генерал А.Л. Левенгаупт получил приказ о выступлении во главе своего корпуса на соединение с королевской армией. Вместе с войсками двинулся огромный обоз из семи тысяч повозок с провиантом, боеприпасами, военным снаряжением и бочонками с денежным жалованьем для шведской армии.

Русское командование на военном совете решило не допустить соединения корпуса рижского губернатора численностью около 16 тысяч человек с армией короля. Был образован «летучий корпус» — корволант, основу которого составила гвардейская пехота. Генерал-фельдцейхмейстер командовал артиллерией корволанта — 19 трехфунтовыми полевыми пушками. Русские начали преследование войск генерала Левенгаупта.

Рижский губернатор слыл одним из лучших военачальников короля Карла XII. Знавший его лично польский генерал С. Понятовский называл Левенгаупта хорошим солдатом, хорошим министром, имевшим в основании своего характера — высококачественность. За суровую решительность и хладнокровие солдаты

прозвали его «господин марш-марш». Надо отдать должное королевскому генералу, умело руководившему движением корпуса и огромного обоза на всем протяжении пути до деревни Лесной.

Довольно быстро авангард русского корволанта, двигавшийся налегке, настиг хвост неприятельского обоза и трижды нападал на него. Тогда обеспокоенный Левенгаупт отослал повозки вперед и изготовил свои полки и артиллерию, состоявшую из 16 пушек, для отражения нападения противника.

28 сентября 1708 года на лесной опушке у деревни Лесной на территории Великого княжества Литовского развернулась самая продолжительная по времени в ходе Северной войны — с 8 часов утра и до 19—20 часов вечера — «левенгауптовская баталия».

Петр I решил, не дожидаясь подхода главных сил корволанта, атаковать неприятеля меньшинством — силами пехотных Преображенского, Семеновского и Ингерманландского полков и спешенным Невским драгунским полком. В их боевые порядки были поставлены и артиллерийские расчеты, чтобы картечным огнем расчищать путь атакующим пехотинцам.

Русские атаковали шведов так стремительно, что те не успели построиться в боевой порядок. Однако опытный генерал Левенгаупт решил не допустить выхода больших сил русских на лесную поляну перед деревней. Шведская пехота в контратаке сбила Ингерманландский и Невский полки, захватила четыре пушки русских. Но подоспевшие гвардейские батальоны преображенцев и семеновцев, придя на помощь, восстановили прежнее положение.

Тогда рижский губернатор приказал своей артиллерии открыть огонь на поражение русских, которые батальон за батальоном выходили из леса на поляну. Яков Брюс расставил на лесной опушке свои пушки, и те открыли частый огонь по неприятелю. Тот занимал позицию перед походным лагерем — вагенбургом, составленным из обозных повозок.

В три часа дня русские атаковали шведов и отбили у них восемь орудий, среди которых были четыре своих, утраченных ранее. Они вновь вступили в дело. К пяти часам дня русские, к которым подоспела драгунская кавалерия, получили превосходство в силах и с упорством пошли вперед, используя огонь 3-фунтовых полевых пушек. После стрельбы в упор в друг друга, когда фузеи раскалялись так, что их нельзя было держать в руках, противники сошлись в рукопашной схватке.

Разыгравшаяся непогода помогла атакующим русским полкам. Дождь вперемежку со снежной крупой и пороховой гарью стал хлестать теперь в лица шведов. Орудийные расчеты противника вели теперь огонь без всякого прицела. До сумерек храбро сражавшиеся шведы отбили 10 атак и сами не раз ходили в контратаки. Усилившийся снегопад с порывистым ветром и градом, наступившая темнота прервали сражение.

Баталия при Лесной затихла около 22 часов с последним орудийным выстрелом со стороны русских. Шведы поспешно отступили, опасаясь полного разгрома на следующий день. Генерал Левенгаупт приказал под видом бивачных костров поджечь часть обозных фур, бросив больных, раненых и тысячу голов скота, начал спешно отводить поредевшие полки через лес к Пропойску, увозя лишь порох и артиллерийские снаряды.

Однако шведам пришлось бросить уже в самом начале пути все свои пушки, колеса которых вязли на раскисшей лесной дороге, и их сбросили в болото. Затем отступавшим пришлось утопить в реке Соже порох и артиллерийские снаряды К королю Карлу XII рижский губернатор привел только остатки своего корпуса, лишившись всего огромного обоза.

Русская артиллерия продемонстрировала в сражении при деревне Лесной такое мастерство ведения огня, что шведам порой приходилось откатываться в лес, чтобы там спастись от ядер, картечи и бомб. Генерал-фельдцейхмейстер настолько умело руководил пушечными расчетами, что оказался одним из героев дня. Его артиллеристы сумели по всем статьям «перестрелять» противника, когда началась орудийная борьба за обладание переправой через реку Леснянку. В другом случае генерал-лейтенант Брюс своевременно поддержал атаку драгунской кавалерии огнем пяти пушек, и шведов в итоге заметно потеснили.

Царь Петр I, бывший в восторге от одержанной победы при Лесной, где был наголову разбит шведский корпус, а королевская армия осталась без ожидаемой помощи, щедрой рукой наградил главных «виновников» славной виктории. Среди прочих монарших милостей Яков Брюс получил в личное владение Брянские слободы в 219 крестьянских дворов и стал богатым российским землевладельцем, барином-помещиком, хозяином большого имения на Брянщине.

Была и еще одна награда, которой шотландец гордился всю оставшуюся жизнь Ею стала наградная медаль, выбитая в честь

победы русского оружия в сражении при Лесной. Надпись на ней гласила: «Достойному достойное».

После Лесной брюсовский отряд, сформированный в городе Борисове, выступил вслед за главными силами русской армии, отходившей к Смоленской крепости. Там он в феврале 1709 года присоединился к воинскому отряду генерала Карла Ренна (Рена).

Генерал-фельдцейхмейстеру русской армии на время пришлось стать общевойсковым начальником, командуя отдельным армейским отрядом. Яков Брюс становится участником боя со шведами при Красном Куте, дела при Соколке и боя под Лешками.

Все же самую звонкую боевую славу Яков Вилимович Брюс получил не под Нарвой и Лесной, а в день 17 июня 1709 года в памятной для отечественной и военной истории Полтавской битве двух армий — русской и шведской. В том крупнейшем за все годы Северной войны полевом сражении генерал-фельдцейхмейстер с отличием командовал всей походной артиллерией петровской армии — 72 орудиями.

«БОГ ВОЙНЫ» В ПОЛТАВСКОЙ БИТВЕ

Русская армия подошла к Полтаве тогда, когда крепость была осаждена королевской армией. Полтавский гарнизон под командованием полковника Алексея Келина стойко отбивал штурм за штурмом. Генерал-лейтенант Я.В. Брюс оказался в числе первых военачальников, пришедших на выручку осажденного города-крепости.

Один из главных принципов военной стратегии XVIII века гласил: «Сражение — это рвотное для больного, когда ничего другого нет». Поэтому русское командование, собравшееся на военный совет при присутствии Государя, разошлось во мнениях на ближайшие действия против неприятеля.

Свой план действий на военном совете предложил и генерал-фельдцейхмейстер. В своих суждениях Брюс был осторожен. Чтобы спасти Полтаву от захвата шведами, он предложил посадить в ретраншемент (окопы) выше города 8—10 тысяч пехоты, выстроив по флангам кавалерию и пехоту, и тем самым создать угрозу нападения на королевский осадный лагерь. Одновременно против Полтавы, за крайним протоком реки Ворсклы, занять пехотой сильную оборонительную позицию с редутами по краям, а ниже крепости сформировать отряд из конницы и ожидать (!) нападе-

ния на одну из группировок русских войск. После чего все остальные войска атакуют армию Карла XII с разных сторон.

Естественно, что военный совет отклонил такой осторожный, выжидательный план боевых действий. И глава русского генералитета Б.П. Шереметев, и прибывший вскоре под Полтаву Царь были настроены гораздо решительнее.

Началась подготовка к предстоящему генеральному сражению двух армий, которые противоборствовали между собой уже девятый год войны. Главнокомандующий русской армией Шереметев (фактически ею командовал сам Государь) по приказу Петра I дал генерал-фельдцейхмейстеру приказание по тылам:

1) «обозы и прочия тяжести от всех трех дивизий, а также от артиллерии тягости, которые в нынешний случай неприятельскому отряду не потребны», отправить к деревне Рублевке и там быть с полковыми обозами;

2) остальные боевые припасы, необходимые для сражения, отпустить по требованию «господ генералов» в полки, которым предстояло участвовать в сражении.

Приказание Царя свидетельствовало о том, насколько большое значение придавал он обеспечению войск огневыми припасами, а также спасению армейского обоза в случае неудачного исхода баталии. Генерал Яков Брюс справился с такой задачей столь же успешно, как обычно их выполнял.

Позиция у деревни Семеновки не устраивала полководца Петра I, и он передвинул свою армию к деревне Яковцы, стоявшей всего в пяти километрах от Полтавы В войска была разослана диспозиция, и полки незамедлительно приступили к постройке укрепленного полевого лагеря. Подчиненные командующего русской артиллерией занялись возведением батарейных позиций, которые были связаны с производством больших земляных работ. Требовалось поставить полевые 3-фунтовые пушки на твердую почву, которую в случае необходимости усиливали деревянным настилом, соорудить по всем правилам артиллерийской науки амбразуры в полевых укреплениях, безопасно расположить в укрытиях пороховые заряды.

Петр I строил свой план на сражение исходя из того, что атаковать непременно будут шведы. Царь, зная решительный и крайне нетерпеливый характер Карла XII, считал наиболее вероятным то, что он не станет ждать установленного дня баталии, а внезапно нападет на русский лагерь у Яковцов. Поэтому петровские во-

еначальники без промедлений произвели рекогносцировку местности и стали обустраивать в инженерном отношении поле предстоящей битвы.

На равнине между лесами по приказанию Петра I была сооружена линия полевых земляных укреплений — редутов. Их было построено шесть на расстоянии друг от друга на дальность ружейного выстрела. Шведская разведка донесла королю о их появлении перед русским укрепленным лагерем. Но несколько позднее Царь приказал построить вторую линию редутов — перпендикулярно первой линии. Из этих четырех сомкнутых четырехугольных земляных укреплений русские успели достроить только два.

Если первая линия редутов перекрывала собой все поле сражения, то вторая была возведена на направлении вероятного движения атакующего неприятеля. Гарнизоны редутов состояли из пехоты и орудийных расчетов и были немногочисленными.

Генерал-фельдцейхмейстер Я.В. Брюс в день Полтавской битвы руководил огнем 72 орудий (по некоторым сведениям — 69). Половину этих орудий составляли 3-фунтовые пушки, вторая половина состояла из полевой артиллерии. Большая часть орудийных расчетов находилась на линии огня армейского лагеря.

Русская армия имела огромное преимущество над шведской в количестве артиллерии. В сражение Карл XII приказал взять с собой только четыре пушки, поскольку остальные почти бездействовали из-за крайне бедственного положения с запасами пороха. Король надеялся добыть победу внезапной ночной атакой, ударом шведской пехоты в штыки, которая отличалась высокой боевой выучкой и дисциплинированностью.

Перед битвой Царь Петр I обратился к русской армии со своим знаменитым в военной истории приказом. В нем говорилось:

«Воины! Вот пришел час, который решает судьбу отечества. Итак, не должны вы помышлять, что сражаетесь за Петра, но за государство Петру врученное, за род свой, за отечество... Не должна вас также смущать слава неприятеля, будто бы непобедимого, которой ложь вы сами своими победами над ним неоднократно доказали. Имейте в сражении пред очами вашими правду и бога, а о Петре ведайте, что ему жизнь его не дорога, только бы жила Россия в блаженстве и славе, для благосостояния вашего...»

Обратился с речами к своим солдатам и офицерам и монарх Швеции. Он вспомнил одержанные победы и приглашал королевских командиров на пир в шатры московского Царя. «Он приго-

товил нам много кушанья, — говорил король. — Идите же завтра туда, куда ведет вас слава».

17 июня в два часа утра шведская армия двинулась для атаки русской. Король Карл XII построил свои пехотные полки в четыре штурмовые колонны. За ними двигалось шесть кавалерийских колонн. Перед выступлением монарх-полководец приказал пронести себя на носилках перед строем войск — таким образом он стремился ободрить своих воинов. Раненный накануне, он не мог сидеть на лошади. Общее командование сражением Карл XII возложил на генерал-фельдмаршала Реншельда, который напутствовался следующими словами: «Начинайте с богом!»

Наступающих шведов встретил сильный ружейный и пушечный огонь защитников редутов. По свидетельству королевского лейтенанта Вейе (оставившего после себя воспоминания о Северной войне), первый же выстрел из русских орудий был настолько меток, что оторвал головы двум шведским генералам, а вторым выстрелом были убиты капитан и четыре мушкетера Остготского пехотного полка.

Перед редутами неприятельские колонны были атакованы драгунской кавалерией генерала А.Д. Меншикова. Затем она отошла к правому флангу русского укрепленного лагеря. Началась ожесточенная борьба за редуты, из которых нападавшим шведам удалось захватить только два. Король Карл XII, видя, что его войска несут при штурме русских земляных укреплений большие потери, приказал штурмовым колоннам прорываться через линию редутов и взять приступом полевой лагерь армии противника.

Но когда шведы прорвались через линию редутов и оказались перед укрепленным лагерем русских, оттуда их встретил шквал артиллерийского огня в упор. Ядра и картечь наносили страшные опустошения в шведских рядах, не давая атакующим приблизиться к позиции русских полков.

В официальной королевской реляции о Полтавском сражении эффективность действия русской артиллерии оценивается очень высоко. В реляции записано среди прочего следующее:

«Несколько полков в особенности пострадали от русской артиллерии. Кольмарский полк одной очередью выстрелов был наполовину ею уничтожен, тут был убит и командир его — полковник Ранк. Та же участь постигла и Упсальский полк, который потерял и своего полковника Стернгека, подполковника Поста и майора Анрепа».

Мастерство русских пушкарей и артиллерийское искусство их главы в лице генерал-фельдцейхмейстера Якова Брюса заключалось еще и в умении вести перекрестный орудийный огонь. Шведы не могли выдержать его убийственной силы и, смешавшись, отошли к Будищенскому лесу, где начали приводить свои расстроенные полки в порядок.

Эта передышка позволила Царю-полководцу Петру I принять решение на контратаку вражеской армии по всей линии поля битвы. Русские войска вышли из укрепленного лагеря и построились перед ним. Пехота, возглавляемая Шереметевым, образовала две атакующие линии, имея в центре артиллерию, где начальствовал Яков Брюс.

Петровская армия двинулась вперед. Шведы, видя ее приближение, не дрогнули, изготовившись к штыковым схваткам. Но когда противники сблизились на расстояние прямого пушечного выстрела, генерал-фельдцейхмейстер приказал открыть по рядам королевских полков беглый орудийный огонь картечью.

Непосредственный участник Полтавской баталии принц Вюртембергский, взятый в тот день русскими в плен, так описывал в мемуарах действия артиллерии противной стороны, чему он был свидетелем:

«Шведская пехота с новым чрезвычайным одушевлением пошла в атаку, но была остановлена русской артиллерией, которая, громя с фронта, валила целые ряды и производила страшное опустошение. Бой закипел с ожесточением, но в шведских войсках распространилось всюду смятение и беспорядок. Король истощал свои усилия, чтобы устроить войско, но тщетно: лошади под его носилками были убиты русскими ядрами, он велел запрячь новых, но и тех не пощадила русская артиллерия, они были разбиты вдребезги, и сам он был опрокинут».

Действительно, ядром русской пушки были разбиты носилки короля Карла XII. Его личные телохранители — драбанты едва смогли вынести своего монарха с поля битвы.

О большой силе артиллерийского огня в Полтавском сражении можно судить по следующим данным: в течение пяти часов огневого боя русские артиллеристы произвели 1461 выстрел, выпустив по шведам 972 ядра, 427 картечных зарядов и 62 бомбы.

В среднем на каждое орудие пришлось по 20 выстрелов. Самый интенсивный огонь артиллеристы петровской армии вели в продолжение тридцати минут, когда на завершающей фазе сра-

жения русские и шведы, построенные одни против других, сближались для рукопашной схватки.

Государь Петр I Алексеевич был щедр на награды победителям в Полтавской баталии. Генерал-фельдцейхмейстер Яков Вилимович Брюс из его рук удостоился высшей орденской награды Российской империи — Святого Андрея Первозванного. С этим орденом за Полтаву Брюс изображен почти на всех прижизненных портретах.

Военные историки и исследователи, участники той великой битвы Северной войны единодушно дают самую высокую оценку действиям Я.В. Брюса по командованию им русской артиллерией в день 17 июня 1709 года. Орудийные расчеты победителей не просто умело использовали удачно складывающуюся для них обстановку, особенно когда королевская армия прорвалась через линию редутов и оказалась перед русским укрепленным лагерем.

Случайностью действия нескольких десятков орудий никак не назовешь. Это был точный расчет начальника армейской артиллерии Якова Брюса. Расстояние от редутов до лагеря было около 1000—1200 метров, и подпустить врага на расстояние до пары сотен шагов можно было только специально, вполне осознанно. Генерал-фельдцейхмейстер не открыл, подобно бригадиру С.В. Айгустову на редутах, предупредительный обстрел ядрами из полевых орудий, а позволил шведам выстроиться в боевую линию для атаки лагеря и несколько минут идти вперед беспрепятственно.

Хладнокровно подпустив неприятельские полки на дальность картечного огня — немногим более 200 шагов, — генерал-лейтенант Я.В. Брюс взмахнул шпагой, и батареи полевых и полковых пушек открыли огонь из всех своих стволов. Полковая артиллерия била фронтально из рядов построенной слева от ретраншемента пехоты, полевые орудия больших калибров гремели с реданов и левого бастиона лагеря.

Брюс требовал от подчиненных в те минуты только одного: «Огня, огня и еще раз огня!» От завесы черного порохового дыма стало совсем сумеречно. После первых залпов артиллеристы, видимо, палили во врага вслепую — только за густым дымом атакующие могли три четверти часа продвигаться навстречу орудийным выстрелам. «Чем ближе к пушкам, тем меньше опасности» — так гласили военные артикулы (уставы) того времени.

Синие мундиры шведов от пороховой гари превратились в черные, у многих из ран текла кровь. Потери в рядах королевских

полков увеличились, когда под ногами атакующих стали рваться бомбы. При всем мужестве шведских пехотинцев пробиться к русской позиции ближе чем на 30 саженей (около 64 метров) им не удалось, за исключением отдельных случаев. Жестокость потерь от губительного артиллерийского огня заставила королевских генералов около шести часов утра отозвать атакующих из зоны обстрела русских орудий.

«И как он, неприятель, за 200 или 300 шагов к русским приблизился, то весьма жестоко его ис пушек встретили, где великий ему урон учинился и целые три четверти часа той пушечной стрельбы он имел вытерпеть в добром порядке. Однакож от того стреляния помешался у них строй и в некоторую долину принуждены были они отступить, к правому крылу российских, чтоб как возможно укрыться от пушечной стрельбы».

Такую уникальную подробность Полтавской битвы отметил иноземный генерал на царской службе Людвиг-Николай фон Алларт (Аларт). В написанном саксонским бароном «Историческом описании Северной войны» дается самая высокая оценка действиям генерал-фельдцейхмейстера петровской армии Якова Вилимовича Брюса в великой баталии на поле под Полтавской крепостью.

Исследователи отмечают и еще одну сторону артиллерийского искусства Я.В. Брюса: ни разу за всю Северную войну шведы не встречали такого плотного пушечного огня. «Массированный удар русской артиллерии явился переломным моментом в ходе Полтавского сражения, подготовившим переход всей русской армии в наступление», — писал советский историк Е.Е. Колесов.

Таких оценок роли генерал-фельдцейхмейстера в победе под Полтавой предостаточно. Они не только подтверждают высокий профессионализм Брюса, но и свидетельствуют лишний раз о том, насколько умел разбираться в своих помощниках Петр Великий, создавший для отечественной истории прекрасную команду исполнителей собственной воли самодержца России, «прорубившей окно в Европу» без малого за два долгих десятилетия Северной войны.

БОЛЬШОЙ УЧЕНЫЙ ПЕТРОВСКОЙ ЭПОХИ

Находясь в составе действующей армии и участвуя в войне, Яков Брюс не оставлял своих излюбленных занятий науками. Первый большой шаг в истории отечественной науки он сделал еще в

1696 году, задолго до войны со Швецией. По царскому повелению шотландец составил карту российских земель от Москвы до Малой Азии. Уже тогда Я.В. Брюс стал считаться одним из ведущих картографов страны. Такое занятие он продолжил с немалым успехом и в будущем.

Все же главным в научных изысканиях Якова Брюса оставалось развитие российской артиллерии. Его отличала последовательность в ведении научных разработок, широта познаний, стремление развить в отечественном артиллерийском деле последние достижения военной науки в европейских государствах, особенно Англии. Организация и вооружение ее армии Брюсом были изучены во время пребывания в составе Великого посольства досконально.

Однако внедрение европейских новшеств давалось не без известного труда. Так, только в 1705 году нашла широкое применение знаменитая «артиллерийская шкала» — изобретение механика Гартмана из германского города Нюрнберга. Ее введение позволило значительно повысить эффективность орудийного огня, что и нашло свое применение в день Полтавской битвы.

По своим научным изысканиям генерал Яков Брюс постоянно сносился в письмах с Царем, который не меньше его интересовался самыми различными науками, особенно военными. Находясь в городе Жолкве, генерал-фельдцейхмейстер доносил Петру I, что «гораздо мылся» (то есть попотел. — *А. Ш.*) над устройством одного астрономического инструмента. Он писал Государю: «...вздумал я сделать для такого дела инструмент без трубки зрительной». К слову сказать, особое пристрастие к астрономии Брюс будет иметь в последние годы своей жизни.

В сентябре 1707 года начальник русской артиллерии выслал Царю два опытных образца «о превращении камеров», «один — как из цилиндрической сделать консферическую, а другой — как из консферической сделать цилиндрическую». Это изобретение относилось к области механики и требовало немалых математических познаний, в области которых Я.В. Брюс был выдающимся человеком своего времени.

В другом письме монарху генерал-фельдцейхмейстер писал, что он «также, на пути будучи, сделал... начаток о прекращении плоских фигур, которых собрал близко 20-ти проблем». Обращает на себя внимание то, что один из ближайших соратников Петра Великого занимался не только теоретическими разработ-

ками в различных областях человеческого познания. Брюс стремился прежде всего дать практическое воплощение своих научных идей — в опытных образцах или внедряя новшества в артиллерийское дело.

Однако из этого не следует считать, что такой научно образованный человек, как Яков Брюс, стал великим ученым-практиком. Слишком многое из его научного творчества оставалось на бумаге и не дошло до современников.

Брюс регулярно занимался переводом на русский язык иностранных книг и их редактированием. Причем в большинстве случаев он делал это по личным распоряжениям Государя. Естественно, что предпочтение здесь отдавалось книгам по военному делу, особенно артиллерийскому.

Генерал-фельдцейхмейстеру приходилось по царскому повелению исполнять не только свои прямые служебные обязанности. Так, Яков Вилимович Брюс управлял морской типографией, и не без известного успеха. Ею непосредственно заведовал Василий Киприанов, талантливый русский картограф. Опытный Брюс постоянно поучал его различным издательским приемам.

Между прочим, 1 ноября 1709 года в Москве был издан, «под наздрением» артиллерийского генерал-лейтенанта Я.В. Брюса, первый русский календарь. Составителем его являлся Василий Киприанов. Однако и по сей день этот первый календарь России называется «Брюсовым».

Известно, что Яков Брюс оказался первым помощником Царю Петру I Алексеевичу, когда тот взялся за написание «Руководства для управления артиллерией». Этот уникальный документ долгие годы и после смерти его автора оставался официальным руководством для деятельности отечественной артиллерии. Не одно десятилетие он требовал только дополнений и изменений нового времени.

После Полтавской победы, когда на берегах Днепра у Переволочны были пленены остатки шведской армии, а король Карл XII с гетманом Мазепой счастливо избежали плена и укрылись в Турции, русская армия перешла в наступление. Боевые действия теперь переносились в Прибалтику и Карелию. Швеция еще обладала немалой военной силой, и в Стокгольме не помышляли о мире с Московией.

В мае 1710 года русская армия под командованием генерал-фельдмаршала Бориса Петровича Шереметева выступила в поход

к Балтийскому побережью. Яков Брюс вновь возглавил армейскую артиллерию и во главе ее принял личное участие во многих осадах неприятельских крепостей и боях. Шведы теперь стремились отсидеться в крепостях до лучших времен, уповая на Божью помощь и силу королевского флота, который продолжал господствовать на Балтике.

Генерал-фельдцейхмейстер Я.В. Брюс добавил в свой послужной список еще несколько славных боевых дел. Он участвовал в осаде и при взятии 4 июля 1710 года сильной крепости Риги. Помимо этого, он оказался одним из главных действующих лиц при покорении таких шведских крепостей, как Динамюнде, Пернов, Ревель и Кексгольм. Русская артиллерия теперь повсюду демонстрировала огневое превосходство над неприятельской.

ПРУТСКИЙ ПОХОД. СРАЖЕНИЕ 9 ИЮНЯ 1711 ГОДА

В конце декабря 1710 года генерал Брюс был отозван из шереметевской армии. На Юге России назревала большая война с Оттоманской империей. Русский посол в Константинополе (Стамбуле) Петр Андреевич Толстой, один из наиболее известных дипломатов старой России, слал в Санкт-Петербург донесения, одно тревожнее другого. Он сообщал о том, что султанская Турция, крайне встревоженная успехами России в Северной войне, готовилась начать с ней превентивную войну.

Сведения Толстого дублировались информацией австрийского резидента в оттоманской столице И.М. Тальмана, которая из Вены передавалась Царю Петру I и русскому Посольскому приказу. Так, донесения Тальмана за вторую половину 1709 года пестрят сведениями о военных приготовлениях Блистательной Порты: лихорадочно строились фрегаты, по Черному морю к границам России доставлялись различные военные грузы, в азиатские владения Турции из Стамбула отправлялись распоряжения о закупке верблюдов и мулов для транспортных надобностей султанской армии, ставились под ружье янычары столичного гарнизона.

В тот год у султанского двора в лице короля-беглеца Карла XII появился настойчивый советчик, жаждавший после проигранной Полтавской баталии военного реванша. Он убеждал султана «всчать (начать. — *А. Ш.*) войну» против России. Шведский монарх «обманно» убеждал османов, будто «может он вновь иметь изрядного войска больше пятидесяти тысяч». Свою лепту в разжигание антимосковских страстей вносил и бывший гетман Мазепа. Он убеждал турецкие власти, будто и «Украина вся с ними будет согласна».

Царь Петр I после «знатных» успехов в Прибалтике решил перебросить главные силы действующей армии на Юг, чтобы предупредить наступление султанской армии. Русским полкам пришлось проделать большой путь к берегам Днестра, имея при себе минимальный запас провианта.

Когда Государь России начал свой неудачный Прутский поход, турецкая армия уже навела мосты через Дунай. Русские тем временем еще только начинали строить переправу через реку Днестр. С каждым днем с хлебом становилось все труднее. Ожидалась помощь от молдавского господаря Кантемира, но хлеба не было и у него. Он смог снабдить русские войска только мясом, прислав 15 тысяч баранов и 4 тысячи волов.

В Прутском походе забот у генерал-фельдцейхмейстера оказалось хоть отбавляй. Прежде всего приходилось заботиться о наличии тягловой силы для артиллерийских повозок — бычьих упряжках. Путь по степи под жарким солнцем мало чем разнился по трудности с лесными дорогами, которые вели к Полтаве.

Сражение с султанской армией на берегах реки Прут произошло 9 июня 1711 года, хотя многочисленные стычки с турецкой и крымской конницей начались на день раньше. Русская армия стала походным лагерем в долине реки, «где место пространнее». Ее численность составляла всего 38 246 человек. Великий визирь Махмет-паша располагал, как минимум, тройным превосходством в силах: 100—120 тысячами воинов. По другим данным (скорее всего, сильно завышенным), султанская армия на берегах Прута состояла из 120 тысяч турецкой конницы, 100 тысяч пехоты и 50 тысяч крымцев.

Русская армия заняла оборонительную позицию. Генерал Яков Брюс не раз объехал ее вместе с Петром I, генерал-фельдмаршалом Шереметевым и другими военачальниками. Вся артиллерия была поставлена в первую линию, излишков боеприпасов она не имела, и огонь предстояло вести в основном в ближнем бою, в упор расстреливая атакующие толпы османов.

Турки попытались атаковать армию противника при ее переходе к тому месту, где наметили раскинуть ролевой лагерь. Арьергардным полком шел гвардейский Преображенский, который

имел в своих рядах полковые пушки. С утра 9 июня преображенцам в течение пяти часов пришлось вести арьергардные бои, отбиваясь ружейными залпами, картечью и ударами в штыки от наседавшего врага. Его конница оказалась бессильной против петровских гвардейцев, за весь день не дрогнувших ни разу.

Великий визирь Махмет-паша решил атаковать русскую армию, стоявшую в наспех укрепленном лагере часа за три до захода солнца. Султанская армия в больших сражениях атаковала неприятеля одним, веками испытанным, способом. Подавляющее многочисленностью турецкое войско надвигалось «тучею» и, сблизившись с врагом, разряжало свои ружья. Первые два-три ряда стреляло вперед, остальные могли стрелять только вверх, чтобы напугать атакуемых. После этого огромная толпа османов устремлялась в рукопашную схватку.

Сражение на берегах реки Прут начиналось по этому давно написанному сценарию. Дальнейшее произошло так, как описал его генерал кавалерии Станислав Понятовский, военачальник шведского короля Карла XII, прибывший в султанскую армию вместе с генералом Шпаром (в свое время назначенным королем московским губернатором) в качестве советников верховного визиря. Впрочем, Махмет-паша их «дружеским» советам не последовал.

Генерал С. Понятовский, свидетель всех событий дня 9 июня, составил красочное описание сражения на берегах Прута:

«Янычары... продолжали наступать, не ожидая приказов. Испуская дикие вопли, взывая, по своему обычаю, к Богу многократными криками «алла!», «алла!», они бросились на неприятеля с саблями в руках и, конечно, прорвали бы фронт в этой первой мощной атаке, если бы не рогатки, которые неприятель бросил перед ними. В то же время сильный огонь почти в упор не только охладил пыл янычар, но и привел их в замешательство и принудил к поспешному отступлению. Кегая (помощник верховного визиря. — *А. Ш.*) и начальник янычар рубили саблями беглецов и старались остановить их и привести в порядок. Наиболее храбрые возобновили свои крики и атаковали во второй раз. Вторая атака была не такой сильной, как первая, и турки снова были вынуждены отступить».

По свидетельству «Гистории Свейской войны», османы могли добиться успеха, «ежели б по своему людству фрунтом везде атаковали». Но они нападали только с одной стороны, что позволяло русскому командованию маневрировать пехотными полка-

ми и батальонами, орудийными расчетами. Резервы без помех перебрасывались в опасные места.

Хотя точных сведений о потерях султанской армии в день сражения на берегах Прута нет, ясно одно — турки, особенно пехотинцы-янычары, понесли огромные потери. Каждый пушечный или ружейный выстрел русских опустошал атакующие толпы.

Утром 10 июня верховный визирь приказал возобновить атаку русского лагеря, однако «янычары более не хотели» идти под губительный огонь ружейных залпов и пушечных выстрелов. Целый день турки обстреливали противника из орудий, на что им отвечали артиллеристы Брюса. Первой к вечеру утихла пушечная пальба османов, которые явно проигрывали артиллерийскую дуэль.

12 июня, после подписания Прутского мира, русская армия двинулась в обратный путь. Двигалась она медленно — обозные и артиллерийские лошади были истощены настолько, что могли тянуть повозки только со скоростью две-три мили в сутки.

Хотя официальных царских наград за Прутский поход генерал Яков Брюс не получил, Государь нашел способ отметить немалые заслуги начальника армейской артиллерии в сражении с султанскими войсками. В Швеции, в плену, умер царевич Александр Арчилович Имеретинский. Получив такое известие, Царь Петр I утвердил 3 августа 1711 года Высочайшим указом в звании генерал-фельдцейхмейстера армии России Якова Вилимовича Брюса.

ВОЙНА В ПОМЕРАНИИ. ВО ГЛАВЕ ПРИКАЗА АРТИЛЛЕРИИ

Последний раз Брюсу пришлось принять в высокой должности непосредственное участие в боевых действиях в 1712 году. В тот год три союзные армии — русская, датская и саксонская — начали совместный поход на Померанию, расположенную на берегах Балтийского моря и находившуюся в руках шведов.

Генерал-фельдцейхмейстер Я.В. Брюс на своем последнем боевом поприще командовал всей союзной артиллерией. При обсуждении кандидатур на эту должность ни у датчан, ни у саксонского генералитета короля Августа II достойных и авторитетных артиллерийских начальников не нашлось. С другой стороны, авторитет главы артиллерии петровской армии был высок в

Европе: Яков Брюс уже «разделял» полководческую славу Петра Великого.

Итогом военной кампании 1712 года в Померании Царь Петр I дал пессимистическую оценку: «Кампания пропала даром». Однако вины в этом ни русский главнокомандующий светлейший князь А.Д. Меншиков, ни генерал-фельдцейхмейстер Я.В. Брюс за собой не испытывали.

Виной неудачного года в Северной войне оказались союзники. Осенью шведский генерал Стенбок двинулся из Померании в Мекленбург, чтобы атаковать находившиеся там датско-саксонские войска. Обеспокоенный Царь Петр I спешно направил туда русские подкрепления во главе с Меншиковым. Одновременно он просил союзное командование не вступать в сражение со шведами до подхода царских войск с артиллерией.

Однако командующие армиями Дании и Саксонии решили оставить славу победителей за собой. Они уверовали в грядущий успех, поскольку имели заметное численное превосходство над войсками генерала Стенбока. В сражении 10 декабря при Гадебуше шведы наголову разбили союзников России: им досталась вся датская артиллерия и 4 тысячи пленных. Как ни торопился Меншиков, но к сражению не поспел.

После Померанского похода генерал-фельдцейхмейстер Яков Брюс окончательно переезжает из Москвы в новую российскую столицу Санкт-Петербург. Там он начинает вести жизнь знатного придворного вельможи, составляя ближайшее окружение Государя и его второй жены Екатерины — будущей Императрицы Екатерины I. Брюсовский дворец (а не первоначальный рубленый домик) становится одним из самых посещаемых в столице. Здесь всегда было полно гостей: своих россиян, приезжих и наемных иностранцев, просителей различных милостей.

Жизнь Якова Вилимовича Брюса в столице на невских берегах говорила о том, что он продолжал оставаться царским фаворитом. Самодержец порой советовался с генерал-фельдцейхмейстером и начальником Приказа артиллерии не только по «бомбардирским делам».

Однако, как говорится, ничто не вечно под луной. В 1714 году Яков Брюс едва не подвергся продолжительной царской опале. Его вместе со светлейшим князем А.Д. Меншиковым, флотоводцем графом Ф.М. Апраксиным заподозрили в крупном хищении государственной казны. Брюс подпал под следствие, и ему пришлось оправ-

дываться в своих действиях, поскольку через руки главы Приказа артиллерии проходили огромные суммы казенных денег.

Сейчас трудно судить о том, насколько доказанными были уголовные обвинения лично против Якова Брюса, но в том, что они были весьма серьезными, сомневаться не приходится. Следствие, однако, оправдало действия упомянутых лиц на царской службе. Все же, думается, Государь стал относиться к шотландцу из числа его любимых «потешных» с меньшей долей теплоты, чем было раньше.

Окончательно поселившись и утвердившись в столице, Брюс стал усиленно заниматься преобразованием высшего органа артиллерийского управления — подчиненного ему Приказа (министерства) артиллерии. Вводятся новые должности, заводское пушечное дело технически становится все новее. К производству вооружения для полевой армии, военного флота и приграничных крепостей привлекаются настоящие мастера своего дела. Я.В. Брюс показал себя хорошим царским администратором.

Главной заботой генерал-фельдцейхмейстера после судебного разбирательства 1714 года становятся вопросы улучшения и упорядочения общего артиллерийского дела в армии. Идет настойчивая борьба за уменьшение числа орудийных калибров. Это значительно облегчало производство боеприпасов для «бога войны» и унифицировало орудийный парк полевой армии. В результате армейский материальный парк постепенно стал приводиться в «соответствие».

Мирная жизнь столичного вельможи позволила Якову Вилимовичу Брюсу всерьез вернуться к прежним научным занятиям. Они, как и в молодости, стали его жизненным увлечением. Средства позволяли ему производить различные опыты, покупать за границей различные дорогостоящие приборы, материалы и книги, пользоваться платными услугами других людей науки.

Занятия наукой порой проходили по царскому указу. Государь Петр Великий до последних дней продолжал «радеть» за развитие отечественной науки и техники. К этому полезному для государства занятию он пристрастил не только одного Якова Брюса, а и многих пытливых умом россиян.

Весь 1715 год артиллерийский начальник Яков Брюс по личному поручению Царя вел оживленную научную переписку с великим немецким исследователем Готфридом Вильгельмом Лейбницем. Темой их переписки стал вопрос о происхождении рос-

сийского народа. Здесь Брюс, как свидетельствуют его письма-ответы, показал похвальное знание отечественной истории.

Он продолжает оставаться в окружении Государя признанным специалистом в области картографии. В 1716 году генерал-фельдцейхмейстер ведет переписку с географами германского города Нюрнберга, крупного европейского научного центра, по вопросу «о делании против среднего атласа 24 карт». Увеличение Российского государства в территориях требовало и составления новых географических карт, в том числе и тех, в которых нуждалось армейское командование и военно-морской флот.

На протяжении многих лет Яков Брюс продолжает заниматься переводом на русский язык иностранных сочинений. Но теперь такая работа делается им не только по царскому повелению. Петровский вельможа, благодаря своему высокому положению при дворе, мог привлекать к этой работе и профессиональных переводчиков, и подчиненных ему лиц, владевших европейскими языками.

Все же главными научными хлопотами Брюса оставались те, которые шли на пользу военному делу россиян. В 1717 году он изобретает способ скорострельной стрельбы, которым «в семь минут выстрелено пятнадцать раз, а возможно более двадцати раз выстрелить не переставая». Речь, разумеется, шла о стрельбе из личного огнестрельного оружия пехотинцев — ружей (фузей) того времени.

Опыт, приобретенный Яковом Вилимовичем Брюсом на военном и государственном поприще, личное отношение к нему Государя-самодержца подняли его на новые высоты среди столичной знати. Оставляя Брюса на посту генерал-фельдцейхмейстера, Царь Петр I возводит обрусевшего шотландца в звание сенатора. Членом российского Сената Я.В. Брюс стал в 1717 году, в свое сорокасемилетие.

ПРЕЗИДЕНТ БЕРГ-КОЛЛЕГИИ И МАНУФАКТУР-КОЛЛЕГИИ

Министерская деятельность сенатора Брюса заметно расширяется. 15 декабря 1717 года он назначается президентом сразу двух коллегий — Берг-коллегии и Мануфактур-коллегии. Теперь Яков Вилимович становится во главе российской промышленности и

торговли, оставаясь на этом многотрудном поприще довольно долго, пять лет — до 1722 года.

На рубеже 10—20-х годов XVIII столетия шло становление отечественной промышленности, не только государственной, но и частной. Появление у России портов на Балтике заметно оживило торговлю и коммерческую деятельность. Осваивались новые экономические районы, в первую очередь горнозаводской Урал. Там, среди других промышленников и купцов, процветала династия Демидовых.

Стоя во главе Берг-коллегии и Мануфактур-коллегии артиллерийский генерал прежде всего стремился перенести на российскую почву все лучшее, что он видел в Европе во время Великого посольства. К тому же Я.В. Брюс много читал о том, как развивалась европейская промышленность и торговля. Во всяком случае, он стремился к главному на новом для себя государственном поприще — приобщить к европейскому дому российскую экономику. Хотя были на этом пути перед ним немалые трудности: руководить коллегиями приходилось в условиях идущей Северной войны, борясь одновременно с еще не «поломанными» традициями прежней хозяйственной жизни в стране.

Трудно судить о плодах экономического творчества Якова Брюса на посту президента двух коллегий. Прежде всего потому, что уж очень многое в Российском государстве Петровской эпохи делалось по привычному столетиями царскому повелению. Но все же достоверно известно, что президент Берг-коллегии и Мануфактур-коллегии особых нареканий от Государя за свою деятельность не имел.

Когда Петр I решал вопрос о том, кому возглавить коллегии, ведавшие промышленностью, являвшейся государственной собственностью, он исходил прежде всего из нужд военного времени. Особенно это касалось Берг-коллегии, ведавшей горно-рудным делом (добычей руд и производством черных и цветных металлов). Горно-рудное дело было развито на Урале, в Карелии, близ города Тулы, в других местах.

Большая часть выплавляемого в стране металла шла на производство орудийных стволов, артиллерийских боеприпасов и различного военного имущества. Все это еще до создания Берг-коллегии находилось в ведении генерал-фельдцейхмейстера. Поэтому ему не пришлось долго вникать в коллегиальную деятельность.

Поскольку Яков Брюс оказался во главе коллегии, ведавшей горно-рудным делом, с его именем в Петровскую эпоху было

связано промышленное развитие Урала, Карелии, Тульской области. То есть тех российских регионов, где разведывались и добывались железные и медные руды, находились железоделательные и медеплавильные заводы. Не только казенные, но и частные.

АЛАНДСКИЙ МИРНЫЙ КОНГРЕСС

Генерал-фельдцейхмейстеру Якову Вилимовичу Брюсу довелось прославить свою королевскую фамилию и на российском дипломатическом поприще, завершая за столом мирных переговоров Северную войну. Дипломатическая деятельность для него началась в марте 1718 года, когда он по царскому указу вместе с А.И. Остерманом отправился на Аланды (Аландские острова) для заключения условий мирного договора России со Швецией.

Стремление к миру русский Царь проявлял как до Полтавской битвы, так и после нее. Но всякий раз мирные инициативы российской стороны и ее союзников встречали упорное нежелание короля Карла XII сесть за стол переговоров. Но к концу войны экономика Швеции пришла в катастрофическое положение. Война и связанные с ней мобилизации в армию привели к тому, что в городах и селах остались только старики и дети. Численность населения страны заметно уменьшилась.

В ходе Северной войны Швеция лишилась большей части своих владений на Европейском континенте. Прибалтийские провинции королевства — Эстляндия и Лифляндия, являвшиеся его хлебным амбаром, откуда Стокгольм выкачивал продовольствие, — были завоеваны Россией. Она же владела значительной частью Финляндии с городом Выборгом и всей Ингрией, на территории которой набирала силу новая столица Российской державы — Санкт-Петербург.

Аландский мирный конгресс открылся в мае месяце. Россия в процессе переговоров стремилась закрепить за собою то, что было завоевано русским оружием. Швеция в ходе тех же переговоров, напротив, рассчитывала вернуть себе все, что утратила в ходе войны. С такими планами прибыли на Аланды делегации двух воюющих государств.

Делегацию России возглавлял Я.В. Брюс, его помощником был Андрей Иванович Остерман. Шведскую делегацию возглавлял барон

Герц, на вторые роли был назначен граф Гилленборг. И в Санкт-Петербурге, и в Стокгольме главы делегаций получили твердые установки на мирные переговоры.

Переговоры затягивались. Глава шведской делегации на Аландском конгрессе барон Герц всеми силами старался заключить мир с Россией ценой уступки ей прибалтийских провинций. Правда, взамен этой уступки Герц носился с планом заключения русско-шведского военного союза, направленного против Дании и Речи Посполитой. За счет их территорий Стокгольм хотел компенсировать утрату Прибалтики. Однако Царь Петр I и российские дипломаты холодно встретили такой план.

В том же 1718 году, 30 ноября, произошло событие, оказавшее существенное влияние на развитие переговорного процесса. В Норвегии при осаде небольшой крепости Фридрихсгаль при загадочных обстоятельствах погиб король-полководец Карл XII. Он то ли был убит неприятельским осколком, то ли стал жертвой тщательно организованного заговора с целью устранения монарха.

Шведский престол заняла сестра Карла XII Ульрика Элеонора. Королева и ее супруг Фредерик Гессен-Кассельский придерживались проанглийской ориентации. Прибывший в Стокгольм с Аланд первый министр убитого монарха барон Герц был схвачен, обвинен в государственной измене и публично казнен.

Швеция сделала ставку на помощь Лондона. Английский флот под флагом адмирала Норриса вошел в Балтийское море, соединился со шведской эскадрой и стал курсировать у российского побережья. Опасаясь, однако, покушаться на него, Россия в ответ на непокладистость шведов в ходе мирных переговоров стала высаживать на берегах собственно Швеции морские десанты. Десантники разоряли железоделательные и медеплавильные заводы, королевские и дворянские замки, сожгли много деревень.

Правительство королевы Ульрики Элеоноры продолжало упорствовать. Поэтому продолжать переговоры на Аландском конгрессе для российской стороны не было смысла. Стало очевидным, что Стокгольм стремится не к миру, а к проволочкам, уповая на чудо в ходе Северной войны. В сентябре 1719 года Аландский конгресс прекратил существование и делегация России возвратилась в Санкт-Петербург.

Северная война получила новое продолжение. В ее последние годы русский военно-морской флот разбил шведский у остро-

ва Гренгам. На территорию королевства вновь высаживаются русские десанты. И вдобавок ко всему Лондон отвернулся от Швеции, не желая ввязываться в прямой военный конфликт с Россией.

ОКОНЧАНИЕ СЕВЕРНОЙ ВОЙНЫ. НИШТАДТСКИЙ МИР

Переговоры о мире возобновились в мае 1721 года в финском местечке Ништадт.Они начались при посредничестве французского посла в Стокгольме Кампредона. Все симпатии Парижа были на стороне его традиционной союзницы Швеции. Российскую делегацию вновь возглавил Яков Вилимович Брюс, его первым помощником оставался А.И. Остерман.

В шведской делегации произошли изменения — место казненного Герца занял барон Лилиенштедт, но вторым министром остался граф Гилленборг. Переговоры обещали быть нелегкими, поскольку инструкции обеим делегациям содержали позиции, весьма отдаленные друг от друга.

Инструкция Якову Брюсу, подписанная Царем Петром I, предусматривала два новых условия. Государь соглашался уплатить компенсацию за Лифляндию — «по крайней мере и до двух миллионов рублей». Второе новшество заключалось в том, что Лифляндия должна была остаться за Россией навечно. На Аландах русская делегация вела речь о передаче Лифляндии в российское правление на двадцать—сорок лет.

Шведской делегации королевская чета разрешала уступить России город Ревель, но крепость Выборг и остров Эзель должны были остаться за Швецией. Барон Лилиенштедт пытался угрожать Якову Брюсу, но тот без труда парировал выпады противной стороны за столом мирных переговоров. Он заявил, что Россия последние годы успешно противостояла Швеции, а надежды последней на военную помощь Англии относятся к несбыточным.

Шведская сторона вновь прибегла к тактике проволочек. Ее цель была ясна — протянуть время до поздней осени, до ухода русского флота на зимние стоянки в Кронштадт и Ревель. Яков Брюс оповестил о том своего Государя.

Тот в июне месяце уполномочил главу российской делегации официально заявить шведской стороне следующее:

«...Мы долго сей негоциации продолжать без действ воинских оставить для многих статских и воинских резонов не можем, ибо уже по прежним их поступкам спробовали, что такою тщетною проволокою много удобных случаев туне пропустили, и для того мы велели к действам главным здесь и в Финляндии сильные приуготовления учинить, и буде они тот трактат продолжать будут, то б за зло не приняли, что мы, не упуская к действиям удобного времени, принуждены будем в том взять резолюцию и что мы во всем том пред Богом и честным светом без всякого ответа будем».

Такой царский ответ свидетельствовал о главном — довести Северную войну до окончательной победы над Швецией, если та не пойдет на заключение мира. В дополнительных инструкциях своим уполномоченным Петр I велел им отклонить все необоснованные притязания шведской стороны.

Между финским местечком Ништадт и Санкт-Петербургом засновали курьеры. Брюс сообщает Государю о том, что шведы требуют эквивалента за уступаемый России город-крепость Выборг. Самодержец наносит на послании резолюцию: «У нас таких земель нет».

Шведская сторона хотела, чтобы в мирном договоре было сказано, что она отдает России Санкт-Петербург. Царь Петр I пишет Якову Брюсу в Ништадт: «Что же в проекте шведских министров упомянуто об уступках их, что уступают нам Петербург, и вам надлежит при заключении объявить, что о Петербурге упоминать не надлежит, ибо оного при их владении не было».

Барон Лилиенштедт просит главу российских дипломатов оставить Швеции остров Эзель. Яков Брюс и здесь проявляет по указанию Государя твердость: это сделать России невозможно.

Переговоры в финском местечке постепенно подходили к благополучному концу. Получив обнадеживающие известия от главы российской делегации, Царь Петр I сказал не без радости: «Из Ништадта благоприятны ветры к нам дуют».

Российский самодержец с явным нетерпением ожидал подписания мира и окончания Северной войны, которая тянулась уже двадцать первый год. Петр I пожелал, чтобы никто в столице раньше его не узнал о мирном договоре, ибо считал, что честь объявить о мире принадлежит ему по праву.

О своем монаршем пожелании Царь, повелевая, откровенно писал Якову Брюсу в Ништадт: «Сие известие мне первому привезть в Петербург, понеже не чаю, кто б более моего в сей войне

трудился, и для того сему никому являться не велите, кроме меня. Також, чтоб и партикулярных писем с конгресса о том никуда ни от кого не было от наших людей».

Мирный Ништадтский договор был подписан 30 августа. Яков Вилимович Брюс в точности выполнил царское повеление: Петр I получил долгожданное известие 3 сентября, по пути в Выборг, куда он направлялся для осмотра пограничной линии. Курьер из Ништадта вручил Государю пакет с подлинником мирного трактата.

Брюс вместе с Остерманом писали в письме, пересланном Государю вместе с мирным трактатом: «Мы оной перевесть не успели, понеже то время потребно б было, и мы опасались, дабы между тем ведомость о заключении мира не пронеслась». Царю, надо полагать, стоило большого труда удержаться от соблазна поделиться новостью с окружающими.

Утром счастливый и сияющий российский самодержец отправился из-под Выборга в столицу. С вошедшей в Неву бригантины каждые несколько минут раздавались пушечные залпы. Царь Петр I, стоя на палубе, в промежутках между залпами сообщал жителям Санкт-Петербурга (тогда еще совсем небольшого города), собиравшимся на речном берегу, радостную весть.

Весь день 4 сентября при звуках труб и литавр трубачи и всадники с белыми шарфами через плечо и белыми знаменами с изображением масличной ветви и лаврового венка — символов мира — разъезжали по улицам северной столицы и объявляли горожанам о заключении мира со Швецией. Весть для всех была долгожданной.

Подписанный от имени России Яковом Брюсом и Андреем Остерманом Ништадтский мирный договор 1721 года Петр Великий назвал таким миром, которого Россия никогда ранее «такого полезного мира не получала. Правда, долго ждали, да дождались».

По Ништадтскому мирному договору Россия превращалась в морскую державу. К ней отходили Эстляндия, Лифляндия, Ингерманландия, города Выборг и Кексгольм. Швеция выговорила себе право беспошлинно закупать в Риге и Ревеле хлеб на 50 тысяч рублей ежегодно, а также компенсацию за Лифляндию — два миллиона ефимков.

Российская столица праздновала победу в Северной войне почти месяц. В сентябре празднество в Санкт-Петербурге завершилось торжественной церемонией поднесения Царю титула Петра

Великого, отца Отечества и Императора Всероссийского. Все девять сенаторов, в том числе и Я.В. Брюс, подписали обращение к Царю с просьбой принять этот титул, «как обыкновенно у Римского сената за знатные дела императоров их такие титулы публично им в дар приношены».

Обращение российского Сената к самодержцу Яков Вилимович Брюс, генерал-фельдцейхмейстер, подписывал уже в новом качестве. За искусные действия и настойчивость, проявленные в ходе длительных переговоров о мире, дальний потомок королей Шотландии был Высочайшим указом возведен в графское достоинство. Попутно Брюс получил в вечное и потомственное владение 800 крестьянских дворов в селах Козельского уезда.

Интересно отметить, что, участвуя в дипломатических переговорах, Яков Брюс, не без царского на то слова, ширил свою государственную, административную деятельность. 16 февраля 1720 года он был поставлен во главе Монетного и денежного дворов государства. 23 мая того же года по повелению Петра I принял в свое заведование все «крепости и обретающихся в них служителей и имущества». А поскольку крепостей на российских границах имелось немалое число, то можно представить, сколько забот прибавилось генерал-фельдцейхмейстеру русской армии.

22 октября 1721 года сенатор граф Я.В. Брюс присутствовал на обедне в Троицком соборе. После обедни был зачитан мирный договор, под которым первой стояла брюсовская подпись. Затем выступили архиепископ Псковский Феофан Прокопович и старейший из сенаторов канцлер граф Г.И. Головкин. В своих возвышенных речах они обращались к первому Императору династии Романовых. Тот выступил с ответной речью.

Как только появился санный путь, Император Петр Великий с придворными, генералитетом, иностранными дипломатами отправились в первопрестольный град Москву, чтобы и там отпраздновать славную победу в Северной войне. Генерал-фельдцейхмейстер граф Яков Вилимович Брюс стал одним из главных действующих лиц во время праздничных торжеств на московских улицах и площадях.

Брюсу, в числе других петровских приближенных, пришлось принять в Москве участие в огромном праздничном карнавале. Запряженные лошадьми сани везли добротно сделанные макеты кораблей под парусами. На одном из таких кораблей не без гор-

дости стоял начальник артиллерии русской армии в маске и маскарадном костюме. Праздничные торжества в древней столице Московского государства длились «изрядно» долго.

В УПРАВЛЕНИИ ГОСУДАРСТВОМ. ДЕЛО ШАФИРОВА

После успешного подписания Ништадтского мира Яков Вилимович Брюс целиком посвящает себя коллегиальным заботам, то есть исполнению министерских обязанностей. Перед подписанием мира правительство России состояло из десяти человек, стоявших во главе десяти коллегий.

Согласно петровскому указу, президентом Коллегии иностранных дел был назначен канцлер граф Г.И. Головкин, Камер-коллегии — князь Д.М. Голицын, Юстиц- — граф А.А. Матвеев, Ревизион- — князь Я.Ф. Долгорукий, Воинской — два президента: генерал-фельдмаршал светлейший князь А.Д. Меншиков и генерал А.А. Вейде, Адмиралтейской — генерал-адмирал граф Ф.М. Апраксин, Коммерц- — П.А. Толстой, Штатс-конторы — граф И.А. Мусин-Пушкин. Только один Брюс руководил сразу двумя Берг- и Мануфактур-коллегиями.

Стремясь сконцентрировать управление жизнью государства в руках коллегий, Петр I давал их президентам всего один год на укомплектование штатов и сочинение «регламентов» — то есть своих функциональных обязанностей. Император назначил генерал-майора П.И. Ягужинского своего рода надзирателем над президентами коллегий, вменив ему в обязанность «в коллегиях часто сей наш указ напоминать».

Когда прошел год, то оказалось, что строить свою повседневную работу «новым маниром» были готовы только четыре коллегии, в том числе две, подчиненные сенатору Якову Брюсу. Подготовить регламенты к декабрю 1719 года сумели лишь Коммерц-, Берг-, Мануфактур- и Камер-коллегии. Президенты всех прочих государственных ведомств получили монаршее неудовольствие.

Брюсовские регламенты подчиненных ему коллегий по своему содержанию можно считать образцовыми. Регламент Берг-коллегии получил название Берг-привилегии и определял льготы и привилегии владельцев металлургических заводов. Берг-коллегии предоставлялось право «единым судией быть над всеми к тому принадлежащими делами и особами, чтоб никаким обра-

зом губернаторы, воеводы, ниже прочие поставленные начальники в рудокопные дела вступали и мешалися».

Мануфактур-коллегия ведала предприятиями легкой промышленности: полотняными, суконными и шелковыми мануфактурами, а также заведениями, изготовлявшими краски, курительные трубки, шпалеры и так далее. «Коллегиум-мануфактур имеет верхнюю дирекцию над всеми мануфактурами и фабриками и прочими делами, которые касаются ко оному правлению, какого б звания ни были, во всей Российской империи».

В январе 1722 года генерал-фельдцейхмейстер Я.В. Брюс сложил с себя обязанности президента Мануфактур-коллегии. Император пошел ему навстречу, поскольку видел, что он действительно обременен государственными делами.

Теперь Яков Вилимович занимался всецело делами Берг-коллегии и артиллерийскими.

В конце 1722 года генерал-фельдцейхмейстер оказался втянутым в серьезный конфликт, который расколол российский Сенат на две враждебные группировки. Это была своеобразная проба сил в борьбе за власть при Императорском дворе, которая вспыхнет в последние часы жизни Петра Великого и закончится триумфом меншиковской партии и явным поражением противной.

Конфликт возник в Сенате во время отсутствия Императора — Петр I находился в Каспийском походе. Главными действующими лицами разразившегося скандала стали сенатор и вице-канцлер барон П.П. Шафиров и обер-прокурор Сената Г.Г. Скорняков-Писарев. Но за их спинами стояли лица с более значительным весом в российской иерархии. Конфликт мог быть погашен в самом зародыше, если бы господа сенаторы руководствовались государственными интересами. Но верх взяли личные мотивы: конфликт явился всего-навсего вспышкой давно тлевшей неприязни.

Между членами Сената произошло резкое размежевание. К одной группировке принадлежали светлейший князь А.Д. Меншиков, канцлер Г.И. Головкин и Я.В. Брюс. К другой — П.П. Шафиров, князья Д.М. Голицын и Я.Ф. Долгорукий. Несколько заседаний Сената прошли в спорах и взаимных обвинениях. Поскольку конфликт погасить не удалось, он практически парализовал деятельность высшего правительственного учреждения Российской империи.

Возвратившийся из Каспийского похода Государь, узнав о случившемся из «доношений» Скорнякова-Писарева и Шафирова,

которые взаимно обвиняли друг друга, Высочайшим указом повелел создать для расследования случившегося так называемый Высший суд. Петр I всегда был крайне нетерпим к любым нарушениям установленных им писаных и неписаных законов для ближайшего окружения. Монаршая кара и опала в таких случаях отличались крайней суровостью.

В состав Высшего суда вошли Брюс, Мусин-Пушкин, Матвеев, генерал-майор Бутурлин... Список членов суда оканчивался гвардейскими капитанами. Суд оправдал обер-прокурора Сената, за которого ходатайствовал сам генерал-фельдмаршал А.Д. Меншиков. Барон П.П. Шафиров же был приговорен к смертной казни — отсечению головы.

В деле с сенатором Шафировым обращает на себя внимание то, что и в данном случае самодержец не посчитался с заслугами вице-канцлера перед собой. Может быть, таким образом Император лишний раз напоминал своему окружению о том, что Богом данный господин он один, а остальные лишь его «рабы». Только этим можно объяснить, например, что генерал-фельдцейхмейстер, граф и сенатор Яков Брюс в личных посланиях к Государю именовал себя, как и другие петровские вельможи, унизительно просто — Яшка Брюс.

Очевидец тех событий, камер-юнкер Берхгольц, отправившийся рано утром 15 февраля 1723 года в Московский Кремль, дабы посмотреть на экзекуцию знатного императорского вельможи Шафирова, записал в своем «Дневнике»:

«Вокруг эшафота стояло бесчисленное множество народа, самое же место казни окружали солдаты. Когда виновного на простых санях и под караулом привезли из Преображенского приказа, ему прочли приговор и его преступления...

После того с него сняли парик и старую шубу и возвели его на возвышенный эшафот, где он, по русскому обычаю, обратился лицом к церкви и несколько раз перекрестился, потом стал на колени и положил голову на плаху, но прислужники палача вытянули ему ноги, так что ему пришлось лежать на своем толстом брюхе. Затем палач поднял вверх большой топор, но ударил им возле, по плахе, и тут Макаров (кабинет-секретарь Петра I. — *А. Ш.*) от имени императора объявил, что преступнику, во уважение его заслуг, даруется жизнь...»

Потрясенного Шафирова присутствовавшие на экзекуции сенаторы дружно поздравили с помилованием. Лишенного богатого

имущества барона отправили в ссылку в Новгород, где он жил с семьей в нищете почти два года — до смерти Петра Великого. Амнистию он получил от Императрицы Екатерины I и вновь оказался в столице, при дворе. Шафиров, целиком обязанный Меншикову тем, что его голова лежала на плахе, вновь сошелся со светлейшим князем.

В последние годы жизни знатный российский вельможа Яков Вилимович Брюс все больше времени уделял своим увлечениям. Его санкт-петербургский дворец все больше стал напоминать музей редкостей. Граф оказался владельцем ценнейшей коллекции предметов старины и огромной личной библиотеки.

Чтением Яков Брюс увлекался всю жизнь. Из книг он черпал познания в самых различных областях человеческой деятельности. Этим он выгодно отличался в ближайшем окружении Государя. Интересен факт, что Брюс стал одним из самых активных читателей библиотеки, основанной Петром Великим при его знаменитой Кунсткамере.

Брюсовская библиотека лишний раз свидетельствует о том, насколько энциклопедическими были научные знания ее владельца. Книги он приобретал всю сознательную жизнь соответственно своим интересам. Знание им английского, голландского, немецкого, а возможно, и латыни позволяло книголюбу укомплектовать личную библиотеку на тех иностранных языках, которыми он владел. На русском языке в домашней библиотеке Я.В. Брюса насчитывалось всего сорок книг.

Быть может, собрание книг на иностранных языках, сравнительно редко встречающееся в книжных собраниях других владельцев Петровской эпохи, придает библиотеке Якова Брюса особую ценность. В ней были лечебники, травники, описания географических путешествий, множество трудов по фортификации, артиллерийскому делу и геолого-географическим наукам, хроники, летописи, сочинения историков древности и многое другое.

Яков Вилимович Брюс вошел в отечественную историю и как один из первых в России меценатов. Свою коллекцию старинных предметов и библиотеку он завещал Российской академии наук.

Граф Яков Брюс участвовал в памятном для истории Академии наук Российского государства заседании Сената 22 января 1724 года. В тот день было официально объявлено об учреждении Санкт-Петербургской академии наук, под которую на первое время отдавался дворец сосланного в Новгород Шафирова,

и определялись ее задачи как центра «для множества ученых людей».

В последние годы жизни Петра Великого Яков Брюс часто приходил к нему с докладами по делам Берг-коллегии и вопросам, касающимся артиллерийского дела. Известно, что Император не высказывал недовольства исполнению служебных и сенатских обязанностей генерал-фельдцейхмейстером. Многое свидетельствует о том, что между ними существовали достаточно теплые дружеские отношения. Более того, им было о чем вспоминать.

В последние дни болезни Петра Великого сенатор граф Яков Брюс принимал деятельное участие в совещании первейших чинов Российской империи, решавших вопрос о престолонаследии. Брюс встал со всей решительностью в лагерь «птенцов гнезда Петрова», чье личное возвышение и богатство было связано с преобразованиями великого в истории России венценосного реформатора.

ЦАРСТВОВАНИЕ ЕКАТЕРИНЫ I. ПОЧЕТНАЯ ОТСТАВКА

Яков Брюс оказался в числе тех лиц, сгруппировавшихся вокруг светлейшего князя Александра Даниловича Меншикова, которые возвели на российский престол с помощью гвардейских полков Екатерину I Алексеевну. В той ситуации начальнику артиллерии русской армии выбирать не приходилось. Он, потомок шотландских королей, решительно выступил против старой, родовитой русской аристократии.

Первая всероссийская Императрица уже в самом начале своего царствования щедро одарила всех тех, кто помог ей взойти на престол покойного мужа. 30 августа 1725 года генерал-фельдцейхмейстер, сенатор и граф Яков Вилимович Брюс был удостоен второй высшей орденской награды Российской империи — ордена Святого Александра Невского, учреждение которого было задумано еще Петром Великим.

Правление Императрицы Екатерины I не было продолжительным. Да и она, «походная жена» действительно великого Государя, оказалась не в состоянии управлять не только огромной державой, но и собственным двором. За нее правили другие, и прежде всего светлейший князь Александр Данилович Меншиков.

При дворе не прекращалась тайная и явная борьба за власть у трона Императрицы. У Якова Брюса появилось много недоброжелателей. Екатерининские вельможи не «привечали» самостоятельного и настойчивого генерал-фельдцейхмейстера, который в иерархической лестнице того времени занимал действительно высокое место и который мог оказать личное воздействие на решение важнейших государственных вопросов.

Сенатор Я.В. Брюс не сумел заметить, что с началом правления новой Государыни он стал терять прежний свой авторитет при дворе. Или, иначе говоря, он уже не вписывался в тот узкий круг вельмож, которые теснились у трона Императрицы. Ему уже не находилось места в «строе государственного управления».

При учреждении 8 февраля 1726 года Верховного тайного совета, образованного из шести заслуженнейших сподвижников Петра Великого, генерал-фельдцейхмейстер Яков Брюс оказался не включенным в состав «верховников». Для самолюбивого петровского вельможи это оказалось сильнейшим ударом. По своим заслугам перед государством Российским он с полным на то правом мог рассчитывать на вхождение в состав нового высшего правительственного органа.

Вторым ударом по самолюбию Якова Вилимовича Брюса стала поданная Императрице Екатерине I «Записка о состоянии России». Ее автором стал генерал-прокурор Павел Иванович Ягужинский, человек прямой и открытый в своих крайних суждениях. Следует заметить, что доброжелательностью к Брюсу он не отличался.

В своей «Записке» Ягужинский указывал в статье о генерал-фельдцейхмейстере, что «немалый аппартамент в государстве артиллерия, и генерал-фельдцейхмейстер уже весьма ослабел». В этом была известная доля правды — годы давали о себе знать, и Якову Брюсу все сложнее было успешно справляться с возложенными на него служебными обязанностями. Суждение о нем генерал-прокурора отличалось достаточной резкостью, чтобы этого было не заметить.

«Записка о состоянии России» Ягужинского наделала много шума не только при дворе, но и в самой столице, в высшем армейском командовании. Обер-прокурор прозорливо предрекал о том, что наследники Петра Великого теряют мощь петровской державы. Но это мало интересовало екатерининских вельмож — они жили личными интересами, а не государственными тяготами, как было в России при Петре I.

Узнав о содержании «Записки», самолюбивый граф Яков Брюс вспылил. Он немедленно подал в отставку, наивно надеясь, что Императрица Екатерина I и Верховный тайный совет во главе со светлейшим князем А.Д. Меншиковым ее не примут. Однако здесь заслуженный генерал-фельдцейхмейстер и сенатор жестоко просчитался.

4 июня 1726 года Яков Вилимович Брюс Высочайшим указом был отправлен в почетную отставку. Его уволили с военной службы с производством в чин генерал-фельдмаршала. Это было признанием его больших личных заслуг перед русской армией и перед российским Отечеством в ходе Северной войны.

Донельзя оскорбленный принятой отставкой граф Я.В. Брюс через несколько дней оставил Санкт-Петербург, чтобы больше никогда не появляться в столице. Он поселился в одном из своих поместий, в деревне Глинки Богородского уезда, в 42 верстах от места своего рождения — Москвы.

В Глинках отставной генерал-фельдмаршал жил в полном уединении, не завязывая знакомств с соседями-помещиками, редко принимая гостей. Он полностью предался любимому своему занятию — астрономии. Многие приборы для этого занятия были приобретены еще во время Великого посольства, при посещении Англии. Некоторые астрономические приборы были изготовлены им самим или по его чертежам. Известно, что Петр I благосклонно относился к увлечению астрономией своего сподвижника.

Яков Брюс изредка наезжал в близкую Москву для проверки своих астрономических исчислений. Москвичи узнавали о его прибытии по свету, мерцавшему в длинные зимние ночи из окон самого верхнего покоя Сухаревской башни. Там тогда находилось помещение астрономической обсерватории и стояли большие и малые «зрительные трубы», нацеленные на звездное небо.

Московские жители довольно доброжелательно относились к увлекшемуся астрономией богатому престарелому вельможе. В своей жизни Яков Вилимович Брюс старался людям зла не делать, особенно простолюдинам. Однако в народе графа величали и колдуном, и алхимиком, и астрологом. Однако все эти версии не выдерживали никакой критики, поскольку под собой ничего не имели. Разве что упоминался знаменитый «Брюсовский календарь».

Среди прочих увлечений Яков Брюс занимался составлением своей родословной. Вернее, по его просьбе и не безвозмездно это сделал обер-герольдмейстер Шотландии Александр Арескин. Яков

Вилимович только собственноручно завизировал этот уникальный исторический документ.

Родословная Я.В. Брюса называется так: «Родословие Сиятельнейшия и древныя Фамилии де Клакманан и ея гербов прозваниа Брюссы, которой род от Единого племяни с древними Шкодскими королями происходит». Подпись под ней гласит:

«Аз Александер Арескин Барон де Камбо, кавалер и Баронет и у шкотов Лев король гербов. Печать моего чина к сему свидетельству привести подщахся, с приложением руки моея собственныя.

Дан в Единбурге месяца маия 19 дня,
лета от рождества Христова 1720

Александр Арескин Лев Король Гербов
Генерал фельтцейхмеистер Яков Брюс».

...Яков Вилимович Брюс умер 19 апреля 1735 года на шестьдесят пятом году деятельной и полезной для государства Российского жизни. Он был погребен по православному христианскому обычаю в своем имении Глинки Московской губернии.

Наследников он не имел. Графский титул и все немалое состояние Я.В. Брюса перешло к родному племяннику Александру Романовичу Брюсу.

БРЮСЫ В ИСТОРИИ РОССИИ

В «Военной энциклопедии» издателя И.Д. Сытина Яков Вилимович Брюс характеризуется тепло и кратко. Или, говоря иначе, по истинным заслугам перед петровской Россией:

«Граф Брюс принадлежит к замечательным деятелям не только России, но и Европы. Астроном и математик, ботаник и минералог, артиллерист и инженер, Брюс бесспорно был просвещеннейшим из сподвижников Петра».

С такой достаточно емкой и доброжелательной характеристикой действительно великого военного и государственного деятеля Петровской эпохи трудно не согласиться...

В российской истории Яков Вилимович был не единственным представителем королевской фамилии шотландских Брюсов. Известным деятелем времен царствования Петра I был и его старший брат Роман Вилимович Брюс. Он тоже начинал государеву

службу в рядах петровских «потешных» и сумел получить хорошее для своего времени домашнее образование.

Военная карьера для Романа Брюса складывалась довольно успешно. В 1695 году он был пожалован в капитаны Преображенского полка и стал ротным командиром. Со своей ротой он принял участие в Азовских походах 1695-го и 1696 годов, не раз отличался с преображенцами в боях с крымской конницей и в действиях против осажденного турецкого гарнизона.

Царь Петр I хорошо знал лично капитана-преображенца и потому не случайно включил его в состав Великого посольства России в Европу. Сопровождая Государя в заграничной поездке, молодой офицер по примеру своего младшего брата Якова не уставал пополнять свои научные познания.

В 1700 году Роман Брюс был уже в звании полковника и командиром полка, носившего его имя. От этого прославленного в войне со шведами полка вел свою родословную 12-й гренадерский Астраханский полк — один из старейших в старой русской армии.

Во главе пехотного полка полковник Р.В. Брюс участвовал в боевых действиях против шведских войск в Ингерманландии: в 1700 году — под Нарвой, в 1702 году — при взятии Шлиссельбурга, в следующем году — при взятии Ниеншанца. В последних делах он продемонстрировал «примерную» распорядительность и старательность, чем еще раз обратил на себя внимание Государя.

Роман Брюс был одним из тех лиц, кто участвовал в закладке будущего города на Неве. 19 мая 1704 года он был назначен обер-комендантом Санкт-Петербурга. Облеченный полным доверием Царя Петра I, полковник Роман Брюс деятельно принялся за устроение новой российской столицы. Многое из того, что было в ней построено в 1704—1720 годах, производилось под его непосредственным надзором.

На обер-коменданта Санкт-Петербурга возлагались не только обязанности надзора за ведением строительных работ, но и защита нового российского города от «диверсий» неприятеля, поскольку граница со Швецией и Балтика были совсем рядом. В 1704-м и 1705 годах русские войска под командованием полковника Романа Брюса трижды отражают попытки шведов генерала Мейделя захватить и срыть строящийся город. За это обер-комендант получил от самодержца чин генерал-майора.

У новоиспеченного генерала была прекрасная возможность стать военачальником русской армии и начать свой путь на бо-

евом поприще с громкой победы. В октябре 1706 года ему поручается командование 20-тысячным корпусом, который во главе с самим Царем Петром I осаждал шведскую крепость Выборг. Однако отсутствие осадной артиллерии, действия неприятеля с моря, бездорожье и большие трудности с доставкой в осадный лагерь воинских припасов делали осаду Выборга в тот год бесперспективной.

Убывая из-под осажденной крепости, Царь приказал командиру корпуса скрытно снять осаду Выборга и возвратиться в Санкт-Петербург. Генерал-майор Р.В. Брюс, несмотря на неблагоприятные обстоятельства, отвел назад войска искусно и, что самое главное, без потерь в людях и пушках.

В том же 1706 году Роман Брюс для усиления Петропавловской крепости со стороны Финляндии руководил постройкой кронверка. Его возведение свидетельствовало о том, что обер-комендант Санкт-Петербурга обладал немалыми познаниями в фортификационной науке и инженерном деле.

В 1708 году Роман Вилимович Брюс, в силу своей должности, стал одним из ближайших помощников генерал-адмирала Ф.М. Апраксина, назначенного быть во главе русских войск, действовавших против 12-тысячного неприятельского корпуса генерала Либекера. В тот год шведы вновь вознамерились разорить строящийся на берегах Невы российский город и попытаться вернуть себе Ингерманландию.

Действия шведского корпуса генерала Либекера закончились полной неудачей. Неприятель был отрезан от дороги на Выборг, и ему пришлось бежать с невских берегов на судах. Царь Петр I, только что одержавший над шведами убедительную победу при Лесной, повелел выбить в честь отбытия королевских войск от подступов к Санкт-Петербургу специальную медаль. Надпись на ней гласила: «Храня сие не спит; лучше смерть, а не неверность».

Генерал-майору Роману Брюсу все же удалось отличиться при взятии Выборгской крепости. Произошло это в 1710 году. Победа в ходе Северной войны была знатная — с потерей шведами города Выборга русским войскам открывался прямой путь в Финляндию. Военно-морские силы Швеции теряли главную свою базу в восточной части Финского залива. За участие в «виктории» Государь наградил Р.В. Брюса поместьями, сделав его российским помещиком.

В том же году войска под командованием генерала Романа Брюса берут неприятельскую крепость Кексгольм на берегу Ла-

дожского озера. За эту победу начальник военной экспедиции удостаивается очередного воинского звания генерал-лейтенанта.

Последующие девять лет Роман Вилимович Брюс целиком отдается главному делу своей жизни — устройству Санкт-Петербурга: занимается строительством различных административных зданий, прокладкой дорог, возведением первых набережных, обустройством городского хозяйства. В эти годы обер-комендант находился на виду у Государя, который не раз изъявлял ему свое монаршее благоволение.

В 1719 году генерал-лейтенант Роман Брюс назначается членом Военной коллегии с оставлением в прежней должности. В следующем году он умер и был с воинскими почестями похоронен внутри Петропавловской крепости.

В отличие от младшего брата — Якова, Роман Вилимович Брюс оставил после себя потомков, которые, однако, больших высот в Российской империи не достигли. Исключением был лишь его внук граф Яков Александрович Брюс, дослужившийся до чина генерал-аншефа и участвовавший в Семилетней, первой екатерининской турецкой и одной русско-шведской войнах. Свою государеву службу он закончил в 1791 году на посту генерал-губернатора столичной Санкт-Петербургской губернии.

...В отечественной истории шотландцы Брюсы стали единственной европейской королевской ветвью, которая глубоко пустила свои корни в России. И прославили они себя не придворными почестями «по роду», а воинской и государственной службой.

ГЕРОЙ ПРЕДТЕЧИ ПОЛТАВСКОЙ БАТАЛИИ

Бригадир Алексей Степанович Келин

ЗАЧЕМ КОРОЛЮ КАРЛУ XII И ГЕТМАНУ МАЗЕПЕ НУЖНА БЫЛА ПОЛТАВА

Карл XII, в застегнутом на все пуговицы синем кафтане, сидя на барабане посреди походной палатки, угрюмо смотрел немигающим оком на свои голые ноги. Его ботфорты, забрызганные по самые раструбы черноземной грязью, торопливо чистил за входом денщик. За спиной шведского короля, стоя в полупоклоне, осторожно дышал переводчик.

В двух-трех шагах от ссутулившегося Карла XII стоял гетман Иван Степанович Мазепа. В богатом из голубого сукна кафтане, подпоясанный цветастым кушаком, за который была заткнута гетманская булава, в красных сафьяновых сапожках на высоких каблуках, он казался залетной южной птицей среди скудного убранства военной палатки: ее хозяин в походной жизни старался ничем не отличаться от своих солдат.

Мазепа терпеливо ожидал продолжения разговора. Но король Швеции молчал. Думал же он вот о чем. Его любимец, генерал Адам Людвиг Левенгаупт, на 16-тысячный корпус которого было столько надежд, разбит русскими под какой-то деревней Лесной. Все пушки и самое главное — около семи тысяч повозок с боеприпасами и продовольствием достались победителям. Идут бесконечные стычки с петровскими войсками. А украинские мужики, в верности которых ему клялся Мазепа, дружно взялись за вилы. Нападают не только на фуражиров, но и на целые отряды шведов. Таким образом, задуманный им, Карлом XII, поход на Москву, который должен был потрясти всю Европу, превращался в призрачную мечту.

Мысли же Мазепы были еще более безрадостными. Украинское казачество, не говоря уже о простом люде, отказало ему в доверии. Украина осталась верной союзу с Россией. К шведскому королю он смог привезти вместо обещанного войска лишь с две тысячи сердюков, личной пешей гвардии, и часть казацкой старшины. Да и те разбегаются, не желая сражаться против своих, православных.

К тому же светлейший князь Александр Данилович Меншиков со своими драгунами отвоевал гетманскую ставку — крепость Батурин. Там Мазепа собрал для шведской армии огромные запасы продовольствия и огневых припасов...

Наконец гетман решил нарушить молчание:

— Надо идти зимовать на юг, ваше величество. К Полтаве.

Карл XII поднял голову:

— А что даст моей армии Полтава?

Мазепа, подумав, ответил осторожно:

— Царь Петр приказал тамошнему коменданту свезти с округи продовольствие и пушечные припасы. Еще в январе. А от Полтавы до Сечи рукой подать. Мой верный кошевой атаман Гордиенко головой ручается за своих запорожцев. За Сечью — Крым, хан его тебе союзником в войне с Россией может стать. — Уловив заинтересованность во взгляде короля, гетман добавил: — Крепость полтавская земляная. Валы с тыном да ров. Для шведских храбрецов и моих сердюков то не помеха.

Король Карл, согласно кивнув, заметил:

— А будет ли в твоей Полтаве, друг мой гетман, второй Фермор?

Намек был ясен. Комендант небольшой крепости Веприк, что к северу от Полтавы, Фермор, шотландец на русской службе, на условиях сохранения неприкосновенности своей особы, личного имущества, сдал шведам еще способный сражаться гарнизон.

— Нет, ваше величество, — покачал головой гетман. — Комендантом в Полтаве русский полковник Алексей Келин. Царь Петр за его дела к нему расположен...

КОМЕНДАНТ ГАРНИЗОНА ПОЛТАВСКОЙ КРЕПОСТИ

Отказавшись от дальнейшего похода на Москву, шведская армия круто повернула на Юг и походным маршем двинулась на Полтаву. В начале мая 1709 года она сосредоточилась вокруг города-крепости на расстоянии двух миль и блокировала ее.

Полтава была нужна королю Швеции для получения более спокойного района расквартирования своей армии и улучшения снабжения ее за счет имевшегося, как утверждал Мазепа, большого количества продовольствия и военного снаряжения. Взятие города давало Карлу XII обладание линией реки Ворксы, ведшей к переправе через Днепр. Тем самым, с одной стороны, облегчалась возможность соединения шведов с войском польского короля Станислава Лещинского, усиленным шведским корпусом генерал-майора Крассау. А с другой — обеспечение коммуникаций с запорожцами Гордиенко и крымскими татарами, за спиной которых зримо стояла Оттоманская империя. Кроме того, овладение крепостью на Ворскле открывало удобный путь к Харькову и Белгороду и дальше в глубь России, к Москве.

Все это хорошо понимали король Карл XII с гетманом Мазепой. Как прекрасно понимал и Царь Петр I со своими военачальниками. Полтавскую крепость шведам еще предстояло взять. А русским — отстоять.

Крепость, видимо, не произвела на короля-полководца сильного впечатления. Вокруг Полтавы не было мощных каменных стен. Это обстоятельство, скорее всего, и породило у Карла XII веру в возможность легкой победы. Ведь в Польше и Саксонии он брал крепости, окруженные высокими и широкими стенами, глубокими рвами.

Королевские приближенные — генерал-фельдмаршал барон К.-Г. Рейншильд, канцлер Швеции граф Карл Пипер, генерал-квартирмейстер А. Гилленкрок более реально представляли мужество и стойкость воинов петровской армии. Они не верили в возможность взятия Полтавы (по крайней мере — с хода) и пытались отговорить своего короля от этой затеи. Но тщетно. Когда граф Пипер решился высказать сомнения относительно перспектив взятия укрепленного города, Карл XII гордо ответил:

— Если даже Господь Бог пошлет с неба своего ангела с повелением отступить от Полтавы, то все равно я останусь здесь.

...Петр I предвидел (это можно утверждать смело) возможность появления королевского войска перед Полтавой. Потому принял решение укрепить ее гарнизон и дать крепости надежного коменданта: храброго, толкового, волевого, способного драться с врагом до конца. Выбор Царя пал на полковника Алексея Степановича Келина, которого он хорошо знал лично.

Отечественные архивы не сохранили до нас каких-либо сведений о его происхождении, дате рождения и смерти. Извест-

но, что Келин, или Келен, был «из немцев», перешедших на русскую военную службу. Полковничье звание получил в 1702 году. Участвовал во многих сражениях Северной войны — отличился при взятии крепостей Нотебург, Ниеншанц, Дерпт и Нарва. Солдаты любили отважного офицера, военачальники ценили его способности.

В 1708 году Алексей Келин назначается командиром Тверского пехотного полка, одного из лучших в русской регулярной армии. Полк одно время носил имя своего командира. В декабре того же года он отправляется в Ахтырку, где его и застал царский указ.

Назначенный комендантом Полтавской крепости, полковник Келин не медлил. Он принадлежал к числу тех людей, для которых верность воинскому долгу превыше всего. Указ Петра I давал ему большие права, но и требовал в случае шведской осады отстоять Полтаву.

17 января 1709 года новый комендант ускоренным маршем прибыл в Полтаву с пятью батальонами пехоты и немедленно начал приготовление крепости к обороне. В конце месяца Келин уже знал точно, куда направляется королевская армия: о том пришло известие из главной штаб-квартиры петровской армии.

Всего в крепостном гарнизоне набиралось 4182 солдата и офицера и 91 пушкарь. Кроме того, насчитывалось 2600 казаков местного казачьего полка и вооруженных горожан, горевших желанием защитить родной город от шведов и изменников-мазепинцев.

С прибытием отряда Келина из крепости был выведен Ингерманландский драгунский полк под начальством бригадира князя А.Г. Волконского. Он составлял прежний крепостной гарнизон. Драгуны — конные солдаты требовались Петру I для действий в открытом поле.

Артиллерию в Полтаву собирали по царскому указу с ближних и дальних мест. Келин проявил здесь расторопность и настойчивость. В крепости к его приходу имелось всего 10 пушек. Через несколько дней к ним было добавлено еще семь. Кроме того, светлейший князь А.Д. Меншиков отдает личное распоряжение полтавскому сотнику (городскому голове) Ивану Левенцу свезти в город из других мест необходимые военные припасы. В феврале число годных пушек доводится до 19, а к началу осады — до 28 единиц.

Сохранилась составленная по приказу полковника Келина ведомость о наличии в Полтавской крепости в апреле месяце пушек и различных артиллерийских припасов:

«Ведомость артиллерии, что в Полтавской крепости обретается:

Пушек:

Фунтовых — 3
Полуторафунтовых — 3
Двухфунтовых без чети — 1
Двухфунтовых — 6
Трехфунтовых — 2
Да бес калиберов — 7
Чюгунных
Полуторафунтовых — 1
Полутретьяфунтовых — 3
Трехфунтовыя — 1
Да бес калибру — 1
Итого чюгунных — 6
Всего медных и чюгунных 28 пушек.

Припасов:

Пороху пушечного 24 пуда, да 16 мешков без весу
Пороху мушкетного — 21 пуд 5 фунтов
Ядр — 620
Дроби железной, мешков без весу 10 да пуд 20 фунтов
Картечь — 100
Фитилю — 10 пуд 15 фунтов
Свинцу — 41 пуд 15 фунтов
Серы — 20 пуд
Селитры — 90 пудов».

Из ведомости видно, что боеприпасов в крепости имелось недостаточно, особенно мало оказалось пороха, как и продовольствия в гарнизонном магазине и в амбарах горожан. Впрочем, никто и не предполагал, что тяжелейшая осада затянется на несколько месяцев.

Комендант Келин энергично с первых дней принялся за усовершенствование крепостных сооружений. Не покладая рук работали и солдаты, и казаки, и горожане — млад и стар. Алексей Степанович не уставал повторять:

— Сегодня натрудим руки до крови, завтра шведы да изменники польют своей кровью сии валы да рвы...

К описываемым событиям в городе насчитывалось четыре тысячи жителей. Он являлся центром торговли между югом и севером

днепровского левобережья. Здесь насчитывалось около 900 строений сельского типа, Спасская церковь, казармы и служебные помещения Полтавского казачьего полка, чьи сотни располагались как в городе, так и в находившихся рядом крупных селах.

Городские земляные укрепления были еще старой постройки. Они состояли из высокого земляного вала с деревянной «одеждой» и палисадом. Впереди вала шел ров. (Его, как и вал, основательно подновили.) Неправильное очертание вала, образуемое выступами и бастионами, позволяло вести фланговую оборону. К началу осады крепость была подготовлена к защите.

Когда прискакавшие к Полтаве местные казаки-разведчики сообщили о приближении авангарда шведской армии, полковник Келин собрал в комендантской избе офицеров гарнизона. Отсутствовали лишь те командиры, которые несли дежурство на бастионах и у ворот. Комендант зачитал офицерам царский указ. Государь требовал одного: оборонять город-крепость до последнего во славу оружия Российского государства:

«Указ господину коменданту Келину и протчим офицерам.

Надлежит вам как во укреплении города, також и в провиант трудитца по крайней мере и чтоб провианту было конечно на четыре месяца. Того же смотреть и в амуниции (а что больше, то лутче). Також, ежели непъриятель будет ваш город атаковать, то, с помощию божиею, боронитца до последнего человека и ни на какой акорь или договор с непъриятелем никогда не въступать под смертною казнию. Також, ежели коменданта убьют, то надлежит первому офицеру комендантом быть и так наследовать и протчим (сколко побитых не будет) одному за другим, чтоб дело тем не остановить. И сей приказ объявить всем офицерам, чтоб ведали, и написаф копию с сего указу и под оным как тебе коменданту, так и протчим всем офицерам надлежит подписатца, что оне сей указ слышали, и з сим рапортом немедленно сюды прислать».

Закончив читать указ Царя Петра I Алексеевича, полковник Келин старательно вывел под ним:

«Полковник Келен сей великого государя указ слышал и подписал своею рукою».

После этого комендант Полтавской крепости обратился к собравшимся гарнизонным офицерам:

— А теперь прошу господ офицеров гарнизона поставить собственноручные подписи под сим царским указом. Так нам велено сделать, чтоб сердца наши и дух наш имели твердость перед шве-

дом. А за тех, кого по службе нет среди нас, пусть подпишутся их батальонные товарищи.

Офицеры, все как один в зеленых пехотных мундирах, со шпагами у пояса, подходили по чину к столу и подписывались под царским указом. Копия этого документа, сохранившаяся до наших дней в бумагах «Кабинета Петра Великого», донесла до современников имена участников почти трехмесячной героической защиты осажденной Полтавы:

«Полковник фон Менден сей великого государя указ слышал и подписал своею рукою. Подполковник Кунингам сей великого государя указ слышал и подписал своею рукою. Подполковник Озеров сей великого государя указ слышал и подписал своею рукою. Подполковник Гаврила Репьев государя указ слышал и подписал своею рукою. Маеор Крафорт. Маеор Волынский. Маеор Лудевиль. Маеор Федор Кровков. Капитан Василей Шиманский. Капитан Василей Мишатин. Капитан Андрей Зубатов. Капитан Петр Тяпкин. Капитан Насакин. Капитан Кирчевский. Порутчик Греченинов. Порутчик Жемчюжников вместо порутчика Савелья Волошенина. Порутчик Пустобояров. Порутчик Жемчюжников. Порутчик Баскаков вместо порутчика Афанасья Лихачева. Порутчик Иван Василевский. Порутчик Петр Пересветов. Порутчик Растригин. Порутчик Петр Озеров. Порутчик Михайла Вячеслав. Порутчик Яков Пересветов. Порутчик Андрей Урбановский. Порутчик Макаров. Порутчик Яков Караманов и вместо порутчика Ивана Ключарева. Сей великого государя указ подпорутчик Елисей Житов слышал и вместо подпорутчика Ивана Лихачева подписал своею рукою. Подпорутчик Иван Головцын. Подпорутчик Андрей Якушев. Подпорутчик Андрей Озеров и вместо него подписал Андрей Якушев. Прапорщик Михайло Тяпкин. Прапорщики: Алексей и Василий Озеровы, Иван Левин, Федор Бекетов и вместо их подписал прапорщик Михайла Тяпкин. Прапорщик Михайла Тяпкин вместо Ивана Левина. Прапорщик Яков Леонтьев. Прапорщик Иван Тургенев. Прапорщик Семен Коптяжин. Подпорутчик Иван Якушкин. Прапорщик Александр Тотынкин. Прапорщики: Кузьма Нечаев, Анисим Космыкин, подписал Кузьма Нечаев. Капитан Козьма Маслов. Прапорщик Григорей Кочюков и вместо прапорщика Бориса Челюскина. Прапорщик Борис Алылыкин и вместо прапорщика Тимофея Минина. Прапорщик Ларион Кровков. Прапорщик Федор Мануйлов и вместо прапорщика Акинфея Черникова. Пра-

порщик Мозолевский и вместо прапорщика Ивана Цурикова. Отъютант Алексей Петров».

По указанию полковника Алексея Келина комендантский писарь снял копию с подписанного офицерами гарнизона царского указа. С конным казаком ее отправили к генералу светлейшему князю А.Д. Меншикову, а тот переслал полученный документ Государю.

ОСАДА И ШТУРМЫ ГОРОДА-КРЕПОСТИ

Полтавский гарнизон был приведен в полную боевую готовность. Келин ожидал, что шведы сразу пойдут на приступ, но те не торопились с ним. Карл XII часть своих войск расположил в укрепленном осадном лагере, остальные — в прилегающих к городу селениях. К северу от Полтавы (на случай подхода главных сил русской армии) в Будищах был выставлен специальный обсервационный (наблюдательный) отряд под командованием генерала Росса в составе двух драгунских и двух пехотных полков. Король с гетманом Мазепой считали, что обложили земляную крепость крепко и что ее защитники должны убояться одного вида многочисленной шведской армии.

Карл XII быстро понял, что хоть и схожи две крепости — Полтава и Веприк, но коменданты в них разные. 1 апреля шведы предприняли первые боевые действия. Отряд королевской кавалерии попытался с налета ворваться в крепость или хотя бы взять «языков». Увы, ни того ни другого добиться не удалось.

На следующий день шведы опять пошли на приступ. Но двадцать восемь разнокалиберных орудий защитников города Полтавы быстро охладили их наступательный пыл.

3 апреля начался ожесточенный штурм крепости. Батареи крепостных бастионов открыли губительный огонь. Атакующие откатились назад. Однако король Карл XII был из числа упорных полководцев — он решил беспрерывно штурмовать Полтаву до победного конца. Неудачи первых трех дней воинственный монарх «свеев» воспринял как досадную случайность — слишком неравны были силы сторон.

4 апреля полковник Келин подготовил противнику неприятный сюрприз. Не успели шведские батальоны под барабанный бой подойти к крепости на расстояние мушкетного выстрела,

как городские ворота распахнулись и навстречу нападавшим устремились два отряда по 700 воинов в каждом. Русские пехотинцы ударили в штыки. Потеряв в ожесточенном рукопашном бою сотню человек, шведы отошли в осадный лагерь.

5 апреля Карл XII решил лично разобраться, в чем причина неудач его храбрецов. В присутствии любимого короля шведская пехота решительно бросилась на приступ юго-восточной части крепости. Защитники Полтавы сохраняли спокойствие. Лишь подпустив вражеские отряды поближе, они дали залп из пушек и ружей и тотчас ударили в штыки. Оставив перед валами крепости 400 человек, нападавшие откатились назад. Оборонявшиеся при этом потеряли намного меньше людей. Комендант Алексей Келин умел воевать и в открытом поле, и на крепостных бастионах.

В первой половине апреля шведы еще не раз пытались ворваться в укрепленный город. Но каждый раз тщетно. Тогда король Карл XII стал готовить свою армию к ведению «правильной» осады. Руководство осадными работами поручается генерал-квартирмейстеру А. Гилленкроку, ставшему впоследствии известным историком, но не любившему писать о Полтаве.

Шведы торопились. Они сумели подвести под земляные крепостные стены апроши (траншеи). 29 апреля королевские войска пошли на очередной приступ. Штурмующим впервые удалось взобраться на вал, где закипела рукопашная схватка. Но полковник Келин удачно контратаковал возликовавших было шведов и сбросил их в ров.

Петр I, назначая комендантом Полтавской крепости командира Тверского пехотного полка, не ошибся в выборе. Комендант Алексей Келин даже в самые трудные дни почти трехмесячной осады оставался верен правилу: оборона только тогда устойчива, когда она активна. Верным оружием в обороне он считал дерзкие, неожиданные для осаждавшего врага вылазки.

Вылазок же полтавского гарнизона было проведено более тридцати! Только за апрель и май, как гласит Дневник военных действий, осажденные провели 21 смелую вылазку. Они стоили шведам 2488 человек убитыми и 44 человека пленными.

Полковник А.С. Келин бросал на вылазки то отряд в несколько сот пехотных солдат и полтавских казаков, то небольшую, хорошо вооруженную группу смельчаков охотников. Осажденные внезапным ударом опрокидывали вражеские сторожевые пикеты, врывались со штыками наперевес в неприятельские траншеи, бра-

ли «языков» и уносили шанцевый инструмент. Пушки крепостных бастионов метким огнем прикрывали отход своих, нанося большой урон в людях преследователям.

Особенно запомнилась шведам (да и не только им) вылазка русских в ночь на 1 мая. Комендант крепости направил за ворота сильный отряд, который со всей решительностью атаковал застигнутого врасплох врага. Но шведы, тоже опытные воины, в ночи мало-помалу опомнились, и на их позициях завязался упорный бой, продолжавшийся до самого рассвета. Тот ночной бой обошелся шведам потерями в полтысячи человек.

Король был вне себя от ярости. Русский полковник не давал спокойно спать ни ему, ни его генералам. Карл XII приказал ускорить осадные работы. 3 мая батареи русских с большой меткостью обстреляли работающих шведов. А затем осажденные совершили очередную вылазку, выбив неприятеля из его апрошей.

Царя Петра I еще не было во главе русской полевой армии. Ею командовал генерал А.Д. Меншиков, который понимал: осажденной Полтаве надо помочь, хотя еще далеко не все полки подошли к месту главных событий. Светлейший князь созывает военный совет, который решает «сильную какую подвесть под неприятелем диверсию и оной крепости отдых учинить».

В ночь на 7 мая последовал успешный удар по обсервационному отряду генерала Росса. Своими действиями Меншиков добился важного результата — большая часть правого берега Ворсклы теперь находилась в руках русских. Но освободить Полтаву от блокады не удалось. Осажденные не получили облегчения. Командованию петровской армии надо было предпринимать что-то новое.

Через местных жителей полковник Келин постоянно сносился с Александром Даниловичем Меншиковым. Отважные разведчики из числа горожан-полтавчан с донесениями коменданта разными путями пробирались из крепости и в крепость через вражеские позиции.

Меншиков доносил Царю: «Мы постоянно чиним здесь неприятелю диверсии». Светлейший князь просил Петра I побыстрее прибыть под Полтаву, так как ясно видел, что именно здесь должна произойти решающая баталия двух армий. Государь, зная из донесений Алексея Келина о тяжелом положении крепостного гарнизона, распорядился изыскать возможность для его усиления.

Генерал А.Д. Меншиков, заранее предупредив полковника Келина, немедля провел удачную операцию. В ночь на 15 мая рус-

ские войска были подтянуты к самому берегу Ворсклы. В два часа ночи на одной из приречных позиций русских загремели пушечные залпы. Шведы стали ожидать отсюда ночной атаки противника. Но их ожидание затянулось.

В это время в неожиданном для неприятеля месте пехотная бригада под командованием полковника Алексея Головина в 1200 штыков силой поротно в полном молчании легко оказалась на противоположном речном берегу, перейдя Ворсклу по мосту. Русские солдаты и офицеры были переодеты в трофейное шведское обмундирование. Бригаду сопровождали местные жители — они взяли на себя труды провести ее по болотам к воротам крепости. Но миновать окопы врага в ночи не удалось.

Поначалу шведы приняли спокойно идущие роты за своих. И лишь когда русские вплотную подошли к осадным траншеям, прозвучал окрик часового: «Кто идет?»

В ответ идущий впереди полковник Головин уверенно ответил по-немецки (немцев-наемников в королевской армии было немало), что ведет команду в апроши для проведения осадных работ. Поначалу ему поверили, но вскоре неприятель понял свою ошибку. Время, однако, было им упущено. Русские воины с криком «ура!» ударили в штыки. И успешно прорвались в Полтаву, оставив на поле боя около 200 убитыми и ранеными неприятельских солдат и офицеров.

Комендант Алексей Келин, встретив подкрепление у городских ворот, был несказанно рад. Солдаты Головина отличались хорошей выучкой и не раз участвовали в боях. К тому же каждый принес в крепость по мешку пороха, который у осажденных подходил к концу.

Когда шведский король узнал о смелом ночном прорыве более тысячи русских в осажденную Полтаву, то он в присутствии своих генералов сказал:

— Вижу, что мы научили московитов военному искусству...

Здесь полководец Карл XII явно преувеличивал. Не он и его сильнейшая в те годы в Европе армия закалили молодую регулярную армию России, впитавшую в себя боевые традиции русского воинства. Ее с каждым годом закаляла и обучала сама Северная война.

Шведы продолжали настойчиво штурмовать крепость. Гарнизон стойко и успешно отбивал все приступы. К середине мая потери осажденных достигли уже около двух тысяч человек. Ряды

их заметно опустошались. Тем не менее комендант Алексей Келин продолжал устраивать смелые вылазки, держа шведов в постоянном напряжении, изматывая их.

Активность обороняющихся вводила неприятельское командование в заблуждение относительно их истинной численности. У шведов создавалось впечатление, что в крепости имеется значительно больше войск, чем сообщил гетман Иван Мазепа королю.

Через местных жителей полтавский комендант наладил довольно надежную связь с главными силами русской армии. Вылазки осажденных стали получать ощутимую поддержку извне. 17 мая была вновь произведена вылазка крупными силами — пехотинцами Тверского полка и полтавскими казаками. Их поддержали огнем крепостные батареи. Шведам был нанесен большой урон и взяты немалые трофеи. Удачу в бою с осаждавшими разделили гренадеры из войск генерала Меншикова, которые в том бою наносили по неприятелю отвлекающий удар.

Полтавский комендант продолжал удивлять неприятеля. Чего только не придумывал он для того, чтобы помешать неприятелю вести инженерные осадные работы. Однажды собрав военный совет (на них полковник регулярно обсуждал с офицерами итоги минувших суток), Алексей Степанович показал чертеж какого-то механизма.

Так на бастионах Полтавы появилась «машина с крюком», наводившая ужас на шведских саперов и землекопов, пытавшихся заложить под стены крепости подземные мины из бочонков с порохом. Изобретение в инженерном отношении не отличалось сложностью: большой крюк с системой тросов наподобие лебедки и приспособление для захвата шанцевого инструмента.

Изготовленную «машину» сразу же опробовали. Снятый с предохранителя тяжелый крюк падал с высоты крепостного вала на работающих королевских саперов. Горе было тому, на кого он обрушивался. Острые зубья захватов цеплялись за обмундирование, и освободиться от них было очень сложно. Перепуганных шведов поднимали наверх. После пережитого потрясения они охотно делились военными секретами.

Поняв, что малыми силами крепость приступами не взять, король Карл XII приказал взорвать крепостной вал. Пройдя сапами (траншеями) через ров, шведы устроили подкоп, заложив под валом несколько бочек с порохом. Королевские отряды изготовились сразу же после взрыва пойти на штурм.

Но полтавский комендант Алексей Келин оказался предельно бдителен. Рассчитав место предполагаемой диверсии, он приказал ночью незаметно прорыть встречную траншею. В то время, когда осажденные вынимали из подкопа бочки с порохом, потушив предварительно зажженный фитиль, изготовившиеся к атаке шведы ожидали взрыва...

Осада шла своим чередом. Король торопился взять Полтавскую крепость. Шведы подводили подземные мины, шли на штурм вала, городских ворот и бастионов. Не раз они взбирались на вал к крепостному палисаду, вновь и вновь королевские трубачи, задрав голову к небу, играли сигнал общей атаки.

И всякий раз откуда ни возьмись на самом опасном участке приступа появлялся полковник Алексей Келин со шпагой в руках и увлекал за собой в рукопашный бой солдат, казаков, горожан-ополченцев. И штурмующих героическими усилиями сбрасывали в ров. Не помог шведам и удачный поджог королевскими артиллеристами палисада. Полтавчане смогли потушить начавшийся пожар.

В шведской армии началось роптание: «Русские дерутся как черти. Они как заговоренные. И в крепости их видимо-невидимо...»

Осаждавшие не знали, что за два месяца обороны русский гарнизон уменьшился более чем вдвое. В крепости набиралось много раненых и больных. Подходили к концу запасы продовольствия. Все меньше оставалось свинца и особенно пороха. Осажденных все чаще стали выручать верный штык да дерзость в бою плюс командирская мудрость коменданта гарнизона полковника Алексея Степановича Келина.

ЦАРСКИЕ «БОМБИЧЕСКИЕ ПИСЬМА»

Приближалась развязка полтавских событий. 4 июня Царь Петр I привел русскую армию к Полтаве, расположив ее в укрепленном походном лагере у Крутого Берега. Решив ободрить осажденных, Государь написал им письмо. В нем говорилось:

«К коменданту и всем осадным.

Похваляя их службу и известуя о благополучном своем прибытии к армии и что, с помощью божиею, он, великий государь, немедленно приложит старание освобождения города Полтавы, чтоб в том упование имели на бога; притом напоминал, чтоб осад-

ные о своих недостатках и в которых местах какие опасности письменно прислали».

Царское послание запечатали в полое пушечное ядро. И кудесник русской артиллерии, славившейся во все времена, генерал-поручик Яков Вилимович Брюс рассчитал траекторию полета сего необычного снаряда.

«Бомбическое письмо» дошло до осажденных. Комендант Алексей Келин зачитал его на военном совете. Затем царское письмо зачитали в церкви на городской площади, на крепостных бастионах. И каждый раз над крепостью прокатывалось дружное и звучное «ура!». Весть о прибытии под Полтаву Царя Петра I окрыляло ее защитников, давая им надежду на скорое снятие осады.

Русское командование понимало, что захват шведами Полтавской крепости может внести в ход Северной войны изменения не в пользу России. Петр I видел, что положение осажденного гарнизона небезнадежно и что Келин со своими воинами будет биться до конца. Что касается короля Швеции, то он в конце концов должен был или бросить все свои силы на штурм города-крепости, или решиться на генеральное сражение с русской армией. Иного выхода у него просто не было.

Требовалось ускорить события и разрядить обстановку под осажденной крепостью, ослабить натиск на нее шведов. Действительно, развитие событий ускорилось.

Прибытие Царя Петра I в действующую армию произвело на защитников Полтавы воодушевляющее воздействие. Комендант гарнизона использовал прибытие Государя на пользу осажденным. На «бомбическое письмо» он незамедлительно ответил своим посланием, в котором выражал признательность за монаршее внимание и... просил прислать 50 пудов пороху.

Царь приказал исполнить просьбу полковника Келина. «5-го в 10 часу, в город Полтаву начали бросать порох в бомбах. Неприятель, хотя и видел, что многое число в Полтаву бомбы бросают и, дознав, что в оных порох мечется, потому что ни одного взорвания не учинилось, но препятствия в том метании учинить не мог».

«Инициативная» просьба коменданта осажденного гарнизона послужила защитникам города долгую службу. Теперь снабжение Полтавы порохом, серой, лекарствами производилось с помощью бомб. Положение же в крепости с продовольствием ухудшалось с каждым днем.

Первый опыт «бомбического письма» имел свое продолжение. Теперь Царь регулярно сообщался с крепостным комендантом. В штаб-квартире русской армии знали о том, что провиант у защитников Полтавы на исходе. Было решено помочь им.

11 июля Царь Петр I пишет полковнику Келину новое собственноручное письмо, которое в полой бомбе удачно переправляется через реку Ворсклу в Полтаву. В том письме говорилось:

«Г[осподин] к[омендант].

Понеже мы померили реку перейтить для вашей выручки ж выше или ниже шанцев, и того ради объявляем вам, чтоб вы на тот час гораздо смотрели и когда у нас зачнетца бой с неприятелем, и тогда дайте знак в наши опроши из трех пушек и зажгите по сю сторону города немалые в трех местах огни, по которому знаку указ есть в наших опрошах обретающему командиру тотчас атаковать на оныя шанцы, где удобнее, в которую пору и вам натлежит з другой стороны на неприятелския опроши, сколко возможно, силно вытить и атаковать. И ежели, с помощию божиею, выбьете их из опрош, то тотчас две линии куманикации надлежит от города по обеим сторонам зделать как галареи, чтоб потом меж двух линий свободный проход из-за реки к вам был.

И сие объявление до настоящего времени гораздо держи тайно, дабы хто не перекинулся и не дал знать неприятелю».

На военном (или как его назвали — генеральном) совете русской армии было решено осуществить демонстрационные нападения на королевскую армию. Совет состоялся не позднее 11 июня, так как все распоряжения Петра I и его новое «бомбическое письмо» полковнику Алексею Келину были сделаны в этот июльский день.

В целом демонстрационные действия крупных сил русской армии оказались успешны. Их поддержали и защитники осажденной крепости. Но внезапно хлынувший дождь исключил наступление главных сил русской армии через болото в долине реки («трудились чрез болото, но не могли»), хотя отвлекающие действия других русских отрядов были довольно удачны.

Расчеты генерального совета петровского командования на то, что шведы после неудачных боев отойдут от Полтавы, не оправдались. И король Карл XII, и его ближайший советник по «московским» делам гетман Мазепа стояли на своем — русская крепость с ее «огромными запасами» продовольствия и боезарядов должна быть взята штурмом или капитулировать.

Шведы, их король и мазепинцы недоумевали, так как были глубоко убеждены, что изнуренные длительной осадой, беспрестанными штурмами и нечастыми бомбардировками защитники укрепленного города должны думать только о том, чтобы сохранить свои жизни. Но совсем иначе думали подчиненные коменданта Келина и горожане, хотя силы осажденных убывали с каждым днем.

Полковник Алексей Келин продолжал удивлять своей смелостью неприятеля. Тому казалось, что полтавский комендант действует порой вопреки всякой логике. Осажденные выстроили за крепостью на берегу реки два редута — прямо над шведскими позициями. А когда неприятель попытался помешать русским укрепиться в них, комендант лично повел отряд пехотных солдат в штыковую контратаку. Атакующие шведы оказались далеко отброшенными от редутов.

Возведенные в качестве передовой позиции редуты оказались наилучшим наблюдательным пунктом за шведской армией. Комендант гарнизона сам наблюдал и фиксировал все изменения в осадном лагере. Из редутов осажденные, выбрав момент поудобнее, делали дерзкие вылазки. Собранные разведывательные данные полковник Келин немедленно по воздуху доносил Царю.

19 июня в Полтаву прилетело от Государя очередное «бомбическое письмо». В нем Петр I давал коменданту и гарнизону право, в случае совершенно безвыходного положения крепости, оставить Полтаву, предварительно разрушив ее укрепления, сжечь город и вывести с собой его население.

Это письмо Келину свидетельствовало о том, что Царь действовал очень предусмотрительно. В секретном послании он указал, как действовать гарнизону в случае, если русской армии не удастся приблизиться к городу.

От «языков» комендант осажденного города знал, что в окружении шведского короля не было единого плана действий. Одни генералы предлагали снять безуспешную осаду, другие советовали монарху сначала напасть на полевой лагерь русской армии, разгромить ее в сражении, а затем покончить с Полтавой. Карл XII лично считал так: крепость надо брать в первую очередь, генеральным штурмом.

Он приказал начать его, когда получил сведения о переходе русских войск на правый берег Ворсклы. На такое решение шведского короля-полководца повлияло и сообщение о том, что крым-

ский хан со всей своей многотысячной конной армией стоит за Перекопом и только выжидает удобного момента, чтобы выступить против России. Взятие Полтавы могло подтолкнуть хана к началу большого опустошительного набега на украинские земли.

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ШТУРМ ПОЛТАВЫ 21-ГО И 22 ИЮНЯ 1709 ГОДА

Штурм Полтавы 21 июня явился самым серьезным испытанием для ее защитников. В тот же день, в его первой половине, Алексей Келин в шифрованном письме А.Д. Меншикову сообщил о наблюдавшейся из крепости тревоге в шведском лагере и перегруппировке неприятельских сил в связи с переходом русской армии 20 июня на правый берег реки Ворсклы.

С раннего утра 21 июня на глазах защитников Полтавы шведы выстроились в поле северо-западнее города. Их было во много раз больше, чем осажденных. Запорожцы и сердюки оставались охранять королевский обоз. Карл XII не решался посылать их в бой, опасаясь, что обманутые гетманом Мазепой казаки перейдут на сторону русских.

В тот день король Карл XII ожидал, что петровская армия выйдет из своего укрепленного лагеря для генерального сражения. Но этого не случилось: Царь Петр I собрал еще не все силы для решающей битвы. Тогда шведская армия отошла под стены крепости и стала готовиться к ее генеральному штурму.

С первыми признаками подготовки неприятельского приступа полковник Келин изготовил крепость к его отражению. Все защитники Полтавы, способные держать в руках оружие, вышли на городские валы.

Генеральный штурм Полтавы начался в два часа дня. По условному сигналу ожили вражеские траншеи. Пригнувшись, шведские пехотинцы бежали к крепостному валу со штурмовыми лестницами в руках. Русские не открывали огня до тех пор, пока атакующие не оказались прямо перед крепостными стенами — пороха и свинца оставалось совсем мало. И только тогда по приказу коменданта Алексея Келина последовали залпы из пушек и мушкетов.

С первых же минут боя шведы понесли большие потери от меткого, ближнего огня русских. Но, повинуясь приказу своего

короля, они продолжали штурм. Королевская пехота шла на приступ волна за волной. Грохот пушечных и треск мушкетных выстрелов, крики с обеих сторон, стоны раненых — все сливалось в один страшный гул ожесточенной схватки.

От вражеских бомб в городе начались пожары — горели дома. Пламя многочисленных пожарищ под вечер стало освещать кровавую картину боя. Защитники Полтавы из мушкетов стреляли в нападавших, рубились с ними палашами, саблями, бились пиками. Со стороны оборонявшихся в ход пошли факелы — их швыряли на головы врагов. Женщины и дети с вала поливали королевских солдат расплавленным варом, кипятком, бросали камни.

Комендант Алексей Келин поспевал всюду. Он водил в контратаки свой небольшой резерв из пехотинцев-тверцов и полтавских казаков, руководил огнем батарей на бастионах, со шпагой и пистолетом в руках бросался туда, где было труднее всего. Одним своим появлением в месте наибольшей опасности он придавал сил защитникам крепости.

В тот день отбивались все неприятельские атаки. Но не раз и не два были такие критические моменты, когда шведы уже взбирались на вал и их барабанщики били сигнал победы. И каждый раз воины гарнизона и вооруженные горожане сбрасывали неприятеля с вала вниз в ров: рукопашного боя шведы не выдерживали.

К исходу дня атакующий порыв шведов иссяк. Но король Карл XII решил штурмовать крепость до победного конца. Он, как уже опытный полководец, видел, что осажденный гарнизон Полтавы отбивается из последних сил.

Передышка в штурме оказалась короткой. Вскоре часовые доложили Келину, что шведы под прикрытием ночной темноты изготовляются для очередного приступа. В ночь на 22 июня Карл XII снова послал своих солдат на штурм неприятельской крепости, взяв их из свежих полков.

Полтавский комендант на ту ночь имел под своим командованием всего несколько сот уставших до предела, как и он сам, людей. А на ночной штурм шли тысячи шведских пехотинцев. И все же защитники Полтавы вновь выстояли, хотя королевскому воинству удавалось дважды взобраться на крепостной вал. Полковник Алексей Келин постоянно находился в гуще рукопашных схваток: судьба хранила его и от шведской пули, и от вражеского штыка.

Ночной бой продолжался до утра. Ожесточенность его, казалось, не знала пределов. Вновь факелами пылали дома горожан,

освещая своим неровным пламенем картину боя. Тушить пожары было некому. Лишь когда заалел восток, шведские барабанщики стали отбивать сигнал отхода. Отхода, но не окончания генерального штурма.

Поскольку шведский король решил на этот раз разделаться с непокорявшейся ему Полтавой, он дал своим войскам лишь небольшую передышку. Через несколько часов к стенам крепости подошли свежие полки и батальоны. Вновь загрохотали пушки. Трубачи королевской армии заиграли сигнал общей атаки. Генеральный штурм Полтавы возобновился.

Шведы опять решительно пошли на приступ вала, бастионов и городских ворот. И снова на их пути встали отважные русские воины, полтавские казаки и горожане под начальством полковника Алексея Келина. Защитников Полтавы осталось совсем мало, и враг теснил их все сильнее и сильнее. У осажденных, уже давно сидевших на голодном пайке, кончились порох и пули. Смертельно уставшие, они из последних сил отбивались всем, чем могли. На крепостных бастионах с выстрелом последнего порохового заряда одна за другой умолкали пушки.

Король Карл XII пытался во что бы то ни стало найти брешь в обороне русской крепости, посылая на приступ отряды то в одном, то в другом месте. Он не щадил своих солдат и офицеров. Королевский приказ гласил: взять город любой ценой. И шведы, сброшенные с валов, вновь под грохот барабанов бросались на приступ. И вновь откатывались назад...

После двухдневного неудачного штурма 21-го и 22 июня шведы отступили от крепостных валов, как говорится, несолоно хлебавши. За два дня ожесточенных боев гарнизон Полтавы потерял 1258 человек убитыми и ранеными. Шведов осталось лежать под стенами крепости вдвое больше. В целом за период с 1 апреля по 22 июня королевская армия потеряла в бесплодных штурмах более шести тысяч человек!

Отбив такой яростный генеральный приступ, героический полтавский гарнизон изготовился к отражению нового штурма. Но его не последовало. Комендант города Алексей Келин и его подчиненные не знали еще тогда, что король Карл XII отказался от дальнейших попыток овладеть крепостью.

Полтава выстояла в жестокой осаде, нанеся невосполнимый урон шведской армии. Но и потери гарнизона петровских войск за осадное время составили более трех тысяч человек.

ПОЛТАВСКАЯ БАТАЛИЯ. КОНЕЦ ОСАДЫ

Теперь инициатива находилась всецело в руках русской армии. Это было достигнуто во многом благодаря мужеству и стойкости защитников Полтавской крепости во главе с ее комендантом Алексеем Келиным. Почти на три месяца город-крепость Полтава приковала к себе прославленную победами армию Швеции и помыслы короля-полководца Карла XII.

Но по замыслам Петра I Алексеевича обескровленная крепость должна была продержаться еще немного. Царь 26 июня шлет полковнику Келину еще одно «бомбическое письмо». В нем говорилось:

«Г[осподин] к[омендант].

Понеже, когда мы с прежнево места сюды за реку пошли, тогда для всякого случая вам дали указ, что ежели на сих днях вас за какою причиною не можем выручить, чтоб вам из города вытить. Но ныне инако вам повелеваем, чтоб вы еще держались, хотя с великою нуждою до половины июля и далее, понеже мы лутчаю надежду отселя, с помощиею божиею, имеем вас выручить, о чем паки подтверждаем: держитесь, как возможно, и нам давайте знать о себе».

Алексей Степанович Келин верил в защитников крепости, которые 21 июня у Спасской церкви дали клятвенное обещание сражаться со шведами до последней капли крови. И когда один из местных жителей, купец по имени Илья, сказал, что шведы все равно возьмут крепость, возмущенные горожане тут же, на площади, расправились с маловером. Уверенность в победе и решимость биться до конца были, пожалуй, самым сильным оружием осажденных...

В ночь на 27 июня шведский король Карл XII снял осаду Полтавы и, оставив в траншее перед крепостью лишь малую часть своего войска, двинул армию от нее на север. Рано утром состоялось решающее сражение Северной войны — Полтавская битва, ставшая одной из самых славных страниц в истории русской армии. Перед началом генеральной баталии Царь Петр I обратился к войскам со словами:

— Воины! Вот пришел час, который решит судьбу Отечества. Итак, не должны вы помышлять, что сражаетесь за Петра, но за государство, Петру врученное, за род свой, за Отечество...

Солдаты России вышли на поле брани и победили. 28 июня армия-победительница торжественно вступала в Полтаву. У главных городских ворот выстроился весь полтавский гарнизон во главе с комендантом. Царь Петр I подъехал к полковнику Келину, выслушал его краткий рапорт, а затем расцеловал отважного человека и сказал во всеуслышание:

— Блаженная глава, совершившая блаженный подвиг, и надежда на тебя не обманула меня!..

Затем самодержавный Государь сердечно поблагодарил весь бесстрашный гарнизон, а также мужественных жителей Полтавы за то, что они выстояли в трехмесячной осаде под натиском целой армии Шведского королевства.

Петр I по-царски наградил участников обороны Полтавы. Все оставшиеся в живых воины были высочайше «жалованы» серебряными медалями и годовым жалованьем.

Среди всех отличившихся в Полтавской баталии особых наград удостоился полковник Алексей Степанович Келин. Он был пожалован очередным чином бригадира, награжден «немалою суммою денег» и получил из рук Петра Великого «богато осыпанный государев портрет». То была «золотая персона» с алмазными «камнями» стоимостью в огромную по тому времени сумму в 873 рубля 33 копейки, выполненная русским золотых дел мастером А.Т. Соколовым.

ПОСМЕРТНАЯ СЛАВА АЛЕКСЕЯ КЕЛИНА

Но все же самой главной наградой полтавскому коменданту Алексею Келину стала воинская слава и память народная, запечатленная в ратной летописи старой России.

В ныне украинском городе Полтаве, на бывшем Келинском (теперь Первомайском) проспекте, там, где он сливается с улицей Шевченко, недалеко от Мазуровских крепостных ворот, возвышается памятник мужественным защитникам города-крепости и доблестному коменданту полковнику А.С. Келину. Он был сооружен в 1909 году в дни подготовки к празднованию 200-летия Полтавской битвы на том самом месте, где 21-го и 22 июня 1709 года шли наиболее ожесточенные бои с устремившимися на генеральный штурм шведами.

На пьедестале у подножия обелиска лежит фигура разъяренного бронзового льва. Под ним прикреплена медная доска с текстом: «Доблестному коменданту Полтавы полковнику Келину и славным защитникам города в 1709 г.».

На противоположной стороне памятника — герб города Полтавы, а на бронзовой доске надпись: «1 апреля 1709 года Карл XII осадил Полтаву. Три месяца гарнизон и жители героически отбивали все атаки шведов; последний ожесточенный штурм отбит доблестными полтавчанами 21—22 июня; после чего Карл XII снял осаду Полтавы».

...После полтавского «сидения» бригадир Алексей Степанович Келин некоторое время командовал своим Тверским пехотным полком. Но в крупных делах Северной войны ему участвовать больше не довелось. Его имя в победных реляциях в ходе той длительной войны не просматривается.

Достоверно известно, что в 1711 году бригадир Келин находился под крепостью Азов. Дальнейших сведений о его службе, равно как и смерти, не имеется, хотя многие российские историки, изучавшие Северную войну, и пытались отыскать следы коменданта героического гарнизона Полтавской крепости. Но все их усилия оказались тщетными.

Сведения русских словарей XIX столетия, например «Русского биографического словаря», о том, что Алексей Степанович Келин в 1711 году был генерал-майором петровской армии, следует признать ошибочными. Публикации в трудах Императорского русского военно-исторического общества такой факт не подтверждают.

НАЕМНЫЙ ФЕЛЬДМАРШАЛ

Генерал-фельдмаршал-лейтенант Георг Бенедикт Огильвий

«РЕКОРДСМЕН»-НАЕМНИК АВСТРИЙСКОЙ ИМПЕРАТОРСКОЙ АРМИИ

Барон Георг Бенедикт Огильвий (Агвиллий, Огвильдий, Огивги, Огильви) родился в 1644 году. По российским документам времени правления Царя Петра I Алексеевича он проходит как Юрий Юрьевич Огильвий. В исторических трудах советского времени его фамилия порой пишется как Огильви.

Фон Огильвий происходил из одного из старейших родов Шотландии. На его родине фамилия Огильвий была одной из самых древних и знатных, почитаемой в этой горной области современной Великобритании. Барон всегда гордился своим аристократическим происхождением и бесспорной знатностью, которая, впрочем, не спасла его от поисков хлеба насущного в ранге иностранного наемника-ландскнехта.

О молодых годах Георга Бенедикта Огильвия почти ничего не известно. Аристократу-шотландцу, еще не достигшему двадцатилетнего возраста, пришлось пересечь пролив Ла-Манш и оказаться на Европейском континенте. Ему, как наемному ландскнехту, повезло в воинской судьбе — он нашел службу в Австрии, предложив свою шпагу и имя императору из династии Габсбургов.

Нечасто среди биографий наемников-иностранцев того времени можно встретить случай, когда они служили одной и той же короне — императорской, королевской, царской, герцогской и всем прочим — столь длительное время, как шотландский барон Огильвий. Он же оказался среди подобных себе наемников почти рекордсменом, проведя на австрийской военной службе тридцать восемь лет.

Шотландец далеко не сразу достиг высот в своей военной карьере на службе у венского императорского — цесарского двора. Но именно выходцы из бедной Шотландии отличались в XVII—XVIII столетиях завидным упорством, пробивая себе дорогу к командным высотам во многих европейских, больших и малых армиях. Среди таких личностей, бесспорно, числится и фон Георг Бенедикт Огильвий, ставший австрийским полководцем.

В годы его службы в Вене Австрия вела длительные войны с Оттоманской империей, которая грозно нависала над ее южными границами. Шотландский барон, став офицером императорской армии, показал себя в больших сражениях и малых боях храбрым и, что самое главное для его австрийских военачальников, исполнительным ландскнехтом. Последнее обстоятельство в немалой степени и повлияло на успешность военной карьеры фон Огильвия.

Наемный офицер, а затем и генерал становится непременным участником походов австрийских армий на запад — на Рейн — и на юг — на дунайские берега и в Венгрию. В войнах с османами он отличился больше всего, поскольку во второй половине XVII века австрийцы не раз наносили серьезные поражения туркам. Но и сами не раз терпели от них такие же поражения.

В итоге к концу столетия шотландский барон-наемник Георг Бенедикт Огильвий дослужился до чина генерал-фельдмаршала-лейтенанта. Это было высшее генеральское звание в ряде европейских армий, но не генерал-фельдмаршал. Тот был по положению выше как главнокомандующий целой действующей полевой армией. А военачальник в его же чине, но с приставкой — лейтенант являлся его первым помощником.

Думается, что к концу жизни австрийская служба перестала устраивать фон Г.Б. Огильвия. Поскольку он был вполне готов, разумеется, за приличное жалованье сменить службу венскому двору на любую другую. И наемный иноземец в высоком чине генерал-фельдмаршала-лейтенанта стал искать себе новое пристанище, но более достойное. И что самое главное — более высокооплачиваемое.

ВЫГОДНЕЙШИЙ КОНТРАКТ С ЦАРЕМ ПЕТРОМ I АЛЕКСЕЕВИЧЕМ

Начавшаяся в 1700 году длительная Северная война обернулась для России в первый же год большим поражением от шведов при осаде Нарвской крепости. Среди главных ее причин молодой Царь

Петр I увидел отсутствие в рядах создаваемой им русской регулярной армии опытных военачальников. Но таких, которые бы имели солидный опыт войны против европейских армий, каковой была шведская армия короля-полководца Карла XII. Царским повелением началось довольно широкое приглашение на русскую военную службу иноземцев любых стран, народов и вероисповеданий.

Царь Петр I в 1702 году отправляет в Австрию свое доверенное лицо — генерал-майора и тайного советника Иоганна Паткуля, лифляндского барона на русской службе. Он должен был склонить австрийского императора Леопольда к военному союзу с Россией и Саксонией против Швеции. Кроме того, российский Государь уполномочил своего посланника приглашать к себе на военную службу иноземцев, «зело» искусных в ратном деле.

В Вене барон Иоганн Паткуль и повстречал генерал-фельдмаршала-лейтенанта Георга Бенедикта Огильвия. Два наемника без лишних о том слов поняли желания друг друга. 4 декабря 1702 года шотландский барон при посредничестве Паткуля и русского посла в Вене князя П.А. Голицына перешел со службы австрийскому императору на службу Государю Московского царства, Московии.

Согласно заключенному договору, барон Огильвий принимался на русскую военную службу в том же воинском звании с огромным жалованьем по тысяче ефимков в месяц. Опытность императорского военачальника в столь высоком звании стоила действительно дорого. Помимо этого, русский царь обязывался выдавать генерал-фельдмаршалу-лейтенанту поденно «хлебных кормов» на 100 человек личной прислуги наемного военачальника и «конских кормов» на 70 лошадей его личной конюшни.

Из этих финансовых условий найма на русскую военную службу иноземца видно, что Огильвий оценивал себя и свои способности опытного военачальника чрезвычайно высоко. Вернее сказать, сверх всякой для того времени меры. Однако Царь Петр I и его московские бояре пошли на такой обременительный для государственной казны шаг — война со Швецией уже шла, и без побед.

Кроме денежного жалованья, «хлебных и конских кормов», опытный в таких делах наемный иноземец выговорил себе при подписании договора еще целый ряд условий:

— быть командиром русских войск, но не менее как целого армейского корпуса;

— состоять под начальством русского главнокомандующего в чине генерал-фельдмаршала с тем, однако же, чтобы тот не препятствовал ему распоряжаться по службе как в гарнизонах, так и на походе, в боях, нападениях и осадах;

— и наконец, в мирное время зимой дозволять ему отъезжать в Австрию, в город Вену.

Принимая на таких шикарных для наемника условиях барона Огильвия на царскую военную службу, Государь Петр I все же поставил его в строгие рамки чиноподчинения в русской армии. Петровский воинский Устав среди прочего гласил:

«Генерал-фельдмаршал-лейтенант есть при армии по генерал-фельдмаршалу второй главный командир. Он должен о всем равное попечение иметь. При больших армиях, где генерал-фельдмаршал обретается, всегда генерал-фельдмаршалу-лейтенанту быть подобает...»

Заключив контракт о наемничестве с Русским царством, барон Огильвий, однако, не торопился с прибытием в Москву. Северная война тем временем все шла. Поскольку российский Государь очень нуждался в опытных военачальниках, то обеспокоенный Петр I в конце 1703 года обращается к австрийскому императору с просьбой о скорейшей присылке своего теперь уже бывшего генерал-фельдмаршала-лейтенанта в Россию.

Однако такое письмо одного монарха другому действия не возымело. В начале следующего года Царь отправляет в Вену генерал-поручика фон Розена и полковника Шембеку для найма офицеров для русской армии и флота. Им предписывается побудить Георга Огильвия к точному исполнению подписанного его рукой наемного договора. Миссия царских посланцев возымела нужное действие на шотландского барона, человека горделивого и преисполненного собственного достоинства.

БУДТО БЫ ВО ГЛАВЕ РУССКОЙ АРМИИ

И 4 мая 1704 года генерал-фельдмаршал-лейтенант Георг Бенедикт Огильвий наконец-то прибыл в Москву. Бояре оказали ему соответствующие почести. В русской столице шестидесятилетний наемный военачальник долго не задержался — его просто никто

не стал в ней задерживать. Получив в Москве все, что ему уже причиталось, Огильвий отправился в район боевых действий России со Швецией.

27 июня барон Г.Б. Огильвий появился в стане русской армии под шведской крепостью Нарвой. С собой он привез для Царя Петра I рекомендательное письмо от австрийского императора Леопольда. Государь объявил осадным войскам, что вручает генерал-фельдмаршалу-лейтенанту Георгу Огильвию главное начальство над ними, и через три дня уехал в армию генерал-фельдмаршала Б.П. Шереметева, осаждавшего другую неприятельскую крепость — Дерпт.

Первоначальное представление о военачальнике австрийского императора среди командиров русской армии получилось хорошее. «Зело во всем искусен и доброопасен» — так отозвался о нем петровский любимец Александр Данилович Меншиков, еще только постигавший генеральское искусство.

Через несколько дней после прибытия под Нарву Огильвий представил российскому монарху доклад, в котором писал, что «нашел войско в самом опасном положении». Рассмотрев мнение именитого иноземного генерал-фельдмаршала-лейтенанта, Петр I согласился с его мыслью осаждать шведскую крепость и из-за реки, с правого берега Наровы. Но решительно отвергнул предложение осаждать не Нарву, а соседний Ивангород. И совершенно не согласился снять осаду с города-крепости Дерпта, сконцентрировав все воинские силы под Нарвой.

Вскоре из осадного Нарвского лагеря уехал Меншиков. 16 июля он спешно отправился в строящийся на берегах Невы город Санкт-Петербург, которому угрожал шведский корпус генерала Майделя. Но командовать русской осадной армией Георгу Огильвию пришлось всего лишь один день, поэтому ничего решительного против неприятельской крепости он предпринять просто не смог.

После падения крепости Дерпт Царь Петр I поспешил под Нарву, куда прибыл 17 июля. Государь сразу же взял на себя руководство осадой, бомбардировкой вражеской твердыни и ее штурмом. Роль генерал-фельдмаршала-лейтенанта в той большой победе русского оружия, по-видимому, была невелика. Поэтому при раздаче щедрых наград победителям Царем барон Георг Бенедикт Огильвий не получил ничего.

Единственно, в чем поучаствовал тогда Огильвий, так это в освобождении из-под ареста нарвского коменданта генерала Горна.

Ему была возвращена личная свобода по ходатайству Огильвия перед российским монархом.

Наемный фельдмаршал участвовал в торжественном вступлении русского Государя в первопрестольную Москву 14 декабря 1704 года по случаю Нарвской виктории. Огильвий ехал перед царскими войсками на богато убранной лошади в окружении своих многочисленных адъютантов. Между тем как Царь Петр I шагал перед бомбардирской ротой преображенцев, которой он номинально командовал в чине простого армейского капитана.

Но перед этим торжеством в Москве генерал-фельдмаршал-лейтенант русской армии представил 8 ноября самодержцу новый документ за своей печатью. Это был проект реорганизации царской армии. Петр I с внимательностью изучил предложения именитого австрийского военачальника, которого удалось взять на русскую службу только за огромные деньги.

В своем реформаторском проекте Огильвий доказывал необходимость учредить в драгунских полках 12 рот по 100 человек в каждой, в пехотных полках роты сделать численностью в 150 человек. Таким образом, считал автор проекта, русская армия могла сравниться с неприятельской по численности людей в кавалерийских и пехотных полках.

Инфантерии (пехоте) Огильвий вполне разумно предлагал раздать ружья одного калибра, учредить полевую артиллерию (которая как таковая в русской армии уже наличествовала), завести понтоны для наведения переправ через водные преграды, перелить на новые пушки испорченную под Нарвой артиллерию (подобное делалось уже давным-давно), заготовить в пограничных местах провиант, уменьшить в силу этого армейский обоз, призвать в полевую регулярную армию искусных иностранных офицеров, а неспособных уволить и доверить главную команду одному лицу (хотя такой человек в ранге полководца уже был — Б.П. Шереметев, главнокомандующий русской армией в Северной войне).

Такие организационные предложения генерал-фельдмаршала-лейтенанта в какой-то мере заслуживали царского одобрения. Но стратегические соображения Георга Бенедикта Огильвия, изложенные в документе, страдали расплывчатостью и неумением охватить одним взглядом поле Северной войны. То есть полководческим мышлением барон, вне всякого сомнения, просто не обладал.

РАСПРИ СО СВЕТЛЕЙШИМ КНЯЗЕМ «АЛЕКСАШКОЙ» МЕНШИКОВЫМ

Уже под осажденной Нарвской крепостью барон Георг Огильвий показал себя как человек самоуверенный, самолюбивый и самовлюбленный. Это привело к ряду его столкновений с сослуживцами-военачальниками, которые по чину и занимаемой армейской должности были ниже генерал-фельдмаршала-лейтенанта.

Особенно серьезной оказалась ссора Огильвия с Александром Даниловичем Меншиковым. Последний, будучи в чине поручика царской бомбардирской роты, одновременно являлся генерал-губернатором Санкт-Петербурга, графом Священной Римской империи и кавалером первого российского ордена Святого апостола Андрея Первозванного. Меншиков уже тогда «показывал» свой характер — он не мог терпеть никого выше себя, пользуясь неограниченным доверием и любовью Петра Великого.

Генерал-фельдмаршал-лейтенант, формально являвшийся вторым лицом в высшем командовании русской армии — после ее главнокомандующего в чине генерал-фельдмаршала, — решился отстаивать свои права. «Одно из двух, — заявил со всей решительностью Огильвий Царю Петру I, — запрети Меншикову вмешиваться в мои повеления или позволь мне оставить войско».

В том конфликте Государь принял сторону наемного военачальника. Царскому любимцу пришлось уступить шотландскому барону, но ненадолго. В скором времени Меншиков вернет себе старшинство над Огильвием. Но их первая же ссора сделает этих двух людей непримиримыми врагами, от чего будет страдать прежде всего их общее дело на войне.

С осени 1704 года русская армия стала сосредотачиваться под городом Гродно на берегах реки Западная Двина. Огильвий заболел и остался в Москве. Но и оттуда он дает советы Царю Петру I, указывая на необходимость проведения важных, по его мнению, мероприятий.

1705 год стал годом наибольшей организаторской деятельности бывшего австрийского генерал-фельдмаршала-лейтенанта в русской армии. Огильвий прибывает к действующим войскам, стоявшим на территории Речи Посполитой. Перед новой военной кампанией против шведов Царь Петр I проводит новую реорганизацию полевой армии, используя в том числе ряд советов Георга Огильвия. Полевые войска делятся на бригады, было упорядо-

чено командование, организационно оформлена полевая артиллерия, сделана первая попытка создания в армии штатного обоза, приняты меры к созданию продовольственной базы и проведены еще некоторые организационные меры.

Разумеется, что главным идеологом российской военной реформы в ходе Северной войны являлся бесспорно сам Царь Петр I. Над реформированием армии трудились и его ближайшие помощники, единомышленники — Шереметев, Меншиков, Репнин и многие другие приближенные к Государю лица. Поэтому претендовать хотя бы в чем-то на «пальму первенства» барон Г.Б. Огильвий просто не мог.

Все же 1705 год стал для него временем наивысшего доверия русского Государя. Находящемуся в Польше генерал-фельдмаршалу-лейтенанту Петр I приказывает временно избегать генеральной баталии с королевской армией шведов, а стараться по возможности вредить неприятелю «в выгодных местах». Георг Огильвий деятельно берется за дело: он укрепляет Гродно и Тикочин.

Царь остается доволен им. В августе он отправляет барона Огильвия в Вену для поздравления нового австрийского императора Иосифа I со вступлением на отцовский престол. Для шотландского аристократа эта поездка стала своеобразной передышкой в командовании русскими войсками под Гродно. Там среди царских военачальников шли постоянные конфликты и противной стороной в них являлся сам Огильвий.

Вина здесь в немалой степени лежала на самом Петре I. Он разделил командование войсками, сосредотачиваемыми на берегах Западной Двины, в руках не одного главнокомандующего, а сразу двух человек. Огильвию была подчинена вся пехота, а Шереметеву — вся кавалерия. Это неизбежно порождало крупные недоразумения между двумя высшими должностными лицами в действующей армии.

Обстановка среди высшего командования в Гродно усугублялась еще и тем, что при армии там находился А.Д. Меншиков. Он представлял в своем лице негласного, но полномочного доверенного человека российского самодержца. Без «ока царева» в русской действующей армии, без его ведома и одобрения ничего не делалось.

Царь Петр Алексеевич, ставя генерал-фельдмаршала-лейтенанта в подчиненность поручику графу Меншикову, проявил определенную прозорливость. Сам он смог прибыть в действующую

армию в город Витебск только 8 июня и сразу же взял главное командование в собственные руки.

Военная кампания 1705 года началась поздно. Одной из главных причин этого, как считают многие отечественные военные историки, стали трения между Шереметевым и Огильвием. Гродненская операция показала, что умевший представить себя барон Георг Огильвий, как военачальник высокого ранга, допустил целый ряд серьезных просчетов. Поэтому Царь Петр I совершенно не случайно поставил его действия под гласный контроль сперва Меншикова, а потом князя Репнина.

Это был вынужденный шаг Государя, направленный на пользу делу. С другой стороны, самодержец тем самым сознательно нарушал установленный им же принцип единовластия в действующей армии и полномочия ее главнокомандующего.

После неудачи Шереметева в деле против шведов при Гемуэртгофе Петр I решил сам с отрядом в 1700 человек следовать к городу Митаве. Огильвий получает приказ сосредоточить подчиненные ему войска у Вильны, но не выдвигаясь на Неман, определив там лишь наиболее удобный для обороны против шведов пункт. Кроме того, от Огильвия требовалось представить Государю свои соображения на случай необходимости сосредоточения главных сил русской полевой армии на берегах Немана до взятия крепости Митавы.

План сосредоточения на берегах Немана, представленный генерал-фельдмаршалом-лейтенантом Царю, требовал расположить пехотные полки «в Гродне, Мерече, Ковне, Вильне и даже до той части, которая в Курляндии остается». Кавалерию Огильвий полагал выдвинуть как можно скорее на переправы к Нареву и Бобру, от Тикочина в направлении к Неману, имея в каждом удобном для переправы месте по тысяче кавалеристов. Но пока русская армия не соединилась с союзными войсками польского короля и саксонского курфюрста Августа II — сосредоточить все силы у Мереча. Этот населенный пункт Огильвий предлагал избрать для обороны против шведов.

Представленный наемным австрийским военачальником план первоначально понравился Петру I. Однако всесильный «Алексашка» Меншиков выразил свое полное несогласие с каждым из пунктов этого плана. Уверенный в своей правоте, он отдал приказ войскам сосредотачиваться не в Мерече, а у города Гродно.

В своем противостоянии второму лицу в русской полевой армии Меншиков пошел еще дальше. Уезжая из Вильны, он приказал Го-

ловину не посылать помимо него писем Государю от барона Огильвия. Любимец самодержца опасался, что тот «своими бездельными письмами не принудил вас быть под сомнением».

Когда в Гродно прибыл король Август II, Царь подчинил ему корпус, командующим которого был назначен шотландский барон. Когда Петр I отъехал по делам в Москву, он передал королю командование союзными войсками, но фактически русским корпусом в Гродно начальствовал генерал-фельдмаршал-лейтенант.

Однако в союзных войсках, сосредоточенных близ Гродно, единого командования так и не было. Огильвий и Август II потребовали полного подчинения себе всех русских генералов. Царь нашел такое требование совершенно справедливым и отдал 30 ноября указ о подчинении младших военачальников старшим.

Однако Петр I решил подстраховаться, поскольку не доверял полководческому искусству ни короля, ни шотландского барона. Государь снабдил своих доверенных лиц А.Д. Меншикова и князя Аникиту Ивановича Репнина особыми полномочиями, которыми они могли воспользоваться только в исключительных случаях.

Решительный Меншиков незамедлительно воспользовался предоставленным ему Царем правом. Будучи командующим драгунской кавалерией русской армии (и, как показала Северная война, хорошим), он стал отдавать приказы генерал-фельдмаршалу-лейтенанту, ссылаясь при этом на петровское указание.

Наемный военачальник было воспротивился такой подчиненности, но сразу же получил личное послание русского Государя. «Не забывайте слов Господина моего товарища (Меншикова. — *А. Ш.*), — писал Петр I, — который приказывал вам при отъезде своем, чтоб вы больше целость войска хранили, нежели на иных смотрели...»

Такое приказание А.Д. Меншиков отдал шотландскому барону при отъезде из Гродно навстречу Царю. За себя он оставил князя Репнина, поручив ему контролировать действия Огильвия, который оставался в Гродно фактическим командующим.

Пока в течение 1705 года шли такие словесные баталии о том, кому и кем командовать среди генералитета, Георг Бенедикт Огильвий попытался перестроить русскую армию на иноземный лад. Он представляет на рассмотрение Государя два документа: «Табель для 30 пехотных и 16 конных полков» и «Начертание и порядок армии по иностранному обычаю». Однако у Петра I были собственные воззрения на устройство регулярной армии России.

Князь Репнин в точности исполнил поручение Александра Даниловича Меншикова по присмотру за действиями барона Огильвия и особенно контролем за его перепиской с Государем. Репнин писал Меншикову:

«О состоянии нашем доносит фельдмаршал (Огильвий. — *А. Ш.*) Его Величеству иное и напрасно о пехоте, коннице и артиллерии, чему вы сами были свидетели. А по отъезде короля с нашими 4 драгунскими полками у фельдмаршала с ним беспрерывная корреспонденция, которой нам не открывают, также не сказывают, что говорят языки. Если пойдем к Варшаве, как слух носится, по удалении неприятеля, мало будет прибыли нашему государству».

Двойственность положения генерал-фельдмаршала-лейтенанта в русских войсках, расположенных в Гродно, усугубляется еще и тем, что ему перестают подчиняться и отдельные военачальники, а не только Меншиков и Репнин. Так, курляндский барон Карл Ренн, оставшийся после отъезда Меншикова во главе драгунской кавалерии, совсем вышел из подчинения Огильвия.

Наемный фельдмаршал пишет на драгунского генерала жалобу Царю. Петр I отвечал, что «буде генерал-поручик Ренн противен вам чиниться, то делает он худо; но ежели он ослушание сие учинил при бытности своего генерала (Меншикова. — *А. Ш.*), то делал он по обычаю всех войск».

6 февраля 1706 года Огильвий жалуется Государю на всеобщее в армии неповиновение ему как генерал-фельдмаршалу-лейтенанту и отсутствие всякой дисциплины. Барон с гневом пишет, что его указы не исполняют ни провиантмейстер, ни кригскомиссар; штрафы, которые он налагает (и в немалом числе), не взыскиваются с лиц, которые ему не подчиняются.

Однако в противостоянии Огильвия и Меншикова последнего не стоит называть «зловредным» недоброжелателем наемного австрийского военачальника. Тот сам восстанавливал против себя Царя Петра I, и прежде всего неуместными и далекими от реальности требованиями. Более того, он «изрядно» донимал русского монарха своими прожектами.

Так, чтобы продемонстрировать самодержцу, на службу которому он нанялся, свое стратегическое мышление, Огильвий предлагает ему следующий план в войне против Шведского королевства:

«...Чтоб границу оберегали десять тысяч дворян, добрых и оружейных, и чтобы войска были увеличены 50 000 человек».

Государь Петр I Алексеевич с раздражением отвечал генерал-фельдмаршалу-лейтенанту:

«Неслыханное в свете дело предлагаете: где дворян такое число взять? Також и прочия войска чтоб умножить до 50 000; но воистину легко писать и указывать, а самому не делать».

Думается, что уже в самом начале 1706 года Петр Великий окончательно разочаровался в способностях и талантах Георга Огильвия, которого ему так рекомендовал австрийский император. Царь не мог не видеть, что командование русской армии не приняло наемного военачальника и не желало ему подчиняться даже в условиях идущей войны со Швецией. Такая ситуация всерьез озаботила российского Государя.

ГРОДНЕНСКИЙ МАНЕВР И ГРОДНЕНСКОЕ ДЕЛО

Когда стали ясны намерения шведского короля-полководца Карла XII идти в поход на Россию, Царь Петр I, правильно оценив складывающуюся стратегическую ситуацию на театре военных действий, решил отвести русскую армию к государственной границе. Ей предстояло без боя отойти из Гродно через Брест к Киеву, поскольку, как считал Петр I, время для генерального сражения двух армий еще не подошло.

Огильвий выступил против такого плана, опасаясь, что придется бросить часть военного имущества и разлучиться с союзной саксонской армией Августа II. Он все больше отстаивает перед Петром I интересы польского короля в ущерб русской стороне, и потому его поведение становится подозрительным.

В одном из личных писем польскому королю иноземец на русской службе пишет более чем откровенно:

«Того ради Вашей пользы всегда говорить буду со всяким постоянством и дикрецией, сколь моей силы будет, в надежде Вашей преблагой протекции».

И далее: «И могу Вашему Величеству обещать, что за всесветное богатство я б в Гродне более службу принимать не захотел, если б надежду не имел Ваше лицо вскоре увидеть и сей поход с лучшей сукцессией совершить по повелению и указам Вашим».

В еще более дружественной и не менее откровенной переписке барон Георг Огильвий состоял с английским посланником Витвортом. Он, не стесняясь, делился с британцем своими впечатле-

ниями о русской армии и сообщал ему собственные стратегические соображения. Государственное «зло» такой переписки второго, хотя и номинально, лица в петровской армии заключалось в том, что Лондон на протяжении почти всей Северной войны стоял на стороне Швеции.

2 февраля 1706 года саксонская армия потерпела серьезное поражение от шведов при Фрауштадте. Царь Петр Алексеевич, учитывая такое обстоятельство, послал Огильвию и князю Репнину решительное приказание вывести русские войска из Гродно на восток, к российской границе.

Самодержец, не надеясь на них, дал подробное указание порядка и способов отхода войск, но с оговоркой: «Все чинить по сему предложению, а паче по своему рассмотрению». То есть он давал им высочайшее право на инициативные действия при отходе из Гродно, когда главной задачей стояло неввязывание с неприятелем в большую баталию.

Теперь уже генерал-фельдмаршал-лейтенант не мог больше тянуть время с оставлением Гродно. Огильвий, хотя и ответил Петру I, что исполнит его приказ самым наилучшим способом, все же высказался, что лучше бы оставаться в Гродно все лето.

К тому времени барон Георг Бенедикт Огильвий рассорился и с самим главнокомандующим русской полевой армией Шереметевым, который прибыл в Польшу к войскам из Астрахани, где руководил подавлением известного в российской истории Астраханского восстания. За это дело он был возведен Царем в графское достоинство.

Генерал-фельдмаршал-лейтенант Огильвий, согласно заключенному с ним в Вене договору о найме на русскую службу, получил в личное командование отдельный корпус, состоявший из 13 полков. Но, оказавшись во главе русского армейского корпуса, шотландский барон объявил главнокомандующему генерал-фельдмаршалу Б.П. Шереметеву, что не намерен состоять под его начальством.

24 апреля 1706 года, уже из города Ковеля, «служилый иноземец» доносил царю о движении армии из Гродно. В конце того письма Огильвий просил русского Государя об увольнении со службы, а главное — денег. Служить России — Московии — он просто не желал.

Царь Петр I Алексеевич без всякого на сей счет сожаления решает уволить шотландского аристократа в чине генерал-фельд-

маршала-лейтенанта с русской военной службы, удовлетворив его (согласно венскому договору) выслуженным жалованьем.

Незадолго перед этим Петр I дал поручение русскому послу князю Голицыну при цесарском (императорском) дворе в Вене поручение. Суть его состояла в приглашении на военную службу в Россию двух опытных генералов, знающих язык славянский или польский. В письме Царь просил посла: «Чтоб они были искусные, добрые и надежные люди, а не такие, каков наш Г. Фельдмаршал Огильвий». Уже тогда судьба высокопоставленного наемника была предрешена.

ОТСТАВКА БАРОНА ОГИЛЬВИЯ

С генерал-фельдмаршалом-лейтенантом бароном Георгом Бенедиктом Огильвием в России рассчитались без промедлений. 22 сентября 1706 года доверенное лицо Государя граф Г.И. Головкин доносил Царю из Киева, бывшего тогда российским пограничным городом:

«Фельдмаршалу Огильвию ефимки по договору (из 16 тысяч рублей) на абшид отдали, в чем он показал себя милостью вашей довольным и поехал». То есть в чуждой для себя России высокопоставленный ландскнехт не хотел даже задерживаться.

Огильвий свой путь из Киева направил в столицу Саксонии город Дрезден. Там он был милостиво встречен саксонским курфюрстом и польским королем по совместительству Августом II. Тот принял генерал-фельдмаршала-лейтенанта армий двух великих государств — Австрийской империи и Русского царства — к себе на военную службу. С меньшим жалованьем, но с повышением в чине — генерал-фельдмаршалом, то есть главнокомандующим.

Через четыре года, в 1710-м, генерал-фельдмаршал барон Георг Бенедикт Огильвий умер в городе Данциге. Его торжественные похороны с воинскими почестями состоялись в польской столице Варшаве — так повелел король Август II.

Известный историк старой России Д.М. Бантыш-Каменский так характеризовал этого полководца:

«Огильвий, с нравом вспыльчивым, соединял доброе; смягчал строгость в военных судах, говоря, что Русские еще в младенчестве, должны быть постепенно образованы. Он первый ввел у нас в употребление рапорты в графах; водворил — по словам Манштейна — в войсках, особенно в пехоте, порядок и дисциплину». Что ни говори, такую характеристику наемному иностранцу можно назвать вполне лестной.

Действительно, нельзя отрицать, что пребывание барона Георга Бенедикта Огильвия, известного военачальника австрийской армии, на посту второго человека в армии русской принесло последней известную пользу. Она выражалась в деле совершенствования армейской организации и структуры. Но в итоге служба Огильвия московскому монарху завершилась многократными недоразумениями, связанными прежде всего с командованием русской действующей армией во время ее пребывания в Гродно.

Деятельность генерал-фельдмаршала-лейтенанта Г.Б. Огильвия в русской армии не привела к военному краху, подобно Нарве 1700 года, который был связан с деятельностью другого именитого наемника на московской службе — герцога де Кроа. Этого не случилось лишь потому, что в 1704—1706 годах фактическим руководителем судеб русской армии был сам Государь Петр I Алексеевич.

Барона Георга Бенедикта Огильвия с российскими интересами в Северной войне связывало только золото, обещанное ему за царскую службу. Он довольно легко покинул фельдмаршальскую службу в армии Австрийской империи. А после России с легким, как говорится, сердцем оказался на службе Саксонии.

Как военачальник достаточно опытный и высокопоставленный, Огильвий был носителем западноевропейских новшеств в военном искусстве своего времени. Но не больше — его во все времена отличала вполне определенная расплывчатость стратегических воззрений. Его же тактические взгляды на поле брани в Северной войне так и не проявились, хотя русское правительство платило наемнику баснословное жалованье регулярно.

Можно однозначно утверждать: генерал-фельдмаршал-лейтенант барон Георг Огильвий был чужд русской армии. Нанявшись на царскую военную службу, он даже не удосужился изучить театр военных действий, дух петровской армии и русского солдата.

Поэтому не случайно деятельность иноземца на военной службе Российского государства не отмечена красной строкой в отечественной ратной истории. Огильвий не хотел служить Царю Петру I даже за увесистое в золоте жалованье.

ПОЛКОВОДЕЦ, НЕ ЗНАВШИЙ ПРИДВОРНЫХ ИНТРИГ

Генерал-фельдмаршал Петр Петрович Ласси

ИРЛАНДСКИЕ КОРНИ ЛАНДСКНЕХТА ПИТЕРА ЛЭСИ

Питер Лэси — будущий российский полководец, генерал-фельдмаршал граф Петр Петрович Ласси — родился 30 октября 1678 года на Зеленом острове, в Ирландии. Происходил он «от благородных родителей древней фамилии». Военную службу начал очень рано у себя на родине, будучи записан прапорщиком в полк графа Валлийского. В детстве получил скромное домашнее образование. Род его, отличавшийся знатностью, состоятельным, как большинство ирландских землевладельцев, не был.

Поскольку военная служба у себя на родине выгод не давала, пришлось подумать о карьере иностранного наемника в чине рядового. Выбирать Питеру Лэси особо не приходилось, поскольку он был католиком. И ирландец без всякого сожаления поменял английскую королевскую армию на королевскую французскую, куда он перешел в 1691 году вместе со своим дядей полковником Лэси.

Во Франции юному ирландцу откровенно повезло в познании на деле военной науки. Он принял участие в Савойской войне под знаменами прославленного французского маршала де Катина (Катината). Тот прославился победами в нескольких больших сражениях, в частности при Марсальи в 1693 году. Тогда французы разгромили объединенные войска австрийцев, испанцев и англичан, отогнав их за реку и пленив неприятельских военачальников герцога Шомберга и лорда Уорвика. Перед этим, в 1690 году, маршал де Катин нанес сокрушительное поражение австрийцам под командованием Виктора Амадея Савойского при Стаффарде.

В ходе Савойской войны воевавший на стороне французов наемник-ирландец показал себя с самой лучшей стороны — был бесстрашен и исполнителен, смел и решителен. Питер Лэси рано стал проявлять командирские дарования.

В войне гибло немало офицеров королевской армии, их требовалось кем-то замещать. Этим, пожалуй, можно объяснить тот факт, что в 1697 году девятнадцатилетний ландскнехт, не имевший в Париже протекции, жалуется первым офицерским чином по представлению самого маршала де Катина.

Служить долго офицером во французской королевской армии ирландец почему-то не пожелал. В 1698 году он переходит на службу в австрийскую императорскую армию и принимает участие в войне с турками, вновь показав себя с самой хорошей стороны. Однако послужить долго в войсках Австрии ирландцу Питеру Лэси тоже не довелось, поскольку уже через два года перед ним открылась более перспективная наемная служба.

В 1700 году началась Северная война, с началом которой русскому Царю Петру I Алексеевичу потребовалось много офицеров для молодой регулярной армии России. Желающим послужить в ней (разумеется, иностранцам) платилось высокое жалованье. Предложил свои услуги московскому монарху и Питер Лэси, обладавший офицерским патентом французской армии и прекрасными рекомендациями от своих командиров в австрийской.

ЧЕРЕЗ ГОРНИЛО СЕВЕРНОЙ ВОЙНЫ

На русскую службу Питер Лэси был принят в чине поручика в 1700 году и был зачислен в солдатский (пехотный) полк. Поскольку московские дьяки, записывавшие «служилых иноземцев» в ряды царского войска, старались переделать их имена и фамилии на русский лад, ирландец вошел в российскую историю как Петр Ласси. От боярской канцелярии он получил и отчество — Петрович.

Поручик Петр Ласси принял участие в самом первом сражении — под Нарвой, где шведская королевская армия Карла XII нанесла полное поражение русской. Но офицер-ирландец не оказался среди тех иноземных командиров, которые в самом начале сражения сложили свои шпаги перед шведами: в плен он не думал сдаваться и во вражеский плен не попал. В сражении под Нарвой офицер командовал ротой Брюсова полка.

В следующем, 1701 году русские войска развернули в Прибалтике «малую войну» против шведов. Поручик Петр Ласси теперь сражается под знаменами главнокомандующего петровской армией Б.П. Шереметева. Молодой офицер-ирландец отличается в походах на крепости Кокенгаузен и Ригу и «с примерной храбростью» участвует в нескольких боях со шведами. Вскоре он оказался на виду у Шереметева, который прозорливо оценил командирские способности пехотного поручика, с самой лучшей стороны показавшего себя в нарвском поражении.

Главнокомандующий производит Ласси в чин капитана и поручает ему командование гренадерской ротой. Командуя ею, ирландец отличился в первом же сражении — под Гуммельсгофом в 1702 году. Тогда русские одержали убедительную победу над шведами, которыми командовал опытный генерал В.А. Шлиппенбах. В деле при мызе Гуммельсгоф (Хуммули) русские гренадеры штыковым ударом сломали неприятельский строй и обратили королевскую пехоту в беспорядочное бегство.

В следующем году капитан Петр Ласси получил командирское повышение, взяв под свое начальство «дворянскую роту». С ней он участвовал в походе по Лифляндии, которая очищалась от небольших неприятельских отрядов и гарнизонов.

В начале Северной войны наш иноземец из Ирландии в чинах рос довольно быстро. 1705 год принес ему очередное воинское звание майора. Это стало для него заслуженной наградой за участие в штурме королевской крепости Дерпт в предыдущем году, 1704-м. Тогда 22-тысячная русская армия под командованием генерал-фельдмаршала Б.П. Шереметева в ночь на 13 июля взяла Дерпт приступом, пленив большую часть вражеского гарнизона и захватив в качестве трофеев 132 орудия.

Майору Петру Ласси довелось участвовать в Гродненской операции русской армии 1705 года. Тогда на него обратил внимание царский любимец А.Д. Меншиков, командовавший под городом Гродно всей драгунской кавалерией. В следующем, 1706 году Царь Петр I именным указом присваивает ему звание подполковника. Ирландец становится лично знаком российскому самодержцу, что самым положительным образом скажется на всей его последующей карьере в рядах русской армии.

Новое воинское звание не заставило себя долго ждать. За участие во взятии города Быхова Петр Петрович показал себя распорядительным начальником и был пожалован чином полковника.

Произошло это в 1708 году, в тридцатилетие ирландца. Полковничий чин давал право на командование отдельной воинской частью, полком или отрядом.

При переправе под неприятельским огнем через реку Десну командир Сибирского пехотного полка полковник Ласси получил тяжелое ранение в голову, но остался в строю. Сибирцы без «расстройства» преодолели водную преграду и получили похвалу старшего начальства. А их полковой командир вновь оказался на виду у Царя Петра I Алексеевича.

Вскоре после тех событий на реке Десне русские войска занимают город Ромны, в котором становится большой по численности гарнизон. Царь назначает полковника Петра Ласси его комендантом «с полками и казаками. И оные Ромны укрепил боями и палисадами и в прочем во всем управил по инструкции, данной от его императорского величества, за которую службу пожалован в Гренадерский полк».

России с самого начала ирландец служил честно, исправно и храбро. Так будет и в дальнейшем. Став командиром одного из лучших полков петровской армии — Гренадерского, полковник П.П. Ласси участвовал в походе к местечку Решетиловка. И в местах квартирования полка, и в ходе маршев он настойчиво обучает своих гренадер пехотному «правильному» строю, атакам в штыки, залповой пальбе, заботится о быте подчиненных ему на войне людей.

Одной из самых славных страниц в послужной биографии Петра Петровича Ласси стало участие в Полтавском сражении. В крупнейшей баталии Северной войны, когда сразились две армии во главе с государями России и Швеции, Гренадерский полк оказался в числе тех частей русской армии, которые действительно сражались на славу. В той битве Ласси получает второе тяжелое ранение, с которым его крепкий организм справляется скоро и без последствий в будущем.

Затем Ласси участвует в осаде и взятии Рижской крепости, счастливо избежав в осадном лагере «моровой язвы» — эпидемии чумы, занесенной в Курляндию из Пруссии. Тогда «моровая язва» унесла с собой в могилу почти 10 тысяч человек русского корпуса. Но еще больший урон эта страшная болезнь нанесла осажденным в Риге шведам, не пощадив и горожан.

Вспыхнувшая эпидемия чумы заставила русское командование отложить штурм вражеской крепости. Однако было решено ов-

ладеть укрепленными городскими предместьями и установить там в непосредственной близости от самой крепости мортирные батареи для ее прицельной бомбардировки.

Выполнение этой задачи было возложено на бригадира Штафа и полковника («за бригадира») П.П. Ласси с отрядом численностью в 2400 человек. В ночь на 30 мая Штаф, атаковавший правый фланг шведских укреплений, ворвался в предместье. На следующий день, 31 мая, Ласси закрепил успех, войдя в предместье с левого фланга. Шведы, бросая пушки, отошли за городские укрепления. Русские установили в предместье три мортирные батареи (14 тяжелых орудий). Бомбардировка Риги ужесточилась.

Через месяц с небольшим неприятельский гарнизон главного города Лифляндии капитулировал. На валу Рижской цитадели был водружен русский корабельный флаг. В город торжественно въехал генерал-фельдмаршал Б.П. Шереметев, который принял присягу от купечества, духовенства и лифляндского рыцарства. Первым русским комендантом крепости Риги главнокомандующий назначил полковника Петра Петровича Ласси.

Затем Ласси довелось участвовать в неудачном для Царя Петра I Прутском походе и в сражении против давно известного ему противника — турок. В том же 1711 году П.П. Ласси производится в бригадиры (промежуточный чин того времени между полковником и генералом).

В новом звании Ласси, командуя отдельным воинским отрядом, преследовал до города Позена польский отряд пана Грасинского, сторонника шведского короля Карла XII. Царь Петр I остался доволен умелыми действиями новоиспеченного бригадира.

Получив в 1712 году долгожданный чин генерал-майора, Ласси в составе войск светлейшего князя Меншикова участвовал в походе против шведов в Померании и Голштинии. В следующем году он «находится при участии» взятия русскими войсками крепости Тенинген и захвате портового города Штеттина.

В том же 1713 году генерал-майор Петр Ласси отличается в сражении при Фридрихштадте на севере Германии. Здесь союзные войска — русские, саксонцы и датчане — нанесли решающее поражение шведской армии под командованием генерала графа Стенбока (Штейнбока). В том сражении на земле Голштинии русской пехотой командовал сам Петр I, а кавалерией — А.Д. Меншиков.

После этого Ласси назначается состоять при армии генерал-фельдмаршала Б.П. Шереметева, воевавшей против шведов в Польше, Померании и Мекленбурге. В итоге Швеция потеряла почти все свои владения на южных берегах Балтийского моря.

КОМАНДИР МОРСКИХ ДЕСАНТНЫХ ОТРЯДОВ

В 1719 году Шведское королевство, находящееся на грани полного военного поражения, решило продолжить Северную войну. Стокгольм уповал на помощь Англии. Царь Петр I, обдумывая план военной кампании на этот год, запросил мнение всех своих генералов и адмиралов. Все они единодушно высказались за решительные действия против шведов, затягивавших переговоры о мире. Ласси также высказался за то, чтобы «десант учинить в Швеции».

Летом 1719 года десантный отряд генерал-майора П.П. Ласси высадился на Шведском побережье вблизи самой столицы королевства — города Стокгольма. Отряд состоял из 21 галеры и 12 островных лодок, являвшихся частью русского галерного флота адмирала Ф.М. Апраксина.

Ласси поручались действия севернее Стокгольма. Его отряд двинулся вдоль берега, высаживая десанты в Эстхаммере и Эрегрунде, уничтожив там литейные заводы. 20 июля русский десантный отряд численностью в 1400 человек близ города Форсмарка разбил равный по численности неприятельский отряд. Шведы, оградив себя засеками (завалами), открыли огонь, но, не выдержав атаки русских, ушли с поля боя, бросив три пушки.

25 июля генерал-майор Ласси высадил 2400 человек десанта для уничтожения крупного железоплавильного завода Леста-Брука. Путь им преградил шведский отряд, которому из-за угрозы обхода с фланга пришлось отступить к своим главным силам. Но и тем пришлось отступить, оставив победителям на поле боя семь пушек.

1 августа отряд Ласси подошел к городу Евле, где под начальством генералов Армфельда и Гамильтона было сосредоточено 3 тысячи солдат регулярной армии и 900 местных ополченцев. Проход вдоль берега к городу защищала 4-пушечная батарея. Из соседнего города Упсала двигалось сильное подкрепление.

Получив такие известия от пленных, Ласси решил не «вдаваться в азарт» и не брать приступом город Евле, где укрепился более

многочисленный противник. Разрушив военные объекты вблизи города, русский десантный отряд двинулся в обратный путь. Шведы не решились пойти на его преследование.

16 августа 1719 года русский галерный флот под флагом адмирала Ф.М. Апраксина и десантные войска генерал-майора П.П. Ласси прибыли к острову Лемланд. Он в то время являлся базой корабельного парусного флота России на ближних подступах к собственной территории Швеции. Там готовилась новая крупная десантная операция, которой суждено было стать по царскому повелению заключительным аккордом в затянувшейся на два десятилетия войне.

Действия русских морских десантов, в том числе и отряда Ласси, способствовали ускорению русско-шведских переговоров и заключению Ништадтского мира. Петр I высоко оценил действия Петра Петровича Ласси в завершающей части Северной войны и наградил его в 1720 году чином генерал-лейтенанта.

Однако война еще продолжалась — новая государыня Швеции сестра Карла XII королева Ульрика Элеонора и ее правительство продолжали упорствовать, больше всего уповая на «провидение». Чтобы «подтолкнуть» противную сторону к подписанию мира, Царь Петр I повелел возобновить высадку морских десантов на Шведское побережье.

В «Экстракте о службах генерала кавалера князя Голицына» упоминается, что он 3 мая 1721 года «отправил на шведскую сторону генерал-лейтенанта Ласси в 5000 человек на 30 галерах и на 30 лодках островских. А возвратился он в Гельсингфорс июля 4-го. А в бытность на шведской стороне, от Гевлянда же до местечка Пите, на сухом пути лежащия к морю местечки и деревни, тако ж и на островах все выжег и несколько взял артиллерии и прочаго, и военных людей побил и в полон взял».

Это была одна из крупнейших десантных операций русской армии и флота в годы Северной войны. Отряд генерал-лейтенанта П.П. Ласси совершенно «разорил» два города Швеции — старый и новый Питеро, четыре местечка (маленьких городка королевства).

Когда морской десантный отряд Ласси дошел до города Умео, ему было приказано прекратить военные действия. 17 июля он вернулся в город Васа на противоположном, Финляндском побережье Ботнического залива. Русские десантники в той последней операции боевых потерь почти не имели.

Основной результат прибрежного похода десантного отряда генерала Ласси состоял в устрашающем, моральном воздействии на стокгольмские власти, всячески затягивавшие подписание мира в Ништадте. Ласси рапортовал князю М.М. Голицыну: «В здешней земле великий страх происходит, а войско, кроме двух полков, кои здесь в Вестерботе (район городов Умео—Питео. — *А. Ш.*), пошло все к Стокгольму...»

Швеция оказалась в состоянии не способной отразить даже нападения на свое побережье сравнительно небольшого по численности русского десантного отряда. Правительство королевы Ульрики Элеоноры спешно стягивало войска для защиты Стокгольма, оставив фактически без прикрытия все северо-восточное побережье страны. Однако переговоры в Ништадте продвигались трудно.

В августе 1721 года генерал князь М.М. Голицын получает царский приказ идти со всем галерным флотом — 124 галеры — на Аландские острова. Вместе с ним туда прибыли и десантные войска под командованием Ласси. Он «прибыл на Аланд и стоял до заключения со Швецией вечнаго мира».

Император Петр Великий распознал не только военный талант ирландца — русского военачальника Петра Петровича Ласси, но и его способности к государственному управлению. В последние годы жизни российского самодержца Ласси состоял членом Военной коллегии (1723—1725 годы).

Во время петровского Персидского похода генерал-лейтенант П.П. Ласси «по причине разстроенного здоровья, имел тогда пребывание в небольшой деревне, ему принадлежащей». Это говорило о том, что среди боевых наград ирландца за Северную войну значилась и «деревенька». Так иноземец на русской службе стал пока еще не очень богатым российским помещиком.

КУРЛЯНДИЯ. ЛАССИ ПРОТИВ МОРИЦА САКСОНСКОГО

Воцарившаяся Императрица Екатерина I в день своего восшествия на престол одарила многих служителей дела своего усопшего великого супруга. Она пожаловала военачальника П.П. Ласси кавалером только что учрежденного ордена Святого Александра Невского и чином генерал-аншефа (полного генерала). Это знаменатель-

ное событие в жизни ирландца произошло 21 мая 1725 года. Он остался и в составе Военной коллегии.

Императрица Екатерина I Алексеевна приблизила новоиспеченного генерал-аншефа к своему двору. Сказалось и то, что светлейший князь Александр Данилович Меншиков дружески относился к Ласси, хорошо зная его неспособность к ведению придворных интриг. Такого человека среди российской властной верхушки Меншикову не приходилось опасаться.

Вскоре генерал-аншеф Петр Петрович Ласси назначается главнокомандующим в Санкт-Петербурге, Ингрии, Новгородской губернии, Эстляндии и Карелии. С 1726 года ему предписывается, по совместительству, исполнять обязанности рижского генерал-губернатора. Это стало началом взлета Ласси в истории Российской империи.

Когда на российский престол взошел юный Император Петр II, управлявший кормилом государства генералиссимус светлейший князь А.Д. Меншиков возобновил усилия свои к получению герцогства Курляндского в собственное владение под эгидой России. Поскольку переговоры на эту тему закончились безрезультатно, то всесильный Меншиков вознамерился силою военною добиться желаемого результата.

В то время престарелый герцог Фердинанд еще здравствовал и думал не столько о смерти, сколько о новой женитьбе. Прямого наследника он не имел, и потому за курляндскую корону развернулась нешуточная схватка. Герцог искал руки сразу двух знатных невест того времени: цесаревны Елизаветы Петровны (за которую также сватался в 1728 году принц Мориц Саксонский) или вдовствующей герцогини Анны Иоанновны (Ивановны). Последняя его ненавидела; первая желала сохранить свою личную независимость. Поэтому герцог Фердинанд в 1730 году вступил в брак с принцессой Саксен-Вейсенфельдской Яганной Магдалиной.

Герцог Фердинанд, зная покушения на свой престол, решил обезопасить себя на последних годах жизни от настойчивого в честолюбивых устремлениях Меншикова. Не без ведома Фердинанда в 1726 году сейм курляндских и семигальских государственных чинов избрал наследником герцога известного полководца принца Морица Саксонского. Светлейший князь в столице Российской империи остался, как говорится, с носом.

Тогда в 1727 году Меншиков приказывает генерал-аншефу П.П. Ласси выступить во главе экспедиционного корпуса из трех

пехотных и двух кавалерийских полков в Курляндию. Задача стояла одна: не допустить в Курляндию принца Морица Саксонского, а если он туда уже прибыл, то выслать его восвояси.

Ласси не составило большого труда выяснить, что принц находится уже в Курляндии и пребывает со своей многочисленной свитой на острове Оснанген. Полковник Функ получает приказание корпусного командира арестовать Морица Саксонского. Когда русский отряд прибыл на остров, то наследник герцога Курляндского успел скрыться на рыбачьей лодке. Полковник Функ арестовал свиту принца, состоявшую из 106 вооруженных людей, его имущество и личную канцелярию.

Принц Мориц Саксонский в борьбе за герцогскую корону решил применить дипломатический прием. Он обратился к Ласси с письменным предложением: ежегодно выдавать Меншикову по 40 тысяч ефимков, если он откажется от своего намерения, которое может вовлечь российский двор в войну с польским, отчего возмутится тишина всей Европы.

Принц также обещал 2 тысячи червонцев тому, кто возьмет на себя содействие в этом деле. (Здесь Мориц Саксонский, разумеется, имел в виду прежде всего самого генерал-аншефа П.П. Ласси.) На словах посланец к русскому военачальнику обещал удвоить обещанную светлейшему князю Меншикову сумму.

Записка принца Морица Саксонского была доставлена в Санкт-Петербург в тот самый день, когда А.Д. Меншиков, лишенный чинов и знаков отличий, был выслан из столицы. Однако генерал-аншеф Петр Петрович Ласси удостоился похвалы Императора Петра II — Курляндия, из которой бежал избранник на герцогский престол, была сохранена за Российской империей. За успешное выполнение дела государственной важности Ласси получает пост губернатора Лифляндии.

ВОЙНА СО СТАНИСЛАВОМ ЛЕЩИНСКИМ. ОСАДА ДАНЦИГА

С воцарением на российском престоле Императрицы Анны Иоанновны (Ивановны) начинается полководческая биография Петра Петровича Ласси. До этого он был только исполнителем чужой воли, хотя и значился среди лучших военачальников Петра

Великого в последние годы Северной войны, не раз отличаясь в делах против шведов.

В Польше разгорелась борьба за королевский престол между российским ставленником саксонским курфюрстом Августом III и Станиславом Лещинским. Август II, прежний король Польский и довольно ненадежный союзник Петра Великого в Северной войне, умер 1 февраля 1733 года, оставив свободной корону Польши.

Станислав Лещинский уже владел ею по воле шведского короля Карла XII, однако продержался на троне Речи Посполитой совсем недолго. Он мог опереться на военную помощь своего зятя Людовика XV, короля Франции. Россия в союзе с Австрией поддерживала наследника короля Августа II — его сына курфюрста Августа III. Началась война за польское наследство, и Речь Посполитая раскололась на два враждующих между собой лагеря.

Императрица Анна Иоанновна и ее министры решили послать в Польшу 27-тысячное войско, но сразу его собрать не удалось. Из Риги выступил со своим корпусом генерал-аншеф Ласси (он был назначен командующим русскими войсками), а из Смоленска — отряд генерал-лейтенанта Загряжского.

В августе 1733 года корпус П.П. Ласси перешел государственную границу и вступил на территорию Речи Посполитой. Не встречая особого сопротивления со стороны сторонников Станислава Лещинского, экспедиционные войска заняли города Ковно и Гродно, варшавское предместье Прагу.

Лифляндский губернатор сумел хорошо подготовить свой корпус к предстоящему Польскому походу. Подчиненные ему войска состояли из 11 пехотных и 3 драгунских полков при 25 орудиях. По дороге русские солдаты не обижали местное население, демонстрировали дисциплинированность и стойко преодолевали известные трудности бездорожья — дожди и грязь.

В варшавском пригороде Праге собрался сейм сторонников Августа III, и саксонского курфюрста избрали королем Речи Посполитой. Но в самой польской столице сидели сторонники Станислава Лещинского, которые не признали саксонца своим монархом.

Тогда генерал-аншеф Ласси решил разрешить спорный вопрос вооруженной рукой. Его войска переправляются через реку Вислу и занимают Варшаву. Неприятель отступает из нее на юг, в древнюю столицу Польши город Краков. Ласси 5 октября занимает войсками и его.

Не решаясь оказать сопротивление русской армии в чистом поле, Станислав Лещинский со своими приверженцами засел в приморской крепости Данциг (ныне польский город Гданьск). Там он надеялся получить морем военную помощь от Франции. Корпус лифляндского губернатора двинулся к балтийским берегам. У него в то время имелось под командованием только 12 тысяч человек. В то время как у Станислава Лещинского имелось свыше 30 тысяч и гораздо больше артиллерийских орудий.

Зная об этом, командующий небольшим русским войском (по силе равное небольшому армейскому корпусу) вел себя осторожно. По пути к Данцигу был взят город Торн, который добровольно подчинился воле короля Августа III и впустил в свои стены русский гарнизон.

Вскоре началась осада города-крепости Данцига. В Санкт-Петербурге с нетерпением ждали победной реляции о его взятии, но Ласси не спешил со штурмом. Тогда в осадные войска прибыл от Императрицы Анны Иоанновны новый командующий генерал-фельдмаршал Б.Х. Миних На военном совете он решительно выступил за штурм крепости, Ласси же был против.

Осторожность последнего была разумна и понятна: перевес в силах был на стороне неприятеля. К городу, расположенному в семи верстах от устья Вислы, доступ сильно затруднялся самой полноводной рекой и ее протоками, болотистой низменностью. Данциг со всех сторон опоясывали сильные крепостные сооружения бастионной системы. Особенно мощно выглядели бастионы на господствующих высотах Бишофоберг и Гагельсберг. В речном устье стоял мощный форт Вексельмюнде, прикрывавший вход в данцигскую гавань.

Строя вокруг Данцига осадную линию, генерал-аншеф Ласси расположил свои войска в городских предместьях. Однако их пребывание там вскоре натолкнулось на неизбежные трудности в каждой войне: кавалерийские полки из-за нехватки фуража пришлось отвести подальше от крепости, к Старгарду. Под самим Данцигом осталось всего восемь с половиной тысяч пехотных солдат.

Генерал-фельдмаршал Миних, человек излишне самоуверенный и оттого чрезвычайно решительный, не внял предостережениям Ласси и таких опытных военачальников, как генералы Барятинский и Волынский. Они убеждали нового командующего в том, что нужно подождать подхода подкреплений — русских и саксонских

пехотных полков, подвести осадные орудия. Однако Миних остался глух к возражениям и начал военные действия — занял несколько данцигских предместий и окрестные города Эльбинг и Мариенбург.

Это были только частные успехи. Осада сильной неприятельской крепости Данциг затягивалась и при Минихе. Русское командование обнадеживало только то обстоятельство, что из России подходили новые полки, которые усиливали осадные войска.

Тем временем сторонники Станислава Лещинского заметно оживились на юге Польши. В начале апреля 1734 года Миних отправляет генерал-аншефа П.П. Ласси во главе кавалерийского отряда в три тысячи драгун с задачей разгромить отряд польского графа Тарло и кастеляна Терского численностью в восемь тысяч конников-конфедератов (по другим сведениям — в 10 тысяч человек). Этот неприятельский корпус двигался на помощь к осажденному в Данциге Станиславу Лещинскому и мог ударить в тыл русским осадным войскам.

Отряд Ласси перехватил конфедератов на равнине у городка Висичина, где и разыгралось сражение. Сначала русская кавалерия выбила неприятельский авангард из деревни Смазина, потом, преодолев в наступлении два оврага, атаковала главные силы поляков. Генерал-аншеф для сражения оставил в конном строю семь полков, а двум приказал спешиться и взять на себя роль атакующей пехоты.

Первыми вперед устремились спешенные Каргопольский и Рижский драгунские полки. Пока конные солдаты в пешем строю преодолевали встретившиеся на пути овраги, казаки прикрывали их от наскоков польской конницы. Когда весь русский отряд оказался на равнине, Ласси выстроил для боя все свои силы. Русские кавалеристы успешно отбили атаку вражеской конницы и затем сами пошли вперед. Сражение у Висичина продолжалось всего один час и закончилось тем, что конфедераты графа Тарло бежали с поля боя, рассеявшись по окрестностям.

Висичинская победа пополнила послужной список генерал-аншефа Петра Петровича Ласси. Он продемонстрировал высокое искусство ведения полевой баталии против неприятеля, значительно превосходившего его в силах. Победа получилась звучной для Санкт-Петербурга — там просто заждались победных реляций из Речи Посполитой. Императрица Анна Иоанновна прислала в адрес победителя высочайший рескрипт с благодарностью «за показанную верность и знатную службу», «совершенную викторию».

Успех у Висичина облегчил, естественно, положение русских войск под осажденным Данцигом. Теперь не приходилось опасаться удара конницы конфедератов в свою спину. Генерал-фельдмаршал Миних к тому времени уже понял, что для штурма крепости нужны дополнительные и немалые силы. Он потребовал от Санкт-Петербурга осадные орудия числом не менее 60 и большое число боезарядов к ним.

Из российской столицы была дана соответствующая команда, и вскоре под Данциг из Риги прибыла осадная артиллерия. Не проведя необходимой бомбардировки, спешивший отличиться Миних провел неудачный штурм укреплений на горе Гагельсберг. Поражение обошлось осаждавшим в более чем две тысячи убитых и раненых солдат и офицеров.

Потери при штурме бастионов Гагельсберга могли бы стать еще большими, если бы не действия Ласси. Он с риском для собственной жизни вывел из-под неприятельского огня остальные штурмующие войска (около тысячи человек), которые вынужденно укрылись во рву около вражеских укреплений.

Генерал-фельдмаршал Б.Х. Миних после этой неудачи стал действовать более осмотрительно. Под крепость были стянуты из Польши русские и саксонские полки. Всего в осадном лагере собралось 15,5 тысяч солдат (в том числе 1600 больных), 7 сотен казаков и 21 эскадрон саксонской кавалерии.

Подошедший к устью реки Вислы, по требованию Миниха, русский Балтийский флот — его корабельная эскадра — заставил французскую эскадру оставить данцигский рейд и уйти подальше от берегов в море. Теперь вокруг города-крепости замкнулось осадное кольцо.

5 июня русская осадная артиллерия, доставленная на кораблях Балтийского флота, открыла огонь по позициям французского десанта, и на шестой день он капитулировал. 14 июня на милость победителей сдался гарнизон форта Вексельмюнде. Через несколько дней из Данцига, переодевшись в крестьянское платье и прихватив с собой казну, бежал Станислав Лещинский. Это известие привело в шок осажденный гарнизон, состоявший из сторонников беглеца.

26 июня огромный числом крепостной гарнизон и город Данциг капитулировали, признав над собой власть короля Августа III. Очень

хорошо показавший себя под Данцигом генерал-аншеф П.П. Ласси был награжден польским королем орденом Белого Орла. К тому времени на его боевом счету числилась еще одна победа — «истребление» крупного отряда конфедератов под начальством пана Мощинского.

Отечественные исследователи истории военного искусства единодушно высоко оценивают деятельность военачальника Петра Петровича Ласси в ходе войны за польское наследство. Он с полным на то основанием называется в 30-х годах того столетия представителем боевых традиций петровской армии периода Северной войны.

РЕЙНСКИЙ ПОХОД. НАГРАДА — ЧИН ГЕНЕРАЛ-ФЕЛЬДМАРШАЛА

Следующий, 1735 год вновь стал походным для Ласси. Согласно союзному русско-австрийскому договору, русская 20-тысячная армия под его командованием выступила на помощь императору Священной Римской империи Карлу VI — в австрийские владения вторглись французские войска. Вена запросила у Санкт-Петербурга скорой помощи, и российская армия начала поход к берегам Рейна.

Русским полкам пришлось продвигаться в малонаселенных, бедных продовольствием местах. Солдаты терпели голод, поскольку снабжение провиантом было налажено из рук вон плохо. Особенно трудно пришлось в горах Силезии, где немало солдат дезертировало. Но в Богемии и Верхнем Палатинате все вздохнули с облегчением — наладилось дело с продовольствием, дороги стали лучше.

На протяжении всего похода к Рейну командующий русскими войсками поддерживал в них строгую дисциплину и порядок, что вызывало восхищение у союзников-австрийцев и местных жителей. На последних лежали все тяготы по обеспечению провиантом любых войск, которые маршировали по данной местности.

У города Гейдельберга армия генерал-аншефа П.П. Ласси объединилась с австрийскими войсками. Ими командовал прославленный в Европе полководец принц Евгений Савойский. Русские полки получили австрийское обмундирование и продолжили поход к рейнским берегам.

Появление на театре военных действий русской армии быстро отрезвило противников австрийской короны, и французы запросили мира. Война между Священной Римской империей и Францией была завершена. Последняя не пошла на расширение военного конфликта и втягивания в него России на противной стороне.

«Вспомогательные» русские войска двинулись в далекий обратный путь в российские пределы, став на мирных переговорах главной козырной картой дипломатов Вены. В Париже еще хорошо помнили недавнюю капитуляцию французского десанта под осажденной Данцигской крепостью и роль Ласси в том деле.

В марте 1736 года находившийся в Вене русский полководец был осыпан милостями австрийского императора Карла VI. Он пожаловал Ласси собственный свой портрет, осыпанный бриллиантами, для ношения на парадном мундире и выдал за ратные труды денежную награду в 5 тысяч червонцев.

Еще большая награда Петру Петровичу Ласси пришла из столицы России. В феврале он получил от Императрицы Анны Иоанновны фельдмаршальский жезл. Так ирландец по своим военным заслугам стал генерал-фельдмаршалом Российской империи.

Кроме того, полководец получил от самодержавной правительницы еще одну высокую награду. Он получил в июне 1735 года из кабинета Государыни Высочайший указ, дававший ему, за дальностью расстояния от Санкт-Петербурга, право производить достойных людей в штаб-офицеры (старшие офицерские чины), вплоть до чина полковника. Такое узаконенное право являлось большой привилегией командующего русского экспедиционного корпуса в австро-французской войне.

ВОЙНА С ТУРЦИЕЙ. ВО ГЛАВЕ ДОНСКОЙ АРМИИ

В том же году началась русско-турецкая война 1735—1739 годов. Генерал-фельдмаршал П.П. Ласси незамедлительно отправляется на Юг России, только-только вернувшись из Заграничного похода. 16 апреля в Царицынке он встречается с генерал-фельдмаршалом Минихом, назначенным главнокомандующим русской действующей армией, хотя на протяжении всей войны двум прославленным полководцам пришлось действовать вполне самостоятельно.

Театр военных действий охватывал Крымский полуостров, причерноморские и приазовские степи, южные земли Речи Посполитой и восточную часть Молдавии. Со стороны России война стала продолжением борьбы за «окно в Европу» на Юге, за возвращение древних славянских земель в Северном Причерноморье. Ей противостояли Оттоманская империя и ее вассал Крымское ханство. Ближайшей целью первой военной кампании стал захват Азовской крепости, утерянной после Прутского похода Царя Петра I в 1711 году.

Следует отметить, что правительство России стало готовиться к неизбежной войне с Турцией задолго. Уже к сентябрю 1733 года полевую армию пополнили рекрутами и лошадьми, провиантом, огневыми припасами и вещевым имуществом. Получили усиление войска, стоявшие на Украинских пограничных укрепленных линиях. Военная коллегия позаботилась о многом, чтобы начало боевых действий оказалось успешным для русской армии.

В первый же год войны главнокомандующий генерал-фельдмаршал Б.Х. Миних начал осаду крепости Азов, в которой находился сильный турецкий гарнизон. Однако явный недостаток артиллерии, прежде всего осадной, боевых припасов заставил Миниха отказаться от штурма Азовской крепости. Неудачным оказался и предпринятый в 1735 году поход корпуса генерала Леонтьева к Крыму.

Зима прошла в подготовке русской полевой армии ко второй военной кампании. Штаб-квартира главнокомандующего разместилась в приграничном городе Изюме. Из Польши и Литвы на российский Юг прибыли свежие полки. В подчинение Миниха перешла Донская военная флотилия вице-адмирала Бределя, состоявшая из 19 больших и 6 малых прамов, 35 галер и 30 каек.

План военной кампании 1736 года предусматривал наступательные действия на двух направлениях — на крепость Азов и против Крыма. Ситуация складывалась как будто благоприятная, о чем не раз говорил генерал-фельдмаршал Миних: «Ныне к стороне ея императорского величества конъюнктуры счастливо состоят». Здесь он имел в виду неподготовленность Стамбула к войне с Россией, слабость Турции и военную мощь ее противника, наличие у Санкт-Петербурга такого сильного союзника, как Австрия.

Стали формироваться две полевые действующие армии — Донская и Днепровская. Полки первой собирались в крепости Свя-

той Анны, второй — на берегах Днепра в Царицынке, стоявшей на реке Орели. Командование Донской армией вверялось генерал-фельдмаршалу П.П. Ласси, возвращавшемуся с экспедиционными войсками из похода на Рейн. Такое высочайшее предписание он получил 17 февраля.

Донскую армию Военная коллегия расписала большой численности: 37,5 тысяч солдат и драгун регулярных войск, 8 тысяч донских казаков при 284 разнокалиберных полевых орудиях и 36 осадных пушках. Однако весной к началу боевых действий готовыми выступить в поход оказалось всего около 9 тысячи человек.

Поскольку Ласси еще не прибыл к войскам Донской армии, ее возглавил сам главнокомандующий. Миних обложил турецкую крепость, овладел двумя башнями-каланчами, запиравшими выход в Азовское море из Дона, и полевой крепостью Лютик. Но вскоре генерал-фельдмаршал уехал в Царицынку для подготовки Днепровской армии к походу на Крым, к Перекопу.

Под Азовом за главного начальника остался генерал-лейтенант Левашов. Блокада турецкой крепости продолжалась. 4 мая к войскам Донской армии прибыл ее командующий генерал-фельдмаршал Петр Петрович Ласси.

По пути с ним чуть не приключилась большая беда. В степи между Изюмом и пограничной укрепленной линией на небольшой числом казачий конвой командующего из засады напал крупный отряд крымской конницы. В жаркой схватке казаки были рассеяны частью по степи, а частью взяты в плен. Добычей нападавших стали дорожные экипажи и личные вещи Ласси, а сам генерал-фельдмаршал едва успел ускакать от погони за ним.

К дню его прибытия на место в составе Донской армии, стоявшей под Азовом, насчитывалось почти 12 тысяч человек. Командующий произвел смотр войск. Многие, по его результатам, «явились весьма не в состоянии»: одни плохо обучены, другие в «мундирной одежде, которая весьма изношена», у иных ее вовсе не было. В осадном лагере отсутствовали дрова и имелось совсем мало провианта — солдаты питались одним хлебом. Генерал Левашов не мог ничего предпринять серьезного против осажденной крепости из-за неприбытия осадной артиллерии, лишь отбивая частые вылазки турецкого гарнизона.

В осажденном Азове, наоборот, дела обстояли в полном порядке. Всяких воинских припасов имелось в достатке. По дан-

ным русской разведки, крепостной гарнизон насчитывал всего две тысячи человек, на самом же деле неприятель исчислялся в пять тысяч человек. Боевой дух осажденных османов был высок по причине полной неудачи русских в первую военную кампанию.

ОСАДА И ВЗЯТИЕ КРЕПОСТИ АЗОВ

По прибытии к войскам Ласси произвел рекогносцировку вражеской крепости. «Город, по-видимому, — как лично убедился генерал-фельдмаршал, — находится в твердом состоянии и по производимой ежедневно пальбе артиллериею довольно и гарнизоном по чинимым до сего времени вылазкам и нынешним их поступкам содержит себя неоплошно».

Известие о прибытии в недалекую Тамань турецкого десанта (он так и не решился двинуться на выручку осажденному азовскому гарнизону) заставило ускорить инженерные работы. С речных судов началась выгрузка прибывших по Дону осадных орудий. Постепенно прибывали новые воинские команды, и вскоре войска Ласси исчислялись почти в 25 тысяч человек. Но азовских турок это нисколько не устрашало, и они продолжали совершать частые вылазки, которые, однако, отбивались русскими с неизменным успехом.

Вскоре под Азовом появилась Донская военная флотилия вице-адмирала Бределя. Часть ее судов командующий распорядился поставить в устье реки. Султанский флот, подошедший туда, не решился ввязаться в морской бой и ушел в море, так и не оказав помощи азовскому гарнизону, которой тот ожидал.

На военном совете принимается решение штурмовать крепостные бастионы с южной и юго-западной стороны Азова, а с севера провести только демонстрационную атаку. С начала мая начинается подготовка приступа. К тому времени прибыла почти вся осадная артиллерия. Устраиваются пять редутов, три пушечные и пять мортирных батарей, роются траншеи. Всего для бомбардировки крепости было установлено 46 тяжелых орудий.

Первоначально артиллерийский обстрел вражеской крепости большого эффекта не давал. И только с прибытием Донской военной флотилии, боты которой имели «изрядное» количество орудийных стволов, бомбардировка стала более действенной.

Ширившиеся с каждым днем земляные работы русских вызвали большое беспокойство осажденных. Однажды турки пошли на очередную вылазку — напали на рабочую команду (600 человек) левого фланга осадной линии и начали ее теснить. Проезжавший мимо командующий увидел отступление своих солдат, собрал около 200 драгун из ближайших пикетов и резервов и контратаковал нападавших. Турки бежали к крепости, а русские, преследуя их, заняли укрепленный вражеский пост в каких-нибудь 15 шагах от ограды фортштадта. Опытный Ласси незамедлительно приказал устроить здесь три батареи. На них несколько раз нападали турки, но всякий раз неудачно.

Сильная бомбардировка привела к удачному попаданию в крепостной пороховой погреб, и он со страшным грохотом взлетел на воздух. Взрыв разрушил внутри крепости немало домов и привел к гибели более 300 турецких солдат. Гарнизон оказался деморализованным, и ответный его пушечный огонь заметно ослаб.

Генерал-фельдмаршал П.П. Ласси действовал умело и энергично. К крепостному палисаду были подведены траншеи. Перебежчики-армяне указали русскому командованию на слабые места крепостных укреплений. Ласси приказывает провести ночной штурм. Отряд из 300 гренадер, 700 мушкетер и 600 донских казаков под начальством полковника Ломана берет приступом крепостной палисад и городское предместье. Ночная атака велась под огневым прикрытием всех осадных батарей и пушек кораблей Донской военной флотилии.

На третий день — 20 мая — после этого ночного штурма турецкий гарнизон капитулировал, поскольку он оказался в безвыходном положении. Османы сдавали крепость на условиях свободного выхода из Азова и сдачи его в собственность российской Императрицы.

Город, потерянный ранее Россией, снова был освобожден от турок. Устье Дона было теперь свободно для выхода русских кораблей в Азовское море. В самой крепости победителям досталось в качестве трофеев 135 разнокалиберных пушек и мортир.

Овладение Азовской крепостью стало первой большой победой русского оружия в идущей второй год войне. Императрица Анна Иоанновна «за верные и радетельные службы» наградила генерал-фельдмаршала Петра Петровича Ласси орденом Святого апостола Андрея Первозванного.

Командующий Донской армией приказал привести азовские укрепления в порядок, начал перебрасывать осадную артиллерию в город Изюм и стал готовиться к походу в Крым, на помощь армии фельдмаршала Миниха. Тот пока действовал без особых успехов. Однако выступление Донской армии задерживала переписка с Санкт-Петербургом, откуда из Военной коллегии давались приказы.

В это время генерал-фельдмаршалу П.П. Ласси пришлось заниматься и делами на Кубани. Там кочевала большая орда крымских (ногайских) татар. В апреле месяце предводитель калмыков Дондук-Омбо с войском в 20 тысяч всадников в верховьях реки Урупы разбил примерно такое же по численности ханское войско.

Затем к калмыцкой коннице присоединились 4 тысячи донских казаков атамана Краснощекова и около полутора тысяч кабардинцев. Это конное войско совершило рейд по кубанским степям, всюду настигая крымчаков. Те после падения Азовской крепости потеряли возможность уйти в Крым или к Дунаю, в турецкие пределы. В конном бою на берегах Кубани ханская орда потерпела полное поражение, а ее ставка Катлу была предана огню и разрушению.

За время военной кампании 1736 года генерал-фельдмаршал П.П. Ласси показал себя очень способным и энергичным командующим армией, добросовестным и распорядительным по отношению к нижним чинам, лично храбрым человеком. Прибыв под Азов, осада которого началась без заранее продуманного плана, он составил его и целеустремленно провел в жизнь.

В занятом Азове Ласси дал своей армии месячный отдых, одновременно приказав уничтожить (срыть) все осадные сооружения, чтобы ими не могли воспользоваться турки. В крепости оставлялся гарнизон силой в 5 полков: четыре пехотных и один драгунский. В случае чего к ним могла прийти скорая помощь от донских казаков.

Руководствуясь ранее утвержденным планом военной кампании, командующий Донской армией повел свои войска к Перекопу. Одна походная колонна (три тысячи гренадер и драгун с двухмесячным запасом продовольствия на подъемных лошадях) шла степью вдоль морского побережья через Таганрог, Калмиус и Молочные Воды. Вторая колонна тоже в три тысячи человек шла через крепость Святой Анны, Луганск, Изюм и Царицынку (там

имелись провиантские склады). Остальные войска двигались вслед за второй колонной.

Командующий армией находился при первой колонне. Ее авангардом стали шесть тысяч донских казаков атамана Краснощекова. В августе на берегах реки Миус Ласси получил известие об отступлении Днепровской армии генерал-фельдмаршала Миниха от Перекопа (после рейда внутрь Крымского полуострова) и появлении ногайских татар у Бахмута. Это заставило Петра Петровича повернуть в другую сторону, и 26 августа он прибыл в Изюм. Войска Донской армии расположились в районе Северского Донца на зимних квартирах.

«НАКАЗАНИЕ» КРЫМСКОГО ХАНСТВА

По плану военной кампании 1737 года Донской армии генерал-фельдмаршала П.П. Ласси предстояло совершить поход в Крым. Теперь армия состояла из 40 тысяч регулярных войск и 15 тысяч иррегулярных. Армии Миниха предстояло действовать против сильной турецкой крепости Очаков. Война продолжалась по миниховскому плану, который был представлен Императрице Анне Иоанновне «ко Всемилостивейшей апробации».

В январе 1733 года Ласси после посещения в городе Глухове военного совета у главнокомандующего графа Миниха снова возвратился в Азов. Началась подготовка к походу артиллерии, подвозка боеприпасов к ней, провианта и амуниции (войска успели за войну заметно пообноситься). Донская армия заметно увеличилась за счет иррегулярной конницы — донских и украинских казаков, отрядов башкир и калмыков.

4 мая Донская армия в количестве 25 тысяч человек выступила на запад, идя вдоль морского побережья. По пути строились земляные полевые укрепления — редуты, в которых оставлялись небольшие гарнизоны. Военная флотилия Бределя шла вдоль берега, на ее судах везли тысячный десантный отряд и провиант.

Как полководец, Петр Петрович Ласси удачно продумал план вторжения русской армии в Крым. Хан со своей 60-тысячной конной армией стоял у Перекопа, ожидая, что русские будут через него прорываться внутрь полуострова. Однако командующий Донской армией проявил военную хитрость и обманул неприятеля.

Ласси двинул свою армию не к Перекопу, а к Сивашу (Гнилому морю). Он решил избежать штурма перекопских укреплений и обойти их, переправившись через пролив и дальше двигаясь по узкой песчаной Арабатской косе (Арабатской стрелке). Из морских судов был устроен мост, и русские полки переправились через пролив, двигаясь по косе к ханской крепости Арабат.

Русским войскам предстояло пройти по узкой косе длиной в 106 верст. По пути почти все подчиненные фельдмаршалу генералы (за исключением одного генерал-лейтенанта Шпигеля) дружно явились в палатку командующего и заявили ему, что риск похода по узкой песчаной косе слишком велик и армию нужно повернуть назад.

Ласси ответил своим военачальникам (генерал-аншефу Левашову, генерал-лейтенантам графу Дугласу и Брилли, генерал-майорам Брини, Еропкину-младшему, Девицу и другим), что любой военный поход сопряжен с опасностью, а этот не больше других. Командующий предложил всем им вернуться в Малороссию: вот вам, мол, конвой из 200 драгун и можете отправляться в спокойный тыл. И ждите там моего возвращения из Крыма. Только через три дня Петр Петрович изменил свое решение — «изволил» генералитету остаться при армии.

Начавшаяся переправа русских войск через Сиваш на Арабатскую стрелку привела стоявшего у Турецкого вала крымского хана в замешательство. Он вместе со своими султанскими советниками исключал переход русских через Гнилое море и появление их в Крыму со стороны Арабата.

Конная армия хана поспешила от Перекопа к Арабату, чтобы запереть для русских выход с косы на полуостров. Крымский хан настолько был уверен в предстоящей победе, что послал часть своей конницы к Генчи, чтобы уничтожить наплавной мост через Сиваш на Арабатскую стрелку. Тем временем перед ней появился турецкий флот, напавший на флотилию вице-адмирала Бределя, которая сопровождала Донскую армию, двигавшуюся по узкой песчаной косе. Но русские моряки отбили нападение огнем своей многочисленной, но малокалиберной артиллерии.

Вице-адмирал П.П. Бредель расположил свою флотилию для морского боя в две линии всего в 100 саженях от берега. Флотилия в то время состояла из 217 мореходных лодок, вооруженная каждая двумя 3-фунтовыми пушками. Лодки стояли на 6-футовой

глубине, недоступной для глубоко сидящих неприятельских парусных кораблей.

Командующий Донской армией приказал возвести на косе две батареи из полевых пушек, чтобы поддержать огнем флотилию. Между батарейными позициями пехотинцы вырыли окопы. Теперь султанский флот в случае его близкого подхода к косе ожидала жаркая встреча.

Однако к ночи задул свежий, все усиливающийся ветер, перешедший в шторм и продолжавшийся целые сутки. Донская военная флотилия сильно пострадала от морской стихии: 170 ее лодок были полностью затоплены на мелководье, частью сорваны с якорей и разбиты о берег. После шторма в строю осталось всего 47 лодок.

30 июня у Арабатской стрелки произошел морской бой. Турецкие парусные корабли открыли частую пальбу по линии русских лодок, стоявших у самой косы и по береговым батареям. Галеры и полугалеры неприятеля, выстроившись полумесяцем, пошли в атаку на веслах, непрерывно стреляя из носовых пушек.

Артиллерийская стрельба с турецких кораблей отличалась «совершенно» слабой меткостью. Русские же пушкари и с лодок, стоявших на якорях, и с берега метко обстреливали приближавшиеся вражеские корабли. После часовой перестрелки султанский флот отошел подальше от берега и к ночи скрылся за горизонтом. Потери турок остались неизвестны, но у русских не оказалось ни одного убитого и ни одного раненого.

Морской бой 30 июня 1737 года у Арабатской косы оказался первым и последним между русским и турецким флотами в Азовском море за всю историю многочисленных войн между Россией и Блистательной Портой.

Донская армия своим авангардом подошла к городку Арабату у окончания косы, где уже изготовилась для боя конная армия крымского хана. Ласси и на этот раз обманул своего противника. Армейские войска он повел в обход вражеской позиции, а перед ней устроил ложную военную демонстрацию силами отряда майора Храпова, состоявшего из 300 драгун, 1600 казаков при 4 пушках.

Русские войска двинулись в глубь Крымского полуострова вдоль берегов речушек Салгир и Индаки, разоряя по пути селения. Крымский хан, просмотревший и на сей раз маневр Ласси, оставил позицию у Арабата и поспешил к городу Карасу-Базару. 12 июля

в 29 верстах от города он атаковал своей конной армией русский авангард. Сражение отличалось большим упорством. Только прибытие к месту баталии самого генерал-фельдмаршала П.П. Ласси с подкреплениями решило исход дела.

Потеряв 600 всадников, хан стал отступать в направлении Крымских гор. Русские драгуны, казаки, калмыки преследовали крымцев на расстоянии 15 верст, вплоть до лесистых гор. В них ханские воины, рассеиваясь по пути, скрылись.

14 июля Донская армия продолжила наступление, имея в авангарде 6-тысячный отряд под командованием генерала Дугласа. У самого Карасу-Базара, на высотах за рекой, был обнаружен ханский лагерь, в котором находилось примерно 12—15 тысяч конников. Русский авангард атаковал и лагерь, и город, одержав над неприятелем «совершенную» победу. Карасу-Базар был разорен и предан огню. На следующий день Ласси разбил на реке Карасу 70-тысячное крымское конное войско, которое попыталось отрезать русскую армию от ее походного лагеря, оставшегося позади.

Ласси отправил для преследования разгромленного неприятеля калмыков под предводительством Голдан-Нармы, сына хана Дондук-Омбо. Калмыцкая конница два дня двигалась через Крымские горы и дошла до самой столицы ханства города Бахчисарая. Назад она вернулась с тысячью пленников.

Вскоре для Донской армии начались немалые трудности. Летний зной, недостаток продовольствия и особенно фуража, хорошей питьевой воды привели к многочисленным заболеваниям. Тогда военный совет армии принимает решение уйти из Крыма к реке Молочной.

План Крымской операции был выполнен — ханство, живущее разбоями, наказано за предыдущие набеги на российские границы. Около тысячи селений подверглись «истреблению», военной добычей стало несколько тысяч волов и 100 тысяч баранов. Войска боевых потерь почти не имели, но полковые лазареты оказались переполненными тяжелобольными.

Чтобы избежать крайне неудобного маршрута по Арабатской косе, генерал-фельдмаршал Ласси направляет армию к урочищу Шунгары, к востоку от Перекопа. Здесь Сиваш очень суживался между полуостровом и материком. В этом месте и был наведен через Гнилое море понтонный мост. Переправа началась 22 июля.

В этот же день к месту переправы через Сиваш подошла армия крымского хана. На сей раз его конница была подкреплена

несколькими тысячами турок, прибывшими из крепости Кафа. Атаки неприятеля отбивались огнем полевой артиллерии и ружейными залпами. 24-го числа русские войска полностью оставили Крым.

Ласси беспрепятственно и без потерь вывел свои войска к Молочным Водам, на хорошие пастбища для лошадей и скота. Для предотвращения неожиданных набегов крымчаков к Перекопу и Днестру были высланы сильные разъезды. Хан после ухода Ласси из Крыма вывел было свою конную армию из-за Перекопа, однако от набега на Украину отказался — в Молочных Водах стояли русские полки.

Однако непредвиденная опасность возникла на востоке — на правобережье Дона напали кубанские татары, которые разорили несколько казачьих станиц и увели с собой несколько тысяч пленников, 36 тысяч голов скота и сожгли около 12 тысяч копен хлеба. В то время почти все военнообязанные казаки находились в армиях Ласси и Миниха. Генерал-фельдмаршал П.П. Ласси незамедлительно направляет на Дон часть донских казаков из своей армии — более трех тысяч человек во главе с атаманом Краснощековым.

В конце сентября военные действия в Северном Причерноморье, по сути дела, прекратились. В конце сентября полки Донской армии стали расходиться по зимним квартирам, которые были определены для них в населенных пунктах по берегам Северского Донца и Дона.

НОВОЕ ВТОРЖЕНИЕ В КРЫМ

Зима прошла в подготовке к новой военной кампании 1738 года. Императрица Анна Иоанновна утвердила план главнокомандующего графа Миниха: Днепровская армия действует против крепости Бендеры в направлении на Молдавию, Донская — вновь против Крымского ханства. В том году в войну против Турции наконец-то вступила союзная России Австрийская империя.

План новой кампании стал очередным шагом борьбы России против Блистательной Порты за Северное Причерноморье, за ликвидацию Крымского ханства. Способ действий обеих армий определялся формулой: «искать с неприятелем баталию дать». Причем командующим армиями — «командующему генералитету» —

предлагалось действовать «по конъюнктурам и по неприятельским подвигам», то есть соответственно складывающейся обстановке.

В ноябре 1737 года генерал-фельдмаршал П.П. Ласси прибыл в Санкт-Петербург для доклада Императрице Анне Иоанновне и Военной коллегии. В столице он долго не задержался — дела требовали возвращения его назад к армии. Забот оказалось много: не хватало рекрутов и лошадей, денег и различных воинских припасов. После всяких трудностей и улаживаний 35-тысячная Донская армия изготовилась к новому походу в Крым.

К середине апреля 1738 года армия сосредоточилась в городе Бахмуте в верховьях реки Кальмиус. Флотилия Бредель с новопостроенными мореходными судами — в Таганроге. В Бахмут генерал-фельдмаршал прибыл 17 апреля, а уже 30-го числа его полки двинулись в поход.

Донская армия шла двумя колоннами. 8 мая обе части армии соединились у урочища Вершина Волчьих Вод. Здесь собралось 15 пехотных, 7 драгунских и 6 ландмилиционных полков. Иррегулярную конницу составляли донские казаки и калмыки. Двумя походными колоннами войска выступили к Берде на берегу Азовского моря. Здесь Ласси нашел флотилию вице-адмирала П.П. Бредель и около пяти тысяч донцов.

Построив у Берды редут и оставив в нем больных под защитой шести сотен казаков, Ласси повел войска дальше на запад. Крымский хан выслал ему навстречу для разведки тысячный отряд, который наголову был разбит казаками полковника Машлыкина. Пленные показали, что крымский хан с конной армией в 35—40 тысяч человек стоит в 15 верстах за Перекопом и что укрепления Турецкого вала полностью восстановлены и приведены в прежний порядок.

Полководец Петр Петрович Ласси решил не штурмовать в лоб перекопские укрепления, что могло привести к большим потерям в людях. Казаки и калмыки, ходившие в разведку и добывшие «ценных языков», указали генерал-фельдмаршалу место в шести верстах к востоку от оконечности Перекопа. Здесь Гнилое море в жару пересыхает, а западный ветер так отгоняет воду из Сиваша, что по его осушенному дну можно перейти на полуостров.

Донская армия, приняв по пути в свои ряды более пяти тысяч украинских казаков, двинулась к разведанному месту переправы. Для отвлечения внимания крымцев к Перекопу подошли полки донских казаков во главе с атаманом Краснощековым.

Пока шли эти события, прекратила свое существование Донская военная флотилия, которая находилась в оперативном подчинении у Ласси. Вице-адмирал П.П. Бредель продолжал двигаться вдоль берега по мелководью. Его не устрашило то, что за Виссарионовской косой появился сильный численно турецкий флот. Мореходные лодки держали путь к Сивашу в штормовую погоду, под обстрелом пушек с неприятельских кораблей.

Турецкий флот, защищавший подступы к Сивашу, сильно атаковал русскую гребную флотилию у Федотовой косы. Тогда вице-адмирал Бредель приказал соорудить на косе 28-орудийную батарею и под прикрытием ее огня вырыл канал, чтобы по нему провести свои мореходные лодки на противоположную часть косы. 11 июля под артиллерийским обстрелом с моря суда флотилии с неимоверными трудами были перетащены через Федотову косу.

Однако начинались более глубокие воды близ берега, и неприятельские парусные корабли могли приблизиться к нему на дальность прямого пушечного выстрела. Состязаться в силе огня с турецкой корабельной артиллерией крупного калибра русским 3-фунтовым пушкам не приходилось. Чтобы лодки не достались османам, Бредель приказал их командам высадиться на берег, снять с судов пушки и все припасы, а сами лодки сжечь. Султанский флот на том прекратил свои действия в Азовском море за неимением на его акватории противника.

Крымский хан оказался как бы в ловушке. В тыл ему заходила многочисленная русская армия, а перед перекопскими укреплениями стояли полки донских казаков. Ханская конница поспешно отступила от Турецкого вала, не ввязываясь в бои с русскими.

Донская армия подступила к Перекопу с юга. Без особого труда был взят приступом вновь возведенный форт Чиваш-Кале (Чиваскула). После незначительной бомбардировки сложил оружие 2-тысячный турецкий гарнизон Ор-Капи, состоявший из янычар. В укреплениях Перекопского перешейка русские захватили 82 пушки и 10 мортир.

После освобождения прохода в Крым Донская армия начала наступление внутрь полуострова. Но через несколько переходов, проделав путь в 110 верст, командующий приказал остановить движение. Причин для принятия такого решения у Ласси оказалось предостаточно.

Полное разорение внутренних земель полуострова в предыдущих военных кампаниях не давало возможности добыть продо-

вольствия для армии. Шедший из Азова флот с провизией был разбит бурей. Из-за недостатка фуража и плохой питьевой воды начался падеж лошадей. Не приходилось ожидать подвоза продовольствия и по Днепру — в занятых русскими войсками крепостях Очаков и Кинбурн свирепствовала чума, которая могла уничтожить любую армию. К тому же Ласси, как командующий, руководствовался поставленной ему задачей, не отличавшейся какой-либо определенностью.

Военный совет, созванный 6 июля, вынес решение «согласно с мнением своего главнокомандующего» — «прямейшим трактом» отступить из Крыма на Украину.

Крымчаки до этого, правильно оценивая ситуацию, избегали вступать с русскими в открытые и решительные столкновения. Однако как только русская армия повернула обратно к Перекопу, ханские конные отряды стали нападать на арьергардные ее части, надеясь на легкую победу и добычу.

9 июля вражеская конница числом в 20 тысяч человек напала на армейский арьергард, состоявший из полков украинского казачества. Их смяли и отбросили на Азовский драгунский полк, спешивший своим на помощь. Вскоре подоспели еще четыре драгунских полка и донские казаки. Жаркий бой конницы среди выжженной крымской степи возобновился с новой силой.

Ни та ни другая сторона не могла взять верх. Лишь появление на поле битвы русской пехоты заставило конное войско крымского хана отступить, оставив на месте до тысячи человек убитыми. Потери русских составили 562 человека погибшими и 483 — ранеными. На новое сражение крымчаки не решились.

У Перекопа генерал-фельдмаршал П.П. Ласси простоял до конца августа. Затем, взорвав все укрепления на перешейке, Донская армия без помех двинулась на Украину. В сентябре ее войска расположились там на зимних квартирах.

За время военной кампании 1738 года действия Ласси, как полководца, отличались смелостью решений и инициативностью. Переход через Сиваш стал классическим примером для отечественной военной истории. Но после занятия Перекопа он действовал на удивление вяло, отказавшись от похода в глубь Крымского полуострова и выхода через горы на его Черноморское побережье.

Несмотря на все успехи, ни этот, ни другие походы армий Ласси и Миниха не привели к завоеванию Российской империей Крым-

ского ханства. Просто еще для этого не пришло время — оно наступит только в царствование Екатерины II Великой. Но именно походы генерал-фельдмаршалов П.П. Ласси и Б.Х. Миниха подготовили будущие военные походы россиян на Юг, присоединение Крыма в 1783 году к России.

Ласси был расстроен неудачей своего второго Крымского похода, хотя и понимал, что ему помешало многое — засуха, недостаток провианта, повальные болезни, появившаяся в Причерноморье эпидемия чумы («опасная болезнь»). И в известной мере сам противник в лице крымского хана, всячески избегавшего решительного сражения даже на подступах к своей столице Бахчисараю.

Но генерал-фельдмаршал П.П. Ласси знал и другое. В Санкт-Петербурге, в ближайшем окружении всероссийской Императрицы и Военной коллегии были недовольны его действиями в ходе русско-турецкой войны.

К лету 1739 года Ласси снова возглавил полевую действующую армию. Она в новой военной кампании усиливалась 6 тысячами донских казаков, 6 тысячами слободских (из Слободской Украины) казаков и 10 тысячами калмыков. Ему же подчинили Днепровскую военную флотилию и запорожских казаков. Но новый поход в Крым не состоялся — воюющие стороны заключили Бахчисарайский мир.

Русско-турецкая война 1735—1739 годов прославила Петра Петровича Ласси как настоящего полководца. В ноябре 1739 года он был возведен в графское достоинство Российской империи. Это стало признанием его личных ратных заслуг перед Отечеством.

В 1740 году «по случаю празднества постановленного мира с Портою Оттоманской» «за мужественные подвиги» генерал-фельдмаршал П.П. Ласси награждается почетным оружием — шпагой, осыпанной бриллиантами и «пенсионом» в три тысячи рублей.

После победной войны полководца ожидало новое поприще на ниве государственной власти. В феврале 1740 года он назначается лифляндским и рижским генерал-губернатором. На эти должности в старой России назначались только лица, пользовавшиеся особой доверенностью императорского двора.

Австрийский император тоже отметил заслуги в войне полководца союзного государства. В августе того же 1740 года генерал-фельдмаршал Петр Петрович Ласси был пожалован в рейхсграфы Священной Римской империи. В том же году титул Ласси был признан и в России.

ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ В ВОЙНЕ СО ШВЕЦИЕЙ

В 1741 году граф Ласси назначается главнокомандующим русской армией в войне против Швеции, с августа того же года — членом Военной коллегии. Правительница Анна Леопольдовна, вверив полководцу главную армию Российской империи, тем самым изъявляла благоволение к полководцу.

Королевство Швеция в русско-шведской войне 1741—1743 годов попыталось реализовать свои несбыточные надежды на возвращение обширных прибалтийских земель, потерянных в Северной войне. Стокгольм, объявляя 24 июня войну Российской империи, по существу, не был готов к ней.

Военных сил у Швеции, которая уже пережила полосу своего исторического расцвета, набиралось мало. Королевское командование даже не разработало план военных действий. Правда, шведское правительство составило перечень требований к России, которые поражали собой современников.

Ввиду ожидавшейся быстрой победы она должна была уступить Швеции «всю Карелию, Кексгольм, Выборг, Санкт-Петербург, Нотебург, Кронштадт... со всей рекой Невой». Далее речь шла о возвращении Лифляндии, Эстляндии, Ингерманландии, островов Даго, Эзель и других местностей, о перемещении государственной границы восточнее озер Ладожское и Онежское к Северному Ледовитому океану. Россия не должна была иметь военный флот на Балтике и вывозить хлеб в Швецию.

Таким образом, шведский королевский двор, «ничтоже сумняшеся», хотел свести на нет Ништадтский мирный договор 1721 года, ставший результатом победоносной для России Северной войны. Однако в Стокгольме явно переоценили свои военные возможности, равно как и недооценили военную мощь противника.

Шведское командование имело в Финляндии, которая являлась частью королевства, к началу войны всего до 15 тысяч войск, разбросанных по гарнизонам и отдельными полками близ границы. Русская армия опиралась на крепость Выборг, куда стягивались подкрепления и свозились различные воинские припасы.

Главнокомандующий прибыл к армии 20 августа. К тому времени Ласси уже составил проект военной кампании против Швеции. Он имел славу опытного, неустрашимого полководца, просвещенного и доброго человека. На войне он мог быть и решительным, и осторожным, и хитрым. Всецело преданный военной службе рос-

сийскому Отечеству, Петр Петрович сторонился любых политических интриг при Императорском дворе и отличался отсутствием в своем характере амбициозности. Можно утверждать, что в армии любили такого полководца и доверяли его решениям.

Прежде всего генерал-фельдмаршал ознакомился с разведывательной информацией. Она свидетельствовала прежде всего о непростительном на войне разбросе и без того незначительных сил неприятеля. Однако он понял и другое — в войне против Швеции, обладавшей сильным флотом, ему не приходится возлагать больших надежд на свой Балтийский флот.

Положение России в начавшейся войне осложнялось упадком флота, выпестованного в свое время Петром Великим. Хотя на рейде морской крепости Кронштадт стояло 14 линейных кораблей, 2 фрегата и малые корабли (галеоны, брандеры, прамы), ни один из них нельзя было вывести в открытое море. Их корпуса или сильно обветшали, или отсутствовали в полном штате корабельные команды и самое необходимое снаряжение. К тому же на экватории отсутствовали маяки и вехи для безопасного прохода судов.

Таково было положение с парусным корабельным флотом. Сходная ситуация сложилась и с гребным флотом прибрежного действия. Без его поддержки в шхерных районах Финского залива сухопутным войскам действовать было крайне трудно. Однако из почти 130 галер на войну можно было отправить лишь самое малое количество.

Главнокомандующего успокаивало то обстоятельство, что сухопутная регулярная армия имела немалый боевой опыт, приобретенный в Польше и в войне против Турции и Крымского ханства. Офицеры, как тогда говорили, хорошо знали «фундамент солдатского дела». Нижние чины — рядовые солдаты и унтерофицеры — отличались обученностью, боевым духом, лишь воинская дисциплина оставляла желать лучшего.

Сосредоточенным возле Выборга армейским корпусом командовал генерал-аншеф Кейт. Было известно, что у Кварнбю (восточнее Фридрихсгама, примерно на полпути между Гельсингфорсом и Выборгом) находится 4-тысячный корпус шведского генерал-майора Врангеля. Ближайшие от него королевские войска под начальством генерала Будденброка отстояли на 40 верст и не могли оказать своевременной помощи. Ласси решил незамедлительно воспользоваться в только что начавшейся войне «его величеством случаем».

Генерал-аншеф Кейт получает приказание выступить с 10-тысячным корпусом к Вильманстранду, с задачей разгромить шведские войска по частям. Туда же форсированным маршем, выполняя приказ своего командующего, двигался и генерал-майор Врангель. Он не взял с собой ни орудий, ни обоза с припасами, ни шинелей. Правда, пушки — 16 единиц — имелись в самом Вильманстранде, и шведский военачальник, прибывший в этот город на восемнадцать часов раньше русских, воспользовался ими. Вместе с местным гарнизоном силы Врангеля составляли пять с половиной тысяч человек.

Город располагался на полуострове, с трех сторон омываемом водами озера Сайма. Со стороны суши доступ к нему преграждали сухой ров и земляной вал. Русские войска подступали к Вильманстранду по неровной и крутой равнине. Шведы с возвышенности обстреливали их из пушек и мушкетов, нанося им большой урон.

Генерал-фельдмаршал П.П. Ласси со всей решительностью приказал начать сражение, которое приняло ожесточенный характер. Королевский военачальник, несмотря на храбрость — и собственную, и своих солдат, — не сумел использовать выгоды занимаемой природной позиции и Вильманстрандской крепости, неразумно начал преследование отступивших было русских гренадер. Шведские орудия замолчали, чтобы не поражать своих.

Этими минутами русский полководец распорядился как нельзя лучше. Его пехотинцы провели несколько сильных контратак, а ответные залпы пушек и ружей вызвали переполох в атакующих колоннах шведов. Они обратились в бегство, чтобы вновь занять прежние позиции. Ласси приказал начать неотступное преследование бегущего к городу неприятеля.

Русские солдаты на плечах бегущих шведов ворвались в город, и его гарнизон капитулировал. Но, несмотря на выставленный белый флаг, комендант крепости полковник Вилленбрандт по неизвестной причине забыл отдать приказ прекратить огонь. От неприятельских выстрелов погибли русский барабанщик (посланный генерал-фельдмаршалом), генерал Икскуль и полковник Леман. Тогда разъяренные солдаты победивших войск, не слушая приказов своих командиров, перебили на улицах Вильманстранда немало шведов, а сам город подожгли.

Видя такое дело, русский главнокомандующий немедленно прибыл в горевший во многих местах город. Он с трудом навел в войсках должный порядок, строго-настрого приказал пощадить всех оставшихся в живых шведских солдат и офицеров.

При штурме укрепленного города Вильманстранда русские захватили полторы тысячи пленных, 16 знамен и всю неприятельскую артиллерию. Оставшиеся после страшного разгрома шведы попрятались в окрестных лесах и болотах. Из города смогли вырваться только три или четыре кавалерийских эскадрона, которые спаслись от пленения бегством. Среди пленных оказался и сам королевский военачальник генерал Врангель.

После одержанной победы генерал-фельдмаршал П.П. Ласси отвел свои войска к Выборгу, где разместил их на зимних квартирах. Правительство Анны Леопольдовны оказалось крайне недовольным такой «ретирадой» главнокомандующего. В столице считали, что Ласси упустил удобнейший момент для истребления шведского корпуса генерала Будденброка, пока к тому не прибыли из самой Швеции ожидаемые немалые подкрепления.

Неприятельский корпус Будденброка стоял у Фридрихсгама в бездействии. Его командующий, ослепленный собственной гордостью и презрением к русским, не придал особого значения тому, что произошло с его коллегой по королевской службе генерал-майором Врангелем.

Сам Ласси объяснял свой отход к Выборгу после взятия Вильманстранда целым рядом причин: отсутствием тяжелой артиллерии для осады крепости Фридрихсгам; ограниченностью собственных сил; затруднением снабжения армии при неимении гребной флотилии, которая могла бы доставлять с российской территории провиант. К тому же в войсках сказывался недостаток фуража и обозных телег. Поэтому русская армия и не могла продолжать наступление в направлении Фридрихсгамской крепости.

Кроме того, у отечественных историков есть основания считать, что генерал-фельдмаршал П.П. Ласси знал или догадывался о готовящемся дворцовом перевороте в пользу цесаревны Елизаветы Петровны. Поэтому он желал держать подчиненные ему войска поближе к российской столице.

После ухода из Финляндии армейские полки встали на зимний постой в Выборге, Кексгольме, Олонце. Сам главнокомандующий разместил свою штаб-квартиру на мызе Мула. Часть войск ушла на зимние квартиры в Ингерманландию, Лифляндию и Москву. Кавалерию отвели в Санкт-Петербург.

Одержанная в войне со Швецией первая блестящая победа при Вильманстранде вызвала восторг самых широких кругов российской общественности. В столице были организованы торжества по случаю виктории Ласси. Поэт и ученый М.В. Ломоносов написал по сему случаю торжественную оду:

Смотри, тяжка коль шведов страсть,
Коль им страшна Российска власть...
Войну открыли шведы нам:
Горят сердца их к бою жарко,
Гремит Стокгольм трубами ярко...
При Вильманстранде слышен треск,
Мечей кровавых виден блеск.

Осенью 1741 года больше боев не было, лишь на государственной границе происходили небольшие стычки между сторожевыми заставами сторон. Русские отряды разбивали шведские партии, разоряли деревни на противоположной стороне границы. В глубь Финляндии совершали рейды казаки и калмыки.

Стокгольм твердо решил продолжать войну с Россией. Королевскую армию возглавил как главнокомандующий граф Карл Эмиль Левенгаупт. Будучи ландмаршалом риксдага — шведского парламента, он стал известен как многоречивый оратор. Полководческим дарованием глава парламента Швеции не отличался. Да и к тому же он имел под своим командованием всего около 24 тысяч солдат.

К зиме Ласси вернулся в Санкт-Петербург. В ноябре произошел государственный переворот и на российский престол взошла Императрица Елизавета Петровна. Многие из высокопоставленных иностранцев, заполонивших собой высшее армейское командование, лишились своих должностей или были отправлены в ссылку. Однако генерал-фельдмаршал граф П.П. Ласси, на удивление многим в столице, не только лично не пострадал, но даже удержался на посту главнокомандующего русской действующей армией.

Когда заговорщики в три часа ночи разбудили полководца и спросили его, к какой партии он принадлежит, сообразительный ирландец Петр Петрович дал простой и ясный ответ солдата: «К ныне царствующей». И этим кратким ответом сберег себе завидное положение при дворе, а себя — для истории России.

Генерал-фельдмаршал без колебаний присягнул Императрице Елизавете Петровне — «дщери Петровой». Она достаточно хорошо знала старого российского служаку и могла вполне довеpять ему на посту главнокомандующего сухопутной армией в идущей войне. Да и не только в данном случае. Ласси обходил стороной любые придворные интриги, и об этом в столице хорошо знали.

ПАДЕНИЕ КРЕПОСТИ ГЕЛЬСИНГФОРС

Перед началом военной кампании 1742 года Ласси на совете у Императрицы предложил собственный план ведения боевых действий. Он получил высочайшее одобрение, и главнокомандующий приступил к его осуществлению.

Новая военная кампания начиналась поздно, пока не просохли дороги. К началу июня, по рапорту «рейхсграфа Лессия», у него имелось 37 тысяч войск. Главные силы действующей армии вновь собрались в Выборге. Их наступательные действия должна была поддержать гребная флотилия, которой предстояло оперировать в шхерных районах побережья Финляндии. Командам галеонов надлежало обеспечивать русскую полевую армию провиантом.

Шведская армия по-прежнему бездействовала, а ее высшее командование все чего-то выжидало в идущей войне. В крепости Фридрихсгаме к лету собралось 15-тысячное войско. Но там были плохие условия квартирования (солдаты жили в сырых землянках), скверная еда; болезни косили королевских солдат. Воинская дисциплина в рядах неприятельской армии продолжала оставаться слабой.

Продолжение русско-шведской войны покрыло полководца Российской империи Петра Петровича Ласси новой ратной славой. Он решительно повел в глубь Финляндии действующую армию. Ее дороги отличались труднопроходимостью и обилием водных препятствий. Когда Ласси подступил к Фридрихсгаму, шведы не стали его оборонять и ждать осады. Они подожгли город и оставили его. 29 июня русские войска заняли Фридрихсгам и нашли там 130 орудий. Русский же флот, как, впрочем, и шведский, бездействовал.

Королевская армия отступила к Гельсингфорсу (будущей столице Финляндии городу Хельсинки). Русская армия ее преследовала. Главнокомандующий получает приказание Императрицы Елизаветы Петровны — армии стоять на реке Кюмени, «сделать

крепость», перекрыть коммуникации неприятеля с морем, чтобы отрезать пути снабжения шведской армии из Стокгольма.

Высочайшее указание требовало его безусловного исполнения. Но реальная ситуация на театре военных действий сложилась так, что генерал-фельдмаршал Ласси и участники военного совета решили идти в наступление на Гельсингфорс, главный оплот неприятеля на территории Финляндии.

Наступление развивалось успешно. 30 июня русские войска занимают город Борго. Шведы, несмотря на наличие сильных природных позиций для сопротивления наступающим полкам противника, отходили на запад. Вслед за Борго занимаются города Нейшлот и Таваст.

В королевской армии началось брожение: настроение ее солдат падало, началось дезертирство, особенно в финских полках. Призванные в ряды шведской армии местные жители-финны не желали сражаться за короля Швеции. «В крайнем беспорядке» ее армия в 17 тысяч человек отступала к Гельсингфорсу.

Русский главнокомандующий самым результативным образом распорядился такой ситуацией. Он окружил неприятельскую армию и 24 августа принудил ее к капитуляции, имея под своим командованием армию в 17,5 тысяч человек. Русская армия превосходила шведскую под Гельсингфорсом с его крепостными укреплениями всего на 500 человек.

Узнав от местного жителя-финна, что шведская армия намеревается из Гельсингфорса уйти в Або, Ласси решил не дать ей вырваться из окружения. Он сделал обходной марш-бросок по лесной дороге, которую в свое время расчистили для себя солдаты Петра Великого.

Победа явилась убедительной. 24 августа главная действующая королевская армия капитулировала и русские полки с музыкой и развернутыми знаменами вступили в будущую столицу княжества Финляндского город Гельсингфорс. Шведское командование так и не решилось на оборону города, хотя неприятельские позиции здесь были очень сильны: батареи находились на скалистых высотах, на внутреннем рейде стояло немало галер с провиантом на борту. Русской армии в качестве трофеев досталось 30 знамен, 90 орудий с огневыми припасами, личное оружие солдат и офицеров целой армии.

Финские полки из шведской армии, отказавшиеся уезжать по условиям капитуляции в Стокгольм, перешли в русский лагерь.

Потом они сдали оружие и всех финнов, призванных с началом войны в ряды королевской армии, распустили по домам. Всего их было более семи тысяч солдат-пехотинцев и драгун.

Судьба хранила военнослужащих-финнов армии королевства. Остатки же собственно шведской армии с разрешения русского командования отплыли на стоявших в гавани Гельсингфорса парусных и гребных судах на родину, в город Стокгольм. Однако в пути судовой караван настигла буря на море, и в столицу королевства смогли прибыть лишь немногие суда из числа тех, что беспрепятственно со стороны победителей покинули гельсингфорский рейд.

После падения неприятельских крепостей Гельсингфорс, Нейшлот и Таваст (Тавастгуст) генерал-фельдмаршал Петр Петрович Ласси имел полное основание доложить Императрице Елизавете Петровне об успехе вверенной ему русской армии:

«И тако... сие Великое княжество и Высочайшее Вашего Величества подданство с великим мироломному неприятелю перед всем умным светом вечным стыдом и зело чувствительным убытком, напротиву же того, — с нашей стороны без всякого в людях урону и кровопролития, покорно и овладено».

Полное поражение королевской армии в 1742 году в Финляндии вызвало гневную реакцию среди шведских парламентариев и властей Швеции. Командующие полевой армией генералы Левенгаупт и Будденброк были привлечены к суду, приговорены к смерти и казнены.

Начались переговоры о мире, которые вскоре прекратились по вине Стокгольма: шведские посланники отказались принимать условия России, убедительно победившей в войне, которую она не начинала. Боевые действия возобновились на суше — в Финляндии и на балтийских водах.

ПОБЕДНОЕ ЗАВЕРШЕНИЕ ВОЙНЫ

План последней военной кампании 1743 года, составленный генерал-фельдмаршалом П.П. Ласси, получил одобрение Императрицы и Военной коллегии. Основная его идея заключалась в том, чтобы после сосредоточения войск в окрестностях города Або высадить сильный пехотный десант на судах гребной флотилии в самой Швеции, на «стокгольмскую сторону». Десантная

операция должна была осуществляться под прикрытием парусного корабельного флота. То есть главнокомандующий решил повторить тактический прием, который Петр I самым успешным образом применил против Швеции на завершающем этапе Северной войны.

Военные действия кампании 1743 года свелись в основном к действиям морских сил противников. Противные западные ветры воспрепятствовали русской корабельной эскадре прибыть в Гельсингфорс (где стояли армейские полки) раньше 2 июня. Финский залив был еще покрыт плавающими льдинами, а ледяной покров держался среди прибрежных островов. Холодная погода привела к многочисленным простудным заболеваниям в войсках.

Когда русская гребная флотилия прибыла в назначенное для приема десанта место, Ласси во главе армады галер с многочисленным десантом на борту двинулся к шведским берегам. 6 июня, по пути к Тверминду, показался неприятельский флот, высланный из Стокгольма на перехват десантной флотилии противника. Два вражеских корабля встали прямо на пути движения русских галер.

К тому времени Балтийский флот, вышедший из Кронштадта с большим запозданием, еще не прибыл к западному побережью Финляндии. 8 июня главнокомандующий собрал военный совет. Он принял решение ожидать корабельную эскадру адмирала графа Н.Ф. Головина (сына петровского генерал-фельдмаршала Ф.А. Головина) и после этого начать активные боевые действия против неприятеля.

Вскоре русский парусный Балтийский флот подошел к Тверминду и шведский флот оказался в противостоянии парусникам и галерам противника. Стороны несколько дней совершали взаимное маневрирование, стараясь выиграть удачное месторасположение. Но командующие флотами так и не решились сойтись в морском сражении.

После нескольких выстрелов королевский флот развернулся и удалился в свою базу Карлскрону. Русский флот отплыл к острову Гогланду близ Ревеля, где преспокойно простоял до самого заключения мира между Россией и Швецией.

Действия командующего Балтийским флотом адмирала Н.Ф. Головина вызвали справедливое неудовольствие Императрицы Елизаветы Петровны и ее окружения. Действительно, у русских моряков была прекрасная возможность повторить победу при Гангуте 1714 года. Головину пришлось подать в отставку, которая была не-

медленно принята, уехать из России, и он вскоре умер в немецком городе Гамбурге. Историки не без оснований считают, что решись он в июне 1743 года на морское сражение против шведского флота, то быть бы ему тогда одним из победоносных флотоводцев Российской империи.

Вслед за парусной корабельной эскадрой к берегам Швеции ушла и королевская гребная флотилия. Русская же с десантом на борту продолжила свой путь вдоль Финляндского побережья со всеми мерами предосторожности. Когда галеры уже стояли в ожидании попутного ветра, чтобы двинуться через Ботнический залив «на стокгольмскую сторону», прибывший из Санкт-Петербурга курьер сообщил главнокомандующему известие из города Або, что в войне устанавливалось перемирие и что шведские полномочные представители на переговорах подписали предварительные статьи о мире

Это означало одно: русско-шведской войне пришел мирный конец. Государыня Елизавета Петровна прислала за графом Петром Петровичем Ласси собственную яхту для его торжественного прибытия в российскую столицу.

По случаю победы в войне со Швецией в Санкт-Петербурге состоялись большие торжества. Императрица пожаловала генерал-фельдмаршалу графу П.П. Ласси несколько деревень, шпагу и табакерку, осыпанную бриллиантами. Помимо этого полководец Высочайшим указом награждался и немалыми деньгами — тремя тысячами рублей прибавочного жалованья.

В русско-шведской войне генерал-фельдмаршал Ласси проявил, как обычно, немало распорядительности, трудолюбия, предусмотрительности, заботы о войсках. Русская армия, хорошо снабженная и обученная, сплоченная, продемонстрировала отличные боевые качества, не оставив неприятелю никаких шансов на успех. Война на территории Финляндии велась не менее успешно, как это было во время Северной войны, когда там сражалась петровская армия.

С именем генерал-фельдмаршала П.П. Ласси в последний год войны связано одно важное изменение в российском уголовном законодательстве. Отмена смертной казни в общем порядке судопроизводства в России декларируется в первый раз в Высочайшем указе на имя главнокомандующего русской действующей армией от 2 августа 1743 года. Императрица Елизавета Петровна повелела ему тогда:

«Всех преступников из шведов за убийства и грабеж не казнить натуральною смертию, но, по отсечении правой руки у виновного, вырезав ноздри, ссылать его в вечную работу».

УПРАВЛЕНИЕ ОСТЕЗЕЙСКИМ КРАЕМ

После подписания мира, положившего конец войне, полки действующей армии разошлись по своим гарнизонам. Граф Петр Петрович Ласси вернулся к своим делам по управлению Остезейским краем. Он возвратился в город Ригу и вновь стал исполнять обязанности лифляндского и рижского генерал-губернатора.

Однако в недалекой от Риги российской столице поняли, что генерал-фельдмаршал П.П. Ласси в случае необходимости может вновь продемонстрировать свои лучшие качества. Вскоре он вновь выступает как опытный организатор и военно-административный реформатор.

Когда обострились межгосударственные отношения России и Прусского королевства, именно на полководца Ласси Императрица Елизавета Петровна возложила обязанности составителя оперативных планов на случай возникновения войны. Генерал-фельдмаршал, хорошо знавший сильные и слабые стороны прусской военной машины, такие оперативные планы составил и представил на рассмотрение Военной коллегии с последующим утверждением самодержавной Государыни. Но война с Пруссией в то время не состоялась.

В 1748 году австрийская императрица Мария-Терезия обратилась к российской Императрице Елизавете Петровне, с которой сдружилась благодаря общности государственных забот и обильной переписке, с просьбой оказать ей военную помощь против Франции. Санкт-Петербург охотно пошел на помощь венскому двору. В 1748 году генерал-фельдмаршал П.П. Ласси занимался делами по отправке к берегам Рейна русского вспомогательного (экспедиционного) корпуса под командованием генерала князя Репнина.

Петр Петрович Ласси умер в Риге 19 апреля 1751 года на семьдесят четвертом году жизни. Кончина прославленного полководца была с горечью встречена в рядах русской армии.

«Граф Петр Петрович Ласси, опытный, неустрашимый Полководец, отличался быстротою своей на ратном поле; с просвещенным умом соединял доброе сердце, возвышенные чувства; пользовался общею любовью и уважением; был решителен в военных предприятиях, осторожен в мирное время; не знал придворных интриг и потому сохранил свое звание среди разных Государственных переворотов. Россия обязана этим славным Военачальником Герцогу Крои, разбитому под Нарвою; он представил Лассия Петру Великому».

Такая характеристика, данная генерал-фельдмаршалу П.П. Ласси известным отечественным историком Д.М. Бантыш-Каменским, особых возражений у исследователей не вызывает. Следует только заметить, что офицер австрийской императорской армии ирландец Питер Ласси действительно прибыл в Московское царство вместе с герцогом де Кроа, которому, при всех его чинах и званиях, в российской истории прославиться не удалось.

Генерал-фельдмаршал граф Петр Петрович Ласси принадлежал к числу тех «птенцов Петровых», которые прошли суровую школу в годы продолжительной Северной войны. Они привязались к военному делу всем своим существом и были в жизни прежде всего солдатами великого российского Государя — и по призванию, и по симпатиям к новой России.

В последние годы своей жизни полководец Ласси с гордостью заявлял, что «находился везде на воинских потребах, именно: в 31 кампании, на генеральных баталиях, 15 акциях и 18 осадах и при взятии крепостей, где не мало и ранен». Это были своеобразные итоги его личной ратной деятельности в богатом войнами XVIII столетии.

Более полустолетия Петр Петрович Ласси служил действительно и исключительно «воинским потребам России», совершенно удалясь от борьбы придворных политических партий того времени. Оценивая деятельность Ласси, необходимо отметить, что он всецело принадлежал к той немногочисленной категории служилых иностранцев, которые, прибыв в Россию, посвятили все свои силы, разум и знания приютившей их стране. Талантливость боевого генерала соединялась у П.П. Ласси с выдающимися достоинствами военного администратора.

Генерал-фельдмаршал граф Ласси оставил в российской военной летописи светлый след. О нем в Отечестве всегда помнили и о полководце отзывались добрым словом. Не случайно в 1891 году его имя было присвоено 13-му пехотному Белозерскому полку...

ЛАССИ-МЛАДШИЙ НА СЛУЖБЕ ВЕНСКОМУ ДВОРУ

Фамилия Ласси не получила своего продолжения в отечественной истории. И вина здесь лежит прежде всего на самом российском полководце, вознамерившемся воспитать своего сына в истинно военном духе, чтобы он прошел на ратном поприще к его вершинам действительно самостоятельный, собственный путь.

Сын генерал-фельдмаршала П.П. Ласси граф Франц-Мориц (Франц Мавриций) родился в 1725 году. Он получил хорошее воспитание и образование, но не в России, а в Вене. С разрешения отца, опасавшегося, что отцовская протекция в Санкт-Петербурге испортит молодого человека, Ласси-младший поступает прапорщиком в австрийскую императорскую армию. Вена в том веке была союзницей Российской империи в войнах и против Турции, и против Пруссии.

Боевое крещение Франц Ласси получил в девятнадцать лет, показав личную храбрость. Протекция в Австрии у него все-таки была, и немалая, — он приходился родственником генерал-фельдмаршалу Броуну. Под его руководством он и изучал военное дело. В 1745 году, находясь в рядах Богемской армии, Ласси-младший получает второе боевое ранение, а в следующем году за отличие в сражении при Пиаченце — чин майора.

Франц-Мориц Ласси прославил себя и отцовскую фамилию в Семилетней войне, которую он начал командиром полка. Он особенно отличился в сражении при Ловозице. Генерал-фельдмаршал Броун доносил в Вену: «Без Ласси в этот день все было бы потеряно. А без его раны все было бы выиграно». Полкового командира производят в генерал-майоры, и он отличается во многих делах. Он получает новые боевые ранения. При Лейтене, где победа была за пруссаками, он сумел спасти остатки разбитой австрийской армии.

Получив чин генерал-квартирмейстера австрийской императорской армии, Ф.-М. Ласси энергично работал над восстановлением военной силы империи. В походе 1760 года он командовал отдельным корпусом и сумел спасти главную армию Австрии под Дрезденом.

После дела у Торгау императрица Мария-Терезия прислала своему прославленному военачальнику патент на чин фельдмаршала. Но Ласси его не принял, извиняясь, что не хочет обогнать в чине другого, старшего его генерала, своего друга.

Все же к концу своей долгой, семидесятисемилетней жизни Франц-Мориц Ласси сумел «собрать» многие высшие чины и должности в Австрийской империи. Граф стал в ее армии и фельдцейхмейстером, и генерал-фельдмаршалом, а в 1766 году еще и президентом гофкригсрата — высшего государственного органа.

Генерал-фельдмаршал Ласси-младший много сделал для лучшего устройства и обучения войск. Ему, между прочим, австрийская армия обязана введением учебных лагерей. Он же считается изобретателем кордонной системы ведения военных действий, против которой в ходе Семилетней войны выступили все русские полководцы.

Умер полководец династии Габсбургов Франц-Мориц Ласси в 1801 году в Вене, став в истории Австрии одной из самых замечательных личностей.

С Россией, которая стала вторым Отечеством его отца — генерал-фельдмаршала Петра Петровича Ласси, австрийского полководца связывало многое. Прежде всего память о родителе, который передал ему наследственный титул графа Российской империи. В Семилетней войне австрийский генерал Ласси-младший являлся настоящим союзником русских военачальников, что об австрийском высшем военном командовании сказать просто трудно.

Сын П.П. Ласси имел чин генерал-майора русской армии. Среди своих боевых наград он имел и один из высших орденов Российской империи — Святого Александра Невского. Такой же орден и тоже на генерал-фельдмаршальском мундире носил его отец.

ГЛАВА 1-Й И 2-Й КАМЧАТСКИХ ЭКСПЕДИЦИЙ

Капитан-командор Витус Беринг

Сведений о детстве и юности выдающегося российского мореплавателя Витуса Ионассена (в России — Ивана Ивановича) Беринга почти не сохранилось. Полная биография этого человека не написана и по сей день. Почти все написанное о нем в исторической литературе и энциклопедиях касается только информации о 1-й и 2-й Камчатских экспедициях, которые вписали имя датчанина на русской военной службе в век XVIII — век великих географических открытий и свершений.

НАЧАЛО МОРСКОЙ БИОГРАФИИ ДАТЧАНИНА

Родился Витус Беринг в небольшом датском городке Хорсенсе, расположенном в области Ютландия. По одним данным, он родился между 29 июля и 5 августа 1681 года, по другим — 12 августа того же года.

Род Берингов был знатным, но к началу столетия уже разорившимся. Отец великого мореплавателя, Ионас Свендсен, служил королевским таможенником, а затем церковным попечителем в Хорсенсе. Кроме Витуса, в семье было еще два сына — Ионас и Иерген — и дочери, одна из которых впоследствии вышла замуж за адмирала Сандерса.

По одним данным, Витус окончил в Амстердаме кадетский корпус, по выпуске из которого плавал вокруг Африки на голландском корабле в Ост-Индию (современную Индонезию).

По другим данным, он еще юношей участвовал в плавании к берегам Ост-Индии на голландском корабле, идя по стопам старшего брата. В Ост-Индии Беринг остался на много лет. Датчанин возвратился из своего первого плавания в Европу только в 1703 году.

Начиная с этого года историки в описаниях жизни российского мореплавателя сильно не расходятся, поскольку сохранилось достаточное число архивных документов и авторских воспоминаний. Самая достоверная биография капитан-командора Ивана Ивановича Беринга начинается с 1703 года, когда молодому датскому моряку, но уже походившему по трем мировым океанам, было от роду двадцать два года.

В голландской морской столице городе Амстердаме Витус Ионассен Беринг познакомился с русским адмиралом Корнелием Ивановичем Крюйсом, известным сподвижником Петра Великого. По поручению Царя он нанимал на службу в создававшийся военно-морской флот России опытных моряков. Адмирал Крюйс и пригласил молодого датского моряка на службу в Московское царство. Их встреча резко изменила судьбу Витуса Беринга.

ОФИЦЕР ФЛОТА ПЕТРА ВЕЛИКОГО

Оказавшись в России, датчанин сперва получил новое имя — Витязь (переиначенное — Витус). Когда он окончательно обрусел, его стали официально именовать Иваном Ивановичем Берингом.

Послужной список датчанина, как офицера петровского флота, начался со звания унтер-лейтенанта (мичмана). В таком чине двадцатитрехлетний Витус Беринг был принят на российскую службу. Он был назначен командиром небольшого военно-транспортного судна, доставлявшего строевой лес с берегов Невы на остров Котлин, где по повелению Царя Петра I создавалась военно-морская крепость Кронштадт.

В 1706 году он производится в лейтенанты. В 1709 году Витус Беринг получает назначение на боевой корабль, который нес дозорную службу в Финском заливе. Молодой офицер-датчанин к тому времени уже довольно хорошо освоил русский язык и был на хорошем счету у командования Балтийским флотом.

В том же 1709 году его переводят на новостроящийся Азовский флот. Во время Прутского похода Петра I лейтенант Витязь Беринг уже самостоятельно командует 20-пушечной шнявой; случилось это в 1711 году.

На следующий год он плавает на линейном корабле «Рига» под вымпелом вице-адмирала Корнелия Крюйса. Тот был доволен датчанином, прилежно исполнявшим свои корабельные обязанности, умело обучавшим матросов и хорошо разбиравшимся в штурманском деле. Лейтенант Беринг мог быть примером для своих сослуживцев в исполнении обязанностей вахтенного офицера.

В 1714 году флотское начальство командирует Витуса Беринга в германский портовый город Гамбург. Там заканчивалось строительство закупленного Россией 50-пушечного линейного корабля «Перл». Беринг назначается его командиром и благополучно приводит корабль из Гамбурга в Ригу.

Всерьез заговорили о Витусе Беринге, как опытном и смелом командире корабля и экипажа, в 1715 году. В тот год он перегнал вокруг Скандинавского полуострова в морскую крепость Кронштадт построенный на русском Севере в городе Архангельске линейный корабль «Селафаил».

Это был очень примечательный во флотской биографии великого мореплавателя переход морем на новопостроенном корабле. Дело было в том, что из Архангельска вместе с «Селафаилом» вышло еще четыре боевых корабля новой постройки. Северные моря встретили их штормовой непогодой. Один из кораблей почти сразу же вернулся в Архангельск из-за открывшейся течи в корпусе. Второй вскоре потерпел крушение в непогоду. Два других построенных на архангельских верфях корабля были вынуждены зимовать в заграничных портах, чтобы в безопасности переждать зимние штормы и ледостав в балтийских водах.

Командир одного из этих кораблей доносил Царю Петру I следующее объяснение своей зимовки вдали от российских берегов: «Корабли от великих штормов расшатались, и невозможно прибыть, чтобы не учинить килевания».

Лишь один Витус Беринг рискнул в шторма пройти весь путь из Белого моря вокруг Скандинавии в Балтику, на водах которой уже больше десятка лет шла Северная война. Линейный корабль «Селафаил» благополучно дошел до Ревеля, а затем и до Кронштадта.

Принять участие в боевых действиях против шведского флота датчанину довелось только в 1719 году. Вновь командуя линейным кораблем «Селафаил», Беринг с «примерной храбростию» сражается с неприятелем у Аландских островов. Подвиги в войне на Балтике были оценены по достоинству — он становится капитаном 2-го ранга и назначается командиром более крупного линейного корабля — 60-пушечного «Марльбурга».

Проходит двадцать лет «беспорочной» службы на российском военно-морском флоте. О Витусе Беринге знает лично первый Император его нового Отечества Петр Великий. В 1723 году датчанин становится во главе экипажа крупнейшего в русском флоте 90-пушечного линейного корабля «Лесное». Его флотская карьера, в которой он звезд с неба не хватал, складывалась, как для истинного моряка, вполне удачно.

Не менее удачно складывалась и личная жизнь Витуса Беринга, хотя сведений о ней до нас дошло совсем мало. Известно лишь, что в 1713 году офицер петровского флота бракосочетался с Анной Шарлоттой Пюльсе, дочерью небогатого коммерсанта из города Выборга, российского приобретения в Северной войне по Ништадтскому мирному договору.

Пожалуй, достаточно одного-единственного факта, чтобы засвидетельствовать — жена у капитан-командора Беринга была достойна своего мужа. Вместе с супругом Анна Шарлотта отправилась в его первую экспедицию к далекой Камчатке. А как известно, суда, бороздившие кромку Северного Ледовитого океана, комфортом совсем не обладали, не говоря уже о климате Крайнего Севера.

Потеряв за пять лет суровых северных испытаний пятерых детей, Анна Шарлотта Беринг не отчаялась и не вернулась с полпути в сытый и теплый столичный Санкт-Петербург. Она с необыкновенным женским мужеством сопровождала любимого мужа и в его второй беспримерной по сложности Камчатской экспедиции.

В 1723 году флотская карьера капитана 2-го ранга Витуса Беринга неожиданно рушится. Счастье перестает ему улыбаться — начальство обходит его следующим чином капитана 1-го ранга. Командир крупнейшего корабля Балтийского флота воспринимает эту несправедливость по отношению к себе и своим немалым заслугам перед Россией крайне болезненно. В итоге он подает по команде прошение об отставке.

Думается, что Витус Беринг надеялся таким шагом восстановить справедливость. Но Адмиралтейств-коллегия не воспрепятствует его уходу с русской военной службы и постановляет:

«Морского флота капитанов Виллима Гея, Матиса Фалькенберха и Витуса Беринга по прошениям их и учиненным экстрактам из службы его величества отпустить во отечество их и дать им от

адмиралтейств-коллегии пашпорты и заслуженное жалование по день отпуска, а также и на прогоны в дорогу».

Из-за скудности документальных материалов многое неясно в истории с отставкой капитана 2-го ранга В.И. Беринга, которая состоялась в 1724 году. Но в той явно незаслуженной отставке датчанин пробыл всего ничего — только полгода.

Император Петр I Великий приказал Адмиралтейств-коллегии снова пригласить датчанина на службу и дать ему желаемый чин капитана 1-го ранга. Можно лишь предполагать, что либо адмирал Крюйс или адмирал Д.Н. Сенявин, которые тепло и сердечно относились к Берингу, приняли участие в его судьбе...

НАЧАЛО ВЕКА ВЕЛИКИХ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ОТКРЫТИЙ

В 1724 году Российская империя приступила к осуществлению исключительных по своему размаху географических исследований. Петр Великий замыслил установить непосредственные морские отношения с далекой от российских берегов Индией, создать обширную морскую базу в дельте реки Куры (в Северном Азербайджане) для торговли со странами Востока.

Намечалось послать экспедицию для исследования Северного морского пути из Архангельска в Тихий океан и выяснения вопроса о том, существует ли в действительности пролив, разъединяющий Азию и Америку. Для того времени это был вопрос вопросов.

Сохранился интересный рассказ «механика и токарного искусства учителя» А.К. Нартова, впоследствии опубликованный в «Записках Академии наук» (знаменитые «Рассказы Нартова о Петре Великом»):

«В начале генваря 1725 года, в самый тот месяц, когда судьбою всевышнего определен был конец Петра Великого, и когда уже его величество чувствовал в теле своем болезненные припадки, все еще неутомимый дух его трудился о пользе и славе отечества, — ибо он сочинил и написал собственною рукою наказ Камчатской экспедиции, которая долженствовала разведывать и отыскивать мореходство того, не соединяется ли Азия к северовостоку с Америкою...

Я, будучи тогда беспрепятственно при государе, видел сам своими глазами, как его величество спешил сочинять наставления

такого важного предприятия, будто бы предвидя скорую кончину свою, и как он был спокоен и доволен, когда окончил. Призванному к себе генерал-адмиралу, вручив наставление, говорил следующее:

«Худое здоровье заставило меня сидеть дома; я вспомнил на сих днях то, о чем мыслил давно и что другие дела предпринять мешали, то есть о дороге через Ледовитое море в Китай и Индию. На сей морской карте проложенный путь, называемый Аниан, назначен не напрасно. В последнем путешествии моем слышал я от ученых людей, что обретение возможно. Огородя отечество безопасностью от неприятеля, надлежит стараться находить славу государства через искусство и науки. Не будем ли мы в исследовании такого пути счастливее голландцев и англичан, которые многократно покушались отыскивать берегов американских».

Рассказ Нартова ценен тем, что он дает представление о замысле великого преобразователя России. Следовательно, проект отыскания Северного морского пути из Архангельска в Тихий океан зародился у Петра I давно, и лишь в самом конце своей жизни он принял решение об отправке морской экспедиции на Камчатку.

Президенту Адмиралтейств-коллегии генерал-адмиралу графу Федору Матвеевичу Апраксину было поручено организовать экспедицию в северные воды. Эта экспедиция в истории нашего Отечества и века великих географических открытий получила название 1-й Камчатской. Ученые того времени не были уверены в существовании пролива между Азией и Америкой, поэтому участникам экспедиции вменялось в обязанность установить, «где оная сошлась с Америкой».

Экспедиционные суда следовало послать к берегам «земли, которая идет на норд» и которая, возможно, «понеже оной конца не знают», является «частью Америки». Затем мореплавателям надлежало добраться до какого-нибудь «города европейских владений».

Если путешественники во время плавания встретят корабль европейский, то должны были проведать от него, как этот берег называется, побывать на нем, положить на карту и, собрав наиболее важные сведения о посещенных местах («подлинную ведомость»), возвращаться в Санкт-Петербург.

Император Петр Великий готовил 1-ю Камчатскую экспедицию самым серьезнейшим образом. 23 декабря 1723 года он дал

указание Адмиралтейств-коллегии разыскать тех геодезистов, которые возвратились из предыдущих экспедиций в Сибирь, и под начальством достойного морского офицера отправить их на Камчатку.

Адмиралтейств-коллегия предложила во главе 1-й Камчатской экспедиции поставить опытного офицера русского военного флота капитана 1-го ранга Витуса Ионассена Беринга. Главным доводом такого назначения было то, что он «в Ост-Индии был и обхождение знает». К тому же высшее флотское начальство хорошо помнило тот случай, когда Беринг провел сквозь все шторма из Архангельска в Кронштадт линейный корабль «Селафаил».

Император Петр I Алексеевич согласился с кандидатурой капитана 1-го ранга Витуса Беринга, которого ценил как прекрасного командира корабля. Секретарю Сената Ивану Кирилловичу Кириллову поручается составление карты Сибири и Камчатки, в которой он использовал съемки геодезистов И.М. Евреинова и Ф.Ф. Лужина.

В собственноручной инструкции Государя России начальнику экспедиции капитану 1-го ранга Берингу предписывалось:

«1) надлежит на Камчатке или на другом месте сделать один или два бота с палубами;

2) на оных ботах возле земли, которая идет на норд и по чаянию (понеже оной конца не знают) кажется, что та земля часть Америки, и для того искать, где она сошлась с Америкой...»

Среди исследователей нет единого мнения относительно задач 1-й Камчатской экспедиции. Одни полагают, что она должна была выяснить вопрос о соединении Азии с Америкой. Другие утверждают, что ее цель состояла в разведывании пути в Америку и выяснении, «кто является ближайшим соседом России на этом материке».

Думается, что вторая точка зрения более вероятна для замыслов Петра Великого. Первая экспедиция Витуса Беринга наряду с решением чисто географической проблемы о месте «схождения» материков должна была также собрать разнообразные сведения о восточных соседях России для установления с ними взаимовыгодных торговых связей.

Государственные реформы Петра Великого предусматривали, в частности, установление широких экономических и культурных связей со многими странами, включая страны Восточной Азии.

Русское правительство связывало перспективу активной торговли с Индией, Китаем и Японией, а также с Америкой — с морским путем через Северный Ледовитый океан.

Поэтому вполне естественным было стремление великого Государя исследовать почти не изученный и не описанный северо-восток Российского государства, его сибирское «окончание». И одновременно получить точные сведения о народонаселении этой дальней окраины петровской державы.

Европейские государства не раз выражали большую заинтересованность в изучении данного региона в надежде на приобретение новых колониальных владений. Отклонив предложение Французской академии наук о посылке ее экспедиции на Чукотку, Император Петр I Алексеевич мотивировал это тем, что Россия сама готовится к такому географическому плаванию.

ВО ГЛАВЕ 1-Й КАМЧАТСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

Победное окончание Северной войны 1700—1721 годов позволило Петру Великому и русскому правительству заняться осуществлением задуманного мероприятия. Еще в начале XVIII века был организован ряд «восточных» экспедиций: в Хиву и Бухару, к киргиз-кайсацкому хану Абдулхаиру, к каракалпакам и ряд других. Настало время и для 1-й Камчатской экспедиции.

Началось формирование состава экспедиции. Помощниками ее начальника стали лейтенанты Алексей Чириков и Мартын Шпанберг, гардемарин Петр Чаплин. Адмиралтейств-коллегия определила в команду обер- и унтер-офицеров, адмиралтейских и мастеровых людей в числе 26 человек. С учетом присоединившихся по пути на Камчатку экспедиция насчитывала 68 человек. Отбор был весьма строгий: адмиралтейское начальство и сам Беринг ревностно следили за тем, чтобы в состав экспедиции в неизведанность не попали люди случайные.

Лейтенант Чириков с частью экспедиции 24 января 1725 года (за четыре дня до смерти Петра Великого) выехал санным путем из Санкт-Петербурга в Вологду. Здесь он около 15 февраля следующего года соединился с Витусом Берингом, прибывшим с остальными спутниками.

Начальник 1-й Камчатской экспедиции капитан 1-го ранга Беринг последовал в путь после получения именного Высочайше-

го указа — послать в плавание «флота капитана Витуса Беринга с прочими морскими служители».

Кончина Петра Великого не приостановила намеченного мероприятия. Возведенная петровской гвардией на российский престол Екатерина I Алексеевна стремилась завершить многие начинания своего супруга, в том числе и только-только начавшуюся 1-ю Камчатскую экспедицию. 5 февраля 1725 года Государыня вручила капитану 1-го ранга Витусу Берингу высочайшую инструкцию, и в тот же день экспедиция отправилась в дальний путь.

Каждый из участников беринговской экспедиции (всего 34 человека) перед отъездом из столицы дал присягу ревностно служить Российской империи и ее Государыне и оберегать ее интересы. За нарушение данной присяги следовала царская кара.

В городе Вологде Беринг встретился с отрядом лейтенанта Алексея Чирикова, который станет его надежнейшим помощником в преодолении всех экспедиционных тягот. Дальше их путь лежал в Великий Устюг (настоящую столицу сибирских первопроходцев), Верхотурье и в город Тобольск, куда Витус Беринг прибыл на сорок четвертый день зимнего пути.

В Тобольске экспедиции пришлось задержаться. Заботы по ее обеспечению провиантом и транспортными средствами позволили двинуться дальше только 15 мая, когда прошел ледоход в верховьях сибирских рек.

По мнению Беринга, более удобный путь к разгадке тайны пролива между двумя материками лежал не через Камчатку, а из устья реки Колымы, протекавшей гораздо севернее. Он писал с дороги из города Енисейска в столицу, в Адмиралтейств-коллегию:

«А ежели б определено было идти с устья Колымы до Анадыря, где всемерно пройти возможно надеюсь, о чем новыя Азийские карты свидетельствуют и жители сказывают, что преже сего сим путем хаживали, то могло бы быть исполнено желаемое с меньшим коштом».

Однако в собственноручной инструкции Императора Петра Великого было строго указано место, где предстояло строить мореходные суда и откуда идти на разведку предполагаемого пролива. Поэтому изменить маршрут Витус Беринг не мог.

Петр I сформулировал инструкции начальнику 1-й Камчатской экспедиции в очень осторожной и отнюдь не в повелительной форме. Сам Беринг и его первый помощник лейтенант Алексей

Чириков считали, что «когда самые американские берега получат, то дойтить по силе инструкции... Императора Петра Великого до ишпанского владения Мексиканской провинции».

Впоследствии в краткой справке, составленной в начале 40-х годов XVIII века, отмечалось, что важность 1-й Камчатской экспедиции «по силе инструкции Петра I состояла в том, чтоб осмотреть от земли Камчатской лежащий берег между севером и востоком, у которого последний мыс называется Чукченский Нос, не имеет ли тот берег коммуникации с Америкою западного ее берега».

В июне 1726 года Витус Беринг и его спутники прибыли в Якутск, а в октябре того же года — в порт Охотск. Из 663 лошадей 267 пали в трудном пути по земле сибирской. Экспедиции для того, чтобы добраться до берегов Охотского моря, потребовалось почти два с половиной года.

В маленьком городке на берегу моря Охотске Беринг незамедлительно приступил к постройке судна, которое доставило бы его экспедицию на Камчатку. Необходимые материалы доставлялись в порт на протяжении всей зимы. Чтобы перевезти тысячи пудов различных грузов, требовались сотни лошадей и собачьих упряжек. Якутский воевода старался как мог, чтобы выполнить императорский указ. Но корма для лошадей не было, солдатам не хватало продовольствия, прежде всего хлеба. Порой приходилось бросать снаряжение в дороге, а затем снова брать лошадей в ближайших редких селениях.

«Материалов ничего не привезли, — докладывал капитан 1-го ранга Беринг в Адмиралтейств-коллегию о прибытии в Охотск отряда лейтенанта Мартына Шпанберга, — понеже идучи путем оголодала вся команда и от такого голоду ели лошадиное мертвое мясо, сумы сыромятные и конские сырые кожи, платья и обувь кожаные, а материалы оставил все на дороге в 4 местах понеже по оному пути вблизости жителей никаких не имеется».

Уже во время стояния в Охотске экспедиция столкнулась с тяжелейшими трудностями. Отряду лейтенанта Шпанберга пришлось тащить на себе часть тяжестей. Другую часть везли на собаках, страдавших от бескормицы. Вскоре из-за оскудения провианта потеряли 40 упряжек. Заболевших в пути служилых людей пришлось отпустить назад. Вскоре в отряде начался повальный голод.

Мартын Шпанберг разделил между своими людьми запасы собственного продовольствия — мясо, муку, крупу. Офицер терпел

нужду вместе со своими подчиненными. Вскоре наступил такой день, когда его люди уже не имели сил двинуться вперед. Тогда лейтенант Шпанберг решил один идти в уже недалекий Охотск за помощью. Ему повезло — в пути он встретил спасательную партию, которую выслал обеспокоенный Беринг навстречу отряду. Голодающие участники экспедиции получили от партии провиант.

Другим отрядом по доставке грузов из Якутска командовал лейтенант Алексей Чириков. Этому незаурядному человеку 1-я Камчатская экспедиция обязана своими успехами в той же степени, что и самому Берингу. Отряд Чирикова доставил в Охотск без задержки и потерь несколько тысяч пудов муки и различного продовольствия.

Летом 1727 года в Охотском порту была закончена постройка судна — шитика «Фортуна». Кроме него, различными припасами нагрузили вернувшийся с Камчатки мореходный бот. 22 августа суда покинули Охотск. Время для морского плавания было уже позднее, и Витус Беринг, опасаясь жестоких осенних штормов, решил идти к Большерецку на западном побережье Камчатского полуострова.

Начальник экспедиции самым тщательным образом изучил карты сибирских земель и расспросил немало людей, которые бывали на Камчатке. Поэтому Беринг счел целесообразным, достигнув Большерецка, перебросить экспедиционное снаряжение сухим путем до Верхнекамчатска, оттуда по реке Камчатке спуститься к Нижнекамчатскому острогу и там построить судно для непосредственного выполнения задачи экспедиции.

Через шесть дней, 28 августа, путешественники увидели камчатские берега. Когда они приблизились к устью реки Большой, в шитике «Фортуна» открылась сильная течь. Пришлось зайти в речное устье и приступить к разгрузке судов.

«По прибытии к Большерецкому устью, — писал Беринг в Санкт-Петербург, — материалы и провиант переправили до Большерецкого острога водою в малых лодках. При оном остроге русского жилья 14 дворов. И отправил вверх рекою Быстрою в малых лодках тяжелые материалы и некоторую часть провианта, которые были довезены водою до Верхнего Камчадальского острога за 120 верст. И тою же зимою из Большерецкого острога до Верхнего и Нижнего Камчадальских острогов переправили совсем по тамошнему обычаю на собаках. А каждый вечер в пути для ночи

выгребали себе станы из снегу, а сверху покрывали, понеже великие живут метелицы, которые по-тамошнему называются пурги. И ежели застанет метелица на чистом месте, а стана себе сделать не успеют, то заносит людей снегом, от чего и умирают».

Прежде чем достичь Нижнекамчатска, участникам экспедиции пришлось проделать путь более чем 800 верст на собачьих упряжках. Туда они прибыли 11 марта 1728 года. Там Витус Беринг сразу же приступил к строительству палубного бота, получившего название «Святой Гавриил». В его постройке помощь оказывали жители Нижнекамчатского острога.

ПЛАВАНИЕ «СВЯТОГО ГАВРИИЛА»

Погрузив на судно годичный запас продовольствия, 13 июля Беринг вышел из устья реки Камчатки в открытое море. «Святой Гавриил» взял курс на север, идя вдоль Камчатского побережья к месту предполагаемого пролива между Азией и Америкой. Перед участниками экспедиции стояла задача решить большой важности географическую задачу, занимавшую умы отечественных и зарубежных географов и прежде всего самого Императора Петра Великого.

Незнакомство с условиями северного плавания, несовершенство построенного палубного бота, постоянные туманы и бурное море сильно затрудняли движение «Святого Гавриила» на север. Изученные Витусом Берингом и Алексеем Чириковым якутские архивы и опросы местных землепроходцев дали очень мало необходимой информации.

Взятые с собой запасы продовольствия обнадеживали участников морского похода — 44 человека — в благополучном завершении экспедиции. Настроение экипажа мореходного бота, готовность офицеров и команды вселяли в Витуса Беринга надежду на успех дела.

«Святой Гавриил» все шел и шел курсом на север — мимо мыса Камчатский, по Олюторскому заливу и Анадырскому лиману... По пути описывались берега. Были открыты и положены на морскую карту залив Креста и остров Святого Лаврентия. Все время шли дожди. Встречные ветры заметно снижали скорость хода маленького парусного бота, а постоянное волнение холодных вод грозило принести неприятности.

Все время по курсу виднелись горы. Лишь 6 августа они расступились. Так была открыта бухта Преображения. Здесь Беринг сделал непродолжительную стоянку, чтобы набрать свежей питьевой воды и обследовать берега доселе неизвестной бухты.

8 августа мореплаватели впервые увидели чукчей. 10 августа бот «Святой Гавриил» достиг Чукотского мыса. Беринг вступил в контакт с местными жителями, расспрашивая их о землях, водах и островах, которые лежали севернее и восточнее мыса.

Чукчи рассказали, «что земля их делает две губы и обращается к устью Колымы, а всюду пролегло море и великие отмели, и на море, в которое впала река Колыма, всегда носит льды, о чем от русских людей довольно верно сведано; а в соседстве у нас, кроме нашего чукотского народа, не имеется, только-де слышали от проводников, которые ходят на реку Колыму, что там живут русские люди... На море знаем-де один остров, на котором живут люди нашего рода, а кроме того никаких островов и земель не знаем».

Чукчи сказали, что никогда прежде никакие суда не подходили к их берегам. Их представления о Колыме были весьма смутными. Из расспросов стало ясно, что на чукотской земле лес не растет и протекают только малые реки. На вопрос — «куда ваша земля пошла и далеко ли?» — чукчи отвечали: «А земля наша почти отсюда поворотилась налево и пошла далеко, а живут по ней все наши чукчи».

Очень интересовало путешественников существование мыса, уходящего далеко в море. «Нос никакой в море от нашей земли не протянулся, вся наша земля ровная», — сообщили чукчи.

Получив из расспросов в разных местах такую информацию, начальник экспедиции созвал совет, чтобы принять решение о пути дальнейшего плавания. Мнения офицеров разделились. Лейтенант Мартын Шпанберг советовал, насколько позволят метеорологические условия, следовать курсом на северо-восток, после чего возвратиться на Камчатку.

Лейтенант Алексей Чириков предлагал идти на запад и только при невозможности к 25 августа достичь устья реки Колымы из-за льдов и «противных» ветров искать зимовку «наипаче против Чюкоцкого носу» или в другом месте, где найдется удобная гавань.

Бот «Святой Гавриил» вновь пошел вдоль незнакомого побережья. 15 августа Витус Беринг объявил свое командирское решение: так как в северных широтах лето короткое, следует подумать о своевременном возвращении обратно. Если же и дальше задерживаться, то с наступлением темных ночей и туманов можно прийти к такому берегу, от которого затем нельзя будет отойти.

Продвигаясь с известной осторожностью вдоль берега, беринговский корабль вошел в пролив, через который направился в Чукотское море. Разумеется, тогда отважные мореплаватели об этом не знали. Пробыв более месяца в открытом море, экспедиция Витуса Беринга поднялась до 67 градусов северной широты и около 168 градусов западной долготы по Гринвичу. После этого «Святой Гавриил» взял обратный курс.

За это время экспедиция прошла почти весь пролив, впоследствии получивший название Берингов. Более того, бот в своем плавании перевалил через Северный полярный круг. Расспросы Беринга утвердили его в том, что два материка — Азия и Америка — между собою не соединяются. Чтобы проверить это, начальник экспедиции приказал повернуть на северо-восток.

Вскоре бот потерял из виду землю на западе. Поскольку несколько дней пути не принесли ожидаемого видения американских берегов, Беринг не решился продолжить дальнейшее следование курсом в открытое море. Он боялся попасть во льды и быть в них затертыми в неизвестном море. Такого же мнения были и его спутники.

Участники 1-й Камчатской экспедиции не знали и не могли знать, что в день 15 августа бот «Святой Гавриил» вышел в открытый Северный Ледовитый океан. Плавание проходило в тумане, появилось множество китов. По словам Беринга, земля на север более не простиралась. Не приближался к «Чукотскому углу» и Американский континент.

Приказ о возвращении в Нижнекамчатск Витус Беринг отдал 16 августа. Впоследствии он писал: «А ежели б иттить далее, а случились бы противные ветры, то не можно паки того лета возвратица до Камчатки, и на тамошней земле зимовать было бы не без притчин понеже лесу никакого не имеется, а тамошний народ не под державою Российского государства, самовластен, союства с нашими ясашными иноземцами не имеет».

Следовательно, Витус Беринг возвращался назад, так и не достигнув берегов Америки. Среди прочих географических открытий в ходе 1-й Камчатской экспедиции на морских картах оказались два ранее неизвестных острова — Святой Диомид и получивший позднее название Беринга. Впоследствии за отказ идти на восток для

поиска Американского побережья Беринга подвергли критике и современники, и последующие исследователи.

Однако подробный отчет капитана 1-го ранга Витуса Беринга о 1-й Камчатской экспедиции дает основание предположить, что мореплаватель склонился к мнению о существовании пролива между Азией и Америкой, хотя у него еще оставались в связи с этим известные сомнения. Очевидно, возвращаясь на Камчатку, Беринг пошел пройденным прежде маршрутом.

Так уж случилось, что экипаж «Святого Гавриила» был совсем рядом с великим географическим открытием пролива между двумя материками. Еще М.В. Ломоносов подметил по этому поводу: «Беринг следовал той же дорогою и не отошел далее к востоку, которым ходом, конечно, бы мог приметить берега Северо-Западной Америки».

После перемены курса на обратный экспедиция, преодолев расстояние в две тысячи километров, через две недели вернулась на зимовку в Нижнекамчатский острог, куда прибыла 2 сентября 1728 года. Началась первая зимовка на Камчатке.

На следующий год Витус Беринг решил повторить попытку открыть берега Америки, лежащие, по его мнению, от Камчатки «не очень далеко... например, 150 и 200 миль». Основанием для такого вывода послужил найденный на Камчатском побережье выброшенный волнами сосновый лес, который не растет на этом полуострове.

Зима прошла в подготовке к новому плаванию в неизвестность. В Нижнекамчатске был построен еще один палубный бот, который назвали «Фортуной». Командиром его экипажа капитан 1-го ранга Витус Беринг назначил лейтенанта Алексея Чирикова.

5 июня 1729 года экспедиция на двух мореходных ботах вышла в открытое море. Теперь курс лежал на восток. Однако непогода — сильные ветры и туманы позволили экипажам «Святого Гавриила» и «Фортуны» продолжить плавание в открытом море всего несколько суток. Пройдя 200 миль на восток и не встретив земли, экспедиция вынуждена была повернуть обратно, так как несколько дней подряд не унимался сильный восточный ветер.

Израсходовав основную часть запасов продовольствия, путешественники, обогнув Камчатку (и впервые описав ее южные берега) с юга, в августе прибыли в порт Охотск. Второе плавание окончательно убедило Витуса Беринга в существовании к востоку от Камчатки неизвестной земли, отделенной от Азии морским проливом.

Граф Ф.М. Апраксин

Князь А.Д. Меншиков

К.И. Крюйс

Петр I экзаменует вернувшихся из-за границы молодых дворян

Записная книжка Петра I

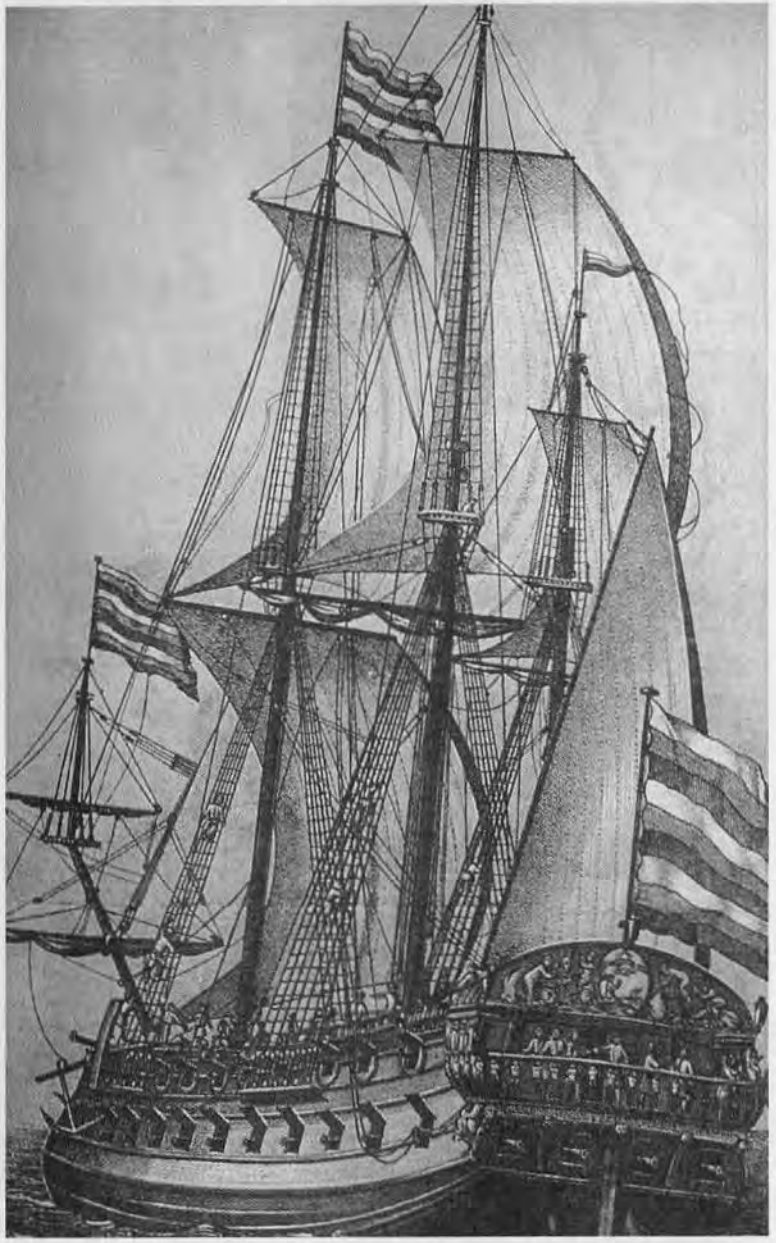
Подсвечник Я.В. Брюса

Чернильница с перцей

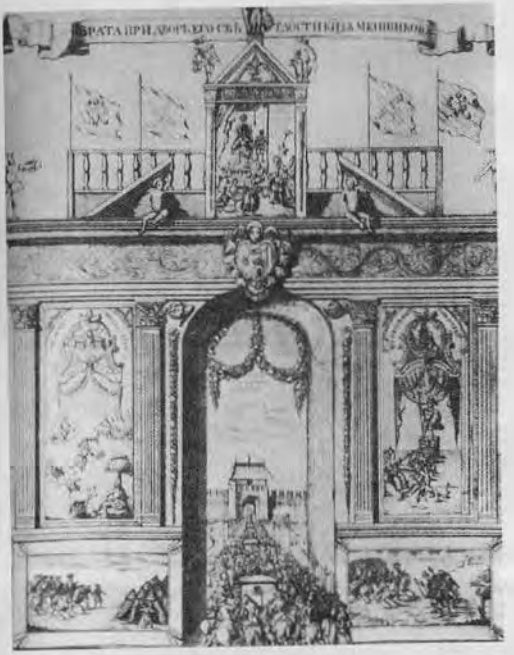
Барон П.П. Шафиров

Карл XII и Мазепа на берегу Днепра после Полтавской битвы

Россия в конце XVII века (европейская часть)

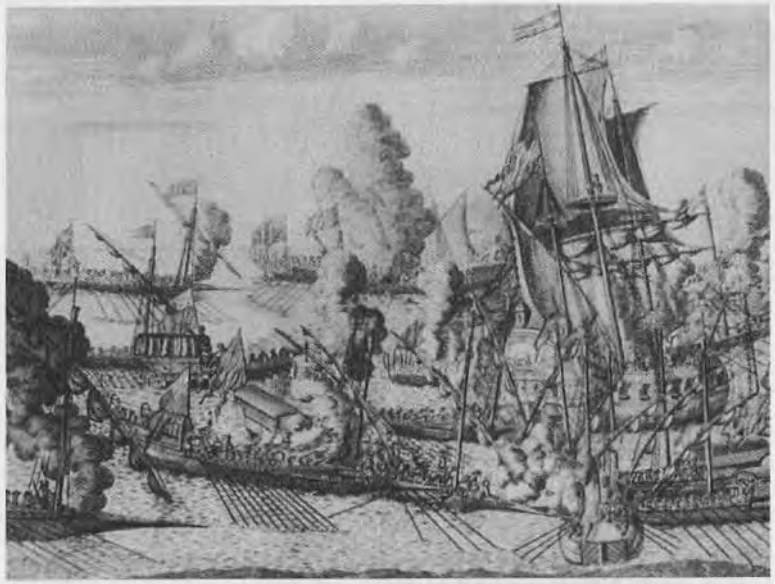


58-пушечная «Предестинация», построенная в 1701 г. по чертежам Петра I



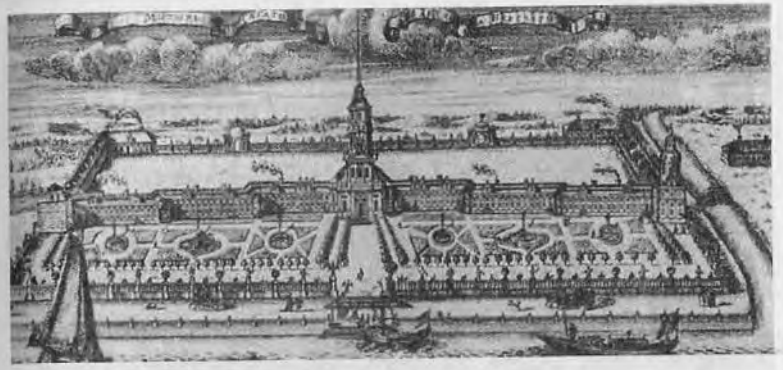
Триумфальные ворота в Москве. 1709 г.

54-пушечная «Полтава», построенная в 1712 г. под руководством Петра I

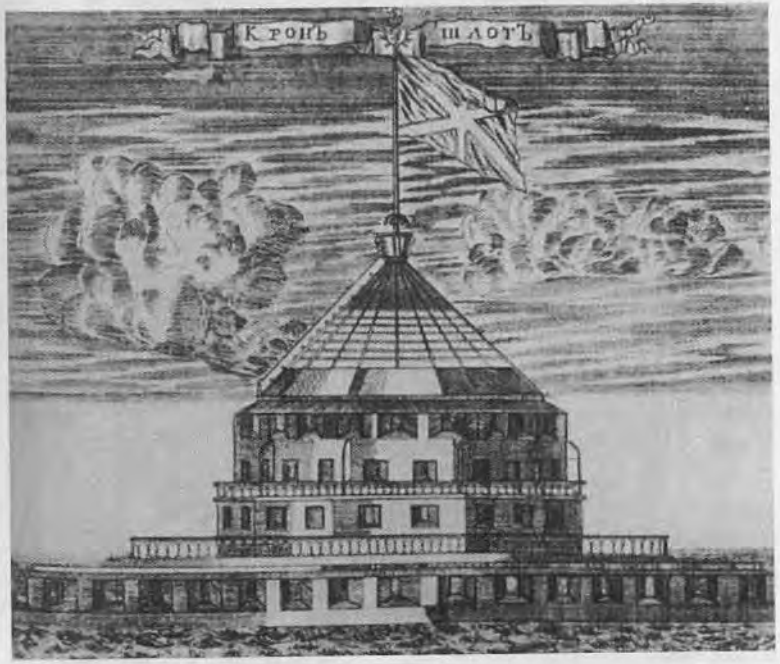


Морское сражение у мыса Гангут 25 июля 1714 г.

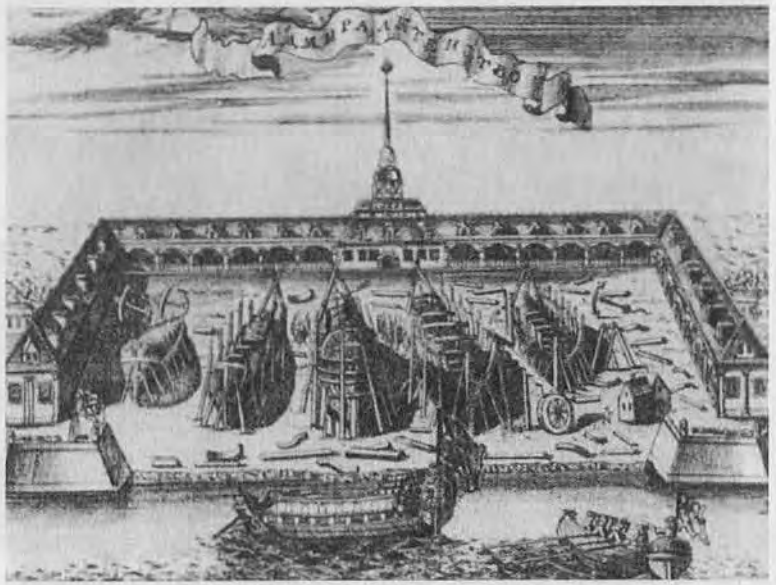
Морское сражение при Гренгаме 27 июля 1720 г.



Александро-Невский монастырь



Форт Кронштадт



Адмиралтейство

Гостиный двор на Троицкой площади Санкт-Петербурга

Император
Петр Великий

Императрица
Екатерина I

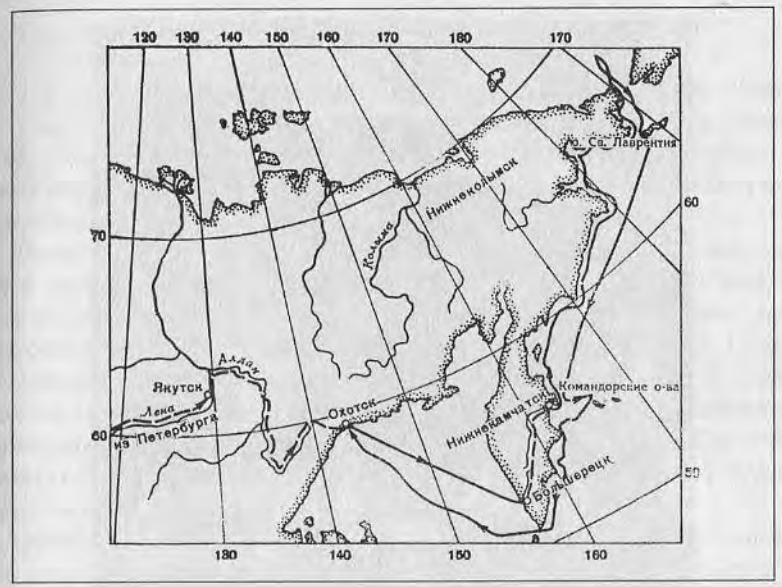
Петр Великий с семьей

Граф Б.-Х. Миних

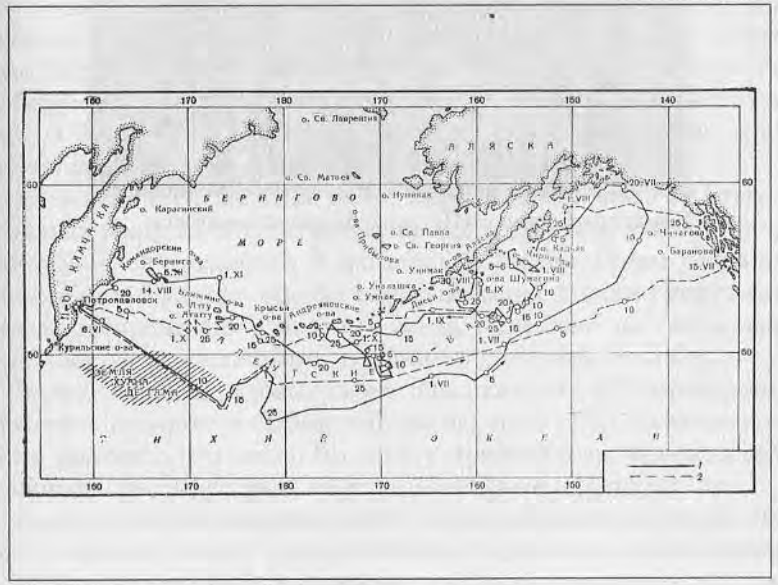
Граф П.П. Ласси

Герцог Э.И. Бирон

Витус Беринг



Карта-схема первой Камчатской экспедиции Беринга



Карта плавания В. Беринга в 1741 г.

Памятник Берингу в Петропавловске-Камчатском

ИТОГИ 1-Й КАМЧАТСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

1-я Камчатская экспедиция продолжалась пять лет. Но морская ее часть, имевшая целью поиск пролива между Азией и Америкой, длилась всего несколько месяцев. Остальное время было занято подготовкой к ней, строительством мореходных ботов и тому подобным.

Значение первой экспедиции Витуса Беринга состоит не столько в том, что было открыто ее участниками, а сколько в том, что она подготовила основы для будущих плаваний в северных водах Тихого океана. 1-я Камчатская экспедиция, задуманная Петром Великим и осуществленная Императрицей Екатериной I (именно она отправила в дальний путь Беринга), явилась своеобразной разведкой, прологом для морских исследований Северо-Восточной Азии и северо-западных берегов Америки — Аляски (или Русской Америки).

Значение руководимой им географической экспедиции прекрасно понимал и сам Витус Беринг. По возвращении он писал, что «Америка, или иныя, между оной лежащия земли, не очень далеко от Камчатки».

Считая задачу 1-й Камчатской экспедиции выполненной, ее начальник вместе с лейтенантами Алексеем Чириковым и Мартыном Шпанбергом из Охотска отправился в Санкт-Петербург. Путь от берегов Тихого океана до российской столицы занял всего полгода. 1 марта 1730 года капитан 1-го ранга Беринг со своими спутниками прибыл в город на Неве.

10 марта того же года Витус Беринг представил в Сенат два итоговых рапорта. В первом излагались результаты экспедиции, во втором — ее трудности и давались характеристики отдельным участникам. Высокую оценку начальника экспедиции получили не только офицеры, но и нижние чины, вынесшие на своих плечах основные тяготы тяжелого плавания в северных водах.

Беринг писал о рядовых своих помощниках: «Покорно доношу о бывших со мною в Сибирской экспедиции обер и унтер-офицерах и рядовых, что оныя, по моему приказанию, за искусство от должности своей, за тяжкий труд достойные награждения».

Адмиралтейств-коллегии Витус Беринг представил карту своих двух плаваний вместе с подробнейшим докладом о необходимости снаряжения новой экспедиции для исследования всего северного побережья Сибири и открытого пролива.

Рассмотрев представленные Берингом карты, судовые журналы и отчет о плаваниях, Адмиралтейств-коллегия отнеслась недоверчиво к вопросу о проливе между Азией и Америкой. Более того, заслуженные флотские адмиралы, составлявшие Адмиралтейств-коллегию, остались недовольны результатами 1-й Камчатской экспедиции. По их мнению, не было представлено достаточных доказательств существования пролива между двумя материками.

Однако мужество участников 1-й Камчатской экспедиции требовало от правительства России поощрения по справедливости. «В награждение понесенных трудов» капитан 1-го ранга Витус Ионассен Беринг был представлен к очередному воинскому званию отечественного флота того времени — капитан-командора и к денежной награде в тысячу рублей. Были отмечены и другие участники экспедиции.

Прибытие Витуса Беринга и его спутников в Санкт-Петербург вызвало немало разговоров и интереса к результатам 1-й Камчатской экспедиции. Появились и газетные публикации на эту тему, что лишний раз свидетельствовало о заинтересованном отношении российского общества к великим географическим открытиям на далеких восточных («сибирских») окраинах государства.

Уже 16 марта 1730 года в газете «Санкт-Петербургские ведомости» была опубликована большая для тех времен корреспонденция о возвращении 1-й Камчатской экспедиции Витуса Беринга в столицу России, откуда она начинала свой путь. В корреспонденции сообщалось, что русские мореплаватели на судах, построенных в Охотске и на Камчатке, поднялись в Полярное море значительно севернее 67 градусов северной широты и тем самым доказали («изобрели»), что «тамо подлинно северо-восточный проезд имеется».

Далее газета подчеркивала: «Таким образом, из Лены, ежели б в северной стране лед не препятствовал, водяным путем до Камчатки, и так же далее до Япана, Хивы и Ост-Индии доехать возможно б было; а к тому же он (Витус Беринг. — *А. Ш.*) и от тамошних жителей известился, что пред 50 или 60 летами некое судно из Лены к Камчатке прибыло».

Сообщение об итогах 1-й Камчатской экспедиции Витуса Беринга появилось и на родине великого мореплавателя — Дании. Автором газетной статьи, как считают исследователи, мог быть или сам капитан-командор, или кто-то из его ближайших помощни-

ков. В статье говорилось, что задачей экспедиции являлось исследование северо-восточных берегов Азии, «чтобы увидеть, принадлежит ли эта земля, как считают некоторые, северной части Америки или имеется свободный морской проход».

Можно по-разному истолковывать результаты 1-й Камчатской экспедиции, но бесспорно одно — Витус Беринг обогатил мировую и отечественную географию, картографию и этнографию многими крупными открытиями. Участники экспедиции создали целую серию географических, морских карт, из которых особо выделяется итоговая карта. Она разошлась по миру в 17 копиях и оказала глубокое влияние на развитие географических представлений о Северо-Востоке Российской империи.

Итоговая карта, основанная на многочисленных для того времени астрономических наблюдениях, впервые давала реальное представление не только о восточном побережье России, но и о протяжении казавшейся безбрежной Сибири. Это свидетельствовало о подготовленности с научной точки зрения ближайших помощников капитан-командора, да и его самого, к решению задач экспедиции.

По свидетельству великого мореплавателя Джеймса Кука, который присвоил имя Беринга проливу между Азией и Америкой, его далекий предшественник «очень хорошо нанес на карту берега, определив координаты с точностью, которую при его возможностях трудно было бы ожидать».

Та карта, на которой были показаны районы Сибири на пространстве от Тобольска до берегов Тихого океана, была в 1727 году рассмотрена и одобрена Российской академией наук. Итоговая карта 1-й Камчатской экспедиции также была незамедлительно использована отечественными учеными и вскоре получила широкое распространение в Европе.

1-й Камчатской экспедицией были определены географические координаты 28 пунктов по маршруту Тобольск — Енисейск — Илимск — Якутск — Охотск — Камчатка — Чукотский Нос — Чукотское море. Эти координаты затем вошли в «Каталог городам и знатным местам сибирским, положенным на карту, через которых тракт имели, в какой ширине и длине оные».

Одновременно подчиненные Витуса Беринга составили «Табель, пользующий расстояния русскими верстами до городов и знатных мест, через которые имели путь во экспедицию даже по возврату со всею командою и где шли сухим путем, реками

и морем и где какие народы и меж ими сколько находятся русского жилища».

Этот экспедиционный «Табель» интересен прежде всего этнографическими сведениями о Сибири, Камчатке и Чукотке. В документах экспедиции их множество. На итоговой карте отражены сведения о сибирских народах. Этнографические зарисовки имеются в отчете самого Беринга. Много интересного имеется в вахтенном журнале бота «Святой Гавриил», который посменно вели офицеры корабля. В нем, в частности, описаны жизнь и обычаи камчадалов, встречи с чукчами, народом тогда малоизвестным.

Судовой вахтенный журнал, естественно, содержит множество записей о погоде в районе плавания. Они дают возможность в общих чертах реконструировать метеорологические условия плавания 1-й Камчатской экспедиции.

«ПРЕДЛОЖЕНИЯ» ВИТУСА БЕРИНГА

Капитан-командор Витус Беринг — теперь уже часто величаемый Иван Ивановичем — 30 апреля 1730 года, спустя два месяца после возвращения участников 1-й Камчатской экспедиции, представляет правительству России проект («Предложения») об улучшении и цивилизации положения сибирских народов. Это, говоря современным языком, был обстоятельный проект благоустройства сибирских окраин Российской империи.

«Возбужденные» капитан-командором Витусом Берингом в его «Предложениях» вопросы рисуют автора как человека государственного ума, понимающего устремления Императора Петра Великого. Суть этих вопросов сводилась к следующему:

1) о необходимости религиозного просвещения между якутами и другими сибирскими «племенами», создании школ в Якутском крае;

2) об учреждении на реке Ангаре плавильных заводов для добывания из местной богатой руды железа, что позволяло бы «в судостроении довольствоваться без нужд»;

3) об организации из местных жителей регулярных полков и улучшении положения русских казаков, которые несли службу в Якутии, Охотске и на Камчатке, снабдив их лошадьми, собачьими упряжками, теплой одеждой и оружием;

4) о развитии в Охотском и Камчатском крае русских пород лошадей и рогатого скота, коего там имеется мало, а пастбища богаты и земля плодородна;

5) о заведении судостроения и верфей, развитии добывающей промышленности, изменении системы ясака, развитии рыболовства, зверобойного промысла, производства смолы (она доставлялась тогда в Охотск с берегов реки Лены), варки соли и тому подобное;

6) об основании морской торговли с Японией — предлагалось послать туда несколько судов, чтобы изведать морской путь в это государство и выяснить, можно ли с японцами завязать взаимовыгодные торговые отношения.

В беринговских «Предложениях» поражает государственная заинтересованность великого мореплавателя в хозяйственном освоении богатой природными ресурсами сибирской земли. За время своего путешествия по ней из Санкт-Петербурга на Камчатку Витус Беринг воочию убедился, что будущее России видится в освоении ее восточных владений. Так, среди прочего он писал:

«Ежели б от Якутска до Охотска повелено пригнать молодой скотины коров и свиней, и от Охотска перевезти чрез моря на Камчатку или сухим путем через Колыму, и при всяком остроге определить по одной или по две семьи людей из якутов, понеже камчатский народ к тому не обучен, то б можно там и землю пахать и всякий хлеб сеять. Понеже в бытность мою учинена проба обо всяком огородном овощу, также и рожь при мне сеяна; а прежде нас сеяли ячмень, репу и конопли, которая и уродилась, токмо пашут людьми».

Витус Беринг считал, что мореходство на восточных сибирских землях вполне может обходиться собственными людьми. Для этого, как считал капитан-командор, надлежит организовать подготовку матросов и корабельных специалистов из «казачьих детей». В таком случае мореплавание в восточных морях будет развиваться намного лучше и не придется судовые команды своим ходом по сухопутью направлять в Охотск из столицы, с берегов Балтики.

Весьма важным Беринг считал учреждение должности командующего Охотским портом и правителя Камчатки. По его мысли, надлежало «больше посылать ремесленных людей на Камчатку... а именно: плотников и кузнецов, прядильщиков и слесарей; по-

неже, когда случится нужда, тогда не надобно возить из дальних городов».

Российский Сенат одобрил беринговские «Предложения». Такое же решение приняла и Адмиралтейств-коллегия, на которой лежала прямая забота о развитии мореходства на далекой российской окраине. Проект встретил полное сочувствие у правившей тогда Императрицы Анны Иоанновны.

СНАРЯЖЕНИЕ 2-Й КАМЧАТСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

17 апреля 1732 года последовал Высочайший указ, в котором предложения капитан-командора Витуса Ионассена Беринга признавались вполне отвечающими «государственной пользе и умножению нашего интереса» и приказывалось снарядить 2-ю Камчатскую экспедицию. Отчасти такое можно объяснить тем, что на вершинах власти в империи еще находились люди, воспитанные в духе Петра Великого. Поэтому в сочувствии и поддержке широким замыслам Витуса Беринга не было недостатка.

Предложение о снаряжении 2-й Камчатской экспедиции исходило от самого Беринга. Он подал по команде через Адмиралтейств-коллегию записку, в которой излагал проект новой экспедиции на восток от Камчатки. Ее задачи излагались в общих чертах, поражая смелостью и серьезностью намерений. 2-я Камчатская экспедиция, по замыслу мореплавателя, должна была состоять из трех частей.

Первому отряду на большом судне предстояло отправиться к северо-западным берегам Америки, которые, по мысли Беринга, располагались на небольшом расстоянии от Камчатки. К этому заключению мореплаватель пришел на основе собственных наблюдений. По мере удаления от Камчатки на восток высота волны на море уменьшалась и, следовательно, где-то поблизости должна была быть земля. Поэтому Беринг считал, что «Америка и между оной лежащие земли» находятся от Камчатки недалеко, примерно на расстоянии 150—200 миль.

Второй задачей экспедиции было исследование «водяного прохода» между Камчаткой и Амуром и между Камчаткой и японскими островами, с тем чтобы «с японцами торг завесть, что к немалой прибыли Российской империи впредь могло оказаться». Для этой цели следовало построить на Камчатке еще одно судно,

по размерам несколько меньше, чем корабль, который отправится на поиски берегов Америки.

В своей докладной записке Витус Беринг сделал и расчеты затрат казенных денег на снаряжение 2-й Камчатской экспедиции к американским берегам и Японии Они составляли 10—12 тысяч рублей, что в то время являлось сравнительно небольшой денежной суммой. Особенно в сравнении с ожидаемыми выгодами для самого Российского государства.

В заключительной части своей записки капитан-командор ставил вопрос о желательности исследования «северных земель или берегов Сибири», от устья Оби до Енисея и от Енисея до устья Лены Он полагал, что эту задачу можно решить, послав сведущих людей либо на ботах, либо сухим путем, тем более что изучение севера Азии можно вести «свободно», поскольку эти земли находятся под «высокой рукой России».

Высочайший указ Императрицы Анны Иоанновны от 17 апреля 1732 года адресовался Правительствующему Сенату, в обязанность которого входила организация 2-й Камчатской экспедиции В указе предписывалось отправить капитан-командора Витуса Беринга для претворения в жизнь его собственных «пунктов и предложений о строении там судов и прочих дел». Сенату поручалось сделать распоряжения о том, чтобы экспедиция была обеспечена людьми и необходимыми материалами.

2 мая 1732 года Сенат издал собственный указ «Об отправлении капитан-командора Беринга в Камчатку и о правилах, каковые он должен соблюдать в сей экспедиции». В нем были определены мероприятия по осуществлению предложений мореплавателя.

Одновременно Сенат для осуществления «второго проекта», предусматривавшего «проведение и описание» северного побережья Сибири от устья реки Оби до Камчатки, разрешал Витусу Берингу послать «добрых и знающих людей водою или сухим путем», придав им сибиряков, хорошо знающих те места. Сибирским властям приказано было чинить «Берингу с товарищи» необходимую помощь и исполнять требования начальника экспедиции.

Тем же сенаторским указом Адмиралтейств-коллегии поручалось отправить во 2-ю Камчатскую экспедицию морских офицеров, мастеровых и прочих флотских служителей, а также часть такелажа для судов, которые будут строиться на Камчатке.

Российский Сенат официально объявил 2-ю Камчатскую экспедицию «самой дальней и трудной и никогда прежде не быва-

лой». Ее единоличным начальником становился капитан-командор российского флота Витус Беринг, и именно ему была адресована инструкция Сената от 16 марта 1733 года, дополнявшая инструкцию Адмиралтейств-коллегии. Особое внимание обращалось на необходимость сочинения достоверных карт Сибири силами геодезистов — участников экспедиции.

Витусу Берингу разрешалось привлекать для участия в экспедиции моряков и казаков из сибирских гарнизонов. Для обеспечения экспедиции различными припасами по пути следования на Камчатку вперед были высланы с соответствующими полномочиями лейтенант Дмитрий Овцын и лейтенант Мартын Шпанберг.

Среди прочих задач Адмиралтейств-коллегия в седьмом пункте своей инструкции поставила перед Берингом требование начать изучение Арктики. Уже тогда перед Россией встала проблема освоения Северного морского пути от Архангельска до Камчатки.

Личный состав 2-й Камчатской экспедиции начал отправляться из Санкт-Петербурга несколькими отрядами общей численностью более 500 морских офицеров, матросов, ученых. 18 апреля 1733 года покинул столицу и сам Витус Беринг вместе со своей женой, носившей теперь русское имя Анна Матвеевна. По примеру начальника экспедиции лейтенант Алексей Чириков, некоторые офицеры, матросы и солдаты тоже отправились в далекий путь вместе с женами и детьми.

В начале 1734 года 2-я Камчатская экспедиция в полном составе собралась в городе Тобольске. Здесь Беринг обсудил с профессорами Миллером и Гмелиным, входившими в состав экспедиции, вопрос о геодезическом исследовании берегов Северного Ледовитого океана. Оставив лейтенанта Алексея Чирикова руководить экспедиционными отрядами и обозами, сам капитан-командор с семьей 16 февраля покинул Тобольск и уже 23 октября прибыл в Якутск.

Там Беринга ждали неприятные известия. Оказалось, что провиант, который лейтенант Шпанберг должен был завезти в Охотск для строителей судов и морских команд, не доставлен. Более того, в Якутске не было построено ни одного судна для перевозки снаряжения и запасов экспедиции по реке Лене и ее притокам.

Сам лейтенант Мартын Шпанберг в очередной раз попал в почти безвыходное положение. Речные суда, на которых он плыл

со своими людьми, не успели до морозов добраться до Юдомского Креста. Наступили холода, и суда вмерзли в лед. На долю Шпанберга и его спутников выпали «великие и тяжкие трудности» — они мерзли и голодали, питаясь в основном кореньями. Лейтенант оставил замершие среди ледяного покрова реки суда и с несколькими спутниками на лыжах смог добраться до Охотска. Там он начал заготовлять лес, строить помещения для экспедиции и понемногу перевозить грузы, брошенные за Юдомским Крестом.

Беринг во второй уже раз оказал помощь отряду Шпанберга. Ему удалось собрать более 100 вьючных лошадей, каждую из которых нагрузили 200 фунтами провизии. Караван благополучно добрался до Охотска.

Гораздо лучше обстояли дела у лейтенанта Алексея Чирикова, хотя по пути через Сибирь к Охотску особенно большие трудности возникли у него с перевозкой таких тяжеловесных и громоздких грузов, как якоря, якорные канаты, пушки. Под них с трудом находились соответствующие подводы.

Весной 1735 года в верховьях Лены под начальством Чирикова было построено 3 барки, 24 дощаника и 43 небольших судна. Для их постройки якутская администрация «дала в работу служилых людей, разночинцев и ссыльных 731 человек». На этой речной флотилии экспедиционные грузы благополучно доставили в Якутск и от него до Юдомского Креста.

Теперь главной заботой для капитан-командора стала доставка в Охотск провианта и прочих экспедиционных грузов. С якутскими властями постоянно шли трения. Из Якутска в далекий столичный Санкт-Петербург на Витуса Беринга пошли жалобы. В итоге Адмиралтейств-коллегия лишила его в качестве наказания двойного жалованья.

Начальник 2-й Камчатской экспедиции смог покинуть негостеприимный Якутск, власти которого мало в чем ему помогали, лишь в 1737 году. Перед этим Витус Беринг отправил в Санкт-Петербург свою жену.

Один из участников экспедиции Свен Ваксель писал: «Он уехал лишь после того, как уверился, что обеспечен провиант, достаточный для его команды. Он не раз говорил, что, мол, нехитрое дело загнать людей в места, где они сами себя не могут пропитать, а вот обеспечить их содержание на месте — это дело, требующее предусмотрительности и разумной распорядительности».

ОХОТСК. ИССЛЕДОВАНИЕ КУРИЛ. ВЫХОД К БЕРЕГАМ ЯПОНИИ

В Охотске началось строительство судов для 2-й Камчатской экспедиции. В портовый город на берегу Тихого океана доставлялись все новые и новые грузы. Витус Беринг продолжал «воевать» со своим врагом — начальником Охотского края Скорняковым-Писаревым, который, будучи столичным вельможей, был бит кнутом и сослан в Сибирь за участие в заговоре против светлейшего князя А Д. Меншикова.

«Дело, наконец, дошло до того, — писал участник экспедиции гидрограф А П Соколов, — что экспедиционное поселение Беринга и острог Писарева, стоявший подле, но несколько выше, были похожи на два враждебных стана. Недовольные Писаревым нижние чины и ссыльные перебегали к Берингу, по живописному выражению Писарева, «как некогда бежали из России на Дон и в Запорожье», и были им принимаемы милостиво. Писарев, со своей стороны, насильственно захватывал людей Беринга и держал их под арестом. Там и здесь беспрестанно подавались доносы, производились следствия, а у Писарева — даже пытки Случалось, что Беринг приходил со своею командою освобождать своих пленных и несколько раз грозился арестовать самого Писарева».

Между тем в Санкт-Петербурге зрело недовольство тем, что работа 2-й Камчатской экспедиции разворачивалась слишком медленно На побережье Северного Ледовитого океана от цинги гибли флотские офицеры, направленные туда для описания морских берегов В Охотске еще только строились суда, которым предстояло совершить плавания к берегам Америки и Японии.

Капитан-командор из далекого от столицы Охотска требовал все новых денег, что наносило государственной казне немалый урон Затраты на 2-ю Камчатскую экспедицию составили огромную сумму в 300 тысяч рублей.

В сентябре 1738 года обеспокоенный таким ходом событий Кабинет министров Императрицы Анны Иоанновны занялся рассмотрением дел экспедиции и рекомендовал Сенату и Адмиралтейств-коллегии остановить работы, а офицеров и матросов вернуть в Санкт-Петербург. Однако, к счастью, нашлись люди, способные защитить Витуса Беринга и его идею. Президент Адмиралтейств-коллегии граф Н.Ф. Головин и адмирал князь Урусов не без труда «отразили» атаку Кабинета министров.

Первыми в Охотске построили суда отряда лейтенанта Шпанберга, которому предстояло отправиться в плавание к японским берегам. 17 июня 1738 года отряд из трех судов покинул устье реки Охоты. Бригантиной «Архангел Михаил» командовал Шпанберг, дубель-шлюпкой «Надежда» — лейтенант Вальтон и ботом «Святой Гавриил» — мичман Шельтинг.

В Охотском море их ожидали штормовая погода и плавающие льды. Корабли потерялись и только в начале июля в Большерецке смогли собраться воедино. 15 июля отряд пошел к Курильским островам. Затем вновь из-за густого тумана суда разлучились. Бригантина прошла вдоль всей Курильской гряды до острова Уруп и от него повернула к Большерецку. Корабль потрепала «жестокая погода», а у его команды заканчивались запасы сухарей.

Более повезло «Надежде». Командовавший ею лейтенант Вальтон положил на карту 26 островов и приблизился к берегам острова Хоккайдо. Самые скромные результаты оказались у мичмана Шельтинга — разлучившись с другими кораблями, он повел свой бот назад в Большерецк.

Первое плавание кораблей так называемого японского отряда, построенных Витусом Берингом в Охотске, имело несомненный успех. Даже при учете того, что поставленная цель не была достигнута. Россияне добыли новые сведения о Курильской гряде, на которой они побывали впервые еще в XVII столетии. Было составлено несколько карт Курильских островов, в шканечные журналы занесены первые описания их берегов, глубин и течений вблизи них. Велись ежечасные записи о ветрах, по нескольку раз в сутки давалась общая характеристика погоды и ее изменений.

После зимовки и ремонта кораблей Мартын Шпанберг на следующий год — 1739-й — по указанию капитан-командора Витуса Беринга вновь отправился к Курилам. Корабли японского отряда провели обследование островов Курильской гряды и провели поиск гипотетической «земли де Гамы». Но никаких признаков исполинской суши, нанесенной на морские карты, исследователи не обнаружили.

На сей раз русские корабли вышли к берегам Японии и посетили ее землю, встретив там радушное отношение местного населения. На берег высаживались только моряки бота «Святой Гавриил», чтобы пополнить запасы пресной воды. Это произошло у селения Амацумара на острове Хонсю.

Итак, в 1738—1739 годах японский отряд 2-й Камчатской экспедиции дважды обследовал острова Курильской гряды и посетил Японию. Об этом несомненном успехе Витус Беринг уведомил начальство в Санкт-Петербурге и поручил лейтенанту Шпанбергу написать подробный рапорт в Адмиралтейств-коллегию.

Это был не первый успех 2-й Камчатской экспедиции 1733—1743 годов, начальником которой был капитан-командор Витус Беринг, а его заместителем и ближайшим помощником — Алексей Чириков. В отечественную историю это поистине грандиозная научная экспедиция вошла еще и под менее известным названием — 1-й Академической.

Экспедиция, еще не знавшая аналогов в истории Российского государства, была организована по инициативе мореплавателя Витуса Беринга. В ее состав вошел весь цвет русской науки того времени, поскольку решались задачи исключительной государственной важности — изучалась земля Сибирская.

Участниками экспедиции от военно-морского флота были: сам Витус Беринг, талантливый исследователь Чириков, Шпанберг, братья Лаптевы, Овцын, Малыгин, Скуратов, Прончищев, Челюскин, Ваксель, Стерлигов. Все они прославились в истории совершенными географическими открытиями, и их имена и по сей день украшают морские карты двух океанов — Северного Ледовитого и Тихого.

Флот государства Российского откомандировал в состав 2-й Камчатской экспедиции не только этих офицеров. В ее состав входили еще 48 морских офицеров, гардемаринов и штурманов, 13 военных чиновников, шкиперов, боцманов, 18 лекарей и подлекарей.

Российская академия наук отправила для работы в экспедицию академиков Миллера, Гмелина, Де-ла-Кроера (Делакроера), профессоров Фишера и Штеллера, пять студентов различных специальностей, переводчиков, живописцев и шесть «рудознатцев» (горняков). Основу экспедиции составили около 600 человек матросов, солдат и мастеровых людей. В ее составе находилось шесть православных священников и один пастор.

Командор Витус Беринг, оказавшись в Охотске, осуществлял непосредственное руководство только «тихоокеанской программы» 2-й Камчатской экспедиции. Она была разделена на отряды, которые почти одновременно начали исследование и описание всего побережья Северного Ледовитого океана: от Архангельска к ре-

кам Оби и Лене, далее к Камчатке, от Охотского моря и Амурского берега до Японии.

Собственно Берингу поручалось при участии Алексея Чирикова на двух новопостроенных судах отправиться от Камчатки для исследования американских берегов и решения в окончательной форме вопроса о проливе между двумя материками.

2-я Камчатская экспедиция, начавшаяся в 1732 году, была рассчитана на шесть лет, но в действительности затянулась до 1743 года. Средств она потребовала на себя от казны огромных, и здесь следует заметить, что правительство Императрицы Анны Иоанновны во времена пресловутой бироновщины денег на исследование Сибири не жалело.

К целям научным 2-й Камчатской экспедиции прибавлялась еще и цель государственная — распространение владычества Российской империи на вновь открытые земли и острова. Все инструкции Сената и Адмиралтейств-коллегии по этому поводу предписывали личному составу самое ласковое обращение с местными народами и племенами, поступающими в вечное подданство России...

Отчет Шпанберга о посещении Японии, нанесении на морскую карту пути к ней и исследовании островов Курильской гряды вызвал удовлетворение у Кабинета министров. В проекте правительственного указа отмечалось:

«...Особливо зело приятно из оного рапорту нам видеть было, коим образом вы во втором вояже не токмо многие острова Японские видели, но и к самим берегам японской земли приближались, тамошний народ видели и початок ласковому обхождению положили».

В проекте указа далее отмечалось, что решено поручить лейтенанту Шпанбергу начальство («Главную дирекцию») над Камчатской экспедицией, всеми ее командами и делами. Берингу приказывалось передать Шпанбергу инструкции, казну, дела и возвращаться немедленно в Санкт-Петербург.

Последние положения проекта правительственного указа свидетельствовали о том, что над головой капитан-командора в далекой от Охотска столице собирались грозовые тучи. Однако после утверждения этого указа Верховный тайный совет при Императрице Анне Иоанновне принял новый — капитан-командора Витуса Беринга оставить во главе Камчатской (Академической) экспедиции. А лейтенанту Мартыну Шпанбергу (который экстренно

вызывался в Санкт-Петербург и уже миновал на четвертом дне пути из Якутска Киренский острог) приказывалось возвратиться в Охотск и приступить к подготовке нового плавания к Курильским островам, Японии и устью реки Амура.

Тем временем Витус Беринг руководил последними работами по оснащению двух пакетботов «Святой Петр» и «Святой Павел», на которых ему и Чирикову предстояло отправиться в плавание к северо-востоку от берегов Камчатки. Находящийся в городе Охотске капитан-командор даже и не представлял о том, что за это время в далекой столице его успели сместить, а потом снова назначить руководителем 2-й Камчатской экспедиции.

Но 24 августа 1740 года в Охотске появился полномочный столичный курьер — лейб-гвардии каптенармус Аврам Дукорт, привезший капитан-командору Витусу Берингу срочные бумаги из Санкт-Петербурга. Указом Верховного тайного совета ему вменялось в обязанность составить «обстоятельную ведомость» о деятельности подчиненной ему экспедиции, дав ответ на каждый пункт инструкций Сената и Адмиралтейств-коллегии.

В такой ситуации Берингу приходилось выбирать. Или составлять «обстоятельную ведомость» о делах экспедиции, на что требовался не один месяц работы. Или немедленно отплывать из Охотска на Камчатку — иначе будет упущено время, и плавание к Америке из-за штормовой и ледовой обстановки откладывалось бы еще на один год.

Капитан-командор выбрал второе, отправив с Дукортом в Санкт-Петербург только краткое донесение об итогах 2-й Камчатской экспедиции. При этом сообщая, что обстоятельный отчет он пришлет с берегов Камчатки. Проводив курьера-гвардейца, Витус Беринг отдает приказ готовиться к отплытию из Охотска.

«СВЯТОЙ ПЕТР» И «СВЯТОЙ ПАВЕЛ»

8 сентября 1740 года пакетботы «Святой Петр» (командир начальник экспедиции Витус Беринг) и «Святой Павел» (командир Алексей Чириков) оставили Охотск и взяли курс на Камчатку. Вернуться назад капитан-командору российского флота было уже не суждено — он уходил в свое последнее плавание.

Беринг первоначально намечал создать на западном берегу Камчатки в устье реки Большой продовольственную базу (вместе с

пакетботами из Охотска вышли два небольших судна с провиантом), но малые глубины у берега заставили его отказаться от этой мысли. Тогда капитан-командор решил в штормовой обстановке обойти полуостров с юга и остановиться в одной из лучших природных бухт Мирового океана — Авачинской.

Десять дней продолжался шторм, совершенно измучив экипажи судов Только 6 октября они смогли войти в Авачинскую бухту На берегу моряки увидели несколько домов и складов. Их построил со своими людьми штурман Иван Елагин, посланный год назад на Камчатку подыскать удобную стоянку для экспедиционных судов. Со своей задачей он справился самым наилучшим образом.

На берегу Авачинской бухты офицеры и матросы пакетботов могли перезимовать в довольно сносных условиях. Витус Беринг, приняв такое решение, приказал разгрузить пакетботы, снять с них такелаж и поставить суда на зимовку.

Но, приняв такое решение, капитан-командору пришлось принимать новое, не менее ответственное. Теперь предстояло позаботиться о сохранении скромных запасов провианта за время зимовки для предстоящего морского похода в следующем году.

«Было принято решение, — писал Ваксель, — кормить команду в течение зимы рыбой и олениной и выдавать ей половинную норму хлеба, с тем чтобы будущей весной, к моменту отправки кораблей в плавание, мы не испытывали задержки из-за необходимости пополнения наших хлебных запасов Сушеной рыбой мы могли запастись в нужном количестве у камчадалов, а северные олени в количестве нескольких сот голов уже заранее были закуплены за счет экспедиции. Они находились все это время на пастбище, нагуляли жиру и были в отличном состоянии, их мясо оказалось весьма приятным на вкус».

В Авачинской бухте капитан-командором был заложен порт, который получил название Петропавловской гавани (ныне город Петропавловск-Камчатский). Витус Беринг видел за ним большое будущее и не ошибся.

Зимовка в Петропавловске прошла успешно. Сюда приехали зимовавшие в Большерецке участники экспедиции Крашенинников, Делакроер, Стеллер и Горданов. Их рапорты, дневники, записки дали ценный научный материал о Камчатском полуострове, его населении и природе.

В течение всей долгой зимы Витус Беринг, Алексей Чириков, лейтенант Иван Чихачев, штурман Свен Ваксель, штурман Ми-

хаил Плаутин и «флота мастер» Софрон Хитрово трудились над составлением «ведомостей» о 2-й Камчатской экспедиции. Исследователи предполагают, что немалую долю в общий научный отчет внес и адъютант капитан-командора Дмитрий Овцын. Но его подписи под «ведомостями» нет только потому, что он был в это время разжалован в рядовые матросы.

К последнему году своей жизни Витус Беринг все чаще приходил с мыслью о необходимости оставить флотскую службу и уйти в заслуженную отставку, на пенсию. Прошло шестьдесят лет полной нелегких испытаний жизни. Застарелая болезнь ног все чаще давала о себе знать. В ряде «доношений» в Санкт-Петербург вице-канцлеру А.И. Остерману Беринг настоятельно просил освободить его от должности начальника экспедиции. Однако его желание об освобождении от участия в экспедиции и возвращении к семье столичные власти так и не удовлетворили.

ПОИСК «ЗЕМЛИ ДЕ ГАМЫ»

Наступала весна 1741 года. Оставались считанные недели до выхода пакетботов в плавание по неизвестному маршруту. Когда капитан-командор собрал совет, чтобы определить путь следования экспедиции, одни рекомендовали идти на северо-восток, другие — на восток.

В разгар спора корабельный астроном и географ Л. Делиль де ла Кроер достал карты своего брата академика Ж. Делиля и предложил прекратить дискуссию. Так как согласно составленному в Адмиралтейств-коллегии плану требовалось вначале выяснить проблему «земли де Гамы», лежащей, по мнению Ж. Делиля, на юго-восток от Камчатки.

Свен Ваксель писал в мемуарах: «Был созван совет из офицеров и штурманов, на который, согласно инструкции, был приглашен прикомандированный к экспедиции профессор астрономии Делакроер, француз по происхождению. Последний представил на совещании карту, составленную (как мы впоследствии установили) на основании ложных и неосновательных данных. На этой карте была показана так называемая земля Жуана де Гамы в направлении к северо-востоку от Авачинской бухты, расположенная на 47 и 45 градусах северной широты и далее к югу, примерно на 13 градусе долготы к востоку от Авачинской бухты. На основании представленной карты мы единодушно решили исследовать эту землю и все согласились одобрить курс на юго-восток, которым следовать до 46 градуса северной широты с отклонением к востоку по долготе на 13 градусе».

Протокол заседания экспедиционного совета подписали все его участники. Для некоторых из них, в том числе и для Витуса Беринга, это был смертный приговор — экспедиция отправлялась в неизведанную ранее северную часть Тихого океана на поиски «земли де Гамы», в действительности не существовавшей.

Во второй половине мая были закончены последние приготовления пакетботов к выходу в дальнее плавание. Загрузили хлеб и пресную воду, привели в порядок паруса и такелаж. Суда были заново проконопачены и просмолены. На борт кораблей взяли подарки для жителей земель и островов, которые могли быть открыты в ходе экспедиции.

Всего в последнее плавание Витуса Беринга отправлялось на пакетботах «Святой Петр» и «Святой Павел» 152 офицера и матроса. И двое членов академического отряда 2-й Камчатской экспедиции — француз Делакроер и ученый-натуралист Стеллер. Последнего капитан-командор взял к себе на борт «Святого Петра».

4 июня 1741 года два небольших корабля под российским Андреевским флагом вышли из Авачинской бухты в Тихий океан. Но перед этим им пришлось простоять несколько дней в ожидании попутного ветра. В Петропавловской гавани, на берегу, их провожало всего несколько человек — солдат, остававшихся охранять склады в Петропавловске.

Шторм в открытом океане нещадно трепал пакетботы. Витус Беринг настойчиво шел вперед, чтобы выполнить предписание Сената. Часто наплывал туман. Чтобы не разлучиться, на кораблях били в колокол или стреляли из пушек. Прошла неделя тяжелейшего плавания. Пакетботы достигли 47 градусов северной широты, где, судя по карте академика Ж. Делиля, должна была находиться «земля Жуана де Гамы». Но никаких признаков близкой суши не виделось.

Капитан-командор все же приказал идти дальше в неизведанность. 12 июня экспедиционные суда пересекли следующую параллель, но результат был тот же. Для всех, в том числе и для Витуса Беринга стало ясно — они обмануты картой французского ученого-географа.

«Упомянутая карта, — писал Свен Ваксель, — была неверной и лживой, ибо в противном случае мы должны были перескочить через землю Жуана де Гама... Было бы, однако, честнее сперва исследовать действительно неизвестные земли, прежде чем широко оповещать плавающих об открытии мифической страны де Гама; в противном случае многие честные и храбрые люди, по необходимости бороздящие моря, бессовестно и возмутительно обманываются. А таким людям, которые берутся утверждать непроверенные вещи, основанные только на предположениях, я бы посоветовал лучше совсем молчать, а если им уже так хочется пофантазировать и порассуждать, то делать это про себя и не давать посторонним людям в руки плодов своей фантазии, тогда по крайней мере никто не был бы обманут их домыслами.

Ведь громадная разница существует между составлением карты по донесениям, известиям, предположениям и отвлеченным домыслам и составлением карты на основании личного опыта, собственных наблюдений и трудов. Быть может, я слишком подробно останавливаюсь на этом вопросе, но я никак не могу оставить его потому, что кровь закипает во мне каждый раз, когда я вспоминаю о бессовестном обмане, в который мы были введены этой неверной картой, в результате чего рисковали жизнью и добрым именем. По вине этой карты почти половина нашей команды погибла напрасной смертью».

Сознание, что бесценные дни потрачены на поиски призрачной «земли де Гамы» угнетали Витуса Беринга. Некогда крепкое его здоровье начало заметно сдавать — капитан-командор стал первой жертвой начавшейся в экипажах цинги.

Беринг приказал экспедиции повернуть курсом на северо-восток. Он решил во что бы то ни стало достичь северо-западных берегов Америки, еще не посещавшихся и не исследованных ни одним европейским мореплавателем.

20 июня капитан-командора постиг новый удар. В ночную штормовую погоду пакетботы разминулись и уже больше не встречались. «Святой Павел» капитана Алексея Чирикова словно канул в воду. На колокольные сигналы и выстрелы из пушки в океане никто не откликнулся.

Потеряв друг друга из виду, пакетботы отправились, каждый самостоятельно, на восток и почти одновременно достигли берегов Северной Америки, причем Чириков — полутора сутками раньше. Это случилось 15 июля. Открытие берегов Аляски для

экипажа пакетбота «Святой Павел» обернулось трагическими событиями.

Из отправленных на берег двух шлюпок с 17 членами экипажа ни одна не вернулась на пакетбот. Моряки или были захвачены в плен местными индейцами (две их лодки показались на виду корабля), или были ими убиты. Судьба моряков с «Святого Павла», высадившихся на том берегу, неизвестна до сих пор.

Чириков послать на берег никого больше не мог, на пакетботе больше не было гребных шлюпок. Прождав неделю возвращения своих людей с берега (они составляли почти четверть экипажа корабля), капитан отдал приказ продолжить плавание вдоль американского берега. Пройдя вдоль побережья 400 верст, 26 июля капитан Алексей Чириков принял решение прекратить исследование береговой черты и следовать на Камчатку.

При сопоставлении штурманских карт пакетботов впоследствии выяснилось, что они возвращались в Петропавловскую гавань одним и тем же курсом, делая в пути лишь небольшие отклонения то к северу, то к югу. Но самой судьбой было уготовано так, чтобы «Святой Павел» и «Святой Петр» не встретились.

Миновав Алеутские острова, пакетбот «Святой Павел» 12 сентября подошел к Петропавловской гавани. Почти весь экипаж его был поражен цингой. Из офицеров еще держался на ногах лишь один штурман Иван Елагин.

ВОЗВРАЩЕНИЕ НА КАМЧАТКУ

Еще более трагично сложилась судьба экипажа беринговского пакетбота «Святой Петр». После трехдневных поисков пропавшего судна капитана Алексея Чирикова, капитан-командор приказал взять курс на север, к американскому берегу. Экипаж судна увидел берег 16 июля, а 20-го подошел к острову, названному русскими мореходами именем Святого Ильи (ныне остров Каяк близ берегов Аляски).

Мореплаватели обследовали его и нашли построенную из дерева юрту с предметами обихода. Ее обитатели скрылись и не проявляли желания появляться на виду у незнакомых пришельцев. В туземном жилище нашлась копченая рыба; моряки «видели на песке след человеческий и огнища».

Экипаж судна запасся на острове свежей питьевой водой, которая подходила к концу. Перед снятием с якоря Витус Беринг послал на берег шлюпку, чтобы положить в «земляной юрте» подарки ее обитателям — два куста материи зеленого цвета, две железные тарелки, два ножа, стеклянные бусы, две железные курительные трубки и фунт листового табака.

Витус Беринг торопился с возвращением на Камчатку, поскольку приближалась осень с ее штормовыми ветрами и холодами. Торопило и другое обстоятельство — начавшаяся цинга, от которой первым стал страдать сам капитан-командор. Неблагоприятный ветер все время прижимал маленький парусник к берегу неизвестных доселе островов, воды которых изобиловали отмелями и подводными скалами. В дни, когда непогода особенно напоминала о себе, «Святой Петр» отстаивался на якоре в небольших бухточках или под прикрытием скалистого берега.

На обратном пути пакетбот Витуса Беринга подходил близко к островам Алеутской гряды и Аляски: Кадьяку, Укамоку и другим, более малым. Русские моряки высаживались на Шумагинских островах. Они были названы в память матроса 2-й статьи Никиты Шумагина, которого цинга первым унесла из жизни. На морскую карту был положен остров Архидьякона Стефана (Туманный) и острова Евдокиевские...

Между тем страшная для северных широт болезнь — цинга в буквальном смысле этого слова валила с ног отважных мореходов. Сам Витус Беринг был сильно болен и почти не выходил из капитанской каюты на свежий воздух. Командование пакетботом по его приказанию взял на себя разжалованный лейтенант Овцын.

С первых чисел ноября уже некого было посылать на шлюпке на проплывавшие мимо пустынные острова, чтобы запастись хотя бы одной бочкой свежей питьевой воды. Цингой болела уже почти вся корабельная команда. У многих отнимались руки и ноги. Запасы провизии катастрофически таяли. Водка, которая давалась больным как лекарство, кончилась несколько недель назад.

По свидетельству оставшихся в живых спутников Витуса Беринга, в те дни большинство команды пакетбота настолько ослабели, что не в силах были самостоятельно передвигаться. Обессиленные матросы вахту у штурвала несли сидя. Лишь некоторые находили в себе силы взбираться по вантам, чтобы ставить и убирать до предела изношенные паруса.

Экипаж «Святого Петра», по сути дела, оказался на грани жизни и смерти. Редко выдавался день, когда бы не приходилось опускать за борт покойников. Бывали дни, когда умирало по два-три человека.

Штурманское счисление пути было почти потеряно. Ставший на капитанский мостик Овцын теперь старался из последнего держать курс корабля на Камчатку. В своих записках Ваксель рассказывал о тех печальных днях: пакетбот «плыл, как кусок мертвого дерева, почти без всякого управления и шел по воле волн и ветра, куда им только вздумалось его погнать».

24 октября 1741 года палубу покрыл первый снег, но, к счастью, продержался недолго. Воздух становился все более морозным. В тот день, как свидетельствует вахтенный журнал, больных было «разных чинов 28 человек». Это были те моряки, которые не могли уже подняться на ноги.

Витус Беринг понимал, что в судьбе экспедиции наступил самый тяжелый момент и что он лично ответственен за нее. Изнуренный болезнью, он с трудом поднимался на палубу, чтобы ободрить подчиненных ему людей. Капитан-командор обещал им, как только на горизонте появится земля, непременно причалить к ней и остаться на зимовку. Команда «Святого Петра» безгранично верила Берингу, и все, кто мог передвигать ноги, напрягая последние силы, исправно несли ходовую вахту.

4 ноября рано утром на горизонте обозначились контуры неизвестной суши. По очертаниям они чем-то напоминали контуры окрестностей Авачинской губы. Это вызвало ликование всего экипажа. Однако по мере приближения судна к земле оно падало. Это оказался неизвестный ранее остров из числа названных потом Командорскими. Открытый же остров получил название Беринга.

Высадка на берег началась 8 ноября. Счастливо проскочив линию прибрежных подводных камней, пакетбот оказался близ пустынного берега. Моряки, высадившиеся на землю, увидели лишь кое-где заросли карликовой ивы. На берегу лежали бревна, выброшенные морем и засыпанные снегом. Поблизости протекала небольшая речка. В окрестностях бухты обнаружили несколько глубоких ям, которые, покрыв парусами, можно было приспособить под жилье для больных матросов и офицеров.

9 ноября больного капитан-командора доставили на шлюпке на берег и на носилках перенесли в подготовленную для него землянку. Больные матросы, месяцами лежавшие в тесных, затхлых

кубриках, попав на свежий воздух, не выдерживали и умирали. Так погибло девять человек, их хоронили на берегу в неглубоких песчаных ямах, ставя на могилах кресты из досок.

На берег с пакетбота доставили все, что можно было использовать для зимовки на пустынном острове. Продовольствие оказалось на исходе — это были скудные запасы ржаной муки, подмокшей крупы и соли. Уходившие из жизни моряки «Святого Петра» такой ценой продлевали жизнь своим товарищам.

22 ноября последние больные были перевезены с пакетбота на берег. Судно, покинутое экипажем, сиротливо стояло на якоре в небольшой бухте. 28 ноября сильной бурей пакетбот сорвало с якоря и выбросило на берег. Первое время моряки не придали этому несчастью серьезного значения, поскольку они верили, что высадились на Камчатке.

СМЕРТЬ КАПИТАН-КОМАНДОРА

Через несколько дней Беринг отправил две партии моряков обследовать окрестности лагеря. На пути не встретилось ни тропинок, ни прочих признаков присутствия человека. Встречались только песцы да морские бобры, которые совершенно равнодушно отнеслись к появлению людей. Мясо морских бобров станет главным пропитанием зимовщиков. С высоты горы моряки увидели кругом безбрежный океан.

«Это известие, — писал Ваксель, — подействовало на наших людей словно удар грома. Мы ясно поняли, в какое беспомощное и тяжелое положение попали и что нам угрожает полная гибель. В самом деле, мы оказались выброшенными на неизвестный и пустынный остров без корабля, без леса для постройки другого судна, без провизии, с большим количеством людей, до последней степени больных, без лекарств или каких-либо средств для лечения больных, без жилья, выброшенными, так сказать, под открытое небо. К тому же вся земля была покрыта снегом. Впереди предстояла длительная зима с неизбежными сильными морозами. А у нас совсем не было дров. От таких тревожных мыслей не мудрено было дойти до отчаяния и усомниться в возможности нашего спасения...

Не оставалось ничего другого, как запастись терпением и покориться неизбежному. Было невозможно придумать, как перезимовать на этом пустынном острове. Приходилось только надеяться, что те из нас, кому удастся пережить зиму, по наступлении весны найдут какое-то средство спасти всех остальных».

В это страшное для экипажа «Святого Петра» время капитан-командор Витус Беринг, чувствовавший, что дни его сочтены, продолжал исполнять свои обязанности начальника экспедиции. Заботясь о тех, кому суждено будет к весне остаться в живых, он приказал спасать грузы, которые еще находились на выброшенном на мель пакетботе.

Несмотря на несчастья, выпавшие на долю экспедиции, Витус Беринг до последнего своего часа не утратил бодрости духа. Он находил теплые слова для своих приунывших товарищей по общей беде, ободрял их и говорил, что с наступлением весны они смогут благополучно добраться до Камчатки. Если бы он только знал, что Петропавловская гавань находится всего в нескольких сутках хорошего хода парусного судна от приютившего экипаж «Святого Петра» необитаемого острова.

Капитан-командор лежал в землянке, прикрытой сверху брезентом. Он уже не ощущал голода, ему не хотелось есть ни ржаные лепешки, ни обжаренное мясо морских бобров. Сильнее всего Беринг страдал от холода, от которого не было никакого спасения. Силы оставили его, он не мог пошевелить ни рукой, ни ногой.

Сползавший со стен тесной землянки песок засыпал его до пояса. Когда офицеры предложили откопать его, Витус Беринг воспротивился, заявив, что так ему теплее. Товарищи по несчастью не стали тревожить покоя своего командира.

Один из очевидцев вспоминал: «Можно сказать, что он еще при жизни почти уже погребен был; ибо в яме, в которой он лежал, песок, со всех сторон осыпаясь, завалил у него ноги, коего он напоследок больше отгребать не велел... а как он скончался, то надлежало его из песку вырывать, чтоб тело пристойным образом предать земле».

Прославленный российский мореплаватель умер 8 декабря 1741 года. В журнале, который вел С. Хитрово, записано: «Декабря 8 дня (1741 года — *А.Ш.*) капитан-командор Беринг в землянке того острова умре».

После смерти Витуса Беринга старшим в экипаже стал лейтенант Свен Ваксель. Оставшиеся в живых провели на острове почти девять месяцев, терпя холод и голод. Штормовые ветры срывали брезентовые крыши землянок. Дважды землетрясения

разрушали песчаные землянки, но каждый раз их удавалось раскапывать.

С наступлением весны лейтенант Ваксель собрал на совет экипаж «Святого Петра». Было решено разобрать выброшенный на прибрежную отмель пакетбот и построить из его останков новое судно. Трудность здесь была одна — среди моряков не оказалось ни одного корабельного мастера. Лишь сибирский казак Савва Стародубцев участвовал в постройке судов экспедиции в Охотске.

Когда растаял снег, моряки стали варить себе чай из брусничных листьев, питаться свежей зеленью и кореньями. Цинга отступила, и люди стали чувствовать себя вполне здоровыми.

В конце июля постройка нового судна с прежним названием «Святой Петр» была закончена. 13 августа мореплаватели простились с островом, который единодушно назвали именем Беринга. На его берегу осталась могила отважного капитан-командора. Там же были брошены за ненадобностью пушки пакетбота.

Собранное за более чем полгода новое судно в ходе двухнедельного плавания к Авачинской бухте в пути дало течь. С трудом удалось заделать образовавшееся между досками обшивки отверстие. Последнее плавание спутников Витуса Беринга к Камчатке длилось больше, чем это могло быть.

27 августа 1742 года в Петропавловскую гавань вошел парусный корабль, похожий на судно Беринга, но только вдвое меньше. На нем виднелась надпись «Св. Петр». С судна на берег сошли 46 измученных выпавшими на их долю невзгодами мореплавателей.

Первым делом лейтенант Свен Ваксель отправил в Санкт-Петербург рапорт о плавании пакетбота «Святой Петр» и смерти начальника 2-й Камчатской экспедиции капитан-командора Витуса Беринга. В российскую столицу были отправлены и основные документы экспедиции, и личные вещи Беринга. Летом 1743 года малый парусник «Святой Петр» достиг Охотска.

ПАМЯТИ ВИТУСА БЕРИНГА

Как 1-я, так и 2-я Камчатские экспедиции, их результаты и научные достижения были объявлены российским правительством секретными и не подлежащими оглашению. Государство тогда еще не было готово твердой ногой встать на берегах Тихого океана.

Однако большого секрета из праведных трудов мореплавателя Витуса Беринга не получилось.

В двух экспедициях, особенно во 2-й, участвовало немало выходцев из европейских стран — Франции, германских государств, Дании. Довольно скоро научные достижения Витуса Беринга и его сподвижников получили широкую известность и признание.

Российское правительство признало все величие заслуг капитан-командора Витуса Ионассена (Ивана Ивановича) Беринга и его спутников. Участвовавшие в беринговской экспедиции ссыльные получили высочайшую амнистию, некоторым из них были возвращены прежние чины и звания.

Россия всегда помнила мужественного мореплавателя капитан-командора Витуса Беринга самым добрым словом, чтя его светлую память и великие дела. Его именем на карте Земного шара названы пролив, острова и море в Тихом океане.

В 1822 году на острове Беринга отважному командору был поставлен первый памятник. Второй украсил собой бывшую Петропавловскую гавань — город Петропавловск-Камчатский. Он был поставлен в 1866 году по почину известного русского мореплавателя капитана 1-го ранга Рикорда. В память о великом проходце северных вод Тихого океана на его родине, в датском городе Хорсенсе, установлена мемориальная доска. Недавно найдена его могила.

Подвести итоги жизненного пути капитан-командора Российского военного флота Витуса Беринга можно словами академика Л.С. Берга: «Экспедиции, во главе которых стоял Беринг, сделали громадное научное дело».

Лучшее подтверждение этих скупых слов — любая карта Мирового, или Тихого, океана, старой и новой России. Имя Беринга присутствует на них уже третье столетие и не сотрется никогда в истории человечества.

НЕСОСТОЯВШИЙСЯ СВАТ СВЕТЛЕЙШЕГО КНЯЗЯ

Генерал-фельдмаршал граф Ян Сапега

ЯСНОВЕЛЬМОЖНЫЙ ГЕТМАН ЛИТОВСКИЙ

Сапеги — род древний и знаменитый. Первоначально они были боярами в православном Великом княжестве Литовском. Затем стали магнатами (крупными самовластными землевладельцами) в католической Речи Посполитой.

Представители рода участвовали во многих войнах, которые проходили на польской, литовской, прибалтийской и русской землях. Носили титулы князей и графов.

Сапеги вошли в историю государства Российского еще и тем, что в Смутное время начала XVII столетия вооруженной рукой поддержали самозванцев Лжедмитрия I (Григория Отрепьева) и Лжедмитрия II (Богданку) — «тушинского вора». Поддержали, разумеется, не безвозмездно, «хорошо» пограбив московские пределы в годину Смуты.

Среди аристократов по крови Сапегов было немало военачальников самого высокого ранга — воевод и гетманов, генералов и просто предводителей вооруженных шляхетских отрядов, которые богатые магнаты содержали на свой кошт. И хотя Сапеги с XVIII века стали российскими аристократами, полководческого звания генерал-фельдмаршала удостоился всего лишь один из них.

Польский ясновельможный граф Ян Сапега получил достоинство генерал-фельдмаршала Российской империи благодаря придворным «трудам» светлейшего князя генералиссимуса русской армии Александра Даниловича Меншикова. Именно ему молодой магнат был обязан стремительным возвышением на иерархической военной лестнице России, а не благодаря подвигам на поле

брани, прочим воинским и полезным трудам на пользу российского Отечества.

Это был удивительнейший даже для истории Российской империи стремительный взлет чужеземца, все достоинство которого заключалось в том, что сын его предназначен был А.Д. Меншиковым в мужья своей дочери княжне Марии.

Вообще-то военные заслуги у графа Яна Сапеги были, поскольку он служил польскому королю и саксонскому курфюрсту Августу II. Тот был ненадежным союзником русского Царя Петра I Алексеевича в коалиционной войне против Шведского королевства. Однако побед на тропе войны или каких-либо других блещущих ратных деяний в Северной войне за богатым и знатным магнатом не числилось. Скорее всего, наоборот.

В мало кому известных в наше время «Записках Дюка де Лириия» автором дается более чем исчерпывающая характеристика польскому аристократу:

«Сапега храбрый, ума обыкновенного, не отличается никакими достоинствами; три раза изменял Королю Августу II-му; мало разумел высшее военное искусство; был вспыльчив, лукав; предавался каждый день горячим напиткам и не пренебрегал никакими средствами к достижению своей цели».

Если верить герцогу, который немало общался с будущим российским генерал-фельдмаршалом, то стоит удивиться тому, что именно такого знатного человека «голубых кровей» чадолюбивый Меншиков хотел видеть мужем своей дочери Марии, ставшей в отечественной истории безвинной девушкой-княжной, которую ждала смерть в далекой сибирской ссылке, куда ее отправили вместе со всей отцовской семьей. Последние годы своей жизни она проведет в безвестном остроге Березове, затерянном в таежном безбрежье.

Ян Сапега, что удивительно, пользовался известной благосклонностью русского Государя Петра I Алексеевича. Хотя польский граф действительно трижды за время Северной войны изменял королю Августу II и тем самым трижды изменял и союзнику короля в войне против Швеции Царю Московского государства. Получается, что граф Сапега трижды служил и шведскому королю Карлу XII, и его ставленнику на варшавском престоле Станиславу Лещинскому.

Однажды такая смена сюзерена едва не стоила графу Яну Сапеге бренной жизни. 13 мая 1709 года при Лудухове произошло сражение между русским корпусом под командованием генерал-

фельдмаршала фон Гольца и крупным отрядом войск Станислава Лещинского под командованием старосты Бобруйского графа Сапеги. К тому времени король Станислав произвел перебежчика в гетманы Литовские и вверил ему начальство над крупными военными силами своих сторонников, приверженцев не России и Саксонии, а Швеции.

Литовский гетман «опустошил свою родину», то есть, проще говоря, разграбил те области, где действовали его войска. Он сумел одержать верх в бою против военачальника короля Августа II крупного польского магната Огинского. Однако под Лудуховом отряд Яна Сапеги был настигнут русским корпусом Гольца (в нем было много драгунской кавалерии) и наголову разбит.

Сражение продолжительностью не отличалось. Потеряв только убитыми свыше двух тысяч человек на поле боя, отряд гетмана Литовского рассеялся в окрестных лесах. Русские драгуны повели преследование, и их противник потерял еще до 500 человек. Разгром сторонников короля Станислава был полный.

Победители взяли немало пленных, в том числе одного гетманского полковника. Среди трофеев оказалось девять польских знамен и гетманский бунчук — символ его личной власти в Литве. Под самим графом Яном Сапегой была убита лошадь, но ему все же удалось с небольшой группой своих людей спастись бегством от настойчиво преследовавших его русских кавалеристов.

В XVIII столетии большие и малые войны в Европе еще сохраняли на себе рыцарский отпечаток недалекого прошлого. Поэтому переход воина с одной стороны на другую нечасто строго карался и был обыденным явлением. Так что польский граф Ян Сапега за Северную войну 1700—1721 годов шесть раз служил то одному, то другому монарху Польши.

ЖЕНИХ ДЛЯ КНЯЖНЫ МАРИИ

Светлейший князь Александр Данилович Меншиков «приметил» с завидной родословной жениха еще в царствование Императора Петра Великого. Сын царского конюха, торговавший в мальчишечьи годы пирогами в Москве, генералиссимус Меншиков прекрасно понимал, что его княжеский титул неизбежно вызывал скрытую усмешку у князей от рождения, которые могли похвастаться своей древней родословной, уходящей во времена Рюриковичей.

Отсюда понятно, почему всесильный временщик Петра I и Императрицы Екатерины I Алексеевны так стремился породниться с «чужеземными» аристократическими фамилиями. Да и к тому же у него были далеко идущие личные планы, которые вполне подходят к разряду «наполеоновских».

Ян Сапега привлекал светлейшего князя многим: знатностью древнего рода, личным богатством и влиянием в делах Польского королевства. Меншиков к концу правления Петра Великого начал постепенно утрачивать свое былое могущество. Общеизвестно, что первый российский Император постепенно охладел к своему любимцу, на что имелось немало веских причин. Честолюбие же второго в российской истории генералиссимуса не знало пределов.

Граф Ян Сапега в то время занимал в Польском королевстве «должность» сына старосты Грудзинского, которого можно было приравнять к положению генерал-губернатора в России. Светлейший князь Меншиков, чтобы приблизить его к себе, делает протекцию Сапеге, и тот принимается на русскую военную службу полковником с приличным жалованьем — «пенсией» по 400 червонных в год. Для польского графа такие деньги оказались немалыми.

Новоиспеченный полковник Российской Императорской армии, так и не узнавший названия своего полка, вскоре появляется с сыном Петром в Санкт-Петербурге. Появление молодого графа Сапеги в столице России стало следствием переписки Меншикова с Сапегой-старшим. Последний, заботясь о будущем сына, еще в конце 1720 года письменно предложил светлейшему князю соединить брачными узами своих детей. Так завязывалась та историческая интрига.

В Санкт-Петербурге польский аристократ остановился во дворце будущего тестя. Граф сразу же начал жизнь знатного иностранного вельможи, состоявшего на русской службе и оказавшегося при Императорском дворе. Время проводилось на пирах и балах, где Сапега танцевал с невестою своей. Мария Меншикова, по свидетельству очевидцев, отличалась внешней привлекательностью, равно как и богатым наследством.

Современник графа Яна Сапеги, хорошо знавший его лично, обер-камергер Голштинского герцога Берхгольц описывает жениха княжны Марии следующим образом:

«Сегодня (20 августа 1721 г. — *А. Ш.*) в первый раз я видел Графа Сапегу. Он лишь только приехал в Петербург; еще не в службе; принадлежит знатнейшей и богатейшей фамилии Польской; по-

молвлен со старшей дочерью Князя Меншикова, которой десятый год (возраст княжны указан ошибочно. — *А. Ш.*). При нем находится многочисленная свита. Молодой граф, в тот день, был странно одет, приноравливаясь ко вкусу своего будущего тестя: имел на себе алый бархатный кафтан с зеленою подкладкою и зеленые чулки. Он ловкий, приятный мужчина; танцует довольно хорошо».

Светлейший князь Меншиков относился к числу способных петровских дипломатов. С Польшей его связывало многое. В 1722 году он посредством графа Яна Сапеги и его сторонников в Речи Посполитой старался устранить сына короля Августа II от отцовского престола, но безуспешно. У честолюбивого, не в пример другим «птенцам гнезда Петрова» Александра Даниловича, занимавшегося «европейскими делами, были свои виды на обладателя польской короны.

Одновременно Меншиков с помощью знатного и влиятельного польского магната хотел лишить генерала Флеминга командования королевскими войсками. Причина оказалась достаточно веской, поскольку военачальник короля Августа II «вошел в тайные сношения с мятежными казаками». Такое для дворов Санкт-Петербурга, Варшавы и столицы к рфюршества Саксонии города Дрездена было опасным явлением.

Скоропостижная смерть Императора Петра Великого сблизила еще более честолюбивых отцов жениха и невесты. Сапега-старший настоятельно требовал в письмах торжественного сговора графского сына с княжной Марией Меншиковой, которой шел пятнадцатый год. Ее отец становился фактическим правителем Российской империи при самодержавной Императрице Екатерине I, для которой занятия государственными делами были в большую тягость.

Меншиков колебался по одной хорошо известной всем в то время причине — светлейший князь «метил» в герцоги Курляндские, к чему он прилагал немало усилий и даже применял военную силу. Герцогская корона поднимала Александра Меншикова почти вровень с европейскими монархами и давала среди прочего самый широкий выбор нового суженого для его подрастающей старшей дочери-красавицы.

Подтвердить свое отцовское согласие на супружеский союз генералиссимуса А.Д. Меншикова заставили два следующих обстоятельства. Во-первых, на то его убеждала Императрица Екатерина I, которой обольстительный польский граф откровенно нравился, — оба они считались в Санкт-Петербурге непревзойденными танцо-

рами. Во-вторых, старший Сапега клятвенно обещал светлейшему князю, что он использует все свои обширные знакомства в Курляндии и Речи Посполитой для положительного решения «курляндского дела».

Однако дочь, да еще любимая, первейшего вельможи Российской империи в звании генералиссимуса русской армии с титулом светлейшего князя Ижорского не могла выйти замуж за сына иноземного графа в звании лишь полковника на службе российской короны. С такой «вопиющей несправедливостью» согласилась без долгих на то уговоров и сама Государыня Екатерина Алексеевна.

ФЕЛЬДМАРШАЛЬСКИЙ ЖЕЗЛ ДЛЯ ПОЛЬСКОГО ВЕЛЬМОЖИ

10 марта 1726 года граф Ян Сапега староста Бобруйский в самой торжественной обстановке получил из рук российской самодержицы фельдмаршальский жезл. А его сын был пожалован высоким придворным чином действительного камергера.

Так в Российском государстве появился седьмой по счету полководец в звании генерал-фельдмаршала. До него этот высокий воинский чин получили из рук Петра Великого действительно заслуженные во многих войнах люди — граф Федор Алексеевич Головин, герцог Карл Евгений Кроа де Крои, граф Борис Петрович Шереметев, светлейший князь Александр Данилович Меншиков, князь Аникита Иванович Репнин и пожалованный этим званием Императрицей Екатериной I князь Михаил Михайлович Голицын. Польский граф мог быть при них, и то с большой натяжкой и в лучшем случае рядовым генералом.

12 марта 1726 года Императрица Екатерина I со своим семейством и ближайшим придворным окружением присутствовала при сговоре княжны Марии Меншиковой и графа Петра Сапеги. Государыня сама вручила жениху и невесте драгоценные перстни, которыми они тут же и обменялись. Весь российский генералитет и послы иностранных государств, аккредитованные в Санкт-Петербурге, оказались свидетелями этого торжественного обряда.

После такой церемонии состоялись большие торжественные празднества. Светлейший князь поставил их на самую широкую ногу. За обеденным столом в меншиковском дворце находились: Государыня Императрица, герцог и герцогиня Голштинские, це-

саревна Елизавета Петровна, герцогиня Мекленбургская, прочие знатные гости

Дом временщика, расцвеченный многочисленными огнями, был разукрашен прозрачными аллегорическими надписями и гербами хозяина дворца и графа Сапеги. Для красоты они освещались изнутри. В богато убранном зале звучала музыка. Расставленные вокруг меншиковской усадьбы артиллерийские батареи гремели залпами. Танцы после торжественного ужина продолжались до полуночи.

Присутствие на семейном торжестве Государыни, ее двора и иностранного дипломатического корпуса придавали жениху и невесте такой блеск, которого российская столица еще не знала. Таким блеском мог себя окружить только тот влиятельнейший вельможа государства, который к преклонным годам стал утопать в пышности, всеобщем почитании своей личности.

На торжестве своей любимой дочери Александр Данилович Меншиков объявил, что дает в приданое за княжной Марией 700 тысяч злотых, что составляло тогда 87,5 тысячи русских рублей серебром. Императрица Екатерина I оказалась более щедрой — она пожаловала дочери временщика 100 тысяч рублей и несколько деревень в различных губерниях России и в Лифляндии.

От таких даров могла закружиться голова у любого из присутствующих на семейном торжестве во дворце Меншикова. Ничего похожего граф Сапега-старший дать своему сыну просто не мог. Кроме, естественно, собственной аристократической родословной.

22 марта 1726 года генерал-фельдмаршал граф Ян Сапега покидал Санкт-Петербург, чтобы возвратиться с триумфом в Речь Посполитую. Перед убытием из российской столицы Императрица Екатерина I наградила его высшим государственным орденом Святого апостола Андрея Первозванного. За какие заслуги перед Россией — историки о том гадают по сей день.

Отец и сын графы Сапеги так и не смогли помочь ни своим влиянием, ни своими связями светлейшему князю Ижорскому в борьбе за корону герцога Курляндии. Между ними «произошла холодность». Оказалось, что за клятвенными обещаниями польских магнатов ничего не стояло, и самолюбие Александра Даниловича Меншикова оказалось сильно уязвленным.

Зная об этом, Императрица Екатерина I продолжала благодетельствовать молодому графу Сапеге и его отцу. 15 ноября 1726 года генерал-фельдмаршал награждается вторым высшим орденом Российской империи — Святого Александра Невского. Следует заме-

тить, что по замыслившему его учреждение Петру Великому орден должен был стать чисто боевой наградой для русских полководцев и военачальников самого высокого ранга.

Но это были еще не все монаршие почести старосте Бобруйскому. За месяц до своей смерти Императрица наградила графа Яна Сапегу собственным миниатюрным драгоценным портретом для ношения на голубой ленте. Последнее награждение ясновельможного польского пана состоялось 5 апреля 1727 года.

Неожиданная кончина российской самодержавной правительницы, которая открыто покровительствовала ему, встревожила Яна Сапегу. Польский граф в чине генерал-фельдмаршала Российской империи поспешил из Речи Посполитой в Санкт-Петербург. Там его ожидало самое худшее известие из всех, о чем он только мог предполагать по пути из Бобруйска на берега Невы.

РАСТОРЖЕНИЕ БРАЧНОГО ДОГОВОРА. ВРАГИ

Светлейший князь А Д. Меншиков оказался на первых ролях в государстве и при новом Императоре Петре II. Правда, генералиссимус даже и не предполагал, насколько короток будет этот последний его триумф в России И сколь близко будет его поразительное для отечественной истории падение с вершин власти.

Меншиков не мог простить польским магнатам Сапегам «потерю» герцогской короны Курляндии Он решительно расторгает договор о сговоре между своей дочерью и графом Петром Сапегой. Более того, светлейший князь заблаговременно испросил у Императрицы Екатерины I в последние дни ее жизни согласие на брак Сапеги-младшего с родной племянницей Государыни графиней Софьей Карловной Скавронской.

Графиня получила от своей венценосной тетушки 70 тысяч рублей деньгами и несколько деревень в России и Ливонии. Разумеется, Сапега-младший рассчитывал на гораздо большое приданое невесты в лице княжны Марии Меншиковой. Но Сапега-старший, надменный старик магнат, был польщен во всех отношениях. Шутка ли сказать — его графский род вписывал себя в родословную императорской династии Романовых. В Речи Посполитой таким возгордиться никто не мог.

Такая операция была проведена всесильным временщиком не случайно. Генералиссимус Александр Данилович Меншиков метил

теперь в тести российского Императора Петра II, намереваясь выдать свою повзрослевшую старшую дочь-красавицу за юного Государя. Этим он ускорил собственное падение и изгнание из столицы в глухую сибирскую ссылку, где безвинная царская невеста от горя и печали преждевременно уйдет из жизни раньше своего отца, увенчанного всеми высшими орденами, титулами и воинскими званиями Российской империи.

Ян Сапега стал свидетелем падения светлейшего князя и отправки семейства Меншиковых в сибирский острог Березово. В той ситуации польский граф проявил себя подлинным царедворцем, державшим нос по ветру. Он своевременно «устранил себя от всяких сношений с опальным» вельможей, который ему так «знатно» покровительствовал.

Генерал-фельдмаршал Сапега своевременно присоединился в делах и помыслах к поклонникам князей Долгоруких, любимцев Императора Петра II и врагов Меншикова. И польский граф не проиграл в дворцовой интриге против своего так и не состоявшегося свата, в одночасье лишившегося всего достигнутого в жизни при дворах трех российских самодержцев.

В ноябре 1727 года генерал-фельдмаршал граф Ян Сапега назначается генерал-губернатором Санкт-Петербургской губернии, став на считанные месяцы одним из самых влиятельных государственных мужей в России. Однако российским вельможей ему так и не довелось стать, хотя к тому он и очень стремился.

Довольно скоро графу Яну Сапеге пришлось поспешно покинуть столицу чужой страны и удалиться в собственные польские владения, так и не покомандовав хоть единый день российскими войсками — ни полком, ни армией.

Умер российский генерал-фельдмаршал граф Ян Сапега в феврале 1730 года — почти в одно время с Александром Даниловичем Меншиковым. Первый был похоронен в фамильном склепе графов Сапега, второй — в безымянной могиле на берегу сибирской реки. Первого в последний путь провожала многочисленная польская знать, второго — сын и младшая дочь, священник и несколько стариков солдат из караульной березовской команды.

В истории государства Российского о польском ясновельможном графе Яне Сапеге можно отозваться только так: своим именем он лишь увеличил число генерал-фельдмаршалов нашего Отечества.

КАНАЛОСТРОИТЕЛЬ, СТАВШИЙ ПОЛКОВОДЦЕМ

Генерал-фельдмаршал Бурхард Христофорович Миних

ПЕТРОВСКАЯ СТРАСТЬ К «КАНАЛЬНОМУ ДЕЛУ»

Своему появлению в России генерал-фельдмаршал Бурхард Христофорович Миних обязан пристрастию к воде такой коронованной личности, как наш Император Петр I Алексеевич. Излюбленным занятием русского Царя было плавать по воде, строить корабли, направлять движение воды так, чтобы она приносила государству и человеку пользу.

Петр Великий стал основоположником русского военно-морского флота, чьи боевые штандарты в самый короткий исторический срок появились на многих морях — Азовском и Балтийском, Белом и Черном, Каспийском... А все начиналось с небольшого корабельного ботика, совершавшего нехитрые маневры под парусом на подмосковной речке Яузе и Просяном пруду и ведомого в будущее еще неопытной рукой юного российского самодержца.

Пристрастие к воде Петра I имело и еще одну сторону — он любил строить каналы. Первый всероссийский Император оставил после себя такое удивительное творение в виде новой столицы государства, как Санкт-Петербург, город, расположенный по берегам многочисленных невских каналов. Еще современники его основателя дали название столице Российской империи — «северная Венеция». Но каналы строились Государем-самодержцем не только в граде Петра, а и по всей стране.

Можно было понять устремленность Петра Великого — будущее вверенной ему державы он видел в утверждении на мировых

морских путях. Однако те же водные пути оставались главными внутри России. И Царь задумал связать их воедино посредством системы каналов.

Для таких работ требовалось многое. Работный люд можно было собрать через высочайшие указы местным губернаторам, рассылавшим по уездам воинские команды. С великим трудом, но все же государственное казначейство находило средства, и немалые. Ко всему этому требовались специалисты, инженеры-каналостроители, обладавшие опытом и знаниями. Россия в начале XVIII столетия таких профессионалов еще не имела.

Чтобы заполучить к себе инженеров «канального дела», Петр Великий шел по уже опробованному пути, приглашая нужных специалистов из просвещенной и образованной Европы. Но одновременно готовя и своих, доморощенных каналостроителей. Правда, таким приглашенным приходилось платить немалые деньги. В Россию они ехали с удовольствием: там иноземным мастерам платили намного больше, чем своим собственным, даже такой же квалификации.

Складывалась любопытная ситуация. В русской армии не было отбоя от «охочих» иноземцев едва ли не со всех европейских стран с офицерскими патентами на руках, желавших служить России в рядах ее армии и на флоте. Прибывали бароны и герцоги, генералы и фельдмаршалы. Приезжали по суше и морю люди с различным инженерным образованием. Им тоже хотелось прибыльно продать свои знания и приложить собственные руки к петровским творениям.

Далеко не сразу, но все же российские государственные мужи научились отбирать из желающих лучших, действительно профессионалов в своей области. Это стало серьезной задачей сперва для Боярской думы, затем правительственных коллегий, не говоря уже о самом самодержце.

Среди таких лучших оказался и датчанин Бурхард Миних, человек разносторонних инженерных познаний, опытный и к тому же потомственный каналостроитель. Думается, что Царь Петр I смог распознать в этом иноземце большие задатки не только военного инженера по «водяному делу», но и способного военачальника. Так или иначе, но российский самодержец до последних своих дней оставался доволен трудами приглашенного им чужеземного каналостроителя. Полководцем тот стал гораздо позже.

МИНИХИ ИЗ ГРАФСТВА ОЛЬДЕНБУРГСКОГО

Сама судьба готовила Бурхарда Христофоровича Миниха к профессии инженера-каналостроителя, профессии весьма уважаемой у него на родине. Родился он 9 мая 1683 года в графстве Ольденбургском. Предки его были простыми крестьянами и из поколения в поколение занимались «водяным делом» — строили плотины, рыли каналы, устраивали в них шлюзы, строили мосты. По своему географическому положению край, где жили Минихи, был обилен водой и часто подвергался наводнениям. Борьба с водной стихией стала неотложным делом местных жителей.

Отец Бурхарда Миниха слыл искусным инженером. Антон-Гюнтер служил у датского короля в чине подполковника и в 1678 году получил от него дворянство. В последующее время император Леопольд утвердил дворянство датского военного инженера, случилось это в 1702 году. Королевскую службу Миних-старший заканчивал в должности главного надзирателя над плотинами и всеми водяными работами в графствах Ольденбургском и Дельменгорстском.

Семейство Минихов проживало в своем имении в деревне Нейнгунгдорф, откуда легко было добраться до всех «водяных мест» в двух графствах. Семья датского инженера-подполковника жила жизнью окрестных дворян-землевладельцев. Здесь, в Нейнгунгдорфе и родился второй сын Миниха-старшего — Бурхард-Христофор. Его матерью была Софья-Екатерина, урожденная фон Эткен.

Отец, естественно, видел в своем сыне наследника, продолжателя рода каналостроителей. Мальчик рано проявил способности к познанию наук. Миних-старший ревностно упражнялся с сыном в военной фортификации и гидравлике, заставлял его срисовывать планы, чертежи, читать описания плотин и шлюзов. Бурхарда-Христофора Миниха ждала судьба потомственного инженера. К шестнадцати годам он знал три языка — немецкий, французский и латинский, математику.

С девяти лет ему пришлось сопровождать отца по многим его служебным поездкам. Вскоре он побывал в Курляндии, куда провожал сестру, вышедшую там замуж. Сбережения, оставшиеся после тех дорожных расходов, Миних-младший тратил на чертежные инструменты. Отец держал детей в строгости, приучая их самим искать себе дорогу в жизни.

В 1699 году подполковник Антон-Гюнтер Миних оставил военную службу у датского короля и получил должность в соседнем

Остфрисландском княжестве. Сыновья стали уже совсем взрослыми и стали покидать отцовский дом.

В том же году Бурхард-Христофор расстался с родителями. Ему исполнилось шестнадцать лет, и он отправился во Францию, чтобы начать самостоятельную жизнь. Там он поступил на военно-инженерную службу в армии французского короля, обладая немалыми познаниями (и не только теоретическими) в этом деле. Это позволяло юному датчанину надеяться на успешность карьеры наемного военного инженера.

ЛАНДСКНЕХТ В РАНГЕ ВОЕННОГО ИНЖЕНЕРА

Вскоре в Европе разгорелась война, получившая название «войны за испанское наследство». Противниками Франции в ней стали Австрия и союзные ей германские государства. Миних отказался от предложенной ему должности инженера в дивизии маршала Вилеруа, не желая участвовать в пролитии крови соотечественников.

Он уезжает в Германию, где продолжил службу сперва в гессен-дармштадтской армии, а затем — в гессен-кассельской. В первой из них он имел чин капитана, полученный в 1701 году. Тогда ему шел уже восемнадцатый год. В следующем году молодой офицер участвовал, и не без успеха, во взятии крепости Ландавы.

В гессен-кассельской армии уже майор Миних воевал под знаменами прославленных полководцев своего времени — принца Евгения Савойского и герцога Мальборо. Ему довелось воевать в Голландии и Италии, получив в 1709 году чин подполковника.

В 1712 году во время боевых действий во Фландрии Миних был серьезно ранен в деле при Денене. Французы взяли неприятельского военного инженера в плен и отправили в Париж. Из плена он освободился уже после окончания «войны за испанское наследство».

Возвратясь из плена, Б.Х. Миних был пожалован гессенским ландграфом Карлом в полковники и назначен руководителем работ по устройству Карлсгавенского шлюза и канала, ведущего в город Грабенштейн. Здесь Миниху-младшему во многом помогла протекция его отца, известного в Германии инженера-каналостроителя.

К тому времени Бурхард-Христофор был уже женат, что случилось в 1706 году, и мог преуспевать в новой должности, про-

должая традиции рода Минихов. Его супругой стала фрейлина гессен-дармштадтского двора Христина-Лукреция Вицлебен, до последних дней делившая с мужем все его взлеты и падения.

Однако спокойная, размеренная жизнь придворного инженера оказалась не для молодого полковника, успевшего повоевать во многих странах, набраться опыта и ощутить стремление к воинской славе. Началась Северная война 1700—1721 годов, в которую, помимо России и Швеции, оказались втянутыми Дания, Саксония и Польша. Многие сослуживцы Миниха оказались во враждующих армиях, добывая себе средства на жизнь в ранге наемных офицеров-иностранцев.

Полковник Миних тоже стал искать для себя нового правителя, участвовавшего в Северной войне. В 1716 году он поступает на службу к Августу II, королю Польскому и курфюрсту Саксонскому. Миних ревностно взялся за исполнение новых обязанностей. Он «устроил» польскую коронную гвардию, за что был произведен королем в чин генерал-майора. Теперь его годовое жалованье равнялось 14 тысячам рейхсталеров и перед ним открывалась успешная военная карьера при дворе Августа II, армия которого, к слову сказать, терпела от шведской одно поражение за другим.

Довольно скоро Миних не поладил с королевским любимцем графом Флемингом. К тому времени молодой генерал-майор исполнял должность инспектора польских войск. С всесильным при королевском дворе Флемингом соперничать не приходилось, и Бурхард Миних стал искать новую страну, где бы он мог приложить свои знания и предложить новому монарху собственную шпагу.

Он знакомится с русским посланником в Речи Посполитой князем Григорием Долгоруковым и через него посылает Царю Петру I свое сочинение о фортификации. Миних знал, что российский монарх был озабочен возведением приморских крепостей.

И Петр I пригласил к себе на службу иноземного военного инженера, носившего генеральский мундир. Миних согласился перейти на русскую военную службу без всяких письменных условий. Последнее лучше всего свидетельствовало о шаткости его положения при дворе Августа II. Пришлось хитрить: королю Польши он не открыл своего намерения расстаться с ним, сказав, что уезжает из Варшавы навестить отца-старика. Однако путь тридцатисемилетнего генерала лежал из столицы Речи По-

сполитой не на север Германии, а в Кенигсберг. Оттуда через Ригу Миних прибыл в Санкт-Петербург.

В российскую столицу он прибыл в феврале 1721 года. Здесь, в России, Бурхард-Христофор Миних нашел свое второе Отечество, которому служил долго, добросовестно и славно. В начале пути ему хорошо помогли рекомендации князя Григория Долгорукова, близкого к самодержцу человека. У Петра I с первой встречи с Минихом сложилось достаточно высокое мнение о нем. Принятому на службу иноземцу определяется воинское звание генерал-инженера русской армии.

Помимо глубоких познаний в инженерном деле, опытности и образованности, Б.-Х. Миних обладал весьма привлекательной внешностью военного человека. Он был высок ростом, статно сложен, красив лицом, имел хорошую строевую выправку бывалого генерала. Бурхард-Христофор, ставший в России до конца жизни Бурхардом Христофоровичем, умел проявлять требовательность к подчиненным, был тверд в принятых решениях и не раз в боевых действиях выказывал личную храбрость.

Государь Петр Алексеевич прежде всего пожелал убедиться в опытности военного инженера Миниха. Ему поручается начертить план укреплений морской крепости Кронштадт (в дополнение к уже составленному) и «обозреть» крепость Рижскую. Датчанин со всем прилежанием взялся за выполнение порученного дела.

Во время пребывания Царя в Риге произошел случай, который позволил генерал-инженеру блеснуть своими познаниями перед монархом. Удар молнии зажег колокольню Святого Петра. Петр I решил восстановить ее в прежнем виде, но в городском магистрате не оказалось ни чертежей, ни рисунков колокольни. Миних же перед этим по чистой случайности срисовал из окна приглянувшуюся ему колокольню.

Рисунок был представлен Петру I, и тот оценил работу действительно по-царски. Всего через год пребывания на русской военной службе Б.Х. Миних получает высочайший патент на чин генерал-лейтенанта. То есть генерал-поручика того времени.

Только теперь Бурхард Христофорович представил на утверждение самодержца «кондиции», в которых он обязывался служить России в течение пяти или шести лет — наблюдать над гидравлическими работами, но только на Балтийском побережье. Среди прочего в «кондициях» указывалось, чтобы ему выдавалось

для производства необходимых работ все необходимое по первому требованию.

В это время из Ольденбурга пришло известие о кончине родителей. Отец оставил в завещании имение второму сыну, а не старшему, главному смотрителю водяного дела у датского короля. Миниху пришлось отправиться, в последний раз, в родной Ольденбург, чтобы почтить память родителей и уладить отношения со старшим братом, который оспаривал отцовское завещание.

УСТРОЙСТВО ЛАДОЖСКОГО КАНАЛА

У самодержца Петра Великого были широкие планы строительства каналов в России. В конце его правления и после генерал-поручик Б.Х. Миних возглавлял строительство шлюзов на реке Тосна, Обводном и Ладожском каналах. Генерал-инженер лично совершает несколько рабочих поездок по местам будущих строек, проводя гидрографические и инженерные изыскания. Среди прочих заданий Императора он осмотрел Рогервикский залив и начертил план гавани, получившей впоследствии название Балтийского порта.

Одной из главных государственных строек петровского времени стало устройство Ладожского канала. По мысли Государя, канал должен был обезопасить плавание по бурному в осеннее время Ладожскому озеру, в котором ежегодно тонуло много грузовых судов. Этим каналом предстояло соединить реку Волхов с Невой.

Первоначально главный надзор над строительством Ладожского канала, по предложению светлейшего князя А.Д. Меншикова, поручили генерал-майору Писареву. Тот предложил свой план рытья канала длиной в 104 версты: прорыть только 12 верст, а на остальных 92 верстах сделать насыпные берега, углубив дно только на один аршин ниже уровня воды в Ладожском озере. Однако предлагалось двумя шлюзами поднять уровень воды в канале для прохождения через него судов. По мнению Писарева, для значительного удешевления работ их следовало вести в основном силами (попеременно) малороссийских казаков и калмыков — иррегулярных войск, входивших в состав русской армии.

Петр I, вернувшийся в 1723 году из Персидского похода, с крайним неудовольствием узнал, что строительство Ладожского

канала ведется крайне медленно. Император удалил от дел генерал-майора Писарева и назначил вместо него Миниха.

Тщетно светлейший князь А.Д. Меншиков пытался оправдать перед Государем своего любимца, отзываясь о иноземном каналостроителе, что он, может быть, хороший воин, но не способен к «ладожским» занятиям. Тогда генерал-поручик Миних, как человек самолюбивый и горячий, публично сказал:

«Если канал поведется так, как хочет Писарев, то он никогда не будет окончен. Пусть государь посмотрит собственными глазами — и тогда скажет, что Миних прав».

Действительно, осенью 1723 года Император пожелал лично осмотреть трассу Ладожского канала и ознакомиться на месте с проделанными земляными работами и их ходом. Петру I и его свите пришлось продвигаться вперед по болотистому бездорожью.

Миниху на местности без особого труда удалось доказать Государю, что на болотах невозможно устраивать насыпной канал, да еще выше обычного уровня воды в Ладожском озере в сухое время года. Самодержец согласился с ним, будучи сам хорошо подготовленным в инженерном деле человеком. «Я вижу, что вы достойный человек», — сказал он по-голландски новому начальнику строительства канала.

В следующем, 1724 году Петр Великий еще раз посетил строительство Ладожского канала. Он со всей тщательностью и придирчивостью осмотрел отстроенный на четыре версты канал, прокапывал вместе с Минихом насыпь лопатами, чтобы удостовериться в том, что она не пропускает воду из канала. Затем они на маленьком ботике проплыли по всему отстроенному участку Ладожского канала. Государь, имевший великое пристрастие к воде, пришел в восторг, беспрестанно подбрасывал вверх шляпу и кричал: «Ура! Ура!..»

Император после этого неоднократно выражал монаршую благодарность генерал-поручику Миниху за ход строительства Ладожского канала. С другой стороны, иноземец-каналостроитель нажил себе явного недоброжелателя в лице всесильного светлейшего князя Меншикова, бывшего вторым лицом в государстве.

«Труды моего Миниха, — сказал однажды Петр Великий своей супруге Екатерине Алексеевне, — сделали меня здоровым. Я надеюсь некогда ехать вместе с ним водою из Петербурга в Москву и выдти на берег в Головинском саду». У великого преобразо-

вателя России были самые широкие планы устроительства ее водных путей по европейскому образцу.

На следующий день после того разговора Император в присутствии Миниха говорил в Сенате: «Он скоро приведет Ладожский канал к окончанию. Из всех иностранцев, бывших в моей службе, лучше всех умеет предпринимать и производить великие дела. Содействуйте ему во всем».

С того времени на строительстве Ладожского канала стало одновременно трудиться не 16 тысяч человек, а 25 тысяч. Миних не знал покоя, исполняя «дирекцию над постройкою канала». Однако Петру Великому не довелось увидеть окончания работ на пути из Волхова в Неву. В 1725 году Государя не стало.

Началось короткое царствование Императрицы Екатерины I, стремившейся по мере своих сил и государственных возможностей продолжить дела, начатые ее супругом. Генерал-поручик Миних представляет ей на утверждение новые свои «кондиции», в которых обязуется служить России еще десять лет.

Он просит у Государыни довольно многое: обещанный Петром Великим чин генерал-фельдцейхмейстера, который принадлежал престарелому Якову Брюсу, право воспитывать своих детей за границей, защиты Россией его имущества в Дании, получить в дар за службу поместья (в частности, деревню Ледневу в зоне Ладожского канала), остров на Неве близ Шлиссельбурга, старый дворец в Ладоге и дом в Санкт-Петербурге.

Императрица Екатерина I не успела утвердить представленные ей на утверждение миниховские «кондиции» или, иначе говоря, новый контракт на продление службы в русской армии. Возможно, причиной тому стало недоброжелательное отношение к каналостроителю всесильного А.Д. Меншикова, который к тому времени фактически управлял Российской империей.

Все же Екатерина I не могла не оценить успехи в строительстве Ладожского канала. Миних получает в награду от самодержавной правительницы, бывшей в своей молодости прачкой и женой шведского королевского драгуна, высокий орден Святого Александра Невского и чин генерал-аншефа. В качестве материального поощрения стало получение доходов от всех таможенных и кабацких сборов на Ладожском канале.

Таким монаршим милостям каналостроитель во многом был обязан своему покровителю в лице А.И. Остермана. Тот занимал в то время должности вице-канцлера, члена Верховного тайного

совета, обер-гофмейстера Императорского двора и воспитателя Петра Алексеевича, будущего Императора Петра II. С его воцарением на российском престоле на генерал-аншефа Б.Х. Миниха посыплются немалые милости.

При Императоре Петре II Миних упрочил свои дружеские отношения с князьями Долгорукими, которые всецело взяли в свои руки времяпрепровождение Государя и управление страной. Монарх назначает генерал-аншефа Миниха главным директором над фортификационными работами в России. Это была высокая должность, поскольку империя имела немало морских и сухопутных крепостей, продолжая строить новые.

В 1728 году Бурхард Христофорович возводится в графское достоинство и получает в личную собственность несколько деревень в Лифляндии. Время правления Петра II, непродолжительное и без войн, делает генерал-аншефа Миниха государственным сановником высокого ранга. Он назначается генерал-губернатором Санкт-Петербурга, Ингерманландии, Карелии и Финляндии.

Осенью 1828 года Миних вторично вступает в брак, поскольку первой его жены уже не было в живых. Новой супругой стала Варвара-Элеонора, вдова обер-гофмаршала Салтыкова, урожденная немецкая баронесса Мальцан. Именно ей пришлось разделить с опальным полководцем последние годы его жизни.

ВО ГЛАВЕ ВОЕННОЙ КОЛЛЕГИИ. МИНИХОВСКИЕ РЕФОРМЫ

Новый взлет Миниха произошел с восшествием на российский престол Анны Иоанновны, самой мрачной и непривлекательной правительницы из династии Романовых, которая принесла в отечественную историю бироновщину. Граф Миних сразу же оказался в ее ближайшем окружении, состоявшем в своем большинстве из выходцев из Курляндии. Теперь устроитель Ладожского канала сближается с Э. Бироном, фаворитом Императрицы, и еще больше с А.И. Остерманом, который заправляет государственными делами. Бирон правит в императорском дворце.

В 1730 году Миних назначается президентом Военной коллегии, то есть военным министром Российской империи. Он получает высший воинский чин генерал-фельдмаршала, не имея к

тому времени еще никаких полководческих заслуг. Но его бывший военачальник принц Евгений Савойский отзывается о нем перед Императрицей Анной Иоанновной достаточно высоко. Самодержавная правительница вручает Миниху военные дела как «человеку, соединявшему в себе с редкими достоинствами примерную ревность к службе».

Должности просто сыплются на Миниха: он становится генерал-фельдцейхмейстером и генерал-полицмейстером, получает высший орден Российской империи — Святого Андрея Первозванного. Память о себе на посту столичного генерал-губернатора он оставил устройством нескольких мостов и каналов, очищением русла реки Мьи — Мойки.

Вступление на пост президента Военной коллегии вместо умершего князя Трубецкого предопределило всю дальнейшую биографию действительно крупного военного инженера и каналостроителя. В 1731 году Миних становится во главе государственной комиссии по упорядочению русской армии. Перед комиссией стояла задача «чтобы войско содержалось в порядке без народного отягощения». Задача для времени бироновщины, когда государственная казна разворовывалась окружением Императрицы самым наглым образом, была более чем ответственной.

Генерал-фельдмаршал Б.Х. Миних с присущим ему рвением занялся военными преобразованиями. Но следует заметить, что в отечественной истории они так и не получили название миниховских реформ, как, скажем, военные реформы Петра I или Д.А. Милютина. Все же президентом Военной коллегии было сделано на посту главы комиссии по упорядочению русской армии многое.

Ко времени проведения военных преобразований граф Миних еще более приблизился к особе Императрицы Анны Иоанновны. Генерал-фельдмаршал вошел в состав ее Кабинета, созданного вместо упраздненного Верховного тайного совета. В состав Кабинета входили еще канцлер граф Головкин, фактический глава правительства граф Остерман и князь Черкасский.

Свои военные преобразования генерал-фельдмаршал Б.Х. Миних начал с «начертания нового учреждения» для гвардии, полевых, гарнизонных и малороссийских полков. К ранее существовавшим двум петровским полкам лейб-гвардии — Преображенскому и Семеновскому — добавляются еще два гвардейских —

Измайловский и Конный. Гвардия составляет основу столичного гарнизона. В ней в большом числе появляются офицеры-иностранцы: Бирон и Остерман не питают доверия к «природно-русским».

Устройство русской гвардии на свой лад стало только началом военных преобразований Миниха. Здесь можно привести слова одного из великих российских историков С.М. Соловьева:

«Даровитый, энергичный и сгоравший честолюбием Миних брался за все, оказывал повсюду большую деятельность, не щадя трудов, еще менее щадил слова для выставления этих трудов, для прославления своих заслуг, для указания беспорядков, бывших до него».

Военная реформа русской армии, проводимая Минихом, затронула многие стороны ее жизни. При нем ограничили пожизненную и поголовную службу российских дворян. Теперь ее срок свели к двадцати пяти годам, не считая военного времени. Одного из сыновей помещика-дворянина в армию не брали, чтобы он занимался дома помещичьим хозяйством. Это было одной из правительственных мер, чтобы как-то приостановить процесс обнищания дворян-помещиков в государстве, которые являлись главной социальной опорой самодержавной власти.

Генерал-фельдмаршалом Б.Х. Минихом был сделан шаг, который дал ему большую популярность среди армейского и флотского российского офицерства. Он уравнял в жалованье русских офицеров и офицеров-иностранцев. Последние с времен Петра Великого получали двойное жалованье, что являлось огромной несправедливостью и в мирное время, и особенно в военное.

В 1731 году в Санкт-Петербурге учреждается привилегированное военно-учебное заведение — Шляхетский кадетский корпус для подготовки дворянских детей к офицерской службе. Первоначально в Шляхетский кадетский корпус набиралось всего 200 человек воспитанников: 150 «иных» российских дворян и 50 — из дворян Эстляндии и Лифляндии. В следующем, 1732 году по миниховскому ходатайству число воспитанников корпуса увеличивается до 360 кадет. Однако даже такое ежегодное число выпускников не могло решить проблему с подготовкой офицерских кадров для русской армии.

Первоначально Шляхетский кадетский корпус располагался на Васильевском острове, в доме, некогда принадлежавшем опальному светлейшему князю А.Д. Меншикову, закончившему свою

удивительную жизнь в далекой сибирской ссылке, в Березове. Генерал-фельдмаршал Б.Х. Миних назначается шефом корпуса, проявляя немалую заботу о его устройстве.

В год образования Шляхетского корпуса Миних завершает свое самое крупное «водяное дело» — строительство Ладожского канала. В торжественной обстановке, где Бурхард Христофорович был на то с полным правом главным героем, 1 мая 1731 года открылось судоходство. Так свершилось одно из предначертаний Императора Петра Великого.

С целью уменьшения бремени военных расходов правительство по предложению графа Миниха пересмотрело штаты полевой действующей армии. Речь шла о ее некотором сокращении. В тех условиях, когда Россия находилась в окружении воинственных соседей — Швеции, которая желала вернуть утраченное в Северной войне, Пруссии, превращавшейся в милитаризованное королевство, и Оттоманской Порты с ее вассалом Крымским ханством, всякое умаление военной силы Российской империи грозило обернуться против нее.

Ошибку довольно скоро осознали и попытались ее исправить устройством 20 полков украинской ландмилиции — местных воинских формирований. На содержание их государство тратило меньше средств, чем на обычный армейский полк. Украинская ландмилиция организовывалась из лично свободных людей, так называемых военнообязанных однодворцев Белгородского и Севского разрядов.

Военнообязанные однодворцы селились и обеспечивались пахотной землей на линии пограничных укреплений, возводимых между реками Днепром и Северским Донцом и от него до станиц Донского казачьего войска. Первую крепость заложили на Васильевских буграх, назвав ее Святой Анной.

Чтобы обезопасить государственные границы на Юге от разбойных нападений конного крымского войска (набеги крымского хана не прекращались), по инициативе Миниха началось широкое строительство пограничных укрепленных линий. Помимо Украинской, стала возводиться еще и Царицынская — по берегам рек Иловли и Медведицы. Здесь расселили казаков под начальством атамана Персидского.

На Украинской укрепленной линии, состоявшей из вала и полевых крепостиц, поселили 20 тысяч поселенцев вместо 6 тысяч, как задумывалось еще при Петре I. Устроение новоучрежденной

Украинской линии возложили на генерала Тараканова, мало преуспевшего в фортификационном деле.

Претерпела реорганизацию армейская кавалерия. Появляется тяжелая кавалерия — кирасиры, основу которой составили три бывших драгунских полка. Инженерные войска становятся самостоятельным видом в армии. Это были действительно большие новшества, проведенные главой Военной коллегии.

При гарнизонных пехотных полках учреждаются школы для солдатских детей в возрасте с семи до пятнадцати лет, после чего те сами становились солдатами. Такой мерой генерал-фельдмаршал Б.Х. Миних думал сократить рекрутские наборы и получить более подготовленных к армейской службе новобранцев.

После миниховских военных преобразований в пехоте стало меньше на четыре армейских полка. Ликвидировались гренадерские полки и отдельные роты, а самих гренадер распределили по пехотным ротам. В этих реорганизациях президент Военной коллегии следовал опыту лучших европейских армий того времени. Но он нередко не считался с тем, что было достигнуто в военно-реформаторской области при Петре Великом.

Свое реформаторское слово генерал-фельдцейхмейстер Б.Х. Миних сказал и в артиллерийском деле. Теперь немало полевых орудий стало отливаться по его чертежам, которые соответствовали нюрнбергским. Было решено увеличить вдвое численность полковой и полевой артиллерии. Такая мера имела обратное действие: вместе с повышением огневой мощи русской армии уменьшилась ее подвижность на театре войны.

В 30-е годы вводятся три калибра армейской артиллерии вместо двух эпохи Полтавской битвы. Это сразу же усложнило обеспечение «бога войны» боеприпасами. Известный специалист по истории русского военного искусства Д.Ф. Масловский справедливо отмечал, что «к 1736 г. артиллерийская часть была у нас в беспорядке».

К другим нововведениям начала 30-х годов можно отнести изменения в действующие воинские уставы, заведение провиантских магазинов для снабжения войск, устройство госпиталей для увечных воинов, упрощение обмундирования, учреждение генеральных смотров полков и гарнизонов.

Работа миниховской комиссии по наведению порядка в русской армии так и не выполнила поставленную перед ней задачу сокращения военных расходов государства. Причиной тому ста-

ло прежде всего развернувшееся строительство еще целого ряда пограничных укрепленных линий с размещением на них гарнизонных войск.

К Украинской и Царицынской линиям добавились еще и Закамская, Оренбургская, Уйская, Тоболо-Ишимская, Иркутская, Колыванская. Они требовали огромных средств. В качестве примера брались крепости во Фландрии французского короля Людовика XIV. Такое огромное пограничное строительство укреплений стало проявлением инженерного творчества генерал-фельдмаршала Б.Х. Миниха.

Среди прочих его государственных заслуг в мирное время можно отметить деятельное участие в переезде Императорского двора из древней русской столицы Москвы обратно на берега Невы, в Санкт-Петербург. Как свидетельствуют современники, именно Бурхард Христофорович уговорил Императрицу Анну Иоанновну покинуть Москву, где покоился прах ее родителя, и переехать в Северную столицу, согласно воле Петра Великого.

Возросшее доверие Императрицы Анны Иоанновны к президенту Военной коллегии и любовь к нему фаворита Бирона нравились далеко не всем в окружении самодержицы. У военного министра появились могущественные недоброжелатели в лице завистливого А.И. Остермана и К.Г. Левенвольда, генерал-поручика и генерал-адъютанта. Последний претендовал на самую высокую должность в русской армии и был любимцем всесильного Бирона.

Остерман и Левенвольд смогли поколебать доброжелательное отношение Бирона к президенту Военной коллегии. Это выразилось в том, что под предлогом поселения принцессы Анны Мекленбургской графа Миниха заставили вместе с семьей освободить комнаты в казенном доме, имевшем непосредственное сообщение с императорским дворцом.

Самолюбивый Миних обиделся и перестал ездить на заседания Кабинета при Императрице Анне Иоанновне. Чтобы восстановить дружбу с влиятельным в армейских кругах генерал-фельдмаршалом, с ведома Бирона правительство подарило Миниху дом, купленный государственной казной у графа Остермана. Тот при этом совершил весьма выгодную для себя торговую сделку.

Все же судьба дала Бурхарду Христофоровичу Миниху проявить себя на полководческом поприще и прославить свое имя в военной истории государства Российского. Ему пришлось лично участвовать

в двух военных кампаниях, стоя во главе русской действующей армии и в полевом сражении впервые разгромить серьезного противника в лице огромной по численности турецкой армии.

ОСАДА ДАНЦИГА. РАЗГРОМ ФРАНЦУЗСКОГО ДЕСАНТА

В 1733 году началась, после смерти короля Речи Посполитой Августа II, война за польское наследство. Россия и Австрия, заключив между собой союз, встали на сторону Августа III, сына умершего короля, который имел в стране немало влиятельных противников из числа магнатов, имевших поддержку среди многочисленной шляхты. Военными операциями у Варшавы и Кракова руководил русский генерал-фельдмаршал Петр Ласси. Именно он добился избрания королем Августа III и изгнания его противника Станислава Лещинского.

Однако дальнейшие действия Ласси вызвали недовольство в Санкт-Петербурге. В 1734 году русские войска без особого успеха начали осаду приморской крепости Данциг — современного польского портового города Гданьска. Там укрылся Станислав Лещинский с частью своих приверженцев. Из российской столицы к осажденной крепости был отправлен президент Военной коллегии с самыми широкими полномочиями. Миних прибыл к Данцигу инкогнито, в сопровождении прусского военного отряда.

Данцигский гарнизон состоял из 10 тысяч регулярных войск, имел большие запасы провианта и артиллерийских снарядов, мог получать помощь морем. У осаждавших крепость русских войск не хватало орудий, прежде всего тяжелых — осадных, для разрушения крепостных укреплений. Только когда в конце апреля их привезли из Риги, началась бомбардировка Данцига.

Не посчитавшись с мнением Ласси и генералитета, Миних решил взять Данциг штурмом. Сперва предстояло атаковать укрепленные городские предместья. Первый приступ в ночь с 24-го на 25 апреля — на Зоммершанец — увенчался успехом. Президент Военной коллегии откровенно радовался: «Никогда никакая атака изряднее быть не могла», «Офицеры и рядовые великую надежду ко мне имеют».

В этих высказываниях, адресованных всесильному Бирону, фавориту Императрицы Анны Иоанновны, с одной стороны, не

обошлось без преувеличений и хвастовства. С другой — нельзя не признать, что главнокомандующий русской полевой действующей армией в Польше не ошибался. Армейцы действительно ценили его за энергию и личное мужество на войне.

Но пять дней спустя последовал афронт — штурм укреплений Вейхзельберга, плохо подготовленный и шаблонно проведенный, закончился неудачей. Осаждавшие потеряли более двух тысяч человек, то есть четверть всех войск, участвовавших в приступе. Данцигский гарнизон и Станислав Лещинский воспрянули духом.

К этому времени Франция приняла решение принять непосредственное участие в боевых действиях на стороне «партии» Станислава Лещинского. 24 мая к устью реки Вислы, у Вексельмюнде, подошел французский флот, который беспрепятственно высадил десант из трех пехотных батальонов общей численностью в 2400 человек под командованием бригадира Ла Мот Перуза. Французам удалось захватить русский фрегат «Митава», команда которого никак не ожидала нападения.

Генерал-фельдмаршал Б.Х. Миних засыпал Санкт-Петербург настоятельными просьбами выслать к осажденному Данцигу Балтийский флот, хотя его парусные корабли находились в плачевном состоянии от ветхости. Когда русский флот прибыл под Данциг, он начал бомбардировку с моря позиций французского десанта. Флот Франции позорно бежал от польских берегов, покинув на произвол судьбы свой десантный отряд, хотя и имел в своем составе 16 боевых кораблей.

Французские десантники сопротивлялись недолго — 11 июня они капитулировали. Их военачальники, после переговоров с генерал-фельдмаршалом Минихом, приказали своим батальонам сложить оружие и в качестве военнопленных перейти на русские корабли. Французов отправили морем в Кронштадт. Через три дня после этого сдался форт Вексельмюнде, закрывавший собой выход из Данцигского порта в Балтийское море.

А еще через три дня из осажденного города-крепости в лодке, переодевшись в крестьянское платье и прихватив с собой королевскую казну, бежал Станислав Лещинский. Несостоявшийся король Речи Посполитой бросал на произвол судьбы несколько тысяч веривших в него войск и польских шляхтичей, своих сторонников.

Такое предательство подействовало на защитников крепости самым удручающим образом. 26 июня магистрат города Данцига заявил о капитуляции крепости. Миних потребовал от горожан и

местного гарнизона принести клятву верности польскому королю Августу III, что и было беспрекословно выполнено.

Со сдачей крепости Данциг сторонники тестя французского короля Людовика XV — Станислава Лещинского стали прекращать вооруженное сопротивление по всей Польше. Миних считал капитуляцию крепостного Данцига «немалым, внезапным счастьем». Город был обязан выплатить за понесенные Россией во время военных действий убытки огромную контрибуцию в размере двух миллионов ефимков, из которых один вскоре был прощен горожанам.

Успех Польской кампании 1734 года был несомненен: сторонники Станислава Лещинского всюду терпели поражения, их предводитель постыдно бежал. Французский десант сдался в плен, был отвезен в Лифляндию и там несколько месяцев находился на положении арестантов. После этого французов отпустили восвояси.

Генерал-фельдмаршал граф Б.Х. Миних вернулся в Санкт-Петербург победителем. Его триумф не смогли испортить даже недоброжелатели в ближайшем окружении Императрицы, распустившие слух, что Станислав Лещинский смог бежать из осажденного Данцига только по той причине, что подкупил русского главнокомандующего. Но они не вспомнили президенту Военной коллегии о том, что при осаде польской крепости погибло 8 тысяч нижних чинов и 200 офицеров русской армии.

Русские войска оставались в Польше еще год, «усмиряя» противников короля Августа III. Тот был очень благодарен графу Миниху за приведение в повиновение данцигского гарнизона, наградив генерал-фельдмаршала шпагой и тростью, унизанной драгоценными камнями.

Взятие сильной крепости Данциг и принуждение к капитуляции французского десанта стало началом полководческой биографии Бурхарда Христофоровича Миниха. С началом русско-турецкой войны 1735—1739 годов ему пришлось стать во главе действующей армии.

НАЧАЛО РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ 1735—1739 ГОДОВ

В те годы Турция вела продолжительную войну с Персией, без особых успехов для державы османов. Султан решил «поразить персиян с северной стороны», направив конную армию крымского

хана через Северный Кавказ и крепость Дербент во владения шаха. Крымчаки прошли через российскую территорию, уверовав в свою безнаказанность. Но на переправах через реку Терек ханской орде пришлось выдержать ожесточенный бой с русским воинским отрядом, преградившим ей путь.

Переправа через Терек обошлась ханскому войску в тысячу человек. Русский отряд, потеряв четыре сотни бойцов, не смог удержать нападавших. Случилось это в 1732 году. В следующем году султан Оттоманской Порты вновь послал на Персию крымского хана с 70 тысячами всадников. Крымчаки вновь прошли через южные земли нейтральной в той войне восточных владык России. В том же 1733 году турки потерпели жестокое поражение от персов.

Российский посол в Константинополе (Стамбуле) Неплюев известил свое правительство о том, что теперь настало самое удобное время отплатить Блистательной Порте за унизительный Прутский мир. Но и без этого отношения между двумя империями накалялись год от года. Во многом виной здесь было Крымское ханство.

Крымский хан, вассал турецкого султана, продолжал совершать разбойные набеги на южные российские земли. На Северном Кавказе ханское войско нападало на Кабарду, которая добровольно перешла в российское подданство и с чем Стамбул никак не мог согласиться. России требовалось вернуть себе Азов и открыть путь в Черное море.

Франция, чьи интересы в Польше были связаны с возведением на королевский престол Станислава Лещинского, после военной неудачи заняла по отношению к России враждебную позицию. В Париже вдруг вознамерились создать «восточный барьер» против России из Турции, Польши и Швеции.

Французские дипломаты проявляли на берегах Босфора такую активность, что в Санкт-Петербурге не заметить ее просто не могли. Естественно, что вся подобная информация ложилась на стол президента Военной коллегии, как военного министра. Именно от него Императрица Анна Иоанновна требовала ответственных решений.

Генерал-фельдмаршал Миних убывает из столицы на Юг. На Украине он инспектирует отдельный армейский корпус генерал-лейтенанта Леонтьева, предназначенный для действий против Крыма. Принимается решение усилить его численно и артиллерией. Осматривается Украинская укрепленная линия на степной

границе — она так и не стала преградой от набегов ханской конницы. В городе Воронеже посещается верфь, где строились мореходные суда, способные плавать не только по Дону, но и бороздить Азовское и Черное моря.

Военные действия начала полевая армия генерала Леонтьева силой в 42 тысячи человек при 46 орудиях. В 1735 году крымский хан со своей конницей «промышлял» на Кавказе и не смог прикрыть степные пути к Перекопу. Осенью первого года войны русская армия, двигаясь вдоль левого берега Днепра, дошла до Конских Вод. Там она разгромила конницу крымских татар, потерявшую в бою более тысячи всадников. Дорога к Крымскому перешейку оказалась открытой.

Но наступили холода, осенняя бескормица в степи вынудила генерал-лейтенанта Леонтьева повернуть обратно, на зимние квартиры. В тот год он вместе со своим главнокомандующим не стяжал победных лавров, не добившись никаких заметных успехов, если не считать дела у Конских Вод. К тому же русские войска в 1735 году понесли большие потери прежде всего от повальных болезней, которые составили 9 тысяч человек и такое же количество лошадей, павших от бескормицы.

Историки сравнивают этот поход русской армии к Перекопу с действиями в конце XVII века главного воеводы царевны Софьи князя Василия Голицына. Тогда полководец Московского царства бесславно провел два Крымских похода.

Неудачный поход русской армии заставил Стамбул встревожиться. Крымцы, «промышлявшие над горцами» Северного Кавказа, узнав об опасности, которая грозила их домашним очагам, быстро возвратились в пределы полуострова. Российская Военная коллегия начала готовить новую кампанию 1736 года. Теперь ее президент решил сам стать во главе уходившей в южные степи русской армии.

Надо отдать должное полководцу Императрицы Анны Иоанновны — новый поход готовился со всей тщательностью. Миниха явно обуревали честолюбивые планы войны: он вознамерился разгромить не только «зловредное» Крымское ханство, но и саму Оттоманскую империю. Последнюю Бурхард Христофорович запланировал разгромить за четыре года, чтобы в 1739 году поднять «знамена и штандарты» армии Российской империи в Константинополе.

Против такого победоносного плана не возражали ни матушка Императрица, ни ее фаворит Бирон, ни их советчики. Остерман

же был рад тому, что авторитетный в столичных кругах президент Военной коллегии надолго убывает из Санкт-Петербурга «добывать победу» на Юге, в реальности которой приходилось сомневаться в столице многим.

На сей раз Миних решил нанести удар по неприятелю по двум направлениям. На Крым — силами Днепровской армии под своим личным командованием, имея до 85 тысяч человек. И на Азовскую крепость — Донской армией генерал-фельдмаршала Ласси, численностью до 45 тысяч человек. Отдельный «знатный» корпус направлялся к крепости Очаков, иррегулярные конные полки донских казаков и калмыков — в Кубанские степи для действий против восточной части Крымского ханства — ее Ногайской Орды.

Президент Военной коллегии снесся с запорожцами и встретился с их старшинами в Царицынке. Те дали ему совет выступить в поход в таврическую степь с ранней весны, когда еще не полностью высохнут воды от тающих снегов, а молодая трава не будет выжжена солнечными лучами. Главнокомандующий внял такому совету и в поход выступил в начале апреля.

Огромную, «списочную» Днепровскую армию собрать так и не удалось. На Крым двинулось 54 тысячи регулярных войск и 12 тысяч казаков: 5 тысяч донских, 4 — украинских, гетманских и 3 тысячи запорожцев.

Подвижность миниховской армии была далека от мобильной армии Петра I. Армейский обоз достигал до 9 тысячи возов, в которые парами впрягали быков. На каждый полк приходилось до 250 таких повозок. С войсками двинулась в степь целая армия маркитантов — мелких торговцев числом в семь тысяч, которые имели собственные повозки. Они были готовы снабжать армию многими вещами, «горячими напитками», продовольствием и скупать по дешевке различную военную добычу.

Обеспокоенный медлительностью походного марша, главнокомандующий приказал отделить от полевых войск большую часть армейского обоза от полков. Он отдавался вместе с тяжелой артиллерией под начальство князя Трубецкого. Для охраны боевых и съестных припасов пришлось выделить часть действующей армии.

Дел у генерал-фельдмаршала Миниха с началом новой военной кампании было действительно много. Перед тем как прибыть в расположение главной полевой армии — Днепровской, ему пришлось побывать под Азовом, где сосредотачивалась Донская армия.

Это было вызвано тем, что туда еще не успел прибыть из Польши Ласси.

В ходе похода на Крым вновь сказалась военно-инженерная «жилка» полководца. Он распорядился на всем пути с Украины в южную степь устраивать небольшие полевые укрепления — редуты. В каждом из них оставлялся гарнизон из одного офицера, 10 солдат и 30 казаков. Линия таких укреплений защищала коммуникационную линию Днепровской армии от нападений вражеских конных отрядов.

В начале мая русские войска вышли к дальним подступам Крымского полуострова. Полки шли вперед настороженно, с «береженим». Далеко в степь, во все стороны, высылались днем и ночью конные казачьи разъезды — опасались внезапных нападений легкой ханской конницы.

ШТУРМ ПЕРЕКОПА. ВТОРЖЕНИЕ В КРЫМ

После того как в Казикермене заложили последнюю тыловую армейскую базу, Днепровская армия направилась к Перекопу, изредка тревожимая наскоками крымчаков. Их конные отряды не ввязывались в бой и больше вели разведку. 17 мая 1736 года русские войска подошли к Перекопу, построив на его виду полевой лагерь.

Поперек неширокого перешейка был прокопан ров длиной в семь верст, упиравшийся на западе в воды Черного моря, на другом конце — в Сиваш, Гнилое море. Ширина рва доходила до 12, а глубина — до 7 сажен. За рвом был насыпан земляной вал высотою до 70 футов от дна рва, который местами был заполнен водой. Шесть каменных башен стояли на Перекопском валу, который защищался огнем 184 разнокалиберных орудий. Единственные ворота внутрь Крыма защищала крепость Ор-Капи, в которой стоял турецкий гарнизон.

Крымский хан вознамерился не пустить «неверных» в глубь полуострова. Его конная армия численностью, по разным источникам, от 80 до 100 тысяч всадников расположилась за Перекопским (Турецким) валом. Его каменные башни были заняты янычарами, из турок состояли и орудийные расчеты.

Генерал-фельдмаршал Б.Х. Миних начал с того, что направил грозное послание крымскому хану, требуя добровольно впустить

русский гарнизон в Перекопскую крепость и покориться всероссийской Императрице Анне Иоанновне. В противном случае неумолимо угрожалось опустошить весь Крым.

Хан, не торопясь, прислал ответ с мурзой, заявив, что не хочет изменять турецкому султану, чьи гарнизонные войска стоят в крепости Ор-Капи. В заключение крымский правитель просил полководца далекой от южных степей северной правительницы на время приостановить боевые действия. Хан, понятно, хитрил: к середине лета таврическая степь полностью выгорала от солнца и русская армия неизбежно могла лишиться корма для лошадей и быков.

Отправив мурзу назад, Миних провел разведку перекопских укреплений. Она показала слабость вражеской обороны близ берега Черного моря. Штурм Перекопа полководец провел просто блестяще. Атакующие действия русских войск начались 19 мая с артиллерийского обстрела крепости Ор-Капи. Одновременно Миних провел демонстративную, ложную атаку на правом неприятельском фланге. Здесь к валу подступило две с половиной тысячи штурмующих. Решив, что именно здесь русские решили пробиться в Крым, хан стянул туда свою многотысячную конницу.

В это время на противоположном фланге на штурм вала устремились 15 пехотных и 11 конных полков Днепровской армии. Здесь широкий и глубокий крепостной ров оказался сух. Вместо штурмовых лестниц русские солдаты использовали штыки, пики, рогатки. На вал веревками втаскивались пушки. Вскоре по всей линии Турецкого вала разгорелись схватки. Хан вернул свои конные тысячи назад, но было уже поздно. Понеся потери, ханское войско ушло от Перекопа, оставив янычарский гарнизон без поддержки.

Турецкая пехота засела в каменных башнях на валу и в Ор-Капи. Русские гренадеры, изрубив двери одной из башен, ворвались в нее и перекололи штыками оборонявшихся здесь несколько сотен янычар. После такого дела турки оставили все другие каменные башни и бежали с вала в крепость Ор-Капи.

Полностью овладев Перекопским валом с его башнями, русские войска подступили к Ор-Капи, окружив ее со всех сторон. Под угрозой пушечного огня Миних потребовал от коменданта вражеской крепости немедленной сдачи. При этом он обещал отправить турецкий гарнизон в один из крымских портовых городов для отправки в Стамбул.

Султанский военачальник согласился на все предложенные условия. Но Миних неожиданно объявил сложивших личное оружие янычар военнопленными под тем предлогом, что в неприятельском плену находилось две сотни российских купцов. Он заявил, что когда эти купцы получат свободу, то ее обретут и турецкие солдаты гарнизона Перекопской крепости.

Устроив в Перекопе — небольшом степном городке из 800 деревянных домиков, обнесенном каменной стеной, — тыловую базу и оставив здесь солдатский полк, Миних начал наступление внутрь полуострова. Одновременно главнокомандующий решил овладеть турецкой крепостью Кинбурн, находившейся на противоположном от Очакова берегу Днепровско-Бугского лимана. Туда направился 12-тысячный корпус генерала Леонтьева.

Среди перекопских трофеев оказались русские пушки XVII столетия, отбитые крымским войском у московского, подступившего к полуострову под начальством князя-воеводы В.В. Голицына. Клейма на таких трофейных орудиях заставили поволноваться российских солдат и офицеров. Им теперь предстояло «расстараться» перед Отечеством, чтобы разгромить вековую крымскую «занозу».

Днепровская армия начала наступление от Перекопа, построившись в огромный четырехугольник — каре. Внутри находились обозы, артиллерия, раненые и больные. Последних с каждым днем становилось все больше и больше. Дневные переходы совершались под лучами палящего солнца по безводной выжженной степи. Крымские татары умышленно портили воду и в без того скудных колодцах. Люди от зноя и жажды теряли сознание.

Без боя был взят портовый город Козлов (ныне Евпатория). Здесь удалось захватить большие запасы провианта и 16 пушек. К тому времени князь Трубецкой с армейскими обозами и тяжелой артиллерией еще не успел подойти к Перекопу. Крымская конница постоянно тревожила огромное каре русской армии. Но ее наскоки успешно отбивались ружейными и картечными залпами в упор.

Однако, когда Днепровская армия расположилась на дневку в Бальчике, к ней приблизились главные силы ханской конницы, угрожая нападением. Миних выслал против подошедшего неприятеля отряд под командованием генерала Гейна. Тот не потерпел в бою поражения, но и не исполнил в точности поручения, данного ему главнокомандующим. Разгневанный полководец приказал отдать недисциплинированного генерал-майора под военно-по-

левой суд. Тот своим решением разжаловал Гейна в рядовые пехотные солдаты.

Провианта, захваченного в Козлове, армии хватило на двадцать четыре дня. Полки простояли в разоренном городе целую неделю, отдыхая и, главное, заготовляя из выпекаемого хлеба сухари. Высылаемые в разные стороны кавалерийские отряды отбивали у крымчаков стада. Войска в избытке стали получать мясную порцию».

16 июня русская армия подошла к ханской столице Бахчисараю. Правитель Крыма решил защищать ее всеми силами. Но Миних сумел перехитрить неприятеля: оставив перед городом большую часть войск с обозами, он с остальными полками обошел вражеские позиции горными дорогами. На рассвете хану доложили, что русские находятся у него в ближнем тылу. Чтобы не оказаться под двойным ударом, вражеская конница спешно ушла в лесистые Крымские горы.

Бахчисарай в то время насчитывал две тысячи домов, треть которых принадлежала грекам-христианам. Напуганное население с пожитками бежало подальше в горы. Миних приказал уничтожить все городские укрепления и «разорить» сам город. В пепел были обращены ханский дворец, окрестные сады и дом ордена иезуитов с находившейся в нем библиотекой. Сами миссионеры-иезуиты заранее покинули ханскую столицу.

Их Бахчисарая Днепровская армия отошла к реке Альме. Один из ее отрядов совершил рейд к Акмечети (ныне город Симферополь). Город оказался пустынным, покинутым жителями. Генералы Магнус Бирон и Измайлов, выполняя распоряжение главнокомандующего, сожгли всю Акмечеть с ее 1800 домами, построенными из дерева.

Генерал-фельдмаршал Б.Х. Миних, не встречая открытого сопротивления ханского войска, укрывшегося с семьями и стадами в Крымских горах, вознамерился опустошить весь полуостров. Императрица Анна Иоанновна и ее воинственно настроенное окружение требовали вести войну против «злокозненного» Крымского ханства до победного конца. Поэтому полководец вознамерился от Альмы двинуться к древней Кафе (современной Феодосии), к тому времени самому многолюдному и богатому торговому городу на побережье Крыма. К слову сказать, не одно столетие Кафа являлась самым крупным центром работорговли на берегах Черного моря.

Однако на собравшемся перед выступлением военном совете против такого предложения Миниха выступил весь армейский генералитет. Доводы его были более чем убедительны. Треть армия оказалась больной, кончалось продовольствие. Крымчаки умышленно выжгли степь на равнине, чтобы русские не могли найти пропитание своим лошадям. Устанавливалась сильная жара, от которой пересыхали небольшие речушки и становились безводными колодцы.

После жаркого спора на военном совете главнокомандующий отдал приказ по армии повернуть к Перекопу. Когда войска пришли туда, то получили возможность отдохнуть, а многочисленные больные оправиться от болезней. Генерал Аракчеев доставил туда хлебные припасы, а прибывшие с ним многочисленные маркитанты — прочий провиант и большое количество вина. За несколько дней военная добыча перекочевала в повозки удачливых торговцев.

В Перекопе граф Миних получил радостные вести. Генерал-лейтенант Леонтьев без боя и не потеряв ни одного человека взял крепость Кинбурн. Ее 2-тысячный турецкий гарнизон капитулировал и вышел из крепости. 250 христианских невольников, содержавшихся здесь, получили свободу. Под Кинбурном победители захватили много скота, который традиционно пошел на довольствие войск.

Перед уходом в пределы России главнокомандующий приказал взорвать перекопские укрепления трофейным порохом. В конце июля русская армия двинулась в обратный путь на Украину. Генерал-лейтенант Леонтьев со своим корпусом присоединился к главным силам. Крымская конница не преследовала отходившего восвояси противника.

Крымский поход Днепровской армии 1736 года, успешно проведенный, окончился, однако, отходом войск России из Крыма. Армия от болезней потеряла почти половину солдат. Тем не менее в знак монаршей благодарности за ратные труды Императрица Анна Иоанновна наградила президента Военной коллегии богатыми поместьями на Украине и в Лифляндии. Бывший каналостроитель из Дании превратился в одного из богатейших российских помещиков.

В тот год генерал-фельдмаршал П.П. Ласси силами Донской армии взял турецкую крепость Азов и был готов прийти на помощь Днепровской армии, действовавшей в Крыму. На Кубани иррегулярная конница донского казачества и калмыков разгромила

Ногайскую орду и турок. Неприятельские потери в ожесточенных конных боях простирались до 15 тысяч убитыми и 30 тысяч пленными. Остатки ногайских татар приняли российское подданство. Турецкие войска попытались было совершить поход в направлении пограничного города Киева, но их успешно отразили.

В целом военную кампанию 1736 года для России в войне с Турцией можно было считать успешной. Была взята Азовская крепость и открыт выход через Дон в Азовское море. Полным успехом закончились боевые действия на Кубани, русская армия провела большую операцию в самом Крыму.

Но... Днепровская армия, потерявшая в боях всего около двух тысяч человек, заметно сократилась численно от повальных болезней и умерших от походных лишений. Когда генерал-фельдмаршал Б.Х. Миних на берегах реки Самары произвел смотр войск, то оказалось, что ни один из полков не имел в своих рядах больше 600 человек. Тогда как штатный состав пехотного полка состоял из 1575 нижних чинов и офицеров, а кавалерийский насчитывал 1231 человека.

В полевой действующей армии против главнокомандующего начался всеобщий ропот. Он усилился еще более после его приказания рубить лед на замерзшем Днепре и делать полыньи. Миних решил таким способом воспрепятствовать проходу крымской конницы на территорию Гетманской и Слободской Украины.

Однако из этой затеи проку вышло мало. В феврале 1737 года крымский хан совершил стремительный набег, переправившись через Днепр у Келеберды. Оборонявший здесь пограничную укрепленную линию воинский отряд был разбит, а командовавший им генерал Лесли убит в бою.

ВО ГЛАВЕ ДНЕПРОВСКОЙ АРМИИ. ВЗЯТИЕ ОЧАКОВСКОЙ КРЕПОСТИ

Россия усиленно готовилась к военной кампании 1738 года. Был заключен союзный договор с Австрией. Новый рекрутский набор дал полевой действующей армии 40 тысяч человек новобранцев, которых еще предстояло обучить ратному делу. Президент Военной коллегии составил новый план действий русской армии.

Теперь главный удар планировался на сильную турецкую крепость Очаков, а вспомогательный — в Крым. Предстояло сфор-

мировать главную армию под командованием Миниха из 70 тысяч человек с 62 орудиями, а Крымскую генерал-фельдмаршала Ласси — из 40 тысяч человек. На верфях в Брянске ускоренно строились плоскодонные речные суда для перевозки войск и припасов вниз по Днепру.

В начале апреля Днепровская армия снялась с зимних квартир и двинулась на юг. В мае главнокомандующему удалось собрать войска воедино на берегах реки Южный Буг. Вновь генерал-фельдмаршалу Миниху пришлось проявлять военную хитрость, показывая неприятелю всеми своими действиями, что он намеревается пойти с бугских берегов на Бендерскую крепость. Тому султанское командование поверило только отчасти, усилив одновременно и Бендерский, и Очаковский крепостные гарнизоны.

18 апреля русская армия, переправившись через реку Южный Буг, двинулась в составе трех огромных каре к Очакову. Тяжелые осадные орудия, инженерные средства для проведения осадных работ плыли на судах по Днепру. По реке были отправлены и основные запасы продовольствия для армии. Ее тылами, как и в прошлом году, начальствовал генерал князь Трубецкой.

Когда миниховская армия 30 июня появилась перед Очаковом, то она оказалась без фуража, без дров, на которые должны были пойти речные суда, и без фашин, необходимых для штурма крепости через ров. Трубецкой вновь опаздывал, ссылаясь на то, что летом Днепр мелеет и перевозка грузов через днепровские пороги требовала много времени.

Днепровская армия начала обложение Очаковской крепости. Ее городской гарнизон состоял из 20 тысяч человек, и турки почти беспрепятственно могли получить помощь морем. Комендант Очакова решил держаться до последнего, уповая на мощь крепостных укреплений, многочисленность гарнизона, большие запасы продовольствия и снарядов, скорую помощь от султана. Турки заранее сожгли все городские предместья, но забыли уничтожить сады с их каменными оградами.

Начались осадные работы, которыми главнокомандующий, как опытный военный инженер, руководил лично. Он проводил рекогносцировку вражеских укреплений, чертил планы осадных работ, размещал войска в осадном лагере. Русские быстро превратили каменные ограды очаковских садов в редуты, установив там артиллерию. Началась бомбардировка крепости.

Однако события под Очаковской крепостью во многом стали развиваться, минуя волю главнокомандующего Днепровской армией. 1 июля в городском предместье началась жаркая перестрелка между турками и осаждавшими. Так начался огневой бой за овладение палисадами. Миних воспользовался тем, что очаковский паша вывел к месту перестрелки часть гарнизона, приказал атаковать защитников палисада, бросив в дело почти половину своих пехотных полков. Османов оттеснили за палисады.

В городе от артиллерийского обстрела стали вспыхивать многочисленные пожары. Горевшие дома горожанами тушились с большим трудом из-за недостатка воды, хотя море было, как говорится, под боком.

На следующий день по приказу генерал-фельдмаршала Бурхарда Христофоровича Миниха начался общий штурм Очакова. Правым крылом атакующих командовали генералы Румянцев и Бирон, левым — генералы Кейт и Левендаль. Сам полководец напутственным словом ободрял идущие на приступ батальоны, находясь бесстрашно под вражеским обстрелом; под ним была убита лошадь.

Штурм велся без лестниц и фашин. Когда атакующие достигли крепостного рва шириной до 12 футов, продвижение вперед замедлилось на целых два часа. Русские солдаты, неся большие потери, отважно пытались взобраться вверх по откосу рва. Турки поражали их сверху ружейным и пушечным огнем. Атака захлебывалась. Более успешно действовали спешенные гусарские эскадроны и казачьи сотни, которые атаковали вражеские укрепления вдоль морского берега.

Штурм Очакова в конечном счете решила русская артиллерия, которая беглым огнем поддержала усилия штурмующих войск. От меткого попадания бомбы взлетел на воздух крепостной пороховой погреб. Взрыв обладал настолько мощной силой, что от него погибло до шести тысяч султанских солдат и офицеров — почти треть неприятельского гарнизона. Взрыв порохового погреба вызвал в рядах защитников крепости страшную панику.

Ею первыми воспользовались уже пробившиеся в Очаков казаки и гусары. Они ворвались в город и завязали рукопашный бой на его улицах, среди горевших домов. Турки выкинули белый флаг, и к Миниху незамедлительно прибыл адъютант очаковского сераскира, прося перемирия на несколько часов. Генерал-фельдмаршал,

усмотрев в таком предложении военную хитрость, отверг предложение и потребовал немедленной капитуляции крепостного гарнизона без всяких предварительных условий.

Хитрость не удалась очаковскому сераскиру. Во время краткой остановки штурма он собрал вокруг себя часть янычар и попытался пробиться к берегу, где стояли турецкие галеры, на которых можно было спастись бегством Но на морском берегу янычар и свиту паши встретили спешенные русские кавалеристы. Они обратили турок в обратное бегство и ворвались вслед за ними в саму крепость.

Только после этого сераскир послал к русскому полководцу другого своего адъютанта: гарнизон сдавался в плен без всяких условий. Ворота крепости отворились, и остатки очаковского гарнизона сложили оружие. Удалось спастись только около 200 турок, которые в ряде мест все же прорвались к берегу моря и сумели добраться вплавь до галер. Их экипажи, опасаясь захвата, спешно снимались с якорей и, подняв паруса, уходили от Очакова подальше в море.

Очаковский штурм вошел в военную историю как один из самых кровопролитных. Победителями было погребено 17 тысяч трупов турок, более четырех тысяч султанских солдат и офицеров попало в плен. В числе последних оказались сераскир Яйа, очаковский комендант Мустафа-паша и 300 османских офицеров. Несколько сот христианских невольников получили свободу, а 54 очаковских грека вступили на русскую службу в гусары. Среди трофеев оказалось 93 орудия.

Потери победителей были велики: среди убитых оказалось 68 офицеров, 987 рядовых и унтер-офицеров. Ранения получили около 100 офицеров и 2703 человека из нижних чинов.

Поскольку Миних ожидал, что турки попытаются отбить Очаков, он приказал по мере возможности восстановить разрушенные укрепления, построить в крепости деревянные дома для оставляемого в городе русского гарнизона, создать запасы продовольствия. В поверженной крепости под начальством генерала Льва Бехметева оставлялся сильный гарнизон: 12 пехотных батальонов, два драгунских полка и две тысячи казаков.

Остальные армейские войска отошли от Очакова на 60 верст к северу, где соединились с резервными силами генерала Леонтьева. От намеченного после Очаковской виктории похода на Бендерскую крепость главнокомандующему пришлось отказать-

ся. В его армии уже умерло от различных болезней 11 тысяч солдат и 5 тысяч казаков. Санитарное дело было поставлено в русской действующей армии из рук вон плохо.

Начались большие сложности с обеспечением армейских войск провиантом. Его не успевали подвозить по Днепру. В таких условиях генерал-фельдмаршал Б.Х. Миних вновь, как и в прошлом году, принимает решение отвести войска на Украину и разместить их по зимним квартирам. Главная армейская штаб-квартира расположилась в городе Полтаве.

Турки, как и ожидалось, предприняли попытку отбить Очаковскую крепость, но безуспешно. Но она все же им досталась, хотя и с разрушенными укреплениями. Усилившаяся эпидемия «моровой язвы» вынудила русские гарнизоны (или, вернее, то, что от них оставалось) покинуть Очаков и Кинбурн. Их крепостные укрепления или были срыты, или взорваны.

В том же году генерал-фельдмаршал П.П. Ласси совершил удачный прорыв в Крым. Проведя на вражеской территории большие опустошения, он беспрепятственно вышел с войсками с полуострова.

ПОХОД НА ХОТИНСКУЮ КРЕПОСТЬ

Падение Очаковской крепости вызвало смятение в Стамбуле. Был смещен великий визирь, а на его место назначен новый, бывший бендерский сераскир (военный губернатор). Султан потребовал от крымского хана подкрепить своей конницей силы нового сераскира крепости Бендеры Генж Али-паши. Турецкое командование правильно определило направление движения русской армии в следующем, 1738 году. Оно уже стало внимательно изучать полководческое искусство генерал-фельдмаршала Б.Х. Миниха и старалось предугадать его планы.

Весной 1738 года армия Миниха направилась с Украины к Бендерам. Теперь в ее составе насчитывалось около 100 тысяч человек. Она снова шла по необъятной южной степи, построенная в три огромных каре, малоподвижных, но грозных своей огневой мощью и многолюдством. На пути отбивались нападения турецкой и легкой крымской конницы. Неприятель попытался было остановить наступательное движение русских войск на переправах через речки Кодыму и Саврань, но безуспешно.

Поход русской армии 1738 года оказался самым неудачным из всех в той войне России с Турцией. Нехватка продовольствия, бескормица для лошадей, массовые заболевания все-таки не остановили упорного в задуманном Миниха. Его армия с превеликими трудами вновь вышла на берега Днепра, от которого пришлось уйти обратно.

Причина отступления назад оказалась веской. В тот год в Бессарабии свирепствовала эпидемия чумы, грозившая уничтожить любую армию. Поэтому переходить через Днепр и идти к берегам Днестра к Бендерской крепости было бы до крайности безрассудно.

Здесь следует отдать должное Б.Х. Миниху не только как главнокомандующему действующей русской армией на Юге. В том году, равно как и в предыдущем, 1737-м, он сделал все для того, чтобы моровое поветрие из Очакова и Бессарабии не перекинулось в российские пределы. Устанавливался жесточайший карантин на всех дорогах, а заболевшие в войсках по возможности изолировались от здоровых людей.

Зимой президент Военной коллегии совершил поездку в Санкт-Петербург, куда прибыл полномочный посол из Вены. Союзники-австрийцы настойчиво просили, чтобы в новой военной кампании русская армия нанесла главный удар на крепость Хотин. Она стояла у самых границ империи Габсбургов. Государыня Анна Иоанновна одобрила миниховский план на 1739 год: предстояло брать Хотин, стоявший в предгории Карпат, в верховьях Днестра.

Зимой крымский хан сделал еще одну попытку «отомстить» России за крымские походы ее армии. Ханская конница совершила набег на придонецкий край, но прорвать пограничную укрепленную линию на сей раз не смогла. Крымчаков отбивали с неизменным успехом повсеместно, но все же несколько деревень они успели сжечь. Миниховское пограничное строительство впервые дало требуемый результат.

В последний год русско-турецкой войны перед полководцем Б.Х. Минихом встала серьезная задача добиться территориальных успехов в вооруженной борьбе, которая шла уже пятое лето. Единственным приобретением России оказался Азов в устье Дона. Крепости Очаков и Кинбурн пришлось оставить, а Крым так и оставался недосягаемым — русские войска не смогли удержаться на полуострове даже полгода.

План новой кампании был таков: главные военные усилия сосредотачивались на хотинском направлении, где предполагалось взаимодействие с австрийскими войсками. Вспомогательный характер должны были носить операции против Крыма и на Кубани.

Главнокомандующий энергично взялся за дело организации похода на крепость Хотин. В городе Киеве и его окрестностях собирается армия в 60 тысяч человек регулярных войск, не считая казаков, которых набиралось 13 тысяч. На сей раз в поход бралось 174 орудия, 36 металлических понтонов для наведения переправы через Днестр. Армейскому обозу придается сильное прикрытие, чтобы обезопасить его от неожиданных нападений вражеской легкой конницы.

В действующую армию собираются боеспособные военачальники — генералы Румянцев, братья фаворита Императрицы — Карл и Густав Бироны, князь Репнин, Хрущов, Фермор, Бехметев, Левендаль, командовавший артиллерией, и другие.

Русская армия прошла через южную окраину Польши — по ее украинским землям и к 18 июля 1739 года после всяких проволочек вышла наконец к Днестру. Миних, как и в предыдущие походы, постарался на время скрыть истинное походное движение. Заранее был распущен слух, что русские идут на Бендеры, но новым маршрутом.

Главнокомандующий султанской армией сераскир Вели-паша поверил этому слуху, который донесли до его ушей лазутчики. И поэтому он с войсками напрасно простоял возле Бендерской крепости дней пятнадцать, тем самым дав армии противника возможность почти беспрепятственно подойти к переправам через реку Днестр.

Вели-паша всполошился только тогда, когда из Хотина пришла весть, что русские войска подошли к Збручу. Сераскир, армия которого в своей массе состояла из турецкой и крымской конницы, поспешил от Бендер на север вдоль берега Днестра. Миних вышел к нему 18 июля, но не стал форсировать водную преграду на виду у неприятеля, да еще в том месте, где река имела крутые берега.

Оставив здесь часть армии под командованием генерал-аншефа А.И. Румянцева, которому ставилась задача идти на Хотин, сам главнокомандующий во главе 20-тысячного отряда двинулся в горы. Он решил обойти вражескую крепость с юга, найдя удобную

переправу через реку в другом месте. Солдатам было приказано взять с собой хлеба на шесть дней.

Удобная переправа нашлась близ польского селения Синковцы, отстоявшего от Хотина верст на 40. Мосты были наведены через реку всего за одну ночь. Османская конница не успела помешать переправе русских на противоположный берег Днестра.

Приказав генерал-аншефу Румянцеву двигаться к Синковцам, полководец с армейским авангардом двинулся через горы к Черновцам, по пути отбиваясь от наскоков крымской конницы. Когда румянцевские полки подошли к месту переправы, то нашли мосты разрушенными напором воды. Пришлось собирать на речном берегу выброшенные на него течением бревна и доски и снова наводить мосты.

Армия Миниха прошла южную часть Хотинских гор по «Перекопским узинам» — узкому горному проходу. Чтобы не замедлять движения, полководец оставил здесь обоз, сам же с 20-тысячным передовым отрядом вырвался из гор на равнину. С ним были пехота и кавалерия, потом подошли артиллерийские повозки и обоз.

Беспрепятственный проход стал возможен только благодаря содействию местного населения — молдаван и валахов. Они не только показали удобный путь, который турками не защищался, но и помогли перевезти через горы обозы и всю артиллерию. Миних взял на службу Императрице России немало добровольцев из жителей горных селений и составил из них целый полк. Командовать им он поручил сыну бывшего молдавского господаря Константину Кантемиру.

СРАЖЕНИЕ ПРИ СТАВУЧАНАХ

Русская армия 16 августа приблизилась к селению Ставучаны, где ее уже поджидала султанская армия. Перед генеральной баталией русско-турецкой войны 1735—1739 годов сераскир Вели-паша сумел стянуть к Хотину большие силы турецких войск и от 40 до 50 тысяч легкой конницы, преимущественно крымско-татарской. Ею командовал хан Ислам-Гирей. Неприятельская артиллерия состояла из 70 орудий.

Сераскир лично имел под ружьем свыше 20 тысяч пеших и конных воинов и всю артиллерию. Этими силами он занимал сильно укрепленную самой природой позицию на высотах между се-

лениями Ставучаны и Недобоевцы. Турки вырыли здесь несколько рядов окопов и устроили батарейные позиции.

Здесь же находилось до 10 тысяч отборной османской конницы. Ею командовали Генж Али-паша и хотинский комендант Колчак-паша, дальний предок Верховного правителя России в годы Гражданской войны адмирала Колчака. Легкие турецкие конники — спаги вместе с конницей крымского хана должны были действовать на флангах и в тылу наступавшего противника.

Разведка, показания пленных позволили генерал-фельдмаршалу Б.Х. Миниху довольно точно установить численное превосходство султанской армии и ее расположение на горных высотах. Русский полководец решил первым атаковать неприятеля. На рассвете 9 августа войска, построенные в три каре, «со всякой тихостой» выступили из походного лагеря, в котором под прикрытием отряда генерала Бехметьева оставались обозы. Каре следовали одно за другим. Однако на холмистой равнине дорога сузилась и войскам пришлось перестроиться в батальонные колонны. К восьми часам утра русская армия вышла в долину реки Долгой.

Едва выстроившись вновь в каре, русским пришлось отбиваться от налета крымской конницы. Ее отразили артиллерийским огнем, однако ханскому войску все же удалось прорваться сквозь строй пехоты. Крымчаки во весь опор понеслись к лагерю, чтобы напасть и разграбить обозы противника. Однако генерал Бехметев удачно встретил врага картечными залпами в упор, и ханская конница, рассеявшись, убралась с поля боя восвояси.

Начавшийся сильный ливень приостановил разыгравшийся бой на полтора часа. У русских стрелков дождь подмочил пороховые заряды, татарские стрелы под ливнем теряли убойную силу. Когда дождь прекратился, Миних приказал армии выстроиться в одну линию и двигаться на врага, который в большом количестве просматривался за рекой. Промокшие до нитки войска шли вперед с музыкой, распущенными знаменами и барабанным боем.

Когда наступающие сблизились с неприятелем на расстояние пушечного выстрела, полководец выдвинул в центр наступающей линии две артиллерийские бригады. Он приказал беглым огнем обстрелять османскую конницу на противоположном речном берегу. Та под орудийным огнем к двенадцати часам дня отступила от Долгой на безопасное расстояние.

Тогда сразу же 12 гренадерских рот с 12 полковыми пушками под начальством генерала Карла Бирона быстро подошли к реке.

Из хвороста и фашин устраивается мост, и гренадерский отряд занимает позиции на левом берегу. Под его прикрытием армия начинает форсирование реки Долгой.

Спустившись с высот в долину, армия Миниха начала медленно наступать вперед, давая возможности выйти с гор обозам и арьергарду генерал-аншефа А.И. Румянцева. 13 августа русские войска стали лагерем у деревни Калиновцы. Здесь главнокомандующий получил от конной разведки «надежную ведомость» о неприятеле — последние, уточненные данные. Вновь военный совет принимает решение — идти вперед. Но возможность продолжить наступление пришла только к утру 16 августа — ночью в лагерь прибыли последние обозные повозки.

На рассвете 16 августа перед наступающими русскими войсками стал просматриваться на высотах вражеский стан. В тот день армия прошла всего шесть верст. Ей постоянно приходилось отбивать атаки крымской конницы. Нападения отражались неизменно удачным огнем артиллерии и контратаками своей кавалерии из-за пехотных каре.

Только к вечеру русские каре подошли к неприятельской позиции на дальность пушечного выстрела. Главнокомандующий приказал разбить походный лагерь на берегу реки Шуланец и у деревни Шировцы. Войска встали на отдых в три больших каре, оградив станы рогатками и пушками, заряженными картечью.

К утру 17 августа султанский сераскир завершил окружение русской армии. Турки всю ночь усиливали свои земляные укрепления на высотах. Против левого фланга русских встал хотинский Колчак-паша с конными янычарами, лучшей частью османской армии. Против правого фланга изготовился действовать Генж Али-паша с легкой кавалерией спагов. А в тыл зашла вся крымская конница под начальством хана Ислам-Гирея.

Будучи опытным полководцем, Вели-паша допустил все же серьезную ошибку. Его огромная армия, преимущественно конная, оказалась разделенной на четыре части. Естественно, сераскир терял над нею управление. Генерал-фельдмаршал Миних же мог руководить всеми своими силами.

Ночь перед битвой прошла для русских тревожно. Окруженные со всех сторон, они находились «при ружье и к действию во всякой готовности». Даже ночью вражеские конники нападали на сторожевые дозоры, и тем приходилось отбиваться, сея тревогу в

армейском лагере, в котором не было ни дров для приготовления пищи, ни корма для тысяч голодных лошадей.

Если в русском стане было тихо, то в турецком шумно торжествовали. Там не без удовольствия вспоминали неудачно закончившийся для противника Прутский поход 1711 года Императора «Дели-Петро» — Петра I Великого. Среди султанского войска нашлось немало участников тех не так уже и далеких во времени событий. Вели-паша и его военачальники были убеждены, что теперь они «российскую армию в своих руках имеют и что из оной ни один человек не спасется».

Полководец Бурхард Христофорович Миних был иного мнения. За ночь он в деталях продумал план генеральной баталии и на рассвете 17 августа со всей решительностью двинул русскую армию на штурм укрепленного лагеря султанского сераскира. План заключался в демонстрации атаки правого фланга вражеской позиции на горных высотах и в последующем, главном ударе по менее укрепленному противоположному флангу турок

Ложную атаку произвел 8-тысячный отряд генерала Густава Бирона, имевший около 50 орудий. Главные же силы русской армии при этом имитировали готовность развить успех своего авангарда. Хитрость дала результат. Вели-паша стал перебрасывать со своего левого фланга на противоположный часть войск. Отряд Бирона, переправившись через реку Шуланец, занял небольшую высоту, установил на ней пушки и мортиры и начал обстрел вражеской позиции. Турки отвечали сильным орудийным огнем.

После этого русский отряд, словно убоявшись наступать дальше, снял свои орудия с горки, развернулся и отошел к главным силам, которые так и не сдвинулись с места. Сераскир Вели-паша со свитой начали уже праздновать победу — они решили, что русские отступают. На радостях в Хотинскую крепость был отправлен гонец с известием об одержанной над «неверными» большой победе османского оружия.

Дальше сражение при Ставучанах приняло для султанского воинства и прежде всего для его командования неожиданный оборот. Русская армия, построенная в каре, двинулась на противоположный фланг позиций Вели-паши. Болотистая речка Шуланец в одночасье была вымощена фашинами, и полки пехоты и кавалерии с артиллерией без промедления перешли на ее левый берег. После этого атакующие русские войска пошли в гору, явно стараясь обойти вражеские окопы.

Опытный османский полководец быстро понял надвигавшуюся угрозу. Он стал спешно перебрасывать со своего правого фланга войска обратно на левый, отдав приказ коннице атаковать противника со всех сторон. Турецкая артиллерия открыла беспорядочный огонь по атакующим, отличавшийся исключительной бесприцельностью. Зато русские канониры, втаскивая на руках в гору орудия и зарядные ящики, время от времени вели такой меткий огонь, что неприятельские батареи вскоре почти прекратили пальбу.

Конница Колчак-паши, хана Ислам-Гирея и Генж Али-паши беспрестанно нападала на медленно двигающееся каре со всех сторон. Однако добраться до русских рядов нападавшим конникам не удавалось — на пути вставали рогатки, пехотинцы стреляли дружными, оглушительными ружейными залпами. Вражеские всадники ничего не могли сделать со своими конями — те не шли на блеск штыков и ружейные вспышки, каждый раз поворачивая вспять.

В пять часов дня на русское каре повели контратаку яростно кричащие пешие янычары, подкрепленные турецкой конницей. Их отбили пулями и картечью. Через два часа русские войска ворвались на неприятельские позиции на высотах и в находившийся за ними походный лагерь султанской армии. Он оказался совершенно пуст.

Османские войска, бросив в панике 48 орудий — почти всю армейскую артиллерию, более тысячи шатров и палаток, запасы продовольствия и прочего военного имущества, позорно бежали с поля битвы. Армия сераскира Вели-паши в беспорядке отступала к реке Прут и дальше — за Дунай. Пример подавала турецкая и ханская конница. Беглецов не преследовали.

На поле Ставучанского сражения осталось лежать более тысячи погибших неприятелей. Потери победителей оказались неизмеримо малы — всего 13 убитых и 54 раненых. Только одно это соотношение свидетельствовало о высокой выучке и мужестве русских воинов, высоком воинском искусстве их полководца.

Победа явилась полная и неслыханная, так как под Ставучанами русская и турецкая армии сошлись в полевом сражении. Победу требовалось закрепить, и генерал-фельдмаршал Б.Х. Миних на следующий же день двинул на крепость Хотин большую часть армии. Полки шли ускоренным маршем, поскольку главнокомандующий опасался, что часть разгромленной султанской армии может собраться за крепостными стенами.

ПОБЕДА В ВОЙНЕ С БЛИСТАТЕЛЬНОЙ ПОРТОЙ

В крепости уже сидел Колчак-паша, начальник хотинского гарнизона численностью в 10 тысяч янычар. Но те растерялись на Ставучанском поле, и в крепость вернулось всего 900 человек. Видя такое, хотинский комендант послал русскому главнокомандующему предложение о капитуляции и свободном выходе султанского гарнизона из крепости.

Генерал-фельдмаршал Миних не захотел и слышать об этом, считая хотинских янычар военнопленными. Он разрешил только отправить в Турцию семьи военных людей. В такой ситуации Колчак-паша согласился на все. Но только он один отправил в Стамбул свой гарем. Все подчиненные ему янычары последовали в русский плен со своими женами и детьми.

Хотинская крепость пала без единого пушечного выстрела по ней. Ее гарнизон (вернее — его остатки) сложил оружие, и русские получили в качестве трофеев среди прочего 179 различных орудий. Миних назначил комендантом Хотина генерала Хрущова и с армией двинулся на юг, перейдя реку Прут. Султанских и крымских конных войск перед собой он больше не видел.

Соорудив полевые крепости на берегах Прута, русские войска 28 августа подошли к столице Молдавии городу Яссы. Местное население встречало русских как освободителей от власти османов. Константину Кантемиру, однако, не удалось захватить молдавского господаря Гику. Тот бежал из Ясс настолько поспешно, что забыл прихватить с собой дарованный султаном бунчук — знак господарской власти.

Молдавия переходила в российское подданство. О том просила представительная депутация молдавских бояр. Генерал-фельдмаршал Б.Х. Миних заключил с ними от имени Императрицы Анны Иоанновны соответствующий договор. Бояре обязывались содержать у себя 20-тысячный русский отряд и укрепить город Яссы. В нем оставлялся гарнизон под начальством генерала Шипова. Миних лично начертил план будущей Ясской крепости.

Последующим намерением полководца России стал поход за Дунай, разгром Буджакской орды Крымского ханства, кочевавшей в Южной Бессарабии, и «вступление в середину Турецкой империи». Но такие смелые планы в считанные дни превратились в несбыточные мечты.

Виной всему стали союзники-австрийцы, терпевшие от турок поражение за поражением. Дело кончилось тем, что султанская армия осадила город-крепость Белград, который защищал сильный австрийский гарнизон. Вена ради мира пошла на все: отдавались ранее завоеванные территории и Белград, в котором еще держался осажденный гарнизон крепости.

Австрийский главнокомандующий Нейперг, имея на то полномочия, заключил с великим визирем мирный договор. Извещенный о том Миних написал союзникам письмо резкое и справедливое. Ответом стало послание императора Австрии Карла VI российской Императрице Анне Иоанновне: он «со слезами на глазах» извещал ее о Белградском мире, «но этот мир он должен теперь сохранять ради сдержания данного слова». Россия после всех одержанных побед в кампании 1739 года оставалась, как говорится в таких случаях, «с носом».

Начались дипломатические игры вокруг предстоящего мирного договора России и Турции. Посредником в мирных переговорах выступила Франция, которая открыто не благоволила к Санкт-Петербургу. По Белградскому миру 18 сентября 1739 года Россия получала только Азов с окрестностями и возможность построить крепости на берегах Дона и Кубани. Южная граница отодвигалась в степь, пройдя по реке Самаре. Кабарда получала независимость от оттоманского султана.

В русско-турецкой войне 1735—1739 годов Российское государство не добилось главного. Ему не разрешалось иметь на Азовском море военный флот, который мог бы при надобности выйти на просторы моря Черного, носившего в древности название Русского. Приобретение Азова тоже давало немногое — по мирному договору нельзя было превращать его в крепость.

Думается, что не с легким сердцем главнокомандующий во главе победоносной русской армии оставлял Молдавию, уходя степными дорогами назад в Россию. Самолюбивый Миних в той большой войне рассчитывал в своей полководческой карьере на большее.

Императрица Анна Иоанновна повелела по его прибытии в столицу устроить торжество. На президента Военной коллегии и полководца посыпались награды: звание подполковника лейб-гвардии Преображенского полка, полковником в котором числилась сама Государыня, почетная шпага — Золотое оружие, знаки ордена Святого Андрея Первозванного, осыпанные бриллиантами, пенсион в пять тысяч рублей.

Бурхард Христофорович, который при всей его полководческой славе оставался частью пресловутой бироновщины, возымел желание получить от благоволившей к нему самодержавной монархини большее. Он просил ее дать в дополнение к своему графскому титулу еще и «достоинство герцога Украинского». По всей видимости, президент Военной коллегии хотел встать на иерархической лестнице времени правления Анны Иоанновны вровень с фаворитом Бироном — герцогом Курляндским.

Обсуждая такую просьбу генерал-фельдмаршала с Бироном, Императрица сказала своему фавориту: «Фельдмаршал слишком скромен: для чего не желает он лучше Московского Великого Княжества?» Так победитель турок в Ставучанском сражении остался без герцогской короны и титула, который сразу бы вознес сына датского дворянина-каналостроителя в круг высшей европейской аристократии.

Празднование победы в войне и заключение мира проходило по-царски. Императрица из окон своего дворца любовалась картиной, как народ по данному сигналу кидался на жареного быка, выставленного на площади, и черпал чем мог водку, струившуюся фонтаном в большие бассейны. В церквях проходили праздничные молебны.

Анна Иоанновна и ее окружение устроили во дворце торжественный прием участников боевых действий: от генерал-фельдмаршалов Б.Х. Миниха и П.П. Ласси до младших — обер-офицеров и даже наиболее отличившихся унтер-офицеров. Награды в зависимости чинов и титулов раздавались щедрой рукой.

Больше всех щедрот за выигранную войну получил Бирон — Императрица подарила ему золотой, осыпанный бриллиантами кубок. В него был вложен Высочайший указ о выдаче курляндскому герцогу из государственной казны баснословной суммы в 500 тысяч рублей. О военных заслугах фаворита говорить не приходилось, а в мирных переговорах он не участвовал.

Было одарено все ближайшее окружение Императрицы и прежде всего курляндцы. Даже служитель, присматривавший за любимой собачкой Государыни, получил «за войну» три тысячи рублей.

Надо отдать должное племяннице Петра Великого — на радостях она освободила верноподданный налогооблагаемый люд от подушной подати на целых полгода. Так что у простого народа был хороший повод славить и матушку Государыню, и генерал-фельдмаршала Миниха.

Исследователи дают полководческим способностям генерал-фельдмаршала Б.Х. Миниха оценку не из разряда высоких. Его планы на войну были лишены стратегического замысла. Как показали все последующие русско-турецкие войны, главным театром боевых действий являлся Дунайский. Это Миних понял только перед своей последней военной кампанией.

Русская армия при президенте Военной коллегии и главнокомандующем Минихе потеряла свою прежнюю маневренность, которой блистала в годы Северной войны против Швеции. По примеру европейских полководцев он увлекался совершением марш-маневров и не торопился искать встречи с главными силами неприятеля.

ЦЕНА МИНИХОВСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

Преобразования, которые проводил президент Военной коллегии в русской армии, со всей очевидностью не сделали ее более боеспособной. Миниховские воинские уставы явились явным шагом назад по сравнению с уставами Петра I. Так, строевые уставы времени правления Императрицы Анны Иоанновны отличались в худшую сторону двумя положениями. В пехотном не было даже упоминаний об обучении нижних чинов штыковому удару, которым русские войска побеждали не раз сильнейшую европейскую армию начала XVIII столетия — шведскую. В кавалерийском уставе атаку требовалось вести «маленькой рысцой».

Ни один из миниховских уставов не давал никаких правил для построения боевого порядка из всех родов сил и их взаимодействия в бою. Все полагалось на «храбрость генерала, которому положение земли, силу неприятеля и обыкновение онаго знать и потому свое дело управлять надлежит».

Все же следует отдать должное генерал-фельдмаршалу Б.Х. Миниху как главнокомандующему, заботившемуся о развитии тактического искусства русской армии. Первый год войны с таким противником не европейского типа, как турецкие войска и крымская конница, дал ему основание поручить в 1736 году генерал-майору В.В. Фермору составить «Диспозицию боевого порядка и маневров в генеральной баталии с турками». Она представляла собой обширную докладную записку, в которой среди прочего есть указания о построении войск для действий против османов и способе самих действий.

С другой стороны, «Диспозиция», утвержденная президентом Военной коллегии, не давала никаких советов борьбы с многочисленной вражеской конницей — основой армии султана Блистательной Порты, не говоря уже о Крымском ханстве. Несомненно, такое объясняется тем, что генерал-фельдмаршал Миних, по его собственным словам, кавалерийского дела не знал вовсе.

С «легкой руки» президента Военной коллегии в русской армии было введено любопытное для того времени новшество: в унтер-офицеры могли производиться только грамотные солдаты. С этого времени грамотность среди нижних чинов армии и флота стала заметно расти.

Деятельность Б.Х. Миниха во главе Военного ведомства империи едва не привела к серьезному ущербу для отечественного производства вооружения. До этого два завода — Тульский и Сестрорецкий оружейные — полностью обеспечивали русскую армию ружьями и пистолетами, производя одновременно их массовый ремонт. На Липецком заводе изготовлялись ружья и мушкетоны для флота.

Миних попытался передать часть государственных военных заказов за границу. Однако поступившие в Россию партии лучшего в то время в Западной Европе саксонского оружия оказались крайне низкого качества. Большая часть ружейных стволов при первых же стрельбах разорвалась, покалечив немало солдат. Поэтому правительство остановило намеченное сокращение производства отечественных ружей.

Будучи главнокомандующим действующей армией, Миних старался не упускать из рук руководство Военной коллегией. Именно эта должность определяла его вес в придворной иерархии. Зимы во время войны он проводил в столице. Среди полезных его дел можно назвать строительство постоянных жилых помещений для солдат гвардии. До того они в своем большинстве размещались по частным квартирам.

В последующие годы правления Анны Иоанновны назревала война между Швецией и Россией. В Стокгольме образовалась так называемая «партия шляп», ратовавшая за «возмездие России» за все поражения королевства в войнах с ней. Не остались в стороне и французские дипломаты, пытавшиеся создать «восточный барьер».

Российский посланник в Швеции Бестужев предупредил свое правительство, что из Стокгольма в Турцию с секретной депешей отправляется майор Синклер. Путь его лежал через Польшу.

В Санкт-Петербурге решили завладеть секретным посланием. Выполнить такое щекотливое задание президент Военной коллегии поручил двум армейским офицерам — капитану Кутлеру и поручику Левицкому. Им предписывалось арестовать шведа и отобрать у него все бумаги. Однако посланные в Польшу люди превысили свои полномочия — заманенного в лес майора Синклера застрелили.

Возник серьезный дипломатический конфликт. Шведский офицер ехал в сопровождении французского купца. Российское правительство отреклось от всякого участия в этом деле. Труднее всего оправдаться было Миниху — офицеров отправлял он. Дело закончилось тем, что арестованных капитана Кутлера и поручика Левицкого сослали в Сибирь. Секретная депеша из Стокгольма в Стамбул так и не дошла.

СВЕРЖЕНИЕ ВРЕМЕНЩИКА БИРОНА

17 октября 1740 года скончалась Императрица Анна Иоанновна. Перед смертью она назначила своим преемником на престоле Российской империи младенца — своего внучатого племянника Иоанна (Ивана) VI Антоновича. Регентом при нем был назначен Бирон, который до совершеннолетия Императора должен был оставаться некоронованным правителем России. Бироновщина для нее становилась уже непосильной тяготой.

Бирон, правитель жестокий по натуре, презиравший все русское, вызывал всеобщую ненависть и в народе, и в аристократических кругах. Жестокое обращение регента с матерью Императора-младенца, принцессой Анной Леопольдовной, ускорило падение всесильного временщика.

Устрашенная постоянными угрозами регента отлучить ее от младенца-сына и сослать в далекие от столицы края, Анна Леопольдовна стала искать защиты. Она сделала верный ход, пожаловавшись на Бирона генерал-фельдмаршалу Миниху. Прославленный полководец, не любивший временщика, как человек военный, начал действовать решительно, чтобы защитить династию Романовых от посягательств курляндского герцога.

Бурхарду Христофоровичу стоило немалого труда убедить Анну Леопольдовну принять титул правительницы России до совершеннолетия Императора Ивана VI. Получив наконец согласие, президент Военной коллегии провел операцию по устранению регента от власти Или, говоря проще, совершил в Российской империи очередной дворцовый переворот.

Устранение Бирона он задумал в ту ночь, когда дворцовый караул нес лейб-гвардии Преображенский полк, в котором генерал-фельдмаршал числился подполковником. Переворот совершался малым числом людей. Миних в два часа пополуночи вызвал к себе домой своего старшего адъютанта подполковника Манштейна, сел с ним в карету и поехал во дворец, который охраняли преображенцы.

Разбудив Анну Леопольдовну, он объявил ей, что намерен этой же ночью арестовать ненавистного ей Бирона. Принцесса согласилась и сказала приглашенным в ее комнату караульным гвардейским офицерам:

— Я поручила фельдмаршалу арестовать регента. Храбрые офицеры, повинуйтесь вашему генералу!

Офицеры-преображенцы в один голос заверили новую правительницу Российской империи, что готовы подчиниться приказаниям генерал-фельдмаршала. После этого Анна Леопольдовна допустила каждого из офицеров караула Преображенского полка поцеловать ей руку и напутственно сказала:

— Желаю вам, господа, благополучного успеха!..

Миних с офицерами зашел в караульное помещение, где находилось человек 80 солдат-гвардейцев. Оставив во дворце половину, генерал-фельдмаршал во главе отряда из 40 преображенцев и нескольких офицеров двинулся к Летнему дворцу, где проживало семейство Бироновых. Его стража состояла из трех сотен тех же преображенцев, у которых в полку Бурхард Христофорович пользовался любовью солдат и авторитетом среди командиров.

Генерал-фельдмаршал послал в караульное помещение Летнего дворца адъютанта Манштейна, и тот привел оттуда трех караульных офицеров. Миних показал им предписание Анны Леопольдовны об аресте регента. Караульные офицеры заверили президента Военной коллегии, что ни один из их подчиненных и пальцем не пошевельнет в защиту курляндского герцога.

Получив такое заверение, Миних отправил подполковника Манштейна с 12, по другим сведениям — 20, гренадерами-преображенцами во дворец. Приказ звучал строго: доставить к нему Бирона арестованным, а в случае «крайнего» сопротивления — убить регента.

Пропущенный караульными во дворцовые покои Манштейн не сразу нашел спальню герцога. Он отдернул занавес кровати супругов Бирон и громко сказал, что у него есть крайне важное дело до герцога. Бирон понял, что совершается что-то недоброе для его личности, и стал звать на помощь.

Явившиеся в спальню «правителя империи» гренадеры утихомирили дравшегося регента прикладами ружей, связали и вынесли в миниховскую карету. Герцогиня в одной ночной рубашке побежала вслед за связанным мужем. На улице один из солдат бросил ее в сугроб, после чего караульный офицер отвел супругу Бирона обратно во дворец.

В ту же ночь были арестованы брат регента генерал Густав Бирон и канцлер Бестужев. В Москве было приказано арестовать генерала Карла Бирона. В городе Нарве, по дороге в столицу, арестовали зятя курляндского герцога генерала Бисмарка, бывшего генерал-губернатором Лифляндии. Дворцовый переворот свершился малыми силами заговорщиков и без кровопролития, если не считать ушибов, которые получил регент во время ареста от рук разъярившихся гвардейских солдат.

Высочайшим манифестом было объявлено, что Анна Леопольдовна стала правительницей Российской империи до совершеннолетия ее сына-младенца. Генерал-фельдмаршал Б.Х. Миних стал по ее желанию первым министром. Одной из первых его забот стала отправка низвергнутого регента Бирона в Шлиссельбургскую крепость, а затем в небольшое сибирское поселение Пелым, заштатный городок, затерявшийся в северной глуши огромной Тобольской губернии.

В первые дни после дворцового переворота Бурхард Христофорович едва не стал генералиссимусом Российской империи. Но он, после некоторого раздумья, великодушно уступил это высшее полководческое звание отцу младенца-императора герцогу Антону Ульриху Брауншвейг-Люнебургскому, ставшему третьим в истории старой России генералиссимусом, после боярина А.С. Шеина и светлейшего князя А.Д. Меншикова. Четвертым и последним российским генералиссимусом позже станет военный гений Отечества граф А.В. Суворов-Рымникский, князь Италийский.

Военных заслуг у родителя младенца-императора Ивана VI не было совсем. Но герцог Брауншвейг-Люнебургский получил свое первое генеральское звание, находясь под командованием графа Б.Х. Миниха при штурме крепости Очаков.

Есть сведения, что Миних-младший упросил отца, составлявшего в своем кабинете списки награжденных по случаю воцарения Анны Леопольдовны, уступить звание генералиссимуса отцу Императора. Устроитель дворцового переворота благоразумно решил довольствоваться должностью первого министра Российской империи. Это была и необъятная власть, и путь к богатству и славе.

Анна Леопольдовна постаралась наградить храброго генерал-фельдмаршала достойно за содеянное в ее пользу. Ему высочайше жалуется 100 тысяч рублей, огромный серебряный сервиз и богатое поместье Вартенберг в Силезии, принадлежавшее до того Бирону.

Стремительно возвышаясь в придворном кругу, Б.Х. Миних сам стремился к быстрому падению. Произведенный им в звание «великого адмирала» граф Остерман начал успешно интриговать против стареющего генерал-фельдмаршала. Против него дал показания во время следствия и свергнутый Бирон, заявивший, что он принял регентство по принуждению президента Военной коллегии.

Столкнувшись с Остерманом, сторонником установления союзных связей с Веной, Миних, отстаивавший такой договор с Прусским королевством, демонстративно подал в отставку. Возможно, он хотел таким шагом принудить правительницу Анну Леопольдовну и ее мужа-герцога к принятию союза с Пруссией. Но супружеская пара неожиданно приняла отставку первого министра империи, назначив ему ежегодный пенсион в 15 тысяч рублей.

Зная решительность характера генерал-фельдмаршала и его авторитет в столичном гарнизоне, родители Императора Ивана VI всерьез опасались его. Дело доходило до того, что венценосные супруги каждую ночь меняли спальню. Такое продолжалось до тех пор, пока семейство Минихов не переехало из дворцовых покоев в свой дом на противоположном берегу Невы.

Отставка с поста первого министра стала только первым ударом судьбы по победителю турок в Ставучанском сражении, покорителя крепостей Очаков и Данциг. Брауншвейгской фамилии в лице Анны Леопольдовны и ее малолетнего сына не пришлось долго царствовать в России. Произошел новый дворцовый переворот, вновь совершенный гвардией. На сей раз в пользу «дщери Петровой» Елизаветы Петровны, оставившей своим правлением в отечественной истории яркий след.

ВОЦАРЕНИЕ ЕЛИЗАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ. ССЫЛКА В ПЕЛЫМ

1741 год был трагичен для генерал-фельдмаршала Б Х Миниха, имя которого в столичных кругах все же связывалось с бироновщиной. Он был арестован в ночь на 25 ноября одним из отрядов, которые рассылал по спящему Санкт-Петербургу французский хирург Лесток, один из организаторов дворцового переворота в пользу дочери Петра Великого. Есть сведения, что гвардейские солдаты обошлись с отставным полководцем грубо.

Арестованных поместили в Петропавловскую крепость, где их судили. Миних сумел отвести от себя почти все обвинения, однако военный суд приговорил его к смертной казни, равно как Остермана и Головкина. Однако Императрица Елизавета Петровна изменила меру наказания, отправив осужденных в ссылку. Остермана — в Березово, Головкина — в Среднеколымск, Левенвольда — в Соликамск...

Миниха сослали в Пелым, куда был сослан курляндский герцог Бирон. Новая Императрица заменила бывшему регенту место ссылки на Ярославль. В свое время военный инженер и каналостроитель в звании генерал-фельдмаршала лично начертил план дома определенному для проживания в далеком Пелыме фавориту Императрицы Анны Иоанновны. Однако автору проекта не довелось в нем пожить — дом сгорел еще до того, как в Пелым был доставлен новый знатный ссыльный.

Перед отправлением государственных преступников в ссылку Императрица Елизавета Петровна пожелала услышать от них просьбы о каких-либо монарших милостях. Миних просил об одном: чтобы ему было дозволено взять с собой пастора Мартенса, согласившегося разделить с ним сибирскую ссылку.

В городе Казани ехавший под стражей разжалованный из генерал-фельдмаршалов граф случайно встретился с герцогом Бироном, которого везли из Пелыма в Ярославль. Их простые дорожные сани остановились у моста. Еще совсем недавно всесильные люди узнали друг друга и молча поклонились.

Пелымская ссылка длилась долгих двадцать лет. Окруженный дремучими лесами Пелым представлял собой деревянную сибирскую крепостицу, где за деревянными стенами стояло шесть десятков домиков. Река связывала горожан с далеким Тобольском, откуда доставлялось все необходимое. Миних завел около своего

дома огород, много времени проводил в молитвах, обучал детей пелымских жителей грамоте. Известно, что во время ссылки он не терял присутствия духа, стараясь быть бодрым.

Семейству Минихов был отведен воеводский дом. Граф привез с собой в сибирскую ссылку не только семейных слуг, пастора, но и личного врача. Миниху запрещалось выходить за стены острога. На его содержание правительство выделяло ежедневно три рубля. Деньги хранились у приставленного к ссыльному офицера. Получая эти три рубля в день, бывший президент Военной коллегии с окружением не бедствовали.

В ссылке Миних много пишет — различные трактаты по фортификации, проект изгнания турок из Европы, чертил военные планы, излагал на бумаге собственные мнения о необходимых переменах в российских губерниях. В последний год своего пребывания в Пелыме графу пришлось предать огню свои писания — гарнизонный офицер угрожал ему доносом в столицу о «зловредных писаниях».

Приход к власти Императора Петра III резко изменил судьбу уже престарелого Бурхарда Христофоровича Миниха. Высочайшим указом супруги Минихи возвращались из сибирской ссылки. Сенаторский курьер привез в Пелым петровский указ с приглашением вернуться в Санкт-Петербург и тысячу рублей на дорогу.

Опальный полководец, со слезами на глазах после прочтения Императорского указа, отсчитал половину дорожных денег и подарил их курьеру. Перед отъездом граф объехал верхом деревянную крепостицу, за стены которой ему двадцать долгих лет строжайше воспрещалось выходить даже под охраной.

В свои семьдесят девять лет престарелый полководец за двадцать пять дней в простых санях проделал обратный путь из Сибири — от Пелыма в Москву. По пути в Санкт-Петербург ему довелось услышать немало приветствий от отставных военных, некогда служивших под его знаменами. В столицу Миних прибыл в стареньком тулупе, не имея приличного для своего сана платья.

Посланный Императором Петром III генерал-адъютант Гудович преподнес бывшему главе Военного ведомства России шпагу и объявил о возвращении ему генерал-фельдмаршальского звания. Возвращались все орденские награды, графское достоинство. Для проживания в Санкт-Петербурге семейству Минихов предостави-

ли дом со всей мебелью. Бурхард Христофорович вновь оказался при государевом дворе, в жизни которого он никакой серьезной роли больше не играл.

Петр III попытался примирить Миниха с Бироном, который еще ранее прибыл к Императорскому двору. Во время приема Государь приказал поднести каждому из них по бокалу с вином, но в это время монарха пригласили в соседнюю комнату. Царедворцы воспользовались его отсутствием: они поставили бокалы на стол и до конца жизни остались непримиримыми врагами.

В день возвращения Б.Х. Миниху полководческого чина его посетил с поздравлениями пастор Бюшинг, оставивший после себя жизнеописание генерал-фельдмаршала, которого он тогда увидел впервые:

«Это был крепкий, рослый старик, отлично сложенный, сохранивший всю огненную живость своей натуры. В его глазах было что-то проницающее, в чертах лица что-то величавое, внушающее благовейный страх и покорность его воле. Тогда Миних вел беседу с каким-то офицером и что-то рассказывал о своих походах против турок и татар. Его голос вполне соответствовал его осанке: в нем было что-то повелительное».

Самодержец Петр III царствовал недолго. В день дворцового переворота, во главе которого стояла супруга Императора Екатерина II Алексеевна и гвардейские офицеры братья Орловы, генерал-фельдмаршал Б.Х. Миних оказался одним из немногих придворных, оставшихся рядом с Петром III. Именно он посоветовал Императору отправиться на яхте в морскую крепость Кронштадт, чтобы оттуда на военном корабле отплыть в Пруссию. Там в то время находились экспедиционные русские войска, отправленные на войну против Датского королевства.

ПРИ ДВОРЕ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ ВЕЛИКОЙ

Восшедшая на российский престол Екатерина II приняла прибывшего к ней на прием престарелого полководца. История донесла до нас их разговор. Императрица спросила генерал-фельдмаршала:

— Вы хотели против меня сражаться?

— Ваше величество! — отвечал с достоинством Миних. — Я хотел жизнью своей пожертвовать за Государя, который возвратил

мне свободу. Но теперь я считаю своим долгом сражаться за вас, и вы найдете во мне вернейшего слугу вашего...

Екатерина Великая умела быть действительно великодушной. Генерал-фельдмаршала не тронули, поскольку он перешел на ее сторону. Более того, Государыня сделала его главным директором Ревельской и Нарвской морских гаваней, Кронштадтского и Ладожского каналов. Миних же заканчивал строительство военной гавани в Рогервике.

Эту стройку восьмидесятилетний отставной полководец вел с большим энтузиазмом: гавань строилась по его чертежам каторжниками. Озабоченный ходом строительства, Бурхард Христофорович часто писал письма Императрице, называя в них Екатерину II «Божественной». Он пекся о будущем Балтийского порта, считая его возведение делом своей жизни.

В одном из писем Государыне Миних писал: «Рогервик — оплот против шведов и всех завистников России. Непременно следует достроить там гавань, и если ваше величество не окажете внимания к этому славному и полезному предприятию, то мне останется удалиться в бедную хижину и там кончить свои дни».

Престарелый генерал-фельдмаршал трудился над созданием военной гавани в Рогервике — Балтийского порта с полной отдачей сил. В другом письме Императрице он писал:

«Сон почти не смыкает глаз моих. Ем я очень мало. С разными планами я закрываю глаза и, снова проснувшись, обращаю к ним свои мысли. Меня беспокоит давняя геморроидальная болезнь, а иногда делаются лихорадочные припадки, по утрам — сильный кашель с болями в груди. Но меня беспокоит то, что мне мало оказывают помощи в моих трудах и, напротив, делают все возможное, чтобы огорчить меня, нарочно доводят до крайности, чтоб заставить меня сделать какой-нибудь ложный шаг и чрез то лишиться милости своей государыни, хотя бы это произошло со вредом для государства».

Миних старался убедить Императрицу совершить поездку к Балтийскому порту, который строился на западном побережье современной Эстонии. Екатерина II совершила такую поездку в 1769 году. Главный строитель Рогервика показал ей новоустроенный мол, другие сооружения военной гавани, предназначенной для базирования боевых парусных кораблей Балтийского флота за пределами Финского залива. Самодержица осталась довольна ходом строительных работ и повелела продолжить их. Однако

она не соизволила удовлетворить просьбу Миниха о выделении ему в помощь каторжникам несколько солдатских полков.

Граф Б.Х. Миних, послуживший при дворах трех Императриц и четырех императоров, включая в их число младенца Ивана VI Антоновича, к концу своей жизни стал искуснейшим царедворцем. К просвещенной Государыне Екатерине Великой он тоже смог найти подход. Так, в одном из писем к ней он восторженно испрашивал монаршию милость:

«Посвятите мне, всемилостивейшая государыня, в день один час или даже меньше часа и назовите это время часом фельдмаршала Миниха. Это доставит вам средства обессмертить свое имя».

Императрица действительно исполнила такое пламенное желание своего верноподданного генерал-фельдмаршала. На состоявшейся встрече он «сообщил ей плоды своих долгих размышлений о разных вопросах, занимавших его в течение жизни». Больше всего среди прочих «задушевных желаний» прославленного полководца было стремление завоевать древний Царьград — Константинополь — Стамбул и поднять стяг России на куполе храма Святой Софии, превращенного турками-османами в мечеть.

Миних всю свою жизнь отличался большой религиозностью. Почти вся его биография была связана с Россией, но он так и не перешел в православие, как это делало большинство иностранцев на российской службе. Он так и остался лютеранином по вероисповеданию. С 1727 года до ссылки в Пелым состоял патроном евангелического общества при лютеранской церкви Святого Петра в Санкт-Петербурге. За свои деньги купил землю под нее и подарил этот участок общине верующих. Его рукою был начертан фасад и план церкви.

После возвращения из сибирской ссылки Миних вновь стал патроном столичного евангелического общества. Его стараниями при церкви была основана школа, на содержание которой граф ежегодно вносил по 300 рублей. В 1766 году в лютеранской общине возникли раздоры и генерал-фельдмаршала лишили патронства.

Живя в России, Миних не терял связей с родным Ольденбургом и Данией. Он переписывался с управителями своих там поместий. Граф «списал» сочинение отца, которого очень любил и гордился им, как каналостроителем, о строительстве плотин и отправил его для печатания на родину.

Датский король получил от полководца, вернувшегося из ссылки, собственный проект о проведении каналов на землях Ольденбурга. На проект тогда не обратили внимания, поскольку Дания собиралась прекратить свой конфликт с Голштейном обменом Ольденбургского графства. Впрочем, из Копенгагена король прислал Б.Х. Миниху благодарность и дал ему высочайшее позволение свободно стрелять в своих имениях оленей, зайцев и других зверей.

Миних, хотя и был окружен внешним почетом и различными почестями, как победитель турок и крымцев, никакого влияния на государственные и военные дела уже не имел. В письмах к Императрице Екатерине II он настойчиво убеждал ее довести до победного конца противоборство с Оттоманской Портой, со славою завершить дело, начатое Петром Великим, современником которого Бурхард Христофорович был и чем всегда гордился.

Чувствуя себя в придворных кругах лишним, Миних в последние годы жизни имел желание вернуться в Ольденбург и поселиться в отцовском поместье. Там даже перестроили по его плану господский дом.

Однако Императрица Екатерина II не пожелала расстаться с человеком, которому можно было поручить государственное дело. Государыня хотела послушать его советы по поводу составленного ею собственноручно знаменитого «Наказа» по разработке нового Уложения — свода законов Российской империи. Но Миних так и не успел познакомиться с «Наказом» Екатерины Великой.

Оставшегося не у дел российского полководца ради приличия приглашали на все большие торжества в столице и дипломатические приемы, которые проводились при дворе. Сохранился рассказ очевидца об одном из них.

На одном из приемов у Императрицы Екатерины II, куда были приглашены иностранные дипломаты, генерал-фельдмаршал Б.Х. Миних подошел к послу Турции в России и спросил его через переводчика:

— Слыхали ли вы о Минихе?

— Слыхал.

— Хотите его видеть?

— Не хочу.

Турецкий посол сказал это торопливо и даже робко. Потом, когда полководец отошел, высказал свое неудовольствие переводчику:

— Что этот человек ко мне привязался? Все мучит меня вопросами. Скажи ему, пожалуй, чтоб он прочь шел! Уж не сам ли это Миних...

Умер генерал-фельдмаршал Бурхард Христофорович Миних на восемьдесят пятом году жизни, 16 октября 1767 года. Был погребен в своем имении Луния близ города Дерпта (ныне Тарту, Эстония) в Лифляндии.

После него осталось четверо детей: сын и три дочери, все от первого брака. Сын генерал-фельдмаршала Иоанн Эрнест Миних по желанию отца получил хорошее образование в Риге, Женеве и Париже. В двадцать три года он был поверенным в делах Российской империи во Франции. Императрица Анна Иоанновна удостоила его придворным чином камергера; правительница Анна Леопольдовна — званием обер-гофмаршала и чином генерал-поручика.

Во время ссылки родителей в Сибирь Миниха-младшего сослали в Вологду, где он прожил со своим семейством долгих двадцать лет, живя бедно, поскольку государство выдавало на его содержание очень небольшую сумму денег. Миних-старший во времена бироновщины безуспешно пытался женить своего сына на родной сестре супруги Бирона, задумав породниться с всесильным фаворитом Императрицы Анны Иоанновны. Фрейлина Трейден тогда отказала молодому генералу.

Тот шесть лет спустя женился на баронессе Анне Доротее Менгден, сестра которой, Юлиана, пользовалась любовью Императрицы Екатерины II. Та возвела И.Э. Миниха в высокое звание действительного тайного советника и наградила удачливого царедворца высшим орденом России — Святого Андрея Первозванного...

ЛИЧНОСТЬ ПОЛКОВОДЦА МИНИХА

Личность Бурхарда Христофоровича Миниха — одна из замечательных в ряду деятелей Российского государства XVIII столетия. Из всех «немцев» Петра Великого Миних заметно выделялся своим трудолюбием и неустанной деятельностью на пользу империи, почти не остывшей с годами и даже после двадцатилетней ссылки в сибирскую крепостицу Пелым. Это делало его заметной личностью в отечественной истории.

До последних дней Б.Х. Миних выражал благоговейное почитание личности Петра Великого, который своим приглашением датского каналостроителя, еще безвестного мастера «водяных дел» и успевшего повоевать в нескольких европейских армиях, дал ему путевку в будущее. Даже своим трудолюбием и неутомимой деятельностью Миних стремился походить на своего венценосного кумира.

Будучи в России чужеземцем и в русской военной службе наемником, Б.Х. Миних по своему обширному познаниями уму не следовал безрассудному поведению своих земляков-«немцев». Те, вступая в пределы Российского государства, считали его варварской страной. Такие искатели достатка, славы и чинов смотрели на русских как на материал, пригодный только для осуществления личных корыстолюбивых и честолюбивых планов.

На всех должностях и во всех воинских чинах Бурхард Христофорович Миних служил своему второму Отечеству, каким для него стала Россия, честно, открыто и неутомимо. Благодаря этому имя Миниха в отечественной истории не соединено целиком с бироновщиной. А его военная и государственная деятельность остается светлым пятном правления Императрицы Анны Иоанновны.

Почти вся «российская» жизнь Миниха прошла при Императорском дворе, не считая времени военных походов в Польше и на Юге, долгой сибирской ссылки. Поэтому одаренный от природы каналостроитель, военный инженер и генерал-фельдмаршал стал большим человеком своей эпохи. Он был готов на все великое, отличался сильным честолюбием, для удовлетворения которого мог даже унижаться, быть хитрым и кротким при всем своем суровом, вспыльчивом и своенравном характере. Полководец знал себе цену и был самонадеян.

Умеренный в личной жизни, он часто оказывался излишне строг и даже беспощаден с другими, подчиненными ему людьми. За невыполнение малейших распоряжений главнокомандующего на войне он разжаловал в рядовые не только боевых офицеров, но и заслуженных генералов. Строгость его порой была излишней.

Однако ввиду его прямоты, справедливости и личной храбрости популярность генерал-фельдмаршала Б.Х. Миниха в армии всегда оставалась высокой. Особенно среди нижних чинов, о которых он рачительно пекся. Солдаты называли полководца «соколом». Но те же солдаты роптали по поводу необдуманных, по-

спешных действий своего главнокомандующего, приводивших к немалым и напрасным жертвам на войне.

Добрый и примерный семьянин, Б.Х. Миних в свободное от воинской службы время слыл веселым и словоохотливым собеседником, был по-рыцарски любезен в обращении с дамами. Недаром Императрица Екатерина II, обратив внимание на любезный тон его писем, заметила как-то:

«Вы так любезно ко мне пишете, что со стороны могло бы кому-нибудь показаться, что между нами есть сердечные отношения, если бы ваши почтенные лета не исключали всякие подозрения в этом роде».

Миних был благочестивым христианином. Он любил поговаривать, что «безбожник в нем мог быть героем». Как человек военный, граф слыл воинствующим христианином, считая, что турок-мусульман и крымских татар надо изгнать из Европы.

Заслуги Бурхарда Христофоровича Миниха перед Россией несомненны и многогранны, прежде всего военные. Генерал-фельдмаршал вошел в ратную летопись Отечества как главнокомандующий победоносной русской армией в войне с Турцией 1735—1739 годов. Победа над султанской армией в Ставучанском сражении, штурм Очакова, два Крымских похода и взятие Данцигской крепости составили славу русского оружия.

Впервые после побед Петра Великого в Северной войне со Швецией Российская империя подняла свой державный престиж в Европе. И сделано это было трудами большого полководца.

ПЕРВЕЙШИЙ ИЗ ЧУЖЕЗЕМНЫХ МОРЯКОВ

Адмирал Самуил Карлович Грейг

Один из крупнейших исследователей истории отечественного военно-морского флота Е.И. Аренс справедливо отмечал, что в русском флоте начиная с времен Петра I служило много преданных России иностранцев. Но выше всех их поднялась как бы из бронзы отлитая фигура адмирала Самуила Карловича Грейга. Такая оценка является бесспорной и с ней нельзя не согласиться.

Кто же такой адмирал С.К. Грейг в истории Российской империи? Самый краткий ответ укладывается в несколько строчек. Знаменитый мореплаватель и прославленный флотоводец, участник многих сражений, герой Чесмы и Гогланда, известный своей деятельностью, как инженер, в области кораблестроения, артиллерийского и судостроительного производства, специалист по организации русского флота. С его именем связано совершенствование конструкций отечественных кораблей, введение нового стандарта на линейные суда флота России, строительство Александровского пушечного завода, Кронштадтских доков, введение новой сигнализации на флоте.

Сюда следует еще добавить, что адмирал С.К. Грейг являлся членом Санкт-Петербургской академии наук и Лондонского Королевского общества...

ЛЕЙТЕНАНТ БРИТАНСКОГО КОРОЛЕВСКОГО ФЛОТА

Самуил Грейг родился 30 ноября 1735 года в небольшом городке Инверкейтинге, что в Шотландии, в семье капитана торгового судна Чарлза Грейга и его супруги Джейн. Отец будущего

российского адмирала не был дворянином, а происходил из «древнего рода моряков и капитанов судов». Хотя есть сведения, что в XIII веке далекие предки Грейга владели поместьями.

В прекрасном дореволюционном издании исторических портретов, выпущенном под эгидой Великого Князя Николая Михайловича, указано, что С.К. Грейг «происходит из старинного шотландского рода». Думается, что это «облагораживание» родословной Грейга связано с достигнутым им в России высоким общественным и государственным положением и с парадным характером самого издания. Этот «старинный шотландский род» был не дворянским, а, безусловно, родом «вольных моряков».

Ранние годы Самуил провел в родном городке, где посещал приходскую школу. Затем семья Грейг жила в столице Шотландии Эдинбурге и в городе Бен-Исланде. Детство закончилось быстро, и в пятнадцать лет Грейг-младший уже служит волонтером в английском флоте, продолжая профессию своих многочисленных предков-моряков.

Судьба юного Грейга была в начале жизненного пути типичной судьбой моряков британского торгового флота, этих «пахарей морей и океанов», непрерывно бороздивших их просторы и подвергавшихся каждодневному риску. Флотская биография флотоводца России начиналась с небольшого парусника — пакетбота «Надежда», почтового судна, ходившего из портов Англии в различные пункты Европейского побережья и Северной Африки. В 1753 году пакетбот потерпел кораблекрушение у берегов Норвегии, волонтеру же Самуилу Грейгу удалось спастись.

В 1754 году девятнадцатилетний Грейг назначается на первую ответственную должность — штурманом купеческого судна, а вскоре принимает под командование торговое судно. По-видимому, сдав по приходе в португальскую столицу Лиссабон соответствующий экзамен, он получает свой первый офицерский флотский чин мичмана.

Последующие два года уходят у мичмана Самуила Грейга на плавания по Средиземному морю и посещения портов Великобритании. За шесть лет беспрерывного плавания он стал опытным капитаном торгового судна. И хотя в королевском военном флоте чин мичмана был только унтер-офицерским чином, однако он являлся первой ступенькой к морскому офицерскому сословию. Самым главным результатом этого отрезка жизни С.К. Грейга стало то, что он приобрел хорошую морскую практику, побывав более

чем в 20 портах Европы и Северной Африки, «исчертил» несколько морей. В общем, шотландец узнал труд моряка во всех его проявлениях.

Семилетняя война 1756—1763 годов прервала мирную жизнь моряка торгового флота. И хотя Британия и Россия находились во враждующих коалициях, вместе с тем они не воевали друг с другом. Самуил Грейг без сожаления поменял жизнь гражданского моряка на судьбу военную. Она сулила ему более быстрое продвижение в чинах и должностях и более высокое материальное обеспечение.

В послужном списке адмирала С.К. Грейга в графе за 1756 год записано: «По вооружении Англии против Франции вступил в английскую королевскую службу мичманом на военный фрегат... и на сим фрегате был в крейсерстве около французских берегов и ловил разныя купеческие призовые суда».

1757 год начинается для мичмана Грейга крейсерством в Бискайском заливе. Затем его переводят в экипаж бомбардирского корабля «Фанрурен», и он участвует в первом морском бою против французов. Опытного моряка назначают командиром небольшого призового судна и в следующем году отправляют к западному побережью Африки — к берегам современного Сенегала для продажи «призовых вещей».

При возвращении в Англию мичман назначается для прохождения дальнейшей службы на 100-пушечный линейный корабль «Рауль Джордж», плававший под флагом адмирала Хауке (Гака). В ноябре 1759 года Грейг отличился в Киберонском морском сражении, в котором военный флот Франции был разгромлен англичанами.

Британский флотоводец после морской баталии производит Самуила Грейга в первый офицерский чин лейтенанта и переводит шотландца для дальнейшей службы на 5-пушечный линейный корабль «Параплаттен». В том же году он назначается на должность командира катера «Диспач». Следует заметить, что С.К. Грейг был только назначен на должность лейтенанта, но не получил этого чина.

В 1760 году Грейг проходит службу на 74-пушечном корабле «Тандер», который находился на боевой службе в Средиземном море, участвуя в блокаде французского порта Тулон. В следующем году он числится уже в составе команды фрегата «Алдбемарл», который в составе британского флота совершает рейд на юг Ат-

лантики и принимает участие в захвате острова Святой Елены, бывшего тогда французским владением.

После победного океанского похода корабль Грейга возвращается в Англию. Решением британского Адмиралтейства 4 февраля 1762 года шотландец наконец-то производится в лейтенанты, ему было уже двадцать семь лет. За плечами новоиспеченного морского офицера был груз двенадцатилетнего морского стажа.

В том же году объявляется война между Англией и Испанией. Фрегат «Алдбемарл» входит в состав эскадры адмирала Лайона, которая направляется к берегам Америки для действий в Карибском море против испанской колонии Куба. Английский флот осаждает и захватывает кубинскую столицу Гавану и сам остров. В гаванской гавани англичане пленят 12 испанских военных кораблей.

Трофейные суда входят в состав британского флота. Один из них, 64-пушечный линейный корабль, получает название «Конквестадор» и английского командира — лейтенанта Самуила Грейга. Интересно отметить, что шотландец участвовал в блокаде портового города Гаваны в должности морского инженера.

С окончанием Семилетней войны заканчивалась и боевая биография Самуила Грейга на кораблях британского военного флота. И хотя за его плечами было участие в нескольких морских сражениях, блокаде неприятельских берегов и крейсерстве, в штурме с моря французских крепостей, лейтенанту грозило остаться не у дел в мирное время. Слишком труден оказался для него путь в офицерское сословие.

Грейг отчетливо понимал, что в мирное время для моряка-шотландца его карьера в английском королевском флоте на том и закончится — так и «закиснет» он на первом офицерском чине. Даже британские исследователи вынуждены отметить, что «Грейг служил с отличием, но со скромным вознаграждением».

ЕКАТЕРИНИНСКИЙ «ПРИЗЫВ» ДЛЯ РОССИЙСКОГО ФЛОТА

В 1764 году флотская служба лейтенанта Самуила Грейга получила неожиданное продолжение. Русский посол в Лондоне граф С.Р. Воронцов начал вербовку британских офицеров-моряков на русскую флотскую службу. Находившийся в английской столице

помощник командира корабля лейтенант Самуил Грейг принимает приглашение перейти на службу в Российский Императорский флот.

Просвещенная Императрица Екатерина II, будущая Великая, начала воссоздавать пришедший в упадок после смерти Петра Великого русский флот. Для службы на боевых кораблях, особенно новопостроенных, потребовалось большое число опытных, грамотных и смелых офицеров, имевших за плечами опыт дальних плаваний и участия в войне на море. Своих таких россиян было мало.

В марте 1764 года лейтенант Грейг обращается к королю Георгу III с прошением отпустить его в Россию. В мае того же года из канцелярии Адмиралтейства приходит решение об удовлетворении его просьбы. Соответствующие разрешения были даны родственнику Грейга Вильяму Роксбургу и трем офицерам: Дугласу, Клилэнду и Гордону. Вскоре они все вместе уехали в Россию. Туда они прибыли, по всей видимости, в начале июня 1764 года.

18 июня вышел Высочайший указ Императрицы Екатерины II о зачислении всех прибывших английских офицеров в русский флот. Лейтенант Самуил Грейг «всемилостивейше» жалуется сразу... в капитаны 1-го ранга со старшинством с 20 марта того года.

В состав офицерского корпуса русского флота шотландец записывается как «Самуил Грейг», хотя он сам подписывается в русских документах: «Самуель Грейк». Ему дается принятое в России отчество — Карлович.

Екатерининский «призыв» иностранцев для службы на русском флоте дал прекрасный исторический результат и не выглядел в то время чем-то экстравагантным. Среди иностранцев вместе с С.К. Грейгом служили: англичанин Белли — герой ушаковских кампаний на Средиземном море; шотландец Поль Джонс — герой морских сражений у стен Очаковской крепости, основатель военного американского флота, объявленный впоследствии национальным героем США; герой Хиосского морского сражения датчанин А.И. Круз; мифический правитель маленького немецкого королевства, «король без королевства» принц Нассау-Зиген; храбрые корсары Средиземноморья грек Алексиано и далматинцы братья Войновичи; первый победитель турок на Черном море голландец Кинсберген; основатель города Одессы, сподвижник великого Суворова, участник штурма Измаила испанец де Рибас (Дерибас); храбрый француз Ломбард, отмеченный Суворовым

за участие в войне против Турции; англичанин Маккензи — первый строитель Севастополя; грек Ламбро Качиони, мальтиец Гильгельмо, англичане Эльфинстон и Тревенин и много других волонтеров.

Большинство из них честно и добросовестно служили России и помогали ей в ратных и морских делах. Многие из них стали российскими гражданами, приняв русское подданство. Иноземцы на флотской службе Императрицы Екатерины II явились основоположниками многих морских династий Российского государства.

Но, по свидетельству современников и всех отечественных историков, наибольшие услуги России и ее флоту оказал Самуил Грейг. Вот что пишет о нем известный историк отечественного флота Ф.Ф. Веселаго:

«По важности и разнообразию своих заслуг первое место между ними занимает... Самуил Карлович Грейг, имевший, как отличный специалист и высокообразованный энергичный деятель, первенствующее значение в нашем флоте и пользовавшийся вполне заслуженным доверием у всех. Ему, кроме славных побед над турками и шведами, русский флот обязан введением полезнейших усовершенствований в морском и боевом вооружении и управлении судов, в улучшении портовой и адмиралтейской деятельности и образовании многих превосходных офицеров. По отзыву его подчиненных офицеров и нижних чинов, «это был более отец, нежели начальник».

В первый год службы в России С.К. Грейг, будучи пока волонтером, командовал кораблем «Святой Дмитрий Ростовский», бывшим в то время единственным 100-пушечным линейным кораблем русского флота. Однако, как волонтер, Грейг был не полноправным командиром корабля, а, как сейчас принято говорить, только его дублером.

Уже в следующем году капитан 1-го ранга получает под командование фрегат «Святой Сергий». Он усовершенствовал его парусное снаряжение и после ходовых испытаний предложил Адмиралтейств-коллегии это новшество для введения на всех русских кораблях. Эти предложения оказались полезными, и Морское ведомство предложило Грейгу сделать свои усовершенствования на новом 66-пушечном линейном корабле «Три иерарха». Он готовился к спуску, и шотландца назначили его командиром.

В 1766—1768 годах капитан 1-го ранга С.К. Грейг командует на Балтике линейными кораблями «Три иерарха» и «Екатерина».

Одновременно он предлагает и вводит ряд усовершенствований в конструкцию и технологию постройки боевых кораблей на верфях России. Его деятельность становится известной Императрице Екатерине II. Но Адмиралтейств-коллегия не торопилась с введением грейговских новшеств.

В 1768 году в личной жизни Самуила Грейга произошло важное событие: он встретился в Санкт-Петербурге с Сейрой, дочерью Александра Кука — шотландца, владевшего канатным заводом и поставлявшего русскому флоту морские канаты. Сейра была двоюродной сестрой знаменитого английского мореплавателя Джеймса Кука, который в молодости одновременно с Грейгом служил в английском военном флоте и участвовал в Семилетней войне.

21 августа 1768 года Самуил Грейг и Сейра Кук обвенчались в англиканской церкви в Санкт-Петербурге. Жениху было в то время тридцать три года, а невесте исполнилось шестнадцать лет. После замужества Сейра Грейг стала именоваться в столичном обществе Саррой. Она не раз отправлялась в плавания на кораблях, которыми командовал ее муж.

1-Я АРХИПЕЛАГСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

Прославился Самуил Карлович Грейг в русско-турецкой войне 1769—1774 годов на просторах Средиземноморья. Именно с того времени он стал для отечественной истории флотоводцем и героем Чесменского морского сражения, в котором погиб весь флот Оттоманской Порты.

«Первая екатерининская турецкая война» имела свою предысторию. России самой историей человеческой цивилизации было предначертано утверждение на берегах Азовского и Черного морей, открытие для себя морского торгового пути в Средиземноморье. Но берега двух южных морей принадлежали Турции, которая считала их воды своими собственными, внутренними.

Были и другие внешнеполитические цели очередной русско-турецкой войны. Православная Россия стремилась подать руку помощи славянским православным народам Балканского полуострова, которые находились под вековым османским гнетом. Не случайно Россия в ходе войны рассчитывала на их вооруженную поддержку.

Созданный Екатериной II тайный совет 4 ноября 1768 года разработал план ведения войны против Турецкой империи «со всех четырех углов». Было принято по предложению графа Григория Орлова самое смелое морское предприятие из всех бывших до того в истории России: отправить оперативную эскадру из Балтийского моря в Средиземное, чтобы действовать против Турции со стороны Греческого архипелага.

Экспедиция получила в истории славное название 1-й архипелагской и стала знаменитой орловской «диверсией» в ближнем тылу столицы Блистательной Порты Стамбула. Экспедиции предстояло поднять на Балканах и островах Греческого архипелага восстания против турок. Тайный совет утвердил план операции, поручив командование всеми морскими и сухопутными силами России в Средиземноморье графу Алексею Григорьевичу Орлову, которому Императрица Екатерина II пожаловала «кейзер-флаг» и, следовательно, права генерал-адмирала.

Началась спешная подготовка Архипелагской экспедиции. К середине июля 1769 года на Балтике была подготовлена первая корабельная эскадра, которой предстояло совершить длительное плавание вокруг Европы. В состав этой эскадры входил и линейный корабль С.К. Грейга — «Три иерарха».

В день выхода эскадры 18 июля Императрица Екатерина II прибыла на нее и лично благословила русских моряков, раздав щедрые предварительные награды. Командующий эскадрой, и фактически всей 1-й Архипелагской экспедицией, адмирал Григорий Андреевич Спиридов удостоился ордена Святого Александра Невского. Государыня собственноручно надела на шею адмирала «образ Иоанна-воина».

Капитан 1-го ранга С.К. Грейг был пожалован бригадирским чином. Прибывший на линейный корабль «Три иерарха» главный командир Кронштадтской эскадры Балтийского флота адмирал С.И. Мордвинов привел Грейга к присяге.

Плавание всех русских эскадр из Балтики в Средиземноморье удачным назвать было трудно. Штормовая погода вела к частым поломкам на кораблях, команды не имели достаточного опыта длительного плавания, много оказалось больных, приходилось часто задерживаться в промежуточных портах для пополнения запасов провианта и ремонта судов. Плавание эскадры Спиридова из Кронштадта до английского порта Гулля продолжалось 60 дней.

В начале 1770 года русская эскадра развернула боевые действия в восточной части Средиземного моря. Уже при первом посещении Алексеем Орловым линейного корабля «Три иерарха» бригадир Самуил Грейг, по-видимому, произвел хорошее впечатление на «адмирала кейзер-флага», который сделал Грейга своим советником по морской части.

28 февраля экспедиционная эскадра появилась у берегов Мореи, где греки уже подняли восстание против турок. Одним из лидеров восставших греков и их так называемых «спартанских легионов» был Стефан Мавромихали, из потомственных старшин и экзархов этой местности (впоследствии он и его сподвижники переедут в Россию и станут деятельными устроителями русского Причерноморья).

Однако высаженный на берег русский десант под командованием генерал-майора князя Ю.В. Долгорукова успеха не имел. Под крепостью Модон десантники стали прикрывать отступивших греческих повстанцев и почти все погибли в неравном бою против турецких войск. Теперь все надежды были на боевой успех в войне на море.

1 марта 1770 года Императрица Екатерина II Высочайшим указом производит тридцатипятилетнего С.К. Грейга в чин контр-адмирала. Командир линейного корабля уже успел отличиться в осаде со стороны моря Модона, Лемноса и Пароса, бомбардировке Негропонта, рейда в Орифанто и осаде сильной турецкой крепости Метелино.

ХИОССКОЕ И ЧЕСМЕНСКОЕ МОРСКИЕ СРАЖЕНИЯ

Все же подлинной славой Самуила Карловича Грейга стало его участие в Хиосском и Чесменском морских сражениях, во многом определивших исход той русско-турецкой войны. Алексей Орлов и адмирал Г.А. Спиридов были настроены на генеральную морскую баталию с турками, которые пока избегали её. На поиск султанского флота был отправлен небольшой отряд быстроходных кораблей под командованием контр-адмирала Грейга. Он и обнаружил 23 мая неприятеля в Хиосском проливе, немедленно сообщив об этом главнокомандующему Орлову.

«Адмирал кейзер-флага» А.Г. Орлов уже издал к тому времени приказ о предстоящем большом сражении с турецким флотом.

Ночью на линейном корабле Грейга «Три иерарха» состоялся военный совет русской эскадры. Было решено атаковать вражеский флот, который стоял на якорях в Хиосском проливе, выстроившись в две линии, тремя колоннами.

Авангардной колонной командовал адмирал Г.А. Спиридов, державший свой флаг на линейном корабле «Святой Евстафий». Кордебаталией (центром) — граф Алексей Орлов, державший кейзер-флаг на флагманском корабле «Три иерарха». Арьергард возглавлял контр-адмирал Эльфинстон на линейном корабле «Святослав». Общее командование морским сражение осуществлял Алексей Орлов.

Хиосское морское сражение, закончившееся паническим бегством огромного неприятельского флота в ближайшую бухту — Чесменскую, кроме артиллерийской дуэли свелся к единоборству двух адмиральских кораблей. Это были спиридовский «Святой Евстафий» и турецкий флагман адмирала алжирских пиратов Джезаирли Хасан-бея. Первым загорелся вражеский корабль, пылающие обломки которого попали в крюйт-камеру «Святого Евстафия», и тот взорвался. Буквально следом за ним взлетел на воздух и султанский линейный корабль.

Гибель флагманов не обезглавила противников. К той минуте на них уже не было ни адмирала Спиридова, ни султанского флотоводца, поклявшегося в Стамбуле уничтожить флот «неверных». Морской устав требовал от них покинуть горящие корабли и перенести свой флаг на другие, чтобы продолжить сражение.

Участие контр-адмирала Грейга в Хиосском морском сражении свелось к следующему. Увидев, что один из авангардных линейных кораблей — «Три святителя», прорезавший вражеский строй, оказался под перекрестным огнем, Грейг поспешил прийти к нему на помощь. «Три иерарха» встал на якорь против двух турецких кораблей и повел с ними жаркую перестрелку. Однако до этого, приняв в густых клубах порохового дыма «Три святителя» за неприятеля, грейговский корабль успел дать по нему артиллерийский залп.

После оглушительного взрыва своего флагмана турецкий флот, рубя якорные канаты, обратился в беспорядочное бегство. Большинство русских кораблей успели только-только вступить в дело. А арьергардная колонна контр-адмирала Эльфинстона так и не успела подойти вовремя. Но победа эскадры Алексея Орлова в Хиосском морском сражении была полной.

Для истории в шканечном журнале флагманского русского корабля «Три иерарха» в день Хиосского морского сражения у берегов Малой Азии осталась краткая запись:

«Проходя мы близко неприятельского флота, стали палить по нем из пушек с ядрами, что происходило и с прочих нашего флота кораблей; и оное сражение происходило до исхода 2 часа, а в исходе 2 часа весь турецкий флот снялся с якоря и пошел в местечко Чесма, и стал там на якорь. В 2 часа поворотили мы через оверштаг».

Сразу же после окончания сражения на флагманском корабле был созван военный совет под председательством главнокомандующего Алексея Орлова. В нем приняли участие Г.А. Спиридов, С.К. Грейг, Д. Эльфинстон, Ю.В. Долгоруков, И.А. Ганнибал и другие командиры. Орловым и Спиридовым было решено, используя ночной бриз, дувший с моря на берег, сжечь турецкий флот в Чесменской бухте.

Энергичный граф Алексей Орлов не медлил с решениями. Он приказал контр-адмиралу Грейгу перейти на бомбардирский корабль «Гром» и немедленно идти к Чесменской бухте, и, пока турки находились в замешательстве, непрерывно метать бомбы и каркасы в турецкие корабли, что и было исполнено. Бомбардировка гавани с моря еще больше сломила волю османов к сопротивлению.

Одновременно началась подготовка четырех брандеров из небольших судов, которые были представлены русским морякам греческими православными священниками с острова Хиос братьями Дмитрием, Афанасием и Степаном Гунаропуло. Командирами брандеров назначили младших офицеров с кораблей эскадры — князя Гагарина, Дугдаля, Маккензи и Ильина. Команды зажигательных судов состояли из добровольцев.

В ночь на 26 июня отряд русских кораблей — четырех линейных, двух фрегатов, бомбардирского корабля «Гром» и брандеров — вошел в Чесменскую бухту. Отрядом начальствовал по приказу главнокомандующего его советник по морским делам контр-адмирал Самуил Карлович Грейг. Русские корабли сразу же завязали с турецким флотом, в беспорядке стоявшим в Чесменской бухте, артиллерийскую дуэль. Вскоре на вражеских кораблях начались пожары и паника.

Тогда Грейг дал команду командирам брандеров пойти в атаку. Но только четвертому из них под командой лейтенанта Дмит-

рия Ильина удалось поджечь большой неприятельский корабль. Вскоре пожар сделался всеобщим — суда османов настолько близко стояли друг к другу, что бороться с огнем было просто бесполезно. Турецкие экипажи бежали на берег, а гарнизон крепости Чесма и население города — в окрестные горы.

Грейг в целях безопасности приказал своему отряду выйти из бухты, а сам остался на линейном корабле «Ростислав» наблюдать за гибелью огромного султанского флота. Грандиозный пожар продолжался всю ночь. К утру весь флот Оттоманской Порты был уничтожен: огонь испепелил 15 линейных кораблей, 6 фрегатов и множество более малых судов, всего около 100 единиц. Победителям в качестве трофеев досталось всего несколько судов.

Войны на море эпохи парусного флота еще не знали такого сокрушительного разгрома в морском сражении одной из сторон. Чесма стала подлинным триумфом России. Самуил Грейг в своем «Собственноручном журнале» записал:

«Это одна из самых решительных побед, которую только можно найти в морских летописях всех наций, древних и новейших».

Такую же оценку Чесменской победе русского флота пришлось дать и турецким историкам. Блестящая виктория при Чесме произвела во всей Европе, не говоря уже о Константинополе (Стамбуле), ошеломляющее впечатление.

Главнокомандующий граф Алексей Орлов, фаворит Императрицы Екатерины II, самым высоким образом оценил заслуги контр-адмирала Самуила Грейга в Хиосском и Чесменском морских сражениях. В первом своем донесении в Санкт-Петербург он, среди прочего, с восторгом писал правительнице России:

«Всемилостивейшая государыня! Препоручаю всех со мною бывших, а особливо сего искусного и неутомимого человека (С.К. Грейга. — *А. Ш.*) в милость Вашего величества».

Награды из российской столицы не заставили себя долго ждать. Личные заслуги Самуила Карловича Грейга были высочайше отмечены особым образом. Грейгу был пожалован сразу Военный орден Святого Георгия 2-го класса! (Минуя низшие две степени — 4-ю и 3-ю.) Это был орден для человека полководческого или флотоводческого ранга.

Орден Святого Георгия, как и офицерский чин, автоматически давал право на потомственное российское дворянство. Оно и было высочайше пожаловано выходцу из Шотландии контр-адмиралу С.К. Грейгу в том же 1770 году.

Боевые заслуги будущего флотоводца в 1-й Архипелагской экспедиции нашли отражение в родовом гербе Грейгов: на голубом щите три раскрытые ладони, над щитом — рыцарский шлем с дворянской короной, а над ними поднятая рука в латах, держащая меч. Вокруг щита — круглая лента с девизом «Рази верно».

ВОЙНА В ВОДАХ АРХИПЕЛАГА. «КНЯЖНА ТАРАКАНОВА»

После Чесменской виктории русская эскадра продолжила боевые действия в Греческом архипелаге. Контр-адмирал С.К. Грейг участвовал во многих операциях войны на море. В 1770 году — в осаде турецких крепостей на островах Лемнос и Парос. В 1771 году — в бомбардировке с моря Негропонта, затем, командуя линейным кораблем «Саратов» и корабельным отрядом, провел высадку морских десантов в Орифанто и на остров Тассо.

Довелось георгиевскому кавалеру участвовать в блокаде пролива Дарданеллы со стороны Эгейского моря. Он отличился при осаде и штурме крепости Метелино. Там были сожжены два стоявших на стапелях турецких линейных корабля и галера, достройка которых завершалась.

В 1772 году главнокомандующий Алексей Орлов отсылает прибывшего к нему в итальянский город Ливорно контр-адмирала Грейга в Санкт-Петербург. Путь на берега Невы лежал по суше. Побывав в российской столице, куда он прибыл с донесениями Орлова Императрице, контр-адмирал снова возвратился в Ливорно.

В том же 1772 году контр-адмиралу С.К. Грейгу вновь довелось побывать в Чесменской бухте. Имея флаг на линейном корабле «Победа», он во главе отряда русских кораблей снова отличился при Чесме. Высаженный на берег десант сжег предместье неприятельской крепости и уничтожил находившиеся там склады военного имущества. Турецкий гарнизон так и не отважился ввязаться в бой с русскими десантниками, которые спокойно возвратились на свои суда.

Алексей Орлов в 1773 году вторично командирует Грейга в Санкт-Петербург. Там тот назначается командиром эскадры балтийских кораблей, состоящей из четырех линейных и двух фрегатов, и приходит с ними на усиление русского флота в водах Греческого архипелага. Вместе с контр-адмиралом в Средизем-

номорье на флагманском линейном корабле «Исидор» прибывает и его жена Сарра Грейг.

В городе Ливорно, где находилась штаб-квартира главнокомандующего графа А.Г. Орлова, шотландца ожидали две приятные новости. За успешную службу в Средиземноморье и отличиях в действиях 1-й Архипелагской экспедиции он награждался орденом Святой Анны 1-й степени. А в июле того же 1774 года Россия подписала с Турцией Кючук-Кайнарджийский мирный договор. Наступали мирные дни, и можно было возвращаться на Балтику.

Однако Самуилу Карловичу пришлось участвовать еще в одной операции государственной значимости. В Ливорно объявилась «княжна Тараканова» или «принцесса Володимерская», выдававшая себя за дочь Императрицы Елизаветы Петровны от морганатического брака ее с графом Разумовским. Княжна Тараканова и ее свита путешествовали по Европе и ратовали за отвоевание у Императрицы Екатерины II российского престола в пользу «законной наследницы», рожденной по прямой линии от Петра Великого.

В самой же Российской империи разбушевался «пугачевский бунт», настоящая крестьянская война под предводительством донского казака Емельяна Пугачева, тоже самозванца, выдававшего себя за «одного из Романовых». В такой ситуации с «принцессой Володимерской» официальному Санкт-Петербургу шутить не приходилось.

Всерьез озабоченная Императрица Екатерина II повелела графу Алексею Орлову-Чесменскому захватить любым путем и любой ценой «побродяжку» и доставить ее для «дознания» в Россию.

Фаворит Императрицы блестяще справился с политическим похищением «княжны Таракановой», разыграв с ней в Италии любовный роман. Она была обманным путем доставлена на адмиральский корабль А.С. Грейга «Исидор», который немедленно поднял паруса и взял курс из Ливорно на Кронштадт. Арестованная дама содержалась на борту со всей бдительностью.

По прибытии в Россию «княжну Тараканову» посадили в Алексеевский равелин Петропавловской крепости. Случилось это 25 мая 1775 года. В ноябре того же года она родила от графа Алексея Орлова сына и 4 декабря умерла в заточении от чахотки. Сын самозванки под фамилией Чесменский служил в русской армии в чине

полковника, в молодом возрасте умер от унаследованной от матери неизлечимой тогда болезни.

Арест и «выведение» из политической игры против России «княжны Таракановой» имели большое государственное значение. Императрица Екатерина II не промедлила отблагодарить Орлова-Чесменского и Грейга. Вот полный текст собственноручного рескрипта российской Государыни от 16 мая 1775 года из села Коломенского:

«Господин контр-адмирал Грейг! С благополучным вашим прибытием с эскадрою в наши порты, о чем я сего числа уведомилась, вас поздравляю и весьма вестию сею обрадовалась. Что же касается до известной женщины и до ея свиты, то об них повеление от меня послано г-ну фельдмаршалу кн. Голицыну в С.П.бург., и он сих вояжиров у вас с рук снимет. О протчем будьте уверены, что службы ваши во всегдашней моей памяти и не оставлю вам дать знаки моего к вам доброжелательства.

Екатерина».

У Императрицы Екатерины Великой слова и обещания не расходились с делом. Не прошло и месяца, как Самуила Грейга производят в чин вице-адмирала и назначают на должность главного командира Кронштадтского порта. Более того, самодержавная правительница подарила Грейгу свою личную дачу «Санзанюи» в Ораниенбауме, полностью меблированную и обставленную. Такова была цена похищения «княжны Таракановой», «принцессы Володимерской», авантюра которой грозила потрясти Российскую империю.

На этом монаршие милости не ограничились. В год возвращения Грейга из Средиземноморья в Кронштадт его супруга Сарра Александровна ожидала рождения первого ребенка в семье. Императрица Екатерина II еще до рождения первенца повелела: если у адмирала родится сын — произвести его в мичманы, а ежели дочь — то будет она фрейлиной.

6 сентября 1775 года у четы Грейгов родился сын, названный Алексеем. При крещении приняли его из купели сама самодержица и граф А.Г. Орлов-Чесменский. Через месяц последовал Высочайший рескрипт о пожаловании младенцу Алексею Самуиловичу Грейгу первого офицерского чина Российского Императорского флота:

«Ея И. В. всемилостивейше пожаловать изволила новорожденного сына вице-адмирала Грейга во флот мичманом. О сем благоволит Адмиралтейская коллегия объявить его отцу».

ГЛАВНЫЙ КОМАНДИР КРОНШТАДТСКОГО ПОРТА

Свою многолетнюю службу в должности главного командира Кронштадтского порта Грейг начал после торжественного приема в Москве, куда он специально вызывался Императрицей. Теперь главной заботой боевого адмирала стала судостроительная и инженерная деятельность в главной базе Балтийского флота.

После возвращения из Средиземного моря последней русской экспедиционной эскадры Императрица устроила у Красной Горки смотр Балтийскому флоту, которым командовал С.К. Грейг. Екатерина II щедро наградила русских моряков, вернувшихся из 1-й Архипелагской экспедиции орденами и призовыми деньгами. Самуил Грейг получил орден Святого Александра Невского «за его труды и усердную службу».

Еще одной наградой Императрицы стал для Грейга триумфальный визит в родную Шотландию. В награду за заслуги перед Россией Самуил Карлович получил четырехмесячный отпуск, и ему указом Екатерины II был предоставлен фрегат для плавания на родину. Затем его, однако, заменили бомбардирским кораблем «Страшный». Грейг посетил родные места и нанес официальный визит в Англию, возвратясь в Кронштадт 16 октября 1777 года.

Вице-адмирал шотландец С.К. Грейг остался служить в России, которая стала для него новым Отечеством. В то же время многие наемные иностранные флотские командиры после победного завершения турецкой войны вынуждены были уехать восвояси. Их уволили с русской службы как людей, не оправдавших надежды.

Еще во время 1-й Архипелагской экспедиции в 1771 году главнокомандующий граф А.Г. Орлов добился увольнения контр-адмиралов Д. Эльфинстона и Арфа. Причем первому из них пришлось предстать перед военным судом за свои действия во время блокады Дарданелл.

Свою плодотворную деятельность на посту главного командира Кронштадтского порта Самуил Карлович Грейг начал с усовершенствования архитектуры и парусного вооружения ново-

строящихся русских кораблей. Они уже не отличались современностью и заметно отставали от однотипных кораблей британского флота. В этом вице-адмирал смог лично убедиться в ходе 1-й Архипелагской экспедиции, во время отпускного плавания в Великобританию.

Причина крылась прежде всего в том, что образцом для отечественного военного судостроения все еще продолжала оставаться конструкция знаменитого петровского линейного корабля «Ингерманланд», спущенного на воду в далеком уже 1715 году. Грейг обращается в Адмиралтейств-коллегию с обоснованным предложением усовершенствовать конструкцию линейных кораблей и фрегатов. Его проект, вне всякого сомнения, заслуживал внимания и одобрения.

АРХИТЕКТОР РУССКОГО КОРАБЛЕСТРОЕНИЯ

Грейг добился своего. 15 марта 1775 года ему дается разрешение на усовершенствование фрегата «Святой Сергий», который после работ прошел строгое испытание в море. Требовательные адмиралтейские чины оказались довольны результатами испытательного плавания фрегата в водах Финского залива.

По чертежам вице-адмирала С.К. Грейга на «Святом Сергии» переделали весь рангоут, сделав мачты короче, а реи тоньше. Уменьшили площадь нижних парусов — фока, грота и бизани, увеличили количество парусов, добавив бомбрамсели на двух передних мачтах и драйвер, увеличили размеры стакселей и марселей, изменили покрой верхней кромки прямых парусов.

Все эти усовершенствования Адмиралтейств-коллегия признала полезными и предложила Грейгу сделать подобные новшества на 66-пушечном линейном корабле, который готовился к спуску на воду. Ему предстояло плавать под вице-адмиральским флагом главного командира Кронштадтского порта. При его спуске присутствовала сама Императрица Екатерина II, которая повелела назвать новый линейный парусник «Три иерарха» в память того грейговского корабля, который отличился в Средиземноморье и был списан по ветхости.

После ходовых испытаний вице-адмирал Самуил Грейг направил в Адмиралтейств-коллегию документ, в котором дал полный перечень изменений в рангоуте, парусах и такелаже, сделанных на

линейном корабле «Три иерарха». По тому времени эти изменения были весьма значительными.

Грейг снизил высоту мачт, однако увеличил число парусов за счет введения кливеров, стакселей и четвертого ряда парусов на фок- и грот-мачтах. Это способствовало повышению остойчивости и улучшению хода корабля. Одновременно изобретатель увеличил площадь стакселей и брамселей, чтобы повысить их тягу, изменил покрой всех парусов для сохранения лучшей формы на ходу. Увеличение ширины марсов позволило лучше укрепить мачты и стеньги, дало большой простор для работы на марсах. Сделав тоньше и легче все реи, упростил проводку бегучего такелажа, снял много лишних блоков — все это снизило нагрузки на мачты и облегчило обслуживание парусов.

Командир Балтийской эскадры Г.А. Спиридов, державший до этого свой флаг на линейном корабле «Святой Евстафий», перенес его на «Три иерарха», дабы лично проверить пользу усовершенствований Грейга. В конце летней кампании 1777 года флотоводец Спиридов подтвердил Адмиралтейств-коллегии, что линейный корабль «Три иерарха» по сравнению с другими однотипными судами ходит несколько скорее и что изменения в его оснастке оказались полезными.

Однако Адмиралтейств-коллегия, состоявшая в своем большинстве из престарелых адмиралов, сделала весьма осторожные выводы после проведенных ходовых испытаний «Трех иерархов». Спустя некоторое время она утвердила собственное заключение, согласно которому строительство линейных кораблей и фрегатов продолжалось по старым образцам.

Такое решение не остановило новаторскую деятельность Грейга. Он продолжает настойчиво работать над усовершенствованием парусного вооружения русских кораблей. Вице-адмирал добивается у Императрицы Екатерины II разрешения установить на вновь строящихся линейных кораблях «Исидор» и «Ингерманланд» парусное вооружение по своим пропорциям.

5 августа 1776 года Адмиралтейств-коллегия сделала депутатский смотр кораблям, стоящим в Кронштадте, и провела опрос их капитанов. На заседании 8 августа коллегия рассмотрела рапорт С.К. Грейга, а также результаты депутатского смотра. В решении говорилось:

«(Адмиралтейств-коллегия. — *А. Ш.*) нашла в оном вооружении против прежняго немалое в удобности преимущество, а сверх

того паруса так в своей пропорции расположены, что не токмо один от другого паруса не отнимает ветра, но и от ударения в оные ветра нималого препятствия задний переднему не делает; пропорция мачт и стеньги не более прежних, следовательно, и опасности никакой нет. А потому коллегия сие и утверждает; что же принадлежит до прочих частей вооружения, то оное не инако узнать можно, как на самой практике, то понеже флагманы все же по оной испытали и генерально удобность и пользу нынешнего вооружения предпочитают прежнему, на чем коллегия и основывается. А по всем сим обстоятельствам приказали: впредь корабли вооружать так, как вышеописанные корабли «Исидор» и «Ингерманланд» вооружены были...»

Адмиралтейств-коллегия предписывает вице-адмиралу С.К. Грейгу создать особую комиссию, снять точные размеры парусов, рангоута и такелажа и «оное расписать со штатным положением». Эти описания были размножены в количестве 600 экземпляров. С 1777 года все русские линейные корабли и фрегаты оснащались парусами только по типу «Исидора» и «Ингерманланда». На следующий год это новшество распространили на другие военные суда — фрегаты, не входившие в состав линейного флота, бомбардирские корабли, прамы и полупрамы.

Так завершилась более чем десятилетняя работа С.К. Грейга над усовершенствованием отечественных линейных кораблей. Эти новшества просуществовали почти двадцать лет, пока их, в свою очередь, не заменили, как морально устаревшие, новыми — в 1799-м и 1806 годах.

Немало усовершенствований Самуил Грейг внес и в конструкцию корпуса судов. По его чертежам строились новые 66-пушечные линейные корабли в Архангельске — «Изяслав» (впоследствии перевооруженный в 74-пушечный), «Никанор», «Пармен», «Пимен», «Иона», «Филипп», «Граф Орлов», «Европа» и «Победа». Большинство из них было спущено на воду уже после смерти Грейга. Они прослужили на флоте долго — по 12—15 лет и стали своеобразными памятниками флотоводцу России.

По предложению С.К. Грейга был выбран новый тип посыльных судов. Опыт 1-й Архипелагской экспедиции подсказал, что шебеки выглядели намного предпочтительнее шхун, поскольку первые оказались более легкими на ходу судами.

По совету главного начальника Кронштадтского порта в Англии для русского флота были закуплены катера и бриги, которые

получили распространение как разведывательные, посыльные и крейсерские суда. Катерами в то время называли любые малые суда, у которых имелось менее трех мачт. Среди них оказался знаменитый катер «Меркурий», приобретенный в 1788 году, который под командованием Кроуна взял в плен шведский фрегат «Венус».

ИНЖЕНЕР-АРТИЛЛЕРИСТ И ДРУГИХ ДЕЛ МАСТЕР

Общепризнан вклад Грейга в развитие русской корабельной артиллерии. Именно благодаря ему на кораблях российского флота появились такие орудия, как карронады. Их изобрел в 1779 году в Англии президент Карронской компании Ч. Гаскойн, и первоначально они назывались гасконадами. После доработки орудия получили название карронад — по имени города Карроны в Шотландии.

Это орудие отличалось небольшими размерами и весом при большом калибре. Будучи по весу такой же, как легкая пушка, карронада обладала существенно большой разрушительной силой в ближнем бою. Легкий вес позволял устанавливать карронады на верхних палубах линейных кораблей, фрегатов и малых судов. Это были хорошие орудия для морского боя на близкой дистанции, то есть рассчитанные на решительных и смелых моряков, каковыми и были русские. При выстреле с близкого расстояния карронада разрушала корпус неприятельского корабля сильнее, чем пушка.

Узнав об изобретении нового корабельного орудия, вице-адмирал С.К. Грейг списывается с его изобретателем, которого знал с 1777 года. Гаскойн в одном из писем от 15 мая 1780 года раскрыл русскому флотоводцу «секреты» карронады. С этого дня Грейг ратует за вооружение русского флота новыми орудиями и заказывает их у Карронской компании. По его инициативе производство карронад налаживается в самой России.

Несмотря на противодействие лондонского правительства, С.К. Грейг сумел договориться с Карронской компанией о поставке новых орудий для русского флота. Они поставлялись в Россию из Англии на протяжении десяти лет, вплоть до переезда туда Ч. Гаскойна. Карронадами была заменена часть чугунных пушек, которые из-за плохого качества литья часто разрывались и при испытательных стрельбах, и в морском бою.

По распоряжению Грейга на орудиях балтийских кораблей фитильный запал был заменен на пушечные замки. Теперь стрельба из корабельных орудий упрощалась, стала более надежной и быстрой. Будучи по совместительству управляющим Александровским пушечным заводом, вице-адмирал разработал новый тип картечи для морских 4-фунтовых пушек.

Главный командир Кронштадтского порта много лично сделал для улучшения бытовых условий русских моряков на кораблях и на суше. Так, в 1783 году он ввел на судах взамен огнеопасных кирпичных камбузов чугунные. В 1786 году им была выписана из Англии и испытана на линейном корабле «Чесма» чугунная опреснительная установка для получения питьевой воды из морской.

Чтобы продлить сохранность обшивки подводной части кораблей, Грейг предложил покрывать их специальным составом из смеси смолы и серы. Проверка дала положительный результат, и с 1777 года этот состав был принят в отечественном кораблестроении.

С именем С.К. Грейга в истории русского флота связано и такое новшество, как обшивка подводной части кораблей медными листами. В то время такое в Европе считалось еще только нововведением. Первый русский корабль получил такую подводную обшивку в октябре 1783 года Медные листы увеличивали скорость корабля, поскольку корпус его не обрастал ракушками, и оберегали деревянные части от морских древоточиц.

Прекрасно зная технику парусных судов Англии, этой «владычицы морей», С.К. Грейг стремился применять последние достижения кораблестроительной науки на военном флоте России. Он старался облегчить обслуживание кораблей и повысить их безопасность. Грейг среди прочего предложил делать двойной шпиль для увеличения силы при подъеме якоря. По его инициативе стали устраивать особые краны для затопления крюйт-камер в случае пожара. Он ввел вентиляторы «для освежения воздуха на палубах» и сделал еще много других полезных улучшений.

Императрица Екатерина II не раз с благодарностью отмечала неутомимую деятельность Самуила Карловича Грейга на посту главного командира Кронштадтского порта. И прежде всего его преобразовательскую, флотоводческую и инженерную деятельность. 28 июня 1782 года он производится в полные адмиралы и награждается орденом Святого Владимира 1-й степени.

По своему служебному положению Грейгу приходилось заниматься и вопросами усовершенствования отечественной судостроительной базы. Под его общим наблюдением осуществляется «Проект осушения Кронштадтских доков паровыми машинами». Эти машины в то время назывались еще и как «огненные». До этого вода из Кронштадтских доков откачивалась с помощью ветряков или силой лошадей.

Начиная с 1781 года С.К. Грейгу поручают надзор за ведением ряда строительных работ и реконструкции крупнейшей морской крепости России Кронштадта. В том же году он получает от Императрицы Екатерины II благодарственный рескрипт за экономное строительство. Тогда удалось сэкономить большую сумму — 1810 рублей с копейками, которые, с разрешения Государыни, пошли на строительство солдатской школы в Санкт-Петербурге.

Принял участие Грейг и в постройке Кронштадтской каменной гавани. Молы морской крепости были облицованы гранитом. Это придало кронштадтским гидротехническим сооружениям вековую прочность, благодаря которой они существуют и по сей день. Реконструированный Кронштадт часто посещался иностранцами и приводил их в восторг своим основательным и неприступным видом.

Реконструкция морской крепости велась широко и продуманно. Ее генеральный план предусматривал перестройку доков, гаваней и молов, строительство госпиталей, морской тюрьмы, Морского кадетского корпуса и других зданий и сооружений. Побывавший в Кронштадте известный английский врач и общественный деятель-гуманист Джон Говард весьма лестно отозвался о первом построенном морском госпитале. На строительных работах были задействованы многие тысячи людей, и довольно скоро внешне Кронштадт мало напоминал себя в петровское время.

В 1795 году адмирал С.К. Грейг назначается руководителем работ «по перенесению Адмиралтейства из С.-Петербурга в Кронштадт на основании Высочайшего повеления 1783 г. мая 28».

Когда реконструкция балтийской морской крепости в основном была завершена, строительство новых типов боевых парусных кораблей перебазировали в новые сухие доки Кронштадта. Благодаря усилиям Грейга российское судостроение прогрессировало в глазах Европы, став технически более оснащенным.

С именем С.К. Грейга связано возрождение Олонецких металлургических заводов, литейное производство на которых после царствования Петра Великого стало чахнуть. В конце мая 1785 года Императрица Екатерина II подписала Высочайший рескрипт о постройке на месте Петровского завода нового промышленного предприятия по отливке чугунных карронад для флота. Эти орудия, закупаемые в Англии, обходились государственной казне весьма дорого, и потому было принято решение наладить их производство у себя дома.

Адмирал С.К. Грейг назначается (по совместительству) руководителем постройки или, как сейчас говорят, руководителем проекта, а инженер-полковник Матвей Леман — строителем нового, Александровского пушечного завода. Грейг сделал все для того, чтобы в Россию приехал Чарлз Гаскойн, президент Карронской компании. Указом Императрицы шотландец назначается «для смотрения» за производством на этом заводе.

Гаскойн приехал не один, а вместе с 12 соотечественниками — гидротехниками, механиками, металлургами и другими специалистами. Он перестроил плотину старого Петровского завода на реке Лосинке, и после этого Александровский пушечный завод стал выдавать свою продукцию. На нем выпускались не только чугунные карронады, но и другие орудия для флота и армии, различные боеприпасы к ним, чугунное литье для строительства мостов, разные изделия из железа и тому подобное.

Благодаря заботам адмирала Грейга русский флот получил на вооружение карронады одновременно с английским королевским флотом. Новое артиллерийское вооружение больших и малых кораблей дало толчок к обновлению тактики морских сражений.

«ВООРУЖЕННЫЙ НЕЙТРАЛИТЕТ» РОССИИ В СУДЬБЕ ГРЕЙГА

В 1780—1781 годах главному командиру Кронштадтского порта пришлось пережить неприятные события, из которых он вышел, однако, с честью и с незапятнанной репутацией. Даже более того, он получил новое признание у научной общественности не только России, но и европейской.

В эти годы «владычица морей» Великобритания вела войну с Францией, Испанией и Североамериканскими соединенными штатами, своими недавними колониями. Декларацией от 28 февраля 1780 года Императрица Екатерина II объявила всем воюю-

щим державам о «вооруженном нейтралитете» России. То есть в той непростой внешнеполитической ситуации государство позаботилось о своих интересах.

В Декларации говорилось, что для защиты отечественной морской торговли Россия вводит «правила, которым будет следовать и для поддержания которых и покровительства чести российского флага и безопасности торговли ее подданных противу кого бы то ни было она повелит выступить в море со значительной частью своих сил».

Британия действовала на море согласно собственному «навигационному акту», вышедшему еще в 1651 году. Поэтому Лондон официально не признал «вооруженный нейтралитет» России и отношения между двумя странами стали более чем холодными. Английский посол в Санкт-Петербурге Дж. Харрис довел до сведения всех служивших российской короне британцев «отрицательную реакцию своего правительства» на решение Императрицы Екатерины Великой.

В такое время и произошел случай, который дал повод для жителей российской столицы заговорить о «попытке английских моряков сжечь русский флот». Посол Великобритании Дж. Харрис вспоминал о том происшествии так:

«Вечером в Понедельник, около 7 часов, весь флот стоял поперек Кронштадтского фарватера, когда был замечен дым, выходящий из самой середины одного из судов...»

Происшествие бросало тень на главного командира Кронштадтского порта адмирала Самуила Грейга, шотландца по национальности и бывшего британского подданного. Вскоре слухи о большом пожаре на боевом корабле дошли до Великого Князя Павла Петровича, формально числившегося генерал-адмиралом Императорского флота России. Наследник престола обвинил Грейга в измене.

Однако на самом деле произошло следующее. 11 мая 1780 года в 6 часов пополудни загорелся стоявший в Кронштадтской гавани корабль «Благополучие». Огонь быстро потушили и провели расследование причин пожара. Оказалось, что возгорание случилось в проходе за крюйт-камеру, где были навалены разные вещи и где найден еще тлевший кулек с пенькою и небольшим количеством густой смолы и угольев.

Подозревали, что поджог сделан с умыслом, тем более что ветер был свежий, западный, и флот готовился к выходу на рейд. Но виновного найти не смогли. Подозрение падало только на ка-

нонира, который поутру еще ходил в крюйт-камеру и съехал на берег за 2,5 часа до возгорания. Однако вместе с канониром, после окончания корабельных работ, на берег отправилось еще несколько человек из команды.

Дело на корабле «Благополучие» так бы и осталось нераскрытым, но спустя почти год, 20 апреля 1781 года, в одиннадцать часов вечера загорелся фрегат «Мария», стоявший в той же Кронштадтской гавани. Огонь снова быстро потушили, обнаружив, что возгорание произошло в шкиперской каюте: загорелась парусиновая койка, в которую была завернута приготовленная для краски сажа, пропитанная маслом.

Вновь пошли толки о поджогах, разные предположения и наветы. Адмирал С.К. Грейг, видимо искренне поверивший в поджог, решил на этот раз найти виновного и, по-видимому, даже посадил подозреваемых в кронштадтскую морскую тюрьму.

Допросы подозреваемых и разбирательства в экипаже фрегата «Мария» ни к чему не привели. Императрица Екатерина II, лично изучив следственный журнал по делу последнего возгорания, проявила завидную государственную мудрость. Она предложила провести, как сейчас говорят, следственный опыт.

В монаршем указе, посланном вице-адмиралу И.Л. Голенищеву-Кутузову, возглавлявшему следствие по делу на фрегате «Мария», Екатерина Великая писала:

«Я вспомнила, что при бывшем прошлого года в пеньковых амбарах пожаре между другими причинами полагаемо было, что оный мог произойти, если пенька лежала оберченная или вместе с масляными рогожами: примечание сие вы не оставите учинить в крайней точности...»

Специальная флотская комиссия, в которую вошли вице-адмиралы Голенищев-Кутузов и Грейг, а также контр-адмирал Пущин, произвела восемь опытов над смесью сажи с маслом. Оказалось, что при определенном сочетании сажи и масла «происходит их самовозгорание, причем смесь, составленная в пропорции, примерно отвечавшей показаниям подследственных лиц», загорелась примерно через тринадцать часов.

«Господин вице-адмирал Грейг, — подчеркивалось в рескрипте Императрицы Екатерины II от 28 апреля 1781 года. — Поздравляю вас с открытием причины происшествия на фрегате «Мария», желаем, чтоб люди, невиновные из экипажа того судна, содержащиеся под стражею по сему делу, освобождены были.

Впрочем, уверены мы, что вы не оставите принять всякие осторожности впредь до подобных случаев».

Кронштадтские научные эксперименты, а иначе их никак не назовешь, стали, по-видимому, первой попыткой разгадать причины неоднократных пожаров на судах и береговых складах. Вице-адмирал И.Л. Голенищев-Кутузов был недалек от истины, когда писал вице-президенту Адмиралтейств-коллегии графу И.Г. Чернышеву:

«Может быть, не только для нас, но и всей Европе оказали мы услугу. Сколько невинных людей, может быть, пострадало! Признаюсь вам, что я такой причине пожар на корабле «Благополучие» приписываю».

Результаты следственных опытов после их официального обнародования пресекли ходившие в Санкт-Петербурге и порочащие вице-адмирала С.К. Грейга слухи об измене британских моряков на русской службе. Репутация героя Чесмы, как честного человека, преданного Российскому государству, окрепла и уже больше не подвергалась публичному сомнению.

ПОЧЕТНЫЙ АКАДЕМИК НА СЛУЖБЕ ФЛОТУ

Деятельность главного командира Кронштадтского порта на ниве морских и военных наук не осталась незамеченной и неоцененной по достоинству. 14 марта 1782 года Самуил Карлович Грейг за заслуги в области кораблестроения, инженерной практики и военно-морского дела был избран членом Лондонского Королевского общества.

18 августа 1783 года на заседании конференции Петербургской академии наук княгиня Екатерина Романовна Дашкова (президент академии в 1783—1784 годах) внесла предложение об избрании адмирала С.К. Грейга почетным академиком. Он был избран конференцией единогласно.

Организаторская деятельность главного командира Кронштадтского порта просто поразительна. С каждым годом Императрица Екатерина II и Адмиралтейств-коллегия поручают ему все больше и больше самых разнообразных дел. За многие он берется по собственной инициативе.

В 1776 году Грейг создает правила для расчета численности команды на суда всех рангов, а также разрабатывает штаты личного состава для кораблей военно-морского флота. Для линейных кораблей и фрегатов рассчитывается число офицеров, канониров и артиллерийских унтер-офицеров. Это позволило определить полный штат флота и привести в соответствие снабжение его провиантом, обмундированием и другими видами довольствия.

Грейг решил вопрос и о лазаретах на кораблях различного ранга, вводит на них походные аптечки с полугодовым запасом лекарств. Здоровью моряков он уделял самое неослабное внимание. Показателен такой факт. Возвращаясь в 1775 году из Греческого архипелага в Кронштадт, Грейг вошел с эскадрой в английский порт Дувр за свежей водой и провиантом. Состояние кораблей, чистота на них и здоровье экипажей произвело впечатление на англичан, прежде всего чинов британского военного флота.

«Чистоплотность на борту кораблей, — писали в те дни английские газеты, — является ясным доказательством того, как много жизней моряков она сохраняет, так как адмирал заявил, что в течение восьми месяцев ни один человек не умер из 3000 членов экипажа эскадры».

Занимался С.К. Грейг и совершенствованием свода морских сигналов. Он разработал собственный вариант свода и собственноручно оформил его в виде книги с красочным изображением каждого морского сигнала. Адмирал лично занимался составлением различных карт и планов, многие из которых сохранились до наших дней.

Известен Самуил Карлович Грейг и как воспитатель подчиненных, выработавший собственную систему взглядов на становление молодых офицеров и матросов в корабельных экипажах. Его воспитательные принципы во многом созвучны таким выдающимся личностям в истории русской армии и флота, как А.В. Суворов и П.С. Нахимов.

Свои взгляды на руководство людьми и воспитание военных моряков С.К. Грейг изложил в одном из рапортов генерал-адмиралу флота России, который датирован 1776 годом. В нем говорится:

«Во всяком воинском предприятии ничто столь не нужно к получению желаемого успеха, как общее согласие и преданность между офицерами и людьми, находящимися под командой их; также чтоб и командующим иметь довольное сведение о разных качествах и искусствах всех своих офицеров и матросов... ведаю я, что обыкновенно, весьма несправедливо защищая себя, кладут порок на негодность служителей во всем, что неисправно в чистоте, порядке или правлении корабля найдется, которую оттоворку

я генерально почитаю за знак худых командиров, а всякого офицера без побуждения и честолюбия считаю недостойным и неспособным к службе быть».

По личной инициативе адмирала С.К. Грейга было организовано Морское собрание — первый в России морской офицерский клуб. С началом русско-шведской войны его деятельность прекратилась.

ВОЙНА СО ШВЕЦИЕЙ

Последние годы жизни флотоводца стали апофеозом всей его биографии. Вершиной всей деятельности Самуила Карловича Грейга на русской службе стала победа над шведским королевским флотом в Гогландском морском сражении.

...Шла «вторая екатерининская турецкая война» 1787—1791 годов. Российская Императрица задумала осуществить вторую Чесму. По ее повелению в Кронштадте стал готовиться флот для новой Архипелагской экспедиции. Ее главным командиром назначили адмирала С.К. Грейга. Однако военный совет был недоволен таким решением Государыни, считая, что командующим должен быть другой адмирал. Однако самодержавная правительница настояла на своем решении.

В Средиземное море русские корабли должны были следовать несколькими отрядами. Но из Кронштадта успел выйти первый из них под флагом контр-адмирала В.П. Фондезина, который дошел до датской столицы Копенгагена. Начавшаяся русско-шведская война 1788—1790 годов заставила изменить все планы командования Балтийским флотом.

Швеция и ее новый воинственный король Густав III все никак не могли смириться с поражениями во всех предыдущих войнах с Россией. В Стокгольме рассчитывали, что его восточный сосед основательно «увяз» в новой большой войне с Оттоманской Портой — почти вся русская полевая армия, ее лучшие полководцы находились на Юге. Туда же были отправлены основные запасы боевых зарядов и провианта.

Поэтому шведский король Густав III и его окружение решили одним сильным ударом покончить с Россией. Для этого задумывалось послать большую сухопутную армию через Финляндию на Санкт-Петербург и одновременно сильным флотом захватить мор-

скую крепость Кронштадт, которая прикрывала российскую столицу со стороны Балтики. В Швеции ожидали быстрого военного успеха и непродолжительной войны с Россией.

Ее итог в Стокгольме виделся следующим образом. Взятие беззащитного Санкт-Петербурга и падение Кронштадтской морской крепости позволяли королевским посланникам продиктовать российскому правительству условия мира и вернуть Швеции многие утраченные ранее земли на Балтийском побережье.

Действительно, российская столица не выглядела столь уж неприступной. Проект укрепления Кронштадта так и не был доведен до конца. Известный исследователь истории русского флота В. Головачев отмечал по этому поводу следующее:

«...Все представления главного командира Кронштадтского порта адмирала Грейга о необходимости возвести укрепления на Северном Котлинском фарватере давно уже откладывались до более свободного времени, тогда как с южной стороны столицы не имелось и вовсе никакой крепостной защиты. И потому-то при самом начале войны в Петербурге спешили укладывать драгоценности и архивы, а двор готовился уезжать в Москву».

Императрица Екатерина Великая действительно опасалась захвата шведами Кронштадта и собственной столицы. Она отменила новый Архипелагский поход и назначила адмирала С.К. Грейга командующим Балтийским флотом. Ему ставилась задача соединиться с отрядом контр-адмирала В.П. Фондезина и разгромить королевскую корабельную эскадру.

Здесь понятно недовольство военного совета решением Императрицы. Таким высоким назначением Грейг обходил сразу двух старших по службе (по времени присвоения очередного воинского звания) адмиралов — В.Я. Чичагова и А.И. Круза. Тогда за старшинством при назначении на любые должности в армии и на флоте следили весьма строго.

Екатерина Великая редко делала опрометчивые назначения на высокие государственные и военные должности. Она прекрасно разбиралась в окружавших ее людях и могла по их делам определить перспективность служения российской короне на новых постах. Такой же подход был у Императрицы и к адмиралу Грейгу. Она могла удостовериться в его дальнейшей «годности» для службы во славу Российской империи по результатам его трудов на посту главного командира Кронштадтского порта и начальника флотской дивизии.

Кронштадт был главной базой Балтийского флота — из него уходили и в него возвращались корабли и эскадры. На плечах адмирала С.К. Грейга лежала каждодневная забота об их ремонте, снабжении провиантом, боеприпасами и другими судовыми запасами. Он отвечал не только за постройку кораблей в Кронштадтских доках, но и за их полную комплектацию, досуг моряков в зимнее время, когда флот стоял в гаванях разоруженный, здоровье команд в плаваниях и на берегу и их обучение, поддержание воинской дисциплины. Вот далеко не полный перечень многочисленных и многотрудных забот главного командира Кронштадтского порта. Ко всему этому добавлялась обязанность разрабатывать различные документы, регламентирующие жизнь флота, увязку и утряску с Адмиралтейств-коллегией различных вопросов, требующих решения.

При такой служебной нагрузке у Грейга была еще одна, святая для военного моряка в адмиральских эполетах обязанность. Он должен был командовать корабельными эскадрами и выходить в море во главе подчиненной ему флотской дивизии.

Однако Императрица Екатерина II знала и другое — адмирал С.К. Грейг не был вершителем судеб Балтийского флота. Вместе с ним служили такие опытные и прославленные адмиралы, как Г.А. Спиридов и А.И. Круз — герои Хиосского и Чесменского морских сражений, М.Г. Коняев — победитель турецкого флота в Патросском морском сражении 1772 года, В.Я. Чичагов — знаменитый полярный исследователь, совершивший два высокоширотных плавания, и многие другие.

Адмиралтейств-коллегией, которая руководила флотом и кораблестроением, фактически предводительствовал Кушелев, способнейший организатор. Кронштадтские судостроительные доки «держались» на таком талантливом отечественном кораблестроителе, каковым был А.С. Катасонов. Командирами кораблей ставились опытные флотские офицеры с солидным багажом морских плаваний. Так что С.К. Грейгу было на кого опереться, и он мог быть уверенным в том, что русские моряки всегда исполнят свой клятвенный долг.

Русско-шведская война 1788—1790 годов, в отличие от всех предыдущих, больше напоминала войну на море, чем на суше. В Стокгольме прекрасно понимали, что на сухопутье боевые действия могут неоправданно затянуться и тогда часть русской полевой армии, успешно воевавшей против турок на Юге России,

могла быть переброшена к ее столице. Под стенами Санкт-Петербурга мог оказаться и непобедимый полководец А.В. Суворов-Рымникский, слава о котором гремела по всей Европе.

Война на море же могла завершиться скоро, в одном большом сражении двух парусных флотов. Победа шведов и полный разгром русского флота могли привести к захвату морской крепости Кронштадт, от которой было рукой подать до Санкт-Петербурга. А в самой российской столице войск почти не имелось, не считая гвардейских полков, составлявших городской гарнизон.

Главный удар по неприятельской столице король Швеции Густав III решил нанести через Финский залив. Командующий шведским флотом брат короля генерал-адмирал герцог Карл Зюдерманландский получил приказание разгромить русский флот, остатки его блокировать в Кронштадте и после этого провести крупную десантную операцию. Намечалось высадить сильный 20-тысячный десант в районе Ораниенбаума или у Красной Горки с целью овладения Санкт-Петербургом со стороны его южных предместий.

МОРСКОЕ СРАЖЕНИЕ У ОСТРОВА ГОГЛАНД

Получив известия, что королевский флот вошел в воды Финского залива, адмирал С.К. Грейг во главе корабельной эскадры Балтийского флота вышел ему навстречу. Русская эскадра состояла из 17 линейных кораблей, 8 фрегатов и 7 других малых судов. Авангардом командовал контр-адмирал Т.Г. Козлятинов.

Шведская эскадра была обнаружена 6 июля 1788 года западнее острова Гогланд. Она несколько превосходила русскую по силам, состоя из 16 линейных кораблей, 12 фрегатов и 6 малых кораблей. Адмирал Грейг отдал команду идти на сближение с неприятелем. Стороны произвели маневрирование, выстраиваясь в боевую линию для предстоящего морского сражения.

В 17 часов русский авангард сблизился со шведами и завязал с ними артиллерийский бой. Вскоре в сражение вступили и главные силы сторон. Фактически в Гогландском морском сражении приняли участие со стороны русских 17 линейных кораблей (их фрегаты и другие суда находились за боевой линией), со стороны шведов — 16 линейных кораблей и 7 больших фрегатов. Эскадры сражались в соответствии с правилами линейной тактики, которая к тому вре-

мени морально устарела, и на Черном море ее успешно ниспроверг прославленный флотоводец Федор Федорович Ушаков.

Грейг и Козлятинов атаковали вражеский авангард. Флагманский линейный корабль русского командующего «Ростислав» подошел на картечный выстрел к шведскому флагману «Густав III», на котором находился герцог Карл Зюдерманландский. Через полтора часа огневого поединка флагман шведов оказался настолько избит прямыми попаданиями с «Ростислава», что его пришлось на буксире выводить из окружения.

После этого Грейг обрушил огонь «Ростислава» на неприятельский вице-адмиральский корабль «Принц Густав». Тот скоро не выдержал шквала артиллерийского огня и спустил королевский флаг. В плен попали вице-адмирал граф Вахтмейстер и 539 человек команды линейного корабля.

Но и русские потеряли один линейный корабль — «Владислав». В ходе сражения он попал в гущу шведского флота и не был поддержан другими русскими кораблями. Хотя адмирал Грейг и подавал соответствующие сигналы со своего флагмана, «Владислав» попал во вражеский плен.

С наступлением вечерних сумерек шведы, не выдержав жестокого огня русского флота и боясь новых потерь, поспешно ушли в крепость Свеаборг под защиту ее береговых батарей. Вместе с собой неприятель уводил плененный русский линейный корабль «Владислав».

В Гогландском морском сражении, которое продолжалось в течение шести часов, противники сражались с завидным упорством. Они применяли зажигательные и разрывные снаряды, стрельба которыми с близкого расстояния привела к большим потерям в людях. Гогландское морское сражение, по признанию отечественных морских историков, стало самым кровопролитным за всю историю парусного флота России.

Потери на кораблях русской эскадры составили 326 человек убитыми и 782 — ранеными. Эти сведения, представленные адмиралом С.К. Грейгом, по-видимому, преуменьшены. В архивных делах Адмиралтейств-коллегии указаны более тяжелые потери: убитых — 580 человек, раненых — 720 человек.

Точных данных о людских потерях шведского флота не имеется. Но уже сам факт, что на плененном линейном корабле «Принц Густав» было убито 150 членов его команды, не считая раненых, свидетельствует о жестокости морского сражения в Финском заливе.

Командующий Балтийской эскадрой адмирал С.К. Грейг не был удовлетворен результатами Гогландского морского сражения. Огорченный пленением линейного корабля «Владислав» (случай крайне редкий в истории военно-морского флота Российской империи), он велел отдать под суд командиров кораблей, бывших недалеко от терпящего бедствие судна и не оказавших ему в баталии на море необходимой помощи.

Военный морской суд оказался строг на наказание. Командиры линейных кораблей, которые в сражении не подали помощи «Владиславу» — Коковцев, Вальронд и Баранов, — были разжалованы из старших офицеров в рядовые матросы. Командующий арьергардом русской эскадры контр-адмирал В.П. Фондезин был отстранен от дальнейшего командования над корабельными отрядами и переведен в береговую службу. На строгости такого наказания настаивал сам Грейг.

Морское сражение завершилось в 22 часа вечера. Русская эскадра поспешила к Свеаборгу — морской крепости на подступах к столице Финляндии городу Гельсингфорсу (ныне Хельсинки) и заблокировала королевский флот в Свеаборгской гавани. Там шведы вскоре потеряли еще один корабль.

Гогландское морское сражение стало крупным боевым успехом русского флота. Победа в нем разрушила шведский план молниеносной войны против России. Откровенно напуганный активными действиями Балтийского флота противника, король Густав III приостановил продвижение в Финляндию своей 50-тысячной армии, которая лишилась поддержки флотских сил со стороны Финского залива.

Победа в морском сражении в самом начале войны имела стратегическое значение. Шведской армии, наступавшей в направлении на Санкт-Петербург, противостояло всего 10 тысяч русских войск. Будь король Густав III посмелее в реализации собственного плана на захват российской столицы, дело могло бы принять иной оборот.

Военный совет при Императрице Екатерине Великой, оценивая итоги морского сражения в Финском заливе у острова Гогланд, не посчитал его убедительной победой русского Балтийского флота. Члены совета исходили из расчета боевых потерь и захваченных трофеев. А они у противоборствующих флотов оказались равными: сражение закончилось пленением одного шведского и одного русского линейных кораблей. Это означало, что

флотоводец Грейг на море воевал плохо, поскольку не смог разбить вражескую эскадру, а только смог обратить ее в отступление под защиту крепостных батарей Свеаборга.

Императрица Екатерина II не согласилась с мнением совета. Она направила адмиралу С.К. Грейгу благодарственное письмо и пожаловала ему высшую награду Российской империи — орден Святого апостола Андрея Первозванного. Однако флотоводец отказался его надеть на адмиральский мундир до тех пор, пока не будет полностью уничтожен неприятельский флот.

Только после этого Адмиралтейств-коллегия прислала Самуилу Карловичу «похвальный лист». Она наконец-то отдала долг заслугам боевого адмирала.

Блокада флота Швеции в Свеаборгской гавани затягивалась. Равно как затягивалось и наступление королевской армии из Финляндии на Санкт-Петербург. Русская эскадра вела себя под Свеаборгом активно, благодаря чему был уничтожен еще один неприятельский линейный корабль — «Густав-Адольф». Он был взят с боя и сожжен.

Адмирал Грейг считал, что можно провести штурм крепости Свеаборг и уничтожить стоявший в его гавани вражеский флот. Однако военный совет, рассмотрев предложенный адмиралом план атаки шведской крепости, отклонил его. Тогда флотоводец вновь представил совету свой план, выразив при этом желание лично претворить его в победное дело. На сей раз столичное высшее военное командование согласилось, но поздно.

В октябре 1788 года адмирал тяжело заболел, простудившись на корабле от постоянных бурных осенних невзгод. Болезнь прогрессировала. По приказанию Императрицы флагманский корабль Грейга «Ростислав» был переведен от Свеаборга в Ревель «для лучшего спокойствия больного». В Ревель был послан личный врач государыни Дж. Рочерсон. Но ничего помочь уже не могло.

15 октября 1788 года адмирал Самуил Карлович Грейг умер на борту флагманского линейного корабля «Ростислав», стоявшего в Ревельской гавани. Получив известие о его кончине, Императрица Екатерина Великая произнесла:

— Великая потеря, государственная потеря...

Смерть командующего Балтийским флотом, отличавшегося решительностью в действиях и замыслах, резко изменила ход войны на море. Блокада Свеаборгской крепости ослабла, и 10 ноября королевский флот успешно прорвался из Финского залива в Швецию, в свою базу Карлскруну. Высланный из Кронштадта для блокады шведского побережья отряд кораблей не выдержал жестоких осенних штормов и укрылся в Копенгагене.

СВЕТЛАЯ ПАМЯТЬ О ФЛОТОВОДЦЕ

Адмирал С.К. Грейг был торжественно похоронен в Домской церкви на Вышгороде Ревеля. На его похороны императрица Екатерина II лично повелела выдать 8,5 тысяч рублей. По ее распоряжению над могилой флотоводца был воздвигнут строгий памятник из привезенного с земли далекой Италии белого каррарского мрамора. Авторами памятника стали прославленные Дж. Кваренги и И.П. Мартос. Надпись к надгробию сочинила сама Государыня, любившая создавать торжественные тексты к памятникам своих сподвижников.

В 1790 году по распоряжению Императрицы была выбита бронзовая медаль, предназначенная для массового выпуска. На ее лицевой стороне отчеканен портрет адмирала С.К. Грейга, а на оборотной изображены символически все его военные и технические заслуги и Слава, возлагающая цепь ордена Святого апостола Андрея Первозванного к гербу Грейгов.

История сохранила для потомков несколько портретов Самуила Карловича Грейга. Самый известный из них принадлежит кисти художника Левицкого. С портретов на нас смотрит худощавый мужчина в адмиральском мундире с орденами и лентами. Они являются непременными атрибутами всех портретов флотоводца. Такое не случайно — Грейг был награжден всеми российскими орденами своего времени.

Лицо продолговатое, подбородок массивный, нос крупный, с горбинкой, губы пухлые, сложного рисунка, с поднятыми вверх уголками, глаза большие, глубоко посаженные, с нависшими верхними веками. Лоб высокий, обрамленный не очень густыми волосами, ниспадающими на уши и завитыми на концах буклями. Взгляд, направленный на собеседника, ясный, несколько мечтательный, но со скрытой решительностью и целеустремленностью. Таким адмирал был при жизни.

Современники отзывались о Грейге добрым словом. Они характеризуют его как уравновешенного, спокойного человека, но энер-

гичного и быстрого в решительную минуту, смелого и отважного, однако без показной храбрости. Известны его честность и верность долгу, присяге, Императрице Екатерине II. По сведениям современников, адмирал отличался сдержанностью и скромностью. Он не был карьеристом, не выпячивал своих заслуг, не требовал себе наград, как это водилось за некоторыми знаменитыми людьми екатерининской эпохи.

Английский историк А.Г. Гросс вполне справедливо пишет о своем знаменитом соотечественнике следующее: «Грейг утверждал себя не столько как храбрый и способный человек, но и как верный, умеющий молчать».

Не будучи ни британским, ни русским аристократом, Грейг не вступал с ними в придворное соревнование за награды и почести. Даже российское дворянство он добыл себе в Чесменском морском сражении. Тогда же адмирал добыл себе и флотоводческую награду — орден Святого Георгия 2-й степени. Формулировка Высочайшего указа о награждении мало была похожа на те, которые относились к царедворцам.

Она гласила: «...За отличную храбрость и мужество, оказанные им во время одержанной на берегах Ассийских над турецким флотом победы и подобаемые им к истреблению онаго способы».

Служивший в последние годы под началом С.К. Грейга английский моряк Тревенин дал образное описание его адмиральской внешности. Это описание как бы дополняет парадный портрет Левицкого теми чертами человеческого характера, которые трудно передаются кистью живописца. Тревенин писал:

«Его фигура была несколько крупной и чрезмерно неуклюжей. Ноги были очень длинными, грудь и живот слегка впалыми, плечи покатыми, а голова наклонена вперед. В его зимней одежде в Кронштадте никто не мог выглядеть более похожим на старую шотландскую женщину, хорошо укутавшуюся в холодную погоду. Его одежда, когда он был не в форме, была простой. Он отличался почти показной любовью к простоте, хотя я полагаю... в этом не было ни малейшего притворства. Черты его лица были крупные и заметные, но что касается характера, то в нем не было ничего броского, но много серьезности, мысли и глубины. Когда он не говорил, то выглядел унылым, почти скучным, подчеркнуто замкнутым, но выражение его лица очень оживлялось в беседе».

Грейг действительно вел довольно замкнутый образ жизни, имел немного друзей, с которыми мог быть откровенен. Интересным собеседником его видели только в частных компаниях. На официальном уровне он вел себя предельно сдержанно, предпочитая больше слушать, чем говорить. Его замечания при обсуждении какого-нибудь служебного вопроса отличались благоразумием и практичностью. Адмирал был хорошим исполнителем воли Государыни и людей, приближенных к ней. Эти качества Императрица Екатерина II всегда ценила среди приближенных к ней людей.

Один из русских моряков, служивший на Балтийском флоте под флагом адмирала С.К. Грейга, дал ему несколько иную, чем англичанин Тревенин, характеристику:

«Команды не питали к нему особой любви, так как он, плохо зная русский язык, не имел возможности затрагивать жизненные стороны той среды, с которой он не был знаком, хотя и уважал прирожденные русскому человеку удаль и сметливость. Но этого важного по осанке, высокого, седого старика со светлым взором и приветливою улыбкою, в свою очередь, все уважали; знали, что он сжег турецкий флот в Чесменской бухте; знали, что его советы слушал Орлов, видели, с кою заботливостью он неутомимо обучал команды действовать орудиями и, словно на исповеди, держал по часам капитанов кораблей, внушая им правила одоления врагов. Его подчиненные знали, что адмирал мало говорит, но много делает, и были уверены, что где адмирал Грейг, там и победа».

В этой характеристике обращает на себя внимание то, что Грейга в последние годы жизни на флоте почитали как старика, хотя флотоводцу, ушедшему из жизни, исполнилось всего пятьдесят три года и он мог бы еще немало потрудиться во славу Российского государства и Императрицы Екатерины Великой, которая, по сути дела, возродила петровский военный флот.

Самуил Карлович оставил после себя небольшое литературное наследие в виде мемуаров. Они повествуют с удивительной объективностью, в строгом, но изящном стиле о самых знаменательных событиях в жизни шотландца на русской службе — 1-й Архипелагской экспедиции, Хиосском, Чесменском и Гогландском морских сражениях, других событиях в жизни российского флота.

Грейговские мемуары составляют бесценный источник для истории Российской империи екатерининской эпохи. «Собственноручный журнал капитан-командора С.К. Грейга («В Чесменском походе»)» был опубликован в 1849 году. «Журнал о подвигах русского флота против шведов» увидел свет в 1823 году. Их публи-

кация вызвала большой интерес у читателей и флотской общественности.

В старой и новой России утвердилась прекрасная традиция называть в память о прославленных флотоводцах и моряках боевые корабли. В память о больших военных и государственных заслугах адмирала Самуила Карловича Грейга броненосному трехбашенному фрегату, построенному в 1868 году, было дано название «Адмирал Грейг».

После того как броненосный фрегат прослужил отведенные ему годы, его славное имя впоследствии перешло к новому крейсеру, заложенному в 1913 году. Однако Первая мировая война помешала новому кораблю вовремя войти во флотский строй. Крейсер достраивался уже в советское время как крупнотоннажный танкер, получивший название «Азнефть». Отдавая дань уважения С.К. Грейгу, русские мореплаватели увековечили его имя на морских картах.

Флотоводец Самуил Карлович Грейг оставил после себя славную династию российских моряков и ученых. Все его сыновья испытали на себе участливое внимание Императрицы Екатерины Великой. Равно как и его жена Сарра Грейг, пережившая мужа лишь на несколько лет, уйдя из жизни в 1793 году. Сохранился портрет и словесное описание этой шотландской женщины, ставшей супругу-адмиралу верной спутницей жизни:

«Небольшого роста, тонкая и стройная, Сарра Грейг отличалась замечательной скромностью, тихим характером и, несмотря на высокое положение мужа и расположение к нему Императрицы Екатерины II, всегда держалась вдали от света, который не любила и где показывалась лишь по необходимости. Принадлежала к англиканскому вероисповеданию, особенно строгому в Шотландии; очень набожная и верующая женщина, она вся ушла в семейную жизнь и после смерти мужа... посвятила себя исключительно воспитанию детей».

Детей у адмирала С.К. Грейга было пятеро. Все они были зачислены по Высочайшему указу в русский флот и по желанию отца плавали волонтерами на английских кораблях с десяти—двенадцати лет, набираясь жизненного и профессионального опыта. Из них наиболее известен старший сын Алексей Самуилович Грейг, ставший адмиралом, одним из выдающихся российских флотоводцев конца XVIII—середины XIX столетия, командующим Черноморским флотом, членом Государственного совета Российской империи.

ГРЕЙГ-МЛАДШИЙ. ПО СТОПАМ ОТЦА

Шотландец по отцу и матери, А.С. Грейг во многом повторил биографию своего прославленного родителя. Его флотская карьера тоже начиналась с азов — десятилетний мичман по настоянию Грейга-старшего был отправлен в Англию «для постижения морской практики». В декабре того же года его производят в лейтенанты. В связи со смертью отца Алексей возвращается на родину и некоторое время плавает на линейном корабле «Мстислав» Балтийского флота. За отличие в службе награждается чином капитан-лейтенанта.

Однако пребывание в России совсем юного флотского офицера продолжалось недолго. Выполняя завещание отца, его вновь направляют на целых семь лет в Англию, обладавшую самым первоклассным флотом в мире. Там с 1789-го по 1796 год Грейг-младший «по полной программе» проходит нелегкую флотскую службу на военных кораблях всех классов.

Из Великобритании А.С. Грейг, кроме «офицерского морского патента», привез прекрасные рекомендации многих тогда знаменитых командиров английского флота, за что в декабре 1796 года уже новый Император — Павел I пожаловал Грейга-младшего в капитаны 2-го ранга.

Во время войны с Францией 1798—1800 годов он командовал линейным кораблем «Ретвизан» и крейсировал с союзной эскадрой в Немецком море у острова Тексель. В 1799 году за участие в высадке десанта на голландский берег и взятие крепости Гельдерн получил свою первую боевую награду — орден Святой Анны 2-й степени и звание капитана 1-го ранга.

С 1801-го по 1803 год Грейг-младший был привлечен Императором Александром I к работе пресловутого Комитета по исправлению флота. Но, не согласясь с выводами правительственного комитета, капитан 1-го ранга Алексей Самуилович Грейг отказался подписать выработанные предложения, считая, что они приведут к ухудшению дел на военно-морском флоте России.

В 1804 году Грейг добивается назначения на действующий флот и, возглавив отряд из четырех кораблей, отправляется из Кронштадта в Средиземноморье. Там впоследствии в звании контр-адмирала он становится младшим флагманом у вице-адмирала Д.Н. Сенявина и участвует практически во всех боевых операциях русской эскадры. В его послужном списке значится: овладение островом Те-

недос, морские сражения в Дарданелльском проливе, у Афонской горы и в заливе Монте-Санто. За бранные успехи в сенявинской Средиземноморской кампании А.С. Грейг в 1807 году удостоился ордена Святой Анны 1-й степени.

Однако в связи с началом войны с Британией Грейга-младшего, как «англичанина по рождению», отстранили от флотской службы и отправили в Москву. Там контр-адмирал Грейг-младший прожил до 1812 года, до начала Отечественной войны против наполеоновской Франции. За время отлучения от родного ему русского флота Алексей Самуилович постиг многое в различных науках и искусствах, заметно «расширив» свою образованность.

С вторжением Великой армии императора французов Наполеона в Россию контр-адмирал А.С. Грейг командируется с дипломатическими поручениями в Стамбул (Константинополь), на Мальту и Сицилию для привлечения южных государств к войне с Бонапартом. Вернувшись в Россию в 1813 году, опытный моряк возглавил флотилию гребных и парусных судов, участвовал в осаде крепости Данциг. За личную храбрость, проявленную в войне с французами, «высочайше» был отмечен званием вице-адмирала и награжден орденом Святого Владимира 2-й степени.

После окончания антинаполеоновских войн Грейга-младшего с Балтики направляют на Юг России. 2 марта 1816 года он назначается на должности главного командира Черноморского флота и портов и военного губернатора Николаева и Севастополя. В этих должностях он пробыл до 1833 года. На Черноморском флоте Алексей Самуилович обратил особое внимание на совершенствование конструкций кораблей, участвовал в строительстве здесь первых паровых судов. Он организовал в портовом Николаеве офицерские курсы. Ежегодно выходил в учебные плавания с Севастопольской эскадрой.

Время пребывания на Черноморском флоте связано в биографии Грейга-младшего с периодом становления его как крупного ученого-организатора. Командующий южным флотом России построил в городе Николаеве морскую астрономическую обсерваторию. За это он в 1822 году был избран почетным членом Санкт-Петербургской академии наук.

В 1825 году вице-адмирал А.С. Грейг назначается членом нового Комитета образования флота, в работе которого принимает самое деятельное участие. Но работа в государственном комитете

не отрывала его от Черноморского флота. Войну с Турцией 1828—1829 годов он встретил на ходовом мостике флагманского линейного корабля «Париж». Ему, как и отцу — Грейгу-старшему, суждено было стать в военной летописи Российской империи прославленным флотоводцем.

Главный командир Черноморского флота руководил осадой и взятием на Черноморском побережье Кавказа турецкой крепости Анапы. Затем последовало участие в овладении мощной приморской крепостью Варной на болгарском берегу. К этим двум викториям добавились победы над турками под Мессемврией, Ахиолло, Инадой, Мидией, Сан-Стефано, Бургасом, Сазополем. Черноморские корабли осуществляли успешное крейсерство у Босфора, анатолийских и абхазских берегов.

За умелое командование Черноморским флотом в русско-турецкой войне Алексей Самуилович Грейг производится в полные адмиралы, награждается орденами Святого Владимира 1-й степени, Святого Георгия 2-й степени, а также вензелем Императора Николая I на эполеты, арендой и единовременной денежной наградой в 59 тысяч рублей.

К тому времени флотоводец А.С. Грейг уже был георгиевским кавалером. При вступлении на престол Император Александр I наградил его орденом Святого Георгия 4-й степени за взятие Гельдерской крепости и судов голландского флота. Георгия 2-й степени он удостоился 29 сентября 1828 года «...за осаду и покорение крепости Варна».

С 1830 года, передав Черноморский флот своему ученику — будущему прославленному русскому флотоводцу М.П. Лазареву, адмирал покидает флотскую службу, поскольку его неутомимые труды в морях заметно подорвали здоровье. Он целиком отдается деятельности в Государственном совете. Грейг-младший стал основателем Пулковской обсерватории, стоя во главе строительного комитета. Он возглавил Вольное экономическое общество и Комиссию по вопросам судостроения. В 1843 году А.С. Грейг получил высшую награду старой России — орден Святого апостола Андрея Первозванного.

Умер шотландец адмирал Алексей Самуилович Грейг на семидесятом году жизни. Он был погребен на Смоленском кладбище в Санкт-Петербурге, где была похоронена и его мать.

В 1883 году Грейгу-младшему воздвигли памятник в портовом городе Николаеве, где когда-то им была построена и создана пре-

красная морская библиотека. Монумент стал украшением приморского города.

Но лучшим памятником для него стал изданный в 1860 году по приказанию генерал-адмирала Великого Князя Константина Николаевича «Сборник приказов и распоряжений адмиралов». Их значительная часть принадлежит адмиралу А.С. Грейгу. Эти приказы рисуют Алексея Самуиловича как военного начальника с поразительной высотой духа, адмирала с одинаково богатыми познаниями в области морской практики и теории, искреннего патриота России и высоконравственного человека.

В российском роду шотландцев Грейгов известен еще один человек — внук екатерининского адмирала С.К. Грейга — генерал русской армии С.А. Грейг. Он участвовал в Восточной (Крымской) войне 1853—1856 годов, за которую получил звание генерал-адъютанта. Довелось ему быть министром финансов Российской империи и участвовать в экономических преобразованиях государства.

Генерал-адъютант С.А. Грейг, как его дед и отец, был академиком Санкт-Петербургской академии наук, являясь ее почетным членом. После его смерти Российская академия наук много лет присуждала «премии имени С.А. Грейга» за лучшие научные работы в области отечественной экономики и финансов...

Последний русский Царь Петр I Алексеевич и первый всероссийский Император Петр Великий создал русский флот. Он стремился сделать его могучим и непобедимым, способным вместе с отечественной техникой и промышленностью, русским народом и его умельцами, моряками и воинами придать России, как кораблю, «державный бег». По этому поводу отечественный историк Е.В. Тарле писал:

«...Спиридовы, Грейги, Ушаковы, Сенявины этот «державный бег» не остановили, и каждое новое поколение с тех пор увеличивает славу русского народа вообще и славу русских моряков в частности».

Прославленный полководец Российского государства Самуил Карлович Грейг был золотым звеном в этой длинной цепи поколений отечественных моряков, в чем и состоит его подлинная значимость в истории нашего Отечества.

УСТРОИТЕЛЬ ГОРОДА ОДЕССЫ

Адмирал Иосиф Михайлович Дерибас

ВОЛОНТЕР ИЗ НЕАПОЛИТАНСКОГО КОРОЛЕВСТВА

Будущий русский адмирал, прославившийся в отечественной истории участием в суворовском штурме Измаильской крепости и строительством города Одессы, родился 6 июня 1749 года в итальянском городе Неаполе. Его отец, принадлежавший к старинному дворянскому роду, переселился туда из Испании. Мать по национальности была ирландкой.

Военную службу испанский дворянин начал с 1765 года у себя на родине, в Неаполитанском королевстве. Иосиф де Рибас получил неплохое домашнее образование и чисто дворянское воспитание, поэтому мог рассчитывать на удачу в своей судьбе. Требовался только случай, который дал бы ему путь к жизненному успеху.

Такой случай ему представился на четвертом году военной службы королю Неаполя. Молодому де Рибасу было всего двадцать лет, когда он в 1769 году, на обратном пути из Ирландии, родины своей матери, случайно встретился с российским вельможей — графом А.Г. Орловым, фаворитом Императрицы Екатерины II. Умный и воспитанный испанский дворянин очень понравился Алексею Орлову, и тот пригласил его на русскую военную службу.

В незнакомую страну Россию военнослужащий Неаполитанского королевства отправился не сразу, а только в 1772 году. Ставший в России Иосифом или Осипом Михайловичем Дерибасом испанец поступает на строившийся Черноморский флот волонтером — добровольцем. Ему довелось принять участие в русско-ту-

рецкой войне 1769—1774 годов, показать и личную храбрость, и умение исполнять должности младшего офицера флота, который еще только-только становился «на ноги», и что было немаловажно, умение привлекать к себе внимание начальства, от которого зависела его военная карьера.

После окончания «первой екатерининской турецкой войны» испанский дворянин неожиданно для сослуживцев покидает Черноморье и оказывается, не без протекции Алексея Орлова, в Санкт-Петербурге. В послужной список будущего полного адмирала входит пятилетняя служба в столичном Сухопутном шляхетском корпусе — с 1774-го по 1779 год.

В российской столице Дерибасу удалось обратить на себя внимание будущего генерал-фельдмаршала светлейшего князя Григория Александровича Потемкина, губернатора Малороссии и президента Военной коллегии Российской империи. Как показала вся последующая судьба выходца из Неаполитанского королевства, это было его решающим жизненным успехом.

На протяжении всей своей жизни в России И.М. Дерибас пользовался неизменной благосклонностью этого всесильного человека, доверенного лица Императрицы Екатерины Великой не только на Юге страны, но и в столице. Потемкин-Таврический сумел распознать в испанском дворянине неординарную личность, способную на многое в предстоящей новой войне с Турцией и обладавшую несомненным организаторским талантом.

Оставив службу в Сухопутном шляхетском корпусе, полковник Дерибас следует по приглашению малороссийского губернатора и главнокомандующего всеми вооруженными силами Российской империи на Юге в его владения. Потемкин рад был видеть столичного полковника в собственном подчинении и быстро подобрал ему подобающую командную должность.

В это время по инициативе Потемкина для предстоящей новой войны с Оттоманской Портой создаются два новых вида войск в составе русской полевой армии. Это были легкая егерская пехота и в составе регулярной армейской кавалерии легкоконные полки. Одним из них и предстояло командовать Иосифу Михайловичу Дерибасу, уже имевшему боевой опыт в войне против османов.

23 мая 1780 года Г.А. Потемкин-Таврический подписал ордер о новом назначении командира Мариупольского легкоконного полка генерал-майора М.И. Голенищева-Кутузова. Он становился командиром Бугского егерского корпуса, а начальство над своим полком передавал новому командиру полковнику Дерибасу.

В это время Мариупольский легкоконный полк находился в полевом лагере под Павлоградом. Кавалеристы ожидали нового командира с некоторым тревожным любопытством — испанец прослыл в войсках за самое малое время человеком опытным на войне и одновременно большим хитрецом. Последняя черта Дерибаса «сохранилась» за ним до последних дней жизни и дала ему немало недоброжелателей среди людей военных и в столичном обществе. Как известно, люди хитрые почетом среди окружающих не пользуются.

Под Павлоградом состоялось близкое личное знакомство будущего великого русского полководца и заслуженного адмирала Российской империи. Их жизненные пути еще не раз пересекутся, но взаимное уважение друг к другу они сохранят. Хотя известно, что и тот и другой, особенно Дерибас, порой будут отзываться о товарище по совместной службе на Юге не самым лестным образом.

Генерал-майор Голенищев-Кутузов сдал полковнику Дерибасу Мариупольский легкоконный полк в безупречном состоянии. Примечательно, что при самой тщательной процедуре приема «недостатков и начетов в полку не оказалось, военнослужащие чины денежным жалованьем и всем необходимым имуществом обеспечены, неудовольствия своего никто не высказал, а при распросе каждый объявил, что всем доволен».

Дерибасу не пришлось заниматься «сколачиванием» кавалерийского полка, обучением его людей, их обустройством в месте расквартирования. Поэтому, когда встал вопрос о формировании отдельного армейского корпуса для занятия Крымского полуострова, Мариупольский легкоконный полк был готов к действию. В послужном списке Иосифа Михайловича Дерибаса появилась запись, что он участвовал в 1783—1784 годах в занятии Крыма.

НАЧАЛЬНИК ГРЕБНОЙ ЧЕРНОМОРСКОЙ ФЛОТИЛИИ

С началом русско-турецкой войны 1787—1791 годов Дерибас находится в действующей армии. Главнокомандующий светлейший князь Г.А. Потемкин-Таврический по-своему распоря-

дился воинской судьбой испанского дворянина, которому пожаловал чин генерал-майора. Он назначил его командиром одного из отрядов гребной флотилии, которой в ходе войны предстояло действовать вдоль морского побережья, оказывая помощь сухопутным войскам.

Гребная флотилия состояла из многих десятков различных судов, большей частью вооруженных малокалиберными пушками. Экипажи состояли из солдат и черноморских казаков. Последние были недавними запорожцами, присягнувшими на верность всероссийской Императрице Екатерине II и ставшими частью русской действующей армии.

Другая часть запорожских казаков, не желавших подчиниться России, ушла на реку Дунай, где в ее устье создали Новую Сечь и стали подданными султана. Но при этом они не отказались от православного вероисповедания. Когда русская армия выйдет к дунайским берегам, большинство «неверных» казаков с оружием в руках перейдут на ее сторону.

Дерибас, оказавшись во главе так называемой «лиманной» гребной флотилии, сразу же стал действовать напористо, энергично, ища морские силы турок для бескомпромиссного боя. Он принимает участие в ряде морских баталий с султанским флотом в Днепровско-Бугском лимане. За боевые дела он получает признательность генерал-аншефа Александра Васильевича Суворова, чья полководческая звезда уже получила признание.

Одним из самых громких дел Дерибаса стало занятие в ноябре 1788 года острова Березань. На нем, расположенном неподалеку от осажденной русской армией Очаковской крепости, турки возвели полевые укрепления с пушечной батареей, устроили склады, в которых находились воинские припасы, доставляемые морем с берегов Босфора.

Опасность Березани для потемкинской армии состояла еще и в том, что она как бы нависала с северо-запада над Крымом. Полуостров уже занимали русские войска, а само Крымское ханство существовало чисто номинально, готовое со дня на день прекратить свое существование в истории и исчезнуть с географической карты.

Выполняя приказание генерал-фельдмаршала Г.А. Потемкина, генерал Дерибас во главе отряда «верных» черноморских казаков на гребных судах подошел к острову и под вражеским огнем высадил на его берег казачий десант. Турецкий гарнизон березаньс-

ких укреплений в жарком бою был частью истреблен, частью сумел бежать. Теперь осажденные в Очаковской крепости турки уже не могли получить отсюда никакой помощи. Когда султанский флот подошел к острову, то он нашел на нем взорванные укрепления и «разоренные» склады.

Когда главнокомандующий решил создать гребную Черноморскую флотилию, он поручает это дело Иосифу Дерибасу. Выбор пал на испанца, знакомого с действиями прибрежного парусно-гребного флота Неаполитанского королевства, не случайно. Дерибас в глазах светлейшего князя Потемкина уже сумел продемонстрировать высокое искусство командовать отрядами гребных судов и во главе их побеждать в бою на воде, сам не неся больших потерь.

В декабре 1788 года генерал-майор Дерибас принял участие в штурме крепости Очаков. Экипажи русских гребных судов подошли к самому берегу и сосредоточенным огнем своих орудий поддержали фланговые штурмовые колонны, атаковавшие городские укрепления со стороны прибрежной полосы. Главнокомандующий Г.А. Потемкин самым добрым словом отозвался о бесстрашных действиях испанца и его подчиненных в ходе непродолжительного, но кровопролитного приступа вражеской крепости.

ХАДЖИБЕЙ — БУДУЩАЯ ОДЕССА

После падения Очакова Черноморская гребная флотилия двинулась вдоль берега моря на запад. Ей предстояло взаимодействовать с армейским корпусом генерала И.В. Гудовича, который наступал по степным дорогам вдоль побережья Черного моря к днестровскому устью. Но экипажи гребных судов, идя вперед на веслах и, если позволял попутный ветер, под парусами, часто опережали армейцев. Часто десантным солдатам и черноморским казакам приходилось завязывать бой на берегу самостоятельно.

Так случилось и при взятии штурмом 14 сентября 1789 года турецкого прибрежного укрепления Хаджибей (Гаджибей), места, где в скором времени будет основан портовый город Одесса. Отряду десантников Дерибаса в помощь был отряжен Донской казачий полк, поскольку Хаджибейский замок относился к числу сильных укреплений. Командовавший его гарнизоном Ахмет-паша

слыл среди султанского генералитета военачальником опытным и упорным.

Генерал-майор И.М. Дерибас выбрал удачное время для штурма Хаджибея. По вечерам в его бухте, как обычно, не стояли турецкие военные корабли. Неприятельский гарнизон мог рассчитывать только на собственные силы. Дерибас заблаговременно высадил своих десантников вдали от замка, соединился с донскими казаками и хорошо укрылся до вечера в Кривой балке, оставшись незамеченным для вражеских конных дозоров и часовых на стенах султанской крепости.

13 сентября в семь часов вечера, на закате солнца, русский отряд выступил из Кривой балки и в половине четвертого ночи, перед самым рассветом, приблизился к Хаджибейскому замку. Только тогда турецкие часовые заметили противника и подняли тревогу. Охотники, вызвавшиеся первыми идти на приступ — донские казачьи офицеры есаул Кумшатский, сотники Ланин и Семякин и с ними еще несколько казаков и саперов, находясь под неприятельским ружейным огнем, приставили к одной из стен замка штурмовые лестницы и стали взбираться по ним внутрь крепости.

Застигнутый врасплох турецкий гарнизон не сумел сбросить штурмующих со стены. В четверть часа была занята левая сторона крепости, а вскоре атакующие овладели ее воротами и отворили их. По всему небольшому по площади замку началась отчаянная рукопашная свалка. К этому времени к Хаджибею подоспели пехотинцы генерала Гудовича. Они штыками выбили турок из замковой башни и окружили его со всех сторон, отрезая для его защитников все пути к бегству.

Турки дрались с отчаянностью обреченных, ни шагу не уступая нападавшим без боя. Взятию замка во многом способствовала 16-орудийная батарея русских, которая в ходе приступа дважды меняла свою огневую позицию. Всего за время штурма османы потеряли убитыми более 200 человек. Ахмет-паша, 12 офицеров и 66 султанских солдат-аскеров были взяты в плен. Потери атакующих оказались несравненно малы.

14 сентября в девять часов утра над Хаджибейским замком уже развевался русский флаг. Турецкое местечко стало военным лагерем. А с 29 декабря 1791 года Хаджибей по Ясскому мирному договору перешел окончательно под власть России.

Победный штурм небольшой турецкой крепостицы на берегу Черного моря главнокомандующий действующей армией генерал-

фельдмаршал Г.А. Потемкин-Таврический оценил высоко. 3 октября 1789 года генерал-майор Иосиф Михайлович Дерибас награждается орденом Святого Георгия сразу 3-й степени, минуя 4-ю, за штурм Хаджибея. Теперь он подписывался «генералом и кавалером Дерибасом».

После овладения Хаджибеем десантники Дерибаса участвовали во взятии еще одной турецкой крепости — Аккерман. Георгиевский кавалер командовал ее штурмом, вновь получив «благоволение» светлейшего князя, президента Военной коллегии Российской империи. После дела под Аккерманом гребная Черноморская флотилия двинулась дальше вдоль берега моря, нацеливаясь на дунайское устье, которое стерегло несколько неприятельских крепостей.

В конце 1790 года дерибасовская флотилия, войдя в Дунай по Килийскому и Сулинскому гирлам, начала боевые действия против султанской Дунайской военной флотилии. К тому времени генерал-майор И.М. Дерибас имел под своим командованием различные речные корабли с артиллерийским вооружением, отряд речных транспортов с десантниками и 48 мореходных лодок черноморских казаков.

Прежде чем ворваться в Сулинское гирло, флотилии пришлось уничтожить несколько турецких береговых батарей из 13 орудий. Во всех схватках на дунайских водах османы терпели только поражения. На великой европейской реке Дерибас действовал решительно и дерзко, взяв штурмом с воды и суши вражеские крепости Тульча и Исакча, прикрывавшие со стороны устья Дуная «орду-калеси» (армейскую крепость) Измаил.

Турецкие гарнизоны Тульчи и Исакчи сражались отчаянно, но, лишенные поддержки своей Дунайской флотилии, вынуждены были сдать нападавшим крепости, понеся немалые потери в людях. Остатки гарнизонов или разбежались, или ушли в Измаильскую крепость, готовые вести «священную войну» до конца. Русским удалось пленить немало различных османских речных судов, команды которых, как правило, не принимали боя.

20 октября 1790 года генерал-майор Иосиф Михайлович Дерибас удостоился второй Георгиевской награды, на сей раз ордена Святого Георгия 2-й степени. По большому счету это был полководческий орден. В наградном листе говорилось:

«Во уважении на усердную службу, многия труды и подвиги, понесенные им в течение минувшей кампании, когда он, коман-

дуя гребною Черноморскою флотилиею при вступлении оной в Дунай, опровергнул неприятельские укрепления, устье его заграждавшия, разбил и пленил все суда флотилии турецкой и овладел замками Тульчею и Исакчею».

После взятия двух неприятельских крепостей гребная Черноморская флотилия занималась переправой войск через Дунай и переброской их по реке. При помощи отряда мелкосидящих в воде судов Черноморского флота под командованием капитана 2-го ранга И.И. Лаврова Дерибас осуществил операцию по перевозке для армейских нужд девяти тысяч бомб и ядер, оказавшихся в захваченной турецкой крепости Исакча.

ИЗМАИЛЬСКАЯ ЗВЕЗДА ДЕРИБАСА

Главным делом в ратной биографии испанского дворянина на русской службе стало участие в беспримерном для мировой истории штурме крепости Измаил, в котором генерал-майор Иосиф Михайлович Дерибас оказался одним из главных действующих лиц.

Измаильскую крепость обложили с суши после взятия Тульчи и Исакчи. Армейскими войсками командовали генерал-аншеф Гудович и генерал-поручик Потемкин, родственник светлейшего князя. Подошла к Измаилу и гребная Черноморская флотилия. Дерибас силами своих десантников захватил расположенный прямо против крепости остров Чатал и установил там несколько батарей из 50 орудий, что позволяло бомбардировать дунайскую твердыню Оттоманской Порты через реку.

В отличие от армейских военачальников командующий гребной флотилией действовал гораздо решительнее. Он сумел провести удачную операцию против остатков вражеской Дунайской флотилии, стоявшей под Измаилом у берега. Турки так и не смогли помешать русским артиллеристам с гребных судов и острова Чатал, когда те огневым шквалом пустили на речное дно почти все речные суда неприятеля у измаильского берега.

Однако осада Измаильской крепости затягивалась. Наступили холодные дни поздней осени в голой степи. Люди жили в землянках, шалашах, трудно было с доставкой провианта, почти совсем не было топлива, для лошадей с трудом находился подножный корм. В осадных войсках начались повальные болезни. Русская артиллерия имела только один комплект боезарядов.

Военный совет осадных войск под Измаильской крепостью принимает решение: осаду снять, полки отвести на зимние квартиры. Но с таким решением никак не мог согласиться главнокомандующий генерал-фельдмаршал Г.А. Потемкин. Он направляет под Измаил непобедимого Суворова, отдавая под его команду все войска, которые участвовали в обложении турецкой крепости, подчинив и гребную Черноморскую флотилию.

Светлейший князь Потемкин-Таврический пишет 28 ноября Дерибасу: «Чрез прибытие господина Генерал-Аншефа и Кавалера Графа Александра Васильевича Суворова Рымникскаго и соединения всех частей под единоначальство уничтожатся все затруднения, и дела воспримут должное течение...»

2 декабря генерал-аншеф А.В. Суворов вступил в командование всеми войсками, стянутыми к Измаилу. Еще следуя к крепости и наткнувшись на отходящие от Измаила полки, он приказал им вернуться на прежние позиции и приступить к изготовлению штурмовых лестниц, плетению туров, вязанию фашин для приступа.

Собрав военный совет осадных войск, полководец Александр Васильевич Суворов-Рымникский заявил на нем военачальникам:

— Мне велено — взять Измаил и дана воля: отступать или не отступать, следовательно, отступать не приказано.

На все высказанные на совете трудности, связанные с дальнейшими действиями под стенами вражеской крепости, генерал-аншеф Суворов возразил:

— Отступать предосудительно, спрашивать повеления нельзя, блокировать бесполезно — что же делать?

— Штурмовать! — высказался первым младший среди всех бригадных командиров, донской казачий атаман Матвей Иванович Платов. Другие участники военного совета поддержали его.

При обсуждении способов штурма турецкой крепости особое мнение высказал командующий гребной Черноморской флотилией генерал-майор И.М. Дерибас. Он предложил главную роль в штурме отвести морской артиллерии и действиям десантных войск с судов его флотилии. То есть при определении способов штурма испанец самонадеянно брал на себя инициативу в их определении.

При обсуждении такого спорного дерибасовского предложения генерал-майор М.И. Голенищев-Кутузов заявил на военном совете командующему Суворову:

— Если вы согласитесь с Дерибасом, вся слава взятия Измаила будет принадлежать ему.

Воздав должное проницательности командира Бугского егерского корпуса, Александр Васильевич Суворов шутя заметил ему при всех:

— Кутузова и Рибас не обманет...

Военный совет осадных войск утвердил суворовский план приступа «орду-калеси» Измаил, сильнейшей на то время крепости Оттоманской империи.

Приняв решение штурмовать Измаил, генерал-аншеф Суворов-Рымникский составил план взятия крепости — твердыни Блистательной Порты на Дунае. Ее предстояло атаковать с суши шестью колоннами и тремя резервными колоннами, высаживаемыми в крепость с судов гребной Черноморской флотилии. Приступ Измаильской крепости назначался на 11 декабря. Суворов только поджидал прибытия своего любимого Фанагорийского полка.

Суворовская диспозиция к штурму гласила относительно действий гребной флотилии, ее артиллерии и десантных войск, подчиненных генерал-майору И.М. Дерибасу, следующее:

«...Когда с крепости на работы производиться будут выстрелы, то для помешательства открыть с острова (Чатал. — *А. Ш.*) с фланговых батарей канонаду по тем бастионам, кои лежат против работы; также и днем, по открытии канонады с крепости, ответствовать канонадою с острова. При вылазке рабочие батальоны строятся позади резервов кареями...

Вторая ночь. — ...по данному сигналу, открыть со всех батарей и из судов канонаду, которая продолжится 6 часов...

В третью ночь. — В 12 часов пополудни, то есть в полночь, откроется паки сильная канонада, во время которой, в 2 часа пополуночи, подвинутся 8 бомбардирских судов на самое близкое разстояние к каменной батареи (бастион Табиа. — *А. Ш.*). На сих судах 8 трехпудовых гаубиц и 8 двухпудовых единорогов будут беспрерывно стрелять горизонтально по одной батарее по палисаду и совокупно с батареею будут инфилировать два полигона и куртину.

Пальба сих судов и сухопутных всех батарей будет продолжаться беспрерывно до самого рассвета утра 6-ти часов ядрами, а пустыми выстрелами до самого рассвета.

Порядок штурма. — За два часа перед рассветом по данному сигналу ракетою войска, расположенныя на лодках и гребных судах, числом 8000, подвинутся в одно время к противному берегу с обоих флангов, то есть, с левого фланга крепости. Запорожские лодки, дубы и паромы подняли на себя десант из 1500 казаков, 3500 регулярного войска. Предмет сей высадки занимает берег, кавалиер и куртину нового укрепления. С правого фланга на паромах, шлюбках, баркасах, частырмях и на маленьких лансонах 3000 регулярного войска, которые, вышед, занимают берег старой крепости...»

Согласно суворовской диспозиции, судам гребной Черноморской флотилии, имевшим на борту орудия крупного и среднего калибра, а также батареям острова Чатал предстояло участвовать в бомбардировке Измаильской крепости днем и ночью. Больше всего артиллерийского огня предназначалось для каменного приречного бастиона Табиа.

Десант с судов предстояло высаживать на береговую полосу Старой и Новой крепостей города. Турки, модернизировавшие Измаил по проектам французских и немецких фортификаторов, так и не успели к началу войны построить мощные укрепления на речном берегу. Но этот берег отличался крутыми скатами к воде, поверху шли батарейные позиции, и, как считают специалисты, внутреннюю часть крепости со стороны Дуная защищал еще и невысокий земляной вал, за которым укрывались многочисленные стрелки.

Командовавший штурмом генерал-аншеф Суворов-Рымникский отдавал под команду генерал-майора И.М. Дерибаса значительные силы, о чем говорилось в диспозиции к атаке Измаила:

«...На флотилии, под командою г-на генерал-майора и кавалера де-Рибаса, имеет быть регулярного войска за изключением нерегулярных, а именно:

Егерских корпусов: один баталион Лифляндского, один баталион Бугского, два баталиона Белорусского, Гренадерские: два баталиона Херсонские, два баталиона приморские Николаевские, один баталион Алексопольский мушкатерский, два баталиона летучие; из них находящиеся ныне в лагере оставленными туда должны быть за сутки пред штурмом.

Сверх того генерал-майор Арсеньев, гвардии Преображенского полку секунд-майор и кавалер Марков, бригадир и кавалер Чепега, полковник и кавалер Головатый с прочими чинами долженствуют быть под начальством г-на генерал-майора и кавалера де-Рибаса...»

Таким образом, под командой Иосифа Михайловича Дерибаса оказались значительные силы в 9 тысяч человек, из которых 8 тысяч десантировались в самом начале штурма на береговую черту города Измаила: 7-я, 8-я и 9-я штурмовые колонны. Им предстояло захватить прибрежные укрепления и батареи и соединиться с другими штурмовыми колоннами, завязав бой внутри самой крепости.

Пожалуй, труднее всего пришлось десантникам колонны генерал-майора Арсеньева, которые высаживались с 20 гребных судов. Их встретили огнем не только с береговой батареи, но и с прибрежного бастиона. Тогда начальник колонны разделил своих бойцов на четыре команды — полковников Зубова, Скарабели, Матусова и графа де Маса и поставил перед каждым частную боевую задачу.

Гребная Черноморская флотилия и десантные войска Дерибаса блестяще справились со своей задачей. Они высадились внутри крепости между семью и восемью часами утра и ни в одном месте не позволили туркам и крымским татарам, составлявшим часть измаильского гарнизона, сбросить себя в дунайские воды.

К одиннадцати часам утра, помимо Бросских и Хотинских ворот, русские взяли и Бендерские ворота, через которые Суворов ввел внутрь крепости резервные войска. После захвата крепостной стены турки лишились огневой поддержки крепостной артиллерии и теперь по всей крепости шел рукопашный бой. В городе возникли десятки пожаров. Тысячи коней, которые находились в Измаиле, сорвавшись с привязи и обезумев от грохота битвы и огня, огромными табунами метались по городским улочкам, сметая все на своем пути, пока не вырвались через раскрытые ворота в поле.

Десантные войска, заняв береговую черту, повели бой за город. На пути продвижения пехотинцев и черноморских казаков Дерибаса оказались два огромных каменных хана — караван-сарая, в которых засело более четырех тысяч турок. После длительного сопротивления они сдались на милость победителей.

В ходе штурма Измаила турки потеряли 26 тысяч убитыми и 9 тысяч пленными, 256 орудий, 42 речных судна — остатки Дунайской военной флотилии, 345 знамен, 7 бунчуков. Русские потеряли 1815 человек убитыми и около 2,5 тысяч ранеными.

Взяв стремительной атакой крепость, которую турки строили в свое время с помощью французских и германских военных инженеров-фортификаторов, полководец А.В. Суворов показал, что невозможное возможно. «Сие исполнить, — убеждал соратников Александр Васильевич, — свойственно лишь храброму и непобедимому российскому воинству».

В письме жене, отправленном сразу же после взятия Измаильской крепости, один из героев штурма генерал-майор М.И. Голенищев-Кутузов писал: «...Век не увижу такого дела».

В Санкт-Петербурге сильное впечатление произвело то, что десантники гребной Черноморской флотилии в ходе штурма османской крепости захватили 130 вражеских знамен. Это стало поводом для высокого награждения командующего флотилией генерал-майора Иосифа Михайловича Дерибаса — золотой шпагой, украшенной бриллиантами.

Во «второй екатерининской турецкой войне» испанцу Иосифу Дерибасу довелось отличиться еще раз в Мачинском сражении в марте 1791 года. На сей раз он командовал кавалерийским отрядом. Во главе русских войск стоял генерал-поручик князь С.Ф. Голицын. Казаки Дерибаса после перестрелки с турками, которыми начальствовал Ибрагим Дели-паша, смело атаковали мачинские укрепления. Первыми из города бежали янычары, которые, не принимая боя, бросились к дунайскому берегу, сели на стоявшие там суда и поспешно отплыли к Браилову.

Генерал-майор Иосиф Михайлович Дерибас был одним из российских депутатов на мирных переговорах России с Оттоманской Портой. Активный участник русско-турецкой войны, он присутствовал при подписании Ясского мирного договора 1791 года.

В 1793 году генерал-майор производится в вице-адмиралы, что в военной истории не только России стало случаем довольно уникальным. Георгиевский кавалер И.М. Дерибас назначается командующим гребным Черноморским флотом, главной задачей которого, на случай новой войны с Турцией, являлись боевые действия на Дунае.

НАЧАЛО РОДОСЛОВНОЙ СЛАВНОГО ГОРОДА ОДЕССЫ

После присоединения к России новых причерноморских земель началось их заселение и хозяйственное освоение. С начала 90-х годов Дерибас назначается членом Комиссии для устроения приобретенных от турок земель. В его обязанности вошло руководство

строительством пограничных крепостей на Днестровской укрепленной линии. С этого времени началась вторая — гражданская часть биографии Иосифа Михайловича.

Российское правительство после победного Ясского мира стало искать в Северном Причерноморье место для строительства нового военного, а самое главное — торгового порта. Первоначально предполагалось избрать для этого Очаков или Кинбурн, которые уже имели крепостные сооружения. Однако у такой правительственной идеи нашлись противники в лице вице-адмирала И.М. Дерибаса и его помощника, военного инженера подполковника Франца Павловича де Волана (Деволана).

Они полагали, что для такого порта Хаджибей гораздо более подходящее место. Здесь и море глубокое, без лиманных мелей, и морское судоходство может продолжаться чуть ли не целый год. Из Хаджибея было легко оперировать военно-морскими силами — совсем близко находилось устье Дуная и румелийские берега. Построенный мол в Хаджибейской бухте надежно защищал бы стоявшие у берега суда от западных, восточных и северо-восточных ветров, главных виновников штормовой погоды на Черном море.

Дерибасом и де Воланом было составлено подробное донесение на имя Императрицы Екатерины II с обоснованием преимуществ Хаджибея по сравнению с Очаковом и Кинбурном. Государыне предложение понравилось, поскольку Малороссия получала морской порт в удобном месте, и она повелела вице-адмиралу И.М. Дерибасу заняться устройством морской гавани в выбранном им месте. Государственная казна отпускала на эти цели 26 тысяч рублей.

Так по инициативе Дерибаса российское правительство приняло решение о строительстве «военной гавани купно с купеческой пристанью» в бухте Хаджибей. Высочайшим указом от 27 мая 1794 года Иосиф Михайлович назначается начальником будущей гавани, а Хаджибею предписывалось «быть городом».

Одессой Хаджибей стали называть вскоре после обнародования Высочайшего указа. Стали называть его так потому, что когда-то, в античное время, верстах в 45 к востоку от Хаджибея, на оконечности левого берега Тилигульского лимана, находилось древнее греческое поселение Ордессос, или Одиссос. Объясняя происхождение нового города России — его названия, историки обычно связывают это с придворным балом 6 января 1795 года в Санкт-Петербурге. Кто-то из вельмож предложил Екатерине II дать Хаджибею имя в память древнего греческого города Одиссос. На что матушка Императрица ответила:

— Пусть же Хаджибей носит древнегреческое название, но в женском роде: короче и яснее — назвать его «Одесса»...

Современники отмечают следующее. Вице-адмирал Дерибас верил в морское будущее места на берегу Черного моря, где стоял турецкий замок Хаджибей. Тогда близ него находилось только небольшое одноименное поселение, а кругом простирались необжитые земледельцами степи.

«В сие же время, — пишет статс-секретарь Императрицы Екатерины Великой Андрей Грибовский, — утвержден доклад князя Зубова о устроении на берегу Черного моря, где стояла турецкая крепостица Хаджибей, города Одессы, и при оном военного и купеческого портов, карантина и крепости. Проект сего предприятия подан был от вице-адмирала де-Рибаса, завоевателя упомянутой крепостицы, и несмотря на бывшие против оного возражения, при постоянном его старании и усердном моем ходатайстве, князь убедился в полезности вышеозначенного плана и исходатайствовал высочайшее повеление на проведение оного в исполнение...»

Вице-адмиралу И.М. Дерибасу в «пробивании» плана строительства портового города Одессы очень во многом помогла жена — Анастасия Соколова, дочь влиятельного екатерининского приближенного И.И. Бецкого. Именно благодаря ей он смог найти доступ к «большому двору» — супруга пользовалась большим влиянием при дворе Императрицы Екатерины II и на многих российских вельмож.

На портовые сооружения Государыня, по ходатайству своего последнего фаворита генерал-фельдцейхмейстера Платона Зубова, ассигновала без малого два миллиона рублей. Прежде всего принялись строить малый мол, названный в честь Зубова Платоновской пристанью.

По составленному военным инженером де Воланом плану города, в основу которого легли идеи Дерибаса, Одесса должна была занять крутой берег взморья между Военной и Карантинной балками. Пространство же между новой крепостью и Пересыпью отводилось под устройство порта. Под будущий город и его предместья отвели 30,7 тысяч десятин земли, в том числе и для хлебопашества.

Эту землю разделили на две части — форштаты: военный и греческий. Первый состоял из 52 кварталов и занимал 560 участ-

ков земли. Греческий форштат состоял из 65 кварталов и занимал 720 земельных участков. Участки эти Дерибас мог раздавать собственной властью. Прежде всего он отвел два участка для себя и построил на одном из них первый дом в славном городе Одессе. Вице-адмиралом учреждается «Экспедиция строения города», директором которой назначается де Волан. Она отводила участки всем желающим и выдавала на владение ими «открытые листы».

В первый же год было роздано 159 земельных участков под строительство. Помимо военных и гражданских чиновников, первыми одесситами стали генерал-поручик князь Г.С. Волконский, купцы Григорий Автономов, Железцов, Кленов, Портнов и другие, менее именитые люди.

Главный начальник Одесской гавани вице-адмирал И.М. Дерибас добился того, что на строительстве мола, портовых сооружений, казенных домов ему было разрешено использовать в качестве бесплатной рабочей силы часть нижних чинов гребного Черноморского флота. В еще малолюдной степной области трудно было найти большое число строительных рабочих.

ЗАСЕЛЕНИЕ «СВОБОДНОЙ» ОДЕССЫ

Чтобы поскорее заселить город, было объявлено, что тот, кто поселится в Одессе, будет освобожден на десять лет от податей и воинского постоя и получит ссуды от казны на первое обзаведение. Раскольникам обещалось, что им разрешат строить церкви и монастыри и предоставят право богослужения по их обрядам и верованиям. С разных мест в Одессу потянулись поселенцы.

Для желающих селиться в окрестностях Одессы отведено было на морском побережье до 15 тысяч десятин земли, годной для хлебопашества. Православным поселенцам-иностранцам по высочайшему повелению из государственной казны безвозвратно выдавалось до 10 тысяч рублей на постройку домов, 500 рублей на устройство небольшой церкви и еще 20 тысяч рублей на первое обзаведение.

Императрица Екатерина II в самой Одессе повелела вице-адмиралу И.М. Дерибасу построить три больших каменных дома и 50 малых, чтобы поселенцы из-за границы могли найти в них приют на первый год, пока те не обзаведутся собственными до-

мами. Таких иностранцев также освобождали на десять лет от всяких государственных повинностей.

Дерибас возложил труды по вызову в Одессу из-за границы переселенцев православного вероисповедания на особого попечителя — грека Афанасия Кесоглу. Помимо этого на него возлагались и другие обязанности: «пособие им во время переселения и при первом водворении, защита их от всяких притеснений и сохранение между ними мира, тишины и доброго согласия».

Частью одесского гарнизона стал созданный вице-адмиралом Дерибасом греческий дивизион, составленный из добровольцев. Подобная воинская часть иррегулярного типа была создана и в Крыму, в городе Балаклаве, под командованием упоминавшегося С. Мавромихали. Одесским дивизионом, составленным из греков и албанцев, заведовала «особая» комиссия.

Вице-адмирал Иосиф Михайлович Дерибас отдал строительству Одессы много труда и задумок. По его инициативе в 1795 году в ней учреждается городской магистрат, затем открывается и городская дума. Первым одесским головой избирается купец второй гильдии А.Ф. Железцов. В том же 1795 году учреждается одесская биржа, которая становится центром торговых операций.

Молодой приморский город начинают украшать. Воздвигается несколько православных храмов. Первым стала построенная в 1794 году церковь во имя Святой Екатерины. В следующем году заложили церковь Святого Николая, а еще через год — греческую церковь Святой Троицы.

Однако, несмотря на все старания Дерибаса, одесское население прибавлялось медленно. В конце 1795 года была проведена перепись всего городского — гражданского населения. Жителей в славном городе Одессе с ее действительно большими перспективами роста и развития во всех отношениях оказалось 2349 душ, включая семьи людей военных.

Собственно православных русских людей насчитывалось 1845 человек. Из них третью часть составляли беглые от помещиков крепостные крестьяне — 556 душ. Почти столько же оказалось государственных крестьян. Остальные по происхождению были мещанами из различных российских городов и 146 купцов. Кроме русских, в Одессе на год переписи проживало 240 евреев, 224 грека и 60 болгар.

Перепись городского населения «выявила» деятельность попечителя — грека Афанасия Кесоглу. Он больше всего заботился не

о привлечении в новостроящуюся портовую Одессу переселенцев из-за границы, сколько о присвоении немалых сумм денег из государственной казны.

СЛЕДСТВЕННОЕ ДЕЛО ИСПАНСКОГО ДВОРЯНИНА

В правительственных кругах Санкт-Петербурга стали озабочиваться вопросом: на что и как расходуются огромные суммы денег из государственной казны в гавани и городе Одессе. Значительная часть их проходила непосредственно через руки хитрого и деловитого испанца на русской военной службе. Государственные мужи жаловались на Дерибаса, который якобы обманным путем выудил у престарелой Государыни согласие на построение никому не нужного города; отстаивались интересы казны России, безнаказанно расхищаемой неаполитанцем; выступали в защиту нижних чинов армии и флота, которые составляли даровую рабочую силу вице-адмирала Дерибаса.

О том, насколько дерибасовская деятельность оказалась притчей во языцех, может служить, например, письмо графа Ф.В. Ростопчина. В 1796 году он писал:

«Никогда еще преступление не поднимало головы так высоко. Безнаказанность и дерзость достигли своего эпогея... То, что крадет один только Рибас, превышает 500 000 рублей в год. Он добился утверждения проекта сооружения порта для гребного флота в Хаджибее, прозванном Одессой... Течение, особенно сильное в месте производства работ, во время бури разрушает все до основания, и приходится постоянно возобновлять работы, связанные с новыми ассигновками... Этот порт должен быть сооружен в десять лет... Ежегодно ассигнуется 120 000 рублей и командируется 5000 солдат, четвертая часть которых умирает отчасти вследствие недостатка в пресной воде и страшной жары, свойственной тамошнему климату в летнее время...»

Однако последующее расследование показало, что граф Ф.В. Ростопчин несколько сгущал краски. Печальное состояние российской казны в последние годы царствования Императрицы Екатерины Великой не позволяло выделять на строительство портового города Одессы требуемые Дерибасом и Платоном Зубовым суммы. Солдат на работах по строительству Одесской гавани оказалось намного меньше. Они отряжались туда в добровольном порядке и за каждую сваю, вбитую у берега в морское дно, им выплачивалось от 40 до 70 копеек бумажными деньгами — ассигнациями.

Больше всего противодействовал вице-адмиралу Дерибасу главный начальник Черноморского флота вице-адмирал будущий граф Н.С. Мордвинов. Он желал видеть вместо Одессы любимый им город Очаков на берегу Днепровско-Бугского лимана, замерзавшего не на один месяц, а глубина вод близ которого оставляла желать много лучшего. Между двумя флотскими начальниками развернулась нешуточная борьба.

Однако факт остается фактом: о бескорыстии иноземца на русской службе в адмиральских эполетах при строительстве гавани и порта Одессы не могло быть и речи. Хотя позднейшие подсчеты показали, что он просто не мог расхитить те огромные суммы казенных денег, в которых его обвиняли современники.

В конце 1796 года скончалась Императрица Екатерина II Великая. Воцарившийся ее сын Император Павел I стал решать дальнейшие судьбы проектов и начинаний своей матери, к большинству из которых относился крайне неодобрительно.

24 декабря 1796 года последовало высочайшее распоряжение нового Государя: «Комиссию южных крепостей и Одесского порта упразднить и все принадлежащие к оной дела немедленно прислать сюда (в Санкт-Петербург. — *А. Ш.*) с начальными производителями оных». Такой монарший рескрипт грозил расследованием и опалой прежде всего вице-адмиралу И.М. Дерибасу.

В Высочайшем приказе от 30 марта 1797 года легко усматривается влияние многочисленных недоброжелателей ловкого на устройство личных дел Дерибаса, приятеля временщика Платона Зубова. В Императорском приказе говорилось следующее:

«Одесский порт... по неудобности его не будет отделываться на такой конец, чтобы быть ему военным портом... почему... отделываться не будет; а окончатся только начатые строением; но во всех случаях и ни в каких такого рода работах казенных людей употреблять я не позволяю».

Вице-адмиралов Мордвинова и Дерибаса вызывают в Санкт-Петербург. Начальником Одесского порта вместо последнего назначается контр-адмирал Пустошкин. Адмирал Шишков по поводу вызова в столицу двух черноморских флотских начальников писал:

«...Первого, как полагали, для возложения на него какой-нибудь важной должности, а второго только для того, чтобы посадить в крепость (речь идет о Петропавловской. — *А. Ш.*)».

Изменчивый характер Императора Павла I и необычайная ловкость вице-адмирала И.М. Дерибаса, широкие связи в аристократических кругах Санкт-Петербурга его деятельной супруги коренным образом изменили положение дел. Иноземец Дерибас, по словам того же Шишкова, получил повышение, а главный начальник Черноморского флота вице-адмирал Мордвинов: «...задержан в доме под стражею, предан суду, и, хотя не мог быть обвинен, однако и не допущен был до свидания с государем и отправлен в том же звании на прежнее свое место».

АДМИРАЛЬСКАЯ СЛУЖБА В СТОЛИЦЕ

Оказавшийся в столице бывший начальник Одесского порта назначается членом Адмиралтейств-коллегии — в том же 1796 году. Императору Павлу I вице-адмирал И.М. Дерибас пришелся явно «по душе». В январе 1798 года основатель Одессы назначается генерал-кригскомиссаром. В 1799 году он получает чин полного адмирала, а с мая того же года становится управляющим Лесным департаментом.

Однако государственная деятельность адмирала Дерибаса продолжалась недолго. Вскоре он по какому-то ничтожному случаю попадает в немилость к Императору Павлу I, и тот в марте 1800 года увольняет управляющего Лесным департаментом в адмиральском звании в полную отставку.

Однако монаршая опала продолжалась совсем недолго — испанский дворянин, так и не сумевший получить достоинство графа Российской империи (к чему он так стремился), был давно своим человеком в придворных кругах. Уже в ноябре 1800 года адмирал И.М. Дерибас возвращается на действительную военную службу и получает высокое назначение — вице-президентом Адмиралтейств-коллегии. В том же году он составляет план укреплений морской крепости Кронштадт и приступает к его осуществлению.

Находясь в далекой от Черноморья столице, Иосиф Михайлович Дерибас не забывает об основанном им на Юге России портовом городе. Не без его совета и поддержки одесский магистрат

в январе 1800 года обращается к российскому монарху Павлу I с ходатайством о получении «от казны Его Императорского Величества в заимообразно на 25 лет» 250 тысяч рублей на постройку Одесской гавани и казенных материалов на ее возведение.

Чтобы возобновить и завершить строительство морского торгового порта, Дерибас и его единомышленники «искали» разные пути к благоволению самодержавного и трудно управляемого придворным окружением Государя. Не без ведома и совета адмирала И.М. Дерибаса Одесский магистрат идет и на такой шаг. От имени «в городе Одессе поселившихся обывателей, во изъявление сохраняемого в неусыпной памяти ко всему двору (Его. — *А. Ш.*) Императорского величества усердия» горсовет того времени отослал к «Высочайшему двору апельсиновых фруктов самого лучшего сорта три тысячи».

Император Павел I милостиво благодарил за «присланные от жителей Одессы померанцы, видя в присылке сей знаки... всех их усердия». Подношение в Санкт-Петербург «апельсиновых фруктов» возымело должное действие. Самодержец приказал объявить директору одесской таможни Кирьякову об удовлетворении ходатайства Одесского магистрата. Портовое строительство в дерибасовском творении возобновилось, и город уже в скором времени стал «выходить» в лидеры российской внешней торговли на Черном море.

Положение вице-президента Адмиралтейств-коллегии адмирала И.М. Дерибаса при Императоре Павле I прочным и обнадеживающим назвать было трудно. Вскоре испанец оказался в стане противников «непредсказуемого в поступках» Государя, который в своем коротком правлении Российской империей наделал много ошибок и совершил еще больше непродуманных шагов.

То, что Павел I изменил внешнеполитический курс Екатерины Великой, поставило в оппозицию монарху многих влиятельнейших вельмож его матери. Это и предрешило его историческую судьбу. Был организован заговор и государственный переворот с цареубийством в пользу Цесаревича Александра Павловича, ставшего Императором Александром I.

Адмирал И.М. Дерибас в той ситуации не мог оказаться в стороне от назревавших событий. По ряду косвенных данных он, наряду с графом Паниным и английским послом в Санкт-Петербурге лордом Витвордом, был одним из инициаторов заговора против российского самодержца. Однако в цареубийстве он не

участвовал, чем «спас свое пристойное имя» для отечественной истории.

Родившийся в Неаполе русский адмирал Иосиф Михайлович Дерибас неожиданно скончался 2 декабря 1800 года в Санкт-Петербурге. Из жизни он ушел на пятьдесят втором году жизни, будучи в расцвете сил. В столице ему устроили торжественные похороны. Испанца де Рибаса оплакивала вся разноязычная Одесса.

Дерибас окончил свою карьеру в России, ставшей его вторым Отечеством, во славе. Он добился звания полного адмирала, хотя орденов герой штурма Измаила и устроитель Одессы получил от самодержцев Екатерины II и Павла I не так уж и много. Среди его орденских наград, помимо двух Георгиев, — ордена Святого Александра Невского и Святого Владимира 3-й и 2-й степеней.

Адмирал Иосиф Михайлович Дерибас вошел в российскую историю в той многочисленной когорте иностранцев, которые прибыли в империю Екатерины Великой по ее зову — чтобы воевать на суше и на море, развивать экономику государства и отечественную науку. Испанский дворянин, уроженец Неаполитанского королевства де Рибас оказался среди тех чужестранцев, которые своей службой в России оправдали возлагаемые на них надежды.

А устроитель славного города Одессы и дважды георгиевский кавалер даже превзошел их.

ШПАГА, ОТДАННАЯ БАРКЛАЮ де ТОЛЛИ

Генерал-поручик принц Виктор Амадей Ангальт-Бернбург Шаумбургский

ЧУЖЕЗЕМНЫЙ ПРИНЦ НА СЛУЖБЕ РОССИИ

Эпоха царствования Екатерины II Великой в отечественной истории оказалась «золотым веком» не только для российского дворянства и веком славы русского оружия. Это был поистине «золотой век» для большого числа иноземцев, связавших свою судьбу с новым для себя российским Отечеством.

Принц Виктор Амадей Ангальт-Бернбург Шаумбургский оказался одним из многих «знатных иностранцев», занесенных ветром судьбы в Россию, которых поразительный блеск екатерининского правления, щедрость всероссийской самодержавной Государыни и ореол славы русской армии и флота привлекали на новую для себя ратную и государственную службу.

Большинство из них, устраивая в Российской империи личную жизнь, не проигрывали. Новое Отечество давало храбрым, удачливым и образованным иностранцам многое. То, чего они не могли получить у себя на родине, которую покидали в большинстве случаев без особого на то сожаления.

Принц родился 2 мая 1744 года. Получив домашнее образование и офицерский патент, он в 1772 году был принят на русскую военную службу. В воинских званиях заморский аристократ, уже имевший неплохой опыт командования людьми, не задерживался. Но в отличие от многих других «знатных иностранцев», роившихся при дворе Императрицы Екатерины II Великой, он получил их на войне, не раз рискуя собственной жизнью на поле брани.

Принцу Виктору Амадею Ангальт-Бернбург Шаумбургскому в известной степени повезло. Он поспел к окончанию русско-турецкой войны 1768—1774 годов и принял в ее победном завершении самое активное участие. «Знатный иностранец» старался отличиться во всех боевых делах, в которых ему доводилось участвовать. Особенно «расстарался» чужеземный принц на русской службе в сражении под турецкой приморской крепостью Варной.

Долгожданная большая награда последовала только в 1775 году. И сразу орден Святого Георгия 4-й степени — «за сражение при Варне». За примерную храбрость принц Шаумбургский получил и другую высокую награду: через три года службы в русской армии Виктор Амадей уже носил эполеты генерал-майора.

Когда началась «вторая екатерининская турецкая война» 1787—1791 годов, принц Виктор Амадей Ангальт-Бернбург вновь оказался на Юге России в рядах действующей армии. На театр военных действий он отправился с желанием вновь пожать славу и почести, состоя в рядах главной русской полевой армии — Екатеринославской. Ею командовал генерал-фельдмаршал князь Григорий Александрович Потемкин-Таврический, который решил первоначально овладеть сильной приморской крепостью Очаков, твердыней Оттоманской Порты в Северном Причерноморье.

Такие «знатные иностранцы» на русской службе, каким был принц Шаумбургский, не всегда командовали воинскими частями — полками, отдельными отрядами, армейскими корпусами. Обычно они «состояли» при главнокомандующем, который распоряжался ими по своему усмотрению. Но в наградах таким «прикомандированным» к главной штаб-квартире везло всегда больше, чем, например, рядовому российскому служаке в должности полкового или батальонного командира.

Такое немаловажное обстоятельство и предопределило место георгиевского кавалера генерал-майора Виктора Амадея Ангальт-Бернбурга в штурме крепости Очаков 6 декабря 1788 года. Сказалось и расположение к нему светлейшего князя Потемкина-Таврического. По диспозиции приступа вражеской крепости принц Шаумбургский получил назначение быть частным начальником 1-й и 2-й штурмовых колонн. То есть главнокомандующим ему поручалось возглавить атаку приморской части очаковских укреплений.

ШТУРМ ОЧАКОВСКОЙ КРЕПОСТИ

Как предписывала потемкинская диспозиция, 1-я штурмовая колонна под командованием генерал-майора графа Петра Алексеевича фон Палена должна была по берегу Черного моря двинуться к крепкому Гассан-пашинскому замку. Атаковать его предстояло с тыла, со стороны взморья. К тому времени турецкая гребная флотилия, стоявшая под защитой крепостных стен, была уничтожена русской Днепровской. Замок считался стержнем всей обороны очаковского гарнизона, и подступиться к нему было непросто.

Принц Ангальт-Бернбург Шаумбургский не посчитал за труды перед генеральным штурмом провести рекогносцировку того участка вражеской крепости, который предстояло брать приступом его колоннам. Поэтому он визуально смог познать и рельеф местности, и силу крепостных сооружений, и подходы к ним со стороны осадного лагеря русских войск. Все это в день 6 декабря оказало частному воинскому начальнику самую добрую службу.

Сам генерал-майор Виктор Амадей Шаумбургский в день сражения за Очаков находился при 2-й штурмовой колонне. Ее искусные атакующие действия во многом решали успех предстоящего дела. Этой колонне предстояло проникнуть во вражеский ретраншемент и своими активными действиями отвлечь внимание турок от продвигавшейся вдоль морского берега паленской колонны.

Однако в полной мере такой замысел командования Екатеринославской армии не удался. Все дело было в том, что неприятель вел себя уже в самом начале приступа очень осмотрительно и бдительно. Султанские военачальники старались уловить направление движения идущих на штурм русских колонн, чтобы удачно противодействовать им.

Турки, державшие оборону в ретраншементе близ берега Черного моря, уже с началом штурма поняли, какую опасность несет с собой продвижение к Очаковскому замку колонны генерал-майора Палена. В случае беспрепятственного атакующего движения она оказывалась у них в ближнем тылу. В таком случае бороться с ней османскому гарнизону пришлось бы с большими трудностями.

Большая толпа султанских воинов, среди которых особенно много оказалось янычар, решительно вышла из ретраншемента и двинулась наперерез наступавшей вдоль берега моря колонне противника. Такой ситуацией незамедлительно воспользовался принц Шаумбургский. Предводимая лично им 2-я штурмовая колонна

энергично атаковала неприятельский ретраншемент, из которого к берегу моря вышла немалая часть его защитников.

Успех стремительной атаки полевого очаковского укрепления оказался полным. После короткого по времени, но жестокого рукопашного боя атакующие заняли весь ретраншемент, но понесли при этом большие потери в людях. В это время на морском берегу колонна генерал-майора Палена еще продолжала вести ближний бой.

Не теряя времени даром, штурмовая колонна принца Шаумбургского двинулась к Стамбульским воротам Очаковской крепости, хорошо укрепленным и защищаемым янычарской пехотой. Султанская гвардия билась насмерть, уже зная, что им не отстоять город-крепость — настолько скоротечен оказался генеральный штурм Очакова, который стойко держался все время длительной осады.

Схватка у Стамбульских ворот оказалась едва ли не самой яростной в ходе победного штурма Очаковской крепости. Турки защищались отчаянно, с участью обреченных, не сдаваясь и отказываясь от пощады. Однако это не смогло остановить атакующий порыв бойцов 2-й штурмовой колонны. Они ворвались в саму крепость по трупам своих и врагов, наполнившим крепостной ров во всю его трехсаженную глубину.

В ходе всего кровопролитного приступа генерал-майор принц Виктор Амадей Ангальт-Бернбург Шаумбургский находился в рядах атакующих. Он отдавал приказания, направлял движение колонны, личной храбростью воодушевлял солдат и офицеров. Это был самый победный день в его генеральском послужном списке. Не случайно генерал-фельдмаршал Г.А. Потемкин-Таврический оказался среди тех, кто первым поздравил принца с общей победой русского оружия.

Штурм османской крепости Очаков 6 декабря 1788 года вошел победной строкой в славную летопись русской армии. Весть о взятии турецкой твердыни на северных берегах Черного моря, в Тавриде, вызвала ликование в российской столице. Императрица Екатерина II была щедра на самые высокие награды.

Орден Святого Георгия высшей, 1-й степени получил главнокомандующий Екатеринославской армии генерал-фельдмаршал светлейший князь Г.А. Потемкин-Таврический. Орденские кресты и звезды 2-й степени получили сразу пять военачальников. Это были генералы принц К.-Г. Нассау-Зиген, В.В. Долгоруков, И.И. Меллер, А.Н. Самойлов и принц Виктор Амадей Ангальт-

Бернбург. Последний к тому времени имел уже чин генерал-поручика. Он с полным на то правом стал подлинным героем очаковского штурма.

Высочайший указ о награждении его Военным императорским орденом Святого великомученика и Победоносца Георгия 2-й степени Государыня подписала 16 декабря 1788 года. В нем говорилось:

«В воздаяние усердия к службе и отличного мужества, с которым он, предводительствуя вверенной ему колонною для атаки города и крепости Очакова, был из первых при взятии оного приступом от войск Российских подвизавшихся».

Участие в победном штурме Очаковской крепости сделало иностранного принца на русской службе одним из военачальников Екатеринославской армии до самого победного окончания той русско-турецкой войны. В 1789 году генерал-поручик В.А. Ангальт-Бернбург Шаумбургский уже командует подвижным армейским авангардом, который по приказанию главнокомандующего Потемкина-Таврического начал быстрое продвижение на запад, к берегам реки Днестр.

Авангардный отряд стремительным и полностью неожиданным для неприятеля ударом занимает местечко Каушаны. Стоявший там значительный по численности турецкий отряд, не ввязываясь в сражение с русскими, поспешно отступил, оставив на месте так и не разыгравшейся баталии более 700 убитых. Османы бежали с днестровских берегов столь быстро, что об их преследовании не возникло и речи.

Потери победителей оказались несравненно малы. Их трофеями в деле при Каушанах стали весь походный лагерь стоявших в местечке султанских войск, их обоз с провиантом и три полевых орудия с нерасстрелянными боевыми припасами.

Успешное занятие Каушан стало прологом крупной операции Екатеринославской армии против сильной турецкой крепости Бендеры, удобно расположившейся на берегах Днестра. В ее кровопролитном штурме генерал-поручик принц Ангальт-Бернбург Шаумбургский принял самое непосредственное и «доблестное участие». Светлейший князь Г.А. Потемкин-Таврический отозвался о подчиненном ему военачальнике с титулом принца самым «высоким слогом».

Русско-турецкая война 1787—1791 годов дала екатерининскому «знатному иностранцу» еще две высокие боевые награды Рос-

сийской империи. За дело при Каушанах — орден Святого Александра Невского. За участие во взятии Бендерской крепости — самую высокую орденскую награду, Святого апостола Андрея Первозванного.

Но ради справедливости надо сказать, что столь высокое награждение принца Шаумбургского объяснялось в немалой степени его знатным происхождением. Русские генералы за подобные дела такие ордена получали далеко не всегда.

Варна, Очаков, Каушаны, Бендеры стали теми вехами генеральского становления принца Шаумбургского на русской службе. Она принесла ему признание как умелого и уже хорошо повоевавшего военачальника. В столице, при Императорском дворе о нем теперь отзывались весьма лестно и кое-кто начинал пророчить «знатному иностранцу» блестящее будущее на ратном поприще.

Но здесь следует заметить следующее. У самодержавной Государыни Екатерины II Великой по-настоящему блестящих полководцев и военачальников с самого начала ее царствования было немало. Она умела их находить среди многочисленного генералитета русской армии. Находить, пестовать и готовить к будущим победам в новых войнах Российской империи.

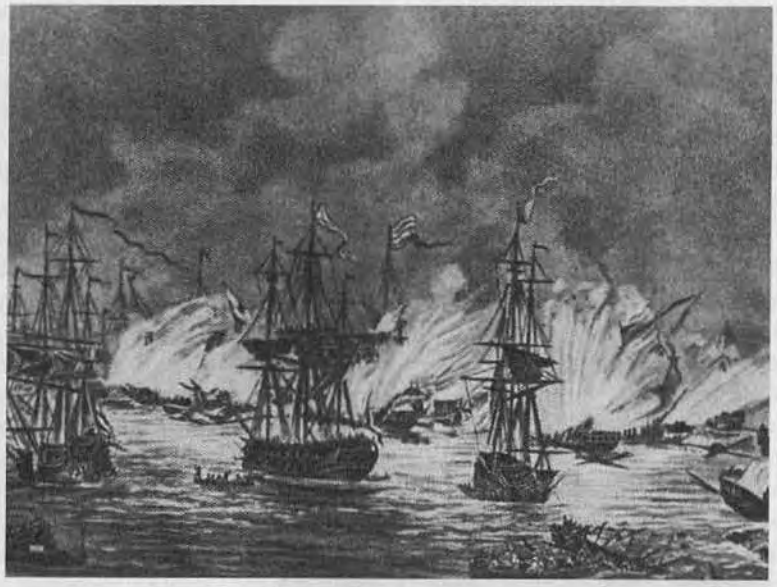
В ОКРУЖЕНИИ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ ВЕЛИКОЙ

Боевая репутация генерал-поручика принца Виктора Амадея Ангальт-Бернбурга Шаумбургского в окружении Императрицы Екатерины II оказалась действительно велика. Им даже предполагалось заменить главнокомандующего действующей армией графа В.П. Мусина-Пушкина в только что начавшейся русско-шведской войне 1788—1790 годов. Назначая престарелого генерала на эту высокую должность, Государыня называла его «нерешимым мешком».

Лично храбрый полководец, лучшие годы которого были уже позади, нелестный отзыв о себе Императрицы оправдывал своими действиями против шведских войск. Екатерина II в сильнейшем раздражении на командующего действующей армией в Финляндии писала своему фавориту светлейшему князю Потемкину-Таврическому о генерал-фельдмаршале Мусине-Пушкине:

С.К. Грейг

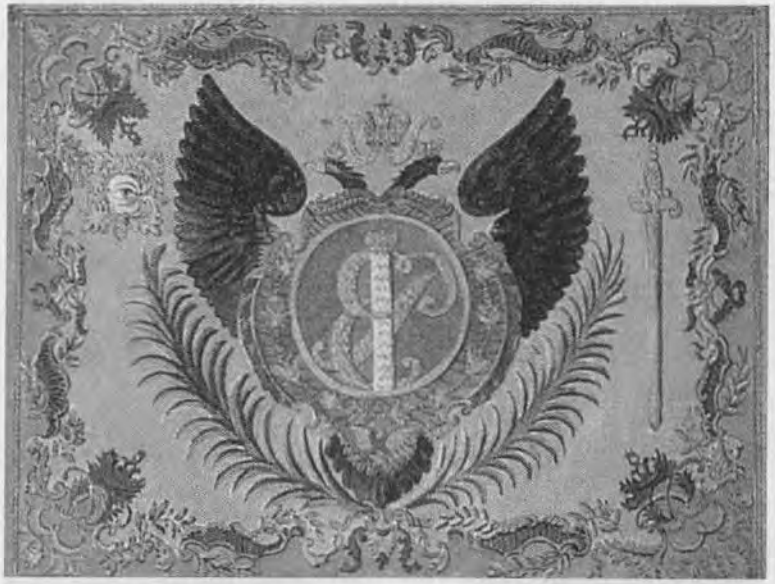
А.С. Грейг



Истребление турецкого флота при Чесме в ночь на 26 июня 1770 г.

Императрица
Елизавета Петровна

Императрица Екатерина Великая



Ротвое знамя лейб-гвардии Преображенского полка

Русская военная форма конца XVIII в.

Офицер и солдат лейб-гвардии Преображенского полка

Мушкетер пехотного полка русской армии

Летняя форма мушкетеров в 1763–1786 гг.

Русская артиллерия и военные обозы конца XVIII в.

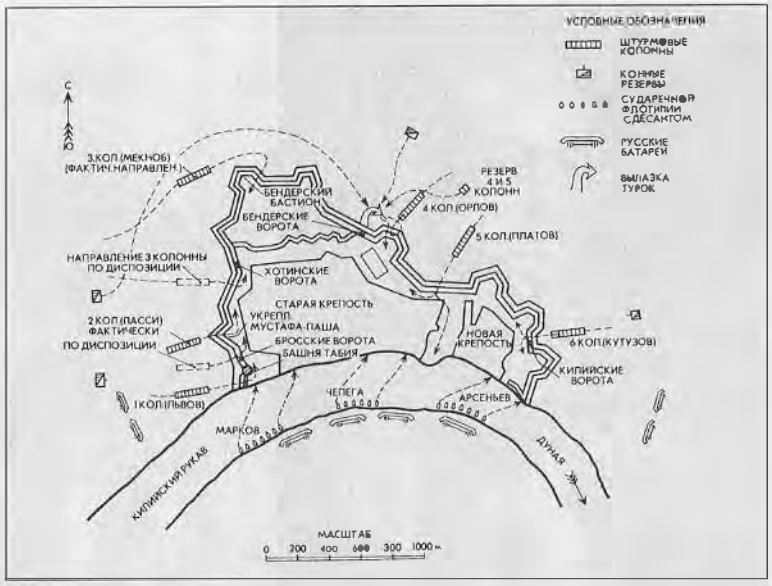
Сержант лейб-гвардии Преображенского и рядовые Семеновского и Измайловского полков

Фузилер в 1797—1801 гг.

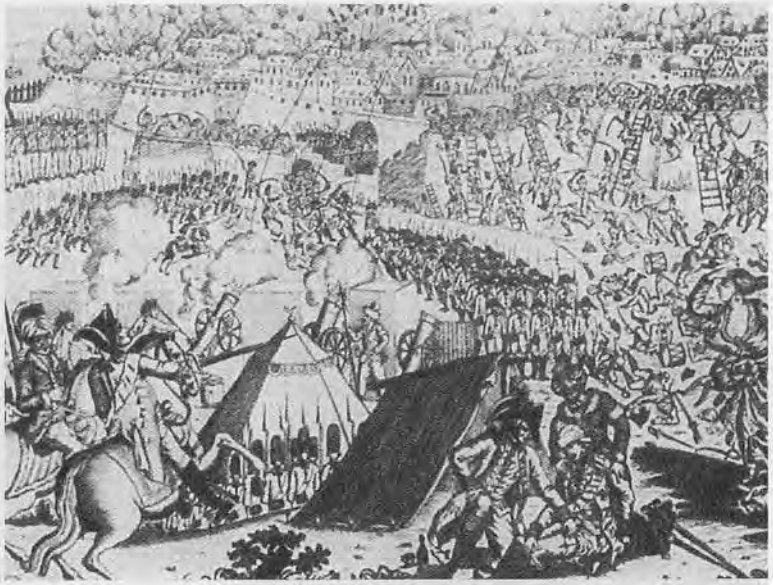
Граф Л.Ф. Ланжерон

И.М. Дерибас (де Рибас)

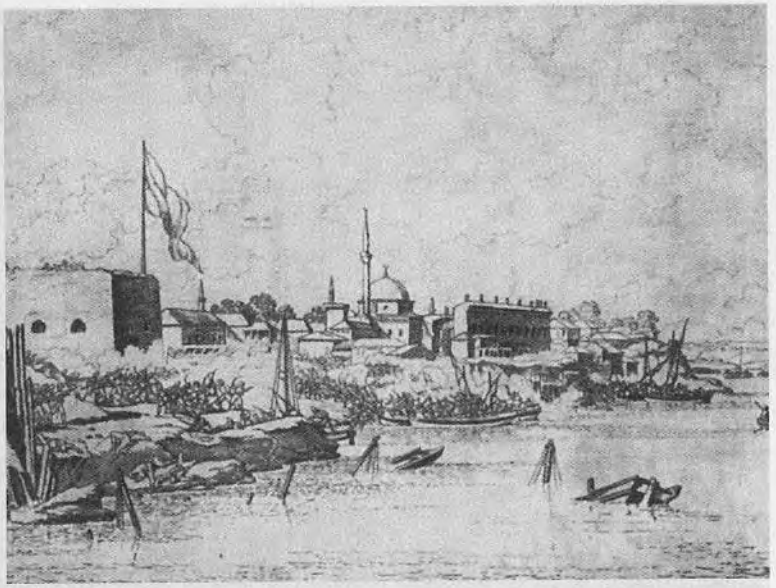
Г.А. Потемкин и А.В. Суворов



План штурма Измаила



Штурм Измаила 11 декабря 1790 г.



Штурм Измаила с приречной стороны

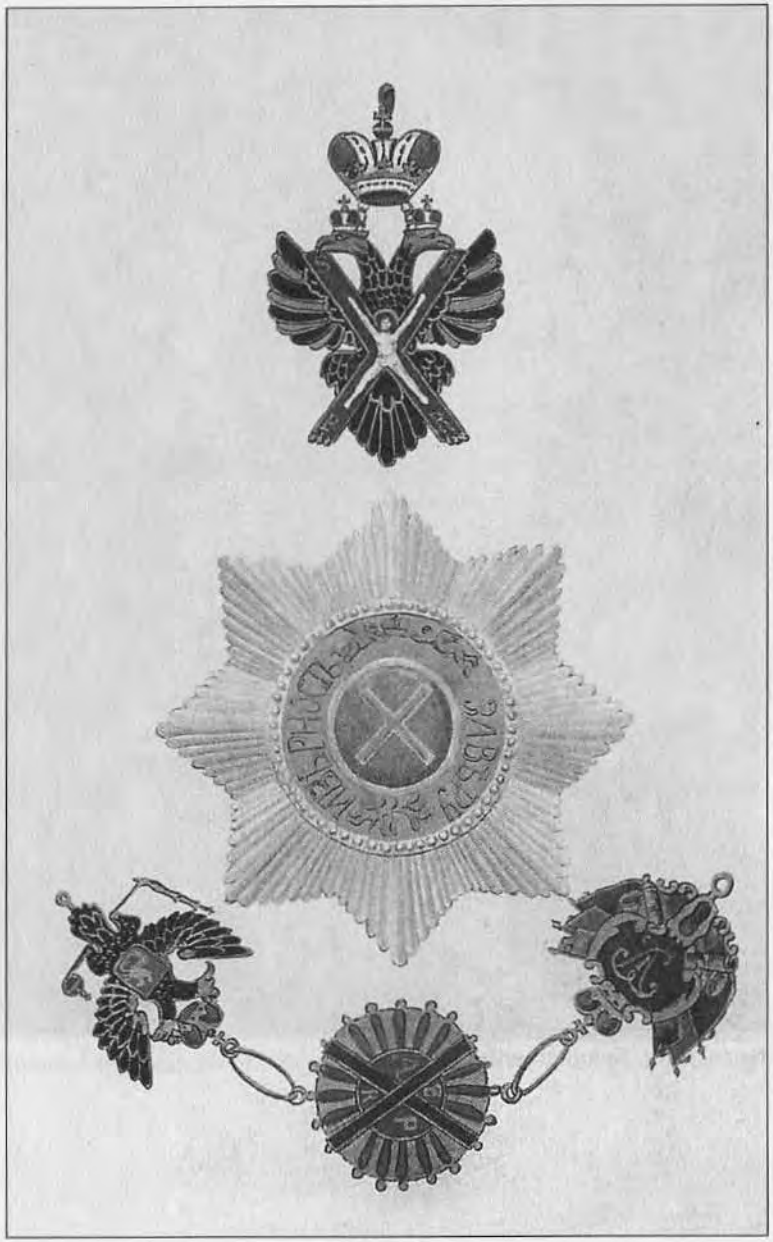
Принц Карл Генрих Нассау-Зиген

Граф А.В. Суворов-Рымникский, князь Италийский

Император Павел I

Принц Александр Вюртембергский

Барон Ф.Ф. Винцингероде



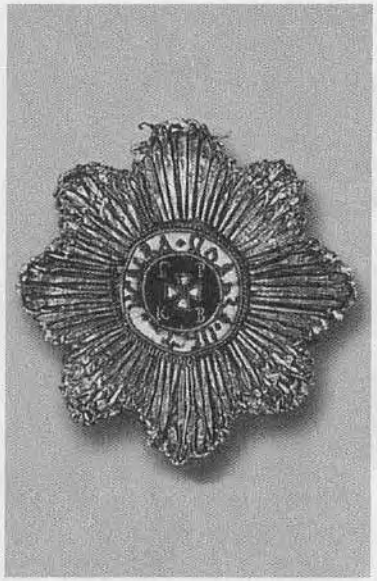
Орден Святого Андрея Первозванного

Знак ордена Святого Андрея Первозванного

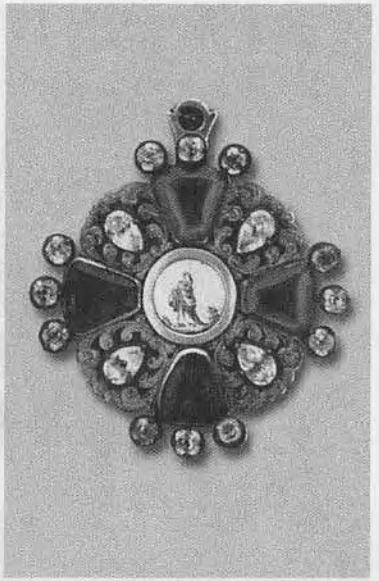
Звезда ордена Святого Андрея Первозванного

Звезда, крест и лента ордена Святого Георгия

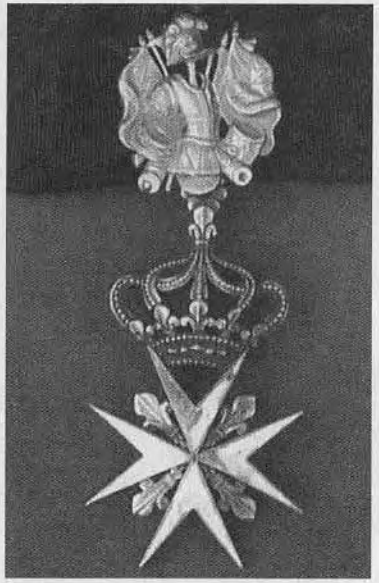
Звезда ордена Святого Александра Невского с бриллиантами



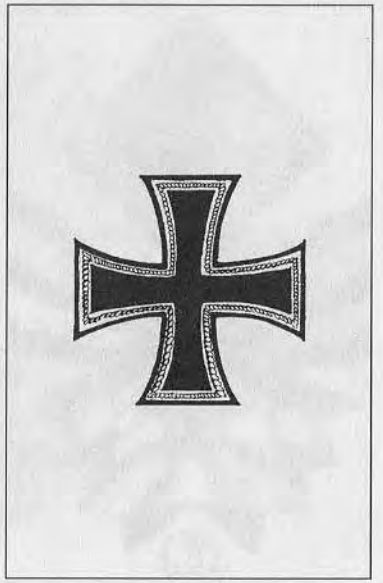
Звезда ордена
Святого Владимира



Орден Святой Анны с
бриллиантовыми украшениями



Орден Святого Иоанна
Иерусалимского



Кульмский крест для русских
войск

«Я весьма недовольна по случаю нерешительности его и слабости, он никаким авантажем не умел воспользоваться, меж генералами его завелись такие кабалы, по слабости его, кои общему делу вредны; одним словом, ему и всему его генералитету смена неминуема предлежит».

Назначение принца Шаумбургского (у Государыни были и другие кандидатуры) вместо графа В.П. Мусина-Пушкина не состоялось. Вина здесь лежала на самом «знатном иностранце», который стал вести себя при российском Императорском дворе просто «дерзко». Уверовав в свои личные военные заслуги перед Императрицей Екатериной II, заморский принц стал слишком настойчиво домогаться следующего воинского чина генерал-аншефа.

Такие домогательства так рассердили самодержавную Государыню, которая не терпела любой требовательности к себе, что она одно время не хотела даже разговаривать с находившимся в столице героем Очаковского штурма. Екатерина II вполне справедливо считала, что эполеты генерал-аншефа надо заслужить не назойливыми просьбами, а верной государевой службой. И лучше, быстрее всего на войне, на поле брани с турками или шведами.

Принцу Виктору Амадею Ангальт-Бернбург Шаумбургскому так и не удалось вернуть недавнее еще благоволение к себе российской правительницы. В 1790 году место Мусина-Пушкина занял граф Иван Петрович Салтыков (сын генерал-фельдмаршала П.С. Салтыкова). А «знатный иностранец» получил назначение в его армию в числе прочих других генералов. Современники вполне резонно считали, что карьера заморского принца в рядах русской армии заканчивается, и далеко не самым лучшим образом.

ШПАГА СЕКУНД-МАЙОРУ БАРКЛАЮ ДЕ ТОААИ

Новый театр военных действий — Финляндия — оказался для генерал-поручика принца Шаумбургского роковым. Главнокомандующий генерал-аншеф Салтыков уважительно отнесся к его боевым заслугам и назначил опального при дворе военачальника-иностранца командовать отдельным армейским отрядом. Тот с благодарностью принял такое много значащее для него назначение.

Салтыков поручил генерал-поручику потеснить, а по возможности разбить шведские войска, стоявшие в населенных пунктах Пардакоски и Керникоски. И в русском отряде, и у неприятеля

сил имелось немного, и дело не обещало быть громким, даже в случае решительного успеха. В ходе русско-шведской войны на территории Финляндии предстоящее дело относилось к разряду рядовых, и орденских наград за него не ожидалось.

Все же принц Шаумбургский получил хороший шанс напомнить о себе Императрице Екатерине II и всесильному Потемкину-Таврическому. Генерал-поручик в свои сорок шесть лет не считал для себя военную карьеру законченной. Да и к тому же он был принцем крови. «Знатный иностранец» жаждал отличиться хоть в малом деле и сухим в словах боевым донесением известить близкий Санкт-Петербург об одержанной им над шведами победе.

Подойдя к неприятельской позиции, хорошо укрепленной самой природой, генерал-поручик без долгих раздумий бросил свой небольшой отряд в атаку. Сам он просто забыл об осторожности и той ответственности за руководство боем, которую возлагала на него должность отрядного командира. Русские пехотинцы устремились вперед под огнем шведской батареи, которая стояла на высоте, с которой хорошо просматривались окрестности. Был день 18 апреля 1790 года.

В самом начале боя принц Виктор Амадей Ангальт-Бернбург Шаумбургский получил смертельное ранение. Шведская батарея вела по атакующим русским прицельный огонь. Для артиллеристов группа конных офицеров вокруг отрядного командира оказалась хорошей мишенью. Метко выпущенное вражеское ядро оторвало принцу правую ногу, и врачи оказались бессильны чем-либо помочь ему. Через несколько часов георгиевский кавалер, герой Очакова и Варны скончался прямо на поле боя.

Умирая, генерал-поручик принц Шаумбургский передал свою шпагу секунд-майору Михаилу Богдановичу Барклаю де Толли. Его военное дарование он оценил в числе первых. Этот жест умирающего от потери крови русского военачальника стал известен в истории Российской Императорской армии.

С подаренной шпагой будущий генерал-фельдмаршал и князь, военный министр и полководец России М.Б. Барклай де Толли никогда не расставался. Своими ратными подвигами и воинским искусством в ходе Отечественной войны 1812 года и освободительных походов русской армии в Европу бывший армейский секунд-майор полностью оправдал прозорливость своего боевого наставника, умиравшего у него на глазах.

ГЕРОЙ И ЛЖЕГЕРОЙ РОЧЕНСАЛЬМА

Адмирал принц Карл Генрих Нассау-Зиген

Современники, оценивая личность принца Нассау-Зигена, обычно отождествляют его с образом военного героя. Действительно, он имел немало красочных черт, присущих военным героям всех времен и народов: редкую предприимчивость и склонность к авантюрам, большую энергию, любовь к личной славе и презрение к жизни — как к своей собственной, так и подчиненных ему людей, храбрость, которая порой в его делах граничила с безрассудностью.

Казалось бы, человек, обладающий такими природными дарованиями, должен был притягивать к себе взгляды других и иметь много друзей, поклонников, единомышленников. Но всего этого принц Нассау-Зиген не имел. Причин современники усматривали только две. Кандидат в военные герои имел весьма посредственный ум, который не могло скрасить прекрасное образование, и поистине высокомерный аристократический нрав, который отталкивал от него сослуживцев, особенно на войне.

НАЧАЛО ЖИЗНИ ПРИНЦА КРОВИ

Принц Карл-Генрих-Николай-Отто, или просто Карл Генрих, Нассау-Зиген родился в 1743 году, имея наследственные права на небольшое германское княжество. Однако его правителем он так и не стал. Более того, к немецкой княжеской короне он и не стремился. Получил «обширное» образование во Франции, в Париже, которое образованности ему так и не дало.

Маленький принц воспитывался в духе принцев крови: всех людей, даже меньших по аристократической родословной, он ровней себе не считал с детства. Карлу Генриху Нассау-Зигену еще повезло в том, что его высокомерие не граничило с презрением к окружающим. Иначе в воинской службе он мог далеко и не пойти.

Маленький немецкий принц мечтал о военной карьере, но, в отличие от подавляющего большинства германских наемников из знатных фамилий, почему-то связывал ее с военно-морским флотом. Непонятное для окружающих пристрастие к морской стихии он пронес через почти всю свою жизнь, бурную историческими событиями.

Во французскую армию принц поступил в пятнадцатилетнем возрасте. Его родословная и полученное образование сразу же открыли перед ним доступ в офицерский корпус королевства Франции. Однако армейская, довольно обыденная жизнь его не привлекала, поскольку по характеру Карл Генрих Нассау-Зиген слыл натурой очень деятельной. Он был создан не для несения постоянных караулов, дежурств по штабу и парадной муштры пехотных солдат.

Через несколько лет службы молодой офицер выходит в отставку из французской королевской армии. Его так и тянет попутешествовать по земному шару. В те годы эпоха великих географических открытий еще только набирала свой исторический размах. Принц Нассау-Зиген принимает участие в кругосветном плавании великого мореплавателя и исследователя Франции Бугенвиля, чьим именем на географической карте мира назван один из крупнейших островов Тихого океана.

Кругосветное путешествие под парусами продолжалось с 1766-го по 1769 год по трем океанам нашей планеты — Атлантическому, Индийскому и Тихому. В этой кругосветке принц Карл Генрих Нассау-Зиген окончательно решил связать свою будущую военную карьеру (вернее — ее продолжение) с морем. Оно манило его трудностями, постоянными испытаниями и неожиданными опасностями. Думается, что человек, ставший впоследствии адмиралом Российской империи, был в душе большим романтиком.

Вернувшись из продолжительного кругосветного путешествия, принц неожиданно для многих и особенно родственников организует экспедицию не куда-нибудь, а в Центральную Африку. Ее

земли и племена еще только-только начинали жить в ожидании колониальных хозяев. В такую довольно рискованную географическую экспедицию Карл Генрих Нассау-Зиген вложил немало собственных средств.

Опасное во всех отношениях путешествие по девственным африканским лесам, где проживавшие в них далекие от цивилизации племена не всегда отличались дружелюбием к белому человеку, едва не закончилось плачевно. Отставной французский офицер, не расставшийся с оружием ни днем ни ночью, мог не раз погибнуть в различных переделках. Но немецкий принц-путешественник счастливо вышел из них всех и с триумфом вернулся в Европу, в Париж. После экспедиции в тропическую Центральную Африку тяга к географическим открытиям у Нассау-Зигена пропала.

ГИБРАЛТАР. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Карл-Генрих-Николай-Отто Нассау-Зиген снова поступает в ряды французской королевской армии и скоро становится в ней полковником. Когда началась новая война между Францией и Англией, принц предложил армейскому командованию довольно рискованный план захвата у неприятеля острова Джерсей. Однако попытка овладения островом, совершенная в 1779 году, закончилась для полковника Нассау-Зигена неудачей, что очень сильно ударило по его самолюбию.

Желая, по всей вероятности, отплатить англичанам за понесенное «оскорбление», принц крови уже в следующем году оставляет ряды армии Франции. Он переходит на службу в другую королевскую армию — испанскую. Причина такого перехода была для наемников того времени веская: мадридский двор воевал с двором лондонским.

Принц Карл Генрих Нассау-Зиген принимает самое деятельное участие в осаде британской морской крепости Гибралтар. В тот памятный для европейской истории год — 1782-й — полковник испанской королевской армии принц Нассау-Зиген командовал плавучими батареями. Своим метким артиллерийским огнем они доставили большие неприятности английскому гарнизону Гибралтара.

К принцу Нассау-Зигену в тот год пришла заслуженная боевая слава. Среди сослуживцев он прослыл человеком храбрым и

энергичным. Прославляя себя на войне, он прославлял и королевскую корону Испании. Его гибралтарские заслуги в Мадриде оценили очень высоко. Иностранный наемник получил чин генерал-майора испанской армии и аристократический титул испанского гранда.

Англо-испанская война быстро закончилась. Искателю военных приключений и славы, признанному аристократу во Франции, в Испании и германских землях пришлось искать новое государство на Европейском континенте, где бы он мог предложить свой генеральский патент и шпагу уже прославившегося морского военачальника.

Долго искать и выбирать ему не пришлось. Раскинувшаяся вдаль и вширь на самой окраине Европейского континента Российская империя просвещенной монархини Екатерины II вела одну войну за другой. А иногда и по две сразу, одновременно. От иностранных наемников в России в первую голову требовалось только одно — иди, воюй за матушку Государыню и не посрами Российскую державу.

Принц Карл Генрих Нассау-Зиген прибыл в далекий от Мадрида Санкт-Петербург в 1786 году. Там он, как и ожидалось, нашел немало устроившихся при российском Императорском дворе дальних и не очень дальних родственников. На их поддержку и «замолвленное» где надо слово он мог положиться.

Иноземец довольно быстро и на редкость удачно сошелся с самым влиятельным екатерининским фаворитом князем Григорием Александровичем Потемкиным, вторым человеком в государстве. Однако на русскую военную службу генерал-майора испанской королевской армии сразу не приняли. Но титул настоящего принца — принца крови — даровал ему безбедную жизнь. Он оказался при дворе российской Государыни, но без определенных обязанностей. Таких, как он, было тогда немало.

Императрица Екатерина II Великая имела маленькую монаршую слабость — ей откровенно льстило, что в ее свите мелькали представители самых знатных аристократических фамилий Европы. Поэтому принц Карл Генрих Нассау-Зиген сразу же оказался по прибытии в Санкт-Петербург на «своем» месте. Он сопровождал самодержавную Государыню, будучи в ее многочисленной свите, во время поездки на Юг России. Во время этого путешествия и состоялось приглашение испанского гранда на русскую военную службу.

ВОЙНА В ВОДАХ ДНЕПРОВСКО-БУГСКОГО ЛИМАНА

Оттоманская Порта, потерпев полное поражение в «первой екатерининской турецкой войне», решила, не откладывая дела в долгий дипломатический ящик, взять реванш. Новый разрыв Стамбула с Россией привел к возникновению «второй екатерининской турецкой войны» 1787—1791 годов, в которой расцвела полководческая слава Александра Васильевича Суворова-Рымникского и поднялась флотоводческая звезда Федора Федоровича Ушакова. В этой войне взошла на небосклоне и адмиральская звезда Карла-Генриха-Николая-Отто Нассау-Зигена.

Не без протекции светлейшего князя Г.А. Потемкина-Таврического немецкий принц принимается на службу в военный флот России в чине контр-адмирала. При этом учитывается его участие в кругосветном путешествии мореплавателя Бугенвиля и командование испанскими плавучими батареями при осаде Гибралтарской морской крепости.

Нассау-Зиген назначается начальником Днепровской гребной флотилии. В самом начале русско-турецкой войны главные боевые действия разворачивались в Северном Причерноморье и в водах Днепровско-Бугского лимана. Выход из него на просторы Черного моря запирал многочисленный султанский флот.

С началом войны Днепровская гребная флотилия прикрывала подступы к городу Николаеву, где на верфях строились первые парусные корабли создаваемого Черноморского флота. Турки господствовали в водах лимана и в случае необходимости могли опереться на батареи Очаковской крепости. Они и начали первыми наступательные действия, уверовав в мощь орудийных залпов кораблей флота Блистательной Порты и многочисленность своих военных гребных судов.

Контр-адмирал Карл Генрих Нассау-Зиген мог противопоставить неприятелю, имевшему хорошо видимое превосходство в силах и количестве вымпелов на водной глади лимана, только собственную дерзость, храбрость русских экипажей и меткость канониров, орудия которых хотя и многочисленные, но были только малого калибра. Отсюда командующий Днепровской гребной флотилией слелал вывод: разбить турецкий флот он может только в ближнем морском бою. Русские флотилии — гребная принца (7 галер и 24 малых судна) и парусная — перегородили лиман у устья Днепра, встав на якоря.

Султанский флотоводец Хасан-паша уверенно повел армаду парусных и гребных судов по лиману, нацеливаясь на устье реки Днепра. Он совершенно не опасался мелководности хорошо знакомых ему лиманских вод.

Но именно на подводные опасности и сделал ставку в предстоящем морском сражении контр-адмирал Нассау-Зиген. Он верно рассчитал, что только скоротечная атака русских гребных судов делала для них легкой добычей турецкие громадные парусники. Те могли маневрировать в лимане только на буксире и с обязательным промером глубин.

В двухдневном сражении, которое произошло 17—18 июня 1788 года в Днепровско-Бугском лимане, неприятельский парусно-гребной флот был «совершенно» разбит русской флотилией. На второй день баталии в лимане гребные суда контр-адмирала Карла Генриха Нассау-Зигена в ходе четырехчасового боя уничтожили 3 вражеских линейных корабля, 5 фрегатов и 5 вспомогательных судов. С самого начала сражения 18 июня османы лишились всяких надежд на победу, настолько решительными и бесстрашными оказались действия атакующей гребной флотилии «неверных», отряды которой поспевали всюду.

Уцелевшие парусные корабли флотоводца Хасан-паши бежали из Днепровско-Бугского лимана в открытое море, встав на якорь у острова Березань. Большое число судов турецкой гребной флотилии укрылось под защитой крепостных стен Очакова, его сильных батарей. Там их экипажи чувствовали себя в полной безопасности. Неприятель посчитал, что напасть на него в таком положении может только безумец, не ценивший собственной жизни.

Таким безумцем, но вполне осмысленным, оказался командующий русской гребной флотилией. Принц Нассау-Зиген на деле познал все «мастерство» турецких пушкарей, которые не могли похвастаться ни меткостью огня, ни скорострельностью своих орудий. Полагаясь на своих канониров, суда Днепровской гребной флотилии атаковали остатки султанского гребного флота прямо под Очаковом, стремясь довести победное дело в водах лимана до конца. От атаки уцелели лишь считанные галеры неприятеля. Крепостной гарнизон оказался только безвольным свидетелем случившегося.

За проявленные в этих делах воинскую доблесть и мужество принц Карл Генрих Нассау-Зиген награждается чином вице-ад-

мирала и высокой орденской наградой Российской империи. Его мундир украсил Военный орден Святого великомученика и Победоносца Георгия сразу 2-го класса, минуя две его нижние степени. К такому Георгиевскому кресту для ношения на шее полагалась еще и орденская звезда.

Екатерина Великая оценила труды победителя в сражении на водах Днепровско-Бугского лимана вполне по достоинству. Высочайший наградной рескрипт гласил:

«...За оказанное им отличное мужество 1788 года июня 17 дня отражением в Очаковском Лимане турецкой морской силы, под командою Капитан-паши и одержанием под него знаменитой победы».

Победа в морском сражении действительно оказалась знаменитой и значимой в идущей войне России с Турцией. Думается, что современники триумфа Нассау-Зигена думали не совсем верно, что блестящая виктория в «Очаковском лимане» вскружила голову принцу Скорее всего, на фоне одержанной победы в морском сражении у именитого иностранца совсем по-иному стал смотреться его высокомерный нрав, который был свойственен принцу крови едва ли не с пеленок. Победитель турецкого флота под крепостью Очаков возгордился более, чем он мог себе позволить, состоя на русской военной службе.

Острее всех высокомерие чужестранного принца ощутил на себе генерал-фельдмаршал светлейший князь Таврический Григорий Александрович Потемкин Он терпеть не мог «меньших» сановников, которые, получая от него немалые милости, начинали задирать перед ним же нос. Победитель в «Очаковском лимане» разошелся с всесильным Потемкиным и был вынужден покинуть берега Черного моря, служба на которых могла принести ему еще не раз боевую славу.

Принцу и георгиевскому кавалеру Нассау-Зигену пришлось прибыть в Санкт-Петербург и вновь начать присутственную службу при дворе российской Государыни. Императрица Екатерина II, впрочем, продолжала благоволить к нему, хотя ее фаворит светлейший князь Таврический отзывался о нем весьма не самым лестным образом.

К этому времени в отечественной истории относится проект большой военной экспедиции россиян в Индию через Хиву и Бухару. Отдельные исследователи приписывают авторство этого проекта не кому иному, как Нассау-Зигену. При этом ссылаются на авантюрность многих его поступков.

Если такое суждение и верно, то новшеством оно не отличалось. Каждый раз, когда у России назревал военный конфликт с «владычицей морей» Великобританией, то в Санкт-Петербурге неизбежно рождалась авантюрная по своей сути идея нанести ближайший удар через пустыни и горы Средней Азии по самой «большой жемчужине английской короны» — Индии.

1-Е РОЧЕНСАЛЬМСКОЕ СРАЖЕНИЕ

Оставшись в стороне от флотских дел, вице-адмирал Карл Генрих Нассау-Зиген стал подвизаться на российском дипломатическом поприще. Императрица Екатерина Великая направляет его в служебное путешествие по различным европейским дворам с не совсем секретной миссией. Принцу поручается хлопотать о составлении тайного русско-французско-испано-австрийского союза, направленного против Оттоманской Порты. Однако Нассау-Зигену так и не удалось сдвинуть такое дипломатическое дело с места — помешала новая война.

Королевский двор в Стокгольме вознамерился взять реванш за все предыдущие военные поражения и территориальные потери у России. В Швеции посчитали, что ее сосед основательно увяз в войне с Турцией, отправив на Юг почти всю сухопутную армию. С этого и началась русско-шведская война 1788—1790 годов, которая не принесла лавров ее зачинателям.

Столичный Санкт-Петербург в который уже раз оказался под угрозой шведского удара со стороны Финского залива. В такой непростой ситуации вице-адмирал Нассау-Зиген назначается командующим Балтийским гребным флотом, или, как его еще называли, галерным. Ему предстояло поддерживать сухопутные войска на побережье и, самое главное, воспрепятствовать огромному по числу галер и других гребных судов неприятельскому флоту с многотысячным десантом на борту при его движении в глубь Финского залива, к городу на Неве.

В прибрежных шхерных районах Финляндии среди сотен островов, островков и скал развернулись жаркие морские баталии сотен гребных судов воюющих сторон. Русский командующий оказался, как говорится, «на коне» в той войне на Балтийском море среди финских шхер.

В первом же морском сражении при Роченсальме — на Роченсальмском рейде — Балтийский галерный флот России наголову разбивает неприятельский гребной. День 4 августа 1789 года стал еще одним адмиральским триумфом флотоводца Карла Генриха Нассау-Зигена.

Состав русского Балтийского гребного флота был необычен. Экипажи галер — гребцы и десантники, пушкари — состояли из солдат привилегированных гвардейских полков столичного гарнизона: Преображенского, Семеновского, Измайловского. Офицеры лейб-гвардии командовали галерами и другими гребными судами.

Первое Роченсальмское сражение с самого начала приняло ожесточенный характер и шло с переменным успехом. Шведы тоже жаждали победы, и были они хорошими мореходами и воинами. Исход морской баталии решили действия отряда русских галер под командованием капитана генерал-майорского ранга Юлия Помпеевича Литта, будущего капитан-командора мальтийского флота, принятого на русскую службу Императрицей Екатериной Великой.

Граф де Литта сумел в ходе сражения прорваться со своим галерным отрядом на выручку отряду генерал-майора Балле, который начал отступать под натиском и огнем шведской флотилии. Но для того, чтобы прийти на выручку, русским гвардейским экипажам графа Ю.П. Литта пришлось около восьми часов под сильным неприятельским огнем очищать проход на Роченсальмский рейд — его Королевские ворота от затопленных шведами судов. Появление нового отряда русских галер на рейде довершило разгром королевской гребной флотилии.

Вице-адмирал Карл Генрих Нассау-Зиген действовал в день 4 августа исключительно решительно, и победа Балтийского гребного флота вышла самая убедительная. Императрица Екатерина II восторженно восприняла весть о морской победе на ближних подступах к российской столице. Принц был награжден высшей наградой империи — орденом Святого апостола Андрея Первозванного.

Многочисленных высоких наград удостоились и многие другие герои 1-го Роченсальмского сражения. Граф де Литта, например, удостоился в Высочайшем указе сразу трех награждений — он был произведен в контр-адмиралы, получил орден Святого Георгия 3-й степени (минуя 4-ю) и наградное оружие — золотую шпагу.

Затем последовала еще одна победа на водах Финского залива. Балтийский галерный флот под командованием вице-адмирала Карла Генриха Нассау-Зигена 21 июня 1790 года выбивает из Биорке-Зундского пролива шведскую гребную флотилию с большими для нее потерями. Принц вновь действует энергично, демонстрируя завидный наступательный дух и давая командирам галерных отрядов возможность действовать инициативно, на свой страх и риск.

2-Е РОЧЕНСАЛЬМСКОЕ СРАЖЕНИЕ

Но после двух убедительных побед на Балтике принца Нассау-Зигена ожидали две большие неудачи, виновником которых был прежде всего он сам. Сперва его галерный флот опоздал к Выборгскому морскому сражению 22 июня второго года войны. Победитель под Роченсальмом оказался, но только отчасти, виновником того, что неприятельский парусный корабельный флот смог прорваться из Выборгского залива (где он был блокирован) в открытые воды Балтики и избежать полного поражения.

Вскоре, 28 июня 1790 года, состоялось 2-е Роченсальмское морское сражение, которое закончилось обидным поражением русского Балтийского галерного флота. Шведские гребные суда заняли сильную позицию среди островов Роченсальмского рейда, хорошо укрытые от разыгравшейся в Финском заливе штормовой непогоды. Вице-адмирал Нассау-Зиген пренебрег этим серьезнейшим обстоятельством и решил в непогоду атаковать неприятеля со стороны открытого моря. Он возжелал как можно скорее одержать на том же самом рейде повторную викторию над королевским галерным флотом.

Русские галеры, проделавшие трудный переход, с трудом держали строй среди разбушевавшейся водной стихии по пути к Роченсальму. Когда они подошли к проходам на внутренний рейд, гребцы были настолько измучены, что с большими усилиями управляли тяжелыми веслами. Многие из них оказались поломанными при частых столкновениях галер в штормовом море, и суда не держались в назначенной для сражения боевой линии.

Артиллерия шведских гребных судов, стоявших в полной безопасности от штормовой непогоды в глубине Роченсальмского рейда на якорях, хорошо подготовилась к встрече противника.

Орудия шведов открыли прицельный и губительный огонь по русским галерам, которые пытались при сильном волнении моря удержаться в боевой линии и организованно вести огневой бой на рейде.

Потери противоборствующих сторон во 2-м Роченсальмском морском сражении оказались разительно противоположными с итогами 1-го. Русские потеряли несколько десятков галер потопленными (не только от пушечного огня) и поврежденными, много солдат и офицеров лейб-гвардии потонуло во время шторма на море. Потери шведов оказались несравненно малы.

Хотя эта морская баталия и не сказалась на общем ходе и исходе той русско-шведской войны, она вошла в историю Балтийского флота России как самое обидное поражение. Казалось всем, будь принц Нассау-Зиген здравомыслящим флотоводцем, то подобного бы просто не случилось. Ведь истина была проста: галерным флотам в штормовом море сражаться не приходится.

Печальный результат 2-го Роченсальмского морского сражения современники, среди которых оказалось много завистников высокомерного заморского принца, историки отечественного флота и сам (!) Карл Генрих Нассау-Зиген приписывали только ошибкам командующего Балтийским гребным флотом. Надо отдать здесь должное самолюбивому вице-адмиралу — понесенное поражение он приписывал только лично себе и собственным ошибкам: излишней самоуверенности и легкомыслию.

Возможно, здесь сказались и еще две весьма существенные причины. Во-первых, принц Нассау-Зиген не имел должной практики командования таким большим числом гребных судов. И во-вторых, он не знал по личному опыту морской обстановки в Финском заливе, хотя у него были достаточно опытные и инициативные помощники, но к мнению других горделивый аристократ просто не прислушивался. Вернее, он не умел слушать советы других, кроме, естественно, коронованных особ.

Самовлюбленный до неприятия другими, Карл-Генрих-Николай-Отто Нассау-Зиген был настолько потрясен неудачей в большой морской баталии, что в самых расстроенных чувствах отослал Императрице Екатерине II все высочайше пожалованные ему российские ордена и знаки воинского отличия. Он чистосердечно раскаивался в поражении Балтийского гребного флота с его большими потерями в людях. Виновником всего принц считал прежде всего самого себя и только одного себя. Такое

обстоятельство в определенной степени смягчило отношение к нему современников.

Российская Государыня ответила принцу Нассау-Зигену так: «Одна неудача не может истребить из моей памяти, что вы 7 раз были победителями моих врагов на юге и на севере». Ордена и знаки воинского отличия были возвращены их владельцу и с благодарностью приняты неудачливым флотским начальником.

Самодержавная правительница не забыла подлинных боевых заслуг Нассау-Зигена по заключению мирного договора со Швецией. Императрица Екатерина II наградила принца после победного завершения войны чином полного адмирала русского флота, золотой шпагой с алмазами и дорогим серебряным столовым сервизом. Такие награды свидетельствовали, что Карл Генрих Нассау-Зиген не потерял высочайшего расположения к собственной персоне.

Однако унизительное поражение во 2-м Роченсальмском морском сражении со шведами оказалось роковым для самолюбивого и обладавшего известным тщеславием немецкого принца. Воспоминания о понесенном поражении нарушали его душевное равновесие. Адмирал чувствовал себя совершенно чужим в чужой для него стране.

К тому же недоброжелатели Нассау-Зигена при Императорском дворе «не забывали» вспоминать о той морской баталии, которая среди прочего стоила жизни многим гвардейским офицерам из самых знатных фамилий Российской империи. Это было едва ли не главной причиной того, что столичное аристократическое общество оттолкнуло от себя принца крови из Германии.

ПРОЩАНИЕ С ЧУЖДОЙ ЕМУ РОССИЕЙ

В мае 1792 года принц Карл Генрих Нассау-Зиген с Высочайшего разрешения убывает в продолжительный заграничный отпуск. Из него он вернулся в Россию только в конце следующего года. Адмирал снова вступает в командование гребным флотом Финского залива. Однако иностранец на русской военной службе, по всей видимости, уже определенно решил ее оставить.

С Россией этого человека ничего не связывало, если не считать адмиральской славы и одержанных побед на Черном и Балтийском морях. Друзей у высокомерного чужеземца среди русских

военных начальников не оказалось. Семьей в чужой стране он так и не обзавелся, имений и недвижимости здесь не имел. Поэтому никто и не стал удерживать знатного иностранца, пожелавшего после ратных трудов возвратиться восвояси, в свое отечество.

В 1794 году после неоднократных просьб на имя Императрицы Екатерины II адмирал принц Нассау-Зиген Высочайшим указом был уволен со службы на военном флоте России Отпускали георгиевского кавалера и полного адмирала с подобаемыми его званию почестями. В отставку он уходил с полным содержанием, что давало ему возможность вполне безбедно вести оставшуюся жизнь за российскими пределами.

Отставной адмирал принц Карл-Генрих-Николай-Отто Нассау-Зиген покинул земли Российского государства и поселился во Франции. Там он и умер в 1808 году.

Российские историки относятся к этой довольно противоречивой фигуре в годы царствования Екатерины Великой по-разному. Здесь, несомненно, сказывается то обстоятельство, что немецкий принц и испанский гранд Нассау-Зиген, как личность наемного иностранца, особых симпатий не вызывает. Такое мнение давно сложилось и устоялось.

Но ради исторической справедливости все же следует заметить, что побед в морских сражениях у адмирала флота государства Российского принца Карла Генриха Нассау-Зигена все же было больше, чем поражений.

МАРШАЛ ФРАНЦИИ, СТАВШИЙ ФЕЛЬДМАРШАЛОМ РОССИИ

Генерал-фельдмаршал герцог Виктор-Франциск де Брольо

В отечественной истории это единственный случай, когда прославленный во многих европейских войнах и больших сражениях маршал Франции добровольно стал генерал-фельдмаршалом Российской империи. Сделал он это с одной-единственной целью — в искреннем желании вооруженной рукой восстановить в своем Отечестве, охваченном революцией, монархию, вернуть в Париж династию Бурбонов...

ВНУК И СЫН МАРШАЛОВ ФРАНЦИИ

Герцог Виктор-Франциск де Брольо родился в 1718 году. Его родословная велась от древней аристократической фамилии. Он мог гордиться не только этим — его дед и отец были заслуженными на полях брани маршалами Франции, главнокомандующими ее армией. Герцог де Брольо станет третьим в роду человеком, кто будет носить это высшее воинское звание Французского королевства. Родословной герцога могли позавидовать многие европейские коронованные аристократы из числа тех, кто хотел выбиться в полководцы.

Разумеется, у Виктора-Франциска не могло быть никакой другой биографии, кроме как военной. Любимый отец — 1-й герцог де Брольо Франсуа-Мари — желал видеть сына не иначе как полководцем французских королей, достойным и славным продолжателем рода. Он не ошибся в будущем своего наследника. Тот действительно станет для истории Франции и Европы 2-м герцогом де Брольо и тоже в звании королевского маршала.

Брольо-старший дал Брольо-младшему самое блестящее домашнее военное образование. Под отцовским командованием сын прошел прекраснейшую практику в военных походах и сражениях, будучи у герцога де Брольо Франсуа-Мари способнейшим учеником и в победах, и в поражениях, поскольку война даже для самого великого полководца состоит не только из одних триумфов и викторий.

Посвятив себя с самых юных лет военной службе, Брольо-младший уже в 1734 году под знаменами отца участвует в сражениях против австрийцев при Парме и Гвастелле. Война за польское наследство шла с переменным успехом, и наследник герцогской короны на отцовском примере учился, как следовало с достоинством уходить от поражений, не уповать на одержанную победу.

Маршал Франции 1-й герцог де Брольо не мог не нарадоваться на способного в ратной науке сына. Тот сперва блистал в военных делах рядовым офицером, но с высокой родословной. А затем быстро вырос под заботливой опекой Брольо-старшего в королевского военачальника, способного к самостоятельному ведению операций. Естественно, что герцогский титул здесь играл немалую роль. Но все же при продвижении по служебной лестнице будущего маршала Франции преобладали его природные дарования.

Путевкой в полководческую жизнь для Брольо-младшего стала оборона крепостного города Праги от австрийцев в 1742 году. Тогда он и заслужил славу как командира решительного, смелого и верного французской королевской династии. Последнее и предопределило всю дальнейшую судьбу герцога Виктора-Франциска де Брольо, одарив его и воинской славой, и личными невзгодами.

ПОЛКОВОДЕЦ КОРОЛЯ ЛЮДОВИКА XV

Первую самостоятельную большую победу во главе французских войск внук и сын маршалов Франции добыл в 1758 году в ходе Семилетней войны. Его победа 11 июля близ города в Германии под названием Зандерсгаузен стала знаменитой в европейской военной истории. Армия немецкой земли Гессен под командованием генерала принца Изенбургского в той баталии была разбита французами наголову.

Королевский двор в Париже с получением такого победного донесения ликовал. И было от чего — французская армия овла-

дела одним из крупнейших в Германии княжеством. Гессен на время войны стал частью владений Франции. Главнокомандующий неприятельской армии принц Изенбургский, генерал стойкий и умелый, едва не попал в плен, как многие его офицеры.

В следующем, 1759 году 1 апреля французская армия под знаменами де Брольо-внука (и сына) одерживает еще более блестящую победу. Под городом Берлином разбивается ганноверская армия, которой предводительствовал принц Брауншвейгский Фердинанд, искуснейший полководец того времени. Громкость и убедительность одержанной победы состояла не только в том, что французов было всего 25 тысяч человек, а немцев-ганноверцев — 40 тысяч. Сражение велось королевским полководцем талантливо, он не оставил неприятелю никаких шансов на успех.

В сражении под Берлином ганноверцы потеряли только убитыми 6 тысяч человек, в том числе и боевого генерала принца Изенбургского. Две тысячи солдат и офицеров оказалось в плену у французов, которые в качестве трофеев получили пять пушек. Потери победителей оказались несравненно малы.

Французский король Людовик XV прислал победоносному полководцу долгожданный для него маршальский жезл. Австрийский император возвел герцога де Брольо Виктора-Франциска в достоинство имперского князя. Слава маршалов Франции из рода Брольо получила достойное продолжение.

После одержанной большой виктории над ганноверской армией французы продолжили победоносный поход по германским землям. Войска маршала де Брольо-третьего вступают в город Геттинген, а затем берут приступом крепость Минден. Королевский полководец принуждает сложить оружие генерала Застрова с отрядом в полторы тысячи человек. Под Бергеном терпит новое поражение принц Брауншвейгский Фердинанд со своей ганноверской армией. Этот город остается за французами.

Все эти победы были одержаны полководцем герцогом де Брольо в одном, 1759 году. Семилетняя война стала полем славы для одного из самых известнейших маршалов Франции. Каждая его победа вызывала в Париже бурный восторг.

Армия Франции в 1760 году снова занимает силой оружия Гессенское и Ганноверское княжества. Маршал де Брольо располагает там свои войска на зимние квартиры. В Париж от него на имя короля Людовика XV уходят только победные депеши. В сорок с небольшим лет полководец с герцогским титулом по-

лучает европейское признание своего военного таланта. Становится он известным и в России.

Но уже следующий, 1761 год принес новоиспеченному маршалу Франции первую серьезную неудачу. Разгромленный им принц Фердинанд Брауншвейгский воспрянул духом — прусский король подкрепил союзника своими хорошо вымуштрованными полками. Неприятель повел наступление на войска герцога де Брольо, и тому пришлось отступить к городу Франкфурту. Но французы под натиском врага отходили искусно, не расстроив собственные ряды.

Отход к Франкфурту можно рассматривать умелым тактическим ходом полководца Франции. Вскоре он неожиданно для ганноверцев и пруссаков переходит к активным, наступательным действиям и одерживает новую победу. 9 марта маршал де Брольо нападает близ Гринберга на войска племянника Фердинанда, наследного принца Брауншвейгского и наносит ему полное поражение. Неприятель рассеивается по округе, в плен берется более двух тысяч человек, а трофеями победителей становятся 13 полевых орудий.

Последующими маневренными действиями без серьезных боевых столкновений маршал Франции принуждает ганноверскую армию и союзных ей пруссаков оставить владения Гессенского княжества. После этого герцог де Брольо присоединяется со своими полками к королевской армии принца де Субиза для дальнейших совместных действий в Германии.

3 июля того же 1761 года под Виллинсгаузеном происходит сражение между объединенной французской армией и ганноверской с ее союзниками. Маршал де Брольо-третий решительно атаковал правое крыло войск принца Брауншвейгского Фердинанда и в первый день баталии имел несомненный успех, потеснив неприятеля с занимаемой им позиции.

Но на следующий день ганноверцы со всей настойчивостью атаковали полки герцога превосходящими силами. И маршалу Франции, так и не получившему достаточного подкрепления от принца де Субиза, пришлось отступить от Виллинсгаузена. При этом его полки покинули поле битвы в большом беспорядке, о чем сразу же стало известно в Париже.

Поражение в сражении при Виллинсгаузене имело для герцога де Брольо трагическое окончание. Оно стало концом его так успешно начинавшейся карьеры как подководца короля в звании маршала Франции. Он потерпел обидное во всех отношениях поражение не на поле брани, а в ходе придворной интриги, в

которой его противник в лице принца де Субиза переиграл королевского полководца, как говорится, по всем статьям.

Поражение от ганноверцев окончательно привело к полному несогласию между собой двух знатных и властных полководцев. Но в отличие от герцога принц де Субиз пользовался покровительством госпожи Помпадур, всесильнейшей любовницы короля Людовика XV, которая только одним словом своим могла освободить от должности любого министра Франции, не считая уже должностных лиц более низшего ранга.

На помощь маркизы Помпадур и рассчитывал принц де Субиз. Он стремился снять с себя несомненную вину за серьезное поражение французской армии в Семилетней войне и свалить королевскую кару на плечи другого полководца в лице герцога де Брольо.

ПАДЕНИЕ И ВЗЛЕТ ПО ВОЛЕ МАРКИЗЫ ПОМПАДУР

Фаворитка короля Людовика XV маркиза Помпадур, начавшая блистать при парижском дворе как Жанна Антуанетта Пуассон, без особых усилий «низвергла» маршала Франции. Принц де Субиз сумел «доказать» вину герцога де Брольо в поражении под Виллинсгаузеном: последний будто бы, желая присвоить себе всю славу победителя и уверенный в полном успехе, не сообщил ему о своем намерении атаковать ганноверцев и завязать сражение.

Маршал Франции тщетно уверял разгневанного короля и его окружение: что принц де Субиз, побуждаемый завистью к его полководческой славе, интригует против него. Герцога де Брольо в Париже никто даже слушать не хотел. И монарх, и при дворе хорошо знали позицию в споре двух военачальников маркизы Помпадур.

Правительство Людовика XV обвинило маршала виновным в поражении французской армии и обошлось с ним достаточно сурово. Герцога лишили командования войсками, почестей и удалили на постоянное место жительства в деревню, в родовое поместье. Он был лишен права появляться в столице и проживать в ней.

Таким образом герцог де Брольо оказался отлученным от привычного ему образа жизни и от королевского двора. Семилетняя война заканчивалась без его участия. Но оказавшийся в изгнании из Парижа, отлученный от французской армии прославленный полководец сохранил любовь и уважение своих соотечественников.

В те годы на театральных сценах столицы с успехом шла трагедия Вольтера «Танкред», в ходе которой один из актеров с пафосом произносил стихотворные строки: «Участь героя терпеть преследование». Эти слова театральная публика встречала общим рукоплесканием в честь невинного изгнанника Виктора-Франсуа де Брольо, маршала Франции, принесшего Отечеству столько военных побед.

По прошествии некоторого времени изгнанный в собственное имение герцог де Брольо решился «нижайше» обратиться к прямой виновнице своего падения с поста главнокомандующего королевской армией. Маркиза Жанна Антуанетта Помпадур, помня, как герой-полководец в годы Семилетней войны слал ей реляции о своих победах, исходатайствовала перед королем Людовиком XV разрешение опальному маршалу проживать в Париже. Монарх, как всегда, благосклонно отнесся к просьбе фаворитки.

Людовик XV, который во всеуслышание считал герцога де Брольо одним из главных виновников неудач Французского королевства в Семилетней войне, смягчился еще и по другой причине. В числе защитников отставного полководца находилась такая влиятельная личность при парижском дворе, как испанский посол.

Получив таким образом личную свободу, герцог де Брольо возвратился в Париж и вновь вошел в его аристократическую семью. Однако прежнее положение было им безвозвратно утеряно, и маршалу Франции пришлось окончательно смириться с обстоятельствами, которые были против него. Оставалось только терпеливо ждать момента, когда судьба вновь обернется к нему лицом.

Такой случай представился довольно скоро. Кончина короля Людовика XV вывела герцога де Брольо в 1774 году на скользкое поприще царедворцев. Под его личное командование вновь стали вверяться французские войска. Он начал принимать участие в решении государственных вопросов, и, как казалось, былое положение при королевском дворе вновь возвращалось к родовитому аристократу.

Пожалуй, маршал Франции, при случае всегда напоминавший окружающим о своих военных победах, переоценил свои возможности и свой вес при дворе. Он серьезно поссорился с влиятельнейшим человеком в Париже военным министром герцогом Шоазелем. Тот не преминул использовать данную ему власть, и герцог де Брольо во второй раз устраняется от командования королевской армией.

СМУТНОЕ ВРЕМЯ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Наступило смутное время Французской революции. Уже самое ее начало сблизило нового короля Людовика XVI со своим действительно верноподданным полководцем, который, несмотря на все личные невзгоды, конечно же оставался ярым монархистом, сторонником Бурбонов и не вел, в отличие от многих при дворе, двойственную политику. Несчастный монарх приблизил к себе дважды попадавшего в опалу маршала Франции, решив опереться на него в борьбе за сохранение собственной власти в стране, охваченной революционным брожением.

Герцог де Брольо назначается военным министром Франции и начальником королевских войск, собираемых для усмирения мятежного Парижа. Полководец действует решительно, готовясь к нелегкой борьбе с революционной столицей. Но каждый раз его решительность натыкалась на безволие монарха, которому он, однако, продолжал служить верой и правдой. Тот был против пролития крови соотечественников, отказавшихся ему повиноваться.

Когда военный министр окончательно понял это, он решил спасти короля Людовика XVI, предложив ему вместе с семейством удалиться до лучших времен в пограничный город Мец. Маршал Франции вызвался сопровождать его с верными солдатами в целях личной безопасности своего монарха. Однако тот заколебался в выборе окончательного решения своей судьбы.

После долгих размышлений король отверг предложение преданного ему старого полководца. Людовик XVI предпочел совет своего друга герцога Лианкура. Монарх распускает собранные с трудом военным министром войска, готовые выступить и сражаться за монархию Бурбонов, и после этого отдается в руки Народного собрания Франции, таким образом собственной рукой подписывая себе смертный приговор.

В такой внешнеполитической ситуации маршал Франции герцог де Брольо своевременно покидает родину. Он сопровождает графа Артуа, брата короля, который тоже спасает собственную жизнь бегством. Тем самым представитель династии Бурбонов избавляется от суда, который в революционном «порыве» мог вынести ему только обвинительный, смертный приговор. Король же вскоре кончает жизнь на эшафоте. Монархия была низвергнута, и Франция объявляется республикой.

Революционные ветры «вымели» из Франции многих монархистов, прежде всего аристократов и дворян. Эмигранты были настроены решительно для восстановления в покинутом ими Отечестве прежнего государственного строя. Герцог де Брольо становится одним из лидеров военной эмиграции и всюду ратует за немедленное восстановление силой оружия во Франции династии Бурбонов.

Прославивший свое имя в уже далекой по времени Семилетней войне полководец словно не ощущал веяния эпохи. Он старается вторгнуться в покинутую им навсегда Францию с отрядом вооруженных эмигрантов. Но на той стороне государственной границы сторонников свергнутой королевской династии ожидает полное неприятие их намерений. Время для восстановления монархического строя в стране пока еще не пришло.

Изгнанные из Франции сторонники низвергнутых Бурбонов стали искать высокого покровительства в европейских государствах, где здравствовал монархический строй. Там они в большинстве случаев находили высокое покровительство, поддержку (хотя бы на словах) в намерениях и кров Многие французские аристократы в те годы нашли пристанище в Российской империи.

Это было не случайно. И Императрица Екатерина II Великая, и наследовавший ее престол Император Павел I Петрович были настроены самым решительным образом против любых революций и тому подобных общественных, политических движений. Даже тех, которые хоть как-то были направлены против монархического образа правления в европейских странах

ЭМИГРАЦИЯ. ГЕРЦОГ В РОССИИ

Потерпев полную неудачу в деле военного вторжения монархистов в пределы республиканской Франции, герцог де Брольо в числе многих своих единомышленников отправляется в Россию. Он намеревается именно там найти полную поддержку в борьбе против революционеров в собственном Отечестве.

В Санкт-Петербурге маршалу Франции, прославленному полководцу, устраивается почетная встреча. Российская аристократия сразу же принимает его в свой круг, как и прочих французских эмигрантов из аристократических фамилий. Такое было вполне объяснимо: в ту эпоху монархи Европы боролись с революциями сообща и не без успеха.

Император Павел I сразу же берет знатного по всем статьям эмигранта под свое высокое покровительство. 26 октября 1797 года герцог Виктор-Франциск де Брольо принимается на русскую военную службу. Маршал Франции становится генерал-фельдмаршалом российских войск, и ему назначается высокое жалованье. Впрочем, не жаловались на свою судьбу в России и большинство других французских аристократов-эмигрантов.

Новоиспеченному российскому генерал-фельдмаршалу де Брольо в то время было уже семьдесят девять лет от роду. Герцог еще пылал завидным усердием восстановить в покинутой им Франции монархию. Ей служили верой и правдой все его прославленные предки, и этой родовой традиции изменить он просто не мог.

Король Людовик XVIII так высоко отзовется о герцоге де Брольо-третьем: «...со старой опытностью» бывший и заслуженный маршал Франции «соединял молодую храбрость» Действительно, престарелый полководец оказался до последних дней своей жизни в числе самых рьяных сторонников свергнутой династии Бурбонов.

Надежды французских эмигрантов-монархистов на российского Императора-самодержца Павла I не оправдались. Границы республиканской Франции оказались слишком удалены от Санкт-Петербурга не только на географической карте. Поэтому послать на Париж русскую армию оказалось делом просто невозможным.

Были и другие веские причины несбыточности надежд герцога и его сподвижников. Не только Павел I, но и другие европейские монархи не горели желанием восстановить на троне в Париже Бурбонов военной или иной силой. Воображение всех поражало то, как Людовик XVI так легко и безропотно отдал свою королевскую власть республиканцам всех мастей и оттенков.

В России герцог де Брольо окончательно потерял надежду быть полезным законному своему королю. Да и к тому же он чувствовал, что теряет вес в эмигрантских монархических кругах из-за своего преклонного возраста. Верному слуге династии Бурбонов пришлось устраивать свою судьбу, поскольку в русской армии он просто числился, а не служил в подаренном ему Императором Павлом I столь высоком чине.

Почтенный годами французский полководец в 1799 году испросил у российского Государя Высочайшего дозволения на увольнение с русской военной службы. Его просьбу уважили и с почестями, подобающими его чину, проводили генерал-фельдмаршала в отставку.

Герцог де Брольо покинул российские пределы, с которыми его ничего не связывало, и переехал на постоянное место жительства поближе к родине, в Германию. Активной монархической деятельности он уже не вел. Маршал Франции и генерал-фельдмаршал армии Российской империи мирно кончил свои дни в городе Мюнстере в 1804 году на восемьдесят шестом году от рождения.

Известно, что он очень внимательно следил за войнами, которые успешно вела революционная Франция. Герцог-эмигрант предрекал генералу Наполеону Бонапарту большое будущее еще в самом начале его карьеры. В полководческих способностях будущего императора де Брольо-третий не ошибался.

Во французскую военную и политическую историю герцог Виктор-Франциск де Брольо вошел как полководец-аристократ, всегда готовый на самые решительные действия не только на посту военного министра. Некоторые исследователи считают, что именно этот человек мог бы спасти падающий трон короля Людовика XVI и избавить его от смертного приговора революционного Конвента.

«Дюк Виктор-Франциск Брольо, пылкий, слишком откровенный, отличался непоколебимой верностью к Престолу, примерною неустрашимостью; имел ум образованный, ловкое, приятное обращение в обществах; был не всегда счастлив на бранном поле, но победами своими прославил оружие единоземцев, которые отдают полную справедливость военным его доблестям».

Такая характеристика была дана герцогу де Брольо через многие годы после его кончины. Это вполне справедливо и понятно. Служба его в русской армии, которая по времени укладывалась всего в два года, была последней строчкой в послужном списке заслуженного французского полководца.

ОСВОБОДИТЕЛЬ НЕАПОЛЯ

Контр-адмирал Григорий Григорьевич Белли

ИЗ ФЛОТА КОРОЛЕВСКОГО НА ФЛОТ ИМПЕРАТОРСКИЙ

Императрица Екатерина II Великая во многом шла по стопам родоначальника Российской империи Петра I Великого. При ней отечественный военно-морской флот вновь обрел свою былую мощь и одарил историю государства целым созвездием красивых побед в войнах на море. Но корабли строились гораздо быстрее, чем шла подготовка офицерского корпуса Российского Императорского флота. Тогда официальный Санкт-Петербург и пошел по старому испытанному — петровскому пути: стали приглашать иностранцев, желающих служить (за хорошую плату, разумеется) под славным русским Андреевским флагом.

Среди таких искателей воинской славы, высоких чинов и материального достатка оказался младший офицер британского королевского флота Белли (Белле). Он только-только начинал службу военного моряка, и потому его приняли в русский флот рядовым мичманом. Первоначальное назначение он получил на речную — Донскую военную флотилию.

Мичману Генриху Белли (по-русски он писался Григорий Григорьевич) пришлось командовать на Дону и мелководном Азовском море небольшими гребными судами. Они предназначались для прибрежного плавания и имели небольшие по числу людей команды. Все артиллерийское вооружение судов Донской военной флотилии за редким исключением состояло из одной-двух малокалиберных пушек. Однако такая служба давала молодым офицерам хорошую морскую практику на будущее.

С 1787-го по 1798 год Генрих Белли плавал уже в Черном море. Он успешно командует небольшими парусными судами в составе Севастопольской корабельной эскадры. В его послужном списке значилось участие в таких победных для русского оружия морских сражениях, как при острове Фидониси (Змеином), в Керченском проливе, у Гаджибея и мыса Калиакрия.

Прославленный русский флотоводец адмирал Федор Федорович Ушаков, неизменный победитель турецкого флота, был доволен подчиненным ему англичанином на русской службе. Тот обещал в скором времени вырасти в толкового командира большого парусника — фрегата или линейного корабля. Для этого у него были все задатки и завидное стремление утвердить себя на капитанском мостике.

Однако действительно прославиться Григорию Григорьевичу Белли довелось не в русско-турецких войнах и не под знаменами адмирала Ф.Ф. Ушакова. Наемный англичанин отличится на войне против наполеоновской Франции – и на море, и на суше, на итальянской земле...

КОМАНДИР ФРЕГАТА «СЧАСТЛИВЫЙ»

В июле 1798 года в далеком от Санкт-Петербурга Средиземном море произошло событие, не имевшее вроде бы никакого отношения к России. Над столицей Мальтийского ордена городом-крепостью Ла-Валеттой взвился трехцветный французский флаг. Республиканский генерал Наполеон Бонапарт объявил об упразднении ордена госпитальеров. Отныне Мальта являлась владением Франции, гражданами которой становились все жители этих средиземноморских островов.

Однако захват Мальты французами российский Император Павел I Петрович воспринял как личное оскорбление. Еще бы, совсем недавно Государь милостиво принял по просьбе мальтийских рыцарей высший сан ордена — звание великого магистра. Теперь же приходилось опасаться революционной Франции и ее войск на южных границах империи.

Против Парижа стали ополчаться монархи чуть ли не всей Европы. Россия заключает антифранцузский союз с Великобританией и Оттоманской Портой. Согласно договорным статьям, в 1798 году экспедиционная эскадра вице-адмирала Ф.Ф. Уша-

кова через черноморские проливы вышла в Средиземное море. Русские Андреевские флаги затрепетали на ветру в «пределах Мидетеранских».

В составе эскадры севастопольских кораблей в числе прочих шел и фрегат «Счастливый». Вел его капитан-лейтенант Российского флота Г.Г. Белли. Уже опытный военный моряк и отважный воин, он еще не предполагал, что скоро его имя станет олицетворением воинской доблести, человечности и гуманности.

Ушаковская экспедиция имела целью освобождение от французов Ионических островов и Южной Италии. Русские моряки шли в воды Средиземноморья как освободители, а потому дух их был высок и помыслы благородны.

Война против революционной Франции на просторах Средиземного моря велась успешно. Экипаж фрегата «Счастливый» принимает самое деятельное участие при взятии островов Цериго, Занте, блокаде и штурме со стороны моря сильной неприятельской крепости Корфу на одноименном острове.

Действия командира корабля заслуживают самую высокую оценку командующего эскадрой. За отвагу и находчивость при овладении островом Цериго, на котором капитулировали гарнизоны крепостей Святой Николай и Капсало, по представлению вице-адмирала Ф.Ф. Ушакова капитан-лейтенант Григорий Белли удостаивается ордена Святой Анны 2-й степени.

Еще большая награда должна была ожидать командира фрегата «Счастливый» за участие в штурме крепости Корфу. Один из отечественных историков по этому поводу замечает: «Во время осады Корфу Белли не сидел сложа руки и если не получил в период блокады острова никакой награды, то только потому, что император Павел был недоволен вообще всей экспедицией...»

В 1799 году капитан-лейтенант Григорий Белли, продолжая командовать все тем же фрегатом «Счастливый», участвует в экспедиции отдельного отряда капитана 2-го ранга А. Сорокина к берегам Южной Италии. В состав отряда первоначально входило четыре фрегата и два вспомогательных судна.

Русским кораблям и десантникам предписывалось оказать содействие в восстановлении прежней власти в Неаполитанском королевстве (Королевстве обеих Сицилий). Его монарх — король Фердинанд — был низложен французскими войсками и местными республиканцами. Ему пришлось бежать в город Палермо под защиту английской эскадры адмирала Горацио Нельсона.

Обстановка в Италии для Парижа в тот год была сложной. Апеннины полыхали пожаром войны. На севере страны непобедимый русский полководец Александр Васильевич граф Суворов-Рымникский громил армии французской Директории. На юге действовали местные повстанцы — лаццароне, что в переводе с итальянского значит «оборванцы».

Антифранцузским движением было охвачено и почти все Неаполитанское королевство, вместо которого по решению Парижа была создана так называемая Партепонейская республика. Местное население, поверив сначала в броские республиканские лозунги французов, вскоре убедилось в том, что они ведут себя как обыкновенные иноземные захватчики. Влиятельная на неаполитанской земле Католическая церковь умело вела пропаганду против республиканцев и в поддержку изгнанного короля Фердинанда.

23 апреля 1799 года экспедиционный отряд капитана 2-го ранга Сорокина подошел к портовому городу Бриндизи. Высадившиеся с фрегатов на берег десантники восстановили в нем власть неаполитанского монарха, не встретив при этом серьезного сопротивления.

Далее русские корабли повернули на север и осадили приморскую крепость Мало. Высаженным на берег корабельным десантом численностью около 500 человек командовал капитан-лейтенант Григорий Белли. Его действия оказались настолько успешными, что французский гарнизон вскоре выбросил белый флаг и капитулировал. Такая же участь в скором времени постигла и крепость Фаджио в городе Манфредонии.

ПОХОД НА НЕАПОЛЬ. ШТУРМ ГОРОДА

Развивая успех, командир группы кораблей ушаковской эскадры решил организовать десантный отряд для оказания содействия войскам неаполитанского короля в освобождении приморских городов и столицы Неаполя. Капитаном 2-го ранга А. Сорокиным командование отрядом поручается известному мастеру занятия французских крепостей на Средиземноморье командиру фрегата «Счастливый». Под его начальство поступает 511 матросов и морских солдат (морских пехотинцев) с шестью полевыми орудиями.

Свою самостоятельную командирскую деятельность на юге Италии капитан-лейтенант Г.Г. Белли начал с того, что воздвиг на горе

Кольено полевое укрепление. Оно получило название форта Святого Павла — в честь здравствующего всероссийского Императора. На горе Кольено начали формироваться местные повстанческие отряды. Вскоре десантный отряд Белли пополнился еще сотней русских моряков с кораблей сорокинского отряда.

Перед русскими моряками стояла нелегкая задача. Хотя к этому времени большая часть морского побережья находилась в руках сторонников неаполитанского короля, его столицу все еще занимали французские войска. Десантному отряду Белли предстоял поход на город Неаполь со всеми его трудностями и сложностями.

12 мая в поход выступил авангард русского десанта — 120 моряков-черноморцев с двумя пушками. Через одиннадцать дней отправились в путь остальные силы капитан-лейтенанта Григория Григорьевича Белли. Так начался беспримерный в истории европейских войн поход: малочисленный отряд моряков-десантников шел брать приступом столицу одного из государств континента.

По пути к Неаполю к Белли присоединились отряды католического кардинала Руффо, фактического главнокомандующего королевскими войсками. Его фанатично настроенное войско представляло собой полупартизанские, полуразбойничьи отряды. Пользы от такого союзника ушаковскому офицеру было немного, но выбирать союзника не приходилось.

Оценивая боевую деятельность капитан-лейтенанта Г.Г. Белли в те походные дни, неаполитанский министр Антониу Мишеру, сопровождавший русский отряд по пути к столице Королевства обеих Сицилий, писал вице-адмиралу Ф.Ф. Ушакову:

«Я написал вашему превосходительству несколько писем, чтобы уведомить вас о наших успехах. Они были чудесными и быстрыми до такой степени, что в промежуток в двенадцать дней небольшой русский отряд возвратил моему государству две трети королевства».

Такое благодарное признание министра короля Фердинанда было более чем исчерпывающее. Действительно, перед русским отрядов моряков-десантников французы и местные республиканцы отступали повсюду, стараясь до поры до времени не ввязываться даже в небольшие бои.

К Неаполю русские моряки подступили 2 июня 1799 года. Капитан-лейтенант Белли торопился, поскольку его главным козырем была внезапность. Он действует самым решительным и бесстрашным образом. Один за другим перед атакующими складывают оружие гарнизоны трех фортов, прикрывавшие приморский город с суши. Сильного и стойкого сопротивления они не оказали.

Теперь путь русским преграждала река Себето с мостом через нее, носившим название Святой Магдалины. Его прикрывала 6-орудийная батарея и 2-тысячная бригада под командованием генерала Виртцема. На фланге ее позиции, у морского берега белела парусами неприятельская военная флотилия под флагом итальянского республиканца адмирала Карачиолло.

В самом городе тоже не дремали, там спешно готовились к обороне. На неаполитанских улицах устанавливались батареи и отдельные орудия, воздвигались баррикады. Под ружье встала вся национальная гвардия Партепанейской республики. Каждый дворец или крепость в городе были превращены в маленькие каменные крепости. Особые надежды защитники Неаполя — французы и местные республиканцы — возлагали на неприступные в истории старинные замки Кастель-дель-Ово и Кастель-дель-Кармине. Главные силы городского гарнизона под командованием генералов Бассети и Серра сосредоточились на высотах, господствовавших над большей частью городских кварталов.

Не теряя даром времени, капитан-лейтенант Белли с ходу начал бой за овладение мостом через реку Себето. Русские пушки открыли беглый сосредоточенный огонь по неприятельской батарее на противоположном берегу. Моряки-канониры стреляли с открытых позиций прицельно и отменно, и вскоре все шесть французских орудий замолчали одно за другим. Их расчеты проиграли артиллерийскую дуэль.

Затем наступила очередь канонерских лодок республиканского адмирала Карачиолло. Несколько метких залпов русской батареи, и два судна, взлетев на воздух, исчезли в водах Неаполитанского залива. После такого остальные канонерки, отстреливаясь из своих пушек, отошли подальше от берега. Мост Святой Магдалины находился совсем недалеко от моря.

Ободренные таким успехом, моряки-черноморцы и морские солдаты бросились в штыки через мост на противоположный речной берег. В ходе атаки бригада генерала Виртцмена, превосходившая числом десантный отряд, была обращена в бегство. Сам бригадный генерал был убит при попытке остановить панику среди своих солдат. Победителям достались в качестве трофеев шесть брошенных расчетами пушек с зарядными ящиками к ним.

Сражение за Неаполь только начиналось. Русский десантный отряд, сбив неприятеля с позиции у моста Святой Магдалины, стал быстро продвигаться к самому городу. Тем временем к нему со стороны ворот Капо-де-Монте подошли отряды монархистов кардинала Руффо. В Неаполе началось сметение, и его защитники отошли в немалом беспорядке в замок Кастель-дель-Нуово. Там французы и национальные гвардейцы привели себя в порядок и начали контратаковать наступавших русских моряков и королевские отряды.

Бои на городских улицах и площадях шли двое суток. Пока войско кардинала Руффо предавалось с его дозволения грабежам и насилиям, матросы и морские солдаты капитан-лейтенанта Белли овладели штурмом сильнейшим укреплением Неаполя — замком Кастель-дель-Кармине. Затем последовал отчаянный штыковой бой с контратакующим тысячным республиканским отрядом. И снова неприятель был обращен в бегство.

После этих успехов незахваченными оставались еще хорошо укрепленные замки Кастель-дель-Нуово и Кастель-дель-Ово. Укрывшиеся в них французы и республиканцы-итальянцы сдаваться на милость победителей не собирались. Отряд Белли несколько дней готовился к штурму замков, продолжая вести схватки в городских кварталах.

6 июля русские пушки начали прицельную бомбардировку замков, откуда повелась ответная стрельба. Ожесточенная пушечная перестрелка продолжалась двое суток. И вновь французским орудийным расчетам пришлось замолчать под меткими выстрелами противника. Вскоре защитники замков Кастель-дель-Нуово и Кастель-дель-Ово капитулировали перед русским десантным отрядом. После этого в городе были ликвидированы последние очаги сопротивления.

МИЛОСЕРДИЕ РУССКИХ И МЕСТЬ КАРДИНАЛА РУФФО

Однако дальнейшие события в столице Неаполитанского королевства развернулись совсем по иному сценарию. Они шли вразрез с подписанными капитан-лейтенантом Белли положениями о капитуляции французского гарнизона и местных республиканских отрядов.

К городу, в котором уже не шли бои, подошла эскадра лорда Горацио Нельсона. Ее корабли бросили якорь в Неаполитанском заливе. Английский адмирал не пожелал признать все ранее заключенные обязательства между победителями и побежденными. Более того, герой Трафальгарского морского сражения приказал повесить на своем флагманском корабле адмирала-республиканца Карачиолло, а после этого выбросить его тело за борт.

Местные монархисты и мародерствующие отряды кардинала Руффо начали резню в городе всех, кто хотя бы сочувствовал республиканцам и французам. Жертвами убийц стали многие тысячи ни в чем не повинных людей, вырезались целые семьи, а их имущество разграблялось. Улицы Неаполя были завалены трупами, которые долго не убирались. Но и в этой, казалось бы, безвыходной обстановке русские моряки проявили свои лучшие человеческие качества.

Один из отечественных историков так оценивает действия русских десантников в те поистине трагические для Неаполя дни, когда город был охвачен кровавым террором против республиканцев:

«...Везде, где можно, оказывали помощь и защиту всем, кто ее у них просил, и таким образом спасли от смерти пользовавшегося в то время огромной популярностью композитора Чиморозо. Наш десант своею замечательной дисциплиной и честностью внушал к себе такое уважение неаполитанцев, что дом, в котором квартировал русский офицер или солдат, делался уже неприкасаемым убежищем...»

Вскоре не без помощи русских моряков удалось несколько обуздать распоясавшихся убийц, которые творили свое черное дело днем и ночью. При этом они встречали открытое одобрение своего предводителя кардинала Руффо. И молчаливое — неаполитанского короля Фердинанда и его супруги Каролины, сестры французской королевы Марии-Антуанетты, казненной в Париже революционерами-республиканцами.

Вскоре десантный отряд капитан-лейтенанта Григория Белли оказался в весьма затруднительном положении. Пока русские моряки освобождали столицу Королевства обеих Сицилий, политическая ситуация на Средиземноморье изменилась. Командующему экспедиционной эскадрой вице-адмиралу Ф.Ф. Ушакову пришлось отозвать к Корфу крейсерский отряд капитана 2-го ранга Сорокина.

Немногочисленный русский десантный отряд остался один в Южной Италии. Теперь ближайшим российским военачальником

для Белли стал победоносно действовавший на Севере Апеннин генерал-фельдмаршал и пока еще не генералиссимус А В Суворов-Рымникский. Ему и рапортовал о своих боевых успехах командир фрегата «Счастливый»:

«Мая 10 высажен я с вверенным мне десантным войском для покорения провинции Апулии, которую привел в подданство короля двух Сицилий и даже до самого Неаполя и оный взял силою оружия, разбил неприятеля во многих местах, где только повстречал: при входе в Неаполь взял три замка и одну батарею, а потом Кастель-Нуово, Дель-Ово, крепость Сенто-Эльму и город Капую Имею честь донести Вашей Светлости, что неаполитанские владения освобождены . »

Но на этом боевая деятельность русского десанта на неаполитанской земле не ограничилась Пока поджидались корабли ушаковской эскадры, моряки капитан-лейтенанта Белли освободили от неприятельских отрядов, которые занимались мародерством, города Гасту и Ливорно

Говорят, что когда Император Павел I получил сообщение о взятии Неаполя немногочисленным русским десантным отрядом, он поначалу отказался верить в такое чудо на войне. А затем монарх в восторге воскликнул:

— Белли думал удивить меня и Европу, так и я его удивлю!

Российский Государь пожаловал капитан-лейтенанту орден Святой Анны высшей — 1-й степени. Такая императорская награда по статусу полагалась на военном флоте особам не ниже адмиральского чина. Что ж, Павел I ничуть не преувеличивал: совершенный англичанином на русской службе воинский подвиг был вполне достоин столь высокой награды. В Высочайшем рескрипте значилось:

«Господин флота капитан 2 ранга Белли (в капитаны 2-го ранга Г.Г. Белли был произведен одновременно с орденским награждением — *А. Ш*) за взятие Неаполя и храбрость, при этом оказанную, изъявляем вам Наше благоволение и в знак онаго Всемилостивейше жалуем мы вас кавалером ордена Нашего Святые Анны первого класса, коего знака при сем к вам препровождая повелеваем возложить оные на себя Пребывая впрочем всегда Вам благосклонны.

Павел.

С.-Петербург.
Августа 4 дня 1799 г.».

Не менее красноречивым было и послание из Неаполя в российскую столицу на берегах Невы. Оно пришло на имя королевского посла в России герцога Серро-Каприоло. В нем говорилось:

«...Малочисленный русский отряд оказал бесценную услугу королю, приобрел себе прочную славу, водворил благоденствие в обширной части государства и оставил в здешнем народе на вечные времена самое выгодное мнение о храбрости, дисциплине и отличной нравственности русского войска».

После всех этих памятных для истории событий за офицером флота государства Россиийского Григорием Григорьевичем Белли закрепилось мнение из рязряда почетных и славных. Теперь его часто стали называть не иначе как Освободитель Неаполя.

После отплытия десантников из Неаполя средиземноморская служба командира фрегата «Счастливый» капитана 2-го ранга Г.Г. Белли продолжалась еще долгих три года. Однако в каких-либо серьезных операциях против французов участвовать ему больше не удалось. Русская экспедиционная эскадра занималась в основном крейсерскими рейдами, ее корабли несли дозорную службу.

Лишь в 1803 году экипаж Освободителя Неаполя вернулся к родным черноморским берегам. Фрегат бросил якорь не в Севастопольской гавани, а в порту города Николаева. Причина тому была основательная: после длительного морского плавания корабль нуждался в основательном ремонте.

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛУЖБЫ В РОССИИ

По прибытии в Севастополь из ушаковской Средиземноморской экспедиции Белли получает новое назначение. Он становится командиром 74-пушечного линейного корабля «Азия». Всего через год ему вновь пришлось пройти через Босфор и Дарданеллы в Средиземное море уже достаточно хорошо знакомым маршрутом. Антинаполеоновские войны в Европе шли своим чередом.

Линейный корабль «Азия» поступает под начало командующего вооруженными силами Российской империи на Средиземном море вице-адмирала Д.Н. Сенявина. Эту экспедицию русской корабельной эскадры в истории называют еще и как Адриатическая, поскольку основные операции против сил наполеоновской Франции разворачивались в Адриатическом море.

И вновь имя Белли мелькает в победных реляциях в далекий Санкт-Петербург. «Освободитель Неаполя» отличается при блокаде со стороны моря Новой Рагузы и Пароса, захватывает в качестве приза два крупных французских военных транспорта. Он берет у наполеоновцев город и крепость на островах Курцола и Лисса. Командуя отрядом кораблей сенявинской эскадры, изгоняет из приморского города Каттаро неприятельский гарнизон и овладевает всей Катторской областью на восточных берегах Адриатики...

В том Средиземноморском походе русского флота капитану 2-го ранга Г.Г. Белли вице-адмиралом Дмитрием Николаевичем Сенявиным оказывается особая честь. Ему, как одному из наиболее отличившихся офицеров эскадры, было поручено принять под командование линейный корабль «Селафаил». Это был бывший турецкий «Сед-аль-Бахр», захваченный в Афонском морском сражении, в котором султанский флот оказался наголову разгромленным.

Григорий Григорьевич Белли вписал свое славное имя и в число георгиевских кавалеров русского флота В 1807 году за свои восемнадцать морских кампаний он награждается Военным орденом Святого великомученика и Победоносца Георгия 4-й степени.

В следующем, 1808 году капитана 2-го ранга Белли неожиданно отзывают из Средиземного моря в Россию Его постигает несправедливая опала. Заключение Тильзитского мира между Императором Александром I и Наполеоном Бонапартом привело к резкому изменению внешнеполитического курса Российской империи. Она заключила союз с наполеоновской Францией, против которой воевала не один год, и на суше, и на море.

Официальный Санкт-Петербург сперва избавляется от такого прославленного флотоводца, как адмирал Д Н. Сенявин А затем наступает очередь и его боевых капитанов, которые так «насолили» французам в Средиземном море. Эта участь в числе первых постигла и командира одного из лучших линейных кораблей сенявинской эскадры георгиевского кавалера Григория Григорьевича Белли.

С Освободителем Неаполя у французов были особые, старые счеты. Известный исследователь истории отечественного флота Ф.Ф. Веселаго так пишет о правительственной расправе с героем освобождения столицы Неаполитанского королевства:

«...Французам не нравилось, что один из командиров кораблей русской эскадры был англичанин Белли, причем и сам Сенявин не избегнул обвинения в близких и частых сношениях с англичанами...»

Первое время отправленный в отставку капитан 1-го ранга Г.Г. Белли жил в столичном Санкт-Петербурге, надеясь, что его все же вернут на флотскую службу. Затем он перебрался на жительство в далекую от морей первопрестольную Москву, откуда вскоре уехал на берега Волги, в город Саратов.

Освободитель Неаполя был незаслуженно отлучен от флота на целых четыре года. О нем перестал вспоминать даже тогдашний морской министр адмирал Чичагов, который одним росчерком пера вернул французам все ранее завоеванные русскими моряками в Средиземном море боевые трофеи: знамена, пушки, корабельные флаги, вымпела, документы...

ВНОВЬ НА ВОЙНЕ С ФРАНЦИЕЙ

Вторжение Великой армии великого завоевателя Наполеона Бонапарта в пределы России и начавшаяся Отечественная война 1812 года прервали вынужденную отставку капитана 1-го ранга Григория Григорьевича Белли. В Морском министерстве «быстро» вспомнили о нем, опальном капитане сенявинской эскадры. Черноморскому флоту требовались опытные командиры, поскольку не исключалась возможность боевых операций против французского флота.

Белли без промедлений прибывает в такой хорошо знакомый ему Севастополь. Там он получает вновь под свое командование 74-пушечный линейный корабль «Азия». Опять начинаются морские походы, испытания жестокими штормами, боевая учеба и флотские маневры. «Азия» вскоре становится одним из лучших кораблей Черноморского флота, блистая высокой выучкой экипажа и образцовой морской культурой нижних чинов, офицеров и командира.

Когда на Европейском континенте закончились продолжительные антинаполеоновские войны, Белли получает новое назначение: с должности командира линейного корабля его переводят командиром 59-го флотского экипажа. Теперь у него становится больше служебных обязанностей и больше хлопот. Однако он и здесь примерно «правит» начальственную службу.

В марте 1816 года Григорий Григорьевич Белли получает контр-адмиральский чин. Его он заслужил долголетней флотской службой и участием в войнах на море и суше против французов и турок. И, наконец, главным делом всей своей жизни — освобождением города Неаполя, столицы Королевства обеих Сицилий и Партепонейской республики.

В следующем году контр-адмирала и георгиевского кавалера Г.Г. Белли возвращают на море. Он принимает командование 3-й бригадой линейных кораблей Черноморского флота и вновь оказывается в Севастополе. До самого последнего дня своей жизни старый российский моряк выводил в открытое море многопушечные красавцы парусники.

Как дань ратным заслугам прославленного моряка в начале XX столетия пенил воды Балтийского моря эскадренный миноносец из серии «Новик», носивший на своем борту имя «Белли». Россия не забывала своих героев, даже если они и были иностранцами на русской военной службе.

ПАРИЖАНИН, ШТУРМОВАВШИЙ РОДНОЙ ПАРИЖ

Генерал от инфантерии граф Александр Федорович Ланжерон

НА СЛУЖБЕ В АРМИЯХ ФРАНЦУЗСКОЙ И АМЕРИКАНСКОЙ

Андро Ланжерон принадлежал к старинному французскому аристократическому роду, к середине XVIII века уже обедневшего. С этого времени его представителям приходилось собственными трудами и прежде всего на поприще военной службы «выбиваться в люди». Знатность происхождения служила лишь подспорьем для французских аристократов Ланжеронов, от былого богатства которых оставались только воспоминания и семейные предания.

Ланжерон родился не в провинции, а в самой французской столице Париже в 1763 году. Это свидетельствовало и о том, что немало его ближних и дальних родственников занимали там самые различные государственные посты, но не самые значительные. Юный граф получил прекрасное домашнее образование, отличался начитанностью и хорошими манерами поведения. Родители дали ему изысканное, «парижское» воспитание, видя в нем будущее рода Ланжеронов. Однако судьба подававшего большие надежды аристократа так и не связала его с отечеством.

Повзрослев, Андро Ланжерон оказался перед выбором своего жизненного пути в начинавшейся самостоятельной жизни. Он остановился (чего и ожидали его родные и друзья) на военном поприще. Благо многие его однофамильцы служили под знаменами королей Франции не одно столетие, но при этом на полководческие вершины никому из рода взойти не удалось.

В семнадцать лет парижский аристократ из обедневших начал службу в полку графа Дама. Случилось это в 1780 году. Служба в привилегированной воинской части столичного гарнизона оказалась непродолжительной, она длилась всего два года.

Молодой парижанин стремился к воинским приключениям и офицерской славе. Но то и другое предстояло где-то найти, поскольку Французское королевство пока ни с кем воевать не торопилось, даже со своим историческим противником-соседом — Великобританией. С англичанами у Андро Ланжерона были давние «фамильные счеты», что и предопределило его дальнейшие поступки.

В 1782 году девятнадцатилетний граф Ланжерон отправляется в Северную Америку. Там он принимает участие (как и многие другие французские волонтеры) в войне Североамериканских штатов против Англии за свое освобождение. Офицер-парижанин храбро сражался против британцев под начальством генерала Вионилля и не раз заслуживал благодарности высшего командования американцев.

В той освободительной войне английских колоний в Северной Америке Ланжерон окончательно увидел смысл своей жизни в судьбе военного человека.Теперь он был готов верно и доблестно служить не только Франции, но и любому государству, которое могло по достоинству оценить его ратные заслуги и труды.

По заключению Версальского мирного договора граф Андро Ланжерон покинул ряды американской армии, которая уже ни с кем не воевала, кроме хотя и воинственных, но малочисленных индейских племен. Волонтер вернулся в Европу, в родную Францию. Некоторое время он жил в Париже, оставаясь не у дел.

В 1788 году двадцатипятилетний Ланжерон в чине подполковника, имея на руках прекрасные рекомендации, попытался поступить волонтером в австрийскую армию, сражавшуюся тогда против Турции. Однако император Иосиф II отказал ему в этом. По всей видимости, австрийский монарх не желал видеть в своих войсках французских офицеров, поскольку Париж не раз начинал войны против его империи.

Ланжерону пришлось искать новую страну, где бы он смог продолжить военную карьеру. Выбор его пал на Российскую империю, Государыня которой Екатерина II вела войну за войной, расширяя государственные пределы. Русская армия и флот рос-

ли и нуждались в немалом числе подготовленных, с боевым опытом офицерах и генералах. Французский аристократ нашел в России самый благосклонный прием, который превзошел все его ожидания.

В РОССИИ. ВОЙНЫ СО ШВЕДАМИ И ТУРКАМИ

При содействии знакомого ему по Парижу немецкого принца Карла Генриха Нассау-Зигена граф Андро Ланжерон 7 мая 1790 года зачисляется в русскую армию. Он назначается полковником в Сибирский гренадерский полк, имевший славную историю и богатые боевые традиции. С этого времени аристократ-парижанин, сохранивший в России свою знатную фамилию и став Александром Федоровичем, начал старательно изучать язык своего нового Отечества.

С самого начала пребывания в России мечты француза стали сбываться, поскольку он почти сразу же принял участие в идущей войне со Швецией. Сибирскому гренадерскому полку довелось действовать на судах Балтийской гребной (галерной) флотилии, где гренадеры исполняли роль и гребцов, и морских солдат-десантников. Полковник граф А.Ф. Ланжерон оказался «при деле», проявляя распорядительность, отменную личную храбрость и желание проявить себя на войне с самой приметной стороны. Производство в генеральский чин было его стародавней мечтой.

Карьера французского графа в третьей для себя армии складывалась просто блестяще. Он сумел чуть ли не сразу отличиться со своими сибиряками-гренадерами в сражении при Выборге, где полковник-иноземец командовал отрядом русской гребной флотилии, нанеся морским силам шведов немалый урон. Сибирский гренадерский полк в баталии на воде заслужил самую высокую похвалу.

За день 22 июня 1790 года Александр Федорович Ланжерон получил в награду Военный орден Святого Георгия 4-й степени из рук самой российской Императрицы Екатерины II. При этом волонтер не прослужил в рядах русской армии еще и двух полных месяцев.

После завершения русско-шведской войны георгиевский кавалер полковник Ланжерон отправляется на Юг России на новую

для себя войну — русско-турецкую 1787—1791 годов. На театр военных действий он прибывает из столицы осенью и оказывается в рядах полевой действующей армии, оперировавшей в то время на берегах Дуная. В войска он прибыл с репутацией командира, имевшего боевой опыт начальствования над командами гребных судов.

Это обстоятельство в какой-то мере и предопределило его новое назначение. Гренадерский полковник оказывается под начальством генерал-майора Иосифа де Рибаса, командовавшего русской гребной флотилией, воевавшей на дунайских водах. Ланжерон становится участником блокады крупнейшей турецкой крепости Измаил со стороны Дуная и ее бомбардировки с лежащего напротив города острова Чатал, где осаждавшие установили несколько батарей.

Во время кровопролитного штурма вражеской крепости полковник Александр Федорович Ланжерон шел в первых рядах идущих на приступ. В тот декабрьский день 1790 года он участвовал в броске колонны генерал-майора Арсеньева через Дунай с острова Чатал внутрь Измаильской крепости. Француз командовал по диспозиции батальоном Лифляндского егерского полка.

Штурм Измаила стал одной из вех в послужном списке будущего генерала от инфантерии Российской Императорской армии. Особой наградой полковнику графу Ланжерону за измаильское дело стала сильная контузия в ногу. Его лифляндские егеря отличились при приступе, а их временный командир показал себя перед самим генерал-аншефом Суворовым как решительный воинский начальник.

В следующем году — 1791-м, последнем в той русско-турецкой войне, георгиевский кавалер полковник А.Ф. Ланжерон отличился в сражении с султанскими войсками под Мачином. Тогда судьба свела его с будущим прославленным полководцем России Михаилом Илларионовичем Голенищевым-Кутузовым, еще только генерал-поручиком. Они смогли по достоинству оценить друг друга.

После сражения Голенищев-Кутузов докладывал командующему генерал-аншефу князю Н.В. Репнину: «...Полковник и кавалер граф Ланжерон находился везде, где была опасность». За Мачинское сражение француз на русской службе получил высокую боевую награду, Золотое оружие с надписью «За храбрость» — золотую шпагу, украшенную алмазами.

ПРОТИВНИК ФРАНЦУЗСКОГО ОТЕЧЕСТВА

Граф Андро Ланжерон, как и подавляющее число истинных французских аристократов, оказался в числе непримиримых противников республиканского строя на своей родине. С июля 1791-го по 1794 год полковнику русской армии пришлось сражаться против Франции в войсках первой коалиции европейских монархов против воинственной республики.

Потомок старинного аристократического рода вступает волонтером в войска французских эмигрантов. Затем он числится при армии Прусского королевства, которой командовал герцог Брауншвейгский. Но в том и другом случае ему отличиться не удалось, поскольку и эмигранты, и пруссаки терпели почти одни поражения.

Особенно деятельно полковник Ланжерон провел военную кампанию 1793—1794 годов в Нидерландах, находясь в рядах австрийской армии принца Саксен-Кобургского. В последнем случае французский граф исполнял роль порученца Императрицы Екатерины Великой, доставляя ей личные донесения о ходе боевых действий против республиканских войск. Ему несколько раз пришлось совершать поездки из Нидерландов в Санкт-Петербург и обратно.

С окончанием первой войны европейских государств против республиканской Франции граф А.Ф. Ланжерон вновь оказывается в России. В 1795 году он переводится в Малороссийский гренадерский полк и вскоре назначается его командиром. Им он командовал немного больше года, но сумел в обучении подчиненных достичь известных высот, что не осталось незамеченным армейским начальством.

22 мая 1797 года граф Ланжерон производится в генерал-майоры русской армии. Его мечта о генеральских эполетах сбылась в тридцать четыре года от роду. Он назначается шефом вновь сформированного Уфимского мушкетерского полка, отдавая много трудов обучению пехотинцев, наставляя полковых офицеров.

При вступлении на российский престол Императора Павла I Петровича начинается «звездный час» французского аристократа. Он пользовался неизменным расположением нового самодержавного Государя Российской империи. Сперва Александр Федорович Ланжерон, поскольку путь ему во Францию был давно заказан, был принят в российское подданство. Затем он производится в генерал-лейтенанты и назначается шефом Ряжского мушкетерско-

го полка. После этого следует назначение инспектором инфантерии (пехоты) Брестской инспекции.

Французский аристократ Высочайшим указом самодержца Павла I жалуется графом Российской империи Но высшей наградой для себя граф Ланжерон считал даже не это, а личную переписку с монархом, и не только по служебным делам. Однако царствование сына Императрицы Екатерины Великой долгим не оказалось.

После очередного в России дворцового переворота и убийства Императора Павла I генерал-лейтенант А.Ф. Ланжерон не остался без милостей нового Государя. Любимец отца нового самодержца продолжал занимать высокие посты в рядах русской армии.

В 1805 году граф Ланжерон принимает участие в сражении при Аустерлице, победу в котором Наполеон Бонапарт расценивал как самую большую удачу в своей полководческой биографии. В том деле георгиевский кавалер командовал второй колонной в левофланговом корпусе генерала от инфантерии графа Буксгевдена, на который французской армией был нанесен сильный удар.

Аустерлицкое сражение закончилось полным поражением союзников — русских и австрийцев. Решительно действовавшие наполеоновские маршалы уже в самом начале битвы отрезали от второй колонны Фанагорийский и Ряжский пехотные полки. После этого атакующие французы нанесли остальным полкам колонны генерал-лейтенанта Ланжерона большой урон в людях, заставив их отступить.

Гибельный исход сражения для некоторых пехотных полков, подчиненных французу, вызвал сильное неудовольствие Императора Александра I, если не сказать больше. Формально Государь присутствовал при русской армии, фактически же он командовал ею при Аустерлице, отстранив от власти главнокомандующего М.И. Голенищева-Кутузова. Гнев и раздражение самодержца по отношению к генерал-лейтенанту А.Ф. Ланжерону оказались настолько велики, что последнему даже предложили уйти в отставку.

Однако в ближайшем окружении Государя у французского и российского графа нашлись высокопоставленные заступники. Вскоре Император Александр I смягчил свое мнение о Ланжероне. Генерал-лейтенант «был назначен состоять при армии», не имея, однако, прямых служебных обязанностей. Ему предстояло выполнять отдельные поручения Императорской штаб-квартиры.

НА БЕРЕГАХ ДУНАЯ. СИЛИСТРИЯ И РУЩУК

С началом русско-турецкой войны 1806—1812 годов Ланжерон оказывается на Юге России. Войну он встретил, состоя при отдельной 13-й дивизии своего близкого друга и соотечественника герцога Ришелье. В военной кампании 1807 года генерал-лейтенант уже командовал отдельным отрядом русских войск в армейском корпусе, стоявшем на берегу Дуная под Измаилом. 7 апреля ланжероновские полки имели жаркую схватку с вышедшими из крепости гарнизонными войсками. В ходе боя неприятель оставил победителям два знамени и два орудия.

Слава искусного военачальника пришла к Александру Федоровичу в следующем, 1808 году. Главнокомандующий русской армией на Дунае князь Петр Иванович Багратион, ввиду угрожающего выдвижения многочисленного султанского войска под знаменами самого великого визиря к городу Бухаресту, предписал генералу Ланжерону принять все меры к защите будущей румынской столицы. В то время это был главный город Валахии и в нем находились многочисленные тыловые склады русских.

Будучи больным, генерал-лейтенант А Ф. Ланжерон тем не менее во главе 6-тысячного сводного отряда быстро двинулся навстречу наступавшим на Бухарест со стороны Дуная османам. При этом он достоверно знал о большом неравенстве сил сторон. Великий визирь вел с собой 20-тысячное войско и знал о своем численном превосходстве над подходившим противником.

29 августа 1809 года близ селения Фрасины произошло жаркое дело. Спешивший отряд Ланжерона нанес полное поражение авангарду турок под командованием известного опытностью султанского генерала Бошняка-аги. После одержанной убедительной победы русский отряд 31 августа подошел на расстояние пяти верст к стоявшему на дунайских берегах городу Журже, где находилась ставка великого визиря, который закончил переправу своих войск через реку.

Главнокомандующий Блистательной Портой на первых порах приказал укрепить походный лагерь, чтобы из него отбить ожидавшееся нападение подошедшего противника. Но Ланжерон, который значительно уступал ему в силах, проводил только демонстрационные действия, которые, как и замышлялось, возымели должное действие.

Султанский полководец «убоялся» маневров русских и попался на военную хитрость их военачальника. Он стал переправлять свои войска на противоположный, правый берег Дуная. Великий визирь отказался от первоначального намерения захватить столицу Валахии и уничтожить в Бухаресте тыловую базу багратионовской армии.

Одержанная победа при Фрасинах и принуждение турецких войск к отступлению из Валахии на болгарский берег Дуная вернули графу А.Ф. Ланжерону прежнее расположение Императора Александра I. Тот наградил его орденом Святого Владимира сразу 2-й степени, прислав из столицы «весьма лестный» Высочайший рескрипт.

Теперь генерал-лейтенанту стали поручать проведение больших операций. В 1810 году новый главнокомандующий Молдавской армией генерал от инфантерии Николай Михайлович Каменский поручает Ланжерону вести осаду крепости Силистрия. Турецкий гарнизон ее был многочислéнен и имел сильную артиллерию. Ланжерон, приняв командование над осадными войсками, приказал ускорить земляные осадные работы, одновременно ведя бомбардировку расположенного на дунайском берегу города-крепости.

Турки на сей раз не проявили большого упорства при обороне крепости. Они устрашились только одного вида русских осадных траншей, которые своими зигзагами с каждым днем неумолимо приближались к силистрийским укреплениям. Штурм ожидался изо дня в день и со всей неизбежностью грозил силистрийскому гарнизону большими потерями. Через неделю, 30 мая, осажденные, не дожидаясь приступа, сдались.

Наградой генерал-лейтенанту графу Александру Федоровичу Ланжерону за овладение крепостью Силистрия стал орден Святого Александра Невского. Орденская награда во всех отношениях была высокой и заслуженной.

Овладев крепостью на дунайских берегах, войска Ланжерона начали наступательные действия на болгарской земле. Во время обложения крепости Шумлы бывший осадный отряд в сражении при Дерикийкой разбивает 8 июля 1810 года 12-тысячный корпус паши Ахмет-бея. За одержанную победу граф награждается орденом Святого Георгия 3-й степени. Императорский указ был подписан Александром I в день 19 сентября того же года.

Вскоре генерал-лейтенанту А.Ф. Ланжерону представилась еще одна возможность самостоятельно одержать победу над турками.

15 сентября он добился капитуляции крепости Рущук, блокаду которой осуществлял его корпус. Теперь за графом в рядах действующей армии укрепилась слава деятельного и решительного военачальника.

В начале 1811 года главнокомандующий Дунайской армией Каменский серьезно заболел и начальствовать войсками, разбросанными вдоль северных речных берегов, уже не мог. На его место Император назначил генерала от инфантерии М.И. Голенищева-Кутузова. Исполнять обязанности главнокомандующего до приезда Михаила Илларионовича в войсках было поручено Ланжерону.

Новый главнокомандующий, прибыв на место, остался доволен состоянием корпуса генерал-лейтенанта А.Ф. Ланжерона, о чем не преминул написать военному министру М.Б. Барклаю де Толли. Голенищев-Кутузов начинает приводить в действие задуманный план на победное окончание затянувшейся войны против Турции. Ему приходилось торопиться — из Санкт-Петербурга письмо за письмом шли то просьбы, то требования Государя побыстрее завершить войну. Наполеоновская армия уже стояла на границах России, а немалая часть русских полков находилась далеко на Юге.

В сражении близ Рущукской крепости 22 июня граф Ланжерон командовал левым крылом русской позиции, много потрудившись для разгрома турецкой армии. Награда не заставила себя ждать, поскольку на сей раз Императгор Александр I оказался действительно щедр на монаршие милости. Александр Федорович Ланжерон получает чин генерала от инфантерии, свое последнее звание в рядах русской армии.

При окружении армии великого визиря на левом берегу Дуная у Слободзеи, решившем участь русско-турецкой войны, граф Ланжерон оказался деятельным помощником главнокомандующего. Он начальствовал над всеми войсками, блокировавшими на левобережье огромную султанскую армию. Блокада велась настолько «тесно», что не оставила неприятелю никаких шансов на избавление от капитуляции.

Его заслуги в одержанной виктории были несомненны. Генерал от инфантерии М.И. Голенищев-Кутузов писал в победной реляции Императору Александру I из Бухареста 14 декабря 1811 года:

«Изобразив Вашему Императорскому Величеству со всею моею откровенностию подвиги войск, частных генералов и господ офи-

церов и повергая их ко всемилостивейшему воздаянию, вместе с тем обязываюсь свидетельствовать об искусстве, мужестве и отличной ревности господ генерала от инфантерии Ланжерона и генерал-лейтенанта Эссена 3-го, бывших мне усерднейшими помощниками во всех случаях и оправдавших новыми опытами милости, изливаемые на них Вашим Императорским Величеством».

Победа русского оружия в войне России против Блистательной Порты принесла генералу от инфантерии графу Александру Федоровичу Ланжерону заслуженно высокую боевую награду — орден Святого Владимира 1-й степени. Такой высокой орденской награды среди людей военных в Российской империи удостаивались только большие военачальники, полководцы и флотоводцы.

ПОХОД РУССКОЙ АРМИИ В ЕВРОПУ

В Отечественную войну 1812 года французскому аристократу-эмигранту, ставшему российским верноподданным, вновь пришлось скрестить оружие со своими соотечественниками. Но это произошло тогда, когда Главная русская действующая армия под умелым командованием «спасителя Отечества» генерал-фельдмаршала М.И. Голенищева-Кутузова, чей полководческий дар был сродни суворовскому, успешно вела изгнание Великой армии Наполеона Бонапарта из пределов государства.

Генерал от инфантерии А.Ф. Ланжерон командовал одним из корпусов 3-й русской Западной армии адмирала П.В. Чичагова. Единственно крупным делом ее на территории России стало участие в сражении при городе Борисове. В том деле армейские войска, преследовавшие корпус наполеоновского маршала Виктора, разбили 17-ю пехотную дивизию неприятеля, которой командовал польский генерал Ян Домбровский. Победу в сражении закрепил корпус графа Ланжерона, занявший с боем Борисов.

С наступлением 1813 года русская армия начала свой освободительный поход в Европу. В самом начале года войскам генерала от инфантерии Ланжерона поручается осада вражеской крепости Торн. Осада оказалась недолгой: французский гарнизон, видя безвыходность своего положения, после семидневной осады капитулировал. Произошло это победное событие 4 апреля.

11 марта 1813 года граф Александр Федорович Ланжерон был удостоен полководческой награды — ордена Святого Георгия

2-й степени «...за отличие при блокаде Торна...». К ордену Император добавил еще и денежную награду в пять тысяч рублей, но не золотыми червонцами, а бумажными ассигнациями.

В осеннем походе 1813 года союзных армий георгиевский кавалер уже командует значительным по силам корпусом численностью в 42,5 тысячи человек. Корпус входил в состав союзной Силезской армии, которой командовал прусский генерал-фельдмаршал Блюхер, князь Вальштадтский. В составе этой армии русские полки приняли участие в знаменитом сражении 26 августа 1813 года под Кацбахом.

В сражении ланжероновский корпус составил левое крыло Силезской русско-прусской союзной армии. Французские войска под командованием маршала Франции Макдональда форсировали реку Кацбах (ныне река Качава в Польше), но были атакованы союзниками и отброшены назад. В ходе баталии произошла двухчасовая артиллерийская дуэль сторон, что привело к большим потерям в людях. Французы потеряли 15 тысяч человек убитыми и ранеными, оставив победителям в качестве трофеев более 100 орудий.

Победа Силезской армии оказалась полной. Участник Кацбахской битвы офицер-артиллерист подпоручик Г.П. Мешетич в своих мемуарах так описывает действия русских войск, находившихся на левом фланге позиции русской армии:

«...Неприятель, дойдя до форштадта города, еще остановился в значительных силах впереди оного, выстроив свою артиллерию, большею частию большого калибра, и открыл сильную канонаду; левый же свой фланг прикрыл деревнею, прилегающею к городу, в которую и стянул значительную часть пехоты. Оная деревня тотчас была атакована русскою пехотою и двумя шведскими и русской батареями; деревня зажжена, и неприятель был с оной вытеснен. Сумрак вечера прикрыл ретираду неприятеля и прекратил на сей день с обеих сторон сие кровопролитное сражение».

Подпоручик Мешетич рассказывает в этом эпизоде о действиях ланжероновского корпуса у деревни Шенфельд, откуда французы были выбиты после многократных атак русских. В сражении под Кацбахом войска Ланжерона при преследовании наполеоновцев отбили у них 22 орудия и принудили большую часть дивизии генерала Пюто (Пюжо) сложить оружие.

Дело при Кацбахе стало самым большим сражением для Силезской армии. За участие в походе армии прусского полководца Блюхера генерал от инфантерии А.Ф. Ланжерон удостоился вен-

зельного изображения Высочайшего имени на эполеты (была и такая награда в Российской Императорской армии) и 30 тысяч рублей.

Корпусу Ланжерона довелось принять участие в знаменитой «Битве народов» под городом Лейпцигом. В первый день сражения, 4 октября, русский корпус действовал близ селения Видерич и добился успеха: было пленено около 200 человек французов, в числе трофеев оказалось 13 неприятельских орудий и 80 зарядных ящиков, много личного оружия.

6 октября корпус сражался на северном участке боевой позиции союзников, которым начальствовал наследник королевского престола Швеции, бывший наполеоновский маршал Жан Батист Бернадот. Генерал от инфантерии А.Ф. Ланжерон оказался единственным из союзных военачальников — австрийцев, пруссаков, шведов и русских, которому удалось прорвать расположение французской армии в Лейпцигском сражении.

В ночь на 7 октября русский корпус был переброшен к Галлескому предместью, где укрепились французские войска. Утром Ланжерон овладел вражеским редутом. Русские батальоны, преследуя отходившего неприятеля, ворвались в Лейпциг и неожиданно появились перед мостом через реку Эльстер, по которому отступала на противоположный берег армия императора Наполеона. Французы, напуганные неожиданным появлением русских у единственной сохранившейся переправы через реку, преждевременно взорвали мост.

Решительные действия войск Ланжерона у Эльстерского моста имели тяжелые последствия для французской армии. Наполеоновский польский корпус маршала Франции князя Юзефа Понятовского, оборонявший предместье и прикрывавший отступление главных сил, был почти полностью уничтожен. Сам Понятовский утонул при переправе через Эльстер.

Затем последовало преследование наполеоновской армии, спешившей укрыться на левобережье Рейна. После этого корпус графа Ланжерона участвовал в осаде немецкого города Касселя. С 23 декабря наш генерал от инфантерии самостоятельно руководил блокадой города-крепости Майнц, которая закончилась уже в следующем, 1814 году — 31 января. После этой победы русский корпус вступил на землю Франции и присоединился к союзной армии под командованием генерал-фельдмаршала Блюхера.

ВЗЯТИЕ РОДНОГО ПАРИЖА

В составе этой армии ланжероновский корпус принимает участие в сражениях при Краоне, Лаоне и Фершампенаузе. В первом из них русским пришлось участвовать в отражении штыковых атак французов из корпусов маршалов Виктора и Нея. В итоге неприятелю пришлось отойти перед союзниками, которые имели двукратное преимущество в силах.

Сражение при Фершампенаузе (Фер-Шампенаузе) стало последним на севере Франции перед отречением Наполеона Бонапарта от императорского престола. В тот день корпуса маршалов Мармона и Мортье не смогли остановить наступление союзной армии на Париж и отступили.

Под самыми стенами Парижа русский корпус под командованием французского эмигранта графа Андро Ланжерона 18 марта 1814 года совершил еще один ратный подвиг, овладев высотами Монмартра. Тем самым судьба столицы империи Наполеона Бонапарта была, по сути, решена, поскольку господствующие над городом высоты оказались в руках союзников.

Вот как рассказывает о том историческом для антинаполеоновских войн дне М.М. Петров в мемуарах — «Рассказах служившего в 1-м егерском полку полковника Михаила Петрова о военной службе своей и трех родных братьев его, зачавшейся с 1789 года»:

«Полки нашего сводного большого Ланжеронова корпуса, составляя авангард Блюхеровой армии, взявшей прочими корпусами марш свой, для удобства нестесненного приступа к Парижу, вправо, к Мори, и далее к Сауссонской дороге, прибыли 17 марта ввечеру пред аббатство Св[ятого] Дионисия и стали аванпостным протяжением в близком виду Парижа; а на другой день, при утренней заре перейти Обервиль и отводок Урского канала, приступили к выстрелам батареей вершины и подошвы гордого Монмартра, маневрируя и сражаясь егерями с видами и начинаниями штурмовых предприятий для отвлечения французских войск с правого их фланга, от Бельвиля и Пантена, упорно и бурно пламеневших с раннего утра боевыми огнями обеих сторон, при нападении россиян и пруссаков, распоряжаемых самолично под выстрелами главнокомандующим ими Барклаем де Толлием, поспешившим исполнить дело свое иначе, нежели как Шварценберг при Дрездене в прошлом году пред тем.

В этот достопамятный грядущий векам день 18 марта лучи восходящего солнца смешались с пламенем ратоборных извержений огня, пылавшего на Бельвильской выси, Лавилетском удолье и вершине и по [до] шве Монмартра. Выстрелы артиллерии обеих сторон, рассвирипев, обратились в непрерывные раскаты грозы, яривше-йся за полуденные часы. Укрепления неприятельские, штурмованные гвардейским и гренадерским корпусами россиян, переходили несколько раз из обладания одних к другим, противным, до 4-го часу пополудни, в которое время русской гвардии 2-я дивизия под геройским распоряжением и предшествием представителя всей храбрости россиян генерал-лейтенанта Ермолова, подоспевшего на помощь опрокинутым многочисленностию французов гвардиям прусской и баденской, восстановила отрадный бой нашей стороне, очистивши все Пантенское предместье до заставы города. Оставалось только укротить гордыню широкотемего исполина — Монмартра и сжать огнеметные зевы его чудовищ, зиявших и поражавших ряды колонн нашего Ланжеронова корпуса. И вот к половине 5-го часу пополудни приспевший со всеми корпусами армии своей ретивый губитель французов фельдмаршал-форвертц Блюхер с размаху пустил штурмовую колонную нашу линию с музыкою, барабанным боем и криком «ура» на крутизны Монмартра. Наш 8-й корпус под командою Рудзевича двинулся на приступ, составляя правый фланг колонной линии пехоты Блюхера армии, начавшийся у шоссе, идущего в Сен-Дени из Парижа по аллее.

Ядра, гранаты, картечи и пули, осыпавшие колонны наши с вершины и уступов Монмартра, прекращали только стремление пораженных из нас, не спасая его от поражения. Пыхнул еще один бурный порыв геройства нашего, и победоносные стопы наши попрали вершину гиганта с 29 орудиями, на которой могучие орлы Александра распростерли свои крылия во благоизлияние человечеству. И там штурмовые крики замолкли, выстрелы средели, и вот пять, вот три и один — последний, прощальный той двухгодовой войны, раздавшийся и умолкнувший на вершине Монмартра! Пусть бы тогда отверзлась обитель небесного блаженства; пусть бы приклонились над нас седые чела русских героев. О, как мы были славны тогда и любезны всему свету, обратившемуся очеса свои к Секване!

Первый егерский полк наш, идя колонною своею на правом фланге Ланжеронова корпуса и всей армии Блюхера от Сен-Денисской шоссейной аллеи, сделал беговую егерскую быструю атаку на промежуток 10-саженной от подошвы горы до городской стены, где, отняв четыре орудия и ложамент, прогнал французов к стороне больницы Святого Лазаря, а потом выступил на Монмартр, выставив свою аванпостную линию пред стеною Парижа на расстоянии пистолетного выстрела.

К 7-ми часам вечера все было кончено, возвышения и удельные предместия правой стороны р. Сены, от Шарантона до Булонского леса, заняты были союзными войсками до самой каменной 10-аршинной высоты стены ограды Парижа, на расстоянии упора штыка русского! Легкие и батарейные орудия всей почти Союзной армии, взлетевшие во весь дух лошадей на выси и уступы высей, расставлены и нацелены были в кварталы средины Парижа; но объявленное перемирие, заключенное с маршалами Франции на несколько дней, укротило стремление разъяренных воинов Союзной армии нашей, покушавшихся истребить предвратные палисады и ворваться в самый Париж...»

Взятие корпусом генерала от инфантерии А.Ф. Ланжерона господствовавших над столицей Франции высот Монмартра решило судьбу Парижа. За взятие Монмартрских высот Император Александр I собственноручно наградил корпусного командира высшей наградой России — орденом Святого Андрея Первозванного.

Война союзных государств против наполеоновской Франции победно закончилась. Отрекшийся от престола император французов был сослан на остров Эльба, откуда, совершив поход на Париж, на сто дней вернул себе императорскую власть. Но под Ватерлоо, небольшой бельгийской деревушкой, Бонапарт терпит последнее поражение. Русская армия в том сражении не участвовала, хотя и спешила издалека на помощь к своим союзникам.

В апреле 1815 года генерал от инфантерии Ланжерон вел из России на запад 4-й и 6-й русские пехотные корпуса. С ними он дошел до Эльзаса и Лотарингии, где ему была поручена блокада нескольких французских крепостей.

ОДЕССКИЙ ГРАДОНАЧАЛЬНИК. ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРСТВО

После окончания антинаполеоновских войн 10 ноября 1815 года Александр Федорович Ланжерон назначается сперва херсонским военным губернатором, а в 1822 году — новороссийским генерал-

губернатором. В первом случае граф до 1820 года одновременно исполнял должность одесского градоначальника.

С именем графа А.Ф. Ланжерона в истории портового и молодого города России в Северном Причерноморье связано немало замечательных страниц. Так, в 1817 году губернатор открыл в Одессе знаменитый Ришельевский лицей, ставший подлинным украшением приморского города, который быстро рос и развивался.

Управление Одессой градоначальником графом Ланжероном памятно более всего тем, что при нем в городе было устроено порто-франко. Одессу и ее порт обвели таможенной чертой: до этой черты всем позволяли торговать беспошлинно. Если же кто вывозил товары за эту черту, то должен был уплачивать таможенную пошлину в государственную казну. Или, говоря современным языком, в Одессе была создана свободная экономическая зона.

Порто-франко сильно подняло значение Одессы на всем российском Юге. Со всего Черного моря и Средиземноморья в Одесский порт стали приходить в большом числе торговые суда с самыми разнообразными товарами, чтобы их выгодно, без всякой пошлины, продать и обменять В городе открылись банковские дома, которые быстро богатели. Прилив дешевых заграничных товаров самым благоприятным образом сказался на уровне жизни горожан. Население Одессы быстро росло, город расстраивался новыми улицами и кварталами.

За время правления графа Александра Федоровича Ланжерона Одесса пережила два самых блестящих года за все первое двадцатипятилетие своего существования. В 1816 году из Одесского порта было отправлено всевозможных товаров на сумму в 37,7 миллиона рублей, а в 1817 году — уже на 40 миллионов. За это время Одесса выдержала острое соперничество с Херсоном и Очаковом и превратилась в крупнейший торговый порт Российской империи на Черном море.

При Ланжероне «европейский воздух» Одессы стал привлекать сюда интеллигенцию из самых разных городов страны. Это особенно заметно стало в то время, когда прошла эпоха либеральных веяний в царствование Императора Александра I, и жизнь в столичном Санкт-Петербурге казалась для ряда свободомыслящих интеллигентов подчас невыносимым гнетом. Лично градоначальник Ланжерон сделал много для того, чтобы в Российском государстве появился еще один крупный центр культуры и просвещения.

По всей видимости, деятельность генерала от инфантерии графа А.Ф. Ланжерона пришлась не всем по вкусу в столице и при Императорском дворе. В 1823 году новороссийский генерал-губернатор довольно неожиданно увольняется от занимаемой должности. Одной из причин было пошатнувшееся здоровье Ланжерона. Он на несколько лет уезжает из России в Европу.

Однако долго за границей ему пробыть не пришлось. 1 июля 1826 года прославленный военачальник антинаполеоновских войн назначается членом Верховного уголовного суда по делу декабристов. Граф Ланжерон, убежденный противник любых проявлений республиканства, оказался в числе тех, кто голосовал за самые суровые наказания заговорщикам

ПОСЛЕДНЯЯ ВОЙНА ЛАНЖЕРОНА. ОТСТАВКА

С началом русско-турецкой войны 1828—1829 годов Император Николай I возвращает генерала от инфантерии А.Ф. Ланжерона в ряды русской действующей армии. Тем более, что боевые действия разворачивались в хорошо знакомых ему придунайских областях. Сперва граф находился в составе свиты Государя, самолично прибывшего на берега Дуная, являясь одним из его советников.

В конце июля 1828 года Александру Федоровичу поручается командование всеми русскими войсками, стоявшими в Валахии, столицу которой Бухарест он так успешно защищал в последнюю до того войну с Турцией. Одновременно ему поручается «наблюдение» за неприятельскими крепостями Журжей, Турно и Кале, из которых две последние вскоре были взяты русскими в ходе решительных штурмов.

Самодержец Николай I высоко отметил труды Ланжерона в той войне. Генерал от инфантерии и георгиевский кавалер назначается почетным шефом Ряжского пехотного полка. Как боевая награда ему высочайше жалуется одно из трофейных турецких орудий, захваченное в крепости Кале.

В марте 1829 года Александр Федорович Ланжерон «за болезнью» увольняется из армейских рядов с пожалованием от Императора 60 тысяч рублей. Заслуженного военачальника в отставку проводили с большим почетом.

Граф Ланжерон поселился в Одессе, которую полюбил в бытность свою городским градоначальником. Морской воздух и юж-

ная природа заметно поправили его здоровье. Но 4 июня 1831 года приехавшего в Санкт-Петербург по личным делам отставного генерала сразила холера, эпидемия которой в тот год свирепствовала в российской столице.

Память о французском аристократе-эмигранте, нашедшем в России свое второе Отечество, сохранилась в истории добрая. В «Военной энциклопедии» издательства И.Д. Сытина генералу от инфантерии Александру Федоровичу Ланжерону дается самая прекрасная характеристика:

«Блестяще образованный, утонченно вежливый, Ланжерон, обычно отличавшийся рассеянностью, с большим хладнокровием и выдержкой распоряжался в бою и сохранял при этом присущую ему веселость нрава; его боевой опыт был многосторонним; будучи человеком добрым и ласковым в обращении с подчиненными, он тем не менее не всегда был беспристрастен в отзывах о сослуживцах».

После себя известный военачальник русской армии граф А.Ф. Ланжерон оставил обширное мемуарное наследие на родном ему французском языке. В нем он рассказывает о важнейших событиях своего времени и 19 военных кампаниях, в которых он принимал участие. Рукописи Ланжерона хранятся по сей день в Париже, в архиве министерства иностранных дел. Часть из них была издана во французской столице и в переводе на русский язык — в России.

ДЕЛО ЕГО ЖИЗНИ — НАВАРИН

Адмирал Логин Петрович Гейден

Небольшая Голландия во все времена была страной моряков, отважных мореплавателей, обладала многочисленным торговым и сильным военным флотом. Ее территория изобиловала густой сетью каналов и плотин, а на верфях строились парусные корабли всех классов. В мировой истории есть страница, когда Голландия смело спорила за морское могущество с самой Британией. Но силы оказались не из равных, и пальму первенства на океанских просторах пришлось уступить англичанам.

Корабли из прибрежных городов Северного моря и торговых баз на реке Рейне бороздили все океаны Земли. Голландцы вели на водных путях-дорогах обширную и прибыльную торговлю, утверждая свой государственный флаг на островах пряностей в Индонезии и Карибского моря, на берегах Северной и Южной Америки, Южной Африки.

Торговые суда под голландским флагом были частыми гостями в российских портах, сперва в Архангельске, а затем в Санкт-Петербурге. Совсем не случайно первый всероссийский Император Петр I Алексеевич изучал кораблестроительное дело, навигационные науки в далекой от Москвы Голландии, в Амстердаме.

СТОРОННИК ПРИНЦЕВ ОРАНСКОГО ДОМА

Род баронов Гейденов слыл типичным среди своих соотечественников. Не одно его поколение связало свою жизнь с морем. Оно давало достаток и честь многим семьям даже тех городов и селений, которые далеко отстояли от моря и Рейна. А Гейдены в своем боль-

шинстве проживали в городе Гааге, стоявшем на берегу сурового штормами Северного моря, столице провинции Южная Голландия. В конце XVIII столетия Гаага относилась к числу больших европейских морских портовых центров.

В морепромысловой Гааге и родился Людвиг Сигизмунд Яков (Иаков) фон Гейден. Ему суждено было под именем Логина Петровича Гейдена, прославленного боевого адмирала и флотоводца, войти в российскую историю. Дата рождения известна — 25 августа, а о годе исследователи спорят: по одним данным — 1772-й, по другим — 1773-й.

Отец будущего российского адмирала происходил из знатного рода. В 1790 году барону Сигизмунду-Петеру-Августу фон Гейдену крупно повезло и на службе у императора Священной Римской империи: он был возведен в графское достоинство. Графом стал и его семилетний сын Людвиг.

Гейдену-младшему повезло с домашним образованием. Он воспитывался с сыновьями самого Вильгельма V, штатгальтера (статхаудера) Голландии — главы исполнительной власти в республике Соединенных провинций. Так тогда называлась Голландия. Благодаря воспитанию и семейным традициям Л.П. Гейден до конца своих дней остался убежденным монархистом, противником революционного республиканства.

В старину дети взрослели рано. Особенно в тех семьях, где приходилось помогать родителям зарабатывать на жизнь. Семейство новоиспеченного графа особым достатком не отличалось. С одиннадцатилетнего возраста Людвиг Гейден поступил на морскую службу, начав ее с азов — с должности корабельного юнги. Плавал простым матросом, старательно изучая штурманское дело. Отличался трудолюбием и настойчивостью в изучении мореходных наук.

Свою флотскую судьбу юный граф связал с Ост-Индией, прослужив в ней пять лет. Там он получил офицерское звание лейтенанта. Служба в голландском военно-морском флоте шла успешно, давая ему богатую морскую практику. К двадцати годам за плечами молодого офицера было уже несколько океанских походов, давших ему знакомство со многими портами четырех океанов Земли.

Возможно, и у себя на родине граф Людвиг Гейден смог бы добиться адмиральского звания, но судьба распорядилась иначе. Молодой флотский офицер оказался стойким противником тех

республиканских идей, которые несла по всей Европе французская буржуазная революция. Аристократ от рода становится участником политической борьбы, которая велась в Голландии — Соединенных провинциях на пороге XIX столетия.

В 1795 году, когда войска революционной Франции, где на смену свергнутой монархии пришло республиканское правление, заняли Нидерланды, лейтенант граф Гейден вместе с адмиралом Вальяно тайно в рыбачьей лодке переправляет принцев Оранского дома в Великобританию. По возвращении на родину флотский офицер подвергается политическим преследованиям и трехмесячному тюремному заключению. Заключение в тюрьму перечеркнуло все прежние заслуги Гейдена-младшего перед военно-морским флотом его Отечества.

Больше оставаться у себя дома лейтенант корабельной службы не мог. Переодевшись в крестьянское платье, он переходит границу и бежит из Голландии. Дальний путь лежал в Российскую империю, во все времена остававшуюся прибежищем многочисленных противников антимонархических режимов со всего Европейского континента.

Прибыв без особых хлопот в Санкт-Петербург, лейтенант голландского военного флота без особых хлопот добивается у Императрицы Екатерины II разрешения быть принятым на российскую службу. В то время на берегах Невы проживало немало аристократов — соотечественников фон Гейдена, которые держались дружно, когда речь шла о судьбе их единомышленника.

ПОД ФЛАГОМ АДМИРАЛА УШАКОВА

В ноябре 1795 года, как гласил Высочайший указ, граф Гейден, теперь уже Логин Петрович, был «принят из голландской службы в капитан-лейтенанты и определен в Черноморский флот», но без обязательства вступить в российское подданство.

Такое повышение в офицерском звании не могло быть случайным. По всей видимости, в Санкт-Петербурге Гейдену протежировали. К тому же молодой голландский флотский лейтенант обладал несомненным опытом морской службы. Россия же после побед в двух екатерининских русско-турецких войнах утвердилась на берегах Черного моря и создавала там военный флот, чтобы им прикрыть свои южные пределы.

Только сперва Логин Гейден попал на Черноморский гребной флот, который базировался в новых портовых городах — Херсоне, Николаеве, Одессе. Во втором из них капитан-лейтенант прослужил четыре года. Он командует сначала катером «Христофор», а затем небольшим парусным кораблем — бригантиной «Алексей». Уже тогда голландец на российской службе показал себя умелым корабельным командиром. Годы прошли в частых прибрежных плаваниях, и гейденовские экипажи на смотрах демонстрировали высокую морскую выучку.

В дальнейшем судьба Гейдена свела его с самым прославленным русским флотоводцем — Федором Федоровичем Ушаковым. Под его флагом он принимает участие в Средиземноморском походе 1798—1799 годов: Россия тогда в союзе с Турцией воевала против Франции. Победы А.В. Суворова в Италии и Швейцарии, а Ф.Ф. Ушакова — на море прославили тогда русское оружие.

Служа на ушаковской эскадре в отряде капитана 1-го ранга П.В. Пустошкина, капитан-лейтенант Логин Гейден участвовал в освобождении Ионических островов, крейсерстве на просторах Средиземного моря, высадке русских десантных войск на итальянской земле в городе Отранто. Адмирал Ушаков ценил офицера-голландца, командира бригантины «Алексей», за его практический ум, разумную исполнительность, способность командовать подчиненными, личную храбрость.

В октябре 1800 года Гейден покинул на корабле остров Корфу, штурм города-крепости которого стал самой славной страницей ушаковской экспедиции в Средиземноморье. Путь лежал в главную базу русского Черноморского флота город Севастополь. Боевые заслуги капитан-лейтенанта флотское командование оценило повышением в должности. Он получает назначение командовать фрегатом «Святой Иоанн Златоуст».

Еще согласно указу Императора Павла I в 1801 году на Черноморский флот была откомандирована из Санкт-Петербурга группа гардемарин Морского корпуса для освоения южного театра действий российского флота. До этого их морская практика проходила на Балтийском флоте. Будущих флотских офицеров поручили капитан-лейтенанту графу Л.П. Гейдену, командиру корабля с богатой мореходной практикой.

Фрегат «Святой Иоанн Златоуст» на время превращается в учебный корабль. Вместе с гардемаринами Гейден совершает плавание в Северном Черноморье между Николаевом, где зимовал

экипаж фрегата, Очаковом, Одессой, Козловом (Евпаторией) и Ахтиаром (Севастополем). Гардемарины знакомятся с черноморскими портами, командир корабля с их помощью проводит описание береговой линии и промерные работы — определение глубин в бухтах, вдоль побережья.

Гидрографическим, научным итогом плавания фрегата с группой гардемарин на борту стали приложенные к журналу учебного плавания несколько описаний. Среди них — план Ахтиарской бухты от мыса Херсонес с промером всех бухт, профиль берега Тарханкута, профиль Одесского берега и вид Крымского берега от Тарханкута до Ахтиара. В том, что в скором времени Севастополь с прекрасной Ахтиарской бухтой превратится в главную базу русского Черноморского флота, есть немалая заслуга и Л.П. Гейдена.

Чуткое и требовательное отношение Логина Петровича к практикантам — будущим флотским офицерам — сыграло свою роль в его дальнейшей судьбе. В рапорте по итогам практики гардемарин Морского корпуса в Адмиралтейств-коллегию были отмечены достоинства графа Гейдена как воспитателя и командира корабля.

НА БАЛТИКЕ. ВОЙНА СО ШВЕЦИЕЙ

В конце 1802 года Гейдена вызвали в Санкт-Петербург, присвоили звание капитана 2-го ранга и предложили перейти на преподавательскую работу, но не расставаясь с корабельной службой. Видя в таком предложении хорошую перспективу на будущее, Гейден согласился. Вскоре его «определили по Морскому корпусу в ранге майора» и назначили командиром линейного корабля, входившего в состав Кронштадтской эскадры. На «Зачатии Святой Анны» воспитанники Морского корпуса проходили «плавательную практику» в Балтийском море.

В 1804 году Император Александр I устроил большие маневры Балтийского флота, которые по его замыслу должны были продемонстрировать Европе, и прежде всего наполеоновской Франции, морскую мощь России. На этих маневрах высокую выучку продемонстрировал линейный корабль «Зачатие Святой Анны» под командованием капитана 2-го ранга Л.П. Гейдена.

Государь объявил ему свою «монаршую благодарность» и наградил бриллиантовым перстнем, не считая слов похвалы экипа-

жу корабля и его командиру. Этим Император оказал Гейдену своеобразную протекцию. Офицера-голландца, лучшей характеристикой которого была безупречная флотская служба, назначили, по мнению начальства, на «хлебную» должность «начальника хозяйственной экспедиции по экипажному отделению».

Однако эту «хлебную» должность в управлении Балтийским флотом Л.П. Гейден исполнял строго и, по воспоминаниям современников, «ничто грязное его не коснулось». В начале 1808 года ему присваивается звание капитана 1-го ранга.

Линейный корабль «Зачатие Святой Анны», если не считать прохождения на нем морской практики гардемарин, жил обычной жизнью кораблей Кронштадтской эскадры. Совершались плавания по Балтике, но в основном в водах Финского залива, велись хозяйственные работы. Гейден постоянно бывал на корабле, который оставил в его биографии памятный след, мечтая вновь вернуться служить на парусники и ходить в дальние походы.

Судьба его изменилась с началом русско-шведской войны 1808—1809 годов. Капитан 1-го ранга Л.П. Гейден назначается командиром отряда гребной флотилии, которая базировалась в шхерах Финляндии. Швеция в той войне подготовила сильный и многочисленный флот, стремясь вернуть утраченные в войнах с Россией территории. Ее шхерные корабли базировались в основном в приграничье — на Сайменском озере у Выборга, в Свеаборге и Або.

Россия не имела к началу войны многочисленного гребного флота, способного успешно действовать на мелководье, среди тысяч островов и скал в шхерах Финляндского побережья. Как отмечал немецкий отставной капитан 1-го ранга Альфред Штенцель, служивший в свите императора Германии и написавший «Историю войны на море», у России в начале XIX века «шхерный и галерный флоты были совершенно запущены».

Действительно, Россия перед войной со Швецией за обладание Финляндией имела мало судов для действия в шхерах. В 1808 году в столице на берегах Невы имелось 11 плавучих батарей и около 60 канонерских шлюпок и иолов. У Свензунда базировалось 10 иолов, на пограничных озерах — 34 шлюпа.

В конце февраля 1808 года русские войска вступили в Финляндию и, не встречая сопротивления шведской королевской армии, заняли финские земли. Ее главнокомандующий фельдмаршал граф Клингспор решился на контрнаступательные действия только на

крайнем западе Финляндии. Император Александр I Высочайшим указом присоединил завоеванные территории к России, в составе которой Финляндия до 1918 года находилась на особом положении.

Русские войска заняли Аландские острова и заставили шведов очистить портовый город Або. Но противник успел сжечь здесь 50 шхерных судов, которые не мог увести с собой. Большим успехом стал захват прибрежных крепостей Свартгольм и Свеаборг. Командовавший гарнизоном последней адмирал Кронстедт, имевший в Свеаборгской крепости 7 тысяч человек и многие сотни орудий, капитулировал перед русскими войсками, уступавшими в силе.

Шведы не сожгли в Свеаборгской гавани свои шхерные суда, которые пополнили русский гребной Балтийский флот. Победителям достались 2 хаммемама, 20 канонерских лодок и 49 иолов. К тому времени прибрежные воды Финского залива были еще покрыты льдом и гребные флотилии противников бездействовали.

После занятия Гельсингфорса и Свеаборга русский флот уже не встречал никакого сопротивления в Финском заливе. Он был заметно усилен плененными судами шведов, и теперь капитан 1-го ранга Л.П. Гейден командовал уже тремя отрядами гребных судов. В июне русский флот начал наступление и пришел к Або, важнейшему пункту западной части Финляндии, почти одновременно со шведским шхерным флотом. Навигационная обстановка прохода к Або была сложной: все «обстановочные знаки» и маячные огни русские уничтожили еще зимой, чтобы «стеснить» действия вражеских морских сил.

В Абосских шхерах произошло несколько упорных схваток сторон, в которых отличились подчиненные Гейдена. Как было записано в его послужном формуляре, капитан 1-го ранга участвовал в трех морских сражениях со шведским гребным флотом, демонстрируя распорядительность, бесстрашие и умение атаковать неприятеля.

Особенно памятен в истории русско-шведской войны оказался морской бой у острова Комито. Королевская эскадра превосходящими силами напала на один из гейденовских отрядов гребных судов. Шведские канонерские лодки, вооруженные более мощной крупнокалиберной артиллерией, старались прижать русские иолы и шлюпы к берегу и уничтожить их.

Гейден подтянул к месту морского боя все свои наличные силы и оказал неприятелю упорнейшее сопротивление. Когда атакующий напор шведов угас, он организовал контратаку. После упорнейшей четырехчасовой схватки у острова Комито королевская эскадра поспешно отступила.

Действия близ Або в ходе войны России со Швецией принесли капитану 1-го ранга Логину Петровичу Гейдену большую и заслуженную славу не только на Императорском флоте. Боевые заслуги голландца были отмечены двумя орденами: Святой Анны 2-й степени и Святого Владимира 3-й степени.

После заключения мира, по которому Стокгольм уступал победителю теперь уже почти всю Финляндию, Гейден назначается командовать Балтийской гребной флотилией. Он сумел в ежегодных плаваниях поддержать ее боеспособность. На этом посту граф встретил Отечественную войну 1812 года.

ПОД ДАНЦИГОМ. ВОЕННЫЙ ГУБЕРНАТОР СВЕАБОРГА

За два года до нашествия Великой армии императора французов Наполеона Бонапарта в судьбе голландца на русской военной службе произошло важное событие. Известие о входе Голландии в состав Французской империи заставило графа Л.П. Гейдена обратиться с личной просьбой к русскому Царю. Александр I удовлетворил ее: в 1810 году Логин Петрович Гейден принимает российское подданство. Гражданами России становятся и два его сына.

Боевые действия Балтийской гребной флотилии начались в 1813 году. После изгнания наполеоновской армии из пределов России Император Александр I и генерал-фельдмаршал князь М.И. Голенищев-Кутузов-Смоленский повели войска в освободительный поход в Европу. Уничтоженная в Русском походе как таковая, французская армия быстро набирала прежнюю мощь. В немалой степени она усилилась за счет гарнизонов многочисленных крепостей в захваченных Наполеоном европейских странах.

Крупнейшей из них являлась крепость на берегу Балтийского моря Данциг, современный город Гданьск в Польше. Французский гарнизон достигал здесь численности около 30 тысяч человек. Крепость имела сильную артиллерийскую защиту со стороны моря. Русское командование решило овладеть Данцигом одновременной его блокадой с суши и с моря.

Гребная флотилия капитана 1-го ранга графа Л.П. Гейдена получила приказ прибыть под Данциг. Совершив переход от Свеаборга к Риге и дальше к Данцигской крепости, русская флотилия гребных судов 21 августа полностью блокировала ее со стороны Балтики. Гейден умело организовал бомбардировку крепостных укреплений на берегу и провел два удачных огневых боя с вражескими батареями, заставив их замолчать меткой артиллерийской стрельбой.

В конце концов французский гарнизон выкинул белый флаг и капитулировал. В одержанной победе заслуга моряков смотрелась несомненной. За боевые успехи «при обложении крепости Данциг» граф Гейден удостаивается наградного оружия — золотой шпаги с надписью «За храбрость». Он производится в капитан-командоры.

После войны с наполеоновской Францией капитан-командор Л.П. Гейден продолжает командовать Балтийской гребной флотилией, которая базировалась на порты Финляндии. Одновременно он руководит строительными работами в Свеаборгской крепости. Ей предстояло стать вторым стражем, после Кронштадта, российской столицы со стороны моря.

В марте 1816 года Логина Петровича назначают главным командиром Свеаборгского порта и военным губернатором Свеаборга. В старой России это был достаточно высокий пост, за исполнение обязанностей которого приходилось отчитываться в самом Санкт-Петербурге. Летом 1817 года Гейдена «за отличие» при исполнении командирских и губернаторских обязанностей производят в контр-адмиралы.

В том же году Свеаборгскую крепость посещает цесаревич Великий Князь Николай Павлович, будущий Император Николай I. У него состоялся обстоятельный разговор с местным военным губернатором. Граф посетовал высокому гостю на положение дел в российском флоте, на бедственное состояние его личного состава — как офицеров, так и нижних чинов. Видимо, разговор был настолько откровенным, что наследник Императорского престола уже больше не забывал контр-адмирала Л.П. Гейдена на протяжении всего своего длительного царствования.

При дворе старания свеаборгского губернатора не остались незамеченными. В 1819 году голландец граф Гейден становится круп-

ным российским помещиком — он высочайше награждается 3 тысячами десятин земли вместе с крепостными крестьянами.

В 1821 году контр-адмирал Л П. Гейден становится георгиевским кавалером. За безупречную выслугу двадцать пять лет в официальном офицерском чине на военно-морском флоте России он награждается императорским Военным орденом Святого Георгия 4-й степени.

После вступления в 1825 году на отцовский престол и подавления восстания тайных декабристских обществ Император Николай I отзывает контр-адмирала Гейдена из Свеаборга в Санкт-Петербург. Тот некоторое время находится при особе Государя. Самодержец словно ждал удобного случая для поручения боевому флотскому начальнику ответственного государственного дела. Такой случай предоставился довольно скоро

«ГРЕЧЕСКИЙ ВОПРОС»

В последних числах марта 1826 года в Санкт-Петербурге произошло событие, обратившее на себя внимание всей Европы. Герцог Веллингтон, прославленный полководец британской короны и победитель в последнем сражении с Наполеоном при Ватерлоо, прибыл в столицу России как официальный представитель Лондона для поздравления Николая Павловича с восшествием на императорский престол. При этом состоялся давно ожидаемый в дипломатических кругах разговор о «греческом вопросе».

Николай I принял герцога Веллингтона в Зимнем дворце. Для российского Государя не было секретом, что прибывшему к нему с поздравлениями полководцу поручено склонить правительственные круги Санкт-Петербурга к предоставлению Англии ведущей роли в деле прекращения распри между Стамбулом и греками. Последние в те годы с оружием в руках добивались для себя национальной независимости.

После обмена официальными любезностями герцог Веллингтон перешел к делу, ради чего он, собственно, и оказался на берегах Невы:

— Мое правительство весьма озабочено положением дел в Греции, — начал он. — У вас много дел внутри империи: гвардейский мятеж и волнения крестьян. Думаю, было бы разумно пере-

дать разрешение «греческого вопроса» в руки британских политиков...

Император, давно озабоченный «греческим вопросом», помрачнел. Английское правительство явно продолжало политику вытеснения России с Балканского полуострова, где среди славянских и христианских народов, подвластных Оттоманской Порте, исторически было сильно тяготение к единоверной православной России. Лондон всячески стремился подорвать российское влияние на положение дел на Балканах и вообще умалить влияние Санкт-Петербурга на решение европейских дел

— Мы не намерены уклоняться от греческих дел, — ответил Николай I довольно холодно. — Буду откровенен: если дело дойдет до чести моей державы, я никогда не сделаю первого шага к отступлению Интересы наших единоверцев мы будем защищать, если потребуется, и силой оружия...

Герцогу Веллингтону было, однако же, выражено расположение Императора решить дело греков по соглашению со столицами ведущих стран Европы. Речь в первую очередь шла о возможности посылки к берегам Греции военно-морских сил России.

В тот же день в Лондон ушла секретная депеша о том, что Россия настроена в «греческом вопросе» решительно и не намерена идти на уступки турецкой стороне. Император Николай I заявил о продолжении политики его старшего брата Александра I по отношению к Оттоманской Порте.

Герцог Веллингтон как нельзя лучше понял и сущность своей задачи при тогдашней обстановке, и твердость решительного характера русского Царя. А потому 4 апреля 1826 года герцог подписал вместе с российскими представителями Нессельроде и князем Ливеном «протокол» о греческих делах. Соглашение позволяло России и Британии вмешиваться в освободительную борьбу в Греции и послужило впоследствии основанием для знаменитого Лондонского договора 6 июня 1827 года.

На основании протокола две державы соглашались сообща заявить Стамбулу, что долг человечности повелевает им принять немедленные меры к прекращению истребительной, страшной и бесполезной войны османов против греческого народа. Франция и другие европейские государства приглашались присоединиться к этой декларации России и Великобритании.

Двадцатые годы XIX столетия явились временем небывалого подъема национального духа греческой части населения Османс-

кой империи. Задавленные многими веками турецкого гнета греки подняли успешное восстание. Освободив часть своей территории, они провозгласили независимость страны эллинов. Но Стамбул и не думал отступать. Султанские власти стали стягивать к берегам Эгейского моря многочисленные войска со всех провинций Блистательной Порты. Турки перешли в наступление и нанесли повстанцам ряд поражений на суше.

Силы сражавшихся были далеко не равны. Османская армия стала брать заметный перевес, когда по просьбе султана Махмуда II его вассал правитель Египта Мехмед-Али послал своего сына полководца Ибрагима-пашу с сильной армией и многочисленным флотом в Грецию. Турецкие и египетские войска оставляли на пути своего продвижения по греческой земле сожженные селения и города, истребляя мирное население.

Огромное возмущение во всей христианской Европе вызвала резня на греческом острове Хиос, 40 тысяч жителей которого были или перебиты, или обращены в рабство. Весь полуостров Пелопоннес — Морея, город Афины, многие греческие острова в Эгейском море были опустошены. Истребление греческого христианского населения велось под лозунгами борьбы с «неверными».

Сочувствие свободолюбивому греческому народу буквально захлестнуло Европу. Во многих странах собирались средства, люди записывались в волонтеры греческой повстанческой армии. Добровольцем ушел на войну великий английский поэт лорд Джордж Байрон, на собственные деньги вооруживший целый воинский отряд. Другой великий поэт — русский — А.С. Пушкин писал в те дни:

Восстань, о Греция, восстань!
Недаром напрягала силы,
Недаром потрясала брань
Олимп, и Пинд, и Фермопилы.

Не желая оставаться в стороне от борьбы за влияние в средиземноморском регионе, Лондон выступил инициатором коллективного воздействия на Турцию. В мае 1827 года в британской столице заключается союзная конвенция между Россией, Англией и Францией. Целью ее было заставить Стамбул признать независимость Греции. Для давления на воинственного султана Махмуда II стороны решили направить в воды Эгейского моря союзные эскадры для совместных действий.

СРЕДИЗЕМНОМОРСКИЙ ПОХОД

Все лучшие корабли эскадр Балтийского флота — Кронштадтской и Ревельской — сводились в одну под флагом прославленного русского флотоводца генерал-адъютанта адмирала Дмитрия Николаевича Сенявина. Согласно приказу, сделанному командующим флотом Балтийского моря, корабли, назначенные в Средиземноморский поход, к 21 мая 1827 года сошлись на рейде Кронштадта. Всего в плавание уходило 9 линейных кораблей, 7 фрегатов и один корвет.

Адмирал Сенявин поднял свой флаг командующего на линейном корабле «Азов». Другими флагманами русской экспедиционной эскадры являлись вице-адмирал Лутохин, находившийся на линейном корабле «Князь Владимир», и контр-адмирал граф Гейден. Последний, младший флагман, держал свой флаг на «Святом Андрее».

Корабли эскадры, собравшиеся на Кронштадтском рейде, были далеки от совершенства, так как в большинстве своем это были старые, ветхие суда. Но за зиму их отремонтировали и к весне подготовили к дальнему плаванию вокруг Европы. Произведя осмотр кораблей, адмирал Д.Н. Сенявин мог быть удовлетворен плодами своих забот на посту командующего Балтийским флотом и трудом подчиненных. Линейные корабли и фрегаты выглядели внешне хорошо, их экипажи — молодцевато, чувствовалась дисциплинированность людей и их высокая морская культура.

Перед отплытием флагманский «Азов» посетил Император Николай I. Осматривая среди прочего корабельный арсенал, он обратил внимание на искусно выложенные из орудийных замков имена великих морских побед флота Российского государства: Гангут, Ревель, Чесма. После последнего слова шла буква «и».

— Что значит эта буквица? — осведомился Государь у командира корабля капитана 1-го ранга Михаила Петровича Лазарева.

— Сие, ваше величество, означает дальнейшее продолжение всех вышевыставленных имен! — ответил бравый моряк, которому суждено было стать одним из наиболее прославленных флотоводцев российского Отечества.

Прощаясь с командой линейного корабля «Азов», выстроенной на верхней палубе, Император Николай I сказал:

— Надеюсь, что в случае каких-либо военных действий поступлено будет с неприятелем по-русски!

Ответом на слова монарха стало громовое троекратное «ура!..». Порывистый ветер далеко по рейду разнес возгласы нескольких сотен моряков «Азова»...

Когда вся экспедиционная эскадра изготовилась к походу, было Высочайше утверждено «наставление адмиралу Сенявину». В нем указывалось, что по прибытии эскадры из Кронштадта в английский порт на берегах Ла-Манша Портсмут по предварительному сношению с российским послом в Лондоне адмирал Д.Н. Сенявин должен отделить от Балтийской эскадры по собственному выбору 4 линейных корабля, 4 фрегата и 2 брига. Из них составлялась особая эскадра под командованием контр-адмирала графа Логина Петровича Гейдена.

Будущей Средиземноморской эскадре графа Гейдена предписывалось следующее. Получить от посла России в Лондоне князя Ливена предписание о времени выхода из Портсмута, отправиться в Средиземное море для оказания защиты и покровительства русской торговле в Греческом архипелаге, соблюдая при этом строгий нейтралитет в идущей войне между турками и греками.

Вскоре эта первоначальная весьма ограниченная цель назначения гейденовской эскадры была значительно расширена, поскольку политические обстоятельства изменились. Лондонский договор между тремя европейскими державами предписывал русской эскадре войти в состав Соединенного флота для защиты греков от нападений египетско-турецких морских и сухопутных сил.

Когда эскадра под флагом адмирала Д.Н. Сенявина вышла из Кронштадта и взяла курс к Британским островам, о цели похода экипажам не сообщалось. Среди офицеров ходили слухи, что «корабли идут к берегам Америки помогать тамошним испанцам»...

В Портсмуте адмиралу Сенявину российский посол князь Ливен и передал Высочайшую инструкцию. В ней указывалось отделить от эскадры отряд кораблей под командованием младшего флагмана контр-адмирала Гейдена для следования в Средиземное море. Остальным же балтийским кораблям приказывалось возвращаться домой.

Предписание Императора Николая I графу Л.П. Гейдену датировалось 19 июня 1827 года и было написано в Царском Селе. В нем излагались задачи, возложенные на эскадру, отправлявшуюся под его командованием из Портсмута в Средиземноморье. В предписании говорилось:

«Г. контр-адмирал гр. Гейден!

Поручив адмиралу Сенявину снабдить вас надлежащим наставлением о первоначальном назначении экспедиции, отправляющейся под начальством вашим для защиты и покровительства российской торговле, я за нужное признал непосредственно изъяснить вам дальнейшие виды и намерения мои, исполнение коих на вас возлагается.

Назначение вверенной вам экспедиции не ограничивается уже первоначальной целью, но клониться должно еще к другой, важнейшей и тесно сопряженной с нынешним положением политических обстоятельств на Востоке...

Я велел управляющему министерством иностранных дел сообщить вам проект сего договора (России, Англии и Франции. — *А. Ш.*)... Вникнув в точный смысл сего договора и руководствуясь подробными объяснениями, изложенными вам ныне от управляющего министерством иностранных дел, вы усмотрите, каким образом надлежит вам размерять поведение и речи ваши как в отношении к Порте и к грекам, так и к начальникам эскадр английской и французской, в Архипелаге находящихся и назначаемых к совокупному с вами действию.

...Соединенным трем эскадрам предназначено наблюдать строгое крейстрование таким образом, чтобы силою воспрепятствовать всякому покушению выслать морем как из турецких владений, так и из Египта какое-либо всепомоществование войсками или судами, припасами противу греческих сил на море или мест, ими занимаемых...

Возлагая на вас столь важное поручение, которое служит явным знаком особенной моей к вам доверенности, я не сомневаюсь, что благоразумное и ревностное исполнение оного приобретут вам новое право на мое благоволение.

Впрочем, пребываю к вам благосклонный

Николай».

Перед выходом гейденовской эскадры из Портсмута командующий Балтийским флотом адмирал Д.Н. Сенявин дал своему младшему флагману самые обстоятельные наставления по боевому сколачиванию корабельных экипажей. Он обратил внимание Гейдена на то, что его эскадра состоит в большей части из людей неопытных, которым предстоит приложить немало труда для «совершенства по всем частям морской службы». Это можно было восполнить,

по мнению опытного флотоводца, постоянными учениями во время плавания и строгой воинской дисциплиной. Младший флагман постарался исполнить сенявинские наставления.

С получением Высочайшего указа экспедиционная эскадра задержалась в Портсмуте на девять дней. Они ушли на заготовление провизии, дров, питьевой воды и ожидание попутного ветра. 20 августа 1827 года в три часа дня русские корабли снялись с якорей и направились по назначению.

В состав оперативной Средиземноморской эскадры контр-адмирала Л.П. Гейдена вошли четыре линейных корабля: 74-пушечный «Азов» под командованием опытного капитана 1-го ранга Лазарева, 84-пушечный «Гангут» капитана 2-го ранга А.И. Авинова, принимавшего участие в историческом Трафальгарском морском сражении под флагом английского адмирала Нельсона, 74-пушечный «Иезекииль» капитана 1-го ранга И.И. Свинкина, служившего на флоте еще в екатерининскую эпоху, на счету которого значилось 28 неприятельских кораблей, потопленных или плененных под его непосредственной командой, и, наконец, 74-пушечный «Александр Невский» капитана 2-го ранга Л.Ф. Богдановича, отличившегося при осаде крепости Данциг.

В состав эскадры входило четыре фрегата, предназначавшиеся для ведения крейсерства и разведки. Эти корабли отличались хорошей скоростью хода. «Константин» и «Проворный» имели на вооружении по 44 пушки, «Елена» и «Кастор» — по 36 пушек. Для ведения разведки в море предназначался корвет «Гремящий», имевший на борту 24 орудия. В Наваринском морском сражении участия он не принимал, будучи послан в крейсерство.

Войдя через Гибралтарский пролив в Средиземное море, русская эскадра взяла курс к итальянским берегам. Здесь, в портах острова Сицилия Палермо и Мессина, корабли пополнили запасы питьевой воды и провианта. После этого был взят курс к берегам Греции. В Мессине были наняты местные лоцманы, хорошо знавшие расположение греческих островов.

1 октября в нескольких милях от ионического острова Занте русская эскадра соединилась с английской. В тот же день союзники встретились с французской. Их командующие собрались на военный совет.

Председательствовал на совете, как старший по воинскому званию, английский вице-адмирал Эдуард Кодрингтон. Он обратился к контр-адмиралам Л П. Гейдену и французу де Риньи:

— Господа! Все предпринятые мною до настоящего времени попытки прекратить переброску турецких войск в Грецию не увенчались успехом. Несмотря на личную договоренность с турецким командующим Ибрагим-пашой, насилия продолжаются...

— Если рупор бессилен, в дело должны вступить пушки! — высказал свое мнение контр-адмирал Гейден. — Но кровопролитие должно быть прекращено. В этом цель и суть всего нашего предприятия...

Командующий Соединенной эскадрой вице-адмирал Э. Кодрингтон остался доволен состоянием гейденовской эскадры, проделавшей дальный путь к Греческому архипелагу из Кронштадта. Англичанину понравились и корабли, и русские моряки. Большое впечатление произвел на него рассказ о подвиге мичмана Домашенко, который во время шторма близ Палермо погиб в бушующем море, пытаясь спасти упавшего с мачты в воду матроса.

Сослуживцы мичмана Домашенко по экипажу линейного корабля «Азов» поставят ему памятник в Кронштадтской морской крепости, в Летнем саду. Но это будет после Наваринского сражения, главными героями которого станут «азовцы».

НАВАРИНСКОЕ МОРСКОЕ СРАЖЕНИЕ

После военного совета союзные эскадры взяли курс к Наварину — главной базе турецкого и египетского флотов в Греции. Дул попутный норд-ост. Отчаянно кренясь на крутой волне, корабли старались выдержать точный курс, соблюдая назначенный строй. Силы русско-англо-французской эскадры выглядели внушительно.

К Наварину подошли четыре линейных корабля и четыре фрегата русских, имевших на борту 466 орудий. В состав английской эскадры входило три линейных корабля — «Азия», «Генуя» и «Альбион», три фрегата — «Глазго», «Комбриэн» и «Дартмут» и несколько малых судов. Англичане имели 472 пушки. Французская эскадра состояла из трех 74-пушечных линейных кораблей — «Сципион», «Тридан» и «Бреслав», двух фрегатов — «Сирен» и «Армид» и двух малых судов. Всего на французской эскадре насчитывалось 362 орудия.

Таким образом, объединенная русско-англо-французская эскадра насчитывала 10 линейных кораблей, 9 фрегатов и 7 малых судов, вооруженных 1300 орудиями.

Турецко-египетский флот состоял из 3 линейных кораблей, 23 фрегатов, 42 корветов, 16 бригов и 8 брандеров. На них насчитывалось свыше 2300 орудий. Кроме того, в Наваринской бухте, где стояли турецкий и египетский флоты, было собрано еще 50 различных военно-транспортных и купеческих судов, из которых большая часть имела от 10 до 20 пушек. Мощь артиллерийского огня султанской корабельной армады усиливалась еще и береговыми батареями Наваринской крепости и острова Сфактерия.

Перед соединением русской эскадры с союзниками те уже применяли оружие против османских кораблей. Когда главнокомандующий султанскими войсками в Морее Ибрагим-паша сделал попытку отрядом своих кораблей пройти в гавань Патрос (ныне Патры) на поддержку действовавших здесь против греков-повстанцев египетских войск, этому воспрепятствовали Кодрингтон и де Риньи. После предупреждения корабли Блистательной Порты были обстреляны и принуждены возвратиться в Наваринскую бухту.

2 октября союзные эскадры подошли к Наварину. Через три дня за подписью трех адмиралов Ибрагим-паше предлагается прекратить военные действия против греков. И самое главное — прекратить резню мирного христианского населения. Паша, наследник престола египетского правителя, промолчал на полученное послание и стал деятельно готовиться к предстоящему морскому сражению. В том, что оно состоится, стороны уже не сомневались.

Союзные адмиралы вновь собрались на военный совет. Решали, как действовать дальше, споров не было. Все оказались единодушны в принятом решении: войти в Наваринскую бухту и под угрозой истребления турецко-египетского флота заставить упрямого Ибрагим-пашу выполнить предъявленные требования. На мирный исход дела особых надежд не было.

Вход в бухту объединенных эскадр назначался на 8 октября 1827 года. Это был исторический день Наваринского морского сражения. В ночь перед ним на русских кораблях мало кто спал: экипажи готовились к бою. Шли обычные боевые приготовления — офицеры проверяли состояние крюйт-камер, артиллерийских батарей на палубах и запасной такелаж — корабельное парусное снаряжение.

Союзные адмиралы решили своими действиями, входя в Наваринскую бухту, добиться главного: «...дабы грозным присутствием там сил своих удержать кровопролитие мусульман...» Они дали «взаимное обещание истребить турецкий и египетский флот, если хоть один выстрел будет сделан по союзным кораблям».

Согласно диспозиции, французской эскадре предстояло бросить якоря против египетских кораблей. Англичане должны были встать против центра неприятеля. Русской эскадре — следовать в бухту вслед за англичанами. В диспозиции указывалось:

«Ни из одной пушки не должно быть выпалено с соединенного флота прежде, чем будет сделан на то сигнал, разве только в том случае, если огонь откроется с турецкого флота. Те из турецких судов, которые откроют огонь, должны быть истреблены немедленно...»

Контр-адмирал Л.П. Гейден лично руководил приготовлениями к сражению на эскадре. Большую помощь ему оказывал начальник штаба, флаг-капитан и командир флагманского линейного корабля «Азов» капитан 1-го ранга М.П. Лазарев. Этим двум людям принадлежит главная заслуга в действиях русской эскадры в Наваринской морской баталии.

8 октября при тихом попутном ветре объединенные союзные эскадры вошли в Наваринскую бухту. Английская и французская колонны шли с наветренной стороны, русская эскадра, пропустившая по сигналу Кодрингтона вперед себя французов, — с подветренной. Вот как вспоминал об этих минутах офицер линейного корабля «Гангут» лейтенант Алексей Рыкачев:

«В половине первого часа, сигналом с корабля «Азов», нашей эскадре приказано было приготовиться атаковать неприятеля. У нас ударили тревогу, и в одну секунду все было готово. Люди и офицеры стояли по местам, фители были зажжены — ожидали приказания...

Офицеры уговаривали матросов драться хорошенько и внимательно слушать команду. Радостно, в один голос отвечали матросы: «Рады стараться за веру и государя!» Капитан прошел по всем палубам и говорил им то же, и громогласное «ура» раздавалось по всему кораблю на ласковое слово командира...

Священник... увещевал не посрамить имя русского во брани с неверными, и каждый целовал знамением веры...»

Над союзными кораблями трепетали военно-морские флаги держав, среди них русский — Андреевский. Пушечные порты были открыты. На входе в Наваринскую бухту к флагманскому линейному кораблю вице-адмирала Кодрингтона подошел на

шлюпке парламентер Ибрагим-паши с требованием покинуть бухту.

— Я пришел не для того, чтобы получать приказания, а для того, чтобы их отдавать! Если откроете огонь, будете уничтожены! — отвечал английский флотоводец

Турецко-египетский флот стоял в глубине бухты в несколько боевых линий в форме огромного полумесяца. Центр строя составляли наиболее мощные пушечным вооружением корабли. На флангах размещались готовые к немедленной атаке брандеры, предназначенные для сцепки с неприятельскими судами и их поджога На береговых батареях тоже все было приготовлено для боя.

Пока русские корабли еще только втягивались в бухту, зашедшие туда раньше англичане и французы уже начали вести артиллерийский огонь. Все началось с того, что с английского фрегата «Дартмут» отправили шлюпкой лейтенанта к стоявшему неподалеку брандеру с требованием отвести его на безопасное для корабля место Английского офицера турки убили, открыв по нему стрельбу из ружей.

В ответ «Дартмут» немедленно разрядил все пушки одного из бортов в «вероломный» брандер. Турецкие корабли, стоявшие рядом, ответили. Ведя огонь по англичанам, они заодно обстреляли и один из французских кораблей — флагманский «Сирен».

Вице-адмирал Эдуард Кодрингтон, правда, предпринял еще одну попытку предотвратить предстоящее кровопролитие, которое могло стоить жизни многим тысячам моряков. Он отправил к Ибрагим-паше очередного парламентера, но турки убили и его.

Только после этого над флагманской 84-пушечной «Азией» взвился красный флаг — сигнал к открытию всеобщего огня. С союзных кораблей ударили пушечные залпы, и Наваринское морское сражение началось.

Столь неожиданное «открытие» морской баталии застало русскую эскадру в крайне невыгодном положении. Флагманский корабль Гейдена «Азов», шедший головным, как раз проходил между батареями Наваринской крепости и острова Сфактерия. Те обрушили на русский линейный корабль буквально шквал прицельного огня — ядра летели с двух сторон.

В такой непростой для начала сражения ситуации на шканцах флагманского корабля — его капитанском мостике царило полное спокойствие. Командир «Азова» капитан 1-го ранга Лазарев распоряжался действиями экипажа как на учении. Контр-адмирал Гейден был больше озабочен четкостью исполнения маневра другими русскими кораблями, чем тем, что творилось вокруг него.

Еще не миновав береговых батарей, колонна кораблей русской эскадры стала поочередно подвергаться огню всех трех линий правого фланга султанского флота. В историческом журнале гейденовской эскадры осталась о тех минутах многозначительная запись:

«Английский адмирал .. подверг российскую эскадру всему огню неприятельской канонады и поставил предводителя оной в великое затруднение тем, что он во мраке густого дыма, под сильным перекрестным огнем неприятеля должен был вводить и устраивать оную».

И тем не менее русские корабли под восхищенными взглядами союзников один за другим занимали свое место согласно диспозиции, отдавали якоря и тут же по сигналу с флагмана включались в сражение. Против большинства из них стояли турецкие корабли, расположившиеся под ветром, в центре, влево от входа в бухту.

ПОДВИГ «АЗОВА»

Линейный корабль «Азов», еще не успев встать на якорь и убрать паруса, сразу же попал под перекрестный огонь пяти турецких судов. Дистанция артиллерийского боя оказалась «кинжальной» — на расстоянии в 150—200 сажен. На паруса, мачты и палубу «Азова» стали обрушиваться 60-фунтовые и 36-фунтовые вражеские ядра. Корпус флагмана дрожал от частых попаданий в него. Вскоре от загоревшихся турецких кораблей полетели искры и повалил дым, который перемешивался с пороховым.

Если контр-адмирал Гейден руководил действиями всей эскадры, отдав ей приказ открыть огонь, то командиры кораблей руководили в сражении своими экипажами. Капитан 1-го ранга Лазарев приказал сосредоточить весь огонь против одного вражеского — противостоящего ему линейного корабля. Несколько пушечных залпов в упор — и на 80-пушечном корабле рушится грот-мачта. Под тяжестью обрушившейся мачты судно кренится на противоположный борт, его пушки стреляют куда-то вверх. Азовцы, обливаясь водой, продолжают залп за залпом

поражать цель. Офицеры у орудий хладнокровно и сдержанно командуют расчетами:

— Не суетитесь, ребята! — говорили они своим вошедшим в азарт артиллеристам. — Целься вернее под ватерлинию, чтоб тонул исправно!..

Офицеры флагманского корабля все были при деле: лейтенанты Павел Нахимов и Иван Бутенев, мичманы Владимир Корнилов и Ефим Путятин, гардемарины Дмитрий Шишмарев и Владимир Истомин исполняли свой долг как «деятельные и храбрые офицеры». Все они сражались на виду у командующего эскадрой и будут после морской баталии представлены к боевым наградам.

Тонущий вражеский линейный корабль турецкие гребные суда оттаскивают из первой боевой линии ближе к берегу. «Азов» незамедлительно переносит огонь на стоящий рядом корвет. Следует первый, оказавшийся исключительно метким залп. На корвете раздается оглушительный взрыв крюйт-камеры — и он, превратившись в груду пылающих обломков, идет ко дну. Теперь против флагмана русской эскадры остается три вражеских фрегата, вскоре к ним на помощь приходит еще один.

Неприятельские канониры делают несколько удачных залпов. Над «Азовом» занимаются первые языки пламени. Аварийные команды, которые теперь мечутся с бака на ют, сбивают пламя. Пушки с фрегатов бьют по линейному кораблю в упор, который отвечает не менее меткими залпами.

В истории Наваринского морского сражения навечно останется подвиг лейтенанта Ивана Бутенева. Контр-адмирал Л.П. Гейден в наградном представлении на офицеров своего флагманского корабля так напишет о его «отличии»:

«Во время сражения командовал шканечными орудиями, исполнял свою обязанность как отлично храбрый офицер и, потеряв даже правую руку, которую оторвало ядром, оставался еще долгое время наверху, возбуждая людей к исполнению их долга, и, наконец, не иначе сошел на низ, как после многих от меня убеждений. При сем случае не могу я умолчать и не довести до сведения необыкновенный пример присутствия духа сего храброго офицера, который во время самой ампутации руки его, услышав громогласное ура, издаваемое матросами при падении мачт с сражавшегося с нами корабля, не внимая ужасной той боли, которую без всякого сомнения он чувствовал, вскочил и, махая оставшеюся рукою, соединял с ними свои восклицания и всеми

мерами старался ободрить тех раненых, коими кубрик тогда наполнен был.

Такой подвиг мужества, я льщу себя надеждою, заслужит начальническое внимание».

Гейден представил лейтенанта Ивана Бутенева к награждению следующим чином — капитан-лейтенанта и орденом Святого Георгия 4-го класса. Император Николай I без раздумывания наложит на бутеневском представлении резолюцию: «Дать».

Место Бутенева занял его однокашник лейтенант Павел Нахимов. Невозмутимо вышагивая под свистящими ядрами в сдвинутой на затылок фуражке, он подбадривал матросов орудийных расчетов:

— Это что-с, в аду говорят, еще почище будет! Залпировать по моей команде! А целить под срез палубный!..

Позднее Нахимов, герой Севастопольской обороны в Крымскую войну, в письме своему другу Рейнике, известному исследователю и мореплавателю на Тихом океане, писал:

«Не было места, куда бы не сыпались книпеля, ядра и картечь. И ежели бы турки не били нас очень много по рангоуту, а били все в корпус, то я смело уверен, что у нас не осталось бы и половины команды... Сами англичане признаются, что при Абукире и Трафальгаре ничего подобного не было ..»

Видя, как тяжело приходится русскому флагману, на помощь к нему пришел командир французского 74-пушечного линейного корабля «Бреслав» капитан Ла-Бретоньер. Встав рядом с «Азовом», он несколько облегчил его положение, приняв на себя часть огня турецких фрегатов.

В свою очередь Гейден и Лазарев пытались, как могли, помочь сражавшейся неподалеку флагманской «Азии» вице-адмирала Кодрингтона. А когда ее противник, 80-пушечный корабль под флагом Мухарем-бея, командующего флотом султана Египта, повернулся кормой к «Азову», русские командоры не растерялись.

— Прочешите строптивца анфиладным огнем, Михаил Петрович! — обернулся к капитану 1-го ранга Лазареву командующий эскадрой. — Сам напрашивается...

Первый же залп 14 русских орудий смел в воду кормовую надстройку египетского флагмана. В течение последующего получаса вся корма неприятельского линейного корабля была совершенно разбита, а в кормовой каюте — гон-деке начался пожар. Пламя быстро охватило весь корпус судна. Египетские моряки сотнями

бросались в воду. После очередного залпа пушек с «Азова», ставшего смертельным для корабля Мухарем-бея, тот взлетел на воздух от взрыва в крюйт-камере. С капитанского мостика «Азии» вице-адмирал Кодрингтон и капитан Курцон кричали в рупор слова приветствия русским, стараясь перекричать шум сражения.

Мужественно сражались и экипажи других кораблей гейденовской эскадры. Шедший в кильватере «Азову» 84-пушечный «Гангут» при входе в Наваринскую бухту был атакован вражеским брандером. Заметив опасность, командир «Гангута» А.И. Авинов приказал развернуть против брандера все возможные орудия. Но поразить его удалось почти у самого борта русского корабля. Брандер разорвало от многих попаданий. Артиллерийским огнем управлял П.Ф. Анжу, впоследствии знаменитый полярный исследователь, а в то время — старший офицер корабля. Получив ранение в голову и перевязав ее на скорую руку, капитан-лейтенант до последней минуты сражения руководил действиями орудийных расчетов.

Линейный корабль «Александр Невский», ведомый Л.Ф. Богдановичем, заставил сдаться 58-пушечный фрегат неприятеля. Захваченный на нем флаг позже был преподнесен корабельными офицерами в дар Морскому кадетскому корпусу как пример для подражания будущим поколениям российского морского офицерства. Корабельные батареи вывели из строя обстреливавшую «Александр Невский» турецкую артиллерию на острове Сфактерия.

В самом начале Наваринского сражения получил тяжелое ранение старейший офицер русской эскадры И.И. Свинкин. Но он проявил подлинное мужество, продолжая командовать своим кораблем, хотя для этого ему пришлось стоять на коленях, держась за канат на капитанском мостике. Противостоящие «Иезекиилю» турецкие и египетские суда в конце концов спустили флаги, а один из вражеских фрегатов взорвался и пошел на дно.

Не менее удачно в сражении действовали и русские фрегаты «Елена», «Константин», «Кастор» и «Проворный», следовавшие за линейными кораблями. Так, «Проворный» успешно сражался один против 54-пушечного фрегата и 24-пушечного корвета. «Кастор» и «Константин» спасли от, казалось бы, неминуемой гибели английский бриг «Москито».

В Наваринском сражении от героизма русских моряков не отставали и союзники. Англичане спасли французский флагманский корабль «Сирен» от устремившегося на него вражеского

брандера. Французы в свою очередь вытащили на буксире из-под губительного артиллерийского огня поврежденный британский фрегат «Дартмут», не дав ему погибнуть.

Сражение в Наваринской бухте, продолжавшееся около четырех часов, закончилось в 18.00. В упорном бою турки и египтяне сражались храбро и стойко, но умение и выучка командоров были не на их стороне. К наступлению темноты первая, наиболее сильная боевая линия турецких и египетских кораблей была сожжена и союзники перенесли огонь на вторую, вспомогательную линию.

Не выдерживая шквала артиллерийского огня, неприятельские суда один за другим обрубали якорные канаты и выбрасывались на берег Наваринской бухты. Разгром султанского флота становился все более явным фактом. Союзники же не потеряли ни одного корабля.

Когда вечером над флагманскими кораблями союзных эскадр взлетели сигнальные флаги: «Прекратить огонь», артиллерийская канонада быстро утихла. На русских, английских и французских кораблях приступили к устранению боевых повреждений и стали готовиться к отражению возможных ночных брандерских атак.

Такие атаки действительно состоялись — османы хотели таким образом как-то поправить свое плачевное положение. На «Азове», вовремя заметив несущийся на него брандер, сумели уклониться от него. Брандер на всем ходу врезался в стоявший за флагманским кораблем «Гангут», грозя поджечь его. Но абордажная команда «гангутцев» без промедлений бросилась на палубу брандера и стала тушить разожженный на нем огонь. Пламя на судне погасили, его отцепили от «Гангута» и затопили.

С наступлением ночи Наваринская бухта осветилась заревом пожаров. Турки и египтяне взрывали и сжигали свои непотонувшие, но из-за сильных боевых повреждений непригодные для плавания корабли, чтобы они не достались победителям.

Объединенного турецко-египетского флота больше не существовало. Он лишился более 60 судов, или почти двух третей своего состава: 3 линейных кораблей, 9 фрегатов, 24 корветов, 14 бригов и других. Оставшиеся вражеские корабли имели сильные повреждения. Потери личного состава султанского флота при Наварине простирались до 7 тысяч человек.

Потери союзников оказались несравненно меньшими. Русская эскадра потеряла 59 человек убитыми и 139 человек ранеными,

английская эскадра — 79 убитыми и 205 ранеными, французская эскадра — 43 убитыми и 141 ранеными.

Союзники не потеряли ни одного корабля. Однако многие суда получили тяжелые боевые повреждения. Больше всего пострадал русский флагман «Азов», оказавшийся волею судьбы в самом пекле сражения. Он получил 153 пробоины, из которых семь — подводные. Кроме того, на нем были перебиты мачты. На английском флагманском корабле «Азия» и на французском флагмане «Сирен» были потеряны бизань-мачты.

12-го и 13 октября 1827 года контр-адмирал Л.П. Гейден отправил Императору Николаю I два рапорта о происшедшем Наваринском морском сражении. Второй из них содержал подробности морской баталии.

В первом (кратком) победном донесении в Санкт-Петербург на имя Государя Логин Петрович писал:

«В продолжение сей достопамятной битвы три союзных флота соревновали один другому в храбрости. Никогда не видно было столь искреннего единодушия между различными нациями. Взаимные пособия доставались с неописанной деятельностью; при Наварине слава английского флота явилась в новом блеске, а на французской эскадре, начиная от адмирала Риньи, все офицеры и служители явили редкие примеры мужества и неустрашимости.

Капитаны и прочие офицеры российской эскадры исполняли долг свой с примерным рвением, мужеством и презрением всех опасностей; нижние чины отличались храбростию и повиновением, которые достойны подражания.

Неустрашимый капитан 1 ранга Лазарев... управлял движениями «Азова» с хладнокровием, искусством и мужеством примерным; капитаны Авинов, Хрущов, Богданович и Свинкин равно отличились (Хрущов, капитан 2-го ранга, командир фрегата «Константин». — *А. Ш.*)...»

Во втором своем донесении в Санкт-Петербург контр-адмирал граф Л.П. Гейден среди прочего отмечал:

«Единодушие, с которым действовали корабли соединенных эскадр, превосходит вероятие: казалось, что мысли всех обращены были к одной и той же цели и что эскадры сии принадлежали к одной и той же нации».

На следующий день после сражения к неприятельскому командованию от союзных адмиралов было послано объявление, чтобы предупредить Ибрагим-пашу о последствиях, которые повлекут за

собой новые враждебные действия воинов султана. После такого уведомления к вице-адмиралу Кодрингтону на борт «Азии» прибыл Тагер-паша. Он заверил союзное командование, что больше никаких неприязненных действий со стороны турок и египтян произведено не будет.

Такое заверение противной стороны вполне удовлетворило союзных адмиралов. Начало войны против Оттоманской Порты не входило в планы правительств ни Великобритании, ни России, ни Франции. Плененные во время морского сражения турецкие и египетские моряки в тот же день были отпущены к своим.

Корабли Соединенной эскадры трех европейских держав оставались стоять в Наваринской бухте до 14 октября, исправляя полученные повреждения. Со стороны разгромленного турецко-египетского флота враждебных действий не предпринималось. Экипажи его оставшихся на плаву кораблей без всякого присутствия недавнего воинственного духа молча наблюдали за победителями...

НАВАРИНСКИЕ ПОЧЕСТИ

Известие о сокрушительном разгроме военного флота Османской империи у греческих берегов вызвало в Европе небывалый восторг. Но это было только на площадях и улицах, в судовых командах. В правительственных кабинетах министры и дипломаты напряженно продумывали свои действия на ближайшее время: ситуация на Средиземноморье внезапно изменилась.

Российское правительство было весьма довольно исходом Наваринского дела. Английское и французское отнеслось к одержанной победе весьма сдержанно. История донесла до нас слова британского короля, сказанные им при получении известия об одержанной в Наваринской бухте виктории:

— Конечно, Кодрингтону придется дать ленту, хотя он больше заслуживает веревки!..

Английский монарх не преувеличивал: честный и храбрый флотоводец основательно спутал «нечаянной» победой все карты тайной британской дипломатии. Вице-адмирала Эдуарда Кодрингтона ждали в Лондоне почести, высокий орден и... отставка.

Самодержец России, гордый за первую в свое царствование крупную победу отечественного флота, наоборот, смотрелся ис-

кренним в своем восхищении от происшедшего. Командующий экспедиционной эскадрой контр-адмирал граф Логин Петрович Гейден был «произведен в вице-адмиралы с награждением орденом Св. Георгия 3-го класса». Правительства Великобритании и Франции высоко отметили его заслуги в Наваринском деле, наградив русского флотоводца орденом Бани 2-й степени и орденом Святого Людовика 1-й степени.

Высокие награды получили многие офицеры гейденовской эскадры. Так, командир славного линейного корабля «Азов» и начальник штаба командующего М.П. Лазарев был награжден чином контр-адмирала и Военным орденом Святого великомученика и Победоносца Георгия 3-й степени.

Высоких почестей удостоились прославленные в будущем адмиралы, руководители обороны города-крепости Севастополя в годы Восточной (или Крымской) войны 1853—1856 годов. Лейтенант П.С. Нахимов был произведен в капитан-лейтенанты и награжден орденом Святого Георгия 4-й степени. Мичман В.А. Корнилов — произведен в лейтенанты и награжден тем же орденом и той же степени. Гардемарин В.И. Истомин — произведен в первый флотский офицерский чин мичмана и награжден Знаком отличия Военного ордена (Георгиевским крестом для нижних чинов). Все три наваринских георгиевских кавалера станут адмиралами и погибнут при защите города русской воинской славы Севастополя.

Из кораблей Балтийской эскадры наибольшая награда была Высочайше пожалована линейному кораблю «Азов». Героическому экипажу со всей торжественностью вручили Георгиевский кормовой флаг и вымпел. Такой почетнейшей боевой наградой до того времени в истории военно-морского флота России еще ни один корабль не награждался.

Награждение «азовцев» происходило на Мальте, куда вице-адмирал Гейден привел эскадру для завершения ремонта; больше всего пострадал флагманский корабль. К тому времени Наваринская бухта опустела. Вслед за союзными эскадрами ее покинули остатки турецко-египетского флота, ушедшие в Египет, в порт Александрия.

Флагманский шканечный журнал плавания эскадры Логина Петровича Гейдена сохранил до нас описание церемонии награждения 12-го флотского экипажа на корабле «Азов» Георгиевским флагом:

«23 марта 1828 г.

...В $^1/_4$ 3 часа начальствующий эскадрой г. вице-адмирал и кавалер гр. Гейден, начальник штаба г. контр-адмирал и кавалер Лазарев 2 вышли из каюты, и по приказанию их вынести флаг и вымпел в сопровождении экипажного адъютанта и офицера корпуса штурманов, четырех унтер-офицеров; по поставлению стола с новожалованным флагом и вымпелом на уроченное место обер-аудитор Алексеев читал грамоту на вновь пожалованный Георгиевский флаг и вымпел государем императором 12 линейному экипажу и воинский артикул из законов Петра Великого.

По окончании чтения артикулов в $^1/_2$ 3 часа священник начал богослужение на освещение флага и вымпела, по освещению же оных читано клятвенное обещание, и все предстоящие генералитеты, штаб и обер-офицеры и нижние чины произносили [его] вполголоса. По окончании присяги посланы были люди по реям и, подняв новопожалованный Георгиевский флаг, прокричали 3 раза «ура» [после чего] салютовали от нас из всех орудий, а с прочих судов нашей эскадры по 21 выстрелу. Вымпел же отослан был на английский вице-адмиральский шлюп «Тальбот» с мичманом Истоминым 1, на коем в 3 часа подняли оный на грот-брам-стеньге. При поднятии салютовано было со всей английской эскадры военных судов, неаполитанской шхуны и крепостей...»

Думается, что сердечной наградой для вице-адмирала Логина Петровича Гейдена стало послание президента Греции, написанное в Навплии 17 июля 1828 года. Глава независимого от Оттоманской Порты государства эллинов писал флотоводцу России:

«Русский флот уже оставил сии берега, и ваше превосходительство должны последовать за ним; Греция, привыкши смотреть на присутствие флота и вашего превосходительства как на великое благо, обязана через свое правительство выразить вам, господин адмирал, чувства своей благодарности за то, что вы со всеми, состоящими под начальством вашим, офицерами сделали для ея восстановления...

Нация поспешила через своих уполномоченных выразить желание — увековечить память стольких подвигов и объявить свою благодарность. Национальное собрание в Аргосе решило воздвигнуть памятник и учредить орден Спасителя, дав мне право поднести вам знаки первой его степени...»

Стоянка на Мальте для Балтийской эскадры оказалась продолжительной. Здесь для раненых и больных русских моряков зара-

нее был приготовлен лазарет. После двухдневного карантина экипажи приступили к ремонту судов, который двигался медленно. Линейные корабли «Азов», «Гангут» и «Иезекииль» очень сильно пострадали в сражении. По мнению Гейдена, они без капитального ремонта не могли долго находиться в море. Сказалось отсутствие на Мальте мачтовых деревьев — их пришлось доставлять издалека...

ВОЙНА С ОТТОМАНСКОЙ ПОРТОЙ

Отношения между Россией и Турцией после Наваринского сражения еще больше обострились. Вице-адмиралу Л.П. Гейдену приходилось в связи с этим торопиться с готовностью своей эскадры.

Стамбул, открыто подстрекаемый Австрией, запретил русским судам — купеческим и прочим — входить в пролив Босфор 25 декабря 1827 года российский посол в Турции известил Санкт-Петербург, что османский султан провозгласил «священную войну» против России «под знаменем пророка».

14 апреля 1828 года в России вышел Высочайший манифест Императора Николая I об ответном объявлении войны. Великобритания в войне с Оттоманской Портой не участвовала, а Франция объявила ей войну 26 апреля того же года.

К этому времени экспедиционная эскадра Гейдена уже находилась у берегов Греции, неся в водах архипелага свою круглосуточную боевую вахту. Огромные потери султанского флота при Наварине позволили ей успешно осуществлять крейсерские операции и блокаду пролива Дарданеллы. Одновременно в течение десяти месяцев почти без помех блокировался Черноморской эскадрой пролив Босфор. Турция больше не отваживалась на морское сражение с русским флотом, решив одержать победу на сухопутье.

Теперь вице-адмирал Гейден руководствовался в своих действиях новыми инструкциями. Они исходили из полученной секретной депеши министра иностранных дел России К.В. Нессельроде с изложением задач Средиземноморской эскадры. Задач ставилось три:

«1) Привести в действие все права войны против оттоманских флотов, собственностей и владений.

2) Нападать в силу этих самых прав на морские силы Турции, на египетские корабли, а также и на суда варварийских регентств

(турецкие владения в Северной Африке — Марокко, Алжир, Тунис и другие. — *А. Ш.*), которые подошли бы к островам или континенту Греции или пытались бы нападать на крепости, находящиеся в руках греков, или оказывать помощь крепостям, занимаемым турками.

3) Отражать всякий корабль, старающийся пристать к островам или берегам Греции, блокада которой будет вверена или императорской эскадре, или одному из ее кораблей; блокада будет существовать фактически.

Что касается до нейтральных кораблей, которые пытались бы привезти туркам военные припасы, то Россия как воюющая сторона имеет полное право поступать согласно с законами войны.. »

Теперь вице-адмирал граф Л.П. Гейден имел новую должность. В 1828 году он был назначен командующим 2-й дивизией Балтийского флота для крейсерства в Средиземном море. Его эскадра пополнилась отрядом балтийских кораблей под командованием контр-адмирала П.И. Рикорда. Российский морской министр А.В. Моллер требовал от экспедиционных сил в Восточном Средиземноморье самых решительных действий.

БЛОКАДА ДАРДАНЕЛЛ

Блокада Дарданелл велась довольно успешно. Среди прочего почти прекратилась доставка морем хлеба в Стамбул из Египта, для чего турецкое правительство наняло в разных странах 40 торговых судов. Еще более затруднился подвоз войск из отдаленных средиземноморских провинций Блистательной Порты.

Блокадные действия велись в трудных погодных условиях, поскольку в зимние месяцы в Эгейском море часто случалась штормовая погода. Корабли гейденовской эскадры то ходили под парусами, то отстаивались на якоре на виду у турецкой крепости на острове Тенедос. Русские блокирующие корабли базировались на острова Тассо и Мавро. Досматривались любые суда, пытавшиеся подойти в любое время дня и ночи к проливу Дарданеллы. Весь провиант, который пытались провезти в Стамбул, конфисковывался, за исключением соли и «деревянного масла».

Гейдену удалось наладить результативную морскую разведку не только силами кораблей русской эскадры, но и добровольцами-греками, капитанами малых парусников. Они прекрасно знали воды

Греческого архипелага. Более того, ценная информация поступала из самого Константинополя от сардинского генерального консула. Тот в одном из писем командующему дивизией Балтийского флота, действовавшей в Восточном Средиземноморье, сообщал:

«...Ни одно судно со дня открытия блокады с хлебом или какой-либо провизией в Константинополь не проходило... следовательно, цель блокады исполнена и без всякого притом для казны (российской. — *А. Ш.*) ущерба».

Теперь под флагом георгиевского кавалера вице-адмирала Логина Петровича Гейдена находилось гораздо больше кораблей, чем было в славный день Наваринского морского сражения. С Балтики пришли линейные корабли «Эммануил» и «Фершампенауз», фрегаты «Княгиня Лович», «Александра», «Мария», «Ольга»...

Корабли под Андреевским флагом беспрепятственно патрулировали по Эгейскому морю. И в дни русско-турецкой войны 1828—1829 годов не было для греческого населения Балканского побережья и островов архипелага более дружественного флага, чем российский. Об этом со всей откровенностью писал флотоводцу графу Гейдену президент Греции.

Война шла успешно для русского оружия. На Кавказе турки терпели только одни поражения. Армия России в 1829 году под командованием генерал-фельдмаршала графа Ивана Ивановича Дибича-Забалканского вышла на ближайшие подступы к Константинополю. Султанской Турции грозила военная катастрофа. Средиземноморская эскадра, в случае наступления на Стамбул, поступала в оперативное подчинение Дибича. Однако наступления на древний Царьград не последовало: оттоманское правительство запросило мира.

Несение блокады Дарданелл в штормовую, ветреную погоду изматывало корабельные экипажи. На эскадре с нетерпением ожидали окончания мирных переговоров уполномоченных России и Турции, которые проходили в городе Адрианополе. 18 сентября к Гейдену прибыл гвардии поручик Львов, адъютант И.И. Дибича с известием о подписании мира и победном завершении войны.

На следующий день на кораблях зачитывали приказ командующего Средиземноморской эскадрой о прекращении блокады Турецкого побережья в связи с заключением Адрианопольского мира. Вице-адмирал Л.П. Гейден писал в нем:

«В воздаяние отличных успехов, одержанных победоносными российскими войсками над турками, и трудов, понесенных на

пользу службе государю и отечеству в течение нынешней войны, всемогущий бог в неограниченной милости своей даровал нам мир...

О каковом весьма радостном событии по всемилостивейше порученной командованию моему эскадре ныне торжественно объявляя и всех чинов, на оной состоящих, со славным для России миром вторично поздравив, предписываю блокаду Дарданелл и Константинополя совершенно прекратить, а за успех нашего оружия принесть господу богу благодарственное молебствие, которое и совершить на флагманском корабле «Азов» сего дня...»

За умелую и действенную блокаду Дарданелл и морских подступов к турецкой столице и за войну в целом Император Николай I удостоил Логина Петровича Гейдена двух наград. Ими стали серебряная медаль на Георгиевской ленте и годовой оклад адмиральского жалованья.

СЛУЖБА В СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ И РЕВЕЛЕ

С окончанием русско-турецкой войны правительство России сочло необходимым присутствие гейденовской эскадры в Восточном Средиземноморье и дальше. Этого требовали внешнеполитические обстоятельства: склонность побежденной Турции к новому военному противоборству, защита независимой Греции, враждебность Британии.

Большая часть Средиземноморской эскадры по приказанию начальника Морского штаба князя А.С. Меншикова уходила к родным берегам, на Балтику. Во главе этого отряда Гейден назначил своего ближайшего помощника контр-адмирала М.П. Лазарева. К берегам России отправлялись 15 судов: 5 линейных кораблей, в том числе флагманский «Азов», 6 фрегатов, 2 корвета и 2 брига.

Признанным героем Наваринского морского сражения возвращался к российским берегам экипаж «Азова». Императорским указом ему прочилась долгая жизнь. Отныне в военно-морском флоте Российской империи предписывалось всегда иметь большой корабль под названием «Память Азова». Флагманский корабль вице-адмирала Л.П. Гейдена не уходил из истории по старости и ветхости — новый, более современный корабль получал его славное имя.

Теперь под командованием Гейдена в Средиземном море экспедиционная эскадра состояла из линейных кораблей «Александр Невский» и «Фершампенауз», фрегата «Елизавета», бригов «Улисс», «Ахиллес» и «Телемак». Многие из них нуждались в частом ремонте из-за «худости». Эскадра курсировала по средиземноморским водам, заходя обычно для стоянки, пополнения запасов провианта и воды в греческие порты.

В 1831 году вице-адмирала графа Л.П. Гейдена нашла еще одна высокая награда. За труды командующего Средиземноморской эскадрой России жалуют орденом Святого Владимира 2-й степени.

Русские военные корабли «держались» в Восточном Средиземноморье до 1833 года. После этого Министерство иностранных дел решило, что экспедиционная эскадра возложенные на нее «дипломатические» задачи выполнила. Корабли возвращались в Балтийское море к местам своей приписки — в Кронштадт и Ревель.

В том же, 1833 году Логин Петрович Гейден производится в полные адмиралы. Одновременно следует еще одна высочайшая награда, на сей раз денежная — 10 тысяч рублей. При скромном жалованье флотских командиров она выглядела большим подспорьем семейному бюджету Гейденов. К тому времени два сына шли по отцовским стопам, став военными моряками.

В России адмирала Л.П. Гейдена ожидал высокий пост. В 1834 году он назначается военным губернатором Ревеля, ныне столицы Эстонии Таллина. Ревель с момента своего вхождения в состав Российской империи стал второй по значению после Кронштадта базой русского Балтийского флота, по сути дела еще одной морской крепостью. Дел у военного губернатора оказалось предостаточно, поскольку он являлся одновременно и главой гражданской администрации.

Правительство осталось довольно его губернаторской деятельностью. Город процветал, увеличивались внешнеторговые перевозки через Ревельский порт, который с его хозяйством поддерживался в строгом порядке. Базировавшиеся на Ревель военные корабли обеспечивались всем необходимым. «Вольномыслия» в горожанах не наблюдалось. Вскоре граф Гейден получает еще одну должность, в которой он оставался до конца своей жизни, — командира Ревельского порта.

Заслуги графа Л.П. Гейдена в последние годы будут отмечены еще двумя российскими орденами — Белого Орла и Святого Александра Невского, алмазными знаками к последней награде. Им-

ператор Николай I «благоволил» к боевому адмиралу, давшему его царствованию победу в Наваринском морском сражении 8 октября 1827 года.

Российский адмирал Логин Петрович Гейден скончался 16 октября 1850 года, оставив о себе в истории государства Российского и его ратной летописи светлый след.

ИМЯ НА КАРТЕ МИРОВОГО ОКЕАНА

В отношении личности прославленного Наварином флотоводца примечательно следующее. Имя адмирала Л.П. Гейдена благодарные потомки записали не только в историю российского военно-морского флота, но и на географическую карту Мирового океана.

Капитан 1-го ранга Отто Евстафьевич Коцебу, знаменитый отечественный мореплаватель и исследователь, трижды обогнувший на парусном корабле земной шар, сделал немало географических открытий на просторах Тихого океана. Среди этих открытий был и неизвестный ранее европейцам остров в группе Радак Маршалловых островов, находящихся в Микронезии.

Случилось это в 1817 году, еще задолго до Наваринского морского сражения. Коралловый атолл был назван в честь голландца на русской военной службе графа Л.П. Гейдена. Ныне остров Гейдена носит свое второе, более позднее название — Ликиеп.

Имя Гейдена носит и бухта в заливе Бристоль у берегов Русской Америки — Аляски, в юго-восточной части Берингова моря. Ее современное и более позднее название — Порт-Хейден. Бухта была открыта адмиралом, крупным исследователем северной части Тихого океана и побережья Аляски М.Н. Станюковичем (отцом известного писателя-мариниста К.М. Станюковича).

В 1826—1829 годах Станюкович-старший в чине капитана 2-го ранга командовал шлюпом «Моллер», на котором он совершил кругосветное путешествие с заходом на Камчатку и в Русскую Америку. Бухта была открыта исследователем Тихого океана, описана им и занесена на географическую карту в 1828 году.

Помимо кораллового атолла, бухты на побережье Бристольского залива, именем адмирала Логина Петровича Гейдена названа еще и гора на полуострове Камчатка.

РОДОСЛОВНАЯ ДИНАСТИИ ГЕЙДЕНОВ

Адмирал Л.П. Гейден явился основоположником династии выдающихся российских военачальников. Два его сына стали видными военными и военно-морскими деятелями. Внуки и правнуки героя Наварина в основном по семейной традиции служили в военно-морском флоте России.

Наибольшей известности достиг младший сын адмирала Гейдена — граф Федор Логинович, родившийся в 1821 году уже гражданином Российской империи. На военном поприще он достиг званий генерала от инфантерии и генерал-адъютанта.

Воспитывался Гейден-младший в привилегированном Пажеском корпусе, откуда в 1840 году был выпущен прапорщиком в лейб-гвардии Преображенский полк. Через год, выдержав строгий экзамен, переводится на службу в генеральный штаб. Однако штабная служба в столице не удовлетворила графа. По собственному желанию он переводится на Кавказ, поступив в подчинение главнокомандующего русскими кавказскими войсками графа М.С. Воронцова.

Молодой офицер участвует в ряде военных экспедиций в горы, где шли бои с «немирными» горцами имама Шамиля, был дважды ранен. За отличия в Даргинской экспедиции производится в капитаны. За участие в осаде укрепленного высокогорного аула Салты (Сальты), где он получил одно из ранений, Ф.Л. Гейден награждается орденами Святого Владимира 4-й степени и Святого Георгия 4-й степени. Спустя двадцать лет за подвиг под Салтами генерал Гейден-младший был зачислен в списки 82-го пехотного Дагестанского полка.

В 1848 году боевой офицер кавказских войск возвращается в Санкт-Петербург, получив назначение вновь в генеральный штаб. Он состоит при графе Граббе во время дипломатической поездки последнего в Стамбул (Константинополь).

Гейдену-младшему вскоре пришлось принять участие в Венгерском походе русской армии, когда Император Николай I спасал венский двор династии Габсбургов от венгерской революционной армии. За отличие в сражении при Германштадте был награжден чином полковника — в неполные тридцать лет — и орденом Святого Владимира 3-й степени.

В последующем граф Ф.Л. Гейден сделал блестящую военную карьеру. В 1852 году назначается начальником штаба 1-го армей-

ского корпуса, еще через два года — начальником штаба Балтийского корпуса. В 1855 году производится в генерал-майоры с назначением в Свиту Его Императорского Величества. Через год назначается начальником штаба Гренадерского корпуса.

Гейдена-младшего вновь переводят в столицу — в 1861 году он назначается дежурным генералом Главного штаба, производится в генерал-лейтенанты. В следующем году Высочайше жалуется в генерал-адъютанты.

С воцарением Александра II, с именем которого в истории России наступает эпоха Великих реформ, граф Ф.Л. Гейден становится членом нескольких государственных комитетов, которые занимались преобразованиями в стране. Он работает в комитетах: по образованию военных учебных заведений, по устройству и образованию войск, по изменению организации войск. Государем назначается председателем комиссии для обсуждения финансовых средств Александровского комитета о раненых.

Генерал-лейтенант Ф.Л. Гейден является деятельным помощником военного министра будущего генерал-фельдмаршала Дмитрия Алексеевича Милютина по проведению военной реформы в России после Крымской войны. В 1866 году назначается начальником Главного штаба русской армии и одновременно становится председателем нескольких государственных комитетов: военно-ученого и по передвижению войск, а также непременным членом военно-учебного, военно-госпитального и военно-тюремного комитетов.

В 1870 году Федор Логинович Гейден становится полным генералом, получив чин генерала от инфантерии, то есть от пехоты. Одновременно следует назначение председателем комитета по подготовке мобилизации. Комитет проделал немалую работу по осуществлению милютинской идеи создания в России массовой армии на случай большой войны. В 1875 году Император утверждает кандидатуру графа Гейдена-младшего на посту председателя комитета по мобилизации войск — на Балканах ширилось освободительное движение южных славян, назревала война с Оттоманской Портой.

С началом русско-турецкой войны 1877—1878 годов военный министр Д.А. Милютин, сопровождавший Императора Александра II, убывает из столицы на Юг, где начались боевые действия. Исполнение обязанностей главы Военного ведомства возлагается на генерала от инфантерии Ф.Л. Гейдена. Он проявил большую распорядительность в деле пополнения действующей армии, формирования резервных и запасных войск, переброски их на берега

Дуная. Наградой ему за эти труды стал высший орден Российской империи — Святого Андрея Первозванного.

Последние годы жизни младший сын адмирала Л.П. Гейдена провел на губернаторском посту. В 1881 году он был назначен финляндским генерал-губернатором, командующим войсками Финляндского военного округа и членом Государственного совета. Умер в 1900 году.

Самый старший сын адмирала Логина Петровича Гейдена родился в январе 1806 года в Санкт-Петербурге, когда отец имел еще голландское гражданство. Мальчика назвали по отцу — Логин. Он пошел по стопам Гейдена-старшего, начав флотскую службу, получив в пятнадцать лет первое офицерское звание мичмана. Через пять лет был назначен адъютантом начальника Главного морского штаба.

Когда Гейден-старший возглавил Средиземноморскую экспедицию, он взял старшего сына с собой. В Наваринском морском сражении Л.Л. Гейден командовал шхуной «Опыт» и был награжден орденом Святого Владимира 4-й степени с бантом. В 1828 году он уже командует корветом «Львица», а в 1831 году назначается командиром фрегата «Беллона».

В последующем проходит службу при Императорском дворе. Пожалованный флигель-адъютантом к Государю, граф Л.Л. Гейден в 1833 году назначается эскадр-майором, а в 1836 году — управляющим военно-походной по флоту канцелярией самодержца. От Императора Николая I получает в дар за ревностную службу 1500 десятин земли.

С 1841-го по 1850 год состоял членом пароходного комитета, много сделавшего для развития судоходства — государственного и коммерческого в России. В 1842 году граф производится в контр-адмиралы с назначением в Свиту Его Императорского Величества. К тому времени Логин Логинович уже был заметной фигурой при царском дворе. Он неоднократно сопровождал Государыню и ее сыновей, великих князей, в их путешествиях за границу.

В 1866 году контр-адмиралу Л.Л. Гейдену семьей Романовых поручается ответственнейшая задача: отправиться в столицу Дании Копенгаген и привезти оттуда принцессу Дагмару, которая, став женой будущего Императора Александра III, станет и всероссийской Государыней Марией Федоровной, матерью последнего Императора Николая II.

Логин Логинович исполнял должность дежурного генерала Главного морского штаба, являлся непременным членом Морского ученого комитета, получил чин генерал-адъютанта и звание вице-адмирала. Пришлось ему исполнять и отцовскую должность, получив в 1856 году назначение военным губернатором и главным командиром Ревельского порта. В этой должности он пробыл три года, сделав многое для безопасности берегов России на Балтике от «покушений» английского флота.

В 1861 году граф Л.Л. Гейден производится, как и его отец, в полные адмиралы. Прослужив более семидесяти лет в офицерских чинах, в том числе пятьдесят — в адмиральских, он удостоился всех российских орденов до ордена Святого апостола Андрея Первозванного включительно, а также был награжден портретами трех всероссийских императоров — Николая I, Александра II и Александра III.

Как и младший брат, адмирал Л.Л. Гейден состоял с 1895 года членом Государственного совета. Лично для него Император установил звание вице-председателя Александровского комитета о раненых, который занимался судьбами военных инвалидов (увечных воинов) и престарелых отставных военнослужащих. Забота о них со стороны государства в старой России заслуживала высокой похвалы.

Умер адмирал Логин Логинович Гейден в 1901 году, оставив после себя потомкам прекрасные своей правдивостью описания мемуары — о походе русской эскадры в Средиземноморье и Наваринском морском сражении, в котором старший сын флотоводца принял участие командиром боевого, пусть и малого корабля, сражаясь против флота Оттоманской Порты под отцовским адмиральским флагом.

КАНКРИНА «СЕРЕБРЯНАЯ» ДЕНЕЖНАЯ РЕФОРМА

Генерал от инфантерии граф Егор Францевич Канкрин

РОДОСЛОВНАЯ ГЕССЕНСКИХ КАНКРИНОВ

В роду русского генерала от инфантерии Егора Францевича Канкрина людей военных, по крайней мере в высоких чинах, не значилось. Его предки занимались промышленным делом, устроением финансовой системы германских правителей, изучали различные науки, творили собственное благополучие и благополучие своих сограждан. Следует заметить, что на этом благородном поприще Канкрины преуспевали.

Родоначальником Канкринов считается Иоганн Генрих Канкрин. Был он бергмейстером, устроителем заводов сразу в двух немецких государствах — Гессен-Дармштадте и Гессен-Касселе. Промышленным строительством и производством он успешно занимался в середине XVIII столетия.

Его сын Франц Людвиг, уроженец города Брейтенбах, в двадцать шесть лет был уже секретарем в гессенском городе Ганау, а затем асессором в княжеском казначействе. Он был известным немецким минералогом. Занятие наукой Ф.Л. Канкрин успешно сочетал с заведованием монетной частью гессенского казначейства, будучи автором ряда научных трудов. Был действительным членом Гессенской академии наук.

Назначенный главным камеральным советником гессенского правительства, Франц Людвиг Канкрин вскоре перешел на службу к маркграфу Бранденбург-Анспахскому и стал директором канцелярии монарха. Его ученость в области экономики стала известной в Санкт-Петербурге, и вскоре он получил официальное приглашение перейти на службу Российской империи со значительной прибавкой к прежнему жалованью. Так в 1783 году первый представитель Канкринов оказался в России, получив сразу чин коллежского советника. Своего сына Георга Людвига, тринадцатилетнего гимназиста он оставил на родине, в городе Ганау.

Минералог со званием действительного члена Гессенской академии наук почти тридцать лет, находясь на российской службе, был начальником Государственного старорусского солеваренного завода. Одновременно несколько лет Ф.Л. Канкрин (по-русски — Франц Иванович) являлся членом Берг-коллегии и почетным членом Горного департамента.

В 1801 году он получил чин действительного статского советника, в российской табели о рангах приравненного к первому генеральскому чину. Канкрин-старший умер на земле новой Отчизны в 1816 году.

Сыну Франца Ивановича Канкрина — Георгу Людвигу судьба уготовила в Российской империи блестящую карьеру как генерал-интенданта русской армии, министра финансов самодержца Николая I, государственного деятеля, ученого и писателя.

Родившись 26 ноября 1774 года в городе Ганау герцогства Гессен-Кассель, он воспитывался в местной мужской гимназии. Закончив ее с большим успехом, Георг Людвиг Канкрин продолжил учебу в Гессенском и Магдебургском университетах на юридическо-политических факультетах. По окончании учебы в 1794 году был удостоен степени доктора прав.

В 1797 году Канкрин-младший по вызову отца приехал в Россию и поступил на государственную службу с чином надворного советника. Сперва он трудился вместе с родителем.

Затем, будучи человеком от природы любознательным и подлинным ученым своего времени, Георг Людвиг, ставший в России Егором Францевичем, начал посильное изучение экономического состояния государства, которое стало вторым Отечеством сперва для его отца, а потом и для него самого. Такое занятие и предопределило его дальнейшую судьбу.

ОТ НАЧАЛЬНИКА СОЛЕВАРОВ ДО ГЕНЕРАЛ-ИНТЕНДАНТА

Начальник солеваров в городе Старая Русса, что на Новгородщине, надворный советник Егор Францевич Канкрин свое восхождение по служебной лестнице начал со следующего. Он предста-

вил вице-канцлеру российского правительства графу И.А. Остерману докладную записку об улучшении... овцеводства в государстве. Взгляды немецкого ученого со степенью доктора права на развитие овцеводства в Российской империи произвели впечатление на его новых соотечественников.

В 1803 году он оставляет Старую Руссу. По протекции Остермана Канкрин-младший определяется на службу в... Министерство внутренних дел. Должность давалась ему высокая — советником при экспедиции государственной экономии. Думается, что вице-канцлер сумел угадать будущее Канкрина-младшего.

В обязанности советника по экспедиции государственной экономии Министерства внутренних дел входил надзор за производством соли в стране. Она, равно как белое вино (или водка) и табак, являлась государственной монополией по добыче и продаже. Среди прочего в новой должности Е.Ф. Канкрин участвовал в исследовании запасов соляных месторождений Оренбургской губернии — знаменитой Соли Илецкой.

Служа в Министерстве внутренних дел, ему приходилось выполнять и другие ответственные поручения, помимо соляного вопроса. В октябре 1804 года министерский советник принимал деятельное участие в оказании правительственной помощи голодающим.

В 1809 году следует новое должностное назначение — инспектором иностранных (немецких) колоний столичной Санкт-Петербургской губернии. Именно с этой должности началось восхождение Егора Францевича по служебной иерархической лестнице Российской империи, причем с самой непредвиденной для доктора права и экономиста стороны.

Вряд ли кто из близких ему людей и тем более со стороны сослуживцев догадывался, что сугубо гражданский чиновник самым серьезным образом занимается проблемами военного искусства. Но дело обстояло именно так. В 1809—1810 годах Е.Ф. Канкрин написал сочинение «О военном искусстве». Полное его название — «Фрагменты о военном искусстве с точки зрения военной философии». Оно было написано на немецком языке и издано сперва в 1809 году, а затем вторым, доработанным изданием — в 1815 году.

После этого последовал выход в свет нового труда Канкрина — «О средствах продовольствования больших армий». Эта военно-

научная работа стала большим научным исследованием деятельности армейских тылов, продовольственных служб вооруженных сил не только Российской империи.

Эти две работы произвели доброжелательное впечатление на военного министра России генерала от инфантерии Михаила Богдановича Барклая де Толли и советника Государя по военным вопросам прусского барона генерала Фуля. Последний рекомендовал своего соотечественника Императору Александру I.

В 1811 году Барклай де Толли пригласил автора двух интересных научных трудов по военным вопросам на службу в Военное ведомство и одновременно предложил участвовать в работе комиссии по составлению новых Воинских уставов и Уложения. Первая должность Е.Ф. Канкрина в рядах русской армии называлась так: помощник генерал-провиантмейстера в чине действительного статского советника. На этой тыловой и многотрудной деятельности доктор права зарекомендовал себя с самой лучшей стороны, что и обеспечило его дальнейшее стремительное продвижение по служебной лестнице.

С началом Отечественной войны 1812 года он занимает пост генерал-интенданта 1-й русской Западной армии, которой командовал военный министр Барклай де Толли. Продовольственное обеспечение огромной отступающей армии оказалось делом весьма сложным. Но генерал-интенданту, еще совсем недавно бывшему гражданским чиновником, удалось успешно справиться со многими задачами.

В апреле 1813 года Егор Францевич Канкрин назначается генерал-интендантом всех русских действующих армий. Или иначе — главным продовольственником вооруженных сил Российской империи. Знаниям, энергии и талантам Канкрина русская полевая армия обязана тем, что ее продовольственное обеспечение не знало больших сбоев, в отличие, например, от французской армии Наполеона Бонапарта.

Вместе с русской действующей армией генерал-интендант совершает освободительные походы в Европу 1813—1814 годов. Во многом благодаря его распорядительности, проявленной в условиях военного времени, русские войска во время боевых действий на своей и чужой территории не испытывали серьезных затруднений с обеспечением провиантом, хотя нужда в нем случалась не раз.

ПРЕТЕНЗИИ ПРУССИИ. ПРОТИВНИК КРЕПОСТНИЧЕСТВА

В военной истории примечателен следующий факт. Благодаря Канкрину Отечественная война 1812 года и Заграничные походы русской армии обошлись государственной казне по продовольственной части только в 400 миллионов рублей. Причем осталось около 26 миллионов от суммы, ассигнованной на военные издержки.

При расчете с союзниками по продовольствованию русских войск за границей, прежде всего с королевством Пруссия, генерал-интендант Е.Ф. Канкрин блистательно доказал необоснованность многих предъявленных претензий. И в результате вместо 360 миллионов рублей России пришлось уплатить иностранным поставщикам продовольствия только 60 (!) миллионов. Такой итог переговоров об уплате российских долгов за провиант для армии произвел сильное впечатление не только в Санкт-Петербурге, но и в европейских столицах.

Канкрин, повышаясь в тыловых должностях, рос и в воинских званиях. 1 декабря 1812 года его «переименовали» в генерал-майоры. 30 августа 1815 года он получает чин генерал-лейтенанта, продолжая служить в должности генерал-провиантмейстера 1-й армии.

В 1815 году Е.Ф. Канкрин свои действия в должности генерала провиантской службы русской армии в военные годы изложил в обстоятельной докладной записке. Она была представлена Императору Александру I и получила его монаршее одобрение. Вскоре этот отчет был опубликован отдельным изданием.

Последующие несколько лет — с 1816-го по 1820 год — генерал-лейтенант Канкрин-младший находился при Главной квартире русской полевой армии в Могилевской губернии. В это время он создает обширный труд о военном хозяйстве — 3-томное сочинение «О военной экономике во время войны и мира и ее связи с военными операциями». Труд был опубликован на немецком языке в 1820—1823 годах и стал фундаментальной научной работой в области армейского тылового хозяйства. К доктору права в генеральских эполетах пришла новая известность.

Свою семейную жизнь Е.Ф. Канкрин в России устроил довольно поздно. В августе 1816 года генерал-лейтенант вступает в брак с Екатериной Захаровной Муравьевой, сестрой А.З. Муравьева и

родственницей жены генерал-фельдмаршала М.Б. Барклая де Толли. В счастливой семейной жизни супруги имели четырех сыновей и двух дочерей.

После окончания наполеоновских войн армейский генерал, человек уже достаточно известный и авторитетный, начинает заниматься государственной деятельностью. В 1818 году по велению Императора Александра I Канкрин представляет на Высочайшее рассмотрение «Записку об освобождении крестьян...» с проектом поэтапной отмены крепостного права в России в течение тридцати лет.

Эта записка, которая не стала секретом для столичных кругов, вызвала немалое недоброжелательство к Егору Францевичу Канкрину бюрократических чиновников государственного аппарата. С последними у него происходили постоянные столкновения из-за «казенного интереса» с разными влиятельными лицами. Кроме того, Канкрин на свой собственный страх и риск вел борьбу со взяточничеством, что не находило большой поддержки среди высших чинов Императорской армии по тыловому ведомству.

«Записка об освобождении крестьян...» так и не получила какой-либо реализации в государственных преобразованиях в годы правления Императора Александра I. Она в отношении ее автора имела обратное действие, и не в лучшую сторону. Самодержавный государь стал смотреть на Е.Ф. Канкрина как на человека беспокойного, идущего вразрез со взглядами императорского окружения того времени.

В 1820 году генерал-лейтенант Канкрин назначается членом военного совета Военного министерства. Но в том же году, согласно личному прошению на имя монарха, он увольняется с должности генерал-провиантмейстера, которой он отдал так много энергии и труда.

С 1822 года Егор Францевич — член Государственного совета по Департаменту государственной экономии. Плодотворная деятельность его на этом поприще быстро заслужила и монаршее, и общественное признание. Канкрин становится общепризнанным экономистом-государственником, авторитетным человеком в правительственных и финансовых кругах.

В 1821 году Канкрин публикует на немецком языке свою очередную научную работу — «Всемирное богатство, национальное богатство и государственное хозяйство». Исследование относилось к разряду фундаментальных исследований в области экономики.

Член Государственного совета привлекается к разработке ряда законодательных актов в области российской экономики. Так, он участвует в составлении таможенного тарифа 1822 года, который в известной степени защищал интересы отечественных производителей товаров широкого потребления.

ВО ГЛАВЕ МИНИСТЕРСТВА ФИНАНСОВ

Высочайшим указом 27 апреля 1823 года Император Александр I назначает бывшего генерал-провиантмейстера русской армии министром финансов Российской империи. На этой должности Егор Францевич Канкрин находился до 1 мая 1844 года, то есть больше двадцати одного года. Девятнадцать лет он был министром финансов в правительстве самодержца Николая I, который превратил Россию в государство с бюрократическим чиновничьим управлением.

На посту министра финансов Е.Ф. Канкрин твердой рукой проводил политику гибкого покровительства отечественной промышленности. В ее интересах он несколько раз добивался пересмотра ставки таможенных пошлин — в 1823-м, 1826-м, 1831-м, 1834-м, 1836-м и 1843 годах. Такая деятельная таможенная политика немало способствовала росту российского экспорта при некотором сокращении импорта тех товаров, которые можно было без особых хлопот производить внутри собственной страны.

Министр финансов выступал против субсидирования отдельных промышленных предприятий за счет средств казенных кредитных учреждений. Канкрин ввел правило, согласно которому каждая долгосрочная ссуда промышленного характера должна выдаваться казенными банками не иначе как с личного разрешения министра финансов. Таким образом был перекрыт путь утечки огромных средств из Государственного казначейства.

И при Императоре Александре I, и при Императоре Николае I их министр финансов выступал против неоправданных с хозяйственной точки зрения трат. Строительные статьи государственного бюджета стали более реальными и необременительными для финансов Российского государства.

Заботясь об устойчивости российской финансовой системы, Е.Ф. Канкрин не допускал организации эмиссионных акционерных банков, выдававших частные ссуды банковскими билетами.

В 1829 году он провел понижение процента, платимого государственными кредитными учреждениями по вкладам, с пяти процентов до четырех процентов и взимаемого по ссудам с шести процентов до пяти процентов.

Оздоровление финансовой системы Российской империи и ее экономики было налицо, равно как и определяющая роль в этом Министерства финансов. В 1824 году Егор Францевич Канкрин избирается почетным членом Санкт-Петербургской академии наук. В 1829 году Император Николай I Высочайшим указом дарует ему потомственный графский титул.

В 1842 году при деятельном участии российского министра финансов началась организация сберегательных касс, принимавших вклады от 50 копеек до 750 рублей. Во многом благодаря должностной поддержке Канкрина в стране возникли первые страховые общества: в 1827 году — огневого (от пожаров) страхования, в 1835 году — личного страхования.

С именем Е.Ф. Канкрина связано и известное улучшение организации русской торговли. В 1832 году принимается новый устав о векселях, устав о торговой несостоятельности, устав коммерческих судов, устав крупнейшей в стране Санкт-Петербургской биржи. По инициативе министра финансов в 1836 году принимается закон, воспрещавший биржевую игру акциями. Этот канкриновский закон был отменен только в 1893 году.

В 1824 году Канкрин провел реформу, согласно которой были определены новые цены промысловых свидетельств, дававшие право на ведение торговли для купцов 1-й, 2-й и 3-й гильдий и торгующих мещан. Реформа предоставляла большие права для крестьян, занимавшихся торговлей. Первоначально этот проект министра финансов встретил в Государственном совете сильную оппозицию, и лишь третий его вариант был утвержден Императором Александром I. В 1827 году дворянам и фабрикантам было разрешено записываться в купеческие гильдии.

Министр финансов стремился к изысканию новых путей увеличения государственных доходов. Он шел по пути введения новых податей и сборов, мало популярных среди самых широких кругов населения страны. Такие свои действия на посту главы финансового ведомства Канкрин расценивал как крайнюю необходимость.

Бывший глава военного интендантства действовал в области российских финансов по-военному решительно и с немалым ко-

нечным результатом. В 1827 году он восстанавливает систему винных откупов, в 1830 году вводит уплату подушной подати инородцами, в 1838-м — оригинальную систему обложения торговцев табаком. Одновременно снижается налог на соль и отменяются внутренние судоходные пошлины; последнее было узаконено в 1823 году.

Результат такой энергичной финансовой деятельности Е.Ф. Канкрина показателен для экономики николаевской России. Сумма прямых налогов за время его управления финансами империи увеличилась на огромную сумму в 10 миллионов рублей серебром.

Канкрин боролся с бюджетными дефицитами также путем сокращения расходных статей, однако успеха здесь он не достиг. Российское государство продолжало тратить огромные суммы на военные расходы: в эти годы случилась русско-турецкая война 1828—1829 годов, прошло подавление очередного польского восстания, шла Кавказская война. Император Николай I стремился поддерживать военную мощь Российской державы на самом высоком уровне, а это требовало постоянного роста военных расходов.

Всего за два с лишним десятилетия пребывания Е.Ф. Канкрина на посту министра финансов дефицит государственного бюджета составил 160,6 миллиона рублей серебром. Для поддержания российского государственного кредита Канкрин настаивал на соблюдении строгой секретности в отношении данных, касающихся состояния финансов страны.

Для покрытия дефицита российского бюджета он прибегал к использованию средств кредитных казенных учреждений и к государственным займам. В 1828—1829-м, 1831-м, 1832-м, 1840-м и 1843 годах Канкрин провел заграничные займы, действительный процент по которым составил 5,42, а сумма — 92,2 миллиона рублей серебром. Ежегодные выплаты по заграничным займам в бытность Канкрина на посту министра финансов были ниже, чем у его предшественников, что способствовало улучшению расчетного баланса Российской империи.

Канкрин создал новую форму государственного долга. В 1831 году были выпущены в обращение билеты Государственного казначейства (так называемые «серии») номиналом 250 рублей ассигнациями, приносившие их владельцам четыре процента годовых.

Фактически канкриновские «серии» являлись процентными деньгами, и население охотно их приобретало. Сперва они выпус-

кались сроком на четыре года, затем на шесть лет. В последнем случае их погашение государственной казной проводилось в последние четыре года. «Серии» принимались в залоги по откупам, казенным подрядам, поставкам по нарицательной цене, в расчетных сношениях между частными лицами — по договоренности.

Средства, вырученные от заграничных и внутренних займов, шли в основном на покрытие военных расходов и лишь частично на казенные расходы: строительство шоссейных дорог протяженностью около пяти тысяч верст, устройство внутренних судоходных систем — Вышневолоцкой, Мариинской, Тихвинской и других, морских портов. Так, выручка от заграничных займов 1842-го и 1843 годов целиком ушла на строительство Николаевской железной дороги от Санкт-Петербурга до Москвы.

Всего государственный долг России при министре финансов Е.Ф. Канкрине возрос на 116 процентов. Тем не менее положительное сальдо торгового и расчетного баланса способствовало поддержанию устойчивого курса русского рубля и наполнению каналов денежного обращения золотой и серебряной монетой.

Серьезным просчетом в первоначальной деятельности на посту главы финансового ведомства у Канкрина было то, что он не видел коренных пороков в российской денежной системе. Министр возражал во время обсуждения в Государственном совете по поводу ряда мероприятий — изъятия из обращения депозитных сертификатов, старых ассигнаций, придания кредитному рублю принудительного государственного курса. Все это в скором времени станет составной частью знаменитой Канкриновой «серебряной» денежной реформы.

УСТРОЙСТВО ДЕНЕЖНОЙ РЕФОРМЫ

Реформа проводилась под руководством графа Егора Францевича Канкрина в связи с постоянными обесцениваниями бумажных денег и повышением цен на драгоценные металлы. Реформа денежного обращения 1839—1843 годов впервые установила в Российском государстве серебряный монометаллизм.

История денежной реформы Канкрина такова. В 1837—1839 годах в Государственный совет было представлено несколько записок о преобразовании денежной системы России. Их авторами были известные государственные деятели — А.С. Грейг,

Н.С. Мордвинов, князь К.Ф. Друцкой-Любецкий, М.М. Сперанский и сам министр финансов. После обсуждения этих записок был выработан план денежной реформы в стране.

Высочайшим манифестом Императора Николая I от 1 июля 1839 года «Об устройстве денежной системы» главной платежной монетой устанавливалась серебряная российской чеканки, а монетной единицей — серебряный рубль. Государственные ассигнации (бумажные деньги) становились вспомогательным знаком ценности. По курсу один серебряный рубль равнялся 3,5 рублям ассигнациями. Фиксировался также курс золотой и серебряной монеты: один серебряный рубль равнялся 0,097 золотого империала и 16 (затем — 32) рублям медными монетами.

На серебряной основе должны были заключаться все сделки с государственной казной и частными лицами, вестись подсчеты доходов и расходов Российской империи, оборотов кредитных учреждений и другие финансовые операции. Казначействам вменялось в обязанность обменивать бумажные ассигнации на серебро.

Эти и последующие мероприятия денежной реформы, проводимой под руководством Е.Ф. Канкрина, оздоровили финансы России, упрочили позиции ее главной денежной единицы — серебряного рубля, улучшили систему расчетов внутри государства.

Одной из своих главных задач, как министр финансов, Канкрин видел в поощрении отечественной науки, технического прогресса и народного образования. При его активном содействии в России начали издаваться «Коммерческая газета», «Журнал мануфактур и торговли», «Лесной журнал», «Горный журнал», «Земледельческая газета», «Мануфактурные и горнозаводские известия». Было издано свыше 30 крупных научных работ по различным областям техники, карта распределения мануфактурной промышленности в России.

В Берлине, под покровительством министра финансов графа Канкрина, началось издание журнала «Архив научных сведений о России». Российское финансовое ведомство направляло за границу специальных агентов с целью сбора информации о новейших открытиях и усовершенствованиях в различных отраслях народного хозяйства.

В области профессионально-технического образования при Канкрине были учреждены Мануфактурный и Коммерческий советы, Санкт-Петербургский технологический институт, различные

промышленные школы. Все они получили финансовую поддержку со стороны государства. При поддержке Министерства финансов в России были проведены первые промышленные выставки: в 1829 году — в столице и в 1831 году — в Москве.

В 1829 году министр финансов произвел преобразование Лесного института. Была преобразована и лесная часть с созданием лесных округов. В 1834 году реорганизуется горное дело и в масштабе государства создается корпус горных инженеров.

Егор Францевич Канкрин имел известность и как способный писатель. Во время университетской учебы в Гессене он написал известное для того времени произведение «Дагобер, роман из настоящей войны за освобождение», который был опубликован в 1797—1798 годах. Канкрин занимался поэзией и публиковал статьи о немецком театре. В 1827 году российский журнал «Отечественные записки» опубликовал его статью «Монограммы или род гербовых знаков на стенах замка Изборского»; в 1836 году издается авторская книга «Элементы прекрасного зодчества».

«ОБЗОР ПРИМЕЧАТЕЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЙ...»

Результаты своего управления Министерством финансов граф Е.Ф. Канкрин изложил в «Обзоре примечательных действий по финансовой части в последние 20 лет». Эта работа была представлена им Императору Николаю I в марте 1843 года. Она была опубликована через двадцать два года с некоторыми сокращениями в «Сборнике сведений и материалов по Министерству финансов».

Последние научные исследования Канкрина посвящались отечественным финансам. Но писались они на немецком языке, поскольку автор за все свое продолжительное проживание в России так и не освоил в должной степени письменность на русском языке, поэтому не все из них увидели на нем свет.

Подлинным итогом государственной деятельности Е.Ф. Канкрина стала работа «Экономия человеческого общества и финансы». Она была закончена в 1845 году, а в следующем издана в русском переводе в «Библиотеке для чтения». В ней автор изложил свои экономические воззрения и взгляды на управление финансовой системой. Публикация этого научного труда вызвала немалый интерес среди читателей.

Труды генерала от инфантерии графа Егора Францевича Канкрина как на поприще генерал-провиантмейстера, так и министра финансов императорами Александром I и Николаем I, правительством России оценивались однозначно высоко. Он был награжден всеми российскими орденами высших степеней, кроме одного-единственного — Военного ордена Святого Георгия. Это и неудивительно, поскольку Георгиевский крест давался только за личные отличия на поле брани.

Помимо российских орденских наград, Е.Ф. Канкрин был удостоен шести иностранных орденов союзных Российской империи монархических стран Европы во время антинаполеоновских войн. Союзники по достоинству оценили труды русского генерал-провиантмейстера в 1813—1814 годах.

Канкрин был одним из тех «знатных иностранцев» на русской службе, который эту знатность — графский титул получил в самой России. Последним знаком уважения к его неординарной личности стало присуждение звания почетного члена Парижской академии наук. Это явилось европейским признанием его научных трудов в области государственных финансов и военной экономики.

Генерал от инфантерии граф Егор Францевич Канкрин ушел из жизни 9 сентября 1845 года в городе Павловске Санкт-Петербургской губернии. Его похоронили с подобающими почестями на Смоленском евангелическом кладбище в столице, с которой у него была связана большая часть жизни...

Выдающаяся деятельность выходца из немецкой земли Гессен на посту министра финансов Российской империи составила целую эпоху в развитии отечественной экономики. Вместе с тем он вошел в число тех прославленных русских генералов, с именами которых связано поражение Великой армии императора французов в Отечественной войне 1812 года, победные походы российского воинства в Европу в 1813—1814 годах.

История всегда воздает по заслугам. Поэтому и занесено имя генерала от инфантерии графа Е.Ф. Канкрина в пантеон славы победителей французской армии Наполеона Бонапарта — одного из величайших полководцев-завоевателей в мировой истории.

ПЕРВЫЙ ПАРТИЗАН ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Генерал от кавалерии барон Фердинанд Федорович фон Винцингероде

НАЕМНАЯ ШПАГА ПРУССКОГО БАРОНА

Род Винцингероде, или Винценгероде, относился к числу германской старинной аристократии из северных немецких земель. В этом роду испокон веков военную службу предпочитали всем другим гражданским. Поэтому когда 4 февраля 1770 года на свет появился новый барон Винцингероде по имени Фердинанд, то все родные и близкие решили, что он обязательно будет генералом в какой-нибудь европейской армии. И тем самым еще раз прославит этот род немецких баронов.

Поэтому мальчика традиционно воспитывали в строгом духе подчинения младшего старшим, преклонения перед историей немецкого рыцарства и, как потом отчетливо сказалось на биографии германского наемника-ландскнехта, в «потомственной» нелюбви к Франции.

Местом рождения Фердинанда фон Винцингероде стал небольшой городок Боденштейн, расположенный в то время в районе Эрфурт в Саксонии. Так что будущий генерал от кавалерии русской армии получил старое «доброе» прусское военное воспитание, которое являлось хорошей рекомендацией для поступления молодого немецкого барона на военную службу. Армий же ему пришлось за свою непродолжительную жизнь поменять в Европе не одну, а несколько. И послужить в каждой из них не по одному разу.

Свою военную карьеру Фердинанд фон Винцингероде начал по соседству с родительским домом — в гессенской армии. Но

служба в немногочисленных войсках маленького государства в Северной Германии больших перспектив перед бароном не открывала. Поэтому потомку саксонских рыцарей пришлось искать новое место приложения трудов и собственной шпаги немецкого аристократа.

В 1790 году барон Винцингероде переходит на службу в армию Австрийской империи. В ее составе он участвует в боевых действиях на территории Нидерландов. Офицерская служба в австрийских войсках ладилась, сразу же начавшись успешно.

Однако уже через два года, в 1792-м, Фердинанд фон Винцингероде вновь поступает на военную службу монарху Гессена. В рядах гессенской армии он сражается на берегах Рейна против нелюбимых в его баронском роду французов, да еще к тому же и республиканцев.

Из армии Гессена барон вновь переходит под армейские знамена императорского дома Габсбургов. Однако и повторная служба в австрийских войсках оказалась малопривлекательной. Фон Винцингероде решает оставить ряды армии венского двора, что и сделал без всякого на то сожаления. Впрочем, австрийцы и не удерживали у себя наемного ландскнехта из германских земель.

ИЗ РУССКОЙ АРМИИ В ТРЕТИЙ РАЗ В АВСТРИЙСКУЮ

Прибыв в Россию в 1797 году, офицер гессенской и австрийской армий нашел там себе место в гвардейской кавалерии. В Санкт-Петербурге у барона земляков оказалось, как говорится, хоть пруд пруди. То, что фон Винцингероде был принят на русскую военную службу майором не в какой-нибудь армейский кавалерийский полк, стоявший в провинции, а сразу в привилегированный Орденский кирасирский полк, свидетельствует только о «железной» протекции немецкого барона в российской столице.

Однако долго послужить кавалеристом ему не пришлось. Уже в следующем, 1798 году Фердинанд фон Винцингероде производится в подполковники и переводится в лейб-гвардии Измайловский полк. То есть попадает служить в гвардейскую пехоту в столичном гарнизоне.

Вскоре немецкий барон назначается адъютантом к Великому Князю Константину Павловичу, при котором состоял во время

суворовского Итальянского похода 1799 года. В действиях против французов на итальянской земле иностранный наемник в погонах офицера лейб-гвардии России показал себя с самой хорошей стороны. Одновременно он добивается благоволения со стороны Великого Князя из правящего дома Романовых.

Произведенный в генерал-майоры, барон Винцингероде в 1802 году был пожалован в генерал-адъютанты к Императору Александру I. В этой придворной должности он участвует в русско-австро-французской войне 1805 года, в Кремсском сражении и деле при Дирнштейне. И хотя война союзниками была проиграна, любимец Константина Павловича смог в ней отличиться.

Тогда на германского наемника в генеральском мундире и обратил свое внимание главнокомандующий русской армией генерал от инфантерии Михаил Илларионович Голенищев-Кутузов. Полководец прежде всего обратил внимание на то, с каким непритворным желанием и рвением берется служилый немец за выполнение рискованных предприятий. И на то, насколько недоброжелательно он относится к французам, с которыми воевал не в первый раз.

Когда русская армия, почти полностью лишенная поддержки своих союзников-австрийцев, при отступлении от города Браунау оказалась под угрозой окружения превосходящих сил наполеоновской армии и была атакована кавалерией и пехотой Мюрата, барон Винцингероде оказался очень полезен главнокомандующему. Голенищев-Кутузов, полководец мудрый и опытный, решил проявить военную хитрость и обмануть одного из лучших полководцев Франции эпохи Бонапарта. Он завязывает с Иоахимом Мюратом переговоры о временном перемирии.

Русский полководец, чтобы выиграть время, 2 ноября 1805 года отправил в штаб-квартиру Мюрата генерал-адъютанта барона Фердинанда Винцингероде для ведения переговоров о перемирии. Тот вел их так искусно, что дал Михаилу Илларионовичу прекрасную возможность отступить с русской армией на два перехода без всякого противодействия на то со стороны французов.

Дипломатические усилия командующего французской кавалерией вызвали страшный гнев Наполеона Бонапарта. Он сразу понял, что русский полководец его одурачил и вывел свою армию из-под угрозы окружения на территории собственно Австрии.

В 1809 году Фердинанд фон Винцингероде вновь в рядах австрийской армии — в третий раз приходя на службу к венско-

му двору. Он принимает активное участие в действиях против французской армии, отличившись в упорном майском сражении при Асперне. В той баталии на поле брани сошлись армии под командованием Наполеона и эрцгерцога Карла. Селение Асперн десять раз переходило из рук в руки. В итоге оба главнокомандующие известили свои столицы — Париж и Вену — об одержанной победе.

Фон Винцингероде оказался, бесспорно, одним из самых храбрых людей среди австрийского генералитета. В сражении под Асперном он получил ранение картечной пулей в ногу. За участие в этой войне император Австрии наградил наемного германского барона чином фельдмаршала-лейтенанта.

ВОЗВРАЩЕНИЕ НА РУССКУЮ СЛУЖБУ. ПАРТИЗАН

Когда в 1812 году Великая армия императора французов двинулась в Русский поход, Фердинанд фон Винцингероде, ненавидя Бонапарта и желая всюду сражаться против него, вернулся на русскую военную службу в прежнем чине генерал-майора. В России он даже не вспоминал о своем звании фельдмаршала-лейтенанта австрийской армии.

Факт в истории всегда остается фактом. Немецкий барон стал в истории Отечественной войны 1812 года первым партизанским командиром в генеральском звании.

Случилось это так. 22 июля по инициативе командующего 1-й русской Западной армией военного министра России Михаила Богдановича Барклая де Толли был создан первый армейский летучий (партизанский) отряд. Во главе его и поставили склонного к рискованным действиям генерал-майора фон Винцингероде, получившего задачу прикрывать Санкт-Петербургский тракт.

Командир армейского летучего отряда успешно справился с поставленной задачей. Он быстро вытеснил авангардные части французов из городов Велиж и Усвяты и их окрестностей. Затем легкая партизанская кавалерия лихими набегами стала затруднять продовольственное и фуражное снабжение наполеоновской армии, которая «предпочитала снабжаться» за счет завоеванных территорий.

Действия армейского летучего отряда генерал-майора Винцингероде оказались весьма успешными и эффективными. Главнокомандующий русской армией М.И. Голенищев-Кутузов стал создавать такие большие и малые по численности партизанские отряды в немалом количестве. Действия армейских партизан во многом стимулировали борьбу простого люда против завоевателей.

Операции кавалерийского отряда отважного Фердинанда фон Винцингероде обратили на себя внимание и в штабе Наполеона, и в российской столице. Император Александр I производит своего генерал-адъютанта, командовавшего значительным числом армейских партизан, в следующий чин генерал-лейтенанта.

От Винцингероде в штаб-квартиру Главной русской армии регулярно шли разведывательные донесения о передвижениях и намерениях французских войск. После Бородинского сражения главнокомандующий поручает командиру армейского летучего отряда придвинуться к Звенигороду, чтобы закрыть там наступающим французам обходную дорогу к первопрестольной Москве.

При вступлении наполеоновской Великой армии в древнюю русскую столицу отряд генерал-лейтенанта Фердинанда Федоровича (именно такое отчество ему записали при поступлении на русскую военную службу) Винцингероде перекрывает идущую из Москвы Тверскую дорогу. Одновременно «летучие» армейцы ведут активные партизанские действия на Ярославской, Дмитровской и Рузской дорогах. Их совместные с местными партизанами дела оказались настолько успешными, что французы почти полностью лишились возможности добывать к северу от Москвы провиант и фураж.

О действиях армейских летучих партизан главнокомандующий М.И. Голенищев-Кутузов постоянно доносил в столицу. В одном из писем Императору Александру I генерал-фельдмаршал сообщал:

«Генералу Винценгероде предписано от меня держаться самому на Клинской или Тверской дороге, имея между тем по Ярославской казачий полк для охранения жителей от набегов неприятельских партий».

Государь весьма серьезно опасался за судьбу собственной столицы, поскольку Главная русская действующая армия благодаря знаменитому кутузовскому фланговому марш-маневру оказалась южнее Москвы в Тарутинском лагере. Императора Александра I в немалой степени «беспокоил» своими донесениями в Санкт-Петербург генерал-лейтенант Фердинанд фон Винцингероде.

Император писал М.И. Голенищеву-Кутузову в Тарутино: «По рапортам же от генерала Винце [ге] рода вижу Я, что неприятельский десятитысячный корпус продвигается по Петербургской дороге. Другой в нескольких тысячах также подается к Дмитрову.

Третий продвинулся вперед по Владимирской дороге. Четвертый, довольно значительной, стоит между Рузою и Можайском. Наполеон же сам по 25-е число находился в Москве».

Однако император французов так и не надумал повернуть от Москвы на север, чтобы совершить поход на российскую столицу. Все последующие донесения командира армейского летучего отряда, надежно прикрывшего Тверскую дорогу, свидетельствовали только о том, что Великая армия Наполеона не намеревается наступать на Санкт-Петербург.

Узнав от пленных, что император Наполеон I приказал взорвать Кремль, генерал-лейтенант Ф. фон Винцингероде 10 октября отправился к французскому губернатору Москвы маршалу Э.А. Мортье в надежде уговорить его не выполнять наполеоновский приказ. Винцингероде сопровождали только адъютант ротмистр Нарышкин и казак с белым флагом на пике. Но на французских аванпостах под стенами Москвы русского генерала не пожелали принять за парламентера и взяли в плен вместе со спутниками.

Схваченного таким образом Винцингероде представили Наполеону Бонапарту. Тот, считая немецкого барона подданным Рейнского союза (объединения ряда германских государств под протекторатом императора французов), приказал повесить генерал-лейтенанта русской службы как изменника. Но потом Наполеон отменил смертную казнь и приказал отправить Фердинанда фон Винцингероде во Францию.

Русского генерала вместе с его адъютантом ротмистром Нарышкиным под конвоем отправили из Москвы в направлении Смоленска. Винцингероде выручили «свои» армейские партизаны. Французский отряд попал под удар «летучих» партизан флигель-адъютанта полковника А.И. Чернышева, и пленники были освобождены.

ОТ МОСКВЫ И ДО ПАРИЖА

Благородный поступок барона Фердинанда Федоровича Винцингероде, достойный русского патриота, получил широкую известность. Император Александр I наградил своего генерал-адъютанта «за претерпенные страдания в плену» высоким орденом Святого Александра Невского. Имя Винцингероде стало популярно в русской армии.

На заключительном этапе Отечественной войны 1812 года и в Заграничных походах русской армии в последующие два года генерал-лейтенант Фердинанд Федорович фон Винцингероде командовал корпусом. При преследовании остатков Великой армии, отступавших через герцогство Варшавское, полки прославленного партизана шли вперед на запад вместе с корпусом генерала М.А. Милорадовича. Они составляли авангард Главной русской армии.

1 февраля 1813 года войска Винцингероде разбили у города Калиша остатки отступавшего саксонского корпуса генерала Ж.Л Ренье. Разгром неприятеля оказался полным: в плен попали саксонский генерал Ностиц, 39 офицеров и 1500 нижних чинов. Русскими боевыми трофеями стали два знамени и семь орудий.

За это победное дело генерал-лейтенант барон Ф.Ф. Винцингероде был удостоен ордена Святого великомученика и Победоносца Георгия 2-й степени. Это была орденская награда полководческого ранга.

Корпус новоиспеченного георгиевского кавалера быстрым маршем вступает на землю Саксонии и дальше действует во взаимодействии с союзной армией под командованием полководца прусского короля Блюхера. 16 марта русский корпус занимает саксонскую столицу город Дрезден, а 22 марта — город Лейпциг.

Корпусу генерал-лейтенанта Винцингероде удалось отличиться в Лютценском сражении. В нем сошлись 100-тысячная армия Наполеона Бонапарта и 72-тысячная русско-прусская под командованием князя Витгенштейна и генерала Блюхера. На поле битвы присутствовали Император России и король Пруссии.

Французы удерживали пять деревень вблизи Лютцена, вокруг которых и развернулись ожесточенные схватки. В течение дня эти немецкие деревни несколько раз переходили из рук в руки. Наполеон, в отличие от союзников, не мог вести атакующие действия, не располагая кавалерией (она почти вся погибла в России). Ночью, посовещавшись, союзные монархи приказали войскам отступить.

Барону Винцингероде довелось отличиться в сражении при Денневице 25 августа и в лейпцигской Битве народов. После этого его корпус получает задачу очистить от французских войск несколько мелких германских государств. Во второй половине ноября — декабре 1813 года корпусные силы овладевают герцогствами Берг и Ольденбург и Фрисландией, частью голландской территории.

Затем русский корпус в составе Силезской армии генерал-фельдмаршала Гебгарда Альбрехта фон Блюхера вступает на территорию самой Франции. К тому времени Фердинанд Федорович Винцингероде уже получил очередное воинское звание — генерала от кавалерии. Он успешно действует при штурме города Суассона, в сражениях при Лаоне (Лане) и Сен-Дизье. Ему довелось участвовать в преследовании неприятельских войск под личным командованием императора Наполеона, отступавшего в направлении на Жуанвиль и Бар-де-Дюк.

Последним боевым делом русского военачальника стало участие во взятии французской столицы Парижа 18 марта 1814 года. Недалеко от него генерал от кавалерии во главе отряда легкой конницы численностью до семи тысяч всадников внезапно напал в лесу на часть неприятельских войск, прикрывавших город, и «отнял половину конной батареи».

Французам, понесшим в том бою немалые потери в людях, все же удалось пробиться к крепости Витри и затвориться в ней. Но на помощь парижскому гарнизону, так нуждавшемуся в подкреплениях, прийти они так и не смогли. Поэтому имя Винцингероде оказалось среди тех союзных военачальников, которые были прямо причастны к падению Парижа.

ПОСЛЕДНИЕ ШТРИХИ К БИОГРАФИИ

После военного поражения Франции и отречения Наполеона Бонапарта от императорской короны для генерала от кавалерии барона Фердинанда Федоровича Винцингероде начинается мирная служба в рядах русской армии. Он назначается командиром 2-го кавалерийского резервного корпуса, входившего в состав 1-й полевой армии. Однако долгой мирной жизни у известного своими партизанскими делами (и не только ими) военачальника не получилось.

В 1815 году барону Винцингероде довелось принять участие в новом Заграничном походе русской армии. Но принять участие в битве при Ватерлоо и других сражениях последней антинаполеоновской кампании она просто не успела. Поэтому российскому генералитету отличиться на сей раз не пришлось. В том же году войска возвратились в Отечество, пройдя пол-Европы туда и обратно.

Вновь началась военная служба мирного времени. Следует новое назначение, и с 1817 года генерал от кавалерии Ф.Ф. фон Винцингероде становится командиром Отдельного Литовского корпуса на западной государственной границе.

В следующем, 1818 году барон Фердинанд Винцингероде, испросив разрешение у высокого начальства, выехал в Баварию на свидание с родственниками. 5 июля того же года он неожиданно скончался в баварском курортном городе Висбаден.

Для российской военной истории георгиевский кавалер генерал от кавалерии Фердинанд Федорович Винцингероде памятен прежде всего как славный делами командир первого армейского летучего (партизанского) отряда. Именно он стоял у истоков широкого партизанского движения, истощившего силы Великой армии Наполеона Бонапарта и приведшего со своей стороны к ее почти полному уничтожению в российских пределах, к победному завершению Отечественной войны 1812 года.

Немецкий барон так и не стал верноподданным Российской империи, хотя ее Государь и одарил его немалыми воинскими почестями. Фон Винцингероде трижды служил в австрийской армии, дважды в гессенской и русской армиях. Их он менял семь раз за двадцать восемь лет своей военной карьеры вместе с монархами, столицами и знаменами, то есть был обыкновенным европейским наемным ландскнехтом сперва в офицерских, а затем и в генеральских званиях.

В военных деяниях им больше всего двигало чувство ненависти к императору французов Наполеону Бонапарту, против которого он готов был сражаться где угодно и под любыми монархическими знаменами.

РОДНОЙ БРАТ ИМПЕРАТРИЦЫ РОССИИ

Генерал от кавалерии герцог Александр Фридрих Вюртембергский

НАЧАЛО ВОЕННОЙ БИОГРАФИИ НАСЛЕДНИКА ГЕРЦОГСКОЙ КОРОНЫ

Сын владетельного герцога Вюртембергского Фридриха-Евгения родился 24 апреля 1771 года. Домашнее образование получил достойное принца, тем более что герцогство Вюртемберг относилось к числу самых крупных государств на немецкой земле. Отец стремился дать наследнику хорошее и всестороннее воспитание и потому не стал его традиционно отдавать «в офицеры» в мальчишеском возрасте.

Но когда Александр Фридрих подошел к своему двадцатилетию, герцог Фридрих-Евгений записал сына в ряды собственной вюртембергской армии сразу полковником. С этой должности и началась 9 апреля 1791 года военная биография наследника герцогской короны.

Блестящая военная карьера была ему обеспечена еще и по другой причине — он был родным братом супруги российского Императора Павла I Петровича Императрицы Марии Федоровны и, следовательно, родным дядей следующего самодержца Александра I. Так что след герцога Александра Фридриха Вюртембергского в истории Российского государства никак не мог затеряться.

Однако простора в отцовской армии принцу в звании полковника оказалось мало. Да и к тому же герцогство Вюртемберг воевало мало, больше стремясь к мирной, благопристойной жизни. Герцог Фридрих-Евгений не стал удерживать в рядах своих войск образованного полковника Александра Фридриха Вюртембергско-

го и со всей благожелательностью отпустил его в Вену. Это была столица империи — Австрийской, обладавшей огромной армией и все время с кем-то воевавшей.

На австрийскую военную службу принц Вюртембергский поступил в 1796 году генерал-майором. Родной брат российской Императрицы по служебной лестнице поднимался хорошо — через два года, в 1798-м, он уже генерал-лейтенант. В Австрийской империи того времени этот чин назывался фельдмаршал-лейтенант.

Помогала продвигаться вверх в званиях не только блестящая герцогская родословная. Александр Фридрих оказался умелым военачальником среди австрийского генералитета, боровшегося изо всех сил на земле Северной Италии с французскими революционными войсками. Париж пока еще только прицеливался к Вене.

С 1796-го по 1799 год герцог Вюртембергский действовал против французов у Оффенбаха и под Раштадтом. В последнем случае ему довелось сразиться под знаменами эрцгерцога Карла с прославленным полководцем республиканской Франции генералом Моро. Тогда австрийцам пришлось оставить укрепленные высоты и отступить к берегам Дуная.

Особенно много фельдмаршалу-лейтенанту А.Ф. Вюртембергскому пришлось воевать против французских войск в Швейцарии. В том числе — против корпусного командира Сульта, одного из лучших полководцев Наполеона Бонапарта. Была у герцога и своя победа, которая принесла ему известность: при Штаках он разбил генерала Вандама.

В Швейцарии австрийский военачальник близко познакомился с прославленным и непобедимым русским полководцем Александром Васильевичем Суворовым-Рымникским. Александр Вюртембергский был в восторге от военного таланта командующего союзными русско-австрийскими войсками. Более того, германский принц увлекся личностью и подвигами Суворова и до конца жизни оставался его горячим почитателем.

Знакомство принца с военным гением России во многом предопределило дальнейшую судьбу наследника герцогской короны Вюртемберга. После заключения мира между Веной и Парижем австрийский фельдмаршал-лейтенант, с личного благословения генералиссимуса А.В. Суворова, в 1800 году перешел на русскую службу в чине генерал-лейтенанта, то есть без понижения в воинском звании.

В РЯДАХ РУССКОГО ГЕНЕРАЛИТЕТА

С первых дней своего пребывания в Санкт-Петербурге герцог оказался в благосклонном окружении Романовых. Особенно пеклась о нем родная сестра Императрица Мария Федоровна. В том же 1800 году Александр Фридрих Вюртембергский, шеф Рижского драгунского полка, получает чин генерала от кавалерии. Полным генералом русской армии он стал в двадцать девять лет, не имея перед ней и перед Россией еще никаких заслуг. Самые родовитые аристократы Российской империи, в том числе и молодые великие князья, о таком чинопроизводстве могли разве только мечтать.

Жизнь новоиспеченного генерала от кавалерии, как близкого родственника правящей четы Романовых, протекала в основном в столице, при дворе. Не обремененный ни государственной, ни армейской службой, принц вел светский образ жизни, блистая своим титулом в Императорской свите.

Однако пришло время, когда Император Александр I решил пристроить родного дядю к делу, благо тот стал слегка разговаривать на русском языке. 3 апреля 1811 года кавалерийский генерал неожиданно для многих Высочайшим указом назначается белорусским военным губернатором. Каких-либо преобразований в Белоруссии Александр Вюртембергский, как человек образованный, провести не успел, поскольку началась Отечественная война 1812 года.

Герцог с первых дней войны оказался в рядах русской действующей армии, вернее, при ее Главном штабе, поскольку никакими дивизиями и корпусами он не командовал. Вся его деятельность сводилась к выполнению «ответственных» поручений, поскольку командующий 1-й Западной армией российский военный министр генерал от инфантерии М.Б. Барклай де Толли находился в немалом затруднении в общении с родным дядей Государя. Особенно когда приходилось решать, какое боевое самостоятельное дело можно было поручить «знатному иностранцу».

Все же генерал от кавалерии Александр Фридрих Вюртембергский мог с полным основанием занести в свой личный послужной список участие в делах против наполеоновских войск при Витебске, Смоленске и Усвяте. Вместе с отступающей русской армией он проделал весь путь от западной государственной границы до безвестной деревушки Бородина, стоявшей посреди об-

ширного поля, пригодного для генеральной баталии между двумя огромными армиями.

К тому времени белорусский военный губернатор состоял при Главной квартире нового главнокомандующего генерала от инфантерии Михаила Илларионовича Голенищева-Кутузова. Лукавый полководец знал истинную цену бывшему фельдмаршалу-лейтенанту австрийской армии и поэтому старался удерживать его при себе, чтобы тот, не дай бог, не натворил «оплошностей», получив командование над русскими войсками.

Показательно в этом отношении письмо М.И. Голенищева-Кутузова командиру пехотного корпуса Дмитрию Сергеевичу Дохтурову, который в начале Бородинского сражения командовал центром русской позиции. Главнокомандующий писал ему, получив известие о тяжелом ранении генерала от инфантерии П.И. Багратиона, командующего 2-й Западной армией:

«Хотя и поехал принц Виртембергский на левый фланг, несмотря на то имеете Вы командовать всем левым крылом нашей армии и принц Виртембергский подчинен Вам. Рекомендую Вам держаться до тех пор, пока от меня не воспоследует повеление к отступлению».

Официальный историк Отечественной войны 1812 года генерал-лейтенант А.И. Михайловский-Данилевский в своих трудах, посвященных дню Бородина, так описывает тот случай:

«Когда князь Кутузов узнал о ране князя Багратиона, то он послал на левое крыло армии герцога Вюртембергского, чтобы он осмотрел, что там происходило, и донес бы ему об оном. Герцог по прибытии своем туда приказал войскам отступить, но едва фельдмаршал сие заметил, как пришел в ярость и, послав за ним несколько адъютантов, начал громко и при всех поносить его самыми бранными словами. Это продолжалось до тех пор, пока он увидел возвращающегося к нему герцога, и тогда, вдруг, переменя и голос и вид, он начал в самых учтивых выражениях просить его, чтобы он от него во время сражения не отъезжал, потому что советы его высочества были для него необходимы».

Тот случай стал известен русской армии. Поэтому положение при ней генерала от кавалерии герцога Александра Вюртембергского стало двусмысленным. Своим приказом об отступлении войск сраженного полководца Багратиона он растерял и без того свой небольшой авторитет среди генералитета и офицеров кутузовской армии.

Главнокомандующему же приходилось просто терпеть присутствие при своей особе царского родственника «из немцев». Думается, что и сам принц понимал свое действительное положение в русской армии, ряды которой он не собирался покидать.

Герцог остался при главнокомандующем и тогда, когда русская армия, совершив фланговый марш-маневр, расположилась в Тарутинском лагере. Иноземец вновь продолжал оставаться без определенной должности, выполняя только отдельные поручения М.И. Голенищева-Кутузова, который за Бородинское сражение получил чин генерал-фельдмаршала.

Все же командную должность в той большой войне генерал от кавалерии с титулом герцога получил. Ему одно время доверили начальствовать над Санкт-Петербургским ополчением. Но все прекрасно знали, что губернское ополчение частью регулярной полевой армии не являлось, а служило только для пополнения полков и ведения тыловых и осадных работ.

За всю Отечественную войну 1812 года принц Вюртембергский мог действительно гордиться участием в сражении при Тарутине 6 октября. Императорским указом от 20-го числа того же месяца племянник наградил родного дядю Военным орденом Святого Георгия 3-й степени. Давать на первый раз генералу от кавалерии Георгия начальной степени — 4-й — выглядело бы несолидно. Так в русской действующей армии появился еще один георгиевский кавалер из числа «знатных иностранцев».

В ходе контрнаступления русской армии и изгнания остатков наполеоновской армии из российских пределов генерал-фельдмаршал князь М.И. Голенищев-Кутузов-Смоленский так и не доверил герцогу никакого самостоятельного командования. Поле деятельности для последнего открылось только тогда, когда Император Александр I вновь прибыл в действующую армию. Начинались Заграничные походы 1813-го и 1814 годов.

ОСАДА КРЕПОСТИ ДАНЦИГ

При отступлении из России наполеоновский генерал Рапп во главе 30 тысяч французов, в основном ветеранов Московского похода, оказался осажденным русско-прусскими войсками в сильной крепости Данциг (ныне город Гданьск в Польше). Крепость имела многочисленную артиллерию и достаточное для длительной

осады количество боеприпасов, но совсем мало провианта. Однако Рапп и подчиненные ему генералы вознамерились обороняться стойко в ожидании помощи от Наполеона.

Осада началась в январе 1813 года. В апреле командование осадным корпусом вверяется генералу от кавалерии Александру Вюртембергскому. Он сразу становится начальником 30 тысяч русских и прусских войск. По численности это был немалый армейский корпус.

Данцигский гарнизон упорно защищался, не помышляя о капитуляции перед противником. Французы совершали вылазки, вели артиллерийские дуэли с батареями союзников. Но надежд на помощь им со стороны главных сил наполеоновской армии становилось все меньше — боевые действия велись далеко, уже в центральной части германских земель.

17 августа 1813 года генерал Рапп вышел из Данцигской крепости с отрядом в 15 тысяч человек, чтобы в поле сразиться с осаждающими. Французы наносили удар по русским и пруссакам со стороны Цицкендорфа. Произошло небольшое, но ожесточенное сражение, которое закончилось поражением гарнизона Данцига, которому пришлось отступить за линию крепостных укреплений.

Высокая награда за победное дело не заставила себя ждать. Уже 19 августа герцог Александр Фридрих Вюртембергский удостаивается Военного ордена Святого Георгия 2-й степени «...за отражение вылазки неприятеля из крепости Данциг 17 августа 1813 года». Пожалованный орден был полководческого уровня.

После нанесения поражения французскому гарнизону в поле союзники с боем захватили ряд передовых укреплений Данцига. Наполеоновцам пришлось отойти в саму крепость. Началась ее «правильная» осада. Генерал Рапп продолжал упорствовать, не желая капитулировать даже на почетных условиях. Запасы провианта, и без того скудные, стали подходить к концу. В осажденном Данциге начался голод, который вместе с наступившими ранними холодами стал заметно сокращать число защитников крепостного города на Балтийском побережье.

20 ноября 1813 года генерал Рапп капитулировал перед союзными войсками. Из 30-тысячного гарнизона в строю оставалось еще 18 тысяч французских солдат и офицеров, изголодавшихся людей, которые уже не могли больше сражаться.

За успешное завершение осады сильной вражеской крепости генерал от кавалерии принц Александр Фридрих Вюртембергский

от имени Императора Александра I удостаивается почетного оружия. Им стала золотая шпага, украшенная алмазами и лавровыми ветвями с надписью «За покорение Данцига».

Это была вторая по счету золотая шпага герцога, полученная им в России. Первую с надписью «За храбрость» он получил от родного племянника тоже за участие в войне против наполеоновской Франции, но на российской земле.

В длительной осаде города-крепости Данциг участвовало и Санкт-Петербургское губернское ополчение. Оно от собственного имени преподнесло генералу от кавалерии герцогу А.Ф. Вюртембергскому, как своему начальнику в Отечественной войне 1812 года, памятную золотую медаль. Надпись на ней гласила: «Его королевскому высочеству герцогу Александру Вюртембергскому, благодетельному своему начальнику, признательное Санкт-Петербургское ополчение».

Все последующее время генерал от кавалерии, по всей видимости вполне удовлетворясь воинской славой за взятие крепостного Данцига, находился в Императорской свите. Вернее, в свите европейских монархов, которые объединились в мощную коалицию против наполеоновской Франции. Герцог Вюртембергский стал непременным участником всех форумов и торжеств по случаю победы над отрекшимся от престола императором французов.

ГЛАВНОУПРАВЛЯЮЩИЙ ПУТЯМИ СООБЩЕНИЙ

После заключения мира Европы с побежденной Францией генерал от кавалерии принц Александр Фридрих Вюртембергский вернулся к исполнению обязанностей белорусского военного губернатора. В этой должности он оставался до 1822 года, немало потрудившись для восстановления нормальной жизни на территории, которая сильно пострадала от наполеоновского нашествия. Надо отметить, что родной дядя российского Императора оказался хорошим администратором, заботившимся о выполнении собственных решений, равно как и указов из столицы.

С 1822 года герцог Александр Вюртембергский — главноуправляющий путями сообщений в огромной стране. Этим большим государственным ведомством он успешно управлял долго, целых десять лет. Теперь всю свою энергию кавалерийский генерал тратил на строительство новых путей сообщений.

Особое пристрастие у него проявилось к судоходным каналам. Старые исправлялись, проводились широкие гидрографические изыскания, после которых шло строительство новых каналов, предназначенных для торгового судоходства.

Каналостроительные работы в Российском государстве в конце правления Александра I и начале — Императора Николая I велись с европейским размахом. Так, как в свое время начинал Петр Великий, первым начавший «исправлять» в своем царстве внутренние речные пути, пытаясь соединить их в единую водную транспортную систему.

Особое внимание новый главноуправляющий ведомства путей сообщений обратил на такие внутренние водные системы, как Вышневолоцкую, Тихвинскую, Мариинскую, Огинскую и Березинскую. Для России, еще не знавшей железнодорожных магистралей, торговые пути по рекам и озерам являлись основными, перспективными, с огромным грузооборотом. Поэтому государство было крайне заинтересовано в успешной эксплуатации внутренних речных систем.

Из числа намеченных герцогом Александром Фридрихом Вюртембергским новых судоходных каналов в его правление ведомством путей сообщений было окончено только два. Один получил название Августовского. Второй стал носить его имя: он соединил реку Сухону, приток Северной Двины, с рекой Шексной, входящей в состав Мариинской водной системы. Эти каналы существуют и в наши дни, потеряв прежнее значение и отживая свой «судоходный век».

Однако ведомство путей сообщений Российской империи в первой половине XIX столетия занималось не только эксплуатацией водных путей — речных, озерных и прибрежных морских. Строились и улучшались сухопутные дороги, возводились новые мосты, вторую жизнь получали старые. То есть дел у ведомства на суше было не меньше, чем на воде.

Считается, что генералу от кавалерии и георгиевскому кавалеру герцогу Александру Фридриху Вюртембергскому на гражданском поприще повезло. Намного больше, чем на военном, в рядах русской армии в ходе Отечественной войны 1812 года.

Памятниками заботливости «знатного иноземца» с титулом герцога Вюртемберга о сухопутных сообщениях Российской империи являются шоссейная дорога из Санкт-Петербурга в Москву, из новой столицы государства в старую. Это была поистине

огромная стройка протяженностью в 690 верст. Его же заботами было построено шоссе от Санкт-Петербурга до Ковны (ныне литовский город Каунас на берегах реки Немана).

Труды герцога Александра Фридриха Вюртембергского на славу и пользу своему второму Отечеству не остались без высокой и должной оценки современников. С 1826 года генерал от кавалерии, герой взятия Данцигской крепости являлся членом Государственного совета России.

Скончался он 4 июля 1833 года, будучи кавалером всех российских на то время орденских наград.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

Адмиралы Российского флота. Россия поднимает паруса. СПб., 1995.

Аммон Г.А. Морские памятные даты. М., 1987.

Андреевский И.О. О правах иностранцев в России. СПб., 1854.

Анисимов Е.В. Россия без Петра. 1725—1740. СПб., 1994.

Асланбегов А. Адмирал А.С. Грейг: Биографический очерк. СПб., 1873.

Байов А.К. Русская армия в царствование императрицы Анны Иоанновны. Война России с Турцией в 1736—1739 гг. Т. 1—2. СПб., 1906.

Бантыш-Каменский Д.Н. Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов. Ч. I—IV. СПб., 1840—1841.

Безвременье и временщики: Воспоминания об «Эпохе дворцовых переворотов» (1720—1760-е годы). Л., 1991.

Берх В.Н. Жизнеописание Витуса Беринга // Русский архив. 1893. № 6.

Бескровный Л.Г. Русское военное искусство XIX в. М., 1973.

Бильбасов В.А. История Екатерины II. СПб., 1890—1891.

Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказская война. М., 1994.

Бобровский П.О. История 13-го Лейб-гренадерского Эриванского его Величества полка. Т. I. СПб., 1892.

Бобровский П.О. К 200-летию учреждения регулярных войск в России. СПб., 1892.

Бобровский П.О. Переход России к регулярной армии. СПб., 1885.

Бобровский П.О. «Потешные» и начало Преображенского полка. СПБ., 1899.

Богданович М.И. Восточная война 1853—1856. В 4-х т. Т. I, II, III, IV. СПб., 1876.

Богданович М.И. История Отечественной войны 1812 г. по достоверным источникам. Т. I—III. СПб., 1859—1860.

Богоявленский С.К. Московская немецкая слобода. — Известия АН СССР. Серия истории и философии. 1947. Т. 4. № 3.

Боевая летопись русского флота. М., 1948.

Брикнер А.Г. Гордон и его дневник. СПб., 1878.

Брикнер А.Г. Император Иоанн Антонович и его родственники. М., 1875.

Брикнер А.Г. История Петра Великого. М., 1991.

Бутурлин Д.П. Военная история походов россиян в XVIII столетии. В 4 ч. СПб., 1819—1823.

Бутурлин Д.П. История нашествия императора Наполеона на Россию в 1812 г. Ч. I, II. СПб., 1823—1824.

Валишевский К. Вокруг трона. М., 1989.

Валишевский К. Преемники Петра. М., 1990.

Валишевский К. Сын Екатерины Великой. Император Павел I. М., 1990.

Валишевский К. Царство женщин. М., 1989.

Вахтин. Первые труженики моря. СПб., 1890.

Веселаго Ф.Ф. Краткая история русского флота. 2-е изд. Л., 1939.

Военная история Отечества с древних времен до наших дней. Т. I. М., 1995.

Волков С.В. Русский офицерский корпус. М., 1993.

Всеподданнейшие донесения гр. Миниха. Ч. 1—3. СПб., 1897—1903.

Гамель И. Англичане в России в XVI и XVII столетиях. Т. 1—2. СПб., 1865—1869.

Гейрот. Описание Восточной войны 1853—1856 гг. СПб., 1872.

Гельбиг. Русские избранники и случайные люди // Русская старина. 1886. № 4.

Георгиевские кавалеры. Т. I. М., 1993.

Глинка В.М. Пушкин и Военная галерея Зимнего дворца. Л., 1988.

Голиков И.И. Историческое изображение всех дел славного женевца Франца Яковлевича Гордона и сослужебника его Патрика Гордона. М., 1800.

Головачев В.Ф. Действия русского флота в войне с Швецией в 1788—1790 годах. СПб., 1869.

Грейг С.К. Журнал о подвигах русского флота против шведов, 1788 // Северный архив. 1823. Т. 8. № 23, 24.

Давыдов Д.В. Военные записки. М., 1982.

Дневник А.С. Пушкина. 1833—1835. М., 1997.

Дневник генерала Патрика Гордона. М., 1892.

Достопамятные черты из жизни генерал-фельдмаршала, князя Варшавского, графа Ивана Федоровича Паскевича-Эриванского, и храбрых его сподвижников, заключающие в себе все военные события трех достопамятных кампаний: Персидской, Турецкой и Польской, прославивших русское оружие. С присовокуплением исторического обозрения польской революции, разных высочайших рескриптов, приказов фельдмаршала. Ч. I—VI. М., 1833.

Дубровин Н.Ф. История войн и владычества русских на Кавказе. Т. I—VI. СПб., 1888.

Дубровин Н.Ф. Отечественная война в письмах современников (1812—1845 гг.). СПб., 1882.

Дюпюи Р.-Э., Дюпюи Р. Всемирная история войн. Т. III. СПб. М., 1997—1998.

Екатерина II. Сочинения. М., 1990.

Екатерина II и Г.А. Потемкин. М., 1997.

Епанчин Н.А. Очерк похода 1829 г. в Европейской Турции. Ч. 1—3. СПб., 1905—1906.

Ермолов, Дибич и Паскевич на Кавказе в 1826—1827 гг. Донесения и письма // Русская старина. 1872. № 7, 9.

Ермолов А. Алексей Петрович Ермолов. 1777—1861: Биографический очерк. СПб., 1912.

Ермолов А.П. Записки. Ч. II. М., 1868.

Зайончковский А.М. Восточная война 1853—1856 гг. в связи с современной ей политической обстановкой. Т. I. СПб., 1908.

Записки графа А.Ф. Ланжерона // Русский архив. 1895; Русская старина. 1895, 1907, 1908, 1911; Русская мысль. 1896.

Заслуги Петра Великого по части распространения географических познаний // Записки Императорского Русского географического общества. Т. 3.

Звягинцев Е.А. Слободы иностранцев в Москве XVII в. // Исторический журнал. 1944. № 2—3.

Знаменитые россияне XVIII—XIX веков: Биографии и портреты. СПб., 1996.

Знаменитые черты из жизни и военные подвиги фельдмаршала графа Ивана Федоровича Паскевича-Эриванского и храбрых его сподвижников. Ч. I—III. М., 1831.

Золотарев В.А. От Карфагена до Карса: Очерки по истории военного искусства. М., 1993.

Иностранцы, служившие в русском флоте. СПб., 1863.

История государства Российского. Жизнеописания. XVIII век. М., 1996.

История лейб-гвардии Преображенского полка. СПб., 1900.

Каллаш В.В. Двенадцатый год в воспоминаниях и переписке современников. М., 1912.

Керсновский А.А. История русской армии. Т. II, III. М., 1993.

Ключевский В.О. Исторические портреты. М., 1991.

Ковалевский Н.Ф. История государства Российского. Жизнеописания знаменитых военных деятелей. XVIII — начало XX в. М., 1997.

Ковалевский П.И. Завоевание Кавказа Россией: Исторические очерки. СПб., 1911.

Корб И.Г. Дневник путешествия в Московию. 1698—1699. СПб., 1906.

Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. М., 1992.

Криницын Ф.С. Чесменская победа. М., 1962.

Леер Г.А. Обзор войн России от Петра Великого до наших дней. Ч. I, II. СПб., 1886.

Лукьянович. Описание Турецкой войны 1828 и 1829. В 3-х ч. СПб., 1844, 1844, 1847.

Ляхов В.А. Русская армия и флот в войне с Оттоманской Турцией в 1828—1829 годах. Ярославль, 1972.

Мавродин В. Петр Великий. Л., 1948.

Масловский Д.Ф. Ставучанский поход. Документы 1739 г. СПб., 1892.

Меньков П.К. Записки в 3-х т. Т. III. Очерки Польской кампании князя Варшавского, графа Паскевича-Эриванского. Б.м., б.г.

Милютин Д.А. Воспоминания. 1816—1843. М., 1997.

Мироненко С.В. Страницы тайной истории самодержавия: политическая история России первой половины XIX века. М., 1990.

Михайловский-Данилевский А.И. Отечественная война 1812 года. Ч. I—IV. СПб., 1843.

Морские сражения русского флота: Воспоминания, дневники, письма. М., 1994.

Мулюкин А.С. Приезд иностранцев в Московское государство XVI—XVII вв. СПб., 1909.

Мулюкин А.С. Очерки по истории юридического положения иностранных купцов в Московском государстве. Одесса, 1912.

Нечаев В.В. Москва в ее прошлом и настоящем. Т. 2. Ч. 2. М., 1910.

Обручев Н.Н. Обзор рукописных и печатных памятников, относящихся к истории военного искусства России по 1725 г. СПб., 1853.

Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. Материалы научных конференций. Бородино. 1988—2000.

Павленко Н.И. Екатерина Великая. М., 1999.

Павленко Н.И. Петр Первый. М., 1976.

Патрик Гордон. Дневник. 1635—1659. М., 2000.

Первая камчатская экспедиция // Отечественные записки. 1851. № 3.

Перцев В. Жизнеописание генерал-фельдмаршала князя Варшавского, графа Ивана Федоровича Паскевича-Эриванского. Варшава, 1870.

Песков А.М. Павел I. М., 1999.

Петров А.Н. Влияние турецких войн с половины прошлого столетия на развитие русского военного искусства. Т. I, II. СПб., 1893—1894.

Платонов С.Ф. Москва и Запад в XVI—XVII веках. Л., 1925.

Погодин М.Н. Алексей Петрович Ермолов. Материалы для его биографии. М., 1863.

Подгорная Н.И. Кавалеры императорского Военного ордена Святого Великомученика и Победоносца Георгия I и II степеней (1769—1916). Рига, 1993.

Под стягом России: сборник архивных документов. М., 1992.

Полевой Н.А. Русские полководцы, или Жизнь и подвиги российских полководцев от времен императора Петра Великого до царствования императора Николая I. СПб., 1845.

Полководцы, военачальники и военные деятели России в «Военной энциклопедии» Сытина. Т. 1—2. СПб., 1996.

Поссельт М.Ф. Генерал и адмирал Ф. Лефорт, его жизнь и его труды // Военный сборник. 1870. № 7—12; 1871. № 1—3.

Поссельт М.Ф. Адмирал русского флота Ф.Я. Лефорт и начало русского флота // Морской сборник. 1893. № 3.

Потто В.А. История 44-го драгунского Нижегородского полка. Т. I—X. СПб., 1892—1895.

Потто В.А. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. Т. I—IV. СПб., 1885.

Пресняков А.Е. Российские самодержцы. М., 1990.

Приказы графа Миниха за 1736—1739 гг. СПб., 1904.

Рихтер В.Г. Собрание трудов по русской военной медалистике и истории. Париж, 1972.

Российские государи. Их происхождение, интимная жизнь и политика. М., 1993.

Россия XVIII в. глазами иностранцев. Л., 1989.

Россия первой половины XIX в. глазами иностранцев. Л., 1991.

Самые знаменитые иностранцы в России. М., 2000.

Сапожников С.А. Шевченко, Бларамберги и Мавромихали. М., 1999.

Сахаров А.Н. Человек на троне. М., 1992.

Смирнова-Россет А.О. Дневник. Воспоминания. М., 1989.

Снегирев И.М. О начале и распространении лютеранских и реформаторских церквей в Москве. М., 1862.

Соколов. Беринг и Чириков // Северная пчела. 1849. № 98, 99.

Соловьев С.М. Император Александр I: Политики. Дипломатия. М., 1995.

Строев В.Н. Бироновщина и Кабинет министров: Очерки внутренней политики императрицы Анны. Ч. 1. М., 1909; Ч. 2. СПб., 1910.

Тарапыгин Ф.А. Известные русские военные деятели. Краткое их жизнеописание. СПб., 1911.

Тарле Е.В. Крымская война (1853—1856 гг.). Т. I. М.; Л., 1950.

Тарле Е.В. Избранные сочинения. Т. I. Нашествие Наполеона на Россию. М., 1994.

Тарле Е.В. Три экспедиции русского флота. М., 1956.

Татищев С.С. Военная политика Николая I. СПб., 1887.

Толстой А. Петр Первый. М., 1986.

Труайя А. Александр I, или Северный сфинкс. М., 1997.

Тургенев А.И. Хроника русского. Дневники. М.; Л., 1964.

1812 год в воспоминаниях современников. М., 1945.

Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого. Т. I. СПб., 1858.

Фадеев Р.А. Шестьдесят лет Кавказской войны. Тифлис, 1860.

Фельдмаршал Кутузов. Документы. Дневники. Воспоминания. М., 1995.

Хазин О.А. Трудный путь к Полтаве. М., 2001.

Харботл Т. Битвы мировой истории. М., 1993.

Черейский Л.А. Пушкин и его окружение. Л., 1989.

Шигин В.В. Чесма. М., 1992.

Шильдер Н.К. Император Александр I: Его жизнь и царствование. Т. I—IV. СПб., 1904—1905.

Шильдер Н.К. Император Николай Первый, его жизнь и царствование. В 2-х кн. М., 1996.

Шильдер Н.К. Император Павел Первый: Историко-библиографический очерк. М., 1996.

Шишов А.В. Век Екатерины. М., 1998.

Шишов А.В. Дибич-Забалканский. Паскевич-Эриванский. М., 2001.

Шишов А.В. Империя. М., 1998.
Шишов А.В. От царства к империи. М., 1998.
Шишов А.В. 100 великих военачальников. М., 2000.
Шубинский С.Н. Граф А.И. Остерман // Северное сияние. 1863. № 2.
Щербатов П.П. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. Его жизнь и деятельность. Т. I—VII. СПб., 1888—1904.
Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Биографии. М., 1993.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора ... 3

ШОТЛАНДСКИЙ НАСТАВНИК ПЕТРА ВЕЛИКОГО
Генерал Патрик Гордон

Ландскнехт-наемник из древнего рода горной Шотландии ... 8
На службе у Царя Алексея Михайловича ... 11
Защита Чигиринской крепости ... 15
Штурм турецкой армией Чигирина. Конец войны ... 23
Киевский комендант. В опале у правительницы Софьи ... 27
Первый Крымский поход. Командир Бутырского полка ... 30
Генерал Гордон «разрешает» династический спор в России ... 35
«Правая рука» юного царя московитов ... 36
Поездка на русский Север ... 42
Кожуховские маневры ... 44
Первый Азовский поход ... 47
Азовские штурмы. Отступление ... 53
Новый Азовский поход ... 60
Вторая осада турецкой крепости. Падение Азова ... 63
Восстановление крепости. Торжества в Москве ... 67
Стрелецкий бунт 1698 года ... 73
Последние дни жизни. Царские почести ... 80
«Дневник» Патрика Гордона ... 83

НА ОПАСНОЙ ВЫСОТЕ... СТОЯЛ НЕПОКОЛЕБИМО
Генерал и адмирал Франц Яковлевич Лефорт

Карьера ландскнехта — купеческого сына из Женевы ... 86
В Московии. Покровительство князей Голицыных ... 89
«Служилый иноземец» и Государь «всея Руси» ... 92
Дружба. Царские милости ... 95

Под Азовской крепостью. Год 1695-й 102
Первый адмирал государства Российского 105
Азовские торжества в первопрестольной Москве 111
Великое посольство в Европу 114
Рига. Курляндия. Бранденбург 120
Переговоры с Генеральными штатами 126
Жизнь первого посла в Голландии 130
Возвращение в Россию через Вену 133
Челобитная стрельца Василия Зорина 138
Подарок судьбы думного дьяка Украинцева и генералиссимуса Шеина 140
На вершине славы фаворита. Кончина 143
Историки России о Франце Лефорте 147

В ИСТОРИИ РОССИИ НЕВИДАННЫЙ ДОЛЖНИК
Генерал-фельдмаршал герцог Карл Евгений Кроа де Крои

Потомок венгерских королей 150
Полководец Священной Римской империи 152
Генерал-фельдмаршал Саксонии 154
Нарвский главнокомандующий русского Царя 156
Шпага, отданная королю Карлу XII 161
Ревельское заточение. Смерть великого должника 165

ПОТОМОК КОРОЛЕЙ ШОТЛАНДИИ
Генерал-фельдмаршал Яков Вилимович Брюс

Родословная клана Брюсов 169
«Потешный» королевской крови у юного Царя Петра 172
Азовские походы. Инженер и бомбардир Яков Брюс 174
В Голландии и Англии. Изучение чеканки монет 175
Начало Северной войны. На должности генерал-фельдцейхмейстера 178
Шлиссельбург. Ниеншанц. Нарва 181
Во главе артиллерии русской действующей армии 184
В сражении при деревне Лесной 188
«Бог войны» в Полтавской битве 191
Большой ученый Петровской эпохи 197
Прутский поход. Сражение 9 июня 1711 года 200
Война в Померании. Во главе Приказа артиллерии 203
Президент Берг-коллегии и Мануфактур-коллегии 206
Аландский мирный конгресс 208
Окончание Северной войны. Ништадтский мир 210
В управлении государством. Дело Шафирова 214
Царствование Екатерины I. Почетная отставка 218
Брюсы в истории России 221

ГЕРОЙ ПРЕДТЕЧИ ПОЛТАВСКОЙ БАТАЛИИ
Бригадир Алексей Степанович Келин

Зачем королю Карлу XII и гетману Мазепе нужна была Полтава 225
Комендант гарнизона Полтавской крепости 226
Осада и штурмы города-крепости 232
Царские «бомбические письма» 237
Генеральный штурм Полтавы 21-го и 22 июня 1709 года 241
Полтавская баталия. Конец осады 244
Посмертная слава Алексея Келина 245

НАЕМНЫЙ ФЕЛЬДМАРШАЛ
Генерал-фельдмаршал-лейтенант Георг Бенедикт Огильвий

«Рекордсмен»-наемник австрийской императорской армии 247
Выгоднейший контракт с Царем Петром I Алексеевичем 248
Будто бы во главе русской армии 250
Распри со светлейшим князем «Алексашкой» Меншиковым 253
Гродненский маневр и гродненское дело 258
Отставка барона Огильвия 260

ПОЛКОВОДЕЦ, НЕ ЗНАВШИЙ ПРИДВОРНЫХ ИНТРИГ
Генерал-фельдмаршал Петр Петрович Ласси

Ирландские корни ландскнехта Питера Лэси 262
Через горнило Северной войны 263
Командир морских десантных отрядов 267
Курляндия. Ласси против Морица Саксонского 269
Война со Станиславом Лещинским. Осада Данцига 271
Рейнский поход. Награда — чин генерал-фельдмаршала 276
Война с Турцией. Во главе Донской армии 277
Осада и взятие крепости Азов 280
«Наказание» Крымского ханства 283
Новое вторжение в Крым 287
Главнокомандующий в войне со Швецией 292
Падение крепости Гельсингфорс 297
Победное завершение войны 299
Управление Остезейским краем 302
Ласси-младший на службе венскому двору 304

ГЛАВА 1-Й И 2-Й КАМЧАТСКИХ ЭКСПЕДИЦИЙ
Капитан-командор Витус Беринг

Начало морской биографии датчанина 306
Офицер флота Петра Великого 307
Начало века великих географических открытий 310
Во главе 1-й Камчатской экспедиции 313
Плавание «Святого Гавриила» 317

Итоги 1-й Камчатской экспедиции ... 321
«Предложения» Витуса Беринга ... 324
Снаряжение 2-й Камчатской экспедиции ... 326
Охотск. Исследование Курил. Выход к берегам Японии ... 330
«Святой Петр» и «Святой Павел» ... 334
Поиск «земли де Гамы» ... 336
Возвращение на Камчатку ... 339
Смерть капитан-командора ... 342
Памяти Витуса Беринга ... 344

НЕСОСТОЯВШИЙСЯ СВАТ СВЕТЛЕЙШЕГО КНЯЗЯ
Генерал-фельдмаршал граф Ян Сапега

Ясновельможный гетман Литовский ... 346
Жених для княжны Марии ... 348
Фельдмаршальский жезл для польского вельможи ... 351
Расторжение брачного договора. Враги ... 353

КАНАЛОСТРОИТЕЛЬ, СТАВШИЙ ПОЛКОВОДЦЕМ
Генерал-фельдмаршал Бурхард Христофорович Миних

Петровская страсть к «канальному делу» ... 355
Минихи из графства Ольденбургского ... 357
Ландскнехт в ранге военного инженера ... 358
Устройство Ладожского канала ... 361
Во главе Военной коллегии. Миниховские реформы ... 364
Осада Данцига. Разгром французского десанта ... 370
Начало русско-турецкой войны 1735—1739 годов ... 372
Штурм Перекопа. Вторжение в Крым ... 376
Во главе Днепровской армии. Взятие Очаковской крепости ... 381
Поход на Хотинскую крепость ... 385
Сражение при Ставучанах ... 388
Победа в войне с Блистательной Портой ... 393
Цена миниховских преобразований ... 396
Свержение временщика Бирона ... 398
Воцарение Елизаветы Петровны. Ссылка в Пелым ... 402
При дворе Императрицы Екатерины Великой ... 404
Личность полководца Миниха ... 408

ПЕРВЕЙШИЙ ИЗ ЧУЖЕЗЕМНЫХ МОРЯКОВ
Адмирал Самуил Карлович Грейг

Лейтенант британского королевского флота ... 411
Екатерининский «призыв» для Российского флота ... 414
1-я Архипелагская экспедиция ... 417
Хиосское и Чесменское морские сражения ... 419
Война в водах архипелага. «Княжна Тараканова» ... 423

Главный командир Кронштадтского порта ... 426
Архитектор русского кораблестроения ... 427
Инженер-артиллерист и других дел мастер ... 430
«Вооруженный нейтралитет» России в судьбе Грейга ... 433
Почетный академик на службе флоту ... 436
Война со Швецией ... 438
Морское сражение у острова Гогланд ... 441
Светлая память о флотоводце ... 445
Грейг-младший. По стопам отца ... 449

УСТРОИТЕЛЬ ГОРОДА ОДЕССЫ
Адмирал Иосиф Михайлович Дерибас

Волонтер из Неаполитанского королевства ... 453
Начальник гребной Черноморской флотилии ... 455
Хаджибей — будущая Одесса ... 457
Измаильская звезда Дерибаса ... 460
Начало родословной славного города Одессы ... 465
Заселение «свободной» Одессы ... 468
Следственное дело испанского дворянина ... 470
Адмиральская служба в столице ... 472

ШПАГА, ОТДАННАЯ БАРКЛАЮ ДЕ ТОЛЛИ
Генерал-поручик принц Виктор Амадей Ангальт-Бернбург Шаумбургский

Чужеземный принц на службе России ... 475
Штурм Очаковской крепости ... 477
В окружении Императрицы Екатерины Великой ... 480
Шпага секунд-майору Барклаю де Толли ... 481

ГЕРОЙ И ЛЖЕГЕРОЙ РОЧЕНСАЛЬМА
Адмирал принц Карл Генрих Нассау-Зиген

Начало жизни принца крови ... 483
Гибралтар. Санкт-Петербург ... 485
Война в водах Днепровско-Бугского лимана ... 487
1-е Роченсальмское сражение ... 490
2-е Роченсальмское сражение ... 492
Прощание с чуждой ему Россией ... 494

МАРШАЛ ФРАНЦИИ, СТАВШИЙ ФЕЛЬДМАРШАЛОМ РОССИИ
Генерал-фельдмаршал герцог Виктор-Франциск де Бройль

Внук и сын маршалов Франции ... 496
Полководец короля Людовика XV ... 497
Падение и взлет по воле маркизы Помпадур ... 500
Смутное время Французской революции ... 502
Эмиграция. Герцог в России ... 503

ОСВОБОДИТЕЛЬ НЕАПОЛЯ
Контр-адмирал Григорий Григорьевич Белли

Из флота королевского на флот императорский 506
Командир фрегата «Счастливый» 507
Поход на Неаполь. Штурм города 509
Милосердие русских и месть кардинала Руффо 512
Продолжение службы в России 515
Вновь на войне с Францией 517

ПАРИЖАНИН, ШТУРМОВАВШИЙ РОДНОЙ ПАРИЖ
Генерал от инфантерии граф Александр Федорович Ланжерон

На службе в армиях французской и американской 519
В России. Войны со шведами и турками 521
Противник французского Отечества 523
На берегах Дуная. Силистрия и Рущук 525
Поход русской армии в Европу 528
Взятие родного Парижа 531
Одесский градоначальник. Генерал-губернаторство 533
Последняя война Ланжерона. Отставка 535

ДЕЛО ЕГО ЖИЗНИ — НАВАРИН
Адмирал Логин Петрович Гейден

Сторонник принцев Оранского дома 537
Под флагом адмирала Ушакова 539
На Балтике. Война со Швецией 541
Под Данцигом. Военный губернатор Свеаборга 544
«Греческий вопрос» 546
Средиземноморский поход 549
Наваринское морское сражение 553
Подвиг «Азова» 557
Наваринские почести 563
Война с Оттоманской Портой 566
Блокада Дарданелл 567
Служба в Средиземноморье и Ревеле 569
Имя на карте Мирового океана 571
Родословная династии Гейденов 572

КАНКРИНА «СЕРЕБРЯНАЯ» ДЕНЕЖНАЯ РЕФОРМА
Генерал от инфантерии граф Егор Францевич Канкрин

Родословная гессенских Канкринов 576
От начальника солеваров до генерал-интенданта 577
Претензии Пруссии. Противник крепостничества 580

Во главе Министерства финансов 582
Устройство денежной реформы 585
«Обзор примечательных действий...» 587

ПЕРВЫЙ ПАРТИЗАН ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
Генерал от кавалерии барон Фердинанд Федорович фон Винцингероде

Наемная шпага прусского барона 589
Из русской армии в третий раз в австрийскую 590
Возвращение на русскую службу. Партизан 592
От Москвы и до Парижа 594
Последние штрихи к биографии 596

РОДНОЙ БРАТ ИМПЕРАТРИЦЫ РОССИИ
Генерал от кавалерии герцог Александр Фридрих Вюртембергский

Начало военной биографии наследника герцогской короны 598
В рядах русского генералитета 600
Осада крепости Данциг 602
Главноуправляющий путями сообщений 604

Использованные источники 607